Архіепископъ Никаноръ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРЬЯЛЫ.

Томъ I.

Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста. — Правда противъ хулы. — Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ. — Апологія. Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій. — Отрывокъ изъ автобіографіи.—Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ.—Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго.—Кончина Преосвященнаго Евѳимія, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго. — Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Священника С. Петровскаго.

ОДЕССА

Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко. Рищельевская ул., собственный домъ № 47.

1900.

Архіепископъ Никаноръ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРЬЯЛЫ.

Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста. — Правда противъ хулы. — Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ. — Апологія. Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій. — Отрывокъ изъ автобіографіи.—Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ.—Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго.—Кончина Преосвященнаго Евфимія, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго. — Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ.

Томъ I.

ОДЕССА.
Типографія и Хромолитографія Е. И. Фесенко. Ришельевская ул., собственный домъ № 47.
1900.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печа
дозволяется. С.-Петербургъ, 10-го Августа 1899 года.
Старшій Цензоръ Архимандритъ *Влади*

465
37

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый нынѣ I томъ „Біографическихъ матерьяловъ", сохранившихся среди бумагъ покойнаго Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора, имѣетъ своей ближайшей цѣлью возстановить по первоисточникамъ учебное время, и первый служебный въ жизни почившаго Владыки періодъ, до назначенія его Ректоромъ Казанской Духовной Академіи.

Въ составъ тома входятъ девять статей: 1) Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста; 2) Правда противъ хулы; 3) Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ; 4) Апологія. Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій; 5) Отрывокъ изъ автобіографіи; 6) Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ; 7) Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго; 8) Кончина Преосвященнаго Евѳимія, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго и 9) Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ. Изъ этихъ девяти статей 1, 2, 3, 6, 8 и 9 разновременно были напечатаны въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, указанныхъ при каждой статьѣ особымъ примѣчаніемъ. Статьи 4, 5, и 7 печатаются въ первый разъ.

Въ основу расположенія „Біографическихъ матерьяловъ" положена издателемъ послѣдовательность событій въ жизни Высокопреосвященнаго Архіепископа Никанора.

Высокопреосвященный Никаноръ, въ мірѣ Александръ Ивановичъ Бровковичъ, былъ родомъ изъ Могилевской губерніи и родился 20 Ноября 1826 года. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ Могилевское духовное училище и здѣсь, а потомъ въ Могилевской духовной семинаріи, оставался, состоя въ то же время пѣвчимъ Могилевскаго архіерейскаго хора, семь лѣтъ, до 1842 года.—Памятникомъ этой домашней и школьной Могилевской жизни Александра И. Бровковича служатъ „Воспоминанія бывшаго альта-солиста", написанныя въ 1883 году.

Въ 1842 г., когда для Петербургской, такъ называемой, образцовой Семинаріи потребовались лучшіе воспитанники изъ провинціальныхъ семинарій, Александръ И. Бровковичъ переведенъ былъ изъ Могилевской духовной семинаріи въ Петербургскую, гдѣ и учился до 1847 г. Иллюстраціей

къ этому пятилѣтнему семинарскому курсу служитъ статья „Правда противъ хулы“ 1884 г.

Какъ лучшій воспитанникъ Петербургской семинаріи, Александръ Ивановичъ Бровковичъ поступилъ потомъ въ Петербургскую Духовную Академію (1847—1851 г.), гдѣ окончательно сложился его нравственный обликъ, вполнѣ созрѣла любовь къ научнымъ занятіямъ и приведено было въ исполненіе рѣшеніе принять монашество. — „Памятная записка“, имѣющая отношеніе къ академической студенческой жизни Высокопреосвященнаго Никанора, носитъ оригинальное названіе „Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ“ 1880 г. Поводомъ къ составленію ея послужила несчастная судьба инспектора Кіевской Духовной Академіи, іеромонаха Валеріана, личность котораго, однако, не составляетъ въ „запискѣ“ центральной фигуры, точнѣе — заслоняется другими историческими личностями изъ ученаго монашества 60-хъ годовъ. Автобіографическое значеніе „записки“ видно изъ того, что здѣсь сообщаются факты не только такіе, очевидцемъ которыхъ Высокопреосвященный Никаноръ былъ, но и факты, имѣвшіе мѣсто въ его личной жизни. Глубокій психологическій анализъ жизни ученаго монаха 60-хъ годовъ,—копія съ натуры, при чемъ авторъ не рѣдко имѣлъ въ виду самого себя. Какъ литературное произведеніе, эта „записка“ характеризуетъ условія жизни, идеалы, стремленія, положеніе въ обществѣ цѣлаго класса лицъ,—ученыхъ монаховъ 60-хъ годовъ. Прямымъ дополненіемъ къ „запискѣ“ можно считать „апологію“—„Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій“, написанную въ 1872 году, по поводу клеветы на покойныхъ Архіепископовъ въ статьѣ Р. С. (Ростиславова) „Петербургская Духовная Академія до графа Протасова“, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 годъ. „Апологія“ эта составлена на основаніи личнаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ среднихъ и высшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ 50—60 годахъ, съ личностями защищаемыми и съ личностями (Архіепископъ Донской Платонъ), прекрасно знавшими Архіепископовъ, которыхъ Р. С. оклеветалъ.

По окончаніи академическаго курса въ 1851 г., іеромонахъ Никаноръ въ качествѣ баккалавра былъ оставленъ при Академіи помощникомъ Ректора Академіи Преосвященнаго Макарія по каѳедрѣ основнаго богословія. Понявъ свои обязанности шире, чѣмъ обязанности ординарнаго помощника, онъ позволилъ себѣ говорить съ каѳедры нѣчто и отъ себя. Эти новшества были доведены въ извращенномъ видѣ до свѣденія Ректора; возникло подозрѣніе, что іеромонахъ Никаноръ неправославенъ, неправославно мыслитъ и въ результатѣ получился переводъ баккалавра при каѳедрѣ основнаго богословія на каѳедру богословія обличительнаго, въ составъ котораго съ 1854 года вошло и ученіе о русскомъ расколѣ. — Профессорская служба

описана Высокопреосвященнымъ Никаноромъ въ его „Отрывкѣ изъ автобіографіи“, представляющемъ въ оригиналѣ письмо (1888 г.) къ профессору Казанской Духовной Академіи Петру Васильевичу Знаменскому, автору „Исторіи Казанской Духовной Академіи“. Копія съ этого письма (недоконченнаго) своевременно была выслана издателемъ I-го тома „Біографическихъ матерьяловъ“ Высокопреосвященнаго Никанора уважаемому профессору и печатать его въ числѣ „Біографическихъ матерьяловъ“ издатель позволилъ себѣ, во 1-хъ, потому, что „Отрывокъ“ доселѣ оставался неизданнымъ, во 2-хъ потому, что онъ имѣетъ существенно важный въ біографіи Архіепископа Никанора интересъ.

Въ 1856 году іеромонахъ Никаноръ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и 25 Апрѣля того-же года переведенъ на постъ Ректора и профессора богословія въ Рижскую семинарію.—Нѣкоторыя данныя о служебной дѣятельности его въ Ригѣ встрѣчаемъ уже въ „Отрывкѣ изъ автобіографіи“. „Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ“ (1858 г.) освѣщаетъ ту же дѣятельность съ другой стороны: туть выступаютъ личныя отношенія архимандрита Никанора къ Архіепископу Рижскому Платону, къ представителямъ церковной администраціи въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Январѣ 1858 г. Ректоръ Рижской духовной семинаріи, архимандритъ Никаноръ, какъ „человѣкъ ученый, опытный и вполнѣ благонадежный“, получилъ назначеніе въ Саратовъ, Ректоромъ духовной семинаріи. Въ Саратовѣ онъ оставался по 1864 годъ, когда послѣдовалъ вызовъ его въ Петербургъ на, такъ называемую, чреду служенія. — Саратовскому періоду отвѣчаютъ три біографическія статьи: „Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго“ (1868 г.), представляющая конспективное изложеніе личныхъ воспоминаній о тревожныхъ, ужасныхъ 60-хъ годахъ,— pendant къ „Отрывку изъ автобіографіи“; „Кончина Преосвященнаго Евѳимія“ (1863 г.) — pendant къ первой половинѣ „Воспоминаній альта-солиста“ и статья „Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ“ (1879 г.), литературно связанная съ некрологомъ Преосвященнаго Евѳимія, въ цѣломъ-же представляющая рядъ небезъинтересныхъ воспоминаній о личныхъ странствованіяхъ „до пламенной Колхиды

отъ хладныхъ Финскихъ скалъ“.

Такимъ образомъ, издатель I-го тома „Біографическихъ матерьяловъ“ Высокопреосвященнаго Никанора считаетъ своимъ долгомъ предувѣдомить читателя, что, руководясь естественной послѣдовательностью событій въ жизни почившаго Архіепископа, онъ пожертвовалъ расположеніемъ „матерьяловъ“, сообразно со временемъ ихъ написанія и статьи по времени появленія позднѣйшія (1, 2, 3, 4, 5) поставилъ прежде тѣхъ, которыя написаны были въ 1858, 1863, 1868 и 1879 г.г.

Съ другой стороны, издатель позволяетъ себѣ надѣяться, что со временемъ напечатанъ будетъ и слѣдующій томъ „Біографическихъ матерьяловъ“ Высокопреосвященнаго Никанора, имѣющихъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что они относятся ко времени его ректорства въ Казанской Духовной Академіи и служенія Церкви Божіей на каѳедрахъ Епископа Аксайскаго — викарія Донскаго, Епископа Уфимскаго и Архіепископа Херсонскаго—Одесскаго.

Издатель **С. ПЕТРОВСКІЙ.**

Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ *).

Воспоминанія бывшаго альта-солиста.

Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня статья, означеннаго названія, помѣщенная въ „Русской Старинѣ“ — тяжелое особенно по совпаденію. Какъ разъ въ этотъ день, какъ я получилъ эту книжку „Старины“, осужденный въ ней о. протоіерей Страховъ подвергся старческой немочи, и я былъ у него, хлопоталъ о приглашеніи врача, о присмотрѣ надъ одинокимъ больнымъ старцемъ и проч. Возвращаюсь къ себѣ, подаютъ (благо, неразрѣзанную) книжку „Старины“ за августъ. Окидываю глазами оглавленіе. Ба! Старый знакомый, товарищъ по пѣвческой, по училищу, по академіи! Взрѣзываю статью «*О пѣвческой при архіепископѣ Смарагдѣ*». И, увы! Боже мой! Вѣдь этому старому товарищу теперь должно быть уже $56^1/_2$ лѣтъ. Конечно, уже и сѣдины въ бородѣ довольно. Однакоже бѣсъ толкаетъ его въ ребро подъ старость лѣтъ, искушая соблазномъ прославиться и авторствомъ, обогащеніемъ такого солиднаго историческаго сборника, какъ „Старина“, своими воспоминаніями, украшеніемъ ея историческихъ страницъ своимъ именемъ: авось либо попадемъ и въ исторію. А кажись бы, въ такія степенныя лѣта не-лишнее было бы почтительно отнестись къ 5-й заповѣди Закона Божія; не-лишнее было бы задаться вопросомъ: не живы ли лица, о которыхъ я хочу писать, которыхъ намѣренъ марать предъ цѣлымъ свѣтомъ, которыхъ предаю позору исторіи, нареканіямъ потомства; не-лишнее было бы задуматься надъ естественнымъ предположеніемъ, не возопіетъ ли въ сердцѣ своемъ обиженный мною старецъ-воспитатель къ Богу на страшномъ Судѣ,

*) Статья была печатана въ приложеніяхъ къ „Гражданину“ за 1884 г.; существовало незначительное количество и отдѣльныхъ оттисковъ. *Прим. изд.*

да и нынѣ, объ отмщеніи за хулу, за клевету; не-лишнее было бы соблюсти, по крайней мѣрѣ, простую осмотрительность: „а не потянутъ ли меня къ суду за диффамацію"? не-лишнее было бы прислушаться и къ голосу сердца, если бы въ немъ оказались благородство и жалость, —„а не убью-ли я старика"? Увы! Нѣтъ! Его превосходительству Д. Семеновичу З—чу авторской славы подъ старость захотѣлось въ добавокъ къ прочимъ, успѣшно достигнутымъ благамъ жизни. Позавидовалъ онъ славѣ автора „превосходныхъ Записокъ сельскаго священника", не вмѣнивъ себѣ въ безчестье напомнить собою одну изъ басенъ дѣдушки-Крылова, не скажу какую. Пусть самъ подумаетъ и догадается, принявъ въ соображеніе, что копія рѣдко когда превосходитъ оригиналъ, рѣдко даже равняется съ нимъ. И надуваясь оскорбительно для его лѣтъ, образованія и общественнаго ранга подражательностію, предъ лицомъ всей Россіи и потомства, онъ, самъ отецъ, въ примѣръ своимъ дѣтямъ, поднялъ руку на своего духовнаго отца-воспитателя. У меня первымъ движеніемъ сердца, какъ только пробѣжалъ я эти воспоминанія Д. З—ча, было: убьетъ, убьетъ старика. Вѣдь вотъ его превосходительство, очевидно, не прочиталъ многихъ статей объ архіепископѣ Смарагдѣ, помѣщенныхъ не такъ давно въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ", обнаружившись со стороны нѣкоторой узкости, что — значитъ — читаетъ не такъ-то много. А старецъ отецъ Страховъ, не смотря на свои 80 лѣтъ, читаетъ почти всю текущую литературу, которую мы получаемъ; читаетъ „Старину" отъ доски до доски, „Русскій Вѣстникъ", „Московскія Вѣдомости", „Гражданинъ", духовные журналы и пр. и пр. Эту послѣднюю книжку „Старины" я такъ и не пустилъ пока въ оборотъ, рѣшившись держать ее у себя на столѣ, пока не напишу того, что пишу въ оправданіе, въ облегченіе, въ утѣшеніе почтеннѣйшаго, богопреданнаго, благочестиваго старца протоіерея о. Никифора Страхова.

Это мотивъ, по которому я выступаю съ моимъ писаньемъ. Меня давно нудило сказать нѣсколько словъ о „Запискахъ сельскаго священника", о „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ", о „Бурсѣ" Помяловскаго и т. д. Другія занятія меня отвлекали, разныя соображенія отклоняли. Теперь толкаютъ меня впередъ эти воспоминанія.

„Превосходныя Записки сельскаго священника"! Не хочу назвать ихъ не превосходными, находя ихъ дѣйствительно замѣчательными именно съ той стороны, съ какой свѣтская литература мало обращаетъ на нихъ вниманія. Для свѣтской литературы онѣ превосходны тѣмъ, что пред-

ставляютъ широкій, крайне пестрый, намазанный небрежною кистью пасквиль на духовенство, по крайней мѣрѣ, начальственное, на архіереевъ и т. д. Съ этой же стороны съ величайшимъ сочувствіемъ свѣтская литература отнеслась къ пасквильнымъ писаніямъ и Добрынина и Беллюстина, Помяловскаго, Щапова и tutti quanti. Нѣтъ! Отчего бы ей не взглянуть на эти произведенія съ другой стороны,—на которую она мало обращаетъ вниманія,—на эту мощь мысли, мощь литературной живости и картинности, мощь правильнаго, яснаго, одушевленнаго и даже по мѣстамъ высокаго стиля, какую дало этимъ писателямъ презираемое и оплевываемое свѣтскими наше духовное образованіе. Выходитъ, что наше образованіе на все полезно: оно произвело не только Ѳеофановъ Прокоповичей, Платоновъ, Иннокентіевъ, Филаретовъ, Іоанновъ Смоленскихъ, Макаріевъ, не только Ломоносовыхъ и цѣлыя плеяды великихъ свѣтскихъ ученыхъ, медиковъ, профессоровъ университетовъ, лицеевъ, медицинской академіи; но оно же произвело видныхъ бытовыхъ реальныхъ каррикатуристовъ, каковы Добрынинъ, Беллюстинъ, Помяловскій съ послѣдователями, какъ оно же произвело и самыхъ видныхъ русскихъ отрицателей, каковы: Иринархъ Введенскій, Чернышевскій, Добролюбовъ и пр. Вѣдь, Добрынинъ писалъ свои воспоминанія, свои бытовыя картины еще въ прошломъ столѣтіи. Кого же мы съ нимъ сравнимъ изъ свѣтскихъ писателей прошлаго вѣка? Развѣ князя Щербатова, который никакъ не умѣлъ сладить съ русскою грамматикою? Болотовъ, какъ писатель, какъ бытовой лѣтописецъ, имѣетъ презамѣчательныя качества, но въ другомъ, чѣмъ Добрынинъ, родѣ,—мелкій, точный, скрупулезный. А у Добрынина сколько мѣткой наблюдательности и умѣнья немногими штрихами очертить, какъ живую, цѣлую историческую страницу, вродѣ пребыванія Екатерины II въ Могилевѣ! Сколько тонкаго и грубоватаго, веселаго и глубоко-грустнаго юмора! Сколько неуловимой, неподражаемой, безпримѣрной игры въ языкѣ! Сколько философскаго глубокомыслія! Сколько знанія классической литературы! Кто другой можетъ сравниться съ нимъ даже теперь, по нѣкоторымъ неподражаемымъ особенностямъ его стиля? Карамзинъ съ своею „Марьиной Рощей“, съ своими „Письмами Русскаго Путешественника“ предъ Добрынинымъ сантиментальное дитя. А вѣдь Добрынинъ и не нюхалъ никакого высшаго, особенно же свѣтскаго образованія. Всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ своего знанія, всѣмъ своимъ развитіемъ, всѣмъ мастерствомъ кисти онъ обязанъ единственно вліянію того архіерея, своего воспитателя и благодѣтеля, котораго предалъ

онъ историческому позору, т. е. хотѣлъ предать, какъ лакей, служившій барину и въ низшихъ, обыкновенно неназываемыхъ, отправленіяхъ. Хорошо было бы, еслибъ всѣ лакеи вздумали писать свои записки! Обогатилась бы русская литература жанровыми реальными картинами, хотя, кажется, и теперь она богата ими чуть ли не болѣе всякой другой. Жаль, да, конечно, пасквилянтъ прибиваетъ къ позорному столбу..... Но, во-первыхъ, себя самого, какъ и г. Добрынинъ прибилъ себя самого къ позорному столбу, какъ лакея съ лакейскими чувствами. Но какъ писатель, онъ мастеръ своего дѣла изъ первостатейныхъ. Такъ вотъ эта сторона, дѣйствительно, превосходна въ этихъ пасквильныхъ писаніяхъ нашей братьи,—литературная сторона—это мастерство пера. Это—обыкновенно пропускаемый мимо ушей свѣтскими писателями, но величайшій панегирикъ тому источнику, изъ котораго мы черпаемъ наше разнообразное и крѣпкое развитіе, которое на все идетъ, смотря по тому, куда направляется, на добро, какъ и на зло.

Но развѣ я не восхищаюсь самымъ содержаніемъ этихъ мастерскихъ пасквилей? Нѣтъ. Они лживы, они ложны. Какъ?! Факты вѣрны, но въ основной идеѣ эти изображенія лживы. Какъ бы мнѣ это объяснить, объяснить идею, нигдѣ пока, сколько мнѣ извѣстно, не высказанную въ литературѣ? Извините. Вотъ Христосъ Спаситель говоритъ о діаволѣ: «*онъ—ложь и отецъ лжи*». Апокалипсисъ называетъ его: «*клеветникъ нашея братіи*». Образныя представленія изображаютъ діавола такъ, что онъ ходитъ за каждымъ человѣкомъ и на хартіи пишетъ всѣ его дѣла, но только черныя его дѣла и только съ черной стороны,—на хартіи, которую предъявляетъ Ангелу-Хранителю каждаго изъ насъ, которую предъявитъ и на посмертномъ судѣ нашемъ защитникамъ-ангеламъ, предъявитъ и на послѣднемъ страшномъ Судѣ самому Богу-Судіи; тогда какъ ангелы-хранители наши дѣлаютъ обратное, пишутъ на хартіи и предъявляютъ на судѣ только добрыя наши дѣла и только доброе въ нашихъ худыхъ словахъ и дѣлахъ, желаніяхъ и чувствахъ, намѣреніяхъ и помыслахъ. Ложь-ли записываетъ за каждымъ изъ насъ діаволъ на своей хартіи? Нѣтъ, онъ пишетъ истинные факты, но записываетъ изъ дѣлъ и чувствъ человѣка единственно только худое, скрадывая и скрывая все хорошее. Да и записанное худое онъ проводитъ чрезъ свое мрачное сознаніе, освѣщая все своимъ мрачнымъ діавольскимъ свѣтомъ. Въ натурѣ человѣкъ всегда и во всемъ человѣкъ, не ангелъ совершенный, всегда смѣшеніе добра и зла, смѣшеніе духовныхъ совершенствъ и немощей. А у діавола чело-

вѣкъ выходитъ во всемъ ему подобенъ, выходитъ черенъ, какъ самъ діаволъ. Оттого въ представленіи діавола человѣкъ и является невѣрнымъ своей натурѣ отраженіемъ, въ несвойственномъ ему свѣтѣ, представляется гораздо хуже и мрачнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Оттого діаволъ и называется ложью, какъ и есть въ своей натурѣ ложь и лжецъ, и въ каждомъ свидѣтельствѣ своемъ о дѣлахъ человѣка клеветникъ и человѣкоубійца.

Думаю, что я теперь выразилъ мою основную мысль. Есть сознанія, чрезъ которыя, какъ чрезъ ангельское сознаніе, проходитъ только свѣтлое, милостивое и истинное; есть наоборотъ — другія сознанія, чрезъ которыя, какъ чрезъ діавольское сознаніе, проходитъ только мрачное и нечистое, ложное и человѣкоубійственное. До половины нынѣшняго столѣтія въ нашихъ русскихъ историческихъ воспоминаніяхъ господствовало первое направленіе, господствовало вездѣ—въ пѣсняхъ, легендахъ, сказаніяхъ, даже въ исторіи, во всемъ. На всемъ лежалъ мирный, благостный, христіанскій колоритъ всепрощенія. Иванъ Грозный—и тотъ является въ пѣсняхъ и легендахъ богатыремъ, которому русскій духъ прощаетъ его великія немощи за великіе подвиги, за русское удальство. О Петрѣ Великомъ и говорить нечего: до половины текущаго столѣтія онъ являлся во всѣхъ воспоминаніяхъ исполиномъ одного только добра; увы! съ шестидесятыхъ годовъ сталъ являться исполиномъ и зла, почти одного только зла. Старые наши лѣтописцы писали свои сказанія, какъ тотъ пушкинскій въ „Борисѣ Годуновѣ“ отецъ Пименъ, добрыя дѣла добромъ поминаючи, а за худыя дѣла Бога умоляючи,

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро;
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ“.

А теперь у насъ пишутся историческія воспоминанія, — прости, Господи,—вражду и ненависть вездѣ поселяючи, месть и проклятія на все и всѣхъ накликаючи. На хорошей ли мы дорогѣ? На роковой. Пока писали свои поэтическія вдохновенныя сказанія Геродоты и Ксенофонты,—народъ еще росъ и крѣпнулъ; а какъ заговорилъ Аристофанъ, осмѣивая все, не щадя и добродѣтели Сократа,—греки склонились къ политической смерти. Пока пѣлъ свои историческія пѣсни Титъ

Ливій,—Римъ забиралъ въ свои руки всю вселенную; а какъ сталъ чеканить свои прототипные пасквили Тацитъ,—увы! онъ чертилъ своимъ стилемъ Риму и себѣ смертный приговоръ.

У насъ на Руси? Кажется, именно въ 1859 году, однажды вхожу я въ семинаріи въ классъ словесности; преподаватель—отлично даровитый, самъ замѣчательный стилистъ. Даровитѣйшій изъ мальчиковъ-учениковъ сидитъ на наставнической каѳедрѣ и читаетъ вслухъ всѣхъ свое сочиненіе на тему: воспоминанія школьной жизни.. Слушаю: — „Отецъ говоритъ: —„Ну, Миша, пора тебѣ въ школу". Ѣдемъ. Дорогою беззаботно по дѣтски забавлялся. По прибытіи въ городъ Б., вижу, мой отецъ начинаетъ ежиться, чувствуя, что тутъ уже пахнетъ начальствомъ. Ведутъ меня, раба Божія, по начальству. Входимъ въ бурсу, сперва въ квартиру начальства. Прихожая грязная, вонючая. Конечно, съ доклада, отецъ, тревожно встрепывая свои длинныя косички, входитъ во святилище, сирѣчь—въ залу, а меня оставляетъ въ прихожей. Сижу, поглядываю. Вдругъ растворяется дверь изъ залы, а оттуда выглядываетъ пугающая фигура, кто-то такой немытый, нечесаный, грубое, угрюмое чудовище, ну, просто—медвѣдь-медвѣдемъ. Это и было само нàбольшее начальство—смотритель училища". Мальчикъ хотѣлъ продолжать. Но я, зажавъ себѣ уши обѣими руками, бѣгу къ двери, и, удаляясь изъ класса, говорю на бѣгу: „Боже мой! Мальчикъ, дитя, публично въ классѣ, о воспитателѣ, о смотрителѣ!.... Вѣдь онъ же живъ еще.. . Боже мой! Гдѣ же у насъ пятая заповѣдь!.." Оторопѣлый, но не сробѣвшій, наставникъ бѣжитъ за мною и кидаетъ за мною сконфуженно, однако же настойчиво, характерную фразу: „теперь полезно выворачивать всю эту грязь". — Такъ, да. Мы ее и разворачиваемъ, эту грязь, съ конца пятидесятыхъ годовъ и поднесь. Святитель Филаретъ сказалъ: „Нечистоты существуютъ, но выносить ихъ и выставлять напоказъ было бы дѣломъ извращеннаго вкуса". Но нашему вкусу нравится и видъ и вонь нашей грязи, и мы ее продолжаемъ выворачивать очень бойко. Примѣры такъ блистательны и такъ заразительны; слава первыхъ работниковъ по этой части такъ завидна. Но отчего бы и не устрашиться подражателямъ, взирая на скончаніе жительства своихъ наставниковъ въ этомъ гибельномъ дѣлѣ? Вѣдь ангелъ-мститель явно опустилъ свой мечъ на головы Добролюбова, Чернышевскаго, Помяловскаго сгнившаго, Щапова погибшаго въ тундрахъ Сибири, Блг—го, разбитаго въ 25 лѣтъ параличемъ; Писарева, потонувшаго въ пучинѣ; профессора Д. Ѳ. Гусева, лишившагося съ

умомъ образа не только Божія, но и человѣческаго, и впавшаго въ жалкое и гнусное скотство, и другихъ

Сказано, что есть сознанія свѣтлыя, сознанія мрачныя.

Я старше Помяловскаго по воспитанію въ петербургской д. семинаріи тремя-четырьмя курсами. Боже мой! Какое прелестное зданіе— эта семинарія! Какіе были при насъ тогда почтенные, даровитые, высокодаровитые, трудолюбивые и вліятельные наставники, вродѣ *А. И. Мишина*, который не любилъ Помяловскаго, предчувствуя въ немъ зло, и котораго Помяловскій изображаетъ чуть ли не въ видѣ злодѣя, по меньшей мѣрѣ въ видѣ медвѣдя*). Въ самой бурсѣ Помяловскаго я не воспитывался. Но сверху изъ оконъ семинаріи и академіи чрезъ стѣны этой бурсы, въ ея окна, на ея дворъ глядѣлъ; какъ разъ мимо ея воротъ ходилъ цѣлыхъ 15 лѣтъ. Зналъ всѣхъ до одного ея воспитателей той эпохи, которую изобразилъ Помяловскій. Какой, наприм., почтеннѣйшій человѣкъ былъ извѣстный всему Петербургу *о. протоіерей Окуневъ*, ректоръ этого училища! Какой любезнѣйшій человѣкъ былъ его инспекторъ, *П. А. Евдокимовъ!* Учителями этой бурсы были наши сверстники по академіи. „Нѣцыи живы, нѣцыи же и почиша“, пользуясь привязанностью и уваженіемъ высокообразованнаго круга въ Петербургѣ. Гдѣ жъ, я спрашиваю, эти ужасныя чудища, которыхъ видѣло пьяное до чертиковъ воображеніе нравственно падшаго, физически заживо сгнившаго Помяловскаго? Ребяческія, грубоватыя дурачества онъ превратилъ въ гнусные пороки. Поразительная, правда, скудость содержанія дѣтей въ бурсѣ — дала ему поводъ изобразить какое-то скотское стойло. Помню въ санктъ-петербургской семинаріи тогда жалостное замѣчаніе въ высшей степени кроткаго и благовоспитаннаго сердцемъ профессора, П. И. Боголюбова, намъ, семинаристамъ: „Иду, дѣти изъ училища—идутъ въ лаврскую церковь говѣть; какая-то барыня смотритъ на нихъ съ пренебреженіемъ, и, слышу, говоритъ: „какія жалкія дѣти“. Да, пожалѣть ихъ стоило, но никакъ не слѣдовало одному изъ этихъ же дѣтей, Помяловскому, плюнуть въ нихъ, плюнуть въ свою собственную колыбель, имъ же самимъ загрязненную. Строгость тогдашней дисциплины, при недостаткѣ дисциплинарнаго надзора, онъ превратилъ въ чудовищное сцѣпленіе злодѣйствъ чистыхъ

*) Статью Д. И. Ростиславова (Вѣстникъ Европы, 1883 г., іюль, августъ, сентябрь): „Петербургская д. академія при графѣ Протасовѣ 1836 — 1855 г.“ прочиталъ я уже послѣ написанія этой моей записки. А. И. Мишинъ и у Ростиславова изображается замѣчательнымъ профессоромъ.

изверговъ-истязателей. А какъ разъ къ описываемой имъ порѣ относился случай: одинъ изъ моихъ товарищей, петербуржецъ родомъ и изъ первыхъ магистровъ академіи, чтобы удержаться въ Петербургѣ, по окончаніи академическаго курса, принялъ мѣсто учителя въ бурсѣ Помяловскаго. Здравствуетъ до сихъ поръ,—препочтеннѣйшій нынѣ протоіерей. Въ ту же пору онъ разсказывалъ: „Вообрази, братецъ, въ классѣ сидитъ 80 мальчугашекъ. Нужно втолковать имъ греческую (не помню—греческую, не помню—латинскую) мудрость. Я: „вы, да вы". О лозѣ ни помину. И что жъ ты думаешь, братецъ? Два—три мальчугана учатъ уроки. Прочіе, всѣ до одного, совсѣмъ кинули учиться. Ахъ, вы такіе, сякіе! Лозъ! крикнулъ я. Да какъ вздулъ малую толику, одного, другаго. Э-э-э, гляжу, пошла пѣсня совсѣмъ иная. Откуда и прилежаніе, откуда и дарованія взялись. И отлично, братецъ ты мой, дѣло пошло. А то: „вы, да вы", и пустяки выходятъ". Вотъ такъ теперь и на всей Руси спохватились, опоздавши на 25 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, сознали нужду вспрыскивать лѣнтяевъ и негодяевъ мальчишекъ посредствомъ лозы по-старооточески. Однако же, сколько людей испортили, опоздавши. Цѣлую систему воспитанія испортили. И поправимъ ли? Богъ еще вѣсть.

Это о бурсѣ Помяловскаго. А вотъ и о „превосходныхъ Запискахъ сельскаго священника". Опять-таки скажу, что и этотъ край, который описывается въ Запискахъ, я знаю хорошо. Въ описываемую эпоху я жилъ тамъ семь лѣтъ, занимая положеніе, съ котораго могъ наблюдать безпристрастно. Отчего эти записки такъ мрачны? Именно отъ страсти выворачивать все грязь, да грязь. Возьмемъ, напримѣръ, лучшаго человѣка и запишемъ о немъ только то, что знаемъ, или слышимъ о немъ худаго. Хороша ли картина выйдетъ? Особенно запишемъ о лучшемъ человѣкѣ только то, что болтаютъ о немъ на базарѣ рыночныя торговки, не повѣряя благонамѣренною критикою рыночныя о немъ сплетни, умалчивая о всемъ, что знаемъ въ немъ благороднаго, полезнаго и благопріятнаго, проводя самыя простыя и неважныя дѣянія его сквозь призму своего искривленнаго косаго глаза, чрезъ свое непониманіе, чрезъ свое темное сознаніе, которое служитъ отраженіемъ другаго нѣкотораго, еще мрачнѣйшаго сознанія, о которомъ говорено выше. При такихъ условіяхъ и изъ лучшаго человѣка выйдетъ мрачный и грязный негодяй. Откуда, отчего такія ламентаціи о положеніи духовенства? Не говорю о томъ, что я лично зналъ всѣхъ кряду саратовскихъ архіереевъ (за исключеніемъ перваго); всѣ они были замѣча-

тельные святители. Я лично и близко зналъ почти всѣхъ чиновныхъ лицъ въ тамошнемъ духовенствѣ. Многіе изъ нихъ были предостойные служители Христовы,—каковъ, напримѣръ, былъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій, — люди образованные, мягкіе, гуманные, каковы протоіерей Воронцовъ, Любомудровъ, юнѣйшій Росницкій, посада Дубовки протоіерей Покровскій, извѣстный ораторъ, и другіе. Вѣдь, это все были плоть отъ плоти, кость отъ кости тамошняго священства. Гдѣ же изверги, кровопійцы бѣлаго духовенства? И зачѣмъ его бытъ представляютъ въ такихъ мрачныхъ чертахъ? Вѣдь, это невѣрно. Вѣдь, этотъ бытъ любили и высоко цѣнили не только наши отцы, но и наша братія—сверстники, и даже наши дѣти—ученики. Вѣдь такое печальное отраженіе въ сущности хорошаго, для знающихъ привлекательнаго быта, зависитъ отъ кривоты обзирающаго глаза. И у Д. И. Ростиславова также бытъ духовенства выходитъ грубъ, дикъ, печаленъ. Ради краснаго словца, не пощадилъ старый профессоръ ни даже роднаго отца, роднаго дѣда. Самъ сынъ священника, я знаю бытъ духовенства по личному опыту; знаю въ Бѣлоруссіи, въ Петербургской губерніи, въ Остзейскомъ и Саратовскомъ краяхъ и т. д. Боже мой! Дорогое дѣтство, сколько оно навѣваетъ чисто поэтическихъ, высоко идиллическихъ воспоминаній! И эти воспоминанія, какъ свѣтлый туманъ подъ лучами утренняго солнца, подымаются особенно съ обработываемыхъ полей, луговъ, лѣсовъ, среди которыхъ родились, жили, трудились и померли наши отцы. Мы сами въ дѣтствѣ работали собственными руками, возили и складывали снопы, раскидывали навозъ, ѣздили въ лѣсъ за дровами, на пастьбу коней и т. д. Мой собственный отецъ дѣлалъ по дому все собственными руками, чинилъ телѣги, сбрую, ходилъ за ульями, возилъ навозъ, далъ лядо (расчищалъ чищобу изъ лѣса подъ пашню), сѣялъ жито, только не молотилъ по слабости силъ и не ходилъ съ сохою,—не было тамъ такого обычая. Въ Петербургской же губерніи священники самолично и пахали, ходили съ сохами. Вся семья, и жены и дочери, не только сыновья студенты, и боронили, и молотили, и жали и — конечно — сѣно убирали. Но кто же вздыхалъ тогда изъ насъ отъ грязнаго будто бы неприличія, отъ грубой тяжести этихъ работъ, отъ несоотвѣтствія ихъ съ нашимъ величіемъ? Вотъ священникъ, отецъ семьи, каждое раннее утро, выпивъ чашку, другую кофейку, просто въ рубашкѣ, да въ невыразимыхъ, въ туфляхъ на босую ногу, да въ старой шляпѣ на головѣ, кладетъ на плеча соху, беретъ подъ узду добраго коня и выходитъ въ поле па-

хать. Работника не было, такъ какъ мужская прислуга въ Петербургской губерніи непосильно дорога. Въ свободный часъ тотъ же отецъ со мною, тогда гостемъ-баричемъ, воспитанникомъ образцовой семинаріи, выѣзжалъ на большое озеро въ лодочкѣ-душегубкѣ, съ сѣтями— ловить рыбу, самъ чуть-чуть не въ натурѣ. Домой возвращались мы измоченные до нитки, съ котомками рыбы, которая прямо изъ воды, живая, попадала на сковороду. Но въ воскресный день, въ праздничекъ, тотъ же отецъ, первый работникъ на семью, надѣвалъ чистый подрясникъ, приличную рясу и шелъ въ церковь служить свою обѣдню, свою утреню, а мы шли пѣть и читать на клиросѣ. А жены-матушки, а дочки-невѣсты и подростки надѣвали чистыя, чаще скромныя, но иногда даже весьма нарядныя платья, и по-утру шли въ ту же церковь молиться, а послѣ обѣда собирались куда-либо веселиться. И нигдѣ никогда впослѣдствіи не видалъ, не испытывалъ я такого неподдѣльнаго веселья. Жили въ благородномъ довольствѣ всегда. Кофе въ большихъ семьяхъ почти не сходилъ со стола. А по праздникамъ, особенно храмовымъ было большое и довольно изысканное изобиліе. Затѣвались танцы, бѣганье въ горѣлки и другія веселыя игры. Священники, конечно, только глядѣли на молодежь; но жены ихъ, — конечно, молодыя,—и дочери-невѣсты веселились до упаду. На вакацію наѣзжало много молодежи, нашей братьи, изъ Петербурга. Музыка фортепьянная не процвѣтала, по дороговизнѣ хорошихъ инструментовъ; зато вокальная тогда была, кажется, въ далеко большемъ ходу и совершенствѣ, чѣмъ теперь. Поэтическаго воодушевленія, увлеченія поэтическими произведеніями было больше, чѣмъ теперь. И въ поэтическую старину наша юность не кидала комками грязи. Пушкинъ тогда только-что померъ, а Жуковскій былъ еще живъ. Пушкинскія пѣсни тогда по селамъ распѣвались на всякіе мотивы, распѣвались и такія, о которыхъ даже забыто, были-ль онѣ когда-либо положены на ноты. Думаю, что нѣкоторыя никогда и не были положены, однако же распѣвались на установленный мотивъ, напр., „Утопленникъ“ Пушкина. Помню первый выѣздъ изъ Петербурга въ село, первый сельскій храмовой праздникъ. Намолившись за день, набѣгавшись, наигравшись, въ глубокую звѣздную ночь пошли поэтически настроенною гурьбою человѣкъ въ 40 — 50 по селу, и примадонна — по голосу, просто дочь сельскаго дьячка, юная дѣва, высокимъ и сильнымъ сопрано, которое было бы, кажись, замѣчено и на большой сценѣ, затянула старую русскую пѣсню. Но какіе чудные переливы! Человѣкъ 40 сильныхъ и

Библиотека

довольно обработанныхъ голосовъ поддержали пѣвицу. Вѣдь голоса у насъ передаются по наслѣдству. Пѣніе, довольно искусное, передается и поддерживается, по преданію, изъ рода въ родъ. Ходили по селу и пѣли глубокою ночью нѣсколько часовъ, въ самомъ умилительномъ настроеніи. Такіе чисто поэтическіе моменты въ жизни каждаго не часто встрѣчаются и еще рѣже повторяются. Въ Бѣлоруссіи, между священниками пѣсней употреблялось еще болѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Тамъ были въ ходу пѣсни не только русскія, новыя и старыя, но и бѣлорусскія, и хохлацкія, и полу-польскія и даже полу-жидовскія юмористическія. Въ карты тамъ, по селамъ въ домахъ священниковъ вовсе почти не играли, играли развѣ иногда для забавы въ самыя примитивныя игры, въ дурачки, въ мельники, въ короли. Танцы затѣвались очень рѣдко. Сельскихъ игръ было довольно разнообразныхъ. Но почти все праздничное время, когда священники съѣзжались другъ къ другу попраздновать, поликовать, повеселиться, почти все время проводилось въ пѣніи пѣсенъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, преразнообразныхъ, иногда съ мимикою, напримѣръ, ленъ и т. д. Веселились преусердно и достигали дѣйствительнаго веселья. Конечно для меня, какъ и для всякаго, дѣтство представляется самымъ поэтическимъ временемъ жизни. Но нѣтъ, не въ томъ дѣло. Повидимому, сколько мы наблюдаемъ со стороны, люди нынѣ теряютъ способность истинно, чисто и беззаботно веселиться. Теперь часто я держу рѣчь съ своею 80-лѣтнею матерью на эту тему: «что, маменька, старыя времена были веселѣе»? „Веселѣе“.—„Люди лучше умѣли веселиться»?—„Лучше“. Нѣтъ, старая русская жизнь, жизнь стародавняго русскаго священства не только охаяна такими марателями, какъ Ростиславовъ, какъ сельскій Священникъ, авторъ своихъ мрачныхъ „записокъ“, не только опозорена, она оклеветана предъ дѣтьми, предъ потомствомъ. Дѣти, пожалуй, и повѣрятъ, подумаютъ, что это и правда. А это ложь и клевета. Юные народы всегда веселились живѣе и поэтичнѣе. Такъ было у грековъ и римлянъ, такъ и у славянъ, такъ и у насъ было на святой Руси. Теперь молодежь разучилась веселиться по-юношески; теперь молодежь забыла и не знаетъ, что такое молодость, теперешняя молодежь въ большемъ или меньшемъ объемѣ, въ высшей или низшей сферѣ, сколокъ добраго малаго въ „Гражданинѣ“; и обратно этотъ нелѣпый, безнравственный, совершенно падшій, не добрый, а скверный малый—сколокъ съ современной молодежи, интеллигентной молодежи. Читаю одному военному человѣку, знающему петербургскую жизнь,

выдержки изъ Записокъ Добраго Малаго, предваряя его, что здѣсь все геніально, отъ строчки до строчки. А онъ и говоритъ: „чтожъ дѣлать, всѣ такъ живутъ“.

Велика бѣда въ Запискахъ сельскаго священника, что „юный священникъ мѣситъ навозъ на кизяки, а юная матушка подворачиваетъ ему подъ голыя ноги навозъ“. Экое униженіе для высоты пастырскаго сана! Но не говоримъ объ апостолахъ: *объ нощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ;* или: *нощь и день дѣлающе своими руками, свой хлѣбъ ядохомъ.* Говоримъ о нашихъ отцахъ,—труждались всячески и никому изъ нихъ не приходило въ голову, что это унизительно, и печально, и жалко. Наоборотъ, сколько идиллической, веселой и чистой, восхитительной, возвышающей поэзіи чувствовалось нами, какъ и отцами и дѣдами нашими, именно въ простыхъ сельскихъ занятіяхъ, въ ухаживаніи за пчелами, или въ ловлѣ пѣвчихъ птицъ, въ сѣнокосѣ и жатвѣ. Вся чистѣйшая идиллическая поэзія всего примитивнаго, юнаго, неразвращеннаго человѣчества привязана была именно къ этого рода развлеченію и отдыху въ трудѣ, на лонѣ природы. Цинциннаты пахали и находили въ этомъ желанный отдыхъ отъ жизненныхъ тревогъ. Петръ Великій своими царственными руками чего ни дѣлалъ, а развѣ это его унижало? Возьмемъ врачей, подлекарей, акушерокъ; возьмемъ печниковъ, сапожниковъ, мясниковъ и пр. и пр. Почему же весь этотъ людъ обязанъ мараться для насъ? А намъ-то кто же, развѣ Іисусъ Христосъ, далъ заповѣдь—быть именно бѣлоручками? Я зналъ въ Саратовѣ сотни священниковъ, отцовъ учениковъ и самихъ учениковъ. Какіе изъ нихъ были порядочные, умные, благовоспитанные! Сами жили прилично и въ довольствѣ. Сыновей отсылали въ университеты. А вѣроятно, кто нибудь изъ нихъ, точнѣе всѣ, дѣлали и кизяки, или обмазывали стѣны своего дома глиною, возили, раскидывали навозъ, какъ мой отецъ, пахали, сѣяли, молотили. Развѣ это роняло ихъ въ ихъ собственныхъ, или въ чужихъ глазахъ? Только жадность къ матеріальнымъ наслажденіямъ, только легкомысліе могутъ желать, чтобы сельское духовенство оторвалось отъ жизни народа, отъ простоты сельскаго быта. Вѣрный преданіямъ отцовъ, не чуждающійся условій общенародной сельской жизни, священникъ привлекаетъ къ себѣ и симпатіи и уваженіе прихожанъ, лишь бы, устроя свой домъ, не забывалъ и о духовномъ своемъ пастырскомъ призваніи. И жаловаться на условія своего быта большинству духовенства стыдно. Теперь, когда ѣдешь по селу и видишь выдающійся чистотою и опрятностью домикъ, уга-

дывай навѣрное, что это священническій домъ. Вотъ барскія палаты — тѣ развалились, такъ что и слѣдъ ихъ исчезаетъ, а на тѣхъ, которыя остаются, лежитъ рѣжущая глаза печать разрушенія и оскудѣнія. Скажу по сравненію, по личному опыту, что зажиточнѣе и благоприличнѣе русское духовенство живетъ именно въ восточной Россіи, отъ Перми начиная и оканчивая Дономъ, дальше не знаю. Бѣднѣе и грубѣе въ средней Великороссіи. А саратовская епархія, по обстановкѣ духовенства, принадлежитъ къ числу самыхъ благоприличныхъ. Увы! Даже наша братія, въ нашъ вѣкъ зоильства, въ вѣкъ гоньбы за благами міра, конечно не всѣ, даже не большинство, а нѣцыи изъ братіи забываютъ заповѣдь апостола: *всегда радуйтеся, за все благодарите.* Нѣтъ, съ этой точки зрѣнія „превосходныя Записки Сельскаго Священника“ вовсе не превосходны. Онѣ являютъ въ себѣ не иное что, какъ болѣзненный продуктъ времени, являютъ нравственную гангрену, которая спускается даже во внутренностные органы. Это страшно, это грозное знаменіе времени! Хулятъ русское духовенство; за другими и мы сами разѣваемъ хульныя уста на самихъ себя, забывая, что за хулами на духовенство, за ренегатами аббатами—послѣдовали въ Европѣ реформація и революція! За смѣющимися другъ другу въ лицо римскими авгурами – послѣдовалъ разгромъ древняго міра и старой классической цивилизаціи. А мы далеки отъ этого?! Отъ разгрома нашей христіанской цивилизаціи?! Утѣшеніе можно находить развѣ въ гаданіи, что эта болѣзнь самооплеванія у насъ—явленіе напускное, возникшее изъ моды, изъ подражанія, явленіе недавнее, пока еще не глубоко пустившее свои корни въ народную жизнь. Еще недавно, еще высшіе русскіе мыслители, вродѣ Ломоносова, Карамзина, Жуковскаго, любили и Бога и Христа Его, и не гнушались русскимъ духовнымъ людомъ. Псалмопѣвецъ сказалъ: *поношенія поносящихъ Бога нападоша на мя.* Такъ, кто въ Бога не вѣруетъ, кто Христа не любитъ, кто вѣру Христову ненавидитъ, тѣ теперь напали на насъ, тѣ поносятъ насъ и изрекаютъ всякъ золъ глаголъ, лжуще на насъ ради нашего Бога и Христа, ради нашей вѣры, ради нашего служенія. Во Франціи стали поносить духовенство и Церковь съ легкой руки Вольтера, а у насъ съ легкой руки ученика Вольтерова—Пушкина, который еще мальчикомъ написалъ:

„Но, Боже, виноватъ,
Я каюсь предъ Тобою,
. . . . . .

Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю
Почтенныхъ іереевъ,
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ",

въ чемъ и до смерти онъ не покаялся. А за нимъ пошли и другіе. Еще у Гоголя, писателя великаго, и у Нарѣжнаго, писателя слабаго, забытаго, есть типы даже бурсаковъ, списанныхъ съ натуры, типы грубоватые, но все еще симпатичные даже въ своей грубости. Вѣдь и Остапъ и Андрей Тарасовичи Бульбы были бурсаки же. Но уже у Тургенева не могу вспомнить ни одного штриха, сочувственнаго русскому духовенству. У него духовные съ косичкою непремѣнно надѣляются и жадными, завистливыми глазами. А его Базаровъ отрицаетъ и Бога, и христіанство, и безсмертіе, и всякую эстетику, а вмѣстѣ съ ними и свое происхожденіе отъ іерейскаго корня. За Базаровыми пошли цѣлыя стаи ренегатовъ, которые плюютъ въ свой родъ, которые — больше того — хлопочутъ не только о томъ, чтобы люди не знали, но стараются и сами забыть, что родились отъ духовной семьи, что попробовали семинарскаго образованія. А между тѣмъ и нынѣ имѣется огромная масса какъ между іереями Божіими, такъ и между дѣтьми ихъ, служащими Россіи на разныхъ поприщахъ, — масса людей, достойныхъ симпатіи всякаго благороднаго сердца. Взять напр. хотя моего роднаго брата, Елпидифора Б—ча, который, только что вышедши изъ медицинской академіи, умеръ молодымъ врачемъ въ Бомарзундѣ на Аландскихъ островахъ, — убитый наповалъ непріятельскою бомбою въ 1854 г., — или двухъ моихъ же двоюродныхъ братьевъ, студентовъ семинаріи, которые волонтерами пошли на войну, въ 1853 году, оба первыми вскочили на батарею, одинъ другому кричитъ: „Вася, пушка наша.... Прощай, Вася... Прощай, Ваня", — и тутъ же оба отдаютъ свои души въ руки Божіи, пораженные на смерть. Развѣ не достоинъ симпатіи и признательности русскій священникъ, который въ холеру примѣрно 1848 года ползалъ самоотверженно по первому зову во всякую трущобу, чтобы преподать страждущимъ утѣшеніе вѣры, и платилъ за самоотверженіе жизнію, нерѣдко покидая юную жену, кучу дѣтей и все, и все?!... А между нами такихъ служителей Божіихъ, служителей страждущаго человѣчества — тысячи.

У о. автора „Записокъ Сельскаго Священника“ особенно архіереи являются въ какомъ-то уродливомъ освѣщеніи. А съ легкой руки, водимой не задумывающейся головою автора Записокъ, и цѣлитель нашихъ церковныхъ недуговъ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, касаясь саратовскихъ архіереевъ, по поводу назначенія на святительскую каѳедру престольнаго града Москвы нынѣшняго высокопреосвященнаго митрополита Іоанникія, восхваляя его одного, трактуетъ прочихъ съ обычною своею небрежною манерою. Я тогда же собирался сказать о нихъ настоящую правду, какъ самъ ее понимаю, но задумался и отложилъ. Теперь же, пользуясь случаемъ исполнить долгъ совѣсти, скажу о нихъ по совѣсти. Кромѣ перваго изъ нихъ, преосвященнаго *архіепископа Моисея*, я всѣхъ ихъ зналъ лично и близко, не мало лѣтъ изучая ихъ въ словахъ ихъ и даже мысляхъ, и намѣреніяхъ, въ дѣлахъ и писаніяхъ, въ разнообразныхъ памятникахъ ихъ архипастырскаго служенія. Достойному достойное! Нынѣшнему святителю московскому, по его рѣдкимъ качествамъ и заслугамъ, высшій іерархическій санъ и добрая громкая слава еще при жизни. Но и предшественники его по саратовской каѳедрѣ были на подборъ, каждый въ своемъ родѣ, замѣчательные святители.

Лично не видѣлъ и потому менѣе другихъ знаю перваго саратовскаго архипастыря, — перваго послѣ того, какъ саратовская каѳедра отдѣлилась отъ пензенской и утвердилась въ самомъ Саратовѣ, — *епископа Моисея*, впослѣдствіи архіепископа, экзарха Грузіи. Да онъ и архіерействовалъ въ Саратовѣ недолго. Туда прибылъ онъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ каѳедры въ этомъ городѣ, въ 1828 году, чуть-ли прямо не изъ ректоровъ какой-то академіи, человѣкъ тогда еще не старый, для архіерейства почти молодой, украшенный за ученый трудъ высшею ученою степенью доктора богословія, — отличіе у насъ въ старые годы и рѣдкое и высоко-цѣнное. Ему пришлось быть въ Саратовѣ первымъ благоустроителемъ епархіи и каѳедры, устроителемъ архіерейскаго дома, консисторіи, семинаріи. Въ этомъ его и заслуга. Это былъ архіерей въ высшей степени кроткій, мягкій, благовоспитанный, общительный, радушный, снисходительный, доброразсудный, веселый и привѣтливый. Такъ какъ Саратовъ былъ тогда городомъ, по преимуществу, дворянъ-помѣщиковъ и краемъ помѣщичьимъ, то и преосвященный Моисей уклонился своимъ вниманіемъ особенно въ эту сторону, въ сторону бояръ, которыхъ привязанность и успѣлъ снискать; но за то отклонился своими симпатіями отъ стародавняго кореннаго мѣстнаго на-

селенія, заключавшагося въ мѣстномъ купечествѣ и въ низовомъ, поволжскомъ крестьянствѣ, повально склонномъ къ старовѣрію и вообще къ старинѣ. Вслѣдствіе этого, направленіе дѣятельности его оказалось одностороннимъ и, повидимому, навлекло на него нѣкоторыя нареканія. Главнымъ источникомъ ихъ послужила, повидимому, его отеческая снисходительность къ подчиненнымъ, граничившая иногда, быть можетъ, съ нѣкоторою и слабостью. Поэтому высшее духовное правительство, руководясь высшею духовно-житейскою мудростью, немощное врачующи и оскудѣвающее восполняющи, а способности и достоинству предоставляя лучшее поприще дѣятельности для собственнаго развитія, двигнуло свѣтильникъ этого святителя на высшее поприще грузинскаго экзархата, гдѣ высокія качества его, качества доброразсудной снисходительности, высшей образованности, благовоспитанной мягкости и организаторской распорядительности могли быть лучше оцѣнены мѣстными грузинскими жителями, и высокопоставленнымъ духовенствомъ, и высшимъ представительствомъ власти, какъ гражданской, такъ и военной, и множествомъ старыхъ знатныхъ, царственныхъ и княжескихъ родовъ, и наконецъ народомъ, котораго сердце экзархъ-святитель призванъ былъ привлекать къ Россіи своею привѣтливостью и кроткою терпѣливостью. Нѣкоторое же излишество развязности и мягкости тамъ, въ Грузіи могло не кидаться такъ, какъ кидалось въ глаза суровому предосуждающему предубѣжденію саратовскаго старовѣрія, всегда готоваго соблазняться и соблазнять осужденіемъ чужихъ грѣховъ, выставленіемъ на показъ немощей нашей духовной братіи. Тѣмъ не менѣе, съ печальными предчувствіями и многими слезами отбылъ преосвященный архіепископъ Моусей, по горнему званію, на высшее положеніе экзарха Грузіи. Плакалъ онъ не даромъ: тогда положеніе единаго, хоть и старшаго, русскаго архіерея въ Грузіи, среди цѣлыхъ сонмовъ братіи единовѣрной, но чужеплеменной, было очень грустно, потому что было крайне одиноко, а при этомъ и скудно и тяжко, исполнено трудовъ и преткновеній. Предчувствіе не обмануло святителя. Отъ печалей и болѣзней въ Грузіи онъ быстро, въ раннія лѣта, сошелъ въ могилу. Нужно думать, что тамъ настигли его горести, принесшіяся и изъ Саратова; такъ какъ въ Саратовѣ надъ ближайшими его подчиненными, съ которыми онъ дѣлилъ отечески-дружескія бесѣды, разыгрались роковыя трагедіи, роковыя и по развитію своему, и по развязкѣ.

На мѣсто преосвященнаго Моусея прислали въ Саратовъ преосвя-

щеннаго *епископа Іакова*, не скажу строгаго, но гораздо больше — суроваго аскета. То была тогдашняя система дѣйствованія высшей духовной власти, полная глубокой мудрости,—замѣщать архіерейскія каѳедры противуположностями, чтобы ограничивать и дополнять односторонность направленія и вліянія архипастырства. Конечно, это были противуположности, не исключавшія себя взаимно, какъ нравственность и безнравственность; но противуположности полярныхъ проявленій одной и той же силы архипастырства. Пастырь кроткій и мягкій замѣщался строгимъ; строгій — гуманнымъ и привѣтливымъ и т. п. Суровымъ аскетомъ преосвящ. Іаковъ обнаруживался въ отношеніи къ себѣ; съ тѣмъ же характеромъ требованій отнесся онъ и къ другимъ. И правду сказать, не избѣгъ великихъ крайностей. Тѣмъ не менѣе, это была замѣчательнѣйшая, выдающаяся личность. Въ бѣглыхъ замѣткахъ не могу перечесть все, что знаю о немъ. Въ священнодѣйствіи онъ былъ іерархъ благоговѣйнѣйшій, священнолѣпный. Въ рѣчи духовный сладкоглаголивый, не ораторъ,—нѣтъ; но когда говорилъ, сказывали, примѣрно къ острожникамъ, то рѣчи изъ устъ его сладчайшія меда лилися, возбуждая въ сердцахъ умиленіе, изъ очей извлекая сладкія слезы покаянія и жалости. Всегда воздержный до скудости, до истощенія силъ и суровый по простотѣ пищи, въ посты онъ питался необыкновенно скуднымъ количествомъ хлѣба и овощей, напримѣръ, двумя-тремя печеными картофелинами. Къ дѣламъ духовнаго управленія онъ, безъ колеблющагося раздумья и оглядокъ, прилагалъ прямыя, ясныя, точныя, логическія требованія нравственныхъ правилъ и церковныхъ каноновъ. Такъ, онъ сурово, послѣ мучительныхъ перипетій, расправился съ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Н—мъ, инспекторомъ іеромонахомъ І—мъ, инспекторомъ духовнаго училища Ар—мъ, съ Климченковою ересью въ женскомъ монастырѣ, съ игуменьею, — имя забылъ, съ казначеею монахинею В—ею, съ сестрою игуменьи монахинею Е—ою и многими другими. Все это были отдѣльныя, весьма сложныя и необыкновенно тягостныя дѣла, которыя тянулись многіе годы по консисторіи и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, которыя въ особыхъ видахъ я изучалъ и которыя оставили во мнѣ необычайно тягостныя впечатлѣнія и воспоминанія. На мѣстный расколъ преосв. Іаковъ шелъ прямо, не сворачивая въ сторону. Онъ шелъ прямо въ самые тайные притоны раскольниковъ, напередъ тщательно, тайными и явными путями, разслѣдовавъ ихъ состояніе, въ ихъ сокровенныхъ трущобахъ, по горамъ и буераками, по садамъ и лѣснымъ чащамъ. Въ какую

сокровенную трущобу онъ проникъ личнымъ посѣщеніемъ и взоромъ,— тамъ по слѣдамъ его оставались раззореніе притона и искорененіе, видимое по крайней мѣрѣ, раскола. Въ пламенной ревности по Богѣ онъ не особенно чинился и въ способахъ для достиженія святой цѣли. Отобраніе иргизскихъ монастырей—это великая и трагическая эпопея. А помельче подобныхъ фактовъ разсказывалось и немало. Всѣ горные буераки, которыми окруженъ Саратовъ, были переполнены тогда раскольничьими притонами; со времени же преосв. Іакова и слѣдъ ихъ затертъ, такъ что и воспоминаніе о нихъ, о ихъ быломъ исчезаетъ. При этомъ самъ онъ изучалъ расколъ въ его развѣтвленіяхъ очень широко, изучалъ и практически, знакомясь личнымъ соприкосновеніемъ съ распаденіями раскола на секты, и въ разнообразныхъ писаніяхъ о расколѣ. Изъ послѣднихъ онъ дѣлалъ большіе сборники, сборники правительственныхъ актовъ, которые тогда считались секретными, указовъ, записокъ о расколѣ и т. п. Эти сборники онъ завѣщалъ въ библіотеку саратовской семинаріи. Самъ уже полнѣйшій спеціалистъ по изученію раскола, перечитавшій для своего времени все печатное и массу рукописнаго о расколѣ, я въ этихъ сборникахъ преосвященнаго Іакова нашелъ такія рѣдкія, такія секретныя вещи, которыя, не знаю, всѣ-ли и теперь обнародованы, всѣ-ли и теперь извѣстны даже ученымъ спеціалистамъ, каковы профессоры академій Нильскій, Субботинъ и Ивановскій. Какъ покровитель науки, преосв. Іаковъ обнаруживалъ замѣчательную широту взгляда. Наприм., онъ собиралъ памятники монгольскаго владычества, которыхъ особенно много отыскивалось въ развалинахъ Сараева, расположеннаго нѣкогда въ мѣстности, которая вошла было въ предѣлы саратовской же епархіи, а впослѣдствіи отошла къ астраханской. Эти памятники передавались на храненіе въ ту же библіотеку саратовской семинаріи. Собиралъ онъ также окаменѣлости, остатки древнѣйшихъ геологическихъ образованій, которыхъ также очень много въ земныхъ толщахъ, окружающихъ Саратовъ, каковы кости исчезнувшихъ животныхъ, морскія раковины и т. д., и все это отдавалъ на храненіе туда же, въ семинарскую библіотеку.— Благочиніе богослуженія въ Саратовѣ ввелъ онъ наистрожайшее, такъ что тамъ и въ 1860-хъ годахъ уставъ церковный выполнялся отъ буквы до буквы, — что встрѣчается не всегда и не вездѣ. Въ саратовскомъ женскомъ монастырѣ, послѣ разгрома Климченковой секты, вмѣстѣ съ назначеніемъ игуменьи изъ Горицкой обители, онъ ввелъ и чинопослѣдованіе этой обители, по которому къ утрени въ каждый

воскресный день звонъ начинался ровно въ полночь, въ праздники—въ 1 часъ, а въ будни—въ 2 часа ночи. Помню, что въ мою пору монастырскіе священники, которые, живя въ городѣ, всегда бываютъ обременены другими должностями, какъ-то: членовъ консисторій, законоучителей, участниковъ въ разныхъ комитетахъ, крайне тяготились такими ультра-монастырскими, чисто подвижническими порядками: лучшее время въ ночи провести безъ сна, а днемъ исходить на дѣло свое и дѣланіе до вечера, какъ и всѣ обыкновенные люди. Тяготились, роптали, а покорялись. Были между ними и престарѣлые священнослужители, которые положительно изнемогали; а покорствовали,—что дѣлать! Правда, умилительно бывало слышать, какъ среди полночной тишины надъ грѣшнымъ сномъ и бодрствованіемъ градской суеты раздается благовѣстъ женской обители, напоминая рабамъ унывающимъ: *се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяще*.... А сами монашки такъ втянулись въ такой порядокъ, что поставили препятіе кому-то изъ архіереевъ, который позволилъ себѣ высказаться, что находитъ этотъ чинъ утрированнымъ, превышающимъ требованія церковнаго устава, такъ какъ уставъ постановляетъ начало заутрени о полуночи только разъ въ году, въ праздниковъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Но монахини куда! Ни, не трогать...

Должно быть, эта непреклонная во всемъ и особенно къ расколу требовательность вовлекла преосв. Іакова въ столкновенія съ гражданскою властью. Почему и признано было благопріятнымъ, по времени, послѣ 14-лѣтняго управленія саратовскою епархіею, передвигнуть его на каѳедру нижегородскую, гдѣ первымъ запросомъ архипастырскаго служенія стало къ той порѣ требованіе миссіонерскаго воздѣйствія на расколъ. При чемъ на нижегородской каѳедрѣ преосвященнымъ Іаковомъ замѣщенъ былъ архіепископъ Іоаннъ, переведенный на Донъ, по нраву второй Моисей, архипастырь ученѣйшій, докторъ богословія, веселый, привѣтливый, кротчайшій, гуманный, не особенно требовательный, не особенно же и дѣятельный. Разсказывалось, да и видѣлось, что, произведенный ревностью преосв. Іакова, разгромъ раскола и присоединеніе тогда же къ Церкви до 1800 саратовскихъ раскольниковъ дали плодъ шумный, но не крѣпкій, такъ какъ, при перемѣнѣ правительственныхъ вѣяній, съ началомъ преобразовательнаго царствованія Александра II, всѣ эти 1800 человѣкъ присоединившихся вновь скоро отпали отъ Церкви, причинивъ тогдашнимъ епископамъ саратов-

скимъ, Іоанникію I и Евѳимію, тяжкія заботы и глубокое огорченіе. Я лично узрѣлъ преосвященнаго Іакова уже архіепископомъ нижегородскимъ въ С.-Петербургѣ, во время присутствованія его въ свят. Сѵнодѣ. Это былъ самый благолѣпный ликъ подвижника—іерарха, какой я видѣлъ на своемъ вѣку: ростъ болѣе средняго, корпусъ отощалый, рука изъ однѣхъ костей, бѣлая до прозрачности, одѣяніе все черное, борода полубѣлая, большая—клиномъ, глаза не потухшіе, щеки впалыя колера блѣдноистощеннаго, голосъ ненемощный, хорошаго, трогающаго звука. Однимъ словомъ, обликъ иконный, какой при жизни являли истощенные крайнимъ воздержаніемъ святители, тверской архіепископъ Филоѳей (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій) и въ послѣдніе годы жизни митрополитъ московскій Филаретъ. Святолѣпный ликъ архіепископа Іакова, болѣе чѣмъ въ полроста, перевелъ на полотно академикъ-живописецъ Игоревъ, бывшій воспитанникъ саратовской семинаріи, учившійся въ мое время иконописи въ с.-петербургской семинаріи и окончившій курсъ образованія въ академіи художествъ. Знаю, что этотъ замѣчательный портретъ находится въ Саратовѣ, въ архіерейскомъ домѣ. Но не могу сказать, подлинникъ ли это, или копія. Съ него сдѣланы были литографіи, которыя ходили по рукамъ. Преосвященный Іаковъ тамъ въ Петербургѣ и умеръ, умеръ такъ, какъ и жилъ вездѣ и всегда. Умеръ въ нестарые годы, положительно отъ постническаго истощенія Отъ недостатка питанія въ чужомъ петербургскомъ климатѣ, при недостаткѣ чистаго воздуха и движенія, у него развилась водяная. Дѣло стало въ великій постъ. Врачи заявляютъ необходимость болѣе сильнаго и легкаго питанія, иначе смерть грозитъ. Святитель отказался сдѣлать себѣ какую-либо послабу, изнемогъ окончательно и скоро послѣ пасхи скончался. Погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, безъ выдающагося народнаго вниманія. Тогдашняя уже знаменитость, архимандритъ Макарій, впослѣдствіи митрополитъ московскій, произносилъ надгробное слово. Я все это видѣлъ своими очами и грустилъ на тему, что не такъ похоронили бы сего святителя-подвижника въ его каѳедральномъ градѣ, благочестивомъ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ въ холодномъ, безучастномъ Петербургѣ. А все перстъ Божій. Это былъ самый непреклонный подвижникъ-монахъ, какого я видѣлъ и зналъ на своемъ вѣку. Разсказываютъ за достовѣрное, что, по окончаніи курса въ с.-петербургской духовной академіи, онъ совсѣмъ-было собрался сочетаться законнымъ бракомъ и избралъ себѣ даже невѣсту. Но перстъ Божій. Когда онъ былъ въ домѣ родителей невѣсты, поднялась буря и

гроза, при чемъ отъ поднявшагося вѣтра хлопала калитка; мать попросила дочь-невѣсту выйти притворить калитку. Вдругъ ударъ грома, и дѣвушка-невѣста пала мертвою. Женихъ перекрестился предъ образами и тутъ же, предъ родителями скончавшейся сказалъ: „Такъ Богу угодно; Богъ зоветъ меня на иное поприще". А взявшись за рало монашества, богозванный монахъ уже не озирался вспять; напротивъ: все простирался въ предняя и въ предняя, въ восхожденіи по лѣстницѣ монашескаго подвига, который и истощилъ его даже до смерти. Думаю, что даже у святителей митрополитовъ Филоѳея и особенно Филарета, а также у Антонія, архіепископа казанскаго и Евсевія могилевскаго ихъ постническое подвижничество развивалось проще и естественнѣе, не такъ настойчиво и неуклонно, какъ у архіепископа Іакова. У тѣхъ неуклонная вѣрность относительно пищи монашескому уставу, всегдашнее воздержаніе, граничащее съ голоданіемъ, пребываніе въ посты Великій и Спасовъ исключительно на растительной пищѣ (относительно Антонія казанскаго утверждаю это навѣрное), естественное ослабленіе организма къ лѣтамъ старчества, порождали къ послѣднимъ годамъ жизни адинамію питанія, (что у архіереевъ, вообще у многихъ, развивается къ старости весьма часто). Архіепископу Антонію казанскому уже на смертномъ одрѣ врачи велѣли, тайно отъ него, приготовить особо питательное желе, съ подмѣсью мяснаго экстракта; изнемогающій святитель отвѣдалъ: „чего это вы тутъ намѣшали?" сказалъ и отклонилъ, не допуская возраженій. Іаковъ же, да еще епископъ Ѳеофанъ, бывшій владимірскій, воспитывали въ себѣ непреклонныхъ строжайшихъ постниковъ, именно какъ постниковъ, съ явно намѣченною цѣлью, съ первыхъ юныхъ лѣтъ монашества. Іаковъ кончилъ, какъ и кончилъ. О келейной жизни Ѳеофана за послѣдніе годы не знаю. Слышалъ, впрочемъ, отъ непосредственныхъ свидѣтелей благоговѣйный отзывъ, что „епископъ-де Ѳеофанъ затворился и никого уже не принимаетъ", т. е. сталъ уже затворникомъ.

Преосвященному Іакову, переведенному въ Нижній-Новгородъ, преемствовалъ преосвященный *епископъ Аѳанасій*, переведенный въ Саратовъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ ректоромъ с.-петербургской дух. академіи и носилъ въ то же время званіе епископа винницкаго, викарія каменецъ-подольской епархіи. Изъ Саратова онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру астраханскую, гдѣ долго носилъ званіе епископа, а подъ конецъ и архіепископа; потомъ уволился совсѣмъ на покой въ астраханскій Ивановскій монастырь, гдѣ и скончался. Этотъ іерархъ

былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ опять же противуположностью своему предмѣстнику, преосвященному Іакову. И ему-то особенно достается отъ автора „Записокъ Сельскаго Священника". Факты авторъ изображаетъ вѣрно, но окрашиваетъ ихъ своимъ воззрѣніемъ, которое очень далеко отъ глубокаго пониманія этого единственнаго въ своемъ родѣ характера. Этотъ іерархъ былъ, если не чудо по учености, по громадности смысла, то, смѣло говорю, явленіе феноменальное, въ своемъ родѣ исключительное.

Впрочемъ скажемъ сперва, чѣмъ онъ походилъ на другихъ, а далѣе чѣмъ и превосходилъ другихъ безъ сравненія. Жизнь его до ректорства въ с.-петербургской дух. академіи была бурная и я хорошо ея не знаю. Это былъ умъ острый, способный врываться въ глубь предметовъ. Почему онъ и пріобрѣлъ себѣ съ ранней молодости репутацію будто бы легкомысленнаго. Его спеціальностью было изученіе Священнаго Писанія, въ самыхъ основахъ экзегетики. Къ этому прибавить нужно и темпераментъ порывисто-холерическій. По службѣ стали его толкать съ первыхъ же лѣтъ, по окончаніи академическаго курса. Но какъ этотъ рѣдкій умъ постоянно бодрствовалъ надъ наукою и, обладая небывалою памятью, безъ устали и перерывовъ занимался изученіемъ классической свѣтской и духовной литературы, въ направленіи спеціально къ изученію библіи въ первоисточникахъ ея происхожденія и толкованія; такъ какъ и по-еврейски онъ перечиталъ и изучилъ все, что дошло до насъ не только въ цѣльныхъ произведеніяхъ, но и въ какихъ-либо открываемыхъ фрагментахъ; такъ какъ и классическіе, латинскій и греческій языки зналъ онъ въ исключительномъ совершенствѣ, и два новѣйшихъ языка, французскій и нѣмецкій, зналъ въ замѣчательной степени, а по-нѣмецки и объяснялся совершенно свободно *): то въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ ректоромъ семинаріи, онъ былъ замѣченъ, какъ ученѣйшій мужъ, замѣченъ какими-то знатными иностранцами и въ этомъ качествѣ отрекомендованъ оберъ-прокурору свят. сунода, графу Николаю Александровичу Протасову. Протасовъ въ эту пору только что входилъ въ небывалую силу, забирая по духовному вѣдомству все въ свои крѣпкія руки. Такъ какъ онъ начи-

*) Хорошо знающій его, человѣкъ (Ректоръ Уфимской дух. семинаріи, протоіерей Василій Бережковскій, бывшій воспитанникъ и келейникъ преосв. Аѳанасія), свидѣтельствуетъ, что преосв. Аѳанасій основательно зналъ англійскій языкъ и съ молодыхъ еще лѣтъ изучилъ также и итальянскій. Да, да, и я вспоминаю, что онъ имѣлъ у себя изслѣдованія итальянскихъ ученыхъ о римскихъ катакомбахъ и помпейскихъ древностяхъ.

налъ свое управленіе духовнымъ вѣдомствомъ съ предрѣшенія преобразовать духовно-учебныя заведенія и во-первыхъ академіи, и прежде всего с.-петербургскую дух. академію,—то, разогнавъ въ этой послѣдней все прежнее академическое начальство, онъ посадилъ ректоромъ, преобразуемой съ 1840 г. первой с.-петербургской академіи, архимандрита Аѳанасія, какъ ученѣйшаго мужа, съ возведеніемъ его, для приданія академическому ректору высшаго авторитета, въ санъ епископа. Не стану говорить объ академической службѣ преосв. Аѳанасія, хотя и знаю ее хорошо, о трагическомъ его положеніи между графомъ Протасовымъ—съ одной стороны и митрополитомъ московскимъ Филаретомъ—съ другой, между толчками съ одной стороны впередъ и толчками съ другой стороны назадъ; о томъ, какъ одному, графу Протасову, при посредствѣ дряхлѣйшаго душевными силами митрополита с.-петербургскаго Серафима, преосв. Аѳанасій помогъ взобраться на вершину почти единодержавія въ Церкви, — помогъ, думаю, полубезсознательно и невольно; а другому—митрополиту московскому Филарету, нанесъ тяжкій служебный ударъ, уронивъ значеніе власти, какъ этого великаго и тогда уже властнаго іерарха, такъ и всей высшей іерархіи; о томъ, какъ всемощный графъ, усиливаясь доказать благоплодность своего всемогущества, толкалъ преосв. Аѳанасія впередъ, къ высокому подъему не только одной академіи, но и всего духовнаго образованія по программамъ 1840 года, а святитель московскій, которому, какъ высшему авторитету богословскаго знанія и мѣрилу чистоты православія, тотъ же всемогущій графъ не могъ не представлять все, замышляемое имъ по части внутреннихъ своихъ реформъ, на просмотръ,—святитель московскій все измышляемое въ Петербургѣ пр. Аѳанасіемъ, директоромъ духовно-учебнаго управленія (человѣкомъ малосвѣдущимъ вообще) А. И. Карасевскимъ и другими подъ ихъ водительствомъ, — святитель московскій все это отталкивалъ назадъ, какъ незрѣлое, или даже совсѣмъ негодное. Наконецъ, выбившись изъ силъ въ этой непосильной даже своему всемогуществу борьбѣ, измучившись самъ до приближенія къ ранней смерти отъ постояннаго возбужденія, всемощный графъ Протасовъ, съ безсердечіемъ барина, выбросилъ совершенно измученнаго имъ ректора академіи Аѳанасія, какъ выжатый лимонъ, какъ разбитый горшокъ, вонъ изъ Петербурга, и пусть-бы куда-либо на видное мѣсто, какъ многократно шумѣлъ въ своихъ гаданіяхъ духовный Петербургъ, а то, недолго думая, по-грибоѣдовски, по-фамусовски:

„Въ глушь, въ Саратовъ“.

А на мѣсто ректора с.-петербургской дух. академіи графъ Протасовъ взялъ человѣка, угоднаго свѣтилу московскому, ректора академіи московской, архимандрита Евсевія, думая, что этотъ мужъ, какъ благоугодный высшей іерархіи, направитъ дѣло преобразованія духовнаго образованія на добрый путь, а главное съ успѣхомъ. Яснѣе сказать, тогда уже затѣвалось то же самое по идеѣ, что впослѣдствіи приведено въ исполненіе, болѣе или менѣе благоуспѣшно, при оберъ-прокурорѣ графѣ Д. А. Толстомъ. Но графъ Протасовъ въ началѣ 1855 года скончался, и руководство великимъ дѣломъ преобразованія духовнаго образованія, по волѣ Промысла, попало въ другія руки. Между тѣмъ епископъ Аѳанасій всетаки очутился епархіальнымъ архіереемъ въ Саратовѣ - послѣ Іакова, который былъ переведенъ въ Нижній, по настоянію свѣтской власти.

Думая сперва идти больше или меньше, по слѣдамъ своего предмѣстника, преосв. Аѳанасій сряду же впалъ въ какое-то столкновеніе съ свѣтскою же властью, кажется, по тѣмъ же дѣламъ раскола. Въ Петербургѣ, въ то время, съ осужденьемъ разсказывалось, будто епископъ Аѳанасій хотѣлъ анаѳематствовать, или уже анаѳематствовалъ саратовскаго губернатора. На самомъ же дѣлѣ онъ только говорилъ въ Саратовѣ между своими, что за такія дѣла слѣдовало бы по канонамъ изречь анаѳему. Но ходячая въ Петербургѣ, даже въ невысокихъ, однако же шедшая изъ высшихъ сферъ, молва имѣла тотъ смыслъ, что высшая духовная власть не соблаговолила поддержать епископа Аѳанасія въ его ревности, быть можетъ, и неумѣстной. Это, конечно, уронило его духъ. Чрезъ нѣсколько времени ему нанесена была и другая, нелегкая же обида. Когда въ Саратовѣ, по слову, данному императоромъ Николаемъ въ Римѣ лично папѣ Григорію XVI, и, по широкой уступчивости, странно скрѣпленной рукою Д. Н. Блудова, учреждена была въ Саратовѣ католическая архіерейская каѳедра, съ капитуломъ и семинаріей; когда латинское духовное управленіе послало туда своихъ лучшихъ, способнѣйшихъ, испытанныхъ слугъ, епископа Фердинанда Кана, ректора-каноника Іосифа Жельвовича, весьма способнаго и многоученаго мужа, и другихъ подобныхъ же, тогда и мы задумались, какъ и намъ свое дѣло направить тамъ. Кто-то изъ государей, не помню--Николай, не помню — Александръ II, должно быть послѣдній, спрашиваетъ тогдашняго и. д. оберъ-прокурора Карасевскаго: „А каковъ тамъ православный архіерей“?—„Не совсѣмъ благонадеженъ“, или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ Его Величеству г. Карасевскій объ епископѣ

Аѳанасіи; тотъ самый Карасевскій, который 10 лѣтъ тому назадъ, когда Аѳанасій былъ въ силѣ и славѣ, и въ ходу у графа Протасова, почтительно, чуть не подобострастно цѣловалъ руку его преосвященства, а его преосвященство, не поднимаясь съ своего предсѣдательскаго кресла, привѣтствовалъ, бывало, входящаго, тогда еще не очень преукрашеннаго д. статскаго совѣтника Карасевскаго простымъ привѣтомъ: „Здравствуйте, Александръ Ивановичъ“. Да, времена перемѣнились. Александръ Ивановичъ теперь уже около года правилъ должность оберъ-прокурора и имѣлъ надежду скоро наименоваться дѣйствительнымъ оберъ-прокуроромъ. Увы! Обманулся. На коронаціи 1856 года оберъ-прокуроромъ не сдѣланъ, слегъ отъ огорченія въ постель, а скоро отправился и въ могилу. Оберъ-прокуроромъ, по указанію святителя московскаго, наименованъ благочестивый графъ Александръ Петровичъ Толстой. Святитель московскій взошелъ въ зенитъ земной славы. А оттолкнутое имъ, не малое же въ своемъ родѣ свѣтило, какъ комета отъ солнца, епископъ Аѳанасій закатился съ запада на востокъ догорать послѣдними несвѣтлыми лучами, гаснущей въ темныхъ тучахъ, вечерней зари, въ пламенной, песчаной, пропитанной соленою пылью Астрахани. А все пути Провидѣнія!

Это я говорю къ тому, чтобы объяснить всѣмъ, знающимъ явленіе, но не знающимъ причины, — чтобы объяснить извѣстную многимъ служебную бездѣйственность Аѳанасія, какъ епархіальнаго архіерея сперва въ Саратовѣ, а затѣмъ и въ Астрахани. Въ академіи онъ трудился непомѣрно, день и ночь, безъ устали, чтобы угодить начальству, — его выбросили въ Саратовъ. Тамъ онъ взялся-было за епархіальныя дѣла ретиво, быть можетъ, и неумѣло, получилъ непріятность свыше— и выкинутъ былъ доживать вѣкъ въ Астрахань, въ забытьи и невниманіи начальства. Онъ и нашелъ покой своему многомятежному, многотруждающемуся и обремененному глубочайшею внутреннею тоскою духу, въ занятіяхъ наукою. Нашелъ ли, Богъ вѣсть; это сейчасъ увидимъ; но искалъ...

Теперь будемъ говорить о томъ, чѣмъ этотъ человѣкъ безпримѣренъ. Это смѣло говорю — безпримѣренъ и несравнимъ. Это была глубина премудрости, если подъ премудростію разумѣть то богатство вѣденія, о которомъ Соломонъ сказалъ: *приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь.*

Начнемъ съ того, что онъ, въ неслыханномъ среди духовной братіи совершенствѣ, зналъ естественныя науки. Не говоримъ о физикѣ,—

это знаніе между нами, до послѣдняго преобразованія нашихъ учебныхъ уставовъ, было довольно распространено. Онъ спеціально изучалъ и отлично зналъ ботанику и имѣлъ у себя гербаріи. Онъ въ совершенствѣ зналъ геологію, насколько въ его пору она развита была, какъ и минералогію, и собралъ было у себя громадные минералогическіе кабинеты. Онъ изучалъ астрономію и занимался и на обсерваторіи астрономическими наблюденіями, при помощи весьма мощныхъ телескоповъ. Онъ изучалъ и зналъ анатомію, для чего имѣлъ у себя анатомическіе атласы. Онъ зналъ математику, даже высшую, въ такомъ совершенствѣ, что, въ санѣ архіерея, будучи въ Петербургѣ на экзаменѣ въ какомъ-то военно-учебномъ заведеніи, когда выставленный воспитанникъ дѣлалъ предъ ученымъ собраніемъ сложную математическую задачу, а наставникъ только глядѣлъ и молчалъ, вдругъ присутствующій архіерей озадачилъ всѣхъ ласковымъ, но рѣзкимъ возгласомъ: „Не такъ, милый другъ“. Это было молніею, заставившею встрепенуться всѣхъ, начиная съ наставника. — „Не такъ, вы допустили ошибку тамъ-то и тамъ-то“, — продолжаетъ архіерей и распутываетъ запутанное. Фактъ былъ тогда въ Петербургѣ общеизвѣстенъ. Свѣтскіе съ тѣхъ поръ провозгласили Аѳанасія свѣтиломъ и, какъ говорилось тогда, носили его на рукахъ. Буквально, генералы водили его подъ руки. Преходитъ образъ міра сего и gloria mundi transit... Какъ зналъ онъ древніе и новѣйшіе языки, — начнемъ съ того, что въ послѣднія 25 лѣтъ своей жизни онъ по русски ничего почти не читалъ, хотя и получалъ всю текущую литературу, какъ свѣтскую, такъ и особенно духовную. — „А я, братецъ, съ русскими книгами вотъ какъ“, — говорилъ онъ мнѣ уже въ Астрахани. — Не взрѣзывая, полученныя съ почты русскія книги, а только оглядывая заглавія, онъ откидывалъ ихъ на полъ, а келейникъ подбиралъ и складывалъ рядами около стѣнъ во внутреннихъ комнатахъ громаднѣйшаго архіерейскаго дома, въ Астрахани. „Дребедень, братецъ ты мой“. По-французски, по-нѣмецки онъ выписывалъ изъ Лейпцига и чрезъ Ригу все, что выходило по части..., какъ бы это сказать, все, что какимъ-бы то ни было образомъ относилось къ библіи, что касалось египтологіи, ассиріологіи, санскритологіи по части религіи, откуда западные ученые переводятъ многое и въ систему откровенія; все, что касалось классической исторіи, особенно же классической финикійской, греческой, римской религіи; все, что касалось стараго и позднѣйшаго израэлитизма въ Палестинѣ, Египтѣ и разсѣяніи; все, что касалось зарождающихся идей, близкихъ къ

христіанству, между евреями, особенно въ періодъ Маккавеевъ и позже, между Ѳерапевтами, Ессеями, іудейскими прозелитами; все, что касалось происхожденія Талмуда и состоянія еврейства въ Вавилонѣ, между аравитянами — въ сѣверной Африкѣ, въ Испаніи, въ Крыму, между хозарами, караимами, даже въ Афганистанѣ, какъ и между русскими субботниками, которыхъ онъ производилъ отъ древнихъ хозаръ, блуждавшихъ около устьевъ Волги и Дона. По-еврейски онъ зналъ, если не глубже протоіерея Павскаго, то безъ сомнѣнія шире, такъ какъ онъ имѣлъ у себя и перечиталъ все, не только то, что имѣется на еврейскомъ языкѣ въ цѣльныхъ произведеніяхъ, но и всякій новооткрываемый фрагментъ. Греческихъ, латинскихъ писателей, не скажу, что онъ перечиталъ всѣхъ, до отцовъ Церкви, до Фотія патріарха включительно. Нѣтъ. Онъ ихъ изучилъ, онъ ихъ проштудировалъ почти по всѣмъ изданіямъ отъ древнихъ до новѣйшихъ. Онъ изучилъ всѣ фрагменты всѣхъ антихристіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ: Цельза, Порфирія и другихъ. Филона, Флавія, писателей христіанскихъ первыхъ вѣковъ, онъ изучилъ и самъ сравнилъ во всѣхъ редакціяхъ. Кто не вѣритъ моимъ словамъ, пусть пересмотритъ не сотни, а тысячи фоліантовъ въ библіотекахъ петербургской академіи, саратовской и астраханской семинаріяхъ, тысячи экземпляровъ его собственной библіотеки, какой у частныхъ лицъ духовныхъ на Руси ни у кого не бывало. Всѣ эти тысячи фоліантовъ исписаны его собственною рукою на всѣхъ языкахъ, особенно же на греческомъ и на латинскомъ. Теперь еще есть современники, предъ лицомъ которыхъ я смѣло предаю это памяти потомства. Они подтвердятъ истину моихъ словъ. Но я уже изъ послѣднихъ, которые видѣли его на закатѣ его дней, — когда онъ уже всецѣло погрузился въ древній міръ. Неизвѣстно, какое количество древнихъ трактатовъ онъ зналъ, какъ мы знаемъ, примѣрно, Новый Завѣтъ; но цѣлыя страницы изъ нихъ онъ читалъ наизустъ, какъ по книгѣ. Онъ читалъ ихъ въ разныхъ редакціяхъ и въ измѣненіяхъ текста, какой они претерпѣвали. Онъ имѣлъ у себя въ медаляхъ, монетахъ, снимки всѣхъ великихъ людей классической древности. Онъ изучалъ всѣ новѣйшія открытія по части памятниковъ первобытнаго христіанства, римскихъ катакомбъ, богослужебныхъ остатковъ, первыхъ живописныхъ изображеній и т. п. Онъ изучилъ и самъ сравнилъ всѣ редакціи какъ подлиннаго четверо-евангелія, такъ и апокрифическихъ евангелій. Конечно, онъ зналъ чуть не наизустъ всю нѣмецкую новѣйшую христологію, и говорилъ, что „нѣмцы тупы, у нихъ нѣтъ свѣт-

лости мысли". Вообще презиралъ и смотрѣлъ на этихъ Штраусовъ и Бауровъ, какъ на недоучившихся, глупыхъ дѣтей. О французскихъ же антихристахъ, вродѣ Ренана, стыдился и упоминать, презирая ихъ глубоко за ихъ крайнюю несостоятельность. Онъ критически изучалъ все, что истреблено въ первые вѣка неразумными ревнителями христіанства, что вставлено, что измѣнено въ первыхъ памятникахъ, касающихся христіанства. Онъ прослѣдилъ всѣ варіанты текстовъ, какъ нехристіанскихъ, такъ и христіанскихъ писателей, современныхъ основанію христіанства, касавшихся его, какъ-то: книгъ Сивиллы, Іосифа Флавія, Тацита, Плинія, Саллюстія, неканоническихъ писаній Эздры, книгъ Еноха праведнаго, апостола Варнавы, Игнатія Богоносца, Поликарпа, Діонисія Ареопагита, Іустина Философа, разныхъ апологій христіанства, Ѳеофила Антіохійскаго, Арнобія, Минуція, Феликса и другихъ. Онъ старался прослѣдить отъ первыхъ источниковъ первые зачатки христіанскаго восточно-православнаго богослуженія, находя, что нѣкоторая система устава нашего богослуженія усматривается еще въ ѳеопевтизмѣ, утверждая, что основы нашего восточно-православнаго богослужебнаго устава, не только литургіи, но и утрени и т. д., современны самому основанію христіанства, тогда какъ богослуженіе западной церкви очень мало сохранило въ себѣ слѣдовъ первоначальной христіанской древности.

Сказать ли, что онъ только изучалъ, а ничего не писалъ? Нѣтъ, онъ писалъ очень много. Въ Петербургѣ, во время его ректорства въ академіи, утверждалось, что онъ слишкомъ многосвѣдущъ, но не крѣпокъ смысломъ, не можетъ сладить съ богатствомъ матерьяла, заложеннаго въ кладовыхъ его головы; не имѣетъ способности къ систематизаціи и потому не можетъ ничего систематическаго написать. Дѣло было не такъ. Въ академіи онъ былъ слишкомъ занятъ многосложными задачами по службѣ и, слишкомъ многое изучая для собственнаго просвѣщенія, но пока еще не для другихъ, онъ не имѣлъ времени посвятить себя какому-нибудь опредѣленному спѣшному труду. А въ Саратовѣ и въ Астрахани онъ писалъ огромныя изслѣдованія, полныя и содержанія и систематической связности. Писалъ и сожигалъ .. Почему? Потому, что не усматривалъ возможности провести свои изслѣдованія въ публику. Потому, что, по совѣсти, не признавалъ ихъ даже полезными, потому что его выводы не во всемъ были согласны съ общепринятыми положеніями науки. Въ Саратовѣ онъ предавалъ сожженію очень многое; учинилъ-ли такое же ауто-да-фэ и въ Астрахани, не

знаю. Сбылось-ли надъ нимъ слово древняго мудреца: *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь?* Сбылось въ наипоразительнѣйшей степени. Нашелъ-ли онъ покой своей душѣ, спускаясь до послѣднѣйшей глубины въ кладезь мудрости? Скажу: и да и нѣтъ. Сперва больше — нѣтъ, а подъ конецъ жизни больше — да. Начать съ того, что, потерпѣвъ тяжкое разочарованіе въ блестящихъ служебныхъ надеждахъ, при напряженнѣйшей служебной ревности въ Петербургѣ и сперва въ Саратовѣ, онъ лѣтъ 20 не прилагалъ своего сердца къ служебнымъ занятіямъ. — „Брось ты, мой другъ, все это (служебные труды, на сколько можно); займись вотъ этимъ", — указывая на тысячи фоліантовъ, лежавшихъ у него грудами на полу, въ шкафахъ, на этажеркахъ, на окнахъ, на диванахъ, креслахъ, вездѣ, — говорилъ онъ мнѣ лично. Конечно, онъ самъ заправлялъ ввѣренными ему епархіями настолько, чтобы не разрушился текущій порядокъ. — „Есть консисторія, и пускай ее вѣдается". — О служебной промоціи, объ отличіяхъ, подъ конецъ жизни онъ забылъ и думать. На обыденныя человѣческія дѣла онъ смотрѣлъ съ высоты золотой рѣшетки Исаакіевскаго собора, съ птичьяго полета, откуда самый Петербургъ кажется такимъ ограниченнымъ, такимъ маленькимъ, а кишащія по его площадямъ и улицамъ величія міра сего являются не болѣе, какъ, кишащими по муравейнику, муравьями. „Когда я бесѣдую съ этими вотъ величіями міра,—указывая на свои фоліанты,—съ этими мудрецами всѣхъ вѣковъ, я все въ мірѣ забываю... Мнѣ ничего не нужно, кромѣ моихъ книгъ, кромѣ этихъ моихъ высокихъ собесѣдниковъ, кромѣ этого высшаго въ мірѣ общества... Лишь только оттуда, свыше (изъ Петербурга) мнѣ намекнутъ, что я имъ мѣшаю, я сейчасъ же избавлю ихъ отъ себя". Онъ такъ и сдѣлалъ подъ конецъ: когда дана была ему телеграмма о томъ, что онъ мѣшаетъ ходу дѣлъ, онъ телеграммою же испросилъ себѣ отставку на покой. Но, поставивъ себя выше житейскихъ огорченій, онъ, тѣмъ не менѣе, *подвергался*, особенно сначала въ Саратовѣ, *наитягчайшимъ скорбямъ внутреннимъ, подвергался отъ болѣзней ума*, болѣзней не тѣхъ, которыя бываютъ плодомъ простаго умственнаго помѣшательства, но болѣзней, которыя проистекаютъ отъ избытка знанія, отъ невозможности сочетать умственныя антиноміи, отъ разгрома, иногда временнаго и преходящаго, умственныхъ принциповъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, сросшихся съ душою. Конечно, и отсюда можетъ произойти наконецъ и физическое разстройство мозга. Но разстройство этого высшаго рода мѣшается не на узкой какой-либо idée fixe, что

я, напр., не человѣкъ, какъ у малосмысленнаго Навуходоносора, или что у меня-де стеклянныя ноги и нужно беречься, какъ-бы ихъ не разбить, или что вотъ-де съ меня сняли только что сшитую шинель, какъ у гоголевскаго Акакія Акакіевича. Нѣтъ, это высшее помѣшательство происходитъ отъ идей, которыя трудно и назвать, отъ идей, на которыхъ мѣшается теперь самое развитое, самое просвѣщенное, самое многоученое человѣчество. Въ припадкахъ этой умственной болѣзни онъ иногда постился чуть не до заморенья себя голодомъ; онъ молился порывисто и, повидимому, не разъ вопіялъ къ Богу, если не какъ Моусей на Синаѣ: *аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси*,—то какъ Илія на Хоривѣ: *довольно съ меня, возми душу мою отъ меня, Господи*". Это я позволяю себѣ сказать о немъ, чтобъ освѣтить и оправдать подобныя мучительнѣйшія состоянія высокихъ душъ. Какъ тѣ великіе избранники Божіи для своего времени были носителями міровой обще-человѣческой скорби, такъ и этотъ въ наше время величайшій искатель мудрости, какъ Прометей, прикованный къ неподвижной скалѣ своего званія, совмѣщая въ своей груди современную обще-человѣческую болѣзнь, отъ безсилія связать въ единство антиномическіе выводы современнаго умственнаго развитія, былъ трагическимъ носителемъ міровой же, обще-человѣческой скорби.

Богъ, въ Котораго онъ глубоко вѣровалъ, Промыслъ, Который онъ безспорно исповѣдывалъ, утверждалъ и провозглашалъ даже въ интимнѣйшей бесѣдѣ, благодать Святаго Духа, которую онъ настойчиво и порывисто призывалъ въ свою смятенную душу евангельскою молитвою: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*, поддержали его. Многолѣтняя охранительная вѣрность своему призванію имѣла для него тотъ плодъ, что къ старости лѣтъ онъ поборолъ въ себѣ припадки своей душевной болѣзни, укротилъ ужасные порывы терзающей скорби и завоевалъ себѣ сравнительный покой души. Мы сказали, вѣрность своему призванію, хотя, быть можетъ, и не безъ преткновеній. Да, онъ крайне боялся, до болѣзненности трепеталъ поводовъ подать собою какой-либо соблазнъ другимъ. Онъ жилъ въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ. Безъ крайности самъ не выѣзжалъ къ другимъ и у себя не принималъ никого, развѣ только по дѣламъ. Для развлеченій—никого. Въ архіерейскомъ священнодѣйствіи онъ былъ величественъ и великолѣпенъ. Богослужебный уставъ въ каѳедральныхъ его соборахъ соблюдался до буквы. Хоръ у него былъ самый лучшій изъ провинціальныхъ, какой только я зналъ, за исключеніемъ воронежскаго, при ны-

нѣшнемъ архіепископѣ Серафимѣ. Къ благосостоянію хора онъ прилагалъ самое горячее отеческое попеченіе. Относительно благоустройства хора въ Саратовѣ онъ пользовался совѣтами такого высокаго знатока, каковъ былъ саратовскій помѣщикъ Бахметевъ, впослѣдствіи директоръ Императорской пѣвческой капеллы. Самъ знаменитый композиторъ, протоіерей Турчаниновъ, кажется, не одинъ разъ спускался къ нему внизъ по матушкѣ по Волгѣ, изъ Петербурга въ Саратовъ, при тогдашнихъ еще способахъ сообщенія, послушать и поруководить его хоръ. Управлялъ у него хоромъ регентъ-капеллистъ, саратовскій священникъ, а пѣло у него въ хорѣ человѣкъ 40 отборныхъ пѣвцовъ, число, какое рѣдко бываетъ въ провинціальныхъ хорахъ. Въ 1858 г. я засталъ въ Саратовѣ уже развалины этого лучшаго изъ провинціальныхъ хоровъ, а регента, пораженнаго чахоткою, на одрѣ смерти, съ котораго я же и опустилъ его въ могилу. Тѣмъ не менѣе этотъ хоръ еще напоминалъ свое старое благоустройство; но затѣмъ быстро пошелъ къ упадку до разложенія. Въ Астрахани мнѣ не удалось послушать его хоръ, по тѣснотѣ времени, хотя онъ и предлагалъ. О благолѣпіи хора на моей памяти, на моихъ глазахъ, изъ архіереевъ больше другихъ заботились преосвященные Смарагдъ могилевскій, Савва полоцкій, но чуть ли не больше всѣхъ Аѳанасій саратовскій-астраханскій. Что же касается многоучености, то архіепископъ Аѳанасій безпримѣренъ и несравнимъ изъ отжившихъ почти ни съ кѣмъ (о живыхъ не говоримъ), какъ между духовными, такъ и между свѣтскими ученѣйшими мужами, какихъ я зналъ. А я встрѣчался на своемъ вѣку съ самыми сильными и многосвѣдущими умами, начиная, между духовными, съ Филарета московскаго, Макарія московскаго, протоіерея Павскаго, между свѣтскими, съ профессоровъ университетовъ и академій. У Павскаго не было такой широты многознанія, хотя, вѣроятно, выработалось больше глубины въ опредѣленномъ направленіи изслѣдованія. У Филарета было несравненно больше глубокой творческой концепціи; но, поглощенный практикою жизни, онъ не имѣлъ и времени изучить столько, сколько изучилъ Аѳанасій, при громаднѣйшей, совершенно безпримѣрной своей памяти. Макарій одностороненъ, въ направленіи къ своей спеціальности, безъ возможности какого-либо сравненія съ Аѳанасіемъ. Иннокентія, Іоанна и сопоставлять съ нимъ нечего: это были сильные умы, богато надѣленные даромъ экспрессивной глубокой мысли, но въ сущности изучали, особенно въ послѣдніе годы жизни, не многое. Однимъ словомъ, Аѳанасій — это былъ гигантъ мысли и знанія, особенно же послѣдняго,

знанія. И этого гиганта отважный столько-же, сколько и непонимающій, человѣкъ и мажетъ дегтярною кистью... Что предъ нимъ, предъ этимъ исполинскимъ умомъ была вся эта толпа съ своими умишками? Что предъ нимъ была эта толпа пономарей, дьячковъ и проч., между которыми во времена-оны я случайно спросилъ одного: „скажите, Протоклитовъ, что значитъ: — „Премудрости Соломони чтеніе?“ А тотъ и далъ мнѣ незабвенный отвѣтъ: „я этого что-то не разберу“. Что вотъ эта толпа, которой одинъ архіерей постоянно предлагалъ одинъ и тотъ же вопросъ: „что значитъ — къ коринѳяномъ посланія святаго апостола Павла чтеніе?“ — и нѣсколько лѣтъ сряду получалъ отвѣтъ совершенно въ томъ же родѣ, вродѣ незабвеннаго саратовскаго Протоклитовскаго: „я этого что-то не разберу“. А бываетъ, что иной и священникъ, правда — изъ неокончившихъ семинарскаго курса, промолчитъ на вопросъ: „что значитъ — отъ Матѳея святаго евангелія чтеніе? Премудрость, прости, услышимъ святаго евангелія? И о сподобитися намъ слышанія святаго евангелія?“ А что же они знаютъ о варіантахъ въ чтеніяхъ Пятокнижія, или Четвероевангелія, о подлинности посланія апостола Іуды, объ Еноховыхъ, Сивиллиныхъ книгахъ и т. д. безъ конца? Да, самомнительность мелочниковъ, скрупулезность всѣхъ — теперь гиганты столько же, сколько и очень мало просвѣщающееся, скорѣе — омрачающееся невѣжество. Аѳанасій возилъ съ собою кучера, когда ѣздилъ по епархіи, а тотъ гонялъ лошадей! Допустимъ. Да. Въ самые послѣдніе дни архіереи дерзаютъ ѣздить по епархіи въ тарантасикахъ. Да, только въ послѣдніе дни, и для этого нужна отвага коснуться старыхъ обычаевъ. Но живъ еще іерархъ, который, переѣзжая рѣку въ тяжеломъ дормезѣ, хотѣлъ-было подъѣхать къ недалекой церкви на легкихъ дрожкахъ, между тѣмъ окружавшіе его—благочинный и другіе священники стали упрашивать его тутъ-же, говоря: „Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, въ каретѣ, въ каретѣ!“ Не лишнее подчасъ задуматься надъ вопросами, отчего это Далай-Лама никогда не показывается очамъ смертныхъ? Отчего, когда несутъ въ паланкинѣ китайскаго императора, съ пекинскихъ улицъ прогоняютъ цѣлый милліонъ прохожихъ, чтобы ни одинъ изъ жителей Небесной имперіи не имѣлъ роковой случайности узрѣть сына неба? Было-ли бы хорошо, если-бъ римскій папа, или хоть московскій митрополитъ Филаретъ прокатился по Невскому, на петербургскомъ убогомъ Ванькѣ? А коли архіерею въ поѣздкѣ по епархіи нуженъ приличный экипажъ, то весьма не излишне посадить на козлы и кучера,

который привыкъ обращаться съ такими экипажами. Иначе вы наткнетесь на десятки случаевъ, гдѣ будете рисковать сломить себѣ голову. Но этотъ кучеръ гонялъ лошадей? Но авторъ „Записокъ“, который ѣздилъ только на своей лошадкѣ, не знаетъ по опыту, что подъ архіерея всегда и вездѣ запрягутъ лучшихъ въ околоткѣ лошадей, и что эти лошади такъ вымуштрованы, что ихъ и удержать невозможно. Я знаю архіерея, который разсчитывалъ свой маршрутъ по 12 верстъ въ часъ съ остановками: „такъ возятъ“, и это еще тихо. Я знаю архіерея, который во всю 2000-верстную ежегодную путину постоянно повторяетъ одно слово: „акрымъ“ (по татарски), „тише“ (по русски). А все-таки случается, что его несутъ сломя голову; и не разъ чуть-чуть не задавили форрейторовъ, особенно при скачкахъ въ гору; два раза было, что едва не убили кучера, а архіерей со спутникомъ благополучно выскочили въ виду опасности. Впрочемъ выскакивать изъ экипажа приходилось ему далеко не разъ.

„Всѣ священники кланялись Аѳанасію въ ноги“. Такъ въ Саратовѣ заведено было издавна, не Аѳанасіемъ введено, не Аѳанасіемъ и вывелось. Еще при Іоанникіи I я засталъ, что архіерею всѣ, принадлежащіе къ духовенству, кланялись не иначе, какъ въ ноги. Преосв. Аѳанасій со своей стороны очень мало склоненъ былъ къ разрушенію обычаевъ, освященныхъ давностію и народнымъ уваженіемъ. Уже въ послѣдніе годы жизни въ Астрахани, онъ говорилъ мнѣ самому: „А, не трогай, не трогай. Боже сохрани! Къ чему народъ привыкъ, что освящено народною вѣрою, ни, не трогай. Тронешь—разстроишь, а разстроишь,—не поправишь“. Такъ оно и вышло: съ 60-хъ годовъ даже церковно-житейскіе обычаи сами собою всколебались, а всколебавшись, нѣкоторые и разрушились. Напримѣръ, этотъ самый обычай выраженія почтенія архіереямъ со стороны подчиненныхъ. До какой степени онъ расшатался, особенно же въ духовной школѣ, тому можно бы представить тысячи поразительныхъ доказательствъ. Одинъ сановитый архіерей, недавній ректоръ академіи, посѣтивъ лавру, разсказывалъ въ своемъ епархіальномъ городѣ: „вотъ идешь по лаврѣ, массы народа видятъ, что архіерей, и всякій православный поклонится, сниметъ шапку. А какъ только видишь человѣка, который не снимаетъ шапку, то—навѣрно студентъ академіи“. Другой архіерей неоднократно повторялъ: „ѣдешь,—почти всѣ сдѣлаютъ тебѣ честь, и старые и малые. А

какъ только видишь группу молодежи, которая носитъ даже въ пиджакахъ и съ выпущенными полисончиками свой характерный размашистый типъ, которая намѣренно не снимаетъ шапокъ, то такъ и знай—семинаристы. Выходятъ гурьбой изъ гимназіи гимназисты,—изъ тѣхъ, при встрѣчѣ съ архіереемъ, рѣдкій не сниметъ шапки. Идутъ гурьбой семинаристы, изъ нихъ—наоборотъ—рѣдкій сниметъ шапку и сниметъ очень характерно, какъ будто стыдясь прохожаго народа и извиняясь предъ нимъ въ своей вѣжливости, скинетъ фуражку и въ ту же минуту снова надвинетъ, или только притронется къ козырьку". Первымъ дѣломъ приходится всякаго мальчика—школьника, особенно коли онъ семинаристъ и проситъ мѣста по церковному вѣдомству, всякаго первымъ дѣломъ приходится учить, чтобъ онъ кланялся по старинному, и по-русски, по церковному,—не въ ноги, куды! А чтобъ онъ кланялся по старинному, и не трясъ только кудрями, а почтительно гнулъ спину. Вѣдь, разучиваются кланяться и въ Церкви, особенно же бить земные поклоны, разучиваются просто сгибать спину и голову, даже креститься. Посмотрите на свѣтскихъ, входящихъ въ храмъ Божій: кто изъ нихъ поклонится? Ни одинъ. Кто истово перекрестится? Очень рѣдкій. Все тоже отражается нынѣ и на нашемъ духовномъ юношествѣ. А что грѣха таить,—и на священствѣ. Одинъ архіерей, прибывъ на каѳедру, сотни разъ повторялъ: „не видѣлъ ни одного священника, который бы истово крестился". А нѣкоторыхъ, правда упорныхъ, нѣсколько лѣтъ онъ училъ креститься по священнически, по христіански, по русски—истово, да такъ и рукой махнулъ. А пр. Аѳанасія напрасно воображали нѣкоторые либераломъ по части церковности: онъ менѣе многихъ другихъ былъ способенъ относиться равнодушно къ открытому нарушенію церковности, уставовъ и обычаевъ Церкви.

„Былъ слабъ въ управленіи. Завѣдывали дѣлами около него такой-то и такой-то". Отчасти справедливо. Почему онъ не прилагалъ сердца къ канцелярской работѣ по управленію, это объяснено выше. Но скажу за достовѣрное, что, не смотря на эту слабость, или, быть можетъ, именно въ силу этой же самой слабости, его любили. Утверждаю это, по крайней мѣрѣ, относительно Саратова. Любили его дворяне-бары за его барскій тонъ, за его высокій умъ, за его толерантность и элегантную обходительность, наконецъ за его вниманіе къ нимъ, по крайней мѣрѣ, къ самымъ важнымъ изъ нихъ. Въ Саратовѣ было въ то время такъ, что угоди двумъ-тремъ лицамъ изъ высшаго общества, даже нѣтъ, угоди одной какой-нибудь барынѣ, она о тебѣ

протрубитъ, и прослывешь во всей губерніи прекраснѣйшимъ архіереемъ, умнымъ, любезнымъ, и все, и все. Любили его раскольники уже по тому самому, что онъ, какъ по характеру своему, по складу убѣжденій, такъ и по вѣяньямъ свыше, не могъ, какъ и не хотѣлъ дѣйствовать по примѣру своего строгаго предмѣстника, преосв. Іакова. Глава старовѣрія, единовѣрецъ по спискамъ, старовѣръ по характеру, городской голова Масленниковъ, очень вліятельный тогда въ саратовскомъ обществѣ человѣкъ, былъ его другомъ и угодникомъ. Его преемники архипастыри не могли достигнуть, хотя и не прочь были желать этого, особенно же Іоанникій I. Наконецъ любило его и духовенство. Преосвященный Іаковъ былъ уже очень строгъ и требователенъ до непреклонности. Преемники преосв. Аѳанасія были также строги и требовательны, въ дѣловой формалистикѣ крайне точны и отъ духовенства самозамкнуты. А пр. Аѳанасій, первымъ дѣломъ, въ епархіальныя дѣла особенно не вникалъ, взыскательной притязательности къ поведенію духовенства не обнаруживалъ; кто попался въ чемъ-либо, стоило сходить туда-сюда, покланяться, и бѣда большая, по крайней мѣрѣ, разсѣется грозной пронесшейся тучей, и всѣ довольны. Истинно говорю, слышалъ отъ разныхъ лицъ изъ духовенства: „сходилъ... и слава Богу, разлюбезное дѣло“. При преемникахъ преосв. Аѳанасія, Іоанникіи I и особенно при Евфиміи, духовную братію подтянули по разнымъ статьямъ устава духовныхъ консисторій.

Кстати сказать, авторъ „Записокъ сельскаго Священника“ не прочь, повидимому, потѣшиться и на счетъ нѣкой Елены Андреевны Ивановой. По крайней мѣрѣ, въ неблагопріятномъ свѣтѣ онъ готовъ выставить какъ ее, такъ и преосв. Аѳанасія, когда этотъ принималъ сельское духовенство въ ея сельскомъ домѣ. Напрасно, неблагодарно, нехорошо, любезный братъ..! Когда переведутся на Руси люди, подобные Еленѣ Андреевнѣ, а разведутся около васъ люди исключительно только такіе, которые рукоплещутъ вашимъ „Запискамъ“, то вамъ, то священству будетъ дѣлить нечего. Елена Андреевна—это исчезающій, если только не исчезнувшій на Руси, типъ родовитой дворянки, богатой помѣщицы, преданной Церкви и іерархіи, благотворительницы духовенства. Начать съ того, что она смолоду до старости пользовалась неизмѣннымъ не только вниманіемъ, не только уваженіемъ, но и почтительнымъ дружествомъ первыхъ четырехъ, сряду слѣдовавшихъ саратовскихъ архипастырей, какъ-то: Моисея, Іакова, Аѳанасія и Іоанникія I. Она была единственная любимая дочь отъ втораго брака очень богатаго, родови-

таго барина Карпова. Выдѣливъ дѣтей отъ первой жены, родители всю любовь свою сосредоточили на этомъ послѣднемъ и для матери единственномъ дитяти. Она сама была замужемъ дважды, сперва, по волѣ родителей, за полковникомъ гвардіи, а второй разъ, по собственному выбору, за инспекторомъ врачебной управы Ивановымъ. Родители ея, имѣя изстари собственный домъ въ самомъ городѣ и большое дворовое мѣсто, большую часть его уступили подъ церковь, которую и построили на собственныя же средства, церковь обширную, трехъ-престольную, каменную, чрезвычайно прочную. Оставшись самостоятельною наслѣдницей отлично благоустроеннаго имѣнія и городскаго дома, дочь Елена Андреевна весь свой вѣкъ была если и не по имени, то на дѣлѣ, попечительницею этой церкви, правда, властною и своенравною въ извѣстномъ направленіи, но и благодѣтельною. Церковь была приходская, но состояла на полной волѣ Елены Андреевны, которая сама выбирала членовъ причта, благотворила имъ, покровительствовала, защищала, но ужъ и правила-же ими полновластно. Въ людяхъ вкусъ имѣла большой, и ея священники были непремѣнно образцовые по всему, начиная съ наружности и манеры. Если священникъ, бывало, ей не приглянется, такого она сживала непремѣнно. Свою церковь она расширила, отлично благоустроила и не только всѣмъ нужнымъ снабдила, но и обогатила. Напримѣръ, желая, чтобы у нея по церкви было все образцово, она заказала по своей церкви, на свой счетъ, все облаченіе—ризы, стихари, подризники и проч. на столько лицъ, сколько, обыкновенно, бываетъ при торжественномъ архіерейскомъ служеніи. И устроила все это изъ такой парчи, какой теперь и не видишь, о какой вспоминаешь только по преданію, - по нѣскольку десятковъ рублей аршинъ. Архіерейскій же саккосъ она устроила лучшій въ Саратовѣ, по золотому глазету весь роскошно шитый серебромъ. Желая, чтобы ея церковь не отставала отъ другихъ и въ звонѣ, она уже подъ старость, когда и эмансипація была на носу, когда средства ея уже пошатывались, устроила все-таки большой колоколъ въ триста слишкомъ пудовъ. Никто изъ саратовскихъ священниковъ отъ дверей ея не отходилъ напрасно. Въ праздники Рождества Христова, Крещенія и Св. Пасхи каждый саратовскій священникъ (но Боже сохрани, не въ первый день) шелъ къ Еленѣ Андреевнѣ на домъ, входилъ съ клиромъ безъ доклада, становился предъ иконами и пѣлъ поздравительныя праздничныя пѣсни, присутствуетъ-ли Елена Андреевна, или нѣтъ, все равно. А гдѣ теперь найти такихъ бояръ? Видали ея жертвы и монастыри,

какъ мужской, такъ и женскій. Ѣдали ея хлѣбъ-соль всѣ архіереи, къ которымъ она была угодлива, тогда какъ въ отношеніи къ губернскимъ чинамъ была надменна, а къ родовитымъ дворянамъ властна. Визиты она никому почти не отдавала, кромѣ архіереевъ. Но, сохрани Богъ, не поклониться Еленѣ Андреевнѣ. Получивъ старинное дворянское образованіе, надѣленная отъ природы необычайно острымъ умомъ, особенно же острымъ, какъ бритва, языкомъ, зная всю подноготную всей мѣстной знати, умѣя преискусно играть на инструментѣ, переплетающихся мѣстныхъ, самолюбій и серьезныхъ интересовъ, она нѣсколько десятковъ лѣтъ царила надъ общественнымъ мнѣніемъ въ Саратовѣ. Ея обширный кабинетъ, ея спальня — это была моленная, безпримѣрная по виду: всѣ стѣны, отъ потолка почти до полу, были увѣшаны иконами, крестами, четками, всякими святынями, какъ фамильными, перешедшими къ ней отъ родителей и предковъ, такъ и поднесенными—отъ благословеній архіереевъ, отъ приносовъ разныхъ игуменій, монаховъ, странниковъ, паломниковъ изъ Іерусалима, Аѳона, Кіева, Почаева и т. п. Всѣ подобныя лица ютились около Елены Андреевны, которая и называлась въ Саратовѣ „покровскою (отъ ея покровской церкви) игуменьею“. — „А что, у покровской игуменьи были?“ — И духовному лицу у покровской игуменьи не быть въ Саратовѣ все равно, что быть въ Римѣ, да не видѣть папу. Увы! Она пережила всѣхъ своихъ, все свое и себя самую. Она пережила родныхъ, пережила свой барскій бытъ, пережила свое вліяніе, ликвидировала свое состояніе,—все это скоро послѣ эмансипаціи. Она пережила свой родовой домъ, — продала его. Боже мой! Думаю, съ какою горестью она разсталась съ своею церковью, въ которую положила всю любовь своего сердца. Кстати замѣтить, что вслѣдствіе несчастія перваго брака, она дѣтей весь вѣкъ не имѣла. Она пережила свое зрѣніе отъ слезъ, а все жила. Жива-ль, умерла-ль теперь, не знаю; переписывались, но прекратили переписку. Переживъ себя и свое значеніе, она, увы! пережила и исключительное вниманіе къ себѣ преосвященныхъ архіереевъ, начиная уже съ пр. епископа Евѳимія. Во всякомъ случаѣ, грѣшно нашей братіи кинуть въ ея память камнемъ осужденія, или насмѣшки. Нѣтъ, такимъ доброхотамъ и благотворителямъ Церкви, по преданію отъ предковъ, какъ приснопамятная болярыня Елена Андреевна Иванова, да будетъ вѣчная, вѣчная, вѣчная память! И вѣчная утѣха у Мздовоздаятеля Бога.

Подобные же благотворители Церкви, духовенства и всякой ни-

щеты были въ Саратовѣ храмосоздатели великолѣпныхъ каменныхъ Архангельской и Свято-Духовской церквей, купцы Хрисанѳъ Образцовъ съ женою и зять ихъ, Петръ Ѳеодоровичъ Тюльпинъ съ женою, Даріею Хрисанѳовною. Вѣчная имъ память! Это уже переживающіе типы. А дѣти ихъ (мужскаго колѣна) уже, увы! далеко не тѣ — и вышли бездушною мелкотою въ самоновѣйшемъ вкусѣ, ни Богу, ни людямъ, хотя и наслѣдовали громадныя состоянія. Увы! Эта величавая свято-отеческая старина вырождается на нашихъ глазахъ. И не намъ кидать въ нее комками грязи; намъ слѣдуетъ преклониться предъ нею, съ благочестіемъ благоговѣйной признательности и умилительной жалости: прости родная, прости святая, прости боголюбивая и боголюбезная русская старина! Унеси съ собою и насъ туда, гдѣ ничто святое не старѣется... потому что и мы уже отживаемъ свое земное поприще, хотя и надѣемся, что не составляемъ пока еще переживающіе типы.

Мы сказали уже, при какихъ обстоятельствахъ назначенъ былъ на саратовскую каѳедру преемникъ преосв. Аѳанасія, епископъ *Іоанникій I.* Когда, по заключенному съ Римомъ соглашенію, открыта была въ Саратовѣ римско-католическая, такъ называемая тираспольская, каѳедра епископа, которому подчинена была громаднѣйшая территорія, начиная отъ Крыма и Кавказа и оканчивая Камчаткою чрезъ всю Сибирь, открыта была въ Саратовѣ, по давнему домогательству еще отцовъ-іезуитовъ, водворившихъ-было свое гнѣздо даже въ Астрахани, потому что въ Саратовской губерніи предполагалось довольно густое населеніе католиковъ, тысячъ до пятидесяти, въ нѣмецкихъ колоніяхъ: то въ ту пору, — помнится, въ 1856 или 1857 году,—Государь Императоръ Александръ II вопросилъ, правившаго тогда должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, Карасевскаго: „А хорошъ-ли въ Саратовѣ православный архіерей?“ на что г. Карасевскій, во время-оно преклонявшійся предъ загоравшеюся звѣздою Аѳанасія, ничтоже сумняся, отвѣтилъ: „Нѣтъ, Ваше Величество, не совсѣмъ благонадеженъ“. — „Ну, конечно, послать болѣе благонадежнаго“. — Вотъ и послали Іоанникія I, удаливъ Аѳанасія въ Астрахань. Безспорно, Іоанникій былъ изъ весьма благонадежнѣйшихъ вообще между благонадежными, каковыми, естественно, считать всѣхъ архіереевъ. Нѣкогда инспекторъ кіевской академіи, ректоръ семинарій ярославской и с.-петербургской, затѣмъ короткое время—епископъ старорусскій, викарій новгородской митрополіи, отсюда, изъ Новгорода онъ назначенъ былъ на самостоятельную каѳедру саратовскую. Это былъ человѣкъ самый мнительный,

самый осторожный, самый осмотрительный въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ дѣлѣ, словѣ и, конечно, даже помыслѣ, какого только я зналъ между русскими архіереями, а всѣ они призваны и обстоятельствами вынуждаются быть крайне осмотрительными, чтобы не полагать претыканія не только другимъ, но и самимъ себѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ посредѣ сѣтей минуетъ, посредѣ капкановъ ступаетъ на каждомъ шагу. Сотни и тысячи очей глядятъ на нихъ, готовыя соблазняться; сотни языковъ высунуты, готовыя глумиться; тысячи зубовъ оголены, чтобы скалозубить. Никто другой не гнулся такъ подъ этимъ бременемъ архіерейства, какъ Іоанникій I. Характеръ его дѣятельности въ Саратовѣ опредѣлился обстоятельствами, какія отяготѣли на его предшественникѣ и сдѣлали сего послѣдняго неудобнымъ въ Саратовѣ. Это—нареканія на нѣкоторыя шероховатости въ образѣ жизни, зазираемыя старовѣрческимъ ригоризмомъ. Это—нѣкоторая размашистость въ поведеніи духовенства, разслабленная гуманнымъ духомъ предшествующаго архипастырства. Это—щекотливое отношеніе къ расколу, при новыхъ правительственныхъ вѣяніяхъ, гдѣ архіерей поставлялся между двухъ огней: между ревностью къ исполненію долга, охраненія интересовъ Церкви и нуждою прилаживаться къ наклону свѣтской власти, весьма склонной тогда прислушиваться къ воплямъ раскола, яко бы утѣсняемаго притязательностью духовенства. Извѣстно, что въ эту пору изданы, такъ-называемыя, правила 1858 года, отмѣнявшія прежнюю вѣковую практику воздѣйствія власти на всякія отпаденія отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Наконецъ новая, конечно, — на первыхъ порахъ,—вздутая ложными страхами,—однако же, весьма пугавшая задача—оградить саратовское общество отъ воздѣйствія новаго опаснаго фактора, римско-католической іерархіи и вообще латинскаго духовенства. Въ личномъ поведеніи Іоанникій I не только внималъ себѣ вообще, но внималъ каждому своему поступку, каждому слову, каждому взгляду и пугливо относился ко всякой, возникающей около него о немъ самомъ, молвѣ. Не скажу, что и при этомъ оберегся вполнѣ, показывая тщету иногда самой крайней осмотрительности; но Богъ воздастъ и воздалъ ему даже при жизни за трудъ неусыпнаго береженія своей святительской чести. Его самобереженіе въ отношеніи къ внѣшности, чтобы не подать претыканія и соблазна другимъ, простиралось до того, что однажды, на первыхъ порахъ, когда водворился въ Саратовѣ римско-католическій епископъ съ капитуломъ, и когда, по внушенію свыше свѣтскимъ саратовскимъ властямъ — ласкать ихъ

по возможности, городское общество давало обѣдъ, на который во главѣ пригласило обоихъ епископовъ, православнаго и латинскаго; а дѣло происходило въ одинъ изъ постовъ, помнится, Филипповъ; и православный епископъ освѣдомился, что на торжественномъ обѣдѣ будутъ подавать постное только ему, архіерею, да нѣкоторымъ ревнителямъ церковности изъ купечества, — Іоанникій I, прочитавъ предобѣденную молитву и призвавъ благословеніе Божіе на тотъ столъ, на которомъ стояли постныя закуски, вдругъ совершенно сдержанно обращается къ католическому епископу и, указывая на столъ съ скоромными яствами, серьезно приглашаетъ его: „А это благословите, ваше преосвященство, вы для нихъ, — вамъ уставъ разрѣшаетъ". Свѣтскія власти и общественники отсюда поняли, что не слѣдуетъ православнаго епископа звать на публичные обѣды въ постъ, когда подаются скоромныя яства, которыя Церковь запрещаетъ, значитъ, и архіерей благословить не можетъ, — что наше православно-русское общество, такъ-называемое интеллигентное, по образу жизни отшатнувшись отъ святоотеческихъ уставовъ православно-русскаго народа и Церкви, приблизилось скорѣе къ обычаямъ латинскаго костела, и что на общественныхъ обѣдахъ, на глазахъ всѣхъ соблазняющихся, особенно же старовѣровъ, вредно и небезопасно сажать рядомъ, во главѣ русскаго общества, архіереевъ православнаго и латинскаго. Вообще, это былъ изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ, изъ самыхъ буквально импозантныхъ характеровъ. Онъ отяготѣвалъ надъ обществомъ, направляя его въ сторону собственнаго тяготѣнія, не шумя и гремя, не ораторствуя, не говоря чаще ни слова, молча, въ молчаніи только шевеля своимъ усомъ, да вскидывая туда-сюда своимъ взглядомъ. И наружность его была превнушительная: высокій, тонкій, частію согбенный станъ, часто преклоненный долу взоръ, длинный прямой носъ, темно-карій отливъ глазъ, темный длинный волосъ на головѣ, при большихъ усахъ узкая французская бородка, тонкій дребезжащій голосъ, чуть-чуть пришепеливающій голосъ, выцѣживаніе рѣчи по слову, изъ-за полусжатыхъ зубовъ. Явно, что обдумываетъ человѣкъ каждое слово, заикаясь и нервно покашливая, поводя нервнымъ холодкомъ и дрожью по спинѣ собесѣдника. Дамы высшаго полета и, тогда невывѣтрившагося пока еще, французскаго говора называли его кардиналъ Мазарэнъ (Мазарини), монсиньеръ Жанисъ (Jeannise, Іоанникій). Да, похожъ, очень похожъ на портреты кардинала Ришилье,—Мазарини портретовъ я никогда не видалъ, за исключеніемъ того, что Ришилье держался гордо и прямо, а нашъ Іоанникій согбенно,

смиренно, угрюмо, тѣмъ не менѣе для слабонервныхъ грозно. Разсказывали, что когда изъ Саратова прибылъ онъ въ Варшаву варшавскимъ и новогеоргіевскимъ архіепископомъ, послѣ архіепископа, ставшаго митрополитомъ кіевскимъ, Арсенія, державшаго въ Варшавѣ подчиненныхъ нѣсколько вольненько, и на встрѣчу его высокопреосвященству, новоприбывшему архіепископу, на первую предъ Варшавой станцію, выѣхали два монаха варшавскаго архіерейскаго дома со шляпами на головахъ, вмѣсто клобуковъ, а при первомъ представленіи его высокопреосвященству со шляпами въ рукахъ и обнаженными головами, вдругъ его высокопреосвященство тихо, однако же пристально поглядывая, вопрошаетъ: „Вы кто же такіе?“ — „Монахи вашего дома“,— тѣ отвѣчаютъ развязно. — „Монахи.... монахи.... монахи....“, изволитъ тихо повторять его высокопреосвященство, шевеля усомъ и пристально глядя. Тѣхъ не только морозъ подралъ по кожѣ, но чуть параличъ не ударилъ тутъ же на мѣстѣ. Конечно, другу-недругу съ тѣхъ поръ заказали выставляться предъ новоприбывшимъ его высокопреосвященствомъ, въ качествѣ полупольскихъ ксендзовъ, русскихъ монаховъ, забывающихъ даже наружное уставное благоприличіе.

Отношенія къ расколу въ Саратовѣ его тяготили и огорчали. Онъ весьма не прочь былъ привлечь къ себѣ пріязненнаго раскольничеству Масленникова, какъ и другихъ саратовскихъ общественниковъ, всѣхъ болѣе или менѣе тяготѣвшихъ къ старинкѣ. Но это ему не удавалось. Почуяли, что въ немъ вѣетъ не тѣмъ духомъ нескрываемой толерантности, какимъ вѣяло отъ его предшественника, и не пропускали случая показать ему холодное недовѣріе. А по селамъ и деревнямъ полу-раскольники, полу-православные, начали отпадать массами, сотнями и даже тысячами, просто цѣлыми, поголовно приходами. Это тѣ, — какъ онъ самъ, равно какъ и преемникъ его, преосв. Евѳимій, сказывали, — это тѣ, которые номинально, но не въ душѣ, вольною волею, обращены были къ Церкви неусыпными трудами преосвященнаго Іакова. Въ его же время появились представители австрійской лже-іерархіи. Не освободившись ни отъ старыхъ воззрѣній, ни отъ стародавнихъ пріемовъ воздѣйствія на расколъ, онъ былъ подавленъ заботою, какъ бы похватать ихъ, всѣхъ этихъ лже-архіереевъ и запереть, и тревогою, что всѣ эти неудачи будутъ поставлены ему высшею властію въ вину. Вообще, онъ былъ мученикъ собственной мнительности и внутреннихъ тревогъ. Надъ консисторскимъ дѣлопроизводствомъ онъ сидѣлъ денно-ночно, никому даже изъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ не довѣряя,

держа ихъ всѣхъ отъ себя вдали, на весьма почтительномъ разстояніи, ни съ кѣмъ изъ нихъ не совѣтуясь, очень рѣдко удостоивая подѣлиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ своими думами, заботами и душевными тревогами. За то онъ преусердно искалъ опоры своему мятущемуся духу въ высшихъ сферахъ, постоянно сносясь съ носителями высшей духовной власти, постоянно обращаясь къ руководственнымъ совѣтамъ святителя московскаго Филарета, зная, что въ эту пору Филаретъ и изъ Москвы, чрезъ совершенно преданнаго ему оберъ-прокурора, графа А. П. Толстаго, давалъ высшее направленіе дѣламъ православнаго духовнаго вѣдомства. Саратовское духовенство при немъ крѣпко сжалось въ своей, разудало-широкой, русской размашистости. Охало въ его время сильно, хотя онъ и не принималъ суровыхъ мѣръ. Страшила всѣхъ, даже ближайшихъ, эта его замкнутость, эта таинственная недоступность и непроницаемость. „Богъ его вѣдаетъ, что онъ думаетъ, его не разгадаешь, чего онъ хочетъ“, шептали сжатыя сердца тихими устами самыхъ близкихъ къ нему, самыхъ благонадежныхъ и степенныхъ людей изъ саратовскаго духовенства.

Такой же, нѣтъ, еще большій страхъ нагналъ онъ и на мѣстное католическое духовенство. Нужно замѣтить однакоже, что онъ умѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи свѣтскаго общества, какъ никто изъ его предмѣстниковъ и преемниковъ. Правда, онъ и искалъ этихъ симпатій, впрочемъ съ безупречною сановитостью. Богъ послалъ ему не только преданнѣйшихъ, но даже благопокорныхъ людей въ семьѣ губернатора Алексѣя Дмитріевича Игнатьева, въ немъ самомъ, въ его супругѣ, богопреданной Прасковьѣ Александровнѣ, урожденной Воейковой, внукѣ знатной московской боярыни Арсеньевой, да въ выше-упомянутой Еленѣ Андреевнѣ Ивановой, которая продолжала еще царить надъ общественнымъ мнѣніемъ саратовскаго барства и чиновничества. Каждый день къ нему ѣхали, бывало, съ визитами десятки баръ и барынь. Все это сидѣло у него по нѣскольку часовъ и выкладывало въ разговорахъ всѣ саратовскія новости до послѣдней тонкости. А онъ, въ особыхъ видахъ, претерпѣливо выносилъ это высиживанье, исполняя этотъ трудъ, какъ бы долгъ службы. Изъ этихъ-то ежедневныхъ, разнообразныхъ бесѣдъ онъ вызнавалъ каждый шагъ католическаго епископа и его свиты. Было ли чего опасаться? Быть можетъ. Тогда испугались-было стараго пугала, якобы очень уже искусной католической пропаганды. Я не думалъ этого тогда, не думаю и теперь. Еслибъ Екатерина II, еслибъ Павелъ I и Александръ Благословенный (въ первые годы своего

царствованія) не обременяли своею благосклонностію латинскую іерархію; если бы хоть не возстановляли іезуитскій орденъ, уничтоженный самими папами, и не попускали пропаганды іезуитовъ въ Россіи, отъ Могилева, Полоцка и Петербурга до Астрахани, въ какихъ-то фантастическихъ видахъ политики, въ господствующемъ и до сего дня убѣжденіи, что православное духовенство безсильно имѣть глубокое нравственное вліяніе на народъ; еслибъ наши аристократы и аристократки не такъ падки были до всякой не-русской проповѣди Христа, проповѣди не родной, не-православной, и ко всякимъ проповѣдникамъ, которые говорятъ не на полу-славянскомъ съ текстами, а на прекрасномъ французскомъ, или нынѣ модномъ англійскомъ языкѣ, въ родѣ патеровъ Груберовъ, графовъ де-Мэстровъ, или лордовъ Редстоковъ; если бы русскія по мундиру, польскія по вѣрѣ и духу, власти не сгоняли русскихъ мужиковъ, какъ было въ Бѣлоруссіи, на іезуитскія миссіи, на торжественнѣйшія литаніи, крестныя хожденія, съ пышною католическою святынею, съ трехсаженными крестами, на многихъ сотняхъ верстъ, къ изумленію православныхъ, къ униженію смиренной и нищей православной Церкви, какъ было въ началѣ этого столѣтія въ Бѣлоруссіи; еслибъ государство не надѣляло іезуитскія, вообще католическія учрежденія многими тысячами крестьянскихъ русскихъ душъ, а католическихъ іерарховъ, напримѣръ могилевскаго митрополита (русское правительство въ особыхъ видахъ учредило и этотъ чинъ), или виленскаго архи-бискупа, чуть не-царскимъ, во всякомъ случаѣ высоко-магнатскимъ содержаніемъ,—и какъ же иначе?—то сами іезуиты въ изстари благочестивомъ православномъ русскомъ людѣ, ни въ Великороссіи, ни даже въ Бѣлоруссіи, не имѣли бы никакого успѣха, ни тогда при Екатеринѣ II, Павлѣ I, Александрѣ I, ни тѣмъ болѣе въ послѣднее время. Если до 1863 г., какъ разъяснилъ графъ Муравьевъ-Виленскій, они шумѣли, трещали, поражали, блестѣли, увлекали пышностью, образованностію и элегантностью саму блестящую Екатерину II; увлекали своею ревностью о славѣ Божіей, поддѣльною преданностію и величіемъ міровыхъ идей Павла I, гросмейстера Мальтійскаго ордена древняго рыцарства; увлекали Александра I своимъ благочестіемъ и искусствомъ вліять на умы и нравственность аристократическаго общества, то только потому, что русская власть предоставляла имъ къ тому громадныя средства, не только своимъ нравственнымъ сочувствіемъ, но и правительственными распоряженіями въ пользу ихъ тенденцій и громадными дотаціями въ счетъ Русскаго государства. Какъ иначе іезуиты могли бы

основать свое гнѣздо даже въ Астрахани, гдѣ и сотни католиковъ нельзя было набрать? Какъ могли они настроить сотни и тысячи грандіознѣйшихъ костеловъ среди почти сплошнаго русскаго православнаго населенія? Паны лупили съ русскихъ мужиковъ чуть не послѣднюю рубаху, заставляли всю Бѣлоруссію полгода ѣсть пушной хлѣбъ съ мякиною, какого здѣсь не станетъ ѣсть и свинья, а полгода никакого, и полсостоянія своего, собираемаго съ милліоновъ русскихъ людей, офяровали на косцельное набоженство и на польскую справу; а русскіе мѣстные правители, въ родѣ Потапова, глядѣли на это участливо, находя поляковъ и полекъ такими изящными и привлекательными, польскихъ ксендзовъ такими ловкими, образованными и элегантными, а русскихъ поповъ — такими скаредными и противными; а русскіе законы всему этому покровительствовали, до 1863 года, до приснопамятнаго русскаго богатыря, богатыря русскаго смысла и русской противъ самихъ же русскихъ отваги, приснопамятнаго графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленскаго, — вѣчная ему память! Такъ я говорю, что саратовскіе католики не могли имѣть никакого успѣха, въ смыслѣ пропаганды, среди русскаго населенія той мѣстности.

Въ Петербургѣ въ 1864 г. одинъ великій бояринъ, дѣйствительно ученый знатокъ католичества Графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, въ Россіи, спрашиваетъ меня публично: „Вы изъ Саратова?“ — Изъ Саратова. — „Тамъ католики?“ — Тамъ католики. — „Тамъ пропаганда?“ — Никакой тамъ нѣтъ пропаганды. — „Не можетъ быть, тамъ пропаганда“. — Никакой тамъ нѣтъ пропаганды. — Высокому боярину такой отвѣтъ какой-то безвѣстности весьма не понравился, и съ тѣхъ поръ не понравилась ему самая безвѣстность, ставшая извѣстной ему при такой невыгодной компликаціи. И какимъ простачкомъ, да и тупымъ еще, тогда онъ вообразилъ меня, конечно. Между тѣмъ я зналъ, что говорилъ, что и теперь повторяю. Вообразили было, какъ и говорилъ митрополитъ С.-Петербургскій Григорій: „Вонъ тамъ у нихъ, у католиковъ, пропаганда. Вонъ, тамъ они раскольниковъ совращаютъ“. А всѣхъ совращеній и было только, что купецъ А—въ, раскольникъ, или единовѣрецъ, во всякомъ случаѣ больше раскольникъ, чѣмъ единовѣрецъ, у котораго католики наняли цѣлый домъ съ дворомъ, въ цѣлый кварталъ, подъ свою семинарію, подъ квартиры ректора, инспектора и т. д. Такъ этотъ А—въ, чисто въ торговыхъ видахъ, попустилъ-было своему сыну-мальчику учиться нѣмецкому разговорному языку среди католическихъ семинаристовъ, большею частію

нѣмцевъ-колонистовъ. По этому единичному факту забили было тревогу отъ Саратова чрезъ Москву до Петербурга. Конечно, этому А—ву отъ его затѣй не поздоровилось. Кому охота, а особенно серьезному торговому человѣку, старовѣру, — кому охота стать притчею во языцѣхъ: „Вонъ, въ католики, въ латины-де совращается"! Другой фактъ, правда, былъ посерьезнѣе, но все же сравнительно незначительный, не имѣвшій того значенія пропаганды, какое ему придали.

До существованія въ Саратовѣ института благородныхъ дѣвицъ и женской гимназіи, издавна существовалъ для дѣвицъ благородный пансіонъ. Содержала его старая нѣмка протестантка; но помощницей у нея была умная особа, католичка, урожденная француженка, и, какъ говорили, девотка, монахиня по обѣту, хотя и свѣтская по виду. Большинство ученицъ были православныя. Былъ и законоучитель православный. И духовныя власти бывали на экзаменахъ по Закону Божію. Но тутъ-же учились и мѣстныя католички-нѣмки. Законъ Божій для нихъ читали ксендзы. На экзаменахъ также присутствовали ихъ духовныя власти. Вообще, впрочемъ, католическій ректоръ, какъ и другіе изъ ихъ братіи, сдѣлали было для себя здѣсь нѣкое привиталище. На первыхъ порахъ ректоръ и не поостерегись, — роздалъ дѣвочкамъ какія-то картинки священнаго содержанія. Бѣда! Досталось бѣдному. Загремѣли громы. Ходилъ по властямъ, по приказанію своего епископа, объясняться, просить пощады... Третій фактъ болѣе роняющаго, чѣмъ возвышающаго, чѣмъ пропагандирующаго католическаго свойства. Не понимая духа русскаго образованнаго общества, которое не выноситъ въ домашней средѣ своей своего русскаго духовенства, ксендзы-католики,— не епископъ (этотъ былъ старъ и опытенъ), — кинулись знакомиться съ высшимъ въ Саратовѣ свѣтскимъ обществомъ, дѣлали и повторяли массу визитовъ по всякому поводу, втирались на вечера, садились играть въ карты. Сперва это поощрено было свыше. Внушено было всячески обласкать ихъ среди чуждаго имъ населенія. Вицегубернаторомъ былъ тогда Александровскій, сынъ матери-польки, или отца-католика,—не знаю хорошо, — магнатъ, красавецъ, по женѣ-гречанкѣ милліонеръ. Этотъ особенно протежировалъ имъ. Но общество само своими собственными нервами русскаго барства почуяло, что это какъ-то неловко: садится въ карты играть открыто каноникъ, по нашему архимандритъ, ректоръ, — не хорошо. А затѣмъ потянуло по верхамъ общества и другимъ вѣтромъ. Какъ! Ласкать католиковъ, поляковъ, религіозныхъ и политическихъ пропагандистовъ, возиться съ ними, всюду

выставлять! Наши всегдашніе вѣтрогоны и вѣтромъ гонимые модники и съежились. Всѣ и стали запирать имъ подъ носъ свою дверь. Самъ епископъ Фердинандъ Канъ тогда лично мнѣ говорилъ, впрочемъ и другимъ повторялъ многократно: „Боже мой, я люблю наше православіе. Я воякъ, я честный человѣкъ. Я не полякъ. Я сказалъ своимъ, чтобы они.... отнюдь... никуда ни ногой. Пусть знаютъ себя, свое и своихъ. А никуда, чтобы ни ногой". А тутъ еще нагрянулъ мрачныя памяти 1863 годъ.

Но я долженъ сказать, что епископу католическому *Фердинанду Кану* можно и должно было вѣрить. Онъ дѣйствительно былъ не полякъ, а чуть-ли не венгерецъ. Дѣйствительно былъ воякъ, гусаръ, и чуть-ли не съ полчищами Наполеона вступилъ въ Россію. Нѣсколько десятковъ лѣтъ,— больше 30 лѣтъ, — служилъ пріоромъ въ Ригѣ. Не любилъ, скорѣе ненавидѣлъ нѣмцевъ, столько-же привязанъ былъ, на-оборотъ, къ русскому православію, которое называлъ нашимъ: „люблю наше русское православіе". Высокопреосвященный архіепископъ рижскій Платонъ, многоопытный въ различеніи людей іерархъ, былъ дружески къ нему расположенъ, пользовался его бесѣдами, совѣтами и услугами, и самъ поддерживалъ его въ жизни. Онъ оказалъ слабому остзейскому православію великую услугу, когда оно обнесено было многохитростнымъ и многовѣсскимъ нѣмецкимъ коварствомъ предъ высшею властью, какъ злостная, обманная, мятежническая пропаганда русскихъ „поповъ"; на что русскіе отвѣчали, что нѣтъ, это естественное и совершенно вольное движеніе эсто-латышскаго народа на встрѣчу русской народности, русской вѣрѣ, русской преданности Царю и Отечеству, въ отпоръ гордому и жестокому деспотизму лютеранскихъ пасторовъ, въ отпоръ суровой пропагандѣ нѣмецкаго риттерства и бюргерства, которыя, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть и всѣ богатства края, вдобавокъ опираясь на силу русскаго правительства, пригнетаютъ милліоны кореннаго не-нѣмецкаго населенія къ нѣметчинѣ, вопреки естественнымъ склонностямъ этихъ милліоновъ. Въ этомъ спорѣ, гдѣ вся петербургская бюрократія была на сторонѣ нѣмцевъ противъ русской духовной власти, императоръ Николай приказалъ прибѣгнуть къ безпристрастію третейскаго суда, къ голосу уважаемаго римско-католическаго въ Ригѣ пріора, Фердинанда Кана, и потребовать по сему его безпристрастнаго отзыва. Его отзывъ былъ совершенно въ пользу православія, т. е. совершенно безпристрастенъ. Между прочимъ, за это онъ удостоенъ и епископскаго сана. Кстати замѣтить, что и ректоръ саратовской католической семинаріи, каноникъ *Іосифъ Желѣвовичъ*, былъ предостой-

ный человѣкъ, прекраснѣйшій по душѣ, любезнѣйшій, откровенный, многоученый богословъ, рѣдкій собесѣдникъ, веселый, воодушевленный, и воодушевляющій. Онъ и хвалился и оправдывалъ себя въ неосновательности нареканій относительно пропаганды тѣмъ, что, по окончаніи курса въ с.-петербургской римско-католической академіи, со степенью магистра, до назначенія въ Саратовъ, все время своей службы провелъ въ Москвѣ, гдѣ служилъ законоучителемъ, помнится, въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ,— онъ постоянно вспоминалъ это,— много разъ присутствовалъ на экзаменахъ, въ личномъ присутствіи митрополита московскаго Филарета, пользуясь и личнымъ его благосклоннымъ вниманіемъ. Кстати. Когда, посылая въ Саратовъ, отправили пишущаго за наставленіями къ великому свѣтилу московскому и всея Россіи, святителю Филарету, онъ, между прочимъ, вопрошаетъ: „Чтожъ вамъ сказали въ Петербургѣ насчетъ вашей миссіи, насчетъ католиковъ?“ — „Сказали, — отвѣтствуетъ вопрошаемый, — чтобъ я не удалялся совсѣмъ отъ сближенія съ ними“. — „М-да, — изрекъ геніальный мудрецъ-святитель геніальное слово, — но *чѣмъ больше вы станете сближаться съ ними, тѣмъ больше будете чувствовать, что между вами есть преграда*“. И тутъ-же преподробно разсказалъ исторію нашихъ сношеній съ епископомъ, впослѣдствіи митрополитомъ католическимъ Головинскимъ, какъ, при покровительствѣ нашихъ властей, онъ всюду разъѣзжалъ, осматривалъ, знакомился со всѣми нашими учрежденіями: „принимали, ласкали, думали видѣть въ немъ втораго Іосифа Сѣмашку“, и крѣпко обманулись: онъ оказался завзятымъ папистомъ... Тѣмъ не менѣе, этого о. Іосифа Жельвовича я вспоминаю съ великою теплотою сердца: теплая была душа, свѣтлый умъ, открытое сердце. Зачахъ, бѣдный, подъ гнетомъ своего труднаго въ Саратовѣ положенія, отчасти, быть можетъ, и собственныхъ ошибокъ. Еще скажу, что тамъ былъ, не знаю—есть-ли теперь — прекрасный-же человѣкъ, оффиціалъ, каноникъ *Зенонъ Іодкевичъ*, также магистръ, гордившійся тѣмъ, что служилъ въ Крыму, помнится, во флотѣ, въ великую восточную войну 1853 – 1856 годовъ и пользовавшійся личнымъ вниманіемъ другаго, великаго-же свѣтила русской церкви, святителя, оратора-поэта, мыслителя Иннокентія херсонскаго. Былъ и еще предостойный человѣкъ, инспекторъ семинаріи, каноникъ *Раюнецъ*, который бѣжалъ отъ саратовскихъ тревогъ въ уединеніе простаго приходскаго священника, куда-то на югъ, къ Одессѣ. На всѣхъ на нихъ пала тогда тягота 1863 года, пало тяжкое подозрѣніе, якобы они поляки, тогда какъ они были русскіе римско-като-

лическаго закона. Только по польскимъ хвостикамъ своихъ фамилій они попали въ суспицію правительства, какъ люди политически опасные. Подъ вліяніемъ такой суспиціи, по смерти старца епископа, всѣмъ имъ, уже людямъ старослуживымъ, много лѣтъ и съ достоинствомъ и отличіями служившимъ русскому правительству, предпочтенъ молодой учитель, ихъ подчиненный, недавно выписанный изъ какой-то нѣмецкой семинаріи ксендзъ . . . ., предпочтенъ потому, что онъ германскій нѣмецъ. Совершенно молодой человѣкъ, ихъ подчиненный, онъ поставленъ надъ ними главнымъ начальникомъ, епархіальнымъ епископомъ, предпочтенъ даже епископу суфрагану—Липскому, – уже старцу, украшенному даже анненскою звѣздою. Съ горя ректоръ-каноникъ Жельвовичъ, человѣкъ по натурѣ крѣпкій, подвергся злой скоротечной чахоткѣ и слегъ въ раннюю могилу. Другихъ я потерялъ изъ виду.

Какъ-бы то ни было, но пр. Іоанникій I, своею предусмотрительною заботливостью поставилъ саратовскихъ католиковъ какъ разъ въ то положеніе, какое и слѣдуетъ имъ занимать по естественному порядку вещей. Вѣдь, напр., наши русскіе священники при заграничныхъ миссіяхъ бываютъ почти всегда отборные прекрасные люди, которые почти всегда пользуются почтительнымъ вниманіемъ мѣстнаго общества. Но это общество бываетъ исключительно православное и почти исключительно русское. А кто изъ нихъ тамъ занимается пропагандою? Кто изъ нихъ тамъ дѣлаетъ прозелитовъ? Пропагандировали латиняне-поляки въ Бѣлоруссіи, но совращали въ латинство и немногихъ, и послѣ вѣковой кровавой борьбы; въ послѣднія-же два столѣтія, подъ русскимъ владычествомъ, они только гремѣли своею пропагандою, къ чему правительство подавало имъ широкіе способы, почти забывая свое православное священство, держа его въ нищетѣ, забитости и дѣйствительномъ отдаленіи отъ вліятельныхъ сферъ. Вѣдь, кто-же изъ православныхъ имѣлъ такой свободный входъ во дворецъ и дружескій пріемъ у грознаго властителя Павла I, какъ іезуитъ Груберъ? Высшая власть съ Петра I смотрѣла подозрительно на русскую іерархію, чего-то такого боялась, чтобъ она не разрослась своимъ вліяніемъ на народъ до римскаго папства, до status in statu. Да, во всемъ вліятельныя сферы, со времени Петра I, имѣли печальную слабость смотрѣть на Русь западными глазами и переносить особенно на насъ, на духовенство, европейскія идеи. Такъ, одинъ изъ государей даже выразился: „монахи при Дворѣ никогда добра не дѣлали“.. Слѣдствія къ нынѣшнему времени стали наглядны. Теперь, думаютъ,

повидимому, воскрешать то, что 200 лѣтъ, изнемогая, чахло. Помоги Боже... Католики вѣками пріучены проводить свои идеи и осуществлять свои тенденціи, несмотря на гнетъ обстоятельствъ; тѣмъ не менѣе, въ Саратовѣ католики, лишь только правительство показало имъ палецъ, сейчасъ-же и стушевались, и очутились, какъ-бы чужестранцы въ неродномъ городѣ. Теперь не слышно тамъ ни о нихъ самихъ, ни объ ихъ пропагандѣ между саратовскимъ русскимъ людомъ. При послѣдующихъ послѣ Іоанникія I преосвященныхъ и задача эта — слѣдить за католиками и ограничивать ихъ пропаганду — сама собою исчезла изъ круга дѣятельности саратовскихъ архіереевъ, начиная съ преосв. Евѳимія. По крайней мѣрѣ этотъ дѣловой и прямо смотрящій на вещи архіерей вовсе не занимался саратовскимъ католичествомъ. Всѣ отношенія его къ католичеству ограничились только тѣмъ, что въ праздники Пасхи, Рождества Христова, да въ нѣкоторые царскіе дни онъ принималъ визиты римско-католическаго епископа, старца Фердинанда Кана, да самъ отдавалъ таковые. Больше ничего.

Но, наигрывая умѣлою заботливою рукою на этихъ струнахъ, искусно отвращенной будто-бы, страшной опасности со стороны латинской пропаганды въ Саратовѣ, пр. Іоанникій I выдвигалъ себя изъ общаго уровня епархіальныхъ архіереевъ въ рангъ политическихъ дѣятелей, сколько ревностныхъ, столько-же и искушенныхъ опытомъ, и благоуспѣшныхъ. И вотъ, когда, по возведеніи на кіевскую митрополію тонкаго и благодушнаго политика, варшавскаго архіепископа Арсенія, понадобилось найти ему благонадежнаго, достойнаго преемника, то избраніе и пало прямо, безъ особаго раздумья, на саратовскаго епископа Іоанникія I, причемъ онъ возведенъ былъ въ санъ и архіепископа варшавскаго и ново-георгіевскаго. Онъ былъ радъ, и многіе около него, если только не всѣ, были рады такому великому его повышенію. Помню, 22, или 27 іюля, онъ подзываетъ меня къ себѣ, послѣ причащенія святыхъ тайнъ въ алтарѣ и говоритъ: „поздравляю, въ Варшаву назначается высокопреосвященный Платонъ“ (тогда архіепископъ рижскій). „Это постъ высокій. Оттуда все митрополиты выходятъ“. А 31 іюля, вечеромъ, мы всѣ узнали, по частному, но вѣрному извѣстію, что архіепископомъ варшавскимъ назначенъ онъ самъ. Изъ внутренней Россіи, въ самый Саратовъ прибыла Марія, впослѣдствіи костромская игуменія, къ нему поздравить съ этой радостью и привезла эту радостную вѣсть. Къ сожалѣнію для насъ, въ Варшаву онъ уѣхалъ такимъ-же неразгаданнымъ, какъ и жилъ. На прощаньи онъ давалъ

духовенству нѣсколько обѣдовъ, не менѣе трехъ. Но когда предложили ему обѣдъ отъ духовенства, онъ категорически отказался. Отслуживъ прощальную литургію въ каѳедральномъ соборѣ, онъ, можно сказать, до послѣдняго часа скрывалъ день и часъ своего отъѣзда. По нашимъ собственнымъ, крайне заботливымъ наказамъ, насъ буквально разбудили кличемъ: „се женихъ въ полунощи“ не „грядетъ“, но отходитъ... Проводили его однакоже не ранѣе 7—8 часовъ утра, отслуживъ ему въ крестовой напутственный молебенъ. А слышали впослѣдствіи, что огорчился якобы на нашу холодность, однако же всячески не по нашей винѣ: мы не смѣли... Усердія, котораго онъ не видѣлъ, которое отклонялъ и охлаждалъ, было довольно.

Въ Варшавѣ онъ поставилъ себя съ великимъ достоинствомъ и сперва дѣлалъ блистательные успѣхи по службѣ. Звѣзды на него такъ и ниспадали сверху: сперва Владиміра 2 ст.; скоро и Александра. Очень скоро алмазные знаки Александра. Скоро и крестъ на клобукъ. Правда, и положеніе его въ Варшавѣ было исключительное, критическое, трагическое. Въѣхалъ онъ въ Варшаву въ концѣ 1860 года. 1863 годъ былъ не за горами, а за плечами. Смятенія въ царствѣ Польскомъ начались уже съ 1861 г. Тамъ, въ Варшавѣ, архіепископъ видѣлъ около себя цѣлый рядъ трагедій. Пережилъ злостное покушеніе въ Варшавѣ на жизнь великаго князя Константина Николаевича. Пережилъ выстрѣлъ въ намѣстника Людерса. Пережилъ покушеніе на Ламберта и загадочное самоубійство генералъ-губернатора Герштенцвейна. Пережилъ выстрѣлы въ графа Берга, рѣзню 1863 г. и всѣ ужасы, которые ей предшествовали, сопутствовали и послѣдовали. Самъ онъ, естественная мишень вражескихъ попытокъ, держалъ себя въ эту пору съ величайшимъ самодостоинствомъ, тактомъ и видимою отвагою. Образъ своей замкнутой жизни онъ не измѣнилъ ни на іоту. Отъ исполненія своихъ обязанностей не уклонялся ни на іоту. Когда нужно было выѣзжать — выѣзжалъ. Говорили, будто въ его карету кидали чѣмъ-то. Но это не подтверждается записанными воспоминаніями очевидцевъ. То несомнѣнно, что онъ одинъ разъ и поразилъ, и умилилъ своихъ поляковъ. Когда скончался римско-католическій варшавскій митрополитъ Дмоховскій, съ которымъ архіепископъ Іоанникій состоялъ въ почтительно-пріязненныхъ отношеніяхъ, — это было въ самый разгаръ бунта и самыхъ сумасбродныхъ посягательствъ со стороны поляковъ,—архіепископъ сѣлъ въ карету и внезапно появился въ палацѣ католическаго митрополита, молча прошелъ во внутренніе покои, до

самаго покойника; по-русски три раза перекрестился большимъ крестомъ, низко кланяясь передъ святынею; затѣмъ поклонился сановному духовному покойнику и, не говоря ни слова, направился къ выходу. Присутствующіе разступились съ глубокимъ уваженіемъ и изумленіемъ. Между тѣмъ, въ эту пору напускное раздраженіе поляковъ противъ русскихъ было такъ велико, что преемникъ Дмоховскаго, молодой архіепископъ Фелинскій, котораго оффиціальный Петербургъ, отправляя въ Варшаву, на рукахъ носилъ, всячески въ немъ заискивая, съ урономъ даже своего достоинства, — этотъ Фелинскій, безъ сомнѣнія, не то, что не захотѣлъ, а не посмѣлъ сдѣлать визитъ уже старому, давно въ Варшавѣ осѣдлому и благорасположенному русскому архіепископу. Высокопреосвященный Іоанникій, въ посланіи, котораго пишущій имѣлъ честь удостоиться отъ него впослѣдствіи, самъ выразился объ этомъ предметѣ такъ: „архіепископъ Фелинскій не имѣлъ чести познакомиться со мною“.

Въ отношеніи къ подчиненнымъ русскимъ, архіепископъ Іоанникій поставилъ и все время держалъ свое имя грозно и честно, по старинѣ, хотя и безшумно. Выше разсказалъ я случай, какъ пугнулъ онъ монаховъ своего дома, выѣхавшихъ къ нему на-встрѣчу въ шляпахъ, безъ клобуковъ. Въ Варшавѣ сколько-либо сановитаго монашества не имѣлось. Но бѣлое, т. е. соборное духовенство, поставлено было прекрасно. Какъ заграничному въ чужой землѣ, варшавскому соборному духовенству положены были хорошіе оклады. Такъ какъ туда поступали на духовную службу лица исключительно только съ академическимъ образованіемъ; такъ какъ по дѣламъ на мѣстѣ службы они постоянно попадались на глаза свѣтскимъ, часто и высокимъ сановникамъ, до намѣстника включительно; такъ какъ въ нерусскомъ городѣ они естественно напитывались нерусскимъ-же духомъ нерусской вольности и нѣкоторой независимости отъ мѣстнаго архіерея; такъ какъ предмѣстники пр. Іоанникія, архіепископы Никаноръ и Арсеній были архипастыри крайне благостные и невзыскательные, — то бѣлое духовенство сначала отнеслось и къ новому архіепископу съ развязностью, къ какой онъ въ Россіи не привыкъ. Такъ какъ, при его сдержанности и замкнутости, отъ этого выросталъ духъ взаимныхъ недоразумѣній и напряженности, то бѣсъ и смутилъ нѣкоего мужа изъ варшавскихъ духовныхъ, — такъ разсказывалось, — выкинуть нѣчто непозволительное, что я и назвать не умѣю, и для самого себя пагубное. Увы! По напряженію заряда послѣдовалъ и выстрѣлъ. По мѣрѣ включенной съ его

стороны въ его поступокъ дерзкой отваги послѣдовалъ и взрывъ. Съѣздивъ зачѣмъ-то за-границу, какъ разсказывали, онъ пріобрѣлъ тамъ, между другими заграничными, запретными и вредными, одно изданіе, направленное спеціально противъ чести архіереевъ, и, по возвратѣ домой, при первомъ-же представленіи своему архипастырю, вручилъ эту мерзость его высокопреосвященству. Изумленный архіепископъ попросилъ себѣ аудіенціи у великаго князя-намѣстника и представилъ, полученную отъ своего подчиненнаго, дерзкую книгу его высочеству. Послѣдовало распоряженіе, достойное великаго князя: выслать изъ Варшавы въ 24 часа. Разбитый, какъ въ своемъ странномъ покушеніи, такъ и во всемъ своемъ положеніи, виновникъ этой компликаціи едва-едва пріюченъ былъ къ какому-то, чуть-ли не деревенскому, приходу благостью митрополита кіевскаго Арсенія. Разсказывали еще случай того-же характера. Умеръ въ Варшавѣ какой-то генералъ, лютеранинъ что-ли, — всячески инославнаго исповѣданія. Конечно, современной намъ интеллигенціи, при жизни, Богъ и христіанство и церковь теперь не особенно нужны. Но чуть умри кто-либо, сейчасъ поднимется вопросъ, какъ теперь вотъ при погребеніи Тургенева, о парадѣ, о парадныхъ поминкахъ, нарядныхъ панихидахъ и похоронахъ, конечно, съ „попами“, — какъ быть иначе? — Ну, само собой разумѣется, съ музыкою, военнымъ эскортомъ, стрѣльбою по чину, по ранговому статуту. Случилось то же и тутъ, при смерти генерала инославнаго. Кинулись туда сюда по духовному вѣдомству. Имъ отвѣчаютъ, что по закону дозволяется духовенству только проводить въ облаченіяхъ съ пѣніемъ: *Святый Боже*, но безъ панихиды, безъ внесенія въ церковь, безъ литургіи, безъ отпѣванія по церковному уставу. Военные, конечно, церковнаго устава не знаютъ и знать не хотятъ, и настаиваютъ на своемъ, на внесеніи въ церковь, на полномъ погребеніи. Епархіальное духовенство не смѣетъ. А военный священникъ возьми, да и вызовись: я-де все исполню. Вызвался, да и сробѣлъ, какъ-бы бѣды не случилось. Идетъ къ архіепископу, которому не подчиненъ: „Такъ-то и такъ-то, просятъ, молъ, требуютъ, трудно отказать. Я вызвался“. — Согбенный архіепископъ посмотрѣлъ на струсившаго смѣльчака, поднялъ палецъ до высоты своего и его носа, тихо пошевелилъ пальцемъ и усомъ, изрекъ одно слово „попробуй“, повернулъ спину и вышелъ. Это разсказывалъ, съ восторгомъ, свѣтскій русскій генералъ на Дону, только что воротившійся изъ Варшавы. Вообще, по восторженному тону разсказовъ этого генерала,— назовемъ его, - свѣтлѣйшаго князя Име-

ретинскаго, котораго родной братъ служилъ тогда начальникомъ штаба въ Варшавѣ, — можно было судить, что русскіе въ Варшавѣ тогда весьма высоко цѣнили своего старослу живаго, мужественнаго, не уступающаго ни въ чемъ духу мѣста и времени, не измѣняющаго ни на волосъ русскому православному духу, архіепископа.— „Представьте,—разсказывалъ онъ, не стѣсняясь, двумъ архіереямъ вмѣстѣ,—постановка богослуженія примѣрная. Входитъ въ соборъ, самъ высокій, согбенный,—видъ сосредоточенный, строгій; крестится большимъ, размашистымъ, русскимъ крестомъ, таково истово, по-русски; кланяется низко, пренизко; ни на кого, ни на что не глядитъ. Сослужащее духовенство вышколено престрого. Пѣвчіе настроены прекрасно. Ну, я скажу то же, выслушавъ эту обѣдню, что послы Владиміровы, отстоявъ службу въ святой Софіи: не знаю, гдѣ былъ я, на небѣ или на землѣ". Разсказывали о немъ еще одно характерное-же обстоятельство. Строилась въ Варшавѣ русская православная церковь, на казенныя деньги. Постройкою завѣдывали, конечно, свѣтскіе. Но и архіепископъ былъ въ строительномъ комитетѣ, или предсѣдателемъ, или членомъ. Повидимому, предсѣдателемъ былъ самъ намѣстникъ Бергъ. Чтобы не всякій разъ являться въ засѣданія строительнаго комитета, архіепископъ назначилъ своимъ замѣстителемъ въ комитетѣ мѣстнаго соборнаго ключаря. Свѣтскіе члены творили въ постройкѣ, конечно, что хотѣли. Но вотъ нѣмцы выдумали заморскую новость — освѣтить ново-строющуюся церковь посредствомъ газа. Заказали и люстру такую и уже повѣсили. Ключарь доноситъ объ этой выдумкѣ архіепископу. Тотъ отвѣчаетъ: „пускай-де ихъ, посмотримъ, увидимъ". Постройка шла своимъ чередомъ и пришла къ концу. Просятъ архіепископа освятить. По нашимъ уставамъ, новопостроенную церковь слѣдуетъ освидѣтельствовать духовнымъ чинамъ, годна-ль она къ освященію. Свидѣтельствовать ее поѣхалъ самъ архіепископъ. При осмотрѣ, останавливается своимъ вниманіемъ на люстрѣ.— „Это что-же такое?" — „Люстра", — отвѣчаетъ ключарь, какъ ни въ чемъ не бывало. — „Отчего-же она имѣетъ необычный видъ?" — „Это для освѣщенія газомъ такъ она устроена". — „Газомъ, да?" — „Газомъ, а не свѣчами. Такъ угодно его сіятельству, намѣстнику". — „Ну, такъ я святить церковь не стану", - рѣшилъ архіепископъ и отбылъ. Конечно, дѣло на томъ остановиться не могло. Архіепископъ донесъ объ этомъ свят. суноду; а намѣстникъ, отъ себя будто-бы, писалъ даже къ государю. Свят. сунодъ разъяснилъ, что вопросъ объ освѣщеніи церкви въ Варшавѣ газомъ, а не восковою свѣчкою, имѣетъ значеніе не только

экономическое, но и каноническое, и что исполненіе желанія намѣстника могло-бы имѣть весьма важныя послѣдствія для всего строя православной Церкви въ Россіи. Такъ этотъ вопросъ и похороненъ до сего дне, хотя многіе и силятся воскресить и оживить его, стараясь ввести въ церковь освѣщеніе уже не отсталымъ газомъ, а прогрессирующимъ электричествомъ. И первый отпоръ этимъ нѣмецкимъ тенденціямъ далъ варшавскій архіепископъ Іоанникій.

Но видно эта же самая непреклонность его стала преградою на пути мѣрнаго и мирнаго восшествія его, если не отъ славы въ славу, то отъ отличія къ отличію. Въ началѣ 70-хъ годовъ говорилось въ Петербургѣ, что онъ теперь вѣрнѣйшій кандидатъ на митрополію. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мемду тѣмъ возникло историческое дѣло возсоединенія холмскихъ уніатовъ къ православію. Вѣроятно, тихо сдержанный, но непреклонный святитель гнулъ-таки не легкою рукою новоприсоединившуюся братію къ православію на дѣлѣ, а не на бумагѣ только. Возникли затрудненія, которыя отразились было и въ газетахъ. Безъ сомнѣнія, сколько отъ лѣтъ при крѣпкомъ тѣлосложеніи, столько и отъ скопившихся огорченій холмско-варшавскій архіепископъ Іоанникій занемогъ: сокрушило его новое титло холмско-варшавскаго, тогда какъ прежде онъ назывался варшавскимъ и новогеоргіевскимъ. Послѣдовалъ неожиданный внѣшній ударъ,—перемѣщеніе его въ Одессу. Около полугода отъ тѣлесной немощи онъ не могъ и двинуться изъ Варшавы на новую, хоть и именитую же каѳедру. А въ Одессу онъ прибылъ только умереть и сложить свои кости бокъ о бокъ съ костями великаго херсонскаго святителя—витіи Иннокентія. Во всякомъ случаѣ, высокопреосвященный архіепископъ Іоанникій былъ замѣчательнѣйшій дѣятель своей бурной эпохи.

Но это дѣятель, въ свое время оцѣненный, дѣятель, отличенный высокимъ вниманіемъ высшей Власти, хотя нынѣ и забываемый. Но сію минуту вотъ я назову дѣятеля, который отличенъ отъ другихъ развѣ невниманіемъ, а между тѣмъ на дѣлѣ былъ и человѣкъ, и архіерей замѣчательнѣйшій. Разумѣю преосвященнаго *епископа Евѳимія*, который преемствовалъ на саратовской каѳедрѣ пр. Іоанникію I. Это былъ величайшій труженикъ на высокомъ поприщѣ архипастырства, и въ своей архипастырской дѣятельности онъ руководился самою широкою программою. Вѣдь, и между архіереями, при единствѣ задачи, вырабатываются особые съ оттѣнками типы, по преобладанію въ разныхъ лицахъ разнаго характера дѣятельности. Затрудняюсь перечесть эти

типы. Но скажу, что преосвященный Евѳимій преслѣдовалъ въ своей дѣятельности самую высокую, самую почетную, самую симпатичную и по времени, быть можетъ, самую нужную задачу,—духовно-просвѣтительную. И преслѣдовалъ не на словахъ, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, преслѣдовалъ тяжкимъ, неусыпнымъ личнымъ трудомъ. Правда, къ этого рода дѣятельности онъ всего болѣе и подготовленъ былъ всею своею прежнею службою. До Саратова онъ жилъ на службѣ всего только въ двухъ мѣстахъ, во Владимірѣ и Новѣ-городѣ, и служба эта была, по преимуществу, педагогическая. Во Владимірѣ онъ былъ инспекторомъ и ректоромъ семинаріи, самой многолюдной въ Россіи семинаріи стараго типа. Тамъ учениковъ бывало до 1000 человѣкъ. Какъ извѣстный величайшею энергіею по части педагогіи, онъ вызванъ былъ, въ числѣ двухъ кандидатовъ,—другимъ былъ Парѳеній, скончавшійся архіепископомъ Иркутскимъ,—въ Петербургъ, чтобы тамъ, по личному усмотрѣнію высшей Власти, получить одному изъ двухъ назначеніе на вакансію ректора казанской академіи. Тогда для этого поста Евѳимію предпочтенъ былъ Парѳеній, который и посланъ въ академію, въ Казань. А Евѳимій переведенъ ректоромъ въ новгородскую семинарію; тамъ-же въ Новгородѣ поставленъ былъ и епископомъ-викаріемъ, а оттуда посланъ самостоятельнымъ епархіальнымъ архіереемъ, въ Саратовъ. На немъ такъ и остался господствующій типъ архипастыря-педагога, только съ исключительнымъ оттѣнкомъ педагога-архипастыря, учителя вѣры, учителя другихъ пастырей, духовныхъ учителей-священниковъ.

Но это слова, это общія мѣста. А дѣло вотъ въ чемъ. Ни одинъ изъ архіереевъ на моей памяти не обращалъ столько самаго заботливаго вниманія на ставленниковъ, кандидатовъ священства, сколько пр. Евѳимій. Съ каждымъ изъ ставленниковъ онъ пробьется, бывало, цѣлые дни и часы. Сперва, до посвященія онъ самъ испытаетъ каждаго въ его познаніяхъ, въ его склонностяхъ. По посвященіи, самъ каждому растолкуетъ его обязанности, растолкуетъ не теоретически только, а уже въ виду самой практики священства. Этого мало. Такъ-какъ въ ту пору всякому ставленнику во священство давалось пособіе въ 30 рублей, то архіерей, бывало, не позволитъ ни копѣйки изъ этой суммы издержать на что-либо стороннее. А—„купи ты себѣ нужныя книги. Издержи эти деньги разъ въ жизни. И будешь имѣть подъ руками все крайне нужное для руководства“. Каждому ставленнику онъ давалъ, составленный имъ самимъ, списокъ необходимѣйшихъ книгъ. Самъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными книгопродавцами, чтобъ эти книги

были въ готовности къ продажѣ. Бывало, ставленники рѣшительно изнемогали, проходя этотъ искусъ личной бесѣды съ архіереемъ. А архіерей какъ будто не чувствовалъ изнеможенія, бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ такъ и столько, что приводилъ молодыхъ и крѣпкихъ юношей въ изнеможеніе. То не преувеличеніе, что, начавъ эту бесѣду около 5 часовъ по-полудни, онъ оканчивалъ ее около полуночи. И это не разъ, не два, а нѣсколько разъ, съ каждымъ и всѣми постоянно.

То вѣрно, что въ одномъ изъ, напечатанныхъ въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ", своихъ писемъ говоритъ онъ самъ о тяжкихъ трудахъ своихъ и успѣхахъ въ особенности церковно-приходскихъ училищъ по всей саратовской епархіи. Конечно, тогда только впервые, примѣромъ приснопамятнаго Арсенія, митрополита кіевскаго, поставленъ былъ самый усиленный запросъ на дѣятельность этого рода. Но пр. Евѳимій, какъ одинъ изъ мужей дѣла, а не слова, употребилъ всю свою энергію къ тому, чтобъ учрежденіе этихъ училищъ было не словомъ только, не отчетностью по вѣдомостямъ, а самымъ дѣломъ. Въ то же время и дѣлецъ, какъ формалистъ, какъ канцелярист, какъ администраторъ и судія, онъ былъ и неутомимѣйшій, и образцовѣйшій. Навыкъ къ вниканію въ эти дѣла, къ умѣнью распутывать ихъ онъ имѣлъ громаднѣйшій. Онъ былъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые очень мало довѣряютъ своимъ подчиненнымъ. Онъ все до буквы въ дѣлахъ, до послѣдней цифры, до послѣдней дроби въ самыхъ сложныхъ цифирныхъ разсчетахъ провѣрялъ самъ. Трудно повѣрить, а вѣрно слѣдующее. Тогда архіереи, по старымъ уставамъ, были полновластными вершителями и семинарскихъ дѣлъ. А семинарскому правленію подчинены были духовныя училища, которыхъ въ саратовской епархіи было тогда пять. Одно изъ нихъ тогда перестроивалось. Подрядчикъ-строитель велъ тамъ свои дѣла въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. А все бумажное дѣлопроизводство по перестройкѣ велось въ Саратовѣ, въ семинарскомъ правленіи. Для семинарскаго начальства пресложные разсчеты съ подрядчикомъ по этой постройкѣ были претягостною обузою, особенно при архіереѣ крайне недовѣрчивомъ, скрупулезно внимательномъ и въ высшей степени опытномъ. Бывало, ошибись только въ какой-либо копѣйкѣ, — архіерей самъ высчитаетъ, ошибку укажетъ и поправитъ, а семинарскому начальству носъ натянетъ. Вотъ лежитъ онъ уже на смертномъ одрѣ; самъ знаетъ, какъ и всѣ, и говоритъ, что умираетъ. А въ эти дни нужно было представить неотложно въ духовно-учебное управленіе какой-то пресложный разсчетъ по названной постройкѣ,

при чемъ цѣлый листъ кругомъ испещренъ былъ цифрами. Представляя чрезъ довѣреннаго эту бумагу на утвержденіе умирающаго архіерея, затрудненный ректоръ и говоритъ: „Доложите такъ, не довѣритъ-ли онъ намъ самимъ отправить эту бумагу въ духовно-учебное управленіе"? — „Нѣтъ", — отвѣчаютъ, — оставилъ у себя". Когда онъ ложился спать, и теперь когда больной лежалъ въ постели, ему обыкновенно клали на грудь подушку, а на подушку бумагу. За ночь, въ такой позѣ, онъ самъ расчислилъ, представленныя семинарскимъ начальствомъ, цифры и нашелъ ошибку, въ дроби, въ какой-то $^1/_4$ копѣйки, которую и выставилъ. Черезъ недѣлю, не позже, скончался, — лежалъ въ постели всего не болѣе, какъ двѣ недѣли.

Вообще рабочій день у него начинался съ 5 часовъ утра. Около 2 часовъ по-полудни онъ подкрѣплялъ себя пищею. Прогулокъ никогда почти не дѣлалъ. Послѣ обѣда прилегалъ отдохнуть, но не спалъ. Отдыхъ заключался въ просматриваніи текущей литературы. За нею онъ слѣдилъ. Съ 5 часовъ по-полудни онъ становился на ноги, опять принималъ просителей, садился за работу. И такъ до 11—12 часовъ ночи. Пустыхъ визитовъ онъ не терпѣлъ, чего и не скрывалъ. Свѣтское общество отъ него отшатнулось. Отсюда сплетень пошла нескончаемая вереница. Зная объ этомъ, онъ то раздражался, то вооружался пренебреженіемъ. Но и ночью онъ не давалъ себѣ полнаго покоя, а устроялся такъ, что около него, въ удобномъ пунктѣ, ставили огонь; на грудь клали подушку, а на подушку или дѣловыя бумаги, или же текущую литературу. Сказать ли, что онъ не зналъ простѣйшихъ правилъ гигіены. Нѣтъ. Онъ былъ для этого слишкомъ просвѣщенный человѣкъ. Нѣтъ. Онъ былъ труженикъ, былъ подвижникъ долга, увы! утрированнаго, самоубійственно понимавшагося. Такъ у него, уже съ первыхъ годовъ службы, сложился порядокъ жизни и измѣнить этотъ порядокъ онъ былъ уже нравственно безсиленъ, хотя и видѣлъ печальныя послѣдствія своего образа жизни.

Онъ умеръ 49 лѣтъ всего, слѣд., прибылъ въ Саратовъ въ 46 лѣтъ жизни. Впрочемъ, не помню этого ясно: прибылъ ли въ Саратовъ 49 лѣтъ, или умеръ въ эти годы; во всякомъ случаѣ, умеръ не позже 52 лѣтъ. Но былъ уже совсѣмъ сѣдой, разбитый старецъ. Правда, онъ держалъ себя прямо, спина пока еще не гнулась; но глаза всегда поникали долу, просто отъ усталости, отъ постояннаго напряженія зрѣнія и недостатка сна. А отсутствіе освѣжающаго движенія на чистомъ воздухѣ было въ немъ причиною крайняго развитія

гемороидальной болѣзни, которая рановременно сдѣлала его неспособнымъ и къ жизни. Послѣдній тяжкій ударъ нанесло ему обозрѣніе епархіи. У него ревизіи епархіи, дѣйствительно, были ревизіей церковной и приходовъ, а не одни только посѣщенія съ бѣглымъ обзоромъ. Какъ образцовѣйшій дѣлецъ-формалистъ, какъ пастырь-учитель народа и самихъ пастырей, онъ вникнетъ, бывало, превнимательно во всѣ церковные документы, въ церковную библіотеку, въ состояніе училищъ, въ религіозно-нравственное и умственное состояніе самихъ прихожанъ, въ порядокъ и благоустроенность отправленія богослуженія, не говоря объ умственномъ развитіи и поведеніи самихъ членовъ причта. Оттого, при обозрѣніяхъ епархіи, онъ несъ также много трудовъ, какъ и дома, съ тою разницею, что внѣ дома онъ лишался привычныхъ удобствъ домашней жизни. А при радикальномъ разстройствѣ его здоровья, ему нужны были особыя условія домашней обстановки, чтобы чувствовать себя хоть сколько-либо удовлетворительно. Конечно, при этомъ внѣ дома, неудобствъ находилъ онъ множество, лишеній переносилъ множество, недостатковъ въ людяхъ и порядкахъ находилъ множество; отъ всего этого страдалъ физически и морально, и раздражался. При этомъ въ поѣздку по епархіи 1863 года догнала его вѣсть, что, сверхъ чаянія, безъ всякой предварительной повѣстки, жалуетъ въ Саратовъ оберъ-прокуроръ св. Сѵнода Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Конечно, преосвященный понесся домой, въ Саратовъ. Вдругъ бѣдствіе. Подъ экипажемъ провалился мостикъ, экипажъ осѣлъ, архіерей получилъ тягостное сотрясеніе, и открылся у него недугъ. Экипажъ къ тому-же сломался. А въ селѣ гдѣ найти другой подобный? Отыскали и подали изнемогающему архіерею какую-то тряскую, жесткую колымагу. Однакоже не умеръ; но и прожилъ послѣ этого не долго, ровно полтора мѣсяца, отъ конца августа, до 17-го октября. Посѣщеніе оберъ-прокурора хотя и освѣтило лучомъ тихой радости потухающую жизнь этого архіерея-труженика, такъ какъ тутъ впервые онъ познакомился съ оберъ-прокуроромъ и разстались они подъ взаимоблагопріятными впечатлѣніями, тѣмъ не менѣе въ концѣ сентября онъ слегъ въ постель и дня черезъ два объявилъ, что и не встанетъ. Его трудолюбіе было такъ поразительно, что и въ этотъ послѣдній мѣсяцъ жизни, не упуская никакихъ обычныхъ своихъ занятій, онъ еще изнурялъ себя экстраординарнымъ трудомъ разсмотрѣнія поданныхъ ему тогда мнѣній, по улучшенію быта духовенства, по требованію высшей власти. Для разбора поданныхъ ему, по его заказу, разными духовными лицами,

особыхъ касательно сего сложнаго предмета мнѣній онъ собиралъ къ себѣ всѣхъ членовъ консисторіи и, якобы совѣщаясь съ ними, а больше говоря одинъ самъ съ собою, онъ продерживалъ ихъ у себя, въ собраніи часовъ по пяти чуть не ежедневно. Тѣ, здоровые люди, изнемогали. А онъ, бывало, уставъ сидѣть, станетъ у стола на колѣни, разбитую же свою спину откинетъ навзничъ чрезъ край дивана, да такъ и стоитъ, цѣлые часы занимаясь. Наконецъ, крѣпость этого духа сломлена крѣпостью смертельнаго недуга. Тѣлесныя силы совсѣмъ оставили. Но—никогда сила духа его не свѣтила такъ крѣпко, какъ теперь, при совершенномъ изнеможеніи плоти.

Дѣйствительно, смерть пр. епископа Евѳимія была въ высшей степени поразительна и достоподражаема. Онъ оставался въ постели, помнится, не болѣе двухъ недѣль. Самъ первый сказалъ: „Врачи меня обнадеживаютъ, но я самъ знаю, что не встану“. Когда однакоже въ церкви возглашены были прошенія объ исцѣленіи болящаго, онъ былъ признателенъ. Лежа на постели нѣсколько дней, онъ даже занимался текущими дѣлами. Затѣмъ, устранивъ все земное, сталъ исключительно, но въ высшей степени дѣятельно и энергически, готовиться къ смерти. Во первыхъ, занялся очищеніемъ своего кабинета. Все нужное сдалъ въ консисторію и разнымъ прикосновеннымъ лицамъ. Все, по его мнѣнію, не нужное велѣлъ жечь при себѣ, на своихъ глазахъ. Составилъ подробнѣйшее завѣщаніе. Сдѣлалъ подробнѣйшую опись своему, весьма небогатому имуществу. Все росписалъ до послѣдней вещицы, кому что оставляетъ и завѣщаетъ. Между прочимъ и пишущему оставилъ икону воскресающаго Спасителя, предъ которою самъ умиралъ, дорогія четки и нѣкоторыя бумаги, записки, матеріалы. Кромѣ завѣщанія, написалъ наиподробнѣйшую запись относительно послѣдней своей воли. Опредѣлилъ самъ преподробно, гдѣ его положить, какъ устроить гробъ, могилу, рѣшетку надъ мѣстомъ погребенія. Повидимому, послѣдняя его воля относительно рѣшетки осталась неисполненною. Написалъ цѣлый церемоніалъ, какъ его хоронить, чѣмъ прикрыть, какъ обнести вокругъ собора, какъ творить поминки. Когда всѣ распоряженія были кончены, написаны, подписаны, велѣлъ тутъ же при себѣ, на своихъ глазахъ, стереть посредствомъ напильника свои архіерейскія печати. За нѣсколько дней до смерти исповѣдался и причащался Св. Таинъ; для причащенія въ первый разъ выходилъ въ Крестовую церковь. Затѣмъ исповѣдался и причащался вторично; въ этотъ разъ св. Дары были изнесены уже въ кельи. Болящій встрѣтилъ ихъ

въ церковномъ облаченіи, въ мантіи и омофорѣ. Когда поднялся во срѣтеніе и поклонился грядущему Господу, у Котораго просилъ отпущенія согрѣшеній и жизни вѣчной, то отъ слабости чуть не упалъ. Причастился самъ по чину архіерейскому, дрожа всѣмъ тѣломъ, ногами и руками, но съ великимъ умиленіемъ. Чрезъ нѣсколько дней потребовалъ маслособорованія, которое и совершено соборомъ седми пресвитеровъ съ діаконами, и отпѣто въ высшей степени трогательно и священнолѣпно. Болящій архипастырь стоять уже не могъ, а возлежалъ на одрѣ, одѣтый въ подрясникъ и рясу. По маслособорованіи, просилъ у всѣхъ предстоящихъ прощенія; говорилъ съ разстановками, но много и долго; затѣмъ, преподавъ всѣмъ, припадающимъ къ нему долу, свое прощеное благословеніе, отпустилъ съ миромъ. Ровно въ полночь, наканунѣ дня смерти, ясное имѣя предчувствіе, хотя и не было особо видимыхъ признаковъ, позвалъ къ себѣ духовника архимандрита Антонія читать, а прочимъ пѣть отходную. Такъ какъ ближайшіе духовные чины бодрствовали надъ его отшествіемъ, хотя и въ дальнихъ комнатахъ, то вошли всѣ наличные въ келью отходящаго архіерея, и опять же въ высшей степени трогательно отпѣли отходную. По совершеніи сего послѣдняго прощальнаго обряда, отходящій архіерей опять же держалъ послѣднюю настоятельную и прощальную рѣчь къ своему племяннику, къ келейнику, и всѣмъ прочимъ. На утро онъ самъ объявилъ, что всѣ, кто желаетъ съ нимъ проститься, могутъ пожаловать къ его одру. Но любя священнолѣпный порядокъ, онъ велѣлъ поставить свой прибранный одръ среди комнаты, прикрыть себя прилично рясою и велѣлъ пускать къ себѣ народъ. Народъ шелъ къ нему за благословеніемъ съ ранняго утра часовъ до 3-хъ по-полудни. Со многими умирающій еще разговаривалъ, преподавая прощальное благословеніе всѣмъ, стараясь разузнать всѣхъ и прямо говоря нѣкоторымъ: „Ну, васъ я узнаю. Вы такой-то“? Часовъ около 3-хъ онъ стихъ, какъ будто заснулъ. Тогда сторонніе всѣ оставили его внутреннія кельи. Остались по угламъ его кабинета только самые ближайшіе, келейники, члены консисторіи, секретарь. Часа два еще онъ лежалъ спокойно на правомъ боку, подложивъ правую руку подъ щеку, какъ будто въ тихомъ снѣ, затѣмъ, помнится, въ пять съ небольшимъ часовъ раза два, чуть-чуть слышно, вздохнулъ и замеръ. Ни судороги, ни стона, ни хрипа, ни агоніи, — ничего подобнаго не было. По истинѣ мирно отошелъ ко Господу. Похоронили его въ каѳедральномъ соборѣ съ величайшимъ благолѣпіемъ, подъ предстоятельствомъ Ѳеофила, епископа

самарскаго, при громадномъ стеченіи народа. Проповѣдникъ въ надгробномъ словѣ выразился справедливо, что почившій архіерей Божій умеръ смертію древняго римлянина, или, лучше — смертію истиннаго христіанина, безтрепетно, мирно, благолѣпно.

Такъ, изволите видѣть, что значитъ взглянуть на вещи и лица прямымъ глазомъ человѣку, способному глядѣть пристально, понимать здраво и оцѣнивать людей неискривленнымъ сердцемъ, безъ искривленныхъ тенденціозныхъ задачъ — марать все и всѣхъ. Тогда и люди выходятъ другіе, люди какъ люди, даже хорошіе, даже замѣчательные люди. Записать кстати, что отъ пр. Евѳимія саратовскаго, кажется, не осталось даже фотографической карточки, по особой сдержанности этого архипастыря, не скажу - скромности, не скажу — гордынѣ особаго рода. По крайней мѣрѣ даже карточки его мнѣ не удалось видѣть. Отъ преосвященныхъ же архіепископовъ Аѳанасія и Іоанникія I остались въ Саратовѣ портреты. Портретъ Аѳанасія въ митрѣ и омофорѣ висѣлъ въ залѣ саратовскаго архіерейскаго дома, затѣмъ куда-то вынесенъ. А портретъ Іоанникія, наоборотъ, выпрошенъ былъ у него изъ Саратова, присланъ былъ нарочно имъ самимъ изъ Варшавы и вывѣшенъ въ новоустроенной залѣ, вмѣстѣ съ портретами архіепископовъ Моѵсея и Іакова. Аѳанасію же найдено мѣсто, вѣроятно, въ заднихъ какихъ-либо комнатахъ. Явленіе нерѣдкое, приводящее смиренію на память слова апостола: *ничтоже прежде времене судите, дондеже приведетъ Господь тайны тмы и объявитъ совѣты сердечные, и тогда похвала будетъ каждому отъ самаго Бога.* Кстати замѣтить, что пр. епископъ Евѳимій, прослуживъ въ санѣ архіерея — викарія въ Новгородѣ 4 года и епархіальнаго въ Саратовѣ 3 года, не удостоился украситься и Аннинскою звѣздою, хотя Владиміра 3 ст. носилъ уже, помнится, въ санѣ архимандрита.

Грѣшный человѣкъ, скажу теперь прямо, что жалкое впечатлѣніе производятъ на знакомаго съ лицами и обстоятельствами воспоминанія Д. З—ча. Тогда въ свою пору, какъ маленькій мальчикъ, схватилъ онъ нѣсколько ребяческихъ впечатлѣній, теперь чрезъ десятки лѣтъ послѣ событій ребячливо ихъ описалъ, списавъ съ такого серьезнаго лица, каковъ былъ архіепископъ Смарагдъ, чисто только анекдотическую сторону, не вдумался во все это и давай швырять грязцой изъ болотца дѣтскихъ воспоминаній, не долго размышляя, въ кого и какъ она попадетъ. Говоритъ, „что все бывшее съ нимъ глубоко врѣзалось въ

память и, слѣдовательно, вѣрно". Я сейчасъ помогу ему припомнить кое-что и убѣдиться, что „не все, врѣзавшееся ему въ память, вѣрно". Наприм., „выбранные въ хоръ" не всегда „немедленно перемѣщались въ помѣщеніе, занимаемое хоромъ во дворѣ архіерейскаго дома", хотя онъ и увѣряетъ въ противномъ. Такъ я, сверстникъ его, выбранный въ хоръ, цѣлый годъ ходилъ въ пѣвческую съ квартиры, чтобы нѣсколько пріучиться къ пѣнію и поступить въ хоръ уже нѣсколько подготовленнымъ. Что „пѣвчіе пользовались привиллегіею не подлежать исключенію изъ училища, въ виду необходимости ихъ для хора", это—очень распространенное предубѣжденіе, повторяемое и Д. С. З—мъ яко-бы по памяти. Память ему измѣнила, забылъ, что изъ 12 мальчиковъ пѣвчихъ, нашихъ сверстниковъ, исключены при насъ наши товарищи по классу — Петрашевъ, Головинскій, Зубовъ, Бруевичъ, Ѳедоровскій. Онъ скажетъ, что эти мальчишки исключены уже по выходѣ изъ хора?

Какъ же Д. С. З. говоритъ, что „все это врѣзалось ему въ память и слѣд. вѣрно"? Выходитъ, невѣрно.

Вѣрно и съ удовольствіемъ повторяю вслѣдъ за Д. С. З—мъ, что „намъ, пѣвчимъ, жилось не дурно. Помѣщеніе хотя было и не просторно, но чисто. Каждый имѣлъ свою особую кровать"....

Каждый въ пѣвческой имѣлъ „тюфякъ, простыню, одѣяло и подушку, и все это всегда содержалось въ опрятности". Да и нельзя было не содержать въ опрятности, когда самъ архіепископъ нежданно-негаданно, бывало, самолично заглянетъ въ пѣвческую; а регентъ священникъ Страховъ, какъ по собственному отеческому вниманію къ дѣтямъ—пѣвчимъ, такъ и по приказу его высокопреосвященства, посѣщалъ пѣвческую по нѣскольку разъ непремѣнно каждый день. Видъ комнатъ пѣвческой былъ даже наряденъ, потому что на карманныя деньги, которыя хоръ же и доставлялъ намъ, мы любили покупать картины религіознаго и патріотическаго содержанія, которыми обвѣшивали всѣ стѣны. Покупалъ положительно каждый изъ пѣвчихъ. Кромѣ того, каждый же имѣлъ свою собственную лампадку, одну или двѣ, которыми также мы увѣшивали стѣны, поближе къ образамъ. И когда, бывало, въ праздникъ засвѣтимъ свои лампадки, то видъ въ нашихъ комнатахъ бывалъ и прекрасный, и трогательный. Съ восторгомъ долго вспоминались ночи страстной недѣли, особенно ночь Страстей Господнихъ, когда мы около полуночи возвращались, бывало, изъ собора, или

ночь на святую Пасху, когда мы зажигали всѣ свои лампадки отъ звона къ дѣяніямъ и до 11 часовъ, до ухода всѣхъ въ соборъ на свѣтло-пасхальную заутреню. Нѣтъ, наше дѣтство прошло поэтически прекрасно и педагогически назидательно. „Одежда у насъ также была хороша. На лѣто намъ давалось по сюртуку и панталонамъ изъ нанки и по жилету изъ пике, а на зиму такія же принадлежности изъ довольно сноснаго“, — я скажу — просто изъ хорошаго „сукна и кромѣ того по шинели“ изъ хорошаго же сукна на ватѣ, съ длинными, по тогдашней модѣ, капюшонами, вообще шинели, сшитыя на хорошія деньги. Кромѣ того, пѣвчіе наряжались по праздникамъ въ парадныя платья, которыхъ было сперва двѣ перемѣны; а при пр. Смарагдѣ затѣяна была еще и третья, которая сшита была уже при его преемникѣ. Изъ нихъ первая старая перемѣна, чисто кунтуши, изъ нижней поддѣвки съ поясами краснаго сукна, и верхней накидки съ откидными рукавами изъ свѣтло-зеленаго сукна,—эта перемѣна шита была пѣвческому хору могилевско-витебской (тогда) каѳедры къ сопровожденію тѣла великаго князя Константина Павловича изъ Витебска до Гатчины, на деньги Двора Его Величества. Все въ этомъ роскошномъ нарядѣ было первостатейное: сукно, позументы, кисти. Сукно самыхъ яркихъ цвѣтовъ, тонины изысканной, позументы чисто серебряные золоченые. Жаль, что къ нашей порѣ этотъ роскошный нарядъ былъ уже сильно помятъ. Дальше строилось пѣвческое платье уже по новому, Высочайше одобренному, образцу и до прибытія пр. Смарагда построено было изъ синяго, совсѣмъ дешеваго сукна, съ позументами низкаго качества. Пр. Смарагдъ, какъ истинно заботливый хозяинъ и отецъ-покровитель хора, затѣялъ-было сшить новое парадное пѣвческое платье, на хорошія же деньги; но увидѣть исполненіе своей мысли ему уже не пришлось, такъ какъ онъ неожиданно для себя переведенъ былъ изъ Могилева въ Харьковъ. Кромѣ того, намъ давались отъ казны-же и косынки на шею и носовые платки,—то неправду говоритъ Д. С. З., будто носовыхъ платковъ намъ не полагалось. Онъ вспомнитъ подробность, что мы, мальчики, смѣялись, бывало, надъ отживавшею тогда шляхетскою модою выпускать уголъ носоваго платка изъ кармана. Кромѣ того, отъ казны-же выдавалось намъ и бѣлье, и носки шерстяные, и подтяжки, и сапоги. Что выдавались намъ даже шерстяные чулки, Д. С. вспомнитъ это, вспомнивъ забавную картину, какъ всѣ мы, бывало, раздѣваясь на ночь, становились около круглаго пѣвческаго стола и сочиняли особаго рода ауто-да-фэ, на сальной

свѣчкѣ. Стеариновыя свѣчки тогда еще не были изобрѣтены, а сальныя выдавались намъ въ изобиліи. Кромѣ того, на карманныя-же деньги, которыя доставались намъ по раздѣлѣ общей кружки за пасхально-рождественскія поздравленія, за свадьбы, за похороны, да доставались отборнымъ и за поѣздки по епархіи, — на эти карманныя деньги мы пріобрѣтали не только нужное, но тратили ихъ и на ребяческія прихоти. Забылъ сказать, что намъ выдавались и писчая бумага, и перья, и чернила, и мыло, да все необходимое выдавалось въ полномъ довольствѣ. Баня была отлично устроенная и топилась, по бѣлорусскому обычаю, каждую. недѣлю. Столъ былъ безспорно сытный, чисто приготовленный, изъ хорошихъ матеріаловъ и въ совершенно достаточномъ количествѣ.

А вотъ что Д. С. З. выпускаетъ изъ виду. Разсказывая анекдотическую сторону о пр. Смарагдѣ, изображая въ немъ какого-то забавнаго чудака, г. З—чъ, не смотря теперь на свою старость и, конечно, знаніе свѣта и людей, не умѣлъ, не хотѣлъ вникнуть въ глубь характера этого человѣка, полнаго отеческой ласки въ жесткой скорлупѣ, этого мудраго педагога въ забавляющемся чудакѣ. Тутъ память ему крѣпко измѣнила; да и не все то врѣзалось въ его память, что врѣзалось въ мою. Имѣя въ сущности слабый, крайне ограниченный въ регистрѣ, голосъ дискантъ, онъ поступилъ позже, а вышелъ изъ хора раньше меня, проживъ въ пѣвческой года три-четыре, не болѣе, тогда какъ я принадлежалъ хору ровно семь лѣтъ, до отбытія въ Петербургъ. Оттого онъ и не могъ такъ, какъ я, сравнить прежнее старое, до-смарагдовское время, со смарагдовскимъ, старый бытъ пѣвческій до Смарагда и послѣ него съ бытомъ хора, подъ его отеческимъ попеченіемъ. Такъ, архіепископъ Гавріилъ, предмѣстникъ Смарагда, любилъ-же хорошее, стройное, умилительное пѣніе, любилъ и пѣвчихъ; случалось, что пригоршнями давалъ имъ конфекты, напр., самому пишущему эти строки. Но и только; а тамъ за глазами пусть живутъ, какъ знаютъ. Но Смарагдъ... „О! Смарагдъ! Милостивый Смарагдъ,“ — какъ вспоминалось о немъ долго по отбытіи его и въ Могилевѣ, и въ Астрахани. Самъ я слышалъ это и тамъ и здѣсь, и свидѣтельствую. Самъ Смарагдъ, съ виду сердитый, грозный, черный, крикунъ, даже страшный, когда пылилъ, но большею частію, почти всегда, полный сердечной ласки и веселости, — Смарагдъ, лишь только прибылъ въ Могилевъ, ночью, на завтра-же потребовалъ къ себѣ всѣхъ пѣвчихъ и всю свою свиту поглядѣть на нихъ, поучить ихъ, пріучить

къ себѣ. И лишь только мы вошли къ нему и стали подходить подъ благословеніе, вдругъ окрикъ, впрочемъ, ласковый, смѣющійся: „а, ну, коналіи!“... Архіепископъ стоитъ предъ нами, выставивъ впередъ свои обѣ руки, не подпуская насъ къ себѣ, и крѣпко, елико возможно, растопыривъ всѣ свои десять ручныхъ пальцевъ. Оторопѣлые, мы не понимаемъ. — „А, ну, держите, ну всѣ!“... Мы поняли, отъ насъ требуютъ, чтобъ мы также выставили свои руки впередъ и растопырили каждый всѣ десять своихъ ручныхъ пальцевъ. Но лишь только мы это сдѣлали, владыка какъ замашетъ своими руками, какъ закричитъ: „прочь, прочь, о! коналіи! И не подходите, и не подходите. Лечить ихъ сейчасъ-же, эконома, доктора“ и т. д. Дѣло въ томъ, что до Смарагда, отъ нищеты и нечистоты содержанія, мы всѣ покрыты были не язвинами, а цѣлыми струпьями коросты. Теперь-же все по дому, по пѣвческой сейчасъ затрещало. Наняли намъ такую старуху, спеціальностью которой было лечить именно чесотку. Лечила она насъ впрочемъ раціонально, давала намъ какой-то декоктъ, и всѣхъ повально дѣтей водила въ баню, гдѣ велѣла мазаться сѣрною мазью. Черезъ двѣ недѣли чесотку съ насъ рукой сняло. Но если-бъ насъ держали въ прежней нищетѣ и скаредности, то чесотка и не отстала-бы никогда. Пр. Смарагдъ приказалъ давать намъ все необходимое въ изобиліи, чистые постельные приборы, чистое крѣпкое бѣлье, которое и мыла для насъ особая прачка, чистое, прочное, нарядное платье. Кто заболѣвалъ изъ насъ, къ тѣмъ ѣздилъ врачъ, одинъ, или даже два, и это бывало. Надъ больнымъ регентъ, священникъ Страховъ сидѣлъ почти неотступно, самъ наблюдая за питаніемъ, за діэтою, за подаваніемъ микстуры, за уходомъ. Это подтверждаетъ и Д. С. З. Надо было пережить и почувствовать дѣтскимъ сердцемъ общій переполохъ, какой пережилъ и перечувствовалъ самъ пишущій эти строки, когда меня разъ чуть не убило въ день Крещенія. Когда мы воротились съ водосвятія, съ рѣки Днѣпра, и въ торопливости становились на клиросъ, а дѣло происходило въ теплой, довольно тѣсной церкви Братскаго монастыря, - то пѣвчіе, тискаясь на клиросъ, сильно толкнули одну изъ рѣзныхъ колоннъ иконостаса. Колонна пошатнулась и полетѣла, но была поддержана руками большихъ пѣвчихъ. Корона-же съ нея сверху полетѣла внизъ; счастье, что также была задержана въ паденіи руками-же другихъ, но упала мнѣ прямо на голову и ударила своимъ угломъ въ выдающійся уголъ лба. Сгоряча, съ нечаянности я и не почувствовалъ ровно ничего, кромѣ того, что мгновенно залѣпило

мнѣ кровью глаза. Въ ту-же минуту меня схватили, закутали, обвязали платками всю голову и унесли домой. Я даже не понималъ ясно, что такое со мной и случилось. Но бѣгутъ изъ церкви всѣ ко мнѣ, не говорю—своя братія пѣвчіе, не говорю, регентъ, о. Страховъ. Еще прежде ихъ прискакалъ докторъ. Входитъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Леонидъ, впослѣдствіи епископъ старорусскій, костромской, екатеринославскій; еще живъ на покоѣ, спаси его Господи. Разъ только въ этотъ случай онъ и посѣтилъ архіерейскую пѣвческую. А всему этому главный виновникъ сердобольнѣйшій отецъ, владыка Смарагдъ. Говорили, что когда произошло смятеніе въ церкви, — мальчика-де убило,—то владыка, говоря отпустъ, хотя предъ тѣмъ и раскраснѣлся было отъ ходьбы и холода, попавъ въ тепло, но тутъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Отъ него приходили посолъ за посломъ: „что, какъ?“ пока не успокоили его, увѣривъ, что никакой серьезной опасности нѣтъ. Съ тѣхъ поръ у меня на самомъ углу лба и остался шрамъ на полвершка, довольно толстый. Не былъ я убитъ на-повалъ, кажется, только потому, что и колонна, и корона ея, падая, были задержаны въ паденіи руками другихъ. Когда, выздоровѣвъ совсѣмъ, явился я вмѣстѣ съ другими ко владыкѣ, онъ, грубовато лаская меня, т. е. гладя концами пальцевъ отъ лба по носу, но съ трогательною отеческою улыбкою, стоя въ полъ-оборота, говоритъ: „Ну, ну, мальчонокъ, а ужъ я думалъ, что ты тово... отправишься ad patres. Ужъ подумалъ было — да, да“... повторялъ онъ жалостливо нѣсколько разъ. Часто-ли встрѣтишь такую человѣчность? Такъ всѣмъ тѣмъ, что за нами такъ призирали лучше, чѣмъ за родными дѣтьми, почти какъ за барчатами, что насъ и лечили, и держали въ чистотѣ, и одѣвали чуть не роскошно, и кормили сытно, — всѣмъ этимъ мы обязаны не кому другому, какъ архіепископу Смарагду и отличному его помощнику, нашему сердобольному воспитателю, регенту, о. Никифору Страхову. Да, Д. С. З. уже не знаетъ того, — онъ уже выбылъ къ этой порѣ изъ пѣвческой, — что какъ только отбылъ изъ Могилева Смарагдъ, этотъ грозный, страшный, несдержанный, охаянный, опозоренный нелѣпыми марателями, но сердобольнѣйшій человѣкъ и мудрѣйшій, гуманнѣйшій начальникъ-архіерей, — увы! сряду-же потянуло въ Могилевѣ инымъ воздухомъ. Все это стало, коли хотите, лучше, сдержаннѣе, сановитѣе вообще, тише, замкнутѣе, нелюдимѣе. Архіерея мы стали видѣть только изрѣдка, на балконѣ архіерейскаго дома, да въ церкви, у службы Божіей. Но, ни по двору архіерей уже не хо-

дилъ никогда, въ пѣвческую не заглядывалъ пугать насъ никогда. Но на пѣвчихъ сейчасъ-же насѣлъ acarus, котораго тоже никто уже не пугалъ. Кормить стали... Ясно помню, что мы на первыхъ порахъ побѣжали-было разъ къ новому казначею, архіерейскому духовнику, о. Ѳеодосію, — онъ сидѣлъ на порогѣ погребицы вечеромъ, гдѣ ставили надоенное молоко: „молочка, о. казначей, молочка!“ Такъ, бывало, мы дѣлывали при пр. Смарагдѣ. Бывало, на насъ и прикрикнутъ, рѣдко бывало. А чаще бывало, дадутъ, чего просимъ. Почти никогда не откажутъ; наша просьба была просьбою ласкаемыхъ дѣтей. А тутъ о. Ѳеодосій отстранилъ насъ также тихо, какъ и холодно и категорически: „Нѣтъ вамъ молока. Ишь выдумали“. Такъ мы и отошли, и больше уже никогда не подходили. А кто-то, помню, и замѣчаетъ вслухъ всего двора: „Вы думали, что это вамъ при Смарагдѣ!“ И бысть тишина велія.

Правда, и авторъ говоритъ правду, что мы любили Смарагда, какъ отца роднаго. Но, увы! изображаетъ его какимъ-то шутомъ гороховымъ, приписывая ему выходки и несвойственныя, и неприличныя его высокому сану. И почти все это онъ говоритъ правду. Факты по большей части вѣрны, освѣщеніе только неполное, темное и фальшивое. О какомъ-то царѣ разсказывается, что вошедшіе къ нему придворные чины застали, что онъ маленькаго своего сына возитъ на собственной спинѣ, по комнатѣ, верхомъ, самъ ползая на четверенькахъ, въ видѣ лошадки. Какая картина можетъ быть и натуральнѣе, и трогательнѣе этой царственной идилліи! О Смарагдѣ-же я говорилъ и говорю, что это былъ невиданный, неслыханный, гуманнѣйшій начальникъ и мудрѣйшій педагогъ-отецъ. Лучше нашихъ отцовъ родныхъ онъ понималъ, что мы для него—закрѣпощенные слуги, что мы—дѣти, оторванныя для службы ему отъ отцовъ родныхъ, отъ матерей, отъ братьевъ, сестеръ, отъ семейнаго очага, съ ранняго нашего дѣтства. Вѣдь, хоровая пѣвческая служба тогда была далеко не то, что она теперь. Вѣдь, тогда взяли въ пѣвческую — это значило прости тогда радости домашней жизни, прости мать родная, прости домъ, братья и сестры на многіе годы, на все дѣтство. А какъ привязано дѣтское сердце къ холмамъ и доламъ, гдѣ мы увидѣли свѣтъ; какъ дорога материнская ласка, какъ дорога радость свиданія съ меньшими братьями, сестрами, со всѣми сверстниками дѣтства, объяснять-ли? Бывало, домой бѣднаго пѣвчурку мальчика уже не отпускаютъ никогда,—ни на Рождество, ни на Пасху, ни на вакацію. На Рождество, на Пасху не

отпускали потому, что тутъ-то и пѣть надо. На лѣтнюю-же вакацію не отпускали, бывало, потому, что тутъ-то и учиться пѣнію на свободѣ. Вѣдь, насъ учили пѣнію серьезно и широко. Теперь объ этомъ и преданіе изглаживается. Бывало, подходятъ праздники Рождества, Пасхи, лѣтней вакаціи. Боже! Сколько радости у этихъ сотенъ мальчиковъ, сотоварищей учениковъ, которые съ шумомъ и гамомъ разъѣзжаются по домамъ. А у насъ слезы, у насъ усиленные труды, у насъ ученье, особенно напряженное, у насъ хмурая безпріютность, казенная служба. А за какіе грѣхи? Чѣмъ мы были виноваты? Кто спросился у насъ, или у нашихъ родителей, согласны-ли мы на эту неволю, на этотъ — въ извѣстномъ смыслѣ - каторжный трудъ. Моего старшаго брата, Павла, также взяли было въ пѣвческую; но отецъ, вслѣдствіе слезъ матери, выкланялся, вымолилъ свободу своему сыну-первенцу у того-же о. Никифора Страхова, и мальчика освободили. Когда пришла моя очередь, я крѣпко-же плакалъ, нѣсколько сутокъ сряду плакалъ, не хотѣлось мнѣ поступать въ пѣвческую. У насъ въ семьѣ существовали печальныя преданія о пѣвческой. Двое моихъ родныхъ дядей были пѣвчими-же, одинъ исключенъ изъ семинаріи, другой умеръ въ дѣтствѣ. Вѣдь, хорошіе голоса наслѣдственны: у меня и дѣдъ былъ пѣвецъ,—не помню былъ-ли архіерейскимъ пѣвчимъ; и отецъ былъ пѣвецъ, не помню—былъ-ли также пѣвчимъ, но двое дядей были пѣвчими. Старшаго брата взяли было въ пѣвчіе, отецъ отпросилъ; затѣмъ и я, и еще двое меньшихъ братьевъ также были пѣвчими. Насъ тогда вербовали въ пѣвчіе, какъ въ старину въ рекруты. Меня лишь только привезли въ училище, сейчасъ-же вербовщики, старые пѣвчіе, послушавъ мой голосъ, объявили, чтобъ я шелъ въ пѣвческую. Я по дѣтской неопытности пустился было бѣжать, чтобъ скрыться, но за мной пустились въ погоню: „а, мальчонка, нѣтъ, нѣтъ“. Я сталъ плакать. Отецъ ходилъ было къ регенту отпрашивать меня, какъ отпросилъ и старшаго брата. Но, воротившись отъ о. Страхова, говоритъ, что кланялся, просилъ; о. регентъ сначала отговаривалъ, затѣмъ пересталъ и говоритъ. „Я кланяюсь, прошу, а онъ молчитъ“. Отецъ уѣхалъ домой; я со слезами поступилъ въ хоръ. Помню, уже живя въ хорѣ, я сперва часто плакалъ, тосковалъ постоянно. Нѣкто Іовлевъ, инженерный офицеръ, такъ себѣ диллетантъ, любитель и знатокъ пѣнія, часто посѣщавшій пѣвческую во время спѣвокъ, видя мои слезы, тогда 9-ти-лѣтняго мальчика, говоритъ: „Перестань, Сашка, плакать. Попомни ты мое слово, никогда никакое знаніе не виситъ у насъ тя-

желою лишнею ношею за спиною. Богъ Святый знаетъ, чѣмъ придется тебѣ въ жизни хлѣбъ ѣсть". И я тысячи разъ, на всемъ пространствѣ моей многоскитальной жизни, вспоминалъ это знаменательное слово молодаго, свѣтскаго, но умнаго офицера. Тѣмъ не менѣе глубокую дѣтскую тоску вырвешь изъ сердца не вдругъ; тѣмъ болѣе, что она, бывало, растравлялась приближеніемъ всякаго вакаціоннаго праздника, Рождества, Пасхи, лѣтнихъ каникулъ. Всѣ радости дѣтскаго сердца у всѣхъ насъ группировались около этихъ веселыхъ дней. Боже! Радости святыхъ рождественскихъ дней! Боже! Восторги Свѣтлаго Христова Воскресенья, красныя яйца, весна.... Лѣтняя вакація, съ 15 іюля по 1 сентября, сѣнокосъ, жнитво, всѣ лѣтнія игры и развлеченія. Всѣ эти радости существуютъ для всѣхъ другихъ дѣтей, но не для насъ, жалкихъ, оторванныхъ отъ роднаго гнѣзда, дѣтей. Бывало, лѣтомъ выйдешь за городъ, увидишь колосящуюся, гонимую волнами вѣтра рожь, идешь одинъ, 10-ти-лѣтній мальчикъ, и тихо слезы льешь..... Или забьешься куда-либо, въ скирды дровъ, вспомянешь дома братьевъ, сестеръ,—дѣтей меньше меня, —которыхъ не видишь вотъ цѣлые годы, кромѣ старшаго брата, который уѣхалъ домой, въ отпускъ изъ училища, и рыдаешь горькими слезами. Или засядешь гдѣ-нибудь въ тѣхъ-же дровахъ, или на чердакѣ, въ какомъ-либо глухомъ углу и пожираешь Библію, отъ доски до доски, или Четь-Минеи, отъ доски до доски и т. п. Меланхолія, фантазія развивались до крайности. Уже въ тѣ поры съ пѣвчимъ товарищемъ, А. Гашкевичемъ, мы сговаривались бѣжать въ пустынный Чонскій монастырь—спасаться. Этотъ монастырь поразилъ наше воображеніе, когда мы посѣтили его, при объѣздѣ епархіи съ пр. Смарагдомъ, такъ какъ монастырь былъ расположенъ въ дремучемъ, сосновомъ лѣсу, на совершенно пустынномъ берегу рѣки Сожи, и тамъ мы въ первый разъ увидѣли ветхаго старца, схимника, въ его черномъ облаченіи, обшитомъ бѣлыми крестами, съ адамовою головою, съ костями, съ священными надписями. Съ какихъ-либо 11-ти лѣтъ, вслѣдствіе того-же одиночества, я сталъ пожирать и свѣтскую всю, выходившую тогда, журнальную литературу - повѣсти, письма Карамзина, романы Загоскина, Лажечникова, барона Брамбеуса, Марлинскаго, Булгарина, стихи и прозу Жуковскаго и Пушкина, Кукольника, Полеваго, и наконецъ первые выпуски Гоголя, Лермонтова и т. д., по мѣрѣ выхода. Особенно-же тяжелое и грустное время было для насъ—лѣтняя вакація. Праздники Рождества, Пасхи, принося много труда, приносили сами въ себѣ и свою духовную, отчасти даже и тѣлесную

праздничную радость, поздравленія, лакомства, свои праздничныя игры. Но вакація — это было время самаго усиленнаго пѣвческаго ученья. Бывало, мы еще въ постеляхъ, еще спимъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ, а въ комнатѣ, гдѣ спѣвались обыкновенно, — уже раздаются рѣзкіе звуки скрипки регента. За это время мы, пѣвчуры, выучивали всю массу концертовъ, трехголосныхъ, четырехголосныхъ и осьмиголосныхъ, какіе пѣлись во весь годъ, и множество другихъ пьесъ, — херувимскихъ, Милость мира, задостойниковъ, ирмосовъ и т. д. А мы на каждый воскресный и праздничный день готовили и пѣли свой особый концертъ. Было множество концертовъ, которые пріурочивались только къ одному дню въ году, напр., рождественскіе концерты, крещенскій, на день Православія, на крестопоклонную недѣлю, на Благовѣщеніе, на недѣлю Ваій и т. д. Все это мы выучивали, а кто зналъ, тѣ повторяли все это съ недоучками, за лѣтнюю вакацію. Выучивали мы это такъ, что ничего въ жизни такъ твердо я не изучалъ, ничего не знаю и не помню такъ твердо, какъ нотныя пьесы! Я и до сихъ поръ могу пропѣвать наизустъ цѣлые концерты почти по всѣмъ голосамъ, по развитію модуляціи, и такіе концерты, которые пѣвалъ только въ дѣтствѣ, а затѣмъ далѣе и не слышалъ никогда. Многое на своемъ вѣку, впослѣдствіи полагалъ самъ и на ноты наизустъ, по памяти изъ того, что изучалъ и пѣвалъ въ дѣтствѣ. Вотъ 80-ти-лѣтній старецъ о. Страховъ положилъ по памяти наизустъ на ноты, кромѣ прочаго простѣйшаго, двухорное: *Тебе, Бога, хвалимъ*, которое 40 лѣтъ тому назадъ мы пѣли въ Могилевѣ, а затѣмъ нигдѣ и не слыхивали, такъ какъ оно оставлено и забыто. Такъ, всю рѣчь эту веду я къ тому, что положеніе наше, какъ дѣтей, въ архіерейской пѣвческой было подневольное — крѣпостное, трудовое, неестественно оторванное отъ семьи въ нѣжномъ дѣтствѣ и потому глубоко-грустное, отражавшееся на всю жизнь даже на нашихъ характерахъ, да и на судьбѣ. По крайней мѣрѣ, эта оторванность отъ семьи въ дѣтствѣ, для службы въ архіерейской пѣвческой, и въ ранней юности, для воспитанія въ образцовой санктпетербургской семинаріи, имѣла глубокое вліяніе и на развитіе моего смысла, и на складъ характера, и на весь укладъ всей дальнѣйшей моей судьбы.

Но эту грустную судьбу нашу въ дѣтствѣ облегчалъ, смягчалъ, утишалъ и утѣшалъ богоданный намъ отецъ утѣшитель нашъ, — преосвященный архіепископъ Смарагдъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія взгляните на его кажущіяся шалости съ нами, съ дѣтьми и увидите въ

немъ въ наши недавніе дни того древняго царя, который ползалъ по полу своего дворца на четверенькахъ, изображая собою четвероногую лошадку, и возя на своей спинѣ свое родное дитя, ребенка-сына. Архіепископъ Смарагдъ зналъ, своимъ въ сущности нѣжнымъ любвеобильнымъ сердцемъ чувствовалъ, что̀ дѣтямъ, оторваннымъ отъ семьи, нужно, что нужна отеческая, нужна материнская ласка. И онъ платилъ намъ за отнятіе этихъ родныхъ ласкъ своими отеческими ласками. Какъ мужчина, какъ архіерей, какъ высокій начальникъ, какъ тяжеловѣсный темпераментъ, онъ выражалъ свою ласку часто грубовато. Иногда онъ и нарочно напускалъ на себя эту грубоватость, чтобы богатство сердечности не вырывалось наружу. Это была чопорная стыдливость. Такъ вотъ въ Могилевѣ еще до Смарагда существовалъ обычай, что въ каждый высокоторжественный день, въ домѣ архіерея приготовлялась большая закуска, съѣзжался на поздравленіе изъ собора весь городъ, все барство, которое и закусывало; а мы, по обычаю, пѣли концерты, чтобы барству закусывать было пріятнѣе, пѣли многолѣтія, гимны и затѣмъ, когда всѣ разъѣзжались, мы отъ утомленнаго владыки получали архипастырское благословеніе и тихо на цыпочкахъ уходили изъ залы его высокопреосвященства. Такъ водилось до и послѣ Смарагда. А этотъ суровый, грубоватый архіерей только того бывало и ждетъ, чтобъ бояре разъѣхались, чтобы почувствовать себя на свободѣ, позабавиться и позабавить. И какъ только чужіе всѣ до единаго за дверь, а и мы того только съ радостными сердцами, бывало, и ждемъ, суровый архіерей въ ту же минуту къ намъ: „а, ну, коналіи, трескайте“... И мы, не заставляли себя упрашивать, сейчасъ же становились вокругъ столовъ и опустошали все съѣстное до-тла. Не трогали только винъ, которыя ставились же на столъ, но не для насъ. Случалось однако-же, что самъ владыка-отецъ давалъ намъ и по рюмкѣ легкаго винограднаго вина, начиная съ большихъ пѣвчихъ и оканчивая самымъ маленькимъ. И это вѣдь не разъ, не два случалась для насъ такая потѣха; у суроваго Смарагда это было обычнымъ, зауряднымъ порядкомъ. Въ тѣхъ же видахъ, въ каждый, почти безъ исключенія, воскресный и праздничный день, онъ призывалъ насъ, малыхъ пѣвчихъ, нарочно къ себѣ. Мы ему пѣвали старинные канты, которыхъ тогда ходило по рукамъ еще множество; теперь они оставлены и забыты. И никогда не трудились даромъ. Въ праздникъ, бывало, ему нарочно надѣлаютъ пирожныхъ; нанесутъ фруктовъ,—яблокъ, грушъ, апельсиновъ, сластей. Онъ намъ все это и

раздастъ, раздѣлитъ своими руками. Или, бывало, начнетъ кидать въ большой залѣ, или съ балкона въ садъ, чтобъ мы сами ловили. Но къ этой грубоватой, для неловкихъ, или конфузливыхъ обидной и развивающей дурные инстинкты соперничества забавѣ онъ прибѣгалъ рѣдко. Бывало, самъ раздастъ, или же отдастъ, чтобъ сами безобидно раздѣлили. Бывало же, затѣвалъ и игру, которая у него называлась: „а, ну, куря лецѣ“,—по хохлацки, или по польски. Мы становились вокругъ круглаго стола въ архіерейской залѣ; самъ суровый архіерей беретъ линейку и говоритъ, стараясь выговорить скоро и нежданно-негаданно: „куря лецѣ“ (курица летитъ). Требовалось поднять палецъ непремѣнно, если названный предметъ летаетъ. Вдругъ: „столъ лецѣ“. Кто поднялъ палецъ, тому слѣдовала „паля“, ударъ линейкой по ладони. Легкій ударъ, шуточный. Не помню ни одного случая, чтобъ ударилъ кого-либо больно. Вдругъ „сѣно лецѣ“. Обдумайте мгновенно и рѣшительно, летаетъ ли сѣно. „Пухъ лецѣ! Камень лецѣ! Снѣгъ лецѣ! Крыша лецѣ! Труба лецѣ“ и т. д. Это было даже педагогической игрой, которая развивала дѣтскую сообразительность. Этимъ однакоже не заканчивались его заботы приласкать насъ по праздникамъ. Самъ, бывало, выведетъ насъ къ казначею іеромонаху Іероѳею, который тутъ-же у него на верху и жилъ, и покажетъ видъ, будто упрашиваетъ казначея: „а ну, ну, Іероѳей, ты дай же имъ что-нибудь. Не будь скупъ“. Намъ, бывало, всякій разъ дадутъ по пятаку, много по гривнѣ ассигнаціями. Но въ тѣ поры для насъ и это были деньги. Бывало, на другой день на пятакъ покупаемъ по жидовской „киткѣ“, на гривну по двѣ. „Китка — жидовская булка, достаточная, чтобъ позавтракать. Истинно отечески и мудро педагогически заботясь не только о благосостояніи нашихъ желудковъ, но и о праздничномъ дѣтскомъ для насъ развлеченіи, онъ одинъ разъ пришелъ въ величайшее раздраженіе по слѣдующему поводу. Зоветъ какъ-то насъ въ праздникъ послѣ обѣда. Входимъ въ прихожую. Видимъ, владыка тутъ стоитъ, держитъ въ рукахъ кусокъ бѣлорусскаго мужицкаго пушнаго съ мякиною хлѣба, и разсуждаетъ съ двумя мужиками. Когда мы вдвинулись въ залу, владыка, воротившись туда изъ прихожей, суетъ мнѣ подъ носъ этотъ черный хлѣбъ съ словами: „а ты, мальчонокъ, такой хлѣбъ ѣшь, а“? — А я и отвѣть: „да не лучше, ваше высокопреосвященство. — „Какъ не лучше, а?“ — „Да похуже, ваше высокопреосвященство“. — „Ты врешь, неправда“... И съ этими словами онъ, мощною рукою, толкнулъ меня въ спину такъ крѣпко, что я вылетѣлъ изъ залы. Не помню, мнѣ ли онъ приказалъ

другимъ ли принести показать ему нашъ хлѣбъ. Помню только, что на этотъ разъ я уже не возвращался въ залу, а сидѣлъ у себя и рыдалъ. И въ ожиданіи, пока ему принесутъ нашъ хлѣбъ, чтобъ увѣриться, правду ли я сказалъ, онъ въ крайнемъ волненіи, какъ мнѣ разсказывали, ходилъ по залѣ, и все повторялъ: „охъ, коналія“,—любимое слово... Хлѣбъ ему нашъ принесли и онъ увѣрился собственными глазами, что я сказалъ правду. Дѣло было въ томъ, что, вѣроятно, по какой-либо случайности экономъ досталъ откуда-то загнившую муку. А какъ купилъ, то сознаться и не выгодно, а нужно было стравить ее на пѣвчихъ. Такъ какъ сверстники пѣвчіе всегда и всѣ выставляли меня впередъ, когда надо было у кого-либо изъ начальствующихъ что-либо выпросить,—то подговорили и здѣсь: „ты, С—ка, скажи, скажи“. А тутъ и подвернись такое ужасное, такое дикое совпаденіе. Пріятно вспомнить, что товарищи обошлись со мною жалостливо. Владыка по обычаю далъ имъ цѣлую форму пирожнаго. Они принесли ее ко мнѣ: „Бери, С—ка!“ Но я отъ тяжкаго огорченія не взялъ. На этотъ разъ въ свою очередь и владыка былъ очень разгнѣванъ, оскорбленный въ своихъ постоянныхъ заботахъ о нашемъ благѣ. Но впослѣдствіи это сотни разъ было заглажено, не было съ его стороны и помину. Конечно, экономъ досталось, скверная мука куда-то убрана, а намъ стали давать прекрасный хлѣбъ, какъ всегда.

Да, припоминаю еще нѣчто подобное же, въ поѣздкѣ. При обозрѣніи епархіи, въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ угловъ, заѣхали мы къ какому-то польскому пану, въ его домъ. Помнится, пана самого не было. Принималъ управляющій. А нужно прибавить, что преосвященнаго архіепископа Смарагда чтили, любили и отличнѣйшимъ образомъ принимали не только русскіе помѣщики, но и польскіе, — да тамъ въ ту пору всѣ помѣщики и были поляки, — и не только помѣщики, но и ксендзы въ своихъ кляшторахъ. Помню, насъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ принимали ксендзы въ своемъ кляшторѣ въ Озерянахъ. Ксендзы выходили на цвинтарь встрѣчать пр. Смарагда въ священномъ облаченіи, съ крестомъ, хоругвями и со звономъ. Въ Озерянахъ онъ даже въ мантіи входилъ въ костелъ, при звукахъ органа. Не помню, входилъ ли въ другихъ мѣстахъ. Было время, да прошло. Бездна между русскими православными и католиками-поляками на Руси съ тѣхъ поръ какъ будто глубже еще разрыта и стала непроходимѣе. Увы! А тогда католики и въ самомъ Могилевѣ были къ нему, Смарагду, въ высшей степени привѣтливы. Принимали съ поздравленіями насъ, пѣвцовъ; одари-

вали насъ щедрѣе русскихъ. Помню въ высшей степени элегантнаго, привѣтливаго и щедраго каноника Коссовскаго; помню глубоко уединеннаго старца-бискупа Каміонку. Отжила эта тогда сравнительно мирная старина. Такъ о выше-реченномъ панѣ. По совершеніи литургіи, въ православной церкви, владыку въ панскомъ палацѣ принимали роскошно. А на насъ, на свиту, взглянули, повидимому, какъ на прислугу, на дворню. Владыка же, по обычаю, послѣ обѣда и двинься съ спутниками барами прямо на насъ. А мы того и ждемъ. — „А ну, дѣти, вы какъ — а? Кормили васъ?“ — Это у него было за обычай спросить, какъ насъ кормятъ. Онъ зналъ, что его-то самого вездѣ покормятъ хорошо. О свитѣ же не лишнее иногда освѣдомиться, не голодаетъ ли она? У своей духовной братіи покормятъ и свиту, а здѣсь дѣло стало на чужбинѣ, у польскаго пана. Мы сейчасъ же и выложили владыкѣ правду на лицо. Боже! Откуда что взялось. Съ панскаго палаца намъ натащили столько всякихъ яствъ, даже арбузовъ,— что тогда въ Могилевской губерніи составляло дорогое лакомство,— что мы даже всего поѣсть не могли. Помню, что тамъ у пана былъ молодой ручной медвѣдь, съ которымъ мы, мальчишки, отлично подружились. Такъ и тотъ объѣлся нашими подачками. По всей епархіи эту манеру владыки Смарагда знали отлично, и обнести насъ кусками, конечно, нигдѣ не смѣли. Въ тѣхъ же видахъ отеческой заботы даже о развлеченіи своихъ дѣтей-пѣвчихъ владыка Смарагдъ бралъ насъ съ собою и кататься очень часто. Въ карету съ собою никогда не сажалъ, а приказывалъ становиться на запятки, на которыхъ мы, уставъ стоять, иногда и садились. Бралъ всегда по двое. Обыкновенно, онъ выѣзжалъ съ нами, такимъ образомъ, на загородную прогулку. Но изрѣдка, въ масляную, или въ каникулы, уѣзжалъ и на далекій загородный фольварокъ Барсуки. Тамъ еще больше, чѣмъ дома, озабочивался, чтобъ мы были накормлены и напоены. И все это въ намѣренно грубоватой формѣ. Въ тонъ нѣжности онъ никогда не впадалъ. Это — „охъ, коналія!“ у него было совсѣмъ обычное выраженіе ласки. — „Ну, коналія, пей... Охъ, этотъ мальчишка будетъ или великій плутъ, или“... И т. п. все въ томъ же родѣ. Также, бывало, и на званыхъ вечерахъ у него, которые впрочемъ онъ дѣлалъ весьма не часто, всѣ остатки лакомствъ намъ же попадутъ, и самъ раздастъ, и гости раздадутъ. Такой тонъ поддерживали и всѣ, какой онъ задавалъ. Всѣ на насъ глядѣли, какъ на порядочныхъ дѣтей, почти какъ на барчатъ. „Да, Смарагдъ возвысилъ епархію, возвысилъ духовенство“, — долго

слышались о немъ такіе отзывы среди могилевскаго духовенства. Можно сказать вообще, что всѣ избытки лакомствъ, какія въ ту пору были въ распоряженіи этого благодушнѣйшаго изъ архіереевъ, все это попадало въ наши руки, сопровождаемое самою отеческою заботливостью, одѣтою, впрочемъ, всегда въ жестковатую кору. Вотъ уже можно сказать, жестко стлалъ этотъ суровый съ виду, нѣжный сердцемъ человѣкъ, да мягко было намъ спать при немъ. Вѣчная ему память! И вѣчный покой у Милосердаго Отца Небеснаго, Святаго блаженнаго и благостнаго!

Обыкновенно, если лѣтописецъ поверхностенъ, то онъ записываетъ только выдающіяся, выходящія изъ порядка событія. Обыденныхъ же, текущихъ событій онъ записывать не станетъ. А чтобы осмыслить событія, чтобы связать выдающіяся съ обыденными логическою прагматическою нитью, для этого нужно имѣть крѣпкую голову, нужно лѣтописцу быть историкомъ, или философомъ. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, станетъ записывать въ лѣтописи о томъ, что сегодня солнце всходило, дошло до полудня, а вечеромъ закатилось; и на завтра взошло во столько же часовъ, въ полдень достигло зенита, а вечеромъ во столько же часовъ закатилось; и на послѣ-завтра то же. А вотъ какъ ежели тогда-то теленокъ родился о трехъ головахъ и двухъ хвостахъ; или если случилось страшное солнечное затмѣніе; тогда-то казалось на небѣ 12-ть солнцевъ и свирѣпствовали ужасные морозы, отъ которыхъ птицы и звѣри падали; тогда-то свирѣпствовала страшная гроза съ поразительными бурею, ливнемъ, градомъ, морскими волненіями, которыми опустошены цѣлыя заселенія; тогда-то произошло землетрясеніе въ родѣ случившагося въ недавніе дни на Искіи и на азіатскихъ островахъ, при чемъ развалились цѣлые города, провалились цѣлыя горы, покрылись моремъ цѣлые острова, а другіе выдвинулись изъ моря,—о! такія, выходящія изъ ряду безпорядочныя событія легкая лѣтопись запишетъ. Между тѣмъ такія безпорядочности только нарушаютъ мирное развитіе жизни, а не поддерживаютъ его. Мирное развитіе жизни направляется именно самыми обыденными явленіями, самыми простыми и обыкновенно мало замѣчаемыми факторами природы: восходомъ, закатомъ солнца, тихими дождиками, спокойными вѣтрами, чередованіемъ-дня и ночи, весны и лѣта и т. п. Такъ и въ воспоминаніяхъ Д. С. Въ своемъ воспитателѣ, архіепископѣ Смарагдѣ, котораго даже любилъ, какъ отца, онъ схватилъ только смѣшное, а въ другомъ воспитателѣ, о. Страховѣ, только дикое и жестокое. Схватываетъ съ каждаго лица двѣ—три черты, то вѣрныя, то измышленныя, или исковерканныя воспомина-

ніемъ, и, обобщая эти неровности, не осмысливая ихъ нимало, не поставляя въ связь съ общимъ характеромъ этихъ лицъ, легкою ребячливою рукою предаетъ ихъ злоязычію современности и позору потомства, одного, — архіепископа, какъ смѣшнаго, страннаго и грубаго чудака, и другаго, — протоіерея, какъ жестокаго истязателя. Прискорбно! А между тѣмъ, когда вы вставите эти даже, повидимому, забавныя или жесткія неровности въ цѣлую обдуманную систему педагогическаго дѣйствованія на бѣдныхъ заброшенныхъ мальчиковъ, которыхъ судьба обрекла на нелегкую, угрюмую долю архіерейскихъ пѣвчихъ,— тогда весь обликъ этихъ людей явится совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

Желая заинтересовать своего читателя, развлекшись самъ мелочами, букашками да таракашками, слона-то Д. С. З—чъ и не замѣтилъ. Непочтительно выставляя на показъ современникамъ и потомству неровности, которыя въ его разсказѣ являются чуть не шалостями архіепископа Смарагда, г. З—чъ проглядѣлъ все добро, какимъ мы обязаны этому рѣдкому, благородному и мудрому своему воспитателю. Конечно, архіерей существуетъ не для того, чтобы исполнять спеціальную задачу воспитателя дѣтей, учениковъ духовнаго училища. Задача его далеко выше и шире. Но Смарагдъ, во время своей педагогической службы, по благородной мягкости своего сердца и свѣтлому уму, выработалъ для себя систему педагогическаго дѣйствованія, которая была выше своего, тогдашняго времени. Все это разъяснено въ нѣсколькихъ статьяхъ, писанныхъ на разныхъ концахъ Россіи его учениками, и напечатано въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“. Эту-то свою систему онъ имѣлъ сердоболіе приложить и къ намъ, малымъ пѣвчимъ могилевскаго архіерейскаго хора, когда самъ былъ уже архіепископомъ и носилъ на своихъ плечахъ заботы иного, гораздо болѣе широкаго и высокаго свойства. Онъ озабочивался не тѣмъ только, чтобы насъ не заѣдала короста, чтобы мы были сыты, чтобы жили въ чистотѣ, теплотѣ и достаточномъ свѣтѣ; чтобы мы не лишены были дѣтскихъ забавъ; чтобы, за лишеніе ласкъ отцовъ и матерей нашихъ, мы, въ своей оторванности отъ семьи, были вознаграждены и утѣшены ласками богоданнаго намъ, высокопоставленнаго нашего отца, самого архипастыря, духовнаго отца самыхъ отцовъ нашихъ;—но онъ приложилъ свою заботу и къ тому, чтобы мы не погибли на весь свой вѣкъ, живя подъ его рукою, на его службѣ. Обыкновенно, архіереямъ мало бываетъ заботы, чтобы пѣвчіе хорошо учились. Правда, кто изъ архіереевъ этого не желаетъ? Кто изъ нихъ не говоритъ объ

этомъ отечески теплыхъ и умныхъ словъ? Но на дѣлѣ архіереи заботятся много-много о томъ, чтобы пѣвчіе имѣли удовлетворительное содержаніе и не были отвлекаемы отъ ученья во вредъ своимъ успѣхамъ. Успѣхи-же и доброе поведеніе учениковъ пѣвчихъ предоставляются, обыкновенно, попеченію и отвѣтственности учебнаго начальства. А пр. Смарагдъ дѣлалъ и все то, что дѣлаютъ лучшіе изъ архіереевъ въ этомъ отношеніи. Но, сверхъ этого, дѣлалъ многое и другое, чего не дѣлаетъ никто другой. Онъ требовалъ и отъ учебнаго начальства, чтобы оно за нами тщательно наблюдало. Внушалъ инспектору д. училища, чтобы онъ посѣщалъ насъ, по возможности, неопустительно, что и исполнялось инспекторомъ, священникомъ о. Андреемъ Хорошкевичемъ, который и самъ долго-же былъ архіерейскимъ пѣвчимъ. Но, кромѣ того, преосв. Смарагдъ и самъ непосредственно наблюдалъ за нами кротко, отечески, но всегда настойчиво и строго, а подъ-часъ и довольно грозно. Я уже сказалъ, что онъ самъ посѣщалъ наше помѣщеніе въ пѣвческой. Кромѣ того, постоянно выходя на балконъ своего дома, очень часто расхаживая по саду и даже по всему двору, владыка зорко глядѣлъ и видѣлъ все, что дѣлается по дому. А такъ какъ зданіе пѣвческой стояло бокъ-о-бокъ съ его домомъ, дворъ, на которомъ мы бѣгали, былъ постоянно передъ его глазами, поэтому, можно сказать, каждый шагъ нашъ происходилъ передъ его глазами. Онъ любилъ и поощрялъ дѣтскія забавы. Но отличалъ забаву, игру отъ дѣтской шалости, а еще болѣе отъ неодобрительной наклонности. Такъ, нѣкій мальчикъ, вколотивъ гвоздь въ длинный прутъ, доставалъ яблоко, упавшее съ яблони въ архіерейскомъ саду, который былъ намъ недоступенъ; что, впрочемъ, дѣлали и всѣ мы. Но когда шалунъ производилъ эту операцію, владыка, выходя изъ бани, увидѣлъ. — „А, поди-ка сюда... А-а, коналія... Высѣчь его“.... — Келейникъ положилъ его на траву, не раздѣвая, такъ какъ мальчикъ былъ въ сюртучишкѣ, сорвалъ длинную травину и показалъ видъ, будто сѣчетъ. — „Ну, ну, ступай, коналія“. — Но въ другой разъ замѣтивъ, что одинъ мальчишка уклоняется отъ классовъ, а вмѣсто того, во время ученья, лазитъ по крышамъ и гоняетъ голубей, владыка потребовалъ насъ къ себѣ и велѣлъ принести розогъ. Самъ вошелъ въ слѣдующую комнату и прекомично притворилъ за собою дверь. Мы думали, что и опять выйдетъ шутка. Не тутъ-то было. — „А, ну-ка, ну-ка“. Келейники мальчишку положили и всыпали добрый десятокъ лозановъ. Мальчуганъ, впрочемъ, склонный къ шалостямъ неодобрительнаго качества, скоро былъ ис-

ключенъ изъ хора и изъ училища. Извѣстно, какъ владыка, посѣтивъ пѣвческую позднимъ вечеромъ, замѣтилъ самолично, что двое мальчиковъ, при всѣхъ насъ, лежали на одной постели и болтали, или учили урокъ. Безъ гнѣва, однако-жъ серьезно отнесся къ этой, повидимому, безразличной вещи мудрецъ-педагогъ. Сверхъ этого, онъ неоднократно обращался прямо къ нашему сознанію и выпытывалъ наше знаніе; по-просту сказать, экзаменовалъ насъ домашнимъ образомъ. Даничка долженъ это помнить потому, что послѣ одного изъ такихъ испытаній найденъ былъ лучшимъ и поставленъ между нами первымъ.

Весь порядокъ нашей жизни поставленъ былъ въ педагогическомъ отношеніи строго-правильно. Въ этомъ отношеніи ближайшимъ и отличнымъ помощникомъ владыки, ближайшимъ неусыпнымъ нашимъ надзирателемъ и воспитателемъ былъ, неблагородно охаянный г. З—мъ, регентъ-священникъ о. Никифоръ Страховъ. Въ $6^1/_2$ часовъ онъ ежедневно неопустительно являлся къ намъ на молитву, которая читалась нами въ общемъ сборѣ, каждымъ поочередно. Утреннія, какъ и на сонъ грядущимъ, молитвы прочитывались нами ежедневно, съ самыми незначительными сокращеніями. Ровно въ 7 часовъ, мы всѣ, снарядившись въ школу, полнымъ сборомъ 12 мальчиковъ, отправлялись въ училище, которое отстояло далеко отъ архіерейскаго дома. Возвращаться изъ училища мы обязывались также, по возможности, всѣ вмѣстѣ, не отлучаясь одинъ отъ другаго, подъ надзоромъ старшаго, которымъ все время былъ пишущій эти строки. Обѣдали, конечно, всѣ вмѣстѣ, и малые и большіе пѣвчіе. Послѣ обѣда шли въ училище, — тогда ученье въ классахъ полагалось и въ послѣ-обѣденные часы, — точно также всѣ вмѣстѣ. Ни одинъ мальчикъ не могъ ни уклониться отъ посѣщенія училища, ни какъ-либо сшалить на дорогѣ, потому-что всегда былъ на виду у всѣхъ, какъ у старшаго своего. Послѣ классовъ, опредѣленный часъ полагался на отдыхъ, на бѣготню, на игры. Затѣмъ мы садились всѣ за столъ на домашнія занятія, на приготовленіе уроковъ, до ужина. Послѣ ужина полагался часъ на отдыхъ, на бѣготню, на игры. Въ 10 ч. регентъ, о. Страховъ, появлялся на общую молитву. И сряду-же затѣмъ мы всѣ разомъ ложились спать. Такъ ежедневно цѣлые годы. Дисциплинарный порядокъ есть мать успѣха. Оттого до пр. Смарагда, въ прежнее время почти всѣ пѣвчіе были исключаемы изъ училища и пропадали, а въ смарагдово время всѣ небездарные шли по наукамъ ровно, а даровитые были даже первыми и прошли чрезъ высшія учебныя заведенія, каковы насъ двое—

я и Даничка, да еще мой родной братъ, Епидифоръ Б—чъ, кончившій курсъ съ отличіемъ въ медико-хирургической академіи. Въ послѣдующее же время третій мой братъ, Левъ, имѣя отличныя-же дарованія, въ пѣвческой архіерейской чуть-было совсѣмъ не пропалъ отъ малоуспѣшности; а когда я устроилъ его студентомъ медико-хирургической академіи, сталъ-было заниматься, какъ настоящій студентъ. Къ несчастію, скоро умеръ отъ холеры. Тѣ, которые изъ нашихъ товарищей и пѣвчихъ кончили свое образованіе въ семинаріи, тѣ впослѣдствіи вышли образцовыми священниками, каковы — я напомню Даничкѣ: отцы Адамъ Гашкевичъ, Клементій Пясковскій, Александръ Соколовъ, Левъ Пясковскій, Пославскій. Другихъ я потерялъ изъ виду. Да даже изъ исключенныхъ вышли въ жизни хорошіе люди, каковы И. А. Бруевичъ; Ѳ. Петрашень вышелъ хорошій регентъ, каковымъ служилъ гдѣ-то въ Кіевѣ. И то мудро-попечительная педагогическая мѣра, введенная владыкою-же Смарагдомъ, что лѣтомъ насъ всѣхъ въ сборѣ, подъ надзоромъ, выводили на рѣку Днѣпръ купаться, а также и на прогулку, за городъ, на загородные архіерейскіе хутора, въ Печерскъ, въ Холмъ, также въ Буйничи, Пеппенбергъ, прелестнѣйшія мѣстности, гдѣ находились женскій монастырь и пансіонъ благородныхъ дѣвицъ. На общія ученическія рекреаціи, которыя тогда были въ обычаѣ, насъ выводили также всегда вмѣстѣ, малыхъ пѣвчихъ особо въ сборѣ, причемъ намъ выдавались булки, пряники и еще кое-что, чтобы мы тамъ не голодали, и даже имѣли праздничную потѣху. На этихъ загородныхъ прогулкахъ мы рѣзвились, сколько хотѣли, пѣли пѣсни, кантаты и т. п. Вообще отъ всего этого остались самыя живыя поэтическія впечатлѣнія, которыя теперь уже изглаживаются въ чувствѣ, да и въ памяти. Вообще подъ отеческою эгидою владыки Смарагда наше дѣтство прошло сравнительно и безпечально, а главное строго правильно, что дало намъ направленіе на всю нашу жизнь. Нужно благодарить Бога и добрыхъ людей, изъ которыхъ въ первомъ ряду, въ благодарномъ нашемъ воспоминаніи, должны стоять наши воспитатели, преосв. архіепископъ Смарагдъ, да и регентъ, тогда священникъ, нынѣ протоіерей, о. Никифоръ Страховъ.

Дальше мнѣ возмутительно, скажу больше, почти отвратительно коснуться мерзости, которую необдуманно и неблагонамѣренно позволилъ себѣ Д. С. З—чъ занести на страницы такого солиднаго сборника историческихъ матеріаловъ, какъ „Старина“. Боже мой! Вѣдь онъ предаетъ суду современниковъ и потомства почтеннѣйшаго живаго

старца, своего воспитателя, призывая позоръ на его старческую голову нынѣ и всегда. И пусть-бы дѣлалъ это мальчишка-борзописецъ, маратель, хульникъ своихъ отцовъ, а то чуть самъ не старикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ. Боже! И такому чиновному, солидному и безспорно образованному человѣку написать въ жизни всего только, что эти жалкія строки! Нечего сказать, слава! Нечего сказать—урокъ дѣтямъ и потомству. Вѣдь это, что онъ написалъ, во-первыхъ, общія мѣста. Это красныя словца, для которыхъ не щадимъ ни даже роднаго отца. Наконецъ, это ложь и клевета, неблагородная и преступная диффамація живаго еще, хотя и 80-ти-лѣтняго старца, почтеннѣйшаго протоіерея.

О. протоіерей Никифоръ Страховъ — это въ своемъ родѣ замѣчательный-же человѣкъ, замѣчательная артистическая натура. Все дѣтство его и юность прошли также въ изученіи хороваго пѣнія. Когда дошелъ онъ до философскаго класса, предмѣстникъ пр. Смарагда, архіепископъ могилевскій Гавріилъ вызвалъ его, юношу Страхова, въ Могилевъ по особой рекомендаціи, какъ способнаго регента, изъ роднаго его города Калуги. Тамъ-же, въ Могилевѣ, дано ему и священническое мѣсто при богоугодныхъ заведеніяхъ, для чего новоприбывшій регентъ вынужденъ былъ на-скоро жениться. Не знаю, по какому-то роковому недоразумѣнію, онъ повѣнчался съ дѣвицею, доброю взоромъ вѣло и физически развитою, но несовершеннолѣтнею. По тогдашнимъ законамъ, новыхъ супруговъ, послѣ мучительнѣйшей перипетіи, развели до совершеннолѣтія жены. Это мучительное обстоятельство потрясло жену такъ, что она получила чахотку и слегла въ могилу. А юный супругъ, къ несчастію, уже священникъ, остался съ самой ранней молодости невольнымъ монахомъ. На него это потрясающее обстоятельство повліяло такъ, что отразилось на его характерѣ раннею склонностію и къ меланхоліи, и къ раздражительности. Впрочемъ и то сказать, что это была одна изъ самыхъ тонкихъ артистическихъ натуръ, какія приходилось встрѣтить мнѣ въ своей жизни. Я видѣлъ регентовъ на своемъ вѣку очень не мало и сдѣлалъ наблюденіе, что способный регентъ, мастеръ дѣла, пѣвецъ-художникъ, такой всегда раздражителенъ; а вялый, флегма, наоборотъ, всегда плохой регентъ. Да и самъ я цѣлый вѣкъ и пѣлъ, и училъ пѣть. Отчасти испыталъ это и на самомъ себѣ. Когда идетъ пѣніе хоровое, искусное, стройное, тогда у регента необычайно натягиваются струны нервовъ. Когда натягиваетъ ихъ стройное пѣніе долго, или натягиваетъ сильно пѣніе высоко гармоничное и художественное, тогда нервы регента настраиваются сами въ

гармонію умиленія, и нерѣдко случалось, что и разрѣшатся невольнымъ, неудержимымъ плачемъ. Когда-же гармонія вдругъ прервется диссонансомъ, тогда нервы содрогнутся болѣзненнымъ раздраженіемъ; иногда взрывомъ, когда имѣется къ тому удобство, напр. дома; иногда-же туманомъ въ головѣ и болью въ сердцѣ, когда обнаружить раздраженія нельзя, напр. въ церкви. Даничка короткое время состоялъ въ хорѣ и не знаю, помнитъ-ли это; а я принадлежалъ хору цѣлыхъ семь лѣтъ и помню слѣдующее. О. регентъ Страховъ нѣсколько разъ уѣзжалъ изъ Могилева въ Петербургъ, отчасти лечиться отъ одного хроническаго недуга, а отчасти изучать пѣніе въ придворной пѣвческой капеллѣ. Въ его отлучки нашимъ хоромъ управляли или воспитанникъ семинаріи Іаковъ Пясковскій, или священникъ о. Петръ Демьяновичъ. Пясковскій былъ сердитъ, но не тонкая, тяжелая натура. Ну, и плохо дѣло выходило. А о. Петръ Демьяновичъ былъ настоящій элегантъ, рѣдкій красавецъ, отъ курчаваго волоса на головѣ до мизинца на ногѣ, бѣлокожій, тонкаго румянца; усъ, борода, волосъ на головѣ, пальцы на рукѣ — все это аристократической тонкости. Вѣдь, бываютъ и въ нашемъ званіи такія изящныя натуры. Впрочемъ и то сказать, что въ Бѣлоруссіи не мало было въ духовномъ званіи старинныхъ дворянскихъ фамилій, въ томъ числѣ фамиліи З—чей, какъ помнится, и наша фамилія Б—чей, хотя наши дворянскіе документы и сгорѣли на пожарѣ въ Шкловѣ, у генерала Зорича; а немало также и такихъ священническихъ родовъ, въ которыхъ нѣсколько поколѣній ѣли бѣлый, чистый хлѣбъ. Напр., въ нашей семьѣ, мой отецъ Іоаннъ, дѣдъ Петръ, прадѣдъ Павелъ, прапрадѣдъ Антоній и, кажется, еще пращуръ Антоній-же были священниками все на одномъ и томъ же мѣстѣ въ селѣ В—мъ. Такъ и Демьяновичи были тамъ весьма распространенная, даровитая и въ нѣкоторыхъ представителяхъ своихъ представительная фамилія. Голосъ у этого о. Петра Демьяновича былъ нѣжный теноръ, сердце мягкое, какъ голосъ. И дѣло пѣвческое зналъ. Но, увы! Какъ возьмется, бывало, управлять хоромъ, самъ присѣдаетъ, приплясываетъ, подпѣваетъ прелестнымъ голоскомъ, расчувствуется, любуется самъ собою и общимъ нашимъ строемъ. Помню, такъ пѣли мы разъ прекраснѣйшій, чувствительнѣйшій концертъ на Преполовеніе: *Преполовившуся празднику, жаждущую душу мою благочестія напой водами*... А мы только забавлялись въ душѣ, плохо дѣло. Пресмѣшно выходило. Но пріѣдетъ, бывало, регентъ, о. Страховъ. Фигура кардинала Ришелье,—высокій, тонкій, рука аристократическая, пальцы

длинные, жесты утонченнаго барина, лицо нѣсколько болѣзненное, взглядъ меланхолическій, больше печальный, рѣдко веселый, улыбающійся, волосъ длинный, вьющійся, усъ, бородка кардинала Ришелье; одѣтъ всегда безукоризненно, иногда щеголевато. И лишь только взялъ камертонъ въ руки, тѣ-же люди, тотъ-же квартетъ, — конечно, не осла, козла, мартышки, да косолапаго мишки, хотя квартетъ и не особенныхъ артистовъ, — но выходила музыка не та. Изъ Могилева, вслѣдъ за преосв. Смарагдомъ, о. Страховъ отбылъ въ Харьковъ, оттуда въ Астрахань, въ Орелъ и Рязань. Подъ старость онъ и оставлялъ, отъ ослабленія силъ, и снова былъ упрашиваемъ брать въ свои руки управленіе хорами. Онъ правилъ хоромъ орловскихъ пѣвчихъ и въ Петербургѣ, когда пр. Смарагдъ вызванъ былъ туда для присутствованія въ свят. сунодѣ. Самъ Львовъ неоднократно пріѣзжалъ на ихъ подворье любоваться пѣніемъ хора, управляемаго о. Страховымъ. Тамъ-же, уже на старости лѣтъ, ему предложенъ былъ отъ придворной капеллы и дипломъ на учителя пѣнія. Вообще—замѣчательнѣйшій изъ регентовъ, какихъ я видѣлъ на своемъ вѣку. А я довольно близко зналъ нѣкоторыхъ регентовъ даже въ Петербургѣ.

Въ Могилевѣ средства хора были довольно несчастны. Между басами былъ только одинъ хорошій голосъ для соло; альты были, положимъ, не первостатейные, однакоже удовлетворительные; но теноры совсѣмъ неудовлетворительные, лучшій теноръ — пьяница; особенно-же были несчастны дисканты. У „дисканта-солиста“ голосокъ былъ совсѣмъ незначительный, узкаго регистра; ему впору было взять верхнее фа, соль — съ крайнимъ напряженіемъ, о верхнихъ-же ля и си и думать было нечего, тогда какъ на своемъ вѣку я зналъ дисканта-чудо, который еще въ 17 лѣтъ бралъ, что называется, утъ-діэзъ и пѣлъ вообще восхитительно, — Николка Соколовъ въ Ригѣ. Да и въ томъ узкомъ регистрѣ голосъ „дисканта-солиста“ принадлежалъ къ числу недоносящихъ: всегда, бывало, не доноситъ... Природа на голосъ у него не была щедра. Упоминаемый имъ, другой дискантъ, Г—чъ, былъ голосъ нѣжный, сильный и обширнаго регистра, соль-ля верхнія были ему нипочемъ; но имѣлся у него недостатокъ, который портилъ, который почти уничтожалъ всѣ достоинства. Мальчикъ былъ въ высшей степени слабонервный и могъ пѣть только въ хорѣ. Но если выставить его для соло, онъ въ ту-же минуту, бывало, впадаетъ въ истерику, задрожитъ, заикаетъ и все испортитъ, почему, мы и звали его... именемъ одной домашней птицы: бились, бились, такъ и кинули. Хоръ, положимъ, по

голосовымъ способностямъ незначительный; а все-таки многое мы пѣли отлично, въ высшей степени выдержанно. По части выдержанности, по части художественнаго такта, лучшаго хороваго пѣнія я и впослѣдствіи не слыхалъ. Да, а я слышалъ и придворное пѣніе; но придворные пѣвчіе въ церквахъ ничего нотнаго почти и не поютъ. А мы пѣли слишкомъ много нотнаго. Какую массу концертовъ мы знали и пѣли, трудно и вспомнить, и перечесть, старыхъ и тогда новѣйшихъ, четыреголосныхъ и двухорныхъ, не считая множества херувимскихъ, „Милость мира“, „Достойно есть“, „Задостойниковъ“ и т. д. Все это оставлено, забыто! Изсякла вся поэзія, зачахла эта богатая поэзія недавней старины. О. Страховъ пріучалъ насъ не только къ безукоризненной механикѣ пѣнія, но старался втолковать самый смыслъ пѣнія, ввести въ пониманіе художественнаго духа. Не забыть мнѣ, и сотни разъ въ жизни я вспоминалъ другимъ, какъ разъ пѣли мы трогательнѣйшій изъ концертовъ Бортнянскаго: *Услыши, Боже, гласъ мой, вонми молитвѣ моей*; пѣли послѣднюю часть: *о Богѣ спасеніе мое и слава моя*, — онъ сидѣлъ, опершись обѣими руками о столъ и, взявшись за виски, прячась отъ насъ, тихо плакалъ, а тутъ пришлось мнѣ дѣлать solo: *о Богѣ спасеніе мое, и слава моя*... Я, разумѣется, пѣлъ, какъ мальчикъ, правильно, но бездушно. Это мои тысячекратныя наблюденія: мальчики вообще не понимаютъ духа пѣнія, что и слышно въ пѣніи. Пѣніе однихъ большихъ пѣвчихъ всегда выразительнѣе, напр. взрослыхъ семинаристовъ, или академистовъ. У тѣхъ всегда слышится экспрессія, если пѣніе мало-мальски стройное. А у мальчиковъ наоборотъ, — пѣніе и стройное, и даже выдержанное, съ форте и піано, а все нѣтъ, не слышится истинной выразительности, слышится только искусственность. Развѣ между мальчиками иная артистическая натура, пѣвчая пташка отъ природы, — встрѣчалъ на своемъ вѣку и такихъ, немного ихъ, — да и та часто поетъ, сама не понимая прелести своего пѣнія, какъ соловей, или канарейка. Я былъ изъ способнѣйшихъ къ разумѣнію пѣнія, но духа пѣнія — нѣтъ — тогда не понималъ. И вотъ я пою трогательнѣйшее solo. А регентъ, обращая ко мнѣ облитое слезами лицо, говоритъ: „понимаешь-ли ты, что ты поешь“!!! Не скажу, что я понималъ тогда. Понимаю только теперь, какую прелесть пѣлъ. Или помню, какъ онъ училъ солиста-тенора пѣть начальное solo концерта при освященіи храмовъ, также оставленнаго и забытаго, но въ высшей степени выразительнаго: *Господи Боже Израилевъ! Нѣсть Богъ, яко-же Ты, на небеси горѣ, и на земли долѣ*... Хотѣлось

ему, чтобъ нашъ убогій могилевецъ, пьяненькій теноръ, пропѣлъ это дивное solo, какъ пѣвецъ петербургскаго Большаго театра. Увы! Гдѣ-же! Такъ и всѣ его артистическія усилія выяснить намъ идеалъ пѣнія разбивались о камень нашего непониманія, или скудости голосовой. Тѣмъ не менѣе многія вещи пѣты нами, какъ и впослѣдствіи слышать не приходилось. Взять и то, что онъ, какъ артистъ въ душѣ, какъ знатокъ пѣнія чуть не отъ матерней груди, онъ не былъ рабъ буквы, рабскій исполнитель придворно-пѣвческой буквы. Нѣтъ, въ самомъ выполненіи готовыхъ вещей, онъ былъ своеобразный творецъ ихъ. Такъ, наприм., пѣвали мы рождественскій концертъ: *Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы*, или послѣднюю часть: *Слава въ вышнихъ Богу*, — какъ-то протяжно, andante, и сдержанно. Выходило пѣвуче, гармонично, торжественно и умилительно. Но тотъ-же концертъ,—слышалъ я въ Саратовѣ,—пѣлъ, еще пока не развалившійся, аѳанасіевскій хоръ: въ первой и послѣдней части они дѣлали allegro и forte, пускали всѣ голосовыя средства въ ходъ, и выходило то, да не то: отрывчато, громко, не мелодично и уже нимало не умилительно. Также рождественскій-же концертъ Бортнянскаго: *Слава въ вышнихъ Богу*, первую и послѣднюю части мы пѣвали также почти andante, сберегая средства чуть не на половину. И въ этой радостной гармоніи у насъ слышалось нѣчто, слезы вызывающее. А тотъ-же концертъ слышалъ я въ выполненіи многогласнаго и заботливо вышколеннаго регентомъ-капеллистомъ хора донскихъ казаковъ. Этотъ — рабъ буквы. И какъ пуститъ, бывало, allegro, какъ поднимутъ всѣ трескъ и пискъ, и выходитъ что-то бравурное, что-то плясовое, а умилительнаго церковнаго ровно ничего. А ангельскаго славословія родившемуся Спасителю міра: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ* — ни слѣда, ни тѣни.

Разумѣется, такое осмысленное хоровое пѣніе, при крайне незначительныхъ голосовыхъ способахъ, нужно было выработать. Для этого нужно было и умѣнье, котораго у о. Страхова было весьма достаточно. Нуженъ былъ и трудъ, — да, трудиться насъ и заставляли. Наконецъ, нужно было и искусство, искусство не только регента въ управленіи хоромъ, но искусство и пѣвцовъ въ пѣніи. Самъ онъ, какъ руководитель хора, на всю жизнь мою остался идеаломъ. Видѣлъ я много регентовъ, но такого господина какъ своихъ собственныхъ нервовъ, такъ и всѣхъ нервныхъ струнъ хороваго органа впослѣдствіи я не встрѣчалъ. Онъ не истощался въ обиліи жестовъ, въ суетливости во время исполненія пьесы. Нѣтъ. Бывало, едва шевелитъ двумя паль-

цами, управляя хоромъ. Малѣйшее колебаніе этихъ пальцевъ выражало мысль пѣнія, которую мы должны были выразить. Взглядъ всегда сосредоточенный, выраженіе лица всегда меланхоличное, рѣдко свѣтлое и веселое, отпечатлѣвали на себѣ и строй пьесы и качество нашего выполненія. Конечно, при этомъ случались у него и вспышки раздраженія. Вѣдь эта кучка мальчугановъ должна была изучить во-первыхъ технически громадную массу музыкальныхъ пьесъ, теперь составляющихъ гибнущій хламъ въ кладовыхъ провинціальныхъ хоровъ, – изучить всего Веделя, Турчанинова, Бортнянскаго, многое изъ трудовъ Сарти, многое безвѣстныхъ композиторовъ, особенно по части двухорныхъ концертовъ, изучать, начинавшаго показываться, Львова, очень правда мудренаго по обилію музыкальныхъ знаковъ и переходовъ изъ тона въ тонъ, Дегтярева и другихъ, которыхъ мы изучали, даже не зная ихъ именъ, — множество старинныхъ, крайне сложныхъ и пѣвучихъ концертовъ, вродѣ: *Помолихся лицу твоему; Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея; Приклони, Господи, ухо твое;* множество пасхальныхъ, напримѣръ, *Торжествуйте вси любящіи Сіона,* — забытый концертъ; двухорный Вознесенья, двухорный Троицы, четыреголосный Троицы, Преполовенія, Благовѣщенія: *Съ небесныхъ круговъ,* святителя Николая: *Тецыте вси вьрніи соборы;* Успенія концертъ: *Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу;* рождественскій греческій двухорный: Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ; рождественскій-же двухорный; *Съ нами Богъ;* рождественскіе четыреголосные: *Слава въ вышнихъ Богу* и *Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы;* крещенскій чрезвычайно сложный и пѣвучій: *Днесь Христосъ на Іорданъ пріиде* и т. д. безъ счета. И все это мальчики должны были не только твердо къ зубу изучить и по нотамъ, и по тексту, но и понять, вникнуть въ смыслъ и духъ какъ отдѣльныхъ музыкальныхъ фразъ, такъ и всей цѣлости музыкальной пьесы, особенно-же такихъ особо выразительныхъ и нерѣдко замысловатыхъ фразъ и пьесъ, которыя назначались для solo. Нужно много смысла, много чувства, много вокальной силы, много, наконецъ, смѣлости, чтобы выполнить solo—Веделевское *Покаянія отверзи ми двери,* или нѣкоторыя старинныя *Да исправится молитва моя,* а мы пѣли ихъ нѣсколько №№, не менѣе полдюжины, на всякую службу перемѣнное; или въ концертѣ *Господь просвѣщеніе мое,* такое косое въ переходахъ изъ тона въ тонъ solo, какъ: *отъ кого устрашуся,* за которое досталось „солисту-дисканту“ Д. С. З–чу.

Самъ, прошедши чрезъ эту школу, скажу по совѣсти уже стараго и многоопытнаго человѣка, что тутъ или неизбѣжны были щелчки, или нужно было бросить дѣло. Скажу, какъ происходило дѣло со мною. Я былъ солистъ-альтъ. Вотъ только-что взяли меня въ хоръ окончательно, какъ голосъ у моего предмѣстника солиста-альта, Ѳедьки Петрашня, спалъ окончательно. Нужно было сряду выдрессировать меня такъ, чтобы я былъ настоящій, по меньшей мѣрѣ, сносный солистъ. Вотъ въ лѣтнюю вакацію, при полной свободѣ отъ школьнаго ученья, насъ, мальчиковъ, ежедневно упражняютъ въ пѣніи. Вотъ заставляютъ, 9-ти-лѣтняго мальчика, тянуть solo концерта: *Восхвалю имя Бога моего*, тянуть сперва по нотамъ: ре, до (діэзъ), ре, ми, фа (діэзъ), фа, фа, фа, соль, фа-соль-ми-фа и т. д. Фа діэзъ, я, что называется, не доношу, послѣ фа не доношу и соль. Мнѣ говорятъ: не доносишь. Я не понимаю, что значитъ: не доносишь. Мнѣ это показываютъ на скрипкѣ. Не совсѣмъ понимая смысломъ, какъ донести, я еще меньше умѣю сдѣлать это голосомъ. Меня заставляютъ одну и ту-же фразу продѣлывать десятки разъ. Не понимаю, хоть тресни, какъ говорилось. Ну, кинуть дѣло нужно, распустить спѣвку, бросить меня, какъ солиста, а другаго вѣдь не имѣется въ виду. Вмѣсто всего этого мнѣ дается подзатыльникъ. Начинается въ двадцать первый разъ то-же solo: *Во-осхва-алю имя Бога моего* .. Ну, такъ во время всей спѣвки я получу двѣ — три хлопушки. Плачу, а пою. Черезъ какую-нибудь недѣлю, много черезъ двѣ я выразумѣлъ и смысломъ, и голосомъ, что значитъ доносить, переносить, что значитъ діэзъ, бемоль, тонкій звукъ, дурный тонъ, мольный тонъ и т. д. И тогда меня, какъ отлично-способнаго, оставили на весь мой пѣвческій вѣкъ, безъ всякихъ колотушекъ. Послѣ этого я пѣлъ solo не менѣе пяти лѣтъ, почти до самаго отбытія въ Петербургъ и меня никто пальцемъ не тронулъ. Почти то-же, да не то-же было и съ Даничкой. Онъ былъ мальчикъ въ высшей степени способный. Но голосокъ у него былъ крайне ограниченный, тяжеловатый и, что называется, изъ недоносящихъ. Трудно инымъ голосамъ нѣкоторыя ноты донести, иногда даже весьма сильнымъ и гибкимъ, даже весьма искуснымъ. Я думаю, что въ этомъ случаѣ у иныхъ грѣшатъ слуховые нервы, даютъ фальшивый тонъ; подобно тому, какъ зрѣніе близорукое не доглядываетъ, какъ дальтонизмъ плохо различаетъ нѣкоторые цвѣта, а иногда и вовсе не различаетъ. Маленькаго совсѣмъ (онъ былъ крайне малорослъ, совсѣмъ крошка, хотя по лѣтамъ и однолѣтка мнѣ), взяли Даничку въ пѣвчіе и какъ взяли,

нужда пришла, послѣ спавшаго голосомъ, хорошаго солиста Клементія Пясковскаго, поставить Даничку солистомъ. На его несчастье стали впервые муштровать его на очень мудреномъ именно для дисканта, именно для солиста, концертѣ Бортнянскаго: *Господь просвѣщеніе мое.* Оно все ничего, да въ этомъ концертѣ имѣется косое solo, съ переходами изъ тона въ тонъ: *отъ кого устрашуся*, или: *на него азъ уповаю.* Ну, никакъ не умѣетъ это Даничка выдѣлать. Ну, конечно, пущены въ дѣло хлопушки, подзатыльники.

Сознаться должно, его положеніе было хуже моего. Пониманіе и у него было быстрое, но голосокъ необширный и съ спеціальнымъ недостаткомъ. Этотъ недостатокъ постоянно ему вредилъ, вызывая регента на раздраженіе. Сверхъ того, его невыгода заключалась уже и въ томъ, что онъ былъ дискантъ. Дискантамъ, особенно не совсѣмъ натуральнымъ, гораздо тяжелѣе было тогда исполнять хоровыя обязанности, чѣмъ альтамъ. Тяжело витать постоянно въ сферѣ высокихъ звуковъ фа-соль-ля. Для малыхъ хоровъ тягостенъ этотъ придворный строй, C-dur, даже простаго пѣнія простой обѣдни. Въ придворной пѣвческой капеллѣ тянутъ одну ноту 15 сильнѣйшихъ придворныхъ дискантовъ, да столько-же теноровъ primo. А въ нашемъ могилевскомъ хорѣ, бывало, пищатъ два мальчика дисканта, да нерѣдко ни одного тенора primo. Извольте такъ пропищать всю всенощную, да всю обѣдню, выдѣлывая верхнія ноты ми и фа въ самомъ тягостномъ отношеніи ко всему аккорду. Бывало, бѣдные мальчики-дисканты primo надрываются, устаютъ до изнеможенія, не доносятъ страшно, осаживаютъ весь строй хора сразу на полтона, а далѣе на цѣлый тонъ и больше. А все-же нужно тянуть, какъ бѣднымъ почтовымъ лошадкамъ. И регентъ выходитъ изъ терпѣнія, и онъ совсѣмъ таки мученикъ. Вотъ, бывало, въ церкви и щипнетъ иного мальчугана, Даничку, или Г—ча, или Левку Пясковскаго, именно дискантовъ primo. Имъ-то больше другихъ, т. е. имъ почти однимъ и доставалось. Съ тѣхъ дѣтскихъ лѣтъ у меня такъ и осталось инстинктивное нерасположеніе къ этому тягостному строю C-dur простой придворной обѣдни. А директоры капеллы такъ настаиваютъ на выполненіи своихъ неестественныхъ измышленій. Для придворнаго, вообще для большихъ хоровъ они, положимъ, хороши, по крайней мѣрѣ, сносны; но для малыхъ слабосильныхъ хоровъ положительно невыносимы. Кромѣ того, строй обѣдни C-dur невыносимъ и для огромнаго большинства діаконовъ. Гдѣ найти для всѣхъ церквей придворныхъ протодіаконовъ? Да и тѣ, говоря эктеніи въ тонъ C,

большею частью только дудятъ, т. е. произносятъ неявственно, такъ-что слышатся только звуки, только басовое мычанье, а не слоги и не слова. Для басовъ, даже для хорошихъ басовъ діаконовъ, по моимъ наблюденіямъ, самый натуральный тонъ, когда діаконъ, читая эктенію, и напрягается всего менѣе, и говоритъ всего явственнѣе, это—E-dur. Такъ и пѣть всѣмъ легче въ E-dur, при чемъ верхній дискантъ тянетъ верхнюю октаву противъ баса, а вся тяжесть опредѣлять дурный характеръ аккорда падаетъ уже не на дискантовъ primo, а на альтовъ. Да и тѣмъ приходится постоянно твердить, что они не доносятъ въ *Господи помилуй* звуки *поми*...

Затѣмъ, по полувѣковой своей опытности, по неотступному за все это время вниканію въ хоровое церковное пѣніе, я сказалъ уже и повторяю, что для стараго пѣнія, какое мы выполняли въ архіерейскомъ могилевскомъ хорѣ, при тогдашнихъ условіяхъ, жестковатыя мѣры были и полезны, и даже необходимы. Къ этому убѣжденію можно придти по сравненію, во-первыхъ, состоянія разныхъ хоровъ, а во-вторыхъ, по сравненію старыхъ и новыхъ условій въ состояніи хоровъ. Не знаю, употребляются-ли, употреблялись-ли какія-либо суровыя наказанія въ придворной пѣвческой капеллѣ. Скорѣе думаю, что да, чѣмъ—нѣтъ. Однако-же, допустимъ, что не употреблялись и не употребляются. Капелла живетъ въ условіяхъ далеко отличныхъ отъ условій маленькихъ архіерейскихъ хоровъ. Тамъ для капеллы выберутъ самые лучшіе голоса со всей Россіи. Оторвавъ мальчика отъ дома, тамъ, въ капеллѣ, направятъ его исключительно на одно дѣло, на пѣніе. Обучаютъ его при всѣхъ пособіяхъ, какія только существуютъ, какія изобрѣтены и приспособлены къ этой цѣли. Пусть мальчикъ пропадетъ для жизни, кому забота объ этомъ? Какъ въ высшей степени способный отъ природы, при постоянномъ упражненіи въ одномъ, въ изученіи пѣнія, при всѣхъ возможныхъ пособіяхъ, онъ вырабатывается въ отличнаго пѣвца, допустимъ, безъ всякихъ поощреній наказаніями. Въ громадномъ, состоящемъ изъ самыхъ отборныхъ голосовъ, въ отлично благоустроенномъ хорѣ всякому отдѣльному голосу поддерживать общую гармонію легко. Отъ него ничего непосильнаго ему и не требуется. Каждый изъ придворныхъ пѣвчихъ достаточно поощряется всѣмъ своимъ положеніемъ, хорошимъ сравнительно жалованьемъ, совершенно удовлетворительнымъ содержаніемъ, для большихъ—правами коронной службы, для подростковъ—извѣстными видами на будущія служебныя права. А что въ провинціальныхъ архіерейскихъ хорахъ? Ничего подобнаго не

имѣется. Пѣвческая служба въ прежніе годы была крѣпостная съ крѣпостными-же и взысканіями. А нынѣ она—служба единственно только по вольному найму и могла-бы быть поощряема единственно только денежными окладами. Но гдѣ для этого средства? И какія для этого требуются средства?! Думаю, что придворный хоръ стоитъ не одну сотню тысячъ въ годъ. О частныхъ, содержимыхъ любителями хорахъ, только и слышишь, что они стоятъ въ годъ десятки тысячъ. На архіерейскій-же хоръ казна отпускаетъ баснословно малую, совершенно несоотвѣтственную своему назначенію, сумму въ 650 руб. въ годъ, на каковую нельзя нанять и регента. Да и вообще въ малыхъ хорахъ все не то, что въ большомъ придворномъ, не тѣ условія. Большая часть нашего времени все-таки уходила на ученье въ школѣ, — это было главнымъ нашимъ назначеніемъ. Хоръ бывалъ скуденъ голосовыми средствами, выбирать между способными и способнѣйшими не приходилось. Часто требовалось совсѣмъ неподготовленнаго мальчика сразу поставить такъ, чтобы онъ оказался способный, или даже хорошій солистъ. Часто требовалось отъ малоспособныхъ къ художественному пѣнію совсѣмъ непосильное, что превышало голосовыя ихъ средства. При самомъ пѣніи, при недостаткѣ даже количества голосовъ, почти всегда тяжесть выноса самыхъ высокихъ и характерныхъ въ аккордѣ нотъ падала на двухъ, на трехъ мальчиковъ, большею частью — дискантовъ. На нихъ и обращали больше требовательности, имъ и доставалась большая часть непріятностей, какъ на ихъ-же долю выпадала и самая большая часть похвалъ и поощреній, если только дѣло выполнялось ими хорошо, хоть сколько-либо сносно, сколько-либо соотвѣтственно идеалу хорошаго хороваго пѣнія. Возьмите вотъ что: недавній директоръ придворной капеллы Бахметевъ, пока былъ не что иное, какъ помѣщикъ въ Саратовской губерніи,—такъ онъ даже изъ своихъ крѣпостныхъ до эмансипаціи выдѣлалъ-было прекрасный художественный хоръ. Кажется, имѣлъ даже театръ, гдѣ крѣпостная молодежь, мальчики и дѣвушки распѣвали мастерски чуть-ли даже не итальянскія оперы. Прочитайте, это отлично, юмористически разсказано въ „Запискахъ Сельскаго Священника“. Жаль, что онъ и это направляетъ къ позору высоко-образованнаго и хорошаго человѣка. Но фактъ вѣренъ.

Сравнимъ теперь состояніе нашихъ хоровъ въ старое наше и въ теперешнее время. Бывало, правда, и посѣкали и похлопывали, и чрезъ то выработывали отличныхъ пѣвцовъ и замѣчательные хоры. Теперь же уничтожены всякія наказанія, и что вышло! Разложеніе и разложеніе.

Какъ вездѣ во всемъ, въ очень многомъ, по крайней мѣрѣ, такъ и въ хорахъ. Всякій архіерейскій пѣвчій теперь, будь онъ маленькій школьникъ, будь онъ,—Боже упаси!— семинаристъ, великоумный мужъ, онъ работникъ въ хорѣ исключительно только вольнонаемный. Насильственно, противъ воли дѣтей и родителей, или опекуновъ, брать въ пѣвчіе и удерживать въ хорѣ кого бы то ни-было, запрещено. Всякій воленъ служить и не-служить, пѣть и не-пѣть, учиться пѣнію, или не-учиться. Этотъ, повидимому, хорошій принципъ, въ практическомъ его развитіи среди русскаго народа, приходится признать просто общественнымъ развратомъ. И этотъ общественный развратъ спустился такъ низко и разросся такъ широко, что даже въ народныхъ училищахъ лишь только учитель или учительница станутъ принуждать мальчика или дѣвочку къ ученью, особенно если станутъ подвергать наказанію, просто напр. ставить въ уголъ, родители сейчасъ-же разбираютъ дѣтей по домамъ. Я знаю случай, что отъ такого разбиранія дѣтей родителями, вслѣдствіе взыскательности наставниковъ, чуть не закрылись цѣлыя училища. И нужно было особое ухаживанье вліятельныхъ въ приходѣ лицъ за родителями и даже за дѣтьми учениками, чтобъ училища не закрылись совсѣмъ. Точно то-же происходитъ теперь и въ архіерейскомъ хорѣ. Кому изъ школьниковъ, кому изъ большихъ, безъ роскошнаго вознагражденія, теперь охота брать на себя такую тяжелую обязательную обузу, какъ работа въ архіерейскомъ хорѣ? Архіерейскія службы часты, длинны, утомительны, особенно же въ праздники Рождества Христова, около масляной и первой недѣли поста, около Пасхи. Теперь и думать нечего удержать кого-либо изъ пѣвчихъ насильно, чтобъ онъ остался въ городѣ, въ хорѣ, на праздники Пасхи, Рождества, особенно же лѣтней вакаціи. Въ здѣшнемъ краѣ Уфимскомъ на праздники Рождества и Пасхи остаются только по дальности разстояній и неудобству примитивныхъ путей сообщенія. На каникулы же уѣзжаютъ всѣ до одного. И на это время, на всю вакацію отъ половины іюня до начала сентября, архіерейскій регентъ набираетъ, для пѣнія при архіерейскихъ службахъ, чиновниковъ, мѣщанъ, мальчиковъ-гимназистовъ, или же воспитанниковъ низшихъ свѣтскихъ училищъ. Послѣ праздника Троицы хоръ расшатывается, въ половинѣ іюня разваливается, къ концу августа собирается, и только около Воздвиженья настраивается на настоящій ладъ. Итого 3 мѣсяца въ году почти не существуетъ. Въ поѣздки по обозрѣнію епархіи, архіерею пѣвчихъ брать уже нельзя, чтобъ не отвлекать отъ ученья и не вредить ихъ успѣ-

хамъ по учебнымъ заведеніямъ. Да и вообще нужно устроять спѣвки такимъ образомъ, чтобъ какъ можно менѣе мѣшать учебнымъ занятіямъ. Иначе подашь поводъ пѣвчимъ капризничать и заявлять протесты, что-де частыя утомительныя спѣвки мѣшаютъ научнымъ занятіямъ. Поступаютъ пѣвчіе въ хоръ совершенно вольною волею, частію по обычаю, частію по уступчивой уклончивости, чтобъ не ставить себя въ щекотливое отношеніе къ начальству, главнымъ же образомъ—все-таки льстясь на приманку денежнаго вознагражденія. Но сохрани Богъ оказать на нихъ какое-либо давленіе. Сохрани Богъ приналечь на обученіе нотѣ и пѣнію. Кому изъ большихъ, кому изъ маленькихъ пѣвчихъ теперь охота усиленно налегать на изученіе вокальной музыки? А вѣдь она далеко не простая вещь. Кому охота изучать пѣніе, не только по тексту, но и по нотамъ? Прескучная вещь тянуть: ре-до-ре-ми-фа-фа-соль-фа-соль-ми-фа. Кому охота умудряться хотя бы въ первые элементы генералъ-баса, даже просто изучать азбуку? Но чтожъ изъ этого и выходитъ? А то, что ни малые, ни большіе пѣвчіе нотъ почти вовсе не изучаютъ. Не знаютъ въ большинствѣ случаевъ даже азбуки пѣнія. Пріучаются кое-какъ къ пѣнію только по тексту. Значеніе музыкальныхъ знаковъ, самыхъ употребительныхъ, постигаютъ очень мало. Какъ же поютъ послѣ этого? А такъ же и поютъ. Въ большинствѣ случаевъ поютъ по наслуху. Въ каждомъ отдѣльномъ голосѣ имѣется хоть по одному человѣку, который поетъ уже нѣсколько лѣтъ. Тотъ тянетъ, прислушиваясь ко всѣмъ, а всѣ тянутъ, прислушиваясь къ нему. Регентъ не только правитъ, но всегда неизбѣжно самъ и поетъ. Общее управленіе хоромъ отъ этого сильно теряетъ, такъ какъ регентъ, занятый однимъ голосомъ, примѣрно басомъ, другихъ голосовъ почти совсѣмъ не слышитъ, а тѣмъ менѣе можетъ слѣдить за общею гармоніею. Если же онъ перестанетъ самъ пѣть, то и другіе басы также перестанутъ. А отъ всего этого выходитъ, что нынѣшній хоръ можетъ сколько-либо удовлетворительно выполнять пьесы только наименѣе мудреныя и наичаще употребляемыя. Въ такія пьесы всѣ впѣваются и выполняютъ ихъ почти-что наизусть. О большинствѣ пѣвчихъ можно сказать положительно, что они поютъ исключительно только наизустъ. О какихъ-либо солахъ теперь и слышать нельзя. Обычныя тріо, наприм. *Да исправится молитва моя* поетъ самъ регентъ всегда съ самыми отборными пѣвчими; да и при этомъ, для взаимной поддержки, голоса у насъ соединяются по двое, теноръ primo съ дискантомъ секундо, а басъ съ альтомъ. Ничего, пѣніе часто выходитъ весьма удо-

влетворительное. Счастье, что здѣшній край голосами не скуденъ. Мы имѣли одного тенора превосходнаго для solo (самъ же былъ и помощникъ регента), вышелъ во священники. Имѣли дискантовъ удовлетворительныхъ нѣсколько, а одного замѣчательнаго; жаль, что пѣлъ короткое время, скоро возмужалъ и спалъ съ голоса. О разнообразіи репертуара теперь и думать нельзя. Подумаешь, какъ одно съ другимъ въ жизни вяжется. Львову пришла фантазія, неосновательная и жалкая, запретить пѣніе концертовъ. Это было въ самое цвѣтущее время крѣпостничества. Онъ не предчувствовалъ, а поступилъ какъ-бы по предчувствію. Теперь концертовъ пѣвчіе пѣть и не могутъ. И запрещеніе оказалось очень кстати. Теперь вся масса концертовъ сдана въ архивъ и составляетъ гніющій хламъ въ кладовыхъ. Но Боже мой! Сколько въ нихъ было прекраснаго! Сколько поэзіи! Сколько положено надъ ними труда душъ развитыхъ, нѣжныхъ, возвышенныхъ! Сколько потрачено ихъ авторами на нихъ высокихъ думъ, глубокихъ чувствъ, сколько пролито слезъ! Все это зачеркнуто почеркомъ пера г. Львова. И все это пришлось кстати. Падаетъ христіанство, прочь и христіанская поэзія! Не нужна она. Прочь и хоры, выработанные, художественные! При настоящихъ условіяхъ они и существовать не могутъ. Они требуютъ нынѣ громадныхъ денежныхъ затратъ. А гдѣ взять на нихъ денегъ бѣднымъ и бѣднѣющимъ архіерейскимъ каѳедрамъ?

А попробуй только приневолить пѣвчихъ хоть-бы самъ архіерей. А что? Да что, ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ и не выходитъ. Всякій пѣвчій, начиная съ большихъ семинаристовъ и оканчивая самыми маленькими школьниками, пользуясь предоставленными имъ правами отъ крѣпостной неволи, станутъ всякими способами уклоняться отъ участія въ пѣніи. А чтобъ регенту толкнуть, щипнуть кого, — Боже упаси!... Случалось, что регентъ скажетъ иному слово не по шерсти. Такъ не только большой пѣвчій, а просто маленькій пузырь, такъ и тотъ на жесткое слово отвѣтитъ регенту въ лицо цѣлою кучею грубостей. Пробовали проводить жалобы на пѣвчихъ по инстанціямъ, доводя ихъ до училищнаго и семинарскаго начальства. Ничего путнаго и изъ этого не выходило. Попавшій въ непріятность пѣвчій отправляется въ больницу подъ предлогомъ болѣзни, или просто заявитъ, что онъ слабъ грудью, имѣетъ нужду дать ей отдыхъ; или даже просто перестанетъ ходить на спѣвку и являться къ пѣнію въ церковь.

По всѣмъ этимъ причинамъ настоящіе хоры съ прежними никакого сравненія имѣть не могутъ. Хоры нашего стараго времени дѣй-

ствительно были хоры, обремененные знаніемъ, выполнявшіе обязательную, отлично подготовленную работу. Тогда всякій пѣвчій дѣйствительно зналъ и вынужденъ былъ знать свое дѣло, знать итальянскую, не говоря о церковной, ноту; знать массу музыкальныхъ пьесъ. Нынѣже хоры выполняютъ только вольную работу по вольному найму; никакого принужденія не выносятъ, а въ случаѣ приневоливанья сейчасъ-же разсыпаются. Поэтому поютъ даже то, что пѣть кое-какъ могутъ, въ большинствѣ по слуху, по навыку; нотной азбуки не знаютъ, ни какъ азбуки, ни какъ основанія той, или другой музыкальной пьесы; и самыхъ пьесъ знаютъ и выполняютъ крайне ограниченное число. А все, что мы знали и выполняли въ прежніе годы, все это сдано въ архивъ. Явленіе впрочемъ всероссійское, слишкомъ общее не только для хороваго пѣнія, но и для разновидныхъ знаній, искусствъ, ремеслъ. Гдѣ нынѣ крѣпостныя труппы актеровъ, крѣпостные хоры, крѣпостные оркестры? Гдѣ массы отличныхъ во всѣхъ родахъ мастеровъ, каретниковъ, столяровъ, кучеровъ, поваровъ, садовниковъ и т. д.? Все это исчезло. Замѣнены-ли они новыми мастерами, которые-бы изучали нужныя мастерства по вольному призванію? Увы! Нѣкоторыя мастерства совсѣмъ исчезаютъ, наприм., садовники; повара — совсѣмъ исчезли. Обидное совпаденіе, но очень вѣрное: подобнымъ-же образомъ по провинціямъ совсѣмъ исчезаетъ и хоровое пѣніе, сколько-либо выработанное.

Думаю, мною достаточно выяснено, что, такъ называемыя, тѣлесныя наказанія, завѣщанныя нашему старому времени всею прежнею исторіею Россіи, входили существенно важнымъ элементомъ во всю систему воспитанія и обученія. Поэтому, согласно смыслу поставленныхъ требованій, чего надлежало достигнуть и въ дѣлѣ обученія пѣвческихъ хоровъ, строгія мѣры и тамъ были сколько естественны, столько-же и неизбѣжны, и крайне нужны. Правда, регентъ, священникъ Никифоръ Страховъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія изъ числа педагоговъ недавнопрошедшаго времени. А если и составлялъ исключеніе, то развѣ только тѣмъ, что пользовался своимъ правомъ поощрять наказаніями крайне ограниченно; пользовался, можно сказать, не систематически, а только вспышками въ минуты естественнаго раздраженія. То неправду говоритъ Д. С. З—чъ, будто „выучиванье новой пьесы достигалось *исключительно* посредствомъ колотушекъ, щипковъ, ударовъ камертономъ, смычкомъ, а иногда и болѣе внушительными способами“.

Утверждаю, что во всю свою бытность регентомъ въ могилевскомъ архіерейскомъ хорѣ, въ наше время, на нашей памяти, *о. регентъ Страховъ вовсе не „употреблялъ болѣе внушительныхъ способовъ“, т. е. ни одного мальчика не высѣкъ за пѣніе розгами, на что имѣлъ и полную возможность, и полное право.* А не употреблялъ розогъ чисто по брезгливости, по чувству щекотливой благовоспитанности. Удары смычкомъ въ наше время были только преданіемъ, вѣрнымъ-ли, не вѣрнымъ-ли, не знаю. Не помню ни одного случая, чтобы онъ ударилъ кого-либо смычкомъ по головѣ. Добросовѣстно припоминаю развѣ одинъ-другой случай совершенно легкихъ ударовъ по верху руки, когда мальчики-пѣвчіе учились отбивать тактъ руками и упорно сбивались съ такта. „Щипки, удары камертономъ“ положительно не употреблялись на спѣвкахъ дома; жаловались именно дисканты primo, онъ, — З—чъ, Гашкевичъ и Левка Пясковскій, что имъ приходилось иногда отвѣдывать этого удовольствія въ церкви, именно когда они, при всѣхъ настояніяхъ регента и при всѣхъ своихъ усиліяхъ, все-таки не доносили звуки *по-ми* (ми-фа верхнія) въ простомъ придворномъ *Господи помилуй*. Это были простыя случайности. А теперь вѣдь регентъ, вышедши изъ терпѣнія фальшею пѣнія, прицыкнетъ на иного мальчугана; а тотъ, вмѣсто того, чтобы поправиться, тутъ-же накинется на самого регента. И что-же выходитъ? Вмѣсто хорошаго, стройнаго пѣнія — странная сцена, когда мальчишка огрызается на руководителя хора, человѣка почтеннаго. Скажу добросовѣстно, что оставались въ употребленіи единственно только колотушки и волосянки. Въ старые годы кто этимъ затруднялся? Но у о. Страхова и это было сдерживаемо его благородною щекотливостью. Вѣдь, колотушкою здороваго возрастнаго человѣка можно иной разъ убить мальчика на-повалъ. А у него бывало, что онъ ударялъ концами своихъ тонкихъ и длинныхъ пальцевъ, большею частью двухъ пальцевъ руки. Совершенная неправда и то, будто „выучиванье новой пьесы достигалось исключительно *посредствомъ колотушекъ*“. Начать съ того, что большихъ пѣвчихъ, теноровъ и басовъ о. Страховъ не оскорблялъ никогда даже обиднымъ словомъ. Много, что позволялъ себѣ иногда поднять на смѣхъ посредствомъ острого, ѣдкаго слова, на что онъ былъ не послѣдній мастеръ. Затѣмъ нужно исключить всѣхъ старыхъ пѣвчихъ, даже между мальчиками, — дискантами и альтами. Меня, напр., цѣлые годы никто пальцемъ не тронулъ. Далѣе исключить нужно почти всѣхъ альтовъ, которымъ колотушки доставались очень рѣдко. Затѣмъ нужно исключить и дискантовъ secundo, которые

пѣли только хоровые tutti, — и этимъ доставалось мало и рѣдко. А все-таки выходитъ, что больше и чаще другихъ доставалось дискантамъ-солистамъ, ему, З—чу, Гашкевичу и Левкѣ Пясковскому, потому-что ни тотъ, ни другой, ни третій не имѣли совершенно удовлетворительныхъ для solo голосовъ: у Данички голосокъ былъ ограниченнаго регистра, изъ недоносящихъ; у Гашкевича голосъ легкій и обширный, но все портила крайняя слабонервность субъекта; у Левки-же Пясковскаго голосъ изъ фамильныхъ (четыре родныхъ брата преемственно были пѣвчими, и три солистами), изъ довольно обширныхъ, но тяжелый, нѣсколько шершавый и весьма склонный къ хрипотѣ. Но то я категорически отрицаю, чтобы дерганьями за чубъ Д. С. З—чъ повергаемъ былъ на полъ и затѣмъ подымаемъ былъ ударами ноги въ голову. Мимо моихъ глазъ эта суровая операція пройти не могла, такъ какъ я былъ и въ этой поѣздкѣ, о которой пишетъ „дискантъ-солистъ“, и пѣлъ съ Даничкой всегда и вездѣ, какъ неизмѣнный исполатчикъ-альтъ. Ни одной подобной жестокой расправы въ нашу пору не было; ничего подобнаго на моихъ глазахъ не происходило. *Это я утверждаю по совѣсти предъ Богомъ и людьми.* Не можетъ быть, чтобы мнѣ въ этомъ случаѣ память измѣнила. А что память измѣнила Даничкѣ во многомъ изъ того, что онъ внесъ въ немногихъ строкахъ въ свои жалкія воспоминанія, думаю, мною доказано это весьма основательно. Развѣ обдуманно, развѣ справедливо его выраженіе, будто „каждая спѣвка почти никому изъ маленькихъ пѣвчихъ не обходилась безъ тумаковъ?“ Я уже выше сказалъ, что для меня, какъ и для большинства, почти всѣ спѣвки обходились безъ тумаковъ, кромѣ самыхъ первыхъ спѣвокъ, когда меня только-что пріучали пѣть solo; да и для самого Данички почти также. Да онъ тутъ-же и противорѣчитъ себѣ, подтверждая мои, а не свои, только-что приведенныя, слова, тутъ-же сряду выражаясь такъ: „какъ-бы то ни было, а наконецъ достигнуто то, что я и другіе, поступившіе вмѣстѣ со мною, новенькіе научились-таки пѣнію и колотушки перенесены съ насъ, преемственно, на вновь поступавшихъ“. Обдумывалъ-ли человѣкъ свои слова?

Нравоученіе басни сей, — какъ говорилось въ школѣ, — т. е. не басни, а дѣйствительной правдивой исторіи таково: нехорошо, Даничка, нехорошо, любезный другъ и товарищъ! Страницы „Старины“, какъ сборникъ историческихъ матеріаловъ не то, что аудиторія, какъ, бывало, товарищей студентовъ-академистовъ, которымъ ты, Даничка, любилъ, бывало, разсказывать забавные анекдоты. Тамъ хоть иное,

случалось, и прикрасить для краснаго словца, никто, бывало, не взыщетъ, ни слушатели, ни объекты анекдотовъ, которые отсутствовали. А тутъ, любезный Даничка, вы отважились предать позору предъ лицемъ современниковъ и потомства, — кого? Своего живаго воспитателя, почтеннѣйшаго человѣка, старослуживаго и способнѣйшаго, и много потрудившагося слугу государства и Церкви предъ лицомъ живыхъ вашихъ сверстниковъ, готовыхъ по совѣсти защищать незазорную честь, готоваго лечь въ могилу, своего-же приснопамятнаго воспитателя и сказать вамъ въ лицо: слова ваши — необдуманная ложь и легкомысленная клевета. Допустимъ даже, что все, сказанное вами, было-бы и правда. Но, любезный братъ, смерть и отъ насъ недалеко; а тамъ, за дверями могилы, придется предстать на судъ Божій. Вы не забыли-же, вѣроятно, слово Христово: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваша Аще-же не отпущаете, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* А злословить отца? Нѣтъ, кто злословитъ отца или мать, Богъ чрезъ Моисея изрекъ: *смертію да умретъ.* Вѣдь, вашъ родной отецъ, помните, имѣлъ-же важные недостатки. Боже! Это, помимо суда Божія, было бы извращеніемъ нравственнаго чувства, если-бы вы и на него подняли руку, вооруженную мазилкою вмѣсто пера, чтобъ и его предать позору предъ лицемъ Бога и людей, современниковъ и потомства. Вѣдь, помните, вы въ дѣтствѣ разсказывали намъ всѣмъ исторію и о себѣ, какъ въ Пасху вы, сопутствуя своему батюшкѣ, ѣздили съ поздравленіемъ въ домъ помѣщика, и какъ случилось тамъ съ вами одно неудобное приключеніе. А я, благо знаю этотъ казусъ съ вашихъ-же словъ, взялъ да и записалъ-бы это въ свои воспоминанія и предалъ-бы тисненію на страницахъ „Старины“ — да? При вашей жизни — да? И пусть-бы это прочитали ваши дѣти, ваши дочери, если имѣются, какъ и всѣ ваши петербургскіе знакомые — да? По моему почину, вы, чего добраго, и сами теперь пошутите, разскажете? Но одно впечатлѣніе произведетъ вашъ собственный разсказъ, а другое впечатлѣніе на васъ, на вашихъ близкихъ и на всѣхъ произвела-бы моя смѣлость предать это тисненію въ „Старинѣ“, на память потомству... Фи... Я осрамилъ-бы себя самого, еслибъ позволилъ себѣ что-либо подобное, показавъ въ себѣ извращеніе эстетическаго и благороднаго чувства. Вспомните, что и вы, Божіею милостью, генералъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. До чего мы дожили?! Вѣроятно, украшены и сѣдинами. А что, еслибъ я теперь не только под-

сказалъ о. протоіерею Никифору Страхову, а и настоялъ-бы, чтобы онъ подалъ на васъ жалобу въ судъ, за безчестье, за диффамацію. Вѣдь, преступленіе, въ которомъ вы его безчестите, называется истязаніемъ. Онъ за это преступленіе не потерпѣлъ-бы теперь ничего, такъ какъ оно прикрыто болѣе чѣмъ сорока-лѣтнею давностію и двумя коронаціонными Всемилостивѣйшими манифестами. А вы учинили преступленіе диффамаціи въ истязаніи, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ, уже послѣ новѣйшаго Всемилостивѣйшаго коронаціоннаго манифеста, и своей инкриминаціи доказать никакъ не можете. Я свидѣтель противъ васъ, а всѣхъ насъ было только трое, слѣд., свидѣтелей только двое, да и никто небылицы не подтвердитъ своимъ личнымъ свидѣтельствомъ. Тогда, увы! Ваши сѣдины покрылись-бы заслуженнымъ стыдомъ и безчестьемъ вмѣсто глубоко старческихъ сѣдинъ о. протоіерея Никифора Страхова. А чѣмъ-бы это могло кончиться, теперь, кстати на досугѣ, разсудите сами,—кончилось-бы потрясеніемъ вашего благосостоянія, пріобрѣтеннаго и трудомъ и счастьемъ, въ нашемъ духовномъ званіи очень рѣдкимъ счастьемъ, а въ интендантской службѣ довольно обычнымъ. Вѣдь, вотъ о. протоіерей Никифоръ Страховъ, при отличныхъ своихъ дарованіяхъ и тяжкихъ многолѣтнихъ трудахъ, теперь нищій, призрѣваемый сердоболіемъ одного изъ вашихъ сверстниковъ. А вы, на прочно обезпеченныхъ хлѣбахъ, на досугѣ отъ всякаго дѣла, пописываете отъ бездѣлья не дѣльныя воспоминанія. Стыдно и печально. Конечно, я увѣренъ, что о. протоіерей Никифоръ Страховъ, почувствовавъ въ сердцѣ тяжкую рану за прожитое, во искупленіе прежнихъ грѣховъ предъ близкою могилою, когда узнаетъ о вашемъ посягательствѣ на его честь, скажетъ: Богъ съ нимъ! Богъ ему Судья! Но вспомните слово Божіе у Моусея: *Проклятъ безчестяй отца своего, или матерь свою. И рекутъ вси людіе буди.*

Правда противъ хулы... *)

(По поводу посмертной клеветы на почившаго въ Бозѣ митрополита Антонія, бывшаго Новгородскаго и Санктпетербургскаго).

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій Антоній въ мирѣ отошелъ ко Господу и погребенъ благолѣпно въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1848 г. И вдругъ, 34 года спустя, уже въ 1882 г., стяжавшій себѣ особую славу, г. Лѣсковъ помѣстилъ въ „Историч. Вѣстн.“, въ статьѣ *Синодальныя персоны*, грубую посмертную хулу на почившаго въ Бозѣ Святителя, будто-бы „онъ имѣлъ слабость, т. е. страдалъ отъ запоя“,—ни болѣе, ни менѣе. Г. Лѣсковъ, въ ту пору, вѣроятно, еще не родился и отважно говоритъ о томъ, чего не знаетъ. Я же современникъ событія и знаю его близко, и буду говорить о немъ по архіерейской совѣсти, чтобы защитить историческую память Святителя отъ незаслуженнаго оскорбленія.

Я видѣлъ погребеніе въ Бозѣ почившаго митрополита Серафима, которому наслѣдовалъ митрополитъ Антоній. Послѣ этого вся петербургская жизнь послѣдняго прошла предъ моими глазами, также до самой смерти и погребенія. А по смерти его, я лично видѣлъ въѣздъ въ Александро-Невскую лавру и вступленіе въ Александро-Невскій соборъ, преемствовавшаго Антонію, въ Бозѣ почившаго, митрополита Никанора. Кромѣ того, я проникалъ въ такія сферы, на глазахъ которыхъ проходилъ каждый шагъ этихъ трехъ Святителей.

Прошу извиненія. Чувствуя нужду показать компетентность моего свидѣтельства, я долженъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей

*) Печатано въ „Странникѣ“ за 1885 г.

касательно меня самого. Въ санктпетербургскую духовную, считавшуюся тогда образцовою, семинарію я вызванъ былъ изъ семинаріи могилевской (вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьевичемъ Заркевичемъ, нынѣ епископомъ Новомиргородскимъ Николаемъ, первымъ викаріемъ Херсонскимъ) въ 1842 г., 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ. И какъ сразу же въ санктпетербургской семинаріи я оказался въ числѣ лучшихъ учениковъ, то къ празднику Рождества Христова, въ 1842 г., мнѣ и поручено было приготовить на латинскомъ языкѣ поздравительную его высокопреосвященству, митрополиту Серафиму, праздничную рѣчь. Съ этою рѣчью повели меня въ лавру въ митрополичій домъ, на второй день Рождества въ раннее утро, помнится, прежде обѣдни. Еще было темновато на дворѣ отъ поздняго и сумрачнаго петербургскаго утра, когда мы въ большомъ соборѣ шли и вошли въ митрополичьи покои. Я не былъ робкій мальчикъ и очень рано привыкъ къ наблюдательности потому, что и до той поры видѣлъ много уже свѣта и людей. Какъ архіерейскій пѣвчій въ Могилевѣ губернскомъ, я близко зналъ трехъ архіепископовъ могилевскихъ: Гавріила (Городкова), Смарагда и Исидора; пѣвалъ „исполла эти деспота!“ митрополиту Кіевскому Филарету и архіепископу Каменецъ-Подольскому Кириллу, не разъ проѣзжавшихъ чрезъ Могилевъ въ С.-Петербургъ и обратно; видѣлъ близко Іосифа Сѣмашку и Василія Лужинскаго, тогда еще епископовъ уніатскихъ, въ латинскихъ костюмахъ, и Каміонку—епископа католическаго; не разъ участвовалъ во встрѣчахъ Высочайшихъ Особъ, такъ какъ тогда чрезъ Могилевъ лежалъ главный почтовый трактъ на югъ; съ концертными праздничными поздравленіями, тогда еще не вышедшими изъ употребленія, въ составѣ архіерейскаго хора по нѣскольку разъ я посѣщалъ всѣ лучшіе дома Могилева, лично зналъ всѣхъ Могилевскихъ губернаторовъ и многихъ генераловъ; при двухъ архіепископахъ, Смарагдѣ и Исидорѣ, объѣзжалъ не разъ, при архіерейскихъ обозрѣніяхъ, всю Могилевскую епархію, причемъ видѣлъ много не незамѣчательныхъ мѣстностей и лицъ; какъ выдѣлявшійся голосомъ и способностями мальчикъ, пользовался ласкою и особымъ вниманіемъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, между прочимъ хорошо зналъ монашескія сферы и привыкъ наблюдать все, что въ нихъ творится. Вотъ теперь, когда входили мы въ покои митрополита Серафима, насъ собравшихся было многое множество. Тутъ были высшія лица изъ петербургскаго духовенства, подъ предстоятельствомъ петербургскаго викарія, епископа Іустина. Было все профессорство духовной академіи, подъ предстоятель-

вомъ ректора, епископа Аѳанасія, скончавшагося архіепископомъ Астраханскимъ. Было все наставничество нашей семинаріи, подъ предстоятельствомъ ректора-архимандрита Ѳеогноста, скончавшагося архіепископомъ Псковскимъ. Были всѣ наставники духовнаго училища, болѣе видные чиновники консисторскіе, высшіе члены лавры и т. д. Среди этого большаго собора я имѣлъ ту исключительность, что былъ самымъ послѣднимъ, самымъ младшимъ, самымъ маленькимъ и, держась за спинами всѣхъ, съ любопытствомъ и пристально во все вглядывался. Поразилъ и меня, уже привыкшаго видѣть и роскошь, и благолѣпіе, чумазый видъ митрополичьихъ келлій, который былъ еще сумрачнѣе при сумракѣ туманнаго петербургскаго утра. Втиснувшись въ залу, мы стояли долго въ молчаливомъ ожиданіи. Потомъ намѣстникъ лавры, о. архимандритъ Ааронъ, повелъ во внутренніе покои преосвященныхъ епископовъ Іустина и Аѳанасія. Потомъ слышимъ ведутъ изъ боковой гостинной старца-митрополита. Два архіерея, Іустинъ и Аѳанасій, держали его подъ руки.

Должно сказать, что старецъ тогда уже нѣсколько лѣтъ не обладалъ ясностію ума (сдѣтинился). Едва передвигая ноги, онъ говорилъ, точнѣе — выкликалъ крикливымъ голосомъ глубокаго старца. — „А? сколько у тебя въ академіи учится?“ — Это вопросъ, обращенный къ ректору академіи, епископу Аѳанасію. — „120, ваше высокопреосвященство“, — крикливый на глухое ухо отвѣтъ преосвященнаго Аѳанасія. — „Ой, какъ много“, — восклицаетъ старецъ, — „какъ это ты ихъ кормишь!“ — Старецъ одѣтъ былъ въ какой-то больничный балахонъ (не ряса и не подрясникъ); на совершенно почти закрытыхъ, выцвѣтшихъ, болѣзненныхъ глазахъ большой зеленый козырекъ; на головѣ больше ничего; руки возложены на конецъ толстой простой палки; правая рука нѣсколько свѣшена. Мы всѣ подходили и цѣловали эту руку. Мнѣ пришлось подходить къ рукѣ и затѣмъ выходить изъ двери залы именно послѣднимъ. И такъ какъ въ дверяхъ залы столпилось много людей, то я остановился и безбоязненно разглядывалъ глубокаго, совсѣмъ дряхлаго старца. Оставленный всѣми, онъ, вижу, топчется ослабѣвшими стопами около своей палки. Тѣмъ не менѣе слышу шепчетъ полу-говоромъ апостольское благословеніе: *благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами...* Такъ жаль мнѣ его стало, этого одинокаго сироту, отживающаго для міра и для всѣхъ живыхъ. Это было послѣднее благословеніе, преподанное старцемъ-Святителемъ, оставляемой имъ,

своей петербургской паствѣ, первое и послѣднее благословеніе моему недостоинству, тогда 15-ти лѣтнему мальчику. Среди старой потускнѣвшей залы мелькнули свѣтлымъ пятномъ только портреты Императоровъ Павла I, Екатерины, или Елизаветы и не блескомъ рамъ мелькнули, а живописью. Рѣчи своей, конечно, я не говорилъ. Это была, переживающая себя, форма, изъ которой стародавній духъ уже отлетѣлъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, помнится, въ утро воскреснаго дня, мы услышали въ нашей семинаріи рѣдкій раздѣльными ударами звонъ большаго лаврскаго колокола: митрополитъ Серафимъ съ ночи-ли, по утру-ли заснулъ въ своей постели на вѣки. Онъ или скончался 17 января, или же погребенъ былъ 17, но у меня въ памяти осталось именно 17 января. Праху его я кланялся въ залѣ митрополичьяго дома и въ Александро-невскомъ соборѣ, быть можетъ, и не разъ. Мы семинаристы участвовали въ выносѣ его изъ дома въ соборъ, и къ погребенію изъ собора въ Духовскую церковь, гдѣ его отпѣвали. Въ Духовскую церковь насъ за множествомъ не пустили. Къ погребенію имѣли пожаловать царствующія особы. При выносѣ, я замѣтилъ жалованную зеленую бархатную мантію почившаго, жалованный же золотой, осыпанный брилліантами, посохъ, которые были несены въ церемоніи, а также, участвовавшихъ въ ходѣ, Іосифа Сѣмашку, архіепископа Литовскаго, и Никанора, тогда архіепископа, помнится, Волынскаго. Никаноръ былъ такой большой и сановитый.

О вѣроятномъ преемникѣ митрополита Серафима, гаданій по Петербургу было не мало. Но господствовало въ Петербургѣ чаяніе, хотя и не ожиданіе, кого-либо изъ двухъ Филаретовъ, либо Московскаго, либо Кіевскаго, хотя и шелъ сверху слухъ, что ни тому ни другому въ Петербургѣ не бывать, такъ какъ они тогда не пользовались благоволеніемъ Высшей власти. Впрочемъ, Высшая власть и мало оставила времени духовному Петербургу для гаданій, быстро распорядившись назначеніемъ преемника митрополиту Серафиму. Къ масляной мы услышали, что въ Петербургѣ назначенъ Антоній, архіепископъ Варшавскій. Тутъ же, впервые мы услышали и самое имя этого святителя. Онъ былъ изъ наименѣе извѣстныхъ и ожидаемыхъ. Увидѣли же его сперва на Невскомъ проспектѣ на портретахъ, выставленныхъ на окнахъ картинныхъ магазиновъ. Тутъ, при взглядѣ на эти портреты, стало отчасти понятно и то, какимъ образомъ этотъ безвѣстный архіерей сталъ вдругъ первенствующимъ Всероссійской Церкви. Тогда составился было говоръ, что пошла мода на митрополитовъ красивыхъ.

Это былъ старецъ-святитель, не скажу, рѣдкой, но скажу прямо, необычайной старческой красоты. Замѣтить нужно, что портреты его имѣли два изданія и на разновременныхъ изданіяхъ онъ имѣлъ не одинаковый видъ. Одно изданіе сдѣлано было съ какого-то снимка, полученнаго еще въ Варшавѣ. Святитель однакоже и на немъ былъ представленъ уже въ бѣломъ клобукѣ, и съ надписью: Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій. А другое сдѣлано было съ портрета, снятаго уже въ Петербургѣ, да и не въ первый годъ его пребыванія здѣсь. На послѣднемъ старецъ представленъ уже съ Андреевскою лентой. Это послѣднее изданіе въ Петербургѣ болѣе извѣстно, чѣмъ первое. Подлинный же портретъ, быть можетъ, имѣется и въ Александро-Невской лаврѣ, но несомнѣнно имѣлся въ семьѣ о. протоіерея Петербургской Скорбященской церкви Велецкаго, женатаго на дочери покойнаго Митрополита Антонія, который смолоду былъ женатъ, былъ священникъ и протоіерей, а потомъ принялъ монашество и достигъ архіерейства. Снимокъ съ этого портрета имѣется и въ Херсонскомъ архіерейскомъ домѣ. Красивъ старецъ Митрополитъ и на этомъ портретѣ послѣдняго изданія. Тѣмъ не менѣе, замѣтить должно, что въ Петербургѣ Митрополитъ Антоній быстро осунулся, отяжелѣлъ и одряхлѣлъ, тѣмъ болѣе, что уже въ Варшавѣ онъ имѣлъ первый ударъ паралича, хотя и легкій, оттого ликъ его, сравнительно съ Варшавскимъ обликомъ до удара, въ Петербургѣ быстро перемѣнился и старчески огрубѣлъ. Но на первомъ изданіи его портрета, красота его была по истинѣ поразительна.

Передать словами это трудно. Представьте голову, чуть-чуть склоненную на бокъ, волоса длинные, роскошно падающіе по плечамъ, вьющіеся шелковистыми прядями, свѣжей и крѣпкой сѣдины, почти бѣлые, оттѣняемые почти бѣлокурымъ отливомъ; борода такого же отлива, легкими вьющимися прядями разсыпающаяся по груди; черты лица необычайно правильныя, выраженіе рѣдкой мягкости, благосклонности и благодушія, при слитномъ выраженіи и величія, и граціи. Лицо тогда не носило на себѣ ни тѣни дряхлости и старческаго изнеможенія. Скоро по назначеніи, первосвятитель и лично прибылъ въ Петербургъ. Скоро и мы увидѣли его. И лично я видѣлъ его чаще и ближе другихъ, потому что нерѣдко употребляемъ былъ при архіерейскихъ служеніяхъ въ качествѣ посошника. Одинъ разъ я истинно засмотрѣлся на него. Онъ въ будній день служилъ заупокойную литургію въ Лазаревой церкви, по родѣ графовъ Шереметевыхъ. Кромѣ семейства живыхъ Шереметевыхъ, при служеніи не было никого. За

панихидою святитель, тогда еще совсѣмъ бодрый и благодушный, пошелъ, по обычаю, кадить алтарь и всю церковь. Ростъ высокій. Сложеніе статное, крѣпкое и полное, но тогда пока еще не одутловатое. Всѣ движенія полны величія и барственной граціи. Мнѣ подумалось тогда, что смолоду онъ непремѣнно ученъ былъ не только благородству движеній, но непремѣнно и искусству Терпсихоры. Шелъ онъ съ какою-то неуловимою граціею, опустивъ правую руку съ кадиломъ совершенно естественно и почти вертикально. Ходилъ и кадилъ какъ-то неподражаемо красиво, ровно, тихо и мѣрно, едва-едва потряхивая головою и своею прекрасною вьющеюся бородою. Взглядъ мягкій, ласковый и привѣтливый. Ростъ, хотя и высокій, и величественный, но какой-то уютный, пропорціональный во всѣхъ частяхъ, станъ стройный, не выдающійся ни однимъ угломъ. Года черезъ полтора, черезъ два въ Петербургѣ онъ сперва было располнѣлъ; а послѣ вторичнаго удара, старчески-болѣзненно съежился и высохъ, хотя и держался всегда прямо, никогда не горбился, пока мы его видѣли. Вообще по структурѣ и даже нѣсколько по чертамъ лица онъ напоминалъ собою Иннокентія, бывшаго митрополита Московскаго. Но сколько въ послѣднемъ проглядывали простота и нѣкоторая крупная угловатость сибиряка, столько же, на-оборотъ, въ Антоніѣ выглядывали тонкость и благовоспитанная мѣрность полу-польскаго магната. Говоръ у Митрополита Антонія былъ необычайно звучный, отчетливый и въ то-же время мягкій и пріятный. По истинѣ я ничего подобнаго этому говору ни прежде, ни послѣ не слыхалъ. Однажды я вошелъ въ громадный Александро-Невскій соборъ именно въ храмовой день Святыя Троицы. Соборъ весь наполненъ былъ народомъ до самой двери, такъ что я могъ пробраться въ храмъ не далѣе двери и тутъ же сталъ на колѣна, такъ какъ первосвятитель читалъ первую молитву троицкой вечерни. По истинѣ скажу, что, стоя у самой двери, я слышалъ все отъ слова до слова. А надо сказать, что Александро-Невскій соборъ принадлежитъ къ числу самыхъ глухихъ храмовъ, при своей громадности. Вообще, тогда и впослѣдствіи, я говаривалъ, что этотъ старецъ-святитель могъ бы служить лучшимъ натурщикомъ для снятія съ его величественно-прекраснаго облика лика Бога Саваоѳа. Болѣе красиваго старца я не видѣлъ ни прежде, ни впослѣдствіи, хотя и объѣхалъ полъ-Россіи.

Поставленный въ высокое положеніе первосвятителя, утѣшенный явнымъ покровительствомъ Промысла, ободренный явнымъ вниманіемъ Высочайшей власти, Митрополитъ Антоній на первыхъ порахъ въ Пе-

тербургѣ обнаружилъ дѣятельность, о которой говорили, которой изумлялись, хотя дѣятельность и болѣе внѣшняго качества. Онъ обозрѣлъ всѣ церкви столицы, посѣтилъ множество болѣе или менѣе подвѣдомыхъ учрежденій; чуть-ли не въ половину дней перваго года своей петербургской жизни онъ совершалъ священнодѣйствія самолично. Помню, мнѣ лично говорилъ объ этомъ знаменитый иподіаконъ Прохоръ Ивановичъ. Не стану распространяться объ этомъ Прохорѣ Ивановичѣ. Скажу, что онъ съ Митрополитомъ Серафимомъ выѣзжалъ на Исаакіевскую площадь въ бунтъ 14 декабря. Самъ Императоръ Николай I вспомнилъ объ этомъ въ 25-лѣтіе своего царствованія и пожаловалъ Прохора Ивановича орденомъ св. Анны 3-й степени. Первый изъ діаконовъ на всей Руси Прохоръ Ивановичъ удостоился украситься орденомъ. Лѣтъ 30 — 40 сряду онъ былъ главнымъ церемоніймейстеромъ при столичныхъ первосвятителяхъ. За все это время при нихъ онъ велъ дневникъ, вписывая въ него каждый шагъ ихъ. Гдѣ теперь эти записки, не знаю. Но безъ сомнѣнія, онѣ составляютъ драгоцѣнный матерьялъ. Такъ этотъ Прохоръ Ивановичъ, у котораго всякій скончавшійся владыка былъ прекраснѣйшій, но живой всегда оказывался прекраснѣе всѣхъ прекраснѣйшихъ, отшедшихъ ко отцамъ, этотъ Прохоръ Ивановичъ, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ отзывавшійся о живомъ тогда владыкѣ Антоніѣ, самолично при какомъ-то случаѣ удостоивъ меня своей бесѣды (онъ зналъ себѣ цѣну), сказывалъ съ умиленіемъ, что владыка Антоній, помнится, чуть-ли не большую часть дней, въ первый годъ своего служенія въ Петербургѣ, освятилъ личнымъ своимъ священнодѣйствіемъ по разнымъ церквамъ. Для этого требовалось, конечно, много силъ, особенно при другихъ занятіяхъ. Помню самъ лично, что онъ былъ необычно дѣятеленъ въ посѣщеніи духовныхъ академіи и семинаріи, особенно же во время экзаменовъ. И при этомъ старался вникнуть не только въ показную сторону, но и въ самую дѣйствительность нашего научнаго преуспѣянія. Помню ясно, какъ онъ, бывало, самъ возьметъ списки въ руки и начнетъ вызывать учениковъ, да сверхъ того и спрашивать по самоличному усмотрѣнію, чѣмъ не разъ производилъ замѣшательство въ школьныхъ распорядкахъ, особенно на бывшихъ тогда публичныхъ испытаніяхъ, на которыхъ искони практиковалась нѣкоторая показная подтасовка, т. е. по извѣстнымъ программамъ извѣстнымъ ученикамъ, или студентамъ назначались для отвѣтовъ извѣстныя статьи. А вдругъ, бывало, самъ митрополитъ начнетъ вызывать воспитанниковъ не по очереди и спра-

шивать ихъ не о томъ, что назначено, и чего, по крайней мѣрѣ, хорошо они не готовили. Отъ этого выходили иногда даже катастрофы, грозныя для нѣкоторыхъ; напримѣръ, одинъ изъ семинаристовъ, испугавшись митрополичьяго вызова не въ очередь, на публичномъ экзаменѣ, не вышелъ отвѣчать и былъ исключенъ изъ семинаріи.

Болѣе внѣшнее направленіе дѣятельности митрополита Антонія вызывалось сколько не высокимъ его ученымъ развитіемъ, столько-же и особыми обстоятельствами, при которыхъ онъ поставленъ былъ на петербургскую каѳедру. Онъ назначенъ былъ вопреки общему чаянію, что первосвятителемъ слѣдовало бы быть Филарету, митрополиту московскому, или по меньшей мѣрѣ—кіевскому. Но, какъ предпочтенный имъ Высочайшимъ вниманіемъ, митрополитъ Антоній, естественно, хотѣлъ показать, что и онъ имѣетъ свои достоинства. А какъ эти достоинства были больше внѣшняго значенія, какъ сравняться съ Филаретомъ московскимъ творчествомъ ума, а съ Филаретомъ кіевскимъ—духовною мудростію онъ не могъ, то и направилъ свою дѣятельность на неустанный трудъ частыхъ священнослуженій, посѣщеній, осмотровъ, испытаній. Это требовалось тѣмъ болѣе, что Петербургъ уже много лѣтъ собственно не имѣлъ митрополита, за болѣзнью Серафима. Съ другой стороны, тогда въ Петербургѣ разсказывалось, будто, когда доложено было въ Бозѣ почившему Императору Николаю I о кончинѣ митрополита Серафима, Государь будто-бы сказалъ: „добрый былъ старикъ, но жилъ грязно: къ нему приходишь, и засаленный лакей тебя встрѣчаетъ“. Это дало особый толчекъ дѣятельности митрополита Антонія. Какъ первосвятитель Россійской Имперіи, онъ захотѣлъ поставить себя магнатомъ, по стариннымъ имперскимъ статутамъ, и по личнымъ его наблюденіямъ надъ вельможескою постановкою стародавнихъ архіереевъ римско-католическихъ, въ юго-западномъ—полу-польскомъ и въ западномъ—польскомъ краѣ. Митрополичій домъ свой въ Александро-Невской лаврѣ онъ отдѣлалъ великолѣпно и изящно. Тамъ, гдѣ при Серафимѣ мы видѣли потускнѣвшую покраску, тамъ Антоній положилъ мраморъ съ позолотою и дорогіе обои съ прекрасными картинами, въ дорогихъ золоченыхъ рамахъ. Тамъ, гдѣ прежде мы видѣли или покоробившійся паркетъ, или же простую окраску половъ, тамъ онъ положилъ паркетъ-мозаику. Поставилъ великолѣпную золоченую мебель, оконныя рамы изъ дуба, двери рѣзныя изъ дуба-же и т. п. Поставилъ швейцара съ булавою, котораго до тѣхъ поръ не видали. Для выѣзда выписалъ орловскихъ рысаковъ. Выѣзжать сталъ на шесте-

рикѣ всегда, а въ торжественныхъ случаяхъ даже на осьмерикѣ, при кучерѣ и двухъ форейторахъ въ галунахъ и трехуголкахъ, по статутамъ Императрицы еще Елизаветы Петровны, или же Екатерины II, съ двумя гайдуками на запяткахъ въ ливреяхъ-же и трехуголкахъ. Покровительствовавшій ему фельдмаршалъ Паскевичъ прислалъ ему въ Петербургъ своего повара, чудо повареннаго искусства. Засаленные лакеи изъ покоевъ митрополита конечно исчезли. Старинная чумазая простота выметена.

Увы! Вся эта выставка внѣшняго блеска очень скоро родила въ Петербургѣ говоръ неблагопріятный. Раскушено скоро, что она не подложена ни крупнымъ величіемъ внутреннихъ достоинствъ, какъ-то — глубокаго ума, широкаго образованія, обязательныхъ для православныхъ пастырей иноческаго смиренія и простоты, ни самостоятельностію духа, ни твердостію и вліятельностію власти въ правительственныхъ сферахъ. Какъ-то тутъ еще нагляднѣе стало, что вся эта пышная святительская грандіозность отжила свой вѣкъ, или же заблудилась къ намъ оттуда, изъ Варшавы, изъ католичества. Всѣ видѣли, что Императоръ Николай выѣзжалъ на парѣ, часто даже на одной лошади. Во всемъ Петербургѣ только Императрица Александра Ѳеодоровна выѣзжала великолѣпно, иногда на шестерикѣ съ жокеями и зашитыми въ золото козаками на запяткахъ. Великое же боярство все повально начинало ѣздить въ столицѣ въ парныхъ экипажахъ, начиная съ Великихъ Княгинь. Восьмериковый выѣздъ митрополита оказывался въ столицѣ какимъ-то пятномъ; также и все прочее, начиная со стѣнъ съ позолотою, стало вызывать критику. Торжественные поздравительные пріемы въ Рождество, въ Пасху, съ произнесеніемъ рѣчей, напрашивались на улыбки. Я самъ опять произносилъ митрополиту поздравительную рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ въ святую Пасху, среди огромнаго собранія, при чемъ члены Святѣйшаго Синода стояли на ногахъ и самъ митрополитъ стоялъ, выслушивая не менѣе 4-хъ рѣчей студентовъ академіи и воспитанниковъ семинаріи, на разныхъ языкахъ — латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и французскомъ и самъ отвѣчая гратуляторамъ на тѣхъ же языкахъ. На экзаменахъ какъ въ семинаріи такъ и особенно въ академіи, своими оригинальными пріемами и рѣчами, онъ нерѣдко дѣлалъ промахи и даже замѣшательства. Въ семинаріи это сходило, при кротости нашего ректора архимандрита Ѳеогноста. Въ академіи же властный и многоученый ректоръ епископъ Аѳанасій не всегда чинился выставить это на видъ. Главный же корень бѣд-

ственнаго положенія въ столицѣ скрывался для митрополита Антонія въ нелегкихъ отношеніяхъ его къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, графу Николаю Александровичу Протасову.

Не стану повторять тогдашніе по этому предмету петербургскіе толки, которые спускались и до насъ. Въ Петербургѣ обыкновенно толкуютъ, что по части столичныхъ духовныхъ новостей болѣе всѣхъ знаютъ студенты академіи. А духовная семинарія стоитъ бокъ о бокъ, съ одной стороны, съ академіей, съ другой, съ лаврой; а съ третьей, по меньшей мѣрѣ половина семинаристовъ, нашихъ воспитанниковъ, состояла изъ „папенькиныхъ сынковъ“, изъ дѣтей петербургскихъ отцовъ священниковъ и протоіереевъ. Одинъ услышитъ бывало что-либо въ городѣ, другой въ лаврѣ, третій въ академіи; тотъ и другой, и третій разскажутъ другимъ и всѣ семинаристы знаютъ не рѣдко даже и то, чего совсѣмъ имъ и знать не слѣдовало бы, что въ высшихъ сферахъ держится будто бы въ секретѣ. Толки ходили. Но коснусь другаго болѣе вѣрнаго источника. Я еще изъ рукописныхъ записокъ митрополита Іосифа Сѣмашки зналъ, что онъ касается въ нихъ именно этого предмета. А онъ былъ непосредственнымъ участникомъ дѣла. Теперь вижу тоже и въ печати. „Сколько мнѣ извѣстно“, — пишетъ митрополитъ Іосифъ (т. I, стр. 254), — „было предположеніе сдѣлать меня архіепископомъ санктпетербургскимъ при жизни старика Серафима, котораго оставляли митрополитомъ новгородскимъ. Я ужаснулся послѣдствій и сказалъ это сообщавшимъ. Но какъ все было сообщено мнѣ конфиденціально, то я и ограничился совершенною инерціей. Слава Богу, кризисъ не долго продолжался. Послѣ скорой смерти Серафима на его мѣсто поступилъ Антоній *и испыталъ участь, которой, вѣроятно, еще хуже меня ожидалъ*. Не удалось одно, хотѣли сдѣлать другое, именно, чтобы я былъ дѣльцомъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, т. е. отвѣчать за себя и за другихъ. Это было-бы еще хуже“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ (т. I, стр. 155) митрополитъ объясняется нѣсколько откровеннѣе: „я находилъ тогда (въ 1843 г.) въ Петербургѣ какое-то таинственное молчаніе. Митрополитъ Антоній, повидимому, очень во мнѣ заискивалъ и многимъ обнадеживалъ. Чрезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ Скрыпицынъ, директоръ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій,—не знаю,—отъ министра ли внутреннихъ дѣлъ, или отъ кого другаго, — мнѣ не слѣдовало разспрашивать. Онъ меня тоже обнадеживалъ и между прочимъ обѣщалъ: „мы для васъ сдѣлаемъ митрополію“. Выслушавъ все до конца, я

только сказалъ: „я не люблю интриги и не могу быть слѣпымъ орудіемъ кого бы то ни было". Скрыпицынъ сконфузился и только пробормоталъ: „безъ интриги не обойтись". Изъ сего я могъ заключить, что затѣваютъ смѣнить графа Протасова и стараются пріобрѣсть во мнѣ дѣльца для своей партіи. Разумѣется, это не было бы мнѣ по сердцу. Отклонивъ годомъ прежде первое мѣсто, какъ я могъ согласиться занять второе, а особенно принять на себя главную за все отвѣтственность".

Дѣло ясно. Митрополитъ Антоній, волею не волею, принялъ участіе въ чьемъ-либо замыслѣ противъ входившаго тогда въ небывалую силу графа Протасова, по образцу того, что сдѣлано было нѣкогда противъ министра Голицына. Графъ Протасовъ могъ считать себя благодѣтелемъ Антонія, не встрѣтившимъ признательности и взаимной поддержки. И нравственный разрывъ между ними совершился. На сколько митрополитъ участвовалъ въ этой опасной затѣѣ своимъ сочувствіемъ, неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе послѣдствія затѣи оказались для него конечно прискорбны. Графъ Протасовъ не былъ изъ характеровъ мягкихъ. И митрополитъ пораженъ былъ параличемъ, уже вторичнымъ. Первый ударъ, должно быть, не особенно сильный, имѣлъ мѣсто уже въ Варшавѣ. Получивъ и второй ударъ, Антоній нѣсколько лѣтъ могъ еще не только двигаться но и присутствовать въ Святѣйшемъ Сунодѣ и заниматься дѣлами своей обширной епархіи, и даже священнодѣйствовать хотя и рѣдко, въ самые великіе дни. Видѣлъ я его не разъ и въ этомъ его состояніи. Конечно, онъ былъ теперь подъ постояннымъ надзоромъ врачей. Отъ леченія, діэты и недуга, онъ прежде довольно полный теперь похудѣлъ; лицо его отощало и приняло необыкновенно бѣлый, прозрачный и трогательный, возбуждающій жалость оттѣнокъ. Помнится, года за полтора до смерти онъ окончательно потерялъ способность движенія и прикованъ былъ къ одру болѣзни, пока не взошелъ и на одръ смерти.

Такъ вотъ почему „голосъ митрополита Антонія былъ мало слышенъ въ высшемъ управленіи русскою Церковію", — вслѣдствіе нравственнаго разрыва съ энергическимъ оберъ-прокуроромъ. Отсюда-то возникла и слабость, во-первыхъ, тѣла святителя, а затѣмъ слабость и духа въ больномъ тѣлѣ, впрочемъ слабость чисто внѣшняя, только правительственная, выражавшаяся въ недостаткѣ правительственнаго авторитета. Все это больше или меньше отразилось и въ словѣ, которое произнесъ надъ гробомъ митрополита Антонія знаменитый витія

нашъ, Иннокентій, архіепископъ херсонскій, которое слышалъ я изъ устъ самого оратора собственными ушами. Отпѣвали митрополита Антонія по обычаю въ Духовской церкви Александро-Невской лавры, 19 ноября 1848 г. Литургію совершалъ Игнатій, архіепископъ Воронежскій. Надгробное слово произнесъ за литургіей Иннокентій, архіепископъ херсонскій. На отпѣваніи предстоятельствовалъ митрополитъ Іона, членъ Свят. Сѵнода, ветхій старецъ уже до того, что едва передвигалъ ноги и за отпѣваніемъ не совершалъ даже кажденія, хотя Императору и Великимъ Князьямъ погребальныя свѣчи подносилъ самъ, впрочемъ и тутъ передвигался при помощи иподіаконовъ. Кадилъ гробъ, церковь и предстоящихъ Иннокентій херсонскій, какъ старѣйшій по митрополитѣ. Государь Императоръ Николай I и Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и, помнится, Константинъ Николаевичъ пожаловали въ церковь, когда отпѣваніе уже началось. За прибытіемъ Ихъ отпѣваніе сильно было сокращено, такъ что, помнится, прочитано было всего только два евангелія. А затѣмъ обрядъ быстро двинулся къ концу. Какъ теперь вижу величественную фигуру Николая I, какъ онъ стоялъ, ступивъ правою ногою на первую ступеньку солеи, когда гробъ ставили въ могилу у подножія иконостасной иконы Божіей Матери. Какъ теперь вижу поразившую меня картину, когда Императоръ, по окончаніи обряда, повернулся къ выходу и какъ хребты всѣхъ этихъ сотенъ звѣздоносцевъ въ одно мгновеніе склонились, какъ скошенные однимъ взмахомъ косы, а Государь, высясь колоссомъ надъ всею этою преклоненною толпою высшихъ государственныхъ величій, величественно прошелъ къ двери, стуча шпорами. Во время произнесенія Иннокентіемъ слова въ церкви изъ замѣтныхъ лицъ присутствовали только Максимиліанъ Герцогъ Лейхтенбергскій, да графъ Протасовъ. А ожидалось, что послушать всероссійскаго витію прибудутъ и Высочайшія особы. Я очевидецъ всего. Я присутствовалъ въ качествѣ посошника у ректора академіи епископа Евсевія, тогда студентъ санктпетербургской академіи и пономарь академической церкви. Видѣлъ, какъ Иннокентій явно волновался предъ произнесеніемъ проповѣди и во время обѣдни выходилъ изъ алтаря проучить слово наизустъ. Произносилъ наизустъ. Я собственнымъ чувствомъ хотѣлъ провѣрить общую о немъ молву, какъ о замѣчательномъ ораторѣ не только по писанію проповѣдей, въ чемъ слава его безспорна, но и по произнесенію. Относительно послѣдняго я вынесъ полнѣйшее разочарованіе. Чтобъ не пропустить ни звука, я, одѣтый въ стихарь, при-

строился за лѣвою половиною открытыхъ царскихъ дверей, открытыхъ потому, что слово произносилось послѣ двукратнаго: *Буди имя Господне*. Ораторъ стоялъ отъ меня на разстояніи никакъ не болѣе двухъ аршинъ. Мнѣ чувствовалось каждое самое малѣйшее его движеніе. Разочаровался я, даже болѣе того я почувствовалъ какое-то раздраженіе, потому что произношеніе славнаго оратора было фальшиво-искусственное, крайне напряженное, и при утрированномъ неравенствѣ тоновъ въ сущности монотонное. Ораторъ начиналъ каждую фразу съ звуковъ едва слышимыхъ, говорилъ по слову, ударяя на удареніяхъ и скрадывая прочіе слоги, въ срединѣ фразы поднимался до рѣзкаго крика, и потомъ быстро скороговоркою спускался къ концу фразы до неслышнаго шопота, почему вторая половина фразы и пропадала совсѣмъ для слушателя. Затѣмъ начиналъ вторую, третью и такъ далѣе фразы тою же звуковою дугою снизу вверхъ и обратно до шопота. И все это продѣлывалъ, невыносимо гнуся голосомъ трескучимъ, ни мало не пѣвучимъ, не музыкальнымъ съ напряженнѣйшею ходульностію, совсѣмъ неудобною для православно-церковной проповѣдническої каѳедры. По крайней мѣрѣ для моего чувства, хотя и крѣпко предубѣжденнаго въ пользу оратора, совсѣмъ же пропало доброе впечатлѣніе этого слова; а возстановилось отчасти только уже тогда, какъ увидѣлъ я это слово въ печати.

Оно искусно какъ и всѣ извѣстныя произведенія славнаго витіи. Въ немъ отразились всѣ черты жизни почившаго святителя, которыхъ и мы коснулись. „Въ жизни почившаго“, — говорилъ ораторъ, — „съ одной стороны представляется необыкновенная высота сана и званія, о коей почившій большую часть жизни своей не могъ и помышлять, съ другой — рядъ тяжкихъ недуговъ, кои, казалось, навсегда устранены были самою крѣпостію его тѣлосложенія. При такой разительной противоположности земнаго жребія своего, почившему надлежало имѣть сугубую силу. И онъ имѣлъ эту сугубую силу. Златый кидаръ первосвятителя ничѣмъ не помраченъ на главѣ почившаго. Даже относительно не именитыхъ служеній его (до монашества) самая строгая справедливость требуетъ сказать, что каждое изъ мѣстъ, на кои становился почившій, тотчасъ возвышалась отъ лица его: не только пасомые симъ пастыремъ, не только собратія по званію, не только начальники и архипастыри, самые иновѣрцы считали его однимъ изъ рѣдкихъ людей своего края. Какъ первый православный епископъ въ Варшавѣ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать силою, почившій началъ

дѣйствовать любовію,—и любовь произвела то, чего никогда не могла бы сдѣлать сила. Не прошло года, и тѣ, коимъ православный архипастырь казался опаснымъ пришельцемъ, съ радостію признали въ немъ не только достойнаго святителя, но и мудраго для нихъ самихъ совѣтника и любвеобильнаго помощника, и крѣпкаго миротворца. Удивительно ли послѣ сего, если державный взоръ Монарха такъ часто и съ такою любовію началъ обращаться на того пастыря, который умѣлъ побѣдить столько трудностей и заслужить уваженіе даже отъ взыскательныхъ сыновъ церкви западной? Покорный судьбамъ Промысла, почившій, хотя уже съ ослабѣвшими отъ трудовъ и недуга (перваго паралича въ Варшавѣ) силами, является и на новой духовной стражѣ въ престольномъ градѣ. И какъ начинаетъ ее? Какъ бы бдѣлъ и подвизался еще только въ первый разъ! На что не обратились тотчасъ его пастырское вниманіе и попечительность? Съ какимъ усердіемъ спѣшили въ тотъ храмъ, гдѣ совершалъ онъ богослуженіе? На чьей главѣ изъ присутствовавшихъ во храмѣ не почивало его благословеніе? Утѣшаясь таковыми дѣйствіями пастырскими, невольно вспоминали многіе, что маститый предшественникъ его, какъ бы въ духѣ прозрѣнія духовнаго не другому кому, а ему единственно, вскорѣ по посвященіи его во епископа варшавскаго, преподалъ въ отеческое напутіе и свой златый кидаръ (митру) и свой жезлъ первосвятительскій. И такъ благоуспѣшно дѣйствовать при здравіи уже полуразрушенномъ, съ силами, видимо оскудѣвающими отъ недуговъ! Но наступило и послѣднее поприще болѣзни и злостраданій почившаго, особенно въ послѣдніе мѣсяцы недуга; всѣ надежды видимо перенесены были отъ людей къ единому Богу. Когда другіе ободряли его надеждами на земли, онъ возводилъ очи къ небу. Когда окружающіе изъявляли скорбь и сожалѣніе, онъ, если не языкомъ и устами, то взоромъ вѣщалъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ.*“

Къ сожалѣнію въ напечатанной надгробной проповѣди (изд. 1873 г.), повидимому, опущено, что было намѣчено ораторомъ въ произношеніи относительно трагическаго служебнаго положенія митрополита Антонія въ Санктпетербургѣ. По крайней мѣрѣ я такъ ясно помню, когда ораторъ живымъ языкомъ особенно энергически произнесъ текстъ: *отяготѣ на мнѣ рука Господня, егда унзе ми тернъ* (псал. 31, 4)! Этого текста въ изданіи проповѣди 1873 г. не имѣется. И вообще въ этомъ изданіи ни намека на нравственную причину его болѣзни. А между тѣмъ у меня осталось живое впечатлѣніе, что ора-

торъ живымъ словомъ хотя и иносказательно но прозрачно намекалъ на причину болѣзни, заключавшуюся въ затруднительномъ служебномъ положеніи почившаго. По крайней мѣрѣ въ Петербургѣ тогда для лицъ, достаточно освѣдомленныхъ въ ходѣ высшаго духовнаго управленія, это не было тайною. Въ Петербургѣ же не освѣдомленъ въ этомъ изъ духовныхъ только тотъ, кто затыкаетъ уши для повсюду раздающагося шопота.

Смѣю сказать, я былъ уже тогда изъ достаточно освѣдомленныхъ. Я былъ тогда уже студентомъ академіи. Уже извѣстно было мое намѣреніе поступить въ монашество. Въ церквахъ петербургской семинаріи и академіи я былъ пономарь; всегда вращался около начальства. Пока былъ воспитанникомъ семинаріи, не разъ прислуживалъ при архіерейскихъ служеніяхъ въ качествѣ посошника. Былъ домашнимъ образомъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ лаврскихъ. Пользовался домашними бесѣдами инспектора семинаріи А. И. Митина и профессора академіи Д. И. Ростиславова, которые знали все относительно высшаго монашества. Пользовался постоянными домашними бесѣдами профессора и инспектора академіи архимандрита Кирилла, впослѣдствіи епископа мелитопольскаго, а, какъ наперсникъ ректора епископа Макарія, впослѣдствіи митрополита московскаго, о. Кириллъ зналъ все, когда Макарій былъ чуть не единственнымъ собесѣдникомъ митрополита Никанора, преемствовавшаго Антонію. Никаноръ назначенъ былъ преемникомъ Антонія еще при жизни послѣдняго, наименованный митрополитомъ новгородскимъ, съ оставленіемъ за Антоніемъ титула только санктпетербургскаго. Но пока Никаноръ ѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ, митрополитъ Антоній скончался. При всемъ этомъ можно ли допустить хотя малѣйшую вѣроятность, чтобы хотя кто-либо не шепнулъ на ухо другому, что первосвятитель предается извѣстной грустной слабости? Въ первые два года петербургской его жизни, существованія этой слабости допустить нельзя потому, что тогда митрополитъ Антоній былъ постоянно на виду у слишкомъ многихъ. Въ послѣдніе-же годы, еслибъ онъ и имѣлъ таковую, его не допустили бы предаваться ей враги, которые постоянно окружали его болѣзненный одръ. Да и можно-ли допустить, чтобъ и въ Варшавѣ сія печальная слабость, если бы водилась, не была за нимъ подмѣчена? Какъ же тогда понять назначеніе его на первосвятительскую каѳедру? Въ лицѣ его, которое я видѣлъ десятки, если только не сотни разъ, не было ни тѣни слѣдовъ, какіе оставляются этою слабостію. Наоборотъ, колоритъ этого лица былъ

изъ самыхъ счастливыхъ и благородныхъ. Не было въ немъ ни тѣни, ни багровости, ни лоснящейся блѣдности, какая обыкновенно появляется у немощныхъ. Въ Петербургѣ подшучивали надъ прекраснымъ варшавскимъ поваромъ владыки, присланнымъ отъ фельдмаршала Паскевича. Подшучивали надъ стремленіемъ къ старосвѣтской представительности, уже отживающей свой вѣкъ, не подложенной ни силою власти, ни вліятельностью глубокихъ достоинствъ. Подшучивали надъ усиліями старца хотя и разносторонне образованнаго, но мало ученаго, держать себя въ публичныхъ ученыхъ собраніяхъ, напримѣръ на экзаменахъ не только въ уровень съ авторитетами науки, но и судіею ихъ. Это было. Но никто никогда не называлъ извѣстную грубую слабость даже шопотомъ. А укрыть ее отъ ближайшихъ не было никакой возможности. Я же могъ получить и не могъ не получить свѣдѣній именно отъ ближайшихъ. Но ничего подобнаго ни въ то время, ни въ послѣдствіи я не слыхалъ. Теперь вотъ при мнѣ служитъ секретаремъ, служившій прежде при архіепископѣ волынскомъ Агаѳангелѣ и при волынско-херсонскомъ архіепископѣ Димитріи, нѣкто П. С. Лобачевскій, родной племянникъ епископа Острожскаго, викарія волынскаго, Іероѳея, который былъ двоюродный братъ, совоспитанникъ и другъ Антонія съ ранняго дѣтства. Сей г. Лобачевскій выросъ и много лѣтъ служилъ при преосвященномъ дядѣ своемъ Іероѳеѣ. При немъ, г. Лобачевскомъ живетъ и теперь старикъ служитель, знавшій Антонія на Волыни лично. Я распросилъ г. Лобачевскаго лично. И ничего подобнаго грубой слабости за Антоніемъ ни смолоду, ни подъ старость его они не знали и не слыхали. Что и утверждаю моимъ честнымъ архіерейскимъ словомъ.

Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ *).

Ложь и клевета", — поднявшись въ волненіи, сказалъ я самъ себѣ, лишь только дочиталъ этотъ болѣе многихъ другихъ печальный некрологъ В. А. Орлова до словъ: „и странное дѣло: виновникомъ *невольнаго* поступленія Орлова въ монашество былъ тотъ самый *Іоаннъ*, впослѣдствіи епископъ *Смоленскій, который самъ былъ жертвою той же самой системы*... Онъ, заставъ однажды Орлова въ какой-то студенческой пирушкѣ, объявилъ ему, что онъ или долженъ выйти изъ академіи, или *постричься въ монахи!* Орловъ избралъ послѣднее"... **) Это комокъ грязи въ двѣ могилы. Но одна и безъ того полна уже таковою. А въ другую могилу и въ зарытую въ ней историческую личность если ужь и кидать, то напередъ нужно крѣпко подумать. Очевидно, авторъ некролога или не знаетъ дѣла, или же увлекается предвзятою идеей въ рѣзкую крайность. Во всякомъ случаѣ онъ не скрываетъ своего нерасположенія къ монашеству и, очевидно, готовъ кидать грязью не только въ лица, но и въ цѣлое учрежденіе.

Онъ пишетъ: „такая исключительная личность, какъ покойный В. А. Орловъ, со всѣми своими положительными и отрицательными качествами имѣетъ *историко-общественное значеніе*"... Почти согласенъ. То обстоятельство, что такія высоко-развитыя личности какъ *архимандритъ Θеодоръ Бухаревъ*, *іеромонахъ Валеріанъ* и нѣко-

*) „Записка" печатана въ журналѣ „Русское Обозрѣніе" 1896 г. кн. 1—3, подъ заглавіемъ „Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ".

**) „Церк.-Общ. Вѣст." 1880 г., № 6-й.

торые другіе въ послѣдніе годы сняли иноческій и священный санъ, чего въ прошлыя времена не было слышно, что теперь мы мало видимъ и слышимъ о новыхъ поступленіяхъ образованныхъ молодыхъ людей въ чинъ монашествующихъ, тогда какъ въ недавно прошедшіе годы это было обычнымъ явленіемъ,—этотъ фактъ дѣйствительно имѣетъ общественно-историческое значеніе. Можно допустить и то, что имена архимандрита Ѳеодора и іеромонаха Валеріана не потонутъ въ рѣкѣ забвенія, какъ не забылись противоположнаго качества имена преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, основателей монашества на святой Руси. Сіи блаженной памяти мужи начали собою первое, а тѣ печальной памяти лица начинаютъ собою второе тысячелѣтіе Русской церковной исторіи. Преподобный Антоній и Ѳеодосій Кіево-печерскіе были восходящія свѣтила на зарѣ зарождающагося утра народной жизни. А Ѳеодоръ и Валеріанъ—ихъ какъ назвать? Развѣ спадшими съ неба звѣздами въ началѣ надвигающейся ночи? Думаю, да, имена эти будутъ безспорно историческими, какъ знаменія надвигающейся эпохи, —печальныя-ли, веселыя-ли знаменія, то Богъ Святый знаетъ; но по сравненію съ свѣтлымъ прошедшимъ скорѣе и вѣрнѣе слѣдуетъ ждать, что печальныя и мрачныя... Впрочемъ, повѣрьте, что даже этимъ невольно пришедшимъ сейчасъ подъ перо сопоставленіемъ я не хочу кого-либо осудить, слѣдуя внушенію св. Апостола: *безотвѣтенъ еси, о человѣче, всякъ судяй: имъ же бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.*

Если же не только Іоанну Смоленскому, но и Валеріану суждено перейти въ исторію, то пусть же перейдутъ въ свѣтѣ дѣйствительности, какъ я могу ее припомнить. А о томъ и другомъ, по однимъ воспоминаніямъ, даже безъ документовъ подъ руками, я могъ бы составить цѣлую біографію, по крайней мѣрѣ о томъ періодѣ ихъ жизни, который прошелъ у меня предъ глазами. Впрочемъ, скажу только о постриженіи Валеріана и объ истинныхъ причинахъ смерти преосв. Іоанна Смоленскаго. Само-собою разумѣется, что всего сказать я не могу, что знаю; а съ другой стороны и не солгу. Случится, быть можетъ, измѣнить истинѣ развѣ только тамъ, гдѣ намъ самимъ измѣнитъ наше воспоминаніе. Но главнѣйшія обстоятельства, о которыхъ хочу говорить, я вижу въ воспоминаніи, какъ свѣтъ этихъ двухъ свѣчей, которыя вотъ горятъ на столѣ предъ моими глазами и освѣщаютъ мою работу.

Въ первый разъ въ С.-Петербургской духовной Академіи я увидѣлъ

Василія Орлова въ обществѣ іеромонаха І., теперь епископа, въ мірѣ Іосифа Дроздова: оба тверяки-земляки. Одинъ только-что кончилъ курсъ въ Академіи магистромъ и отправлялся на службу инспекторомъ хорошей видной семинаріи Рижской; а другой только поступалъ изъ родной имъ обоимъ Тверской семинаріи въ Академію. При первомъ взглядѣ на юношу Орлова меня поразила въ немъ типически-русская красота, не женственная красота, что иногда бываетъ въ недорослкахъ-юношахъ, а чисто мужская: этотъ бѣло-молочный, на щекахъ ярко-румяный цвѣтъ лица, эти длинныя рѣсницы, каріе глаза, открытый вызывающій блескъ, на который весело было смотрѣть, этотъ по-русски вздернутый носъ, впрочемъ правильно очерченный, намекавшій на откровенность, на нѣкоторое легкомысліе, на отвагу, даже на дерзость, эти яркія пухлыя губы, около нихъ пока еще ни уса, ни бороды, на головѣ богатѣйшая темно-каштановая растительность, длинные бѣлые пальцы на довольно большихъ, но соотвѣтственныхъ корпусу и элегантнаго очертанія рукахъ, высокій ростъ еще не вполнѣ сложившейся юности, нѣкоторая неловкость, но далеко не грубость, не деревенскій складъ манеръ, звонкій пѣвучій голосъ, щеки, съ которыхъ пока еще не совсѣмъ сбѣжала дѣтская припухлость, — все это черты не часто встрѣчающіяся въ одномъ лицѣ. Ясно было, что вижу предъ собою недозрѣлаго, но полно-жизненнаго и привлекательнаго юношу. Онъ, помнится, поступилъ въ Академію очень молодымъ, лѣтъ 18—19. Подумалось при первомъ взглядѣ, что за диво! Что за явленіе? Въ духовныхъ Академіяхъ новыя личности, въ родѣ ново-пріѣзжихъ студентовъ, встрѣчаются старшими обыкновенно съ нѣкоторою чопорностью. Но тутъ было явное исключеніе, рѣдкій продуктъ природы. Разговорились тотчасъ же, не смотря на нѣкоторое неравенство лѣтъ и положеній. Впрочемъ, не смотря на первую благопріятную встрѣчу, поглощенный тогда трудами, года на два я совсѣмъ почти потерялъ Орлова изъ виду; такъ что не помню о немъ изъ этихъ двухъ лѣтъ почти ничего. Памятенъ остался только одинъ забавный случай. Разъ прихожу по долгу службы навѣстить академическую больницу и, увидѣвъ тамъ Орлова въ больничномъ халатѣ, самымъ заботливымъ образомъ освѣдомляюсь у него: „что это у васъ щеки какъ распухли?“ А вышло на дѣлѣ, что на академическихъ хлѣбахъ Орловъ и возмужалъ и еще больше располнѣлъ, боленъ былъ онъ не щеками, а какою-то другою мелочью, или такъ просто пришелъ въ больницу отдохнуть. По разряднымъ спискамъ въ первые два года, въ низшемъ отдѣленіи, при

двухгодичномъ курсѣ, Орловъ шелъ, помнится, выше середины, однако же не въ числѣ первыхъ. Но съ переходомъ въ высшее отдѣленіе Орловъ загремѣлъ. Ректоръ Академіи, именитѣйшій іерархъ, митрополитъ Московскій Макарій, поставилъ ему на мѣсячномъ сочиненіи высшій баллъ. У многихъ другихъ наставниковъ онъ получилъ лучшіе же баллы и скоро въ разныхъ спискахъ очутился первымъ. И никто не говорилъ, что это не по праву. Всѣ, напротивъ, признавали въ этомъ студентѣ и трудолюбіе, и многосторонность свѣдѣній, и способность къ ученой работѣ при замѣчательныхъ дарованіяхъ, при свободномъ дарѣ слова, при живости характера, а также и представительной наружности, которая рѣдко вредитъ, а, напротивъ, весьма часто помогаетъ жизненному успѣху. Поведеніе его, насколько оно было извѣстно академической инспекціи, было не только аккуратно, но и безупречно. Студенческая пирушка, о которой свидѣтельствуютъ его сокурсники въ № 6 *Церковнаго Вѣстника*, осталась секретомъ между его товарищами и о. инспекторомъ Іоанномъ. Ничего подобнаго даже я не слыхалъ ни прежде, ни послѣ, тогда какъ я пользовался двустороннею близостью и по начальству и между нѣкоторыми студентами, кромѣ того, имѣлъ особыя личныя причины вникнуть въ мотивы, побудившіе г. Орлова принять монашество. Дѣло происходило иначе.

Для духовной Академіи монахи нужны были по многимъ соображеніямъ. Такъ скудость тогдашнихъ профессорскихъ окладовъ заставляла большую часть свѣтскихъ наставниковъ смотрѣть на академическую службу, какъ на переходную. При удобномъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ оставляли ее очень охотно. Нѣкоторые же, оставаясь преподавателями въ Академіи, брали на себя службу священниковъ — или приходскихъ, или же всего чаще законоучителей въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причемъ академическая служба, какъ менѣе и даже скудно вознаграждающая, становилась побочною. Разработка академической науки подвигалась слабо. Этому, впрочемъ, были и другія причины. Главная изъ нихъ заключалась въ духѣ того вѣка. Всѣ преподаватели Академіи боялись тогда выступить съ какою бы то ни было самодѣятельностью на поприщѣ богословской науки. До сихъ поръ живъ и все еще здравствуетъ, и да здравствуетъ многая лѣта, маститый іерархъ *), который иногда повторяетъ, какъ ему, новопоступившему еще въ пер-

*) Кіевскій митрополитъ Платонъ. 1890 г.

Примѣч. автора.

выхъ 30-хъ годахъ въ Академію профессору и инспектору, его времени ректоръ архимандритъ Виталій внушалъ: „Боже тебя сохрани! Боже тебя сохрани писать что-либо отъ себя“... Пугали обыкновенно Филаретомъ. То было время бѣдственныхъ исторій протоіерея Павскаго, протоіерея Красноцвѣтова, протоіерея Сидонскаго, перевода Библіи на русскій языкъ и т. д. Одни труженики науки пострадали въ своемъ положеніи; труды другихъ просто не прошли и легли навсегда въ цензурныхъ архивахъ, а всѣ прочіе были запуганы. Благотворный толчекъ къ разработкѣ богословской науки въ нашихъ академіяхъ дали Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода графъ Протасовъ, ректоръ С.-Петербургской духовной Академіи епископъ Аѳанасій и только что начавшій тогда Макарій, митрополитъ Московскій. Честь поддержанія этого новаго движенія безспорно принадлежитъ графу Протасову; его крѣпкая рука понадобилась, чтобы сдержать порывы придирчивой цензуры и тогда, когда новое движеніе начинало уже приносить свои полезные плоды. Въ эту пору, желая пріобрѣсть для Академіи побольше работниковъ наиболѣе усидчивыхъ и постоянныхъ, ректоръ епископъ Аѳанасій вызвалъ въ С.-Петербургскую Академію уже готовыхъ іеромонаховъ Макарія и Ѳеофана, питомцевъ Кіевской Академіи и Іоанна, питомца Московской Академіи. Приглашалъ-ли епископъ Аѳанасій во время своего ректорства кого-либо изъ студентовъ принять монашество, мнѣ это положительно неизвѣстно, хотя и тогда я былъ вхожъ въ студенческій міръ. Впрочемъ и нужды въ такихъ приглашеніяхъ не было. Монаховъ въ Академіи было довольно и безъ того, особенно изъ вдовыхъ священниковъ; одинъ изъ нихъ преосв. Герасимъ, епископъ Астраханскій († 1880 г.). Были-ли подобныя приглашенія при кроткомъ и осмотрительномъ преемникѣ Аѳанасія, преосв. епископѣ Евсевіи, до нашего поступленія въ Академію, не знаю, не слышалъ. Изъ XVII курса монаховъ было довольно; изъ нихъ были Кириллъ, епископъ Мелитопольскій, изъ нихъ же Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій. Сіи приняли монашество вольною волею; это мнѣ достовѣрно извѣстно. Воспитанникъ XVIII курса, о. ректоръ С.-Петербургской духовной Академіи, протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ сказалъ одному новопосвященному архіерею: „вотъ и мнѣ предлежалъ подобный же жребій монашества, да Богъ судилъ иначе, какъ видите“, — намекая повидимому на то, что когда онъ былъ студентомъ, ему намекали о постриженіи въ монашество. Однако же, его несогласіе на постриженіе не помѣшало ему ни кончить курсъ первымъ магистромъ, ни

остаться баккалавромъ въ Академіи, которую вскорѣ онъ оставилъ доброю волею, принявъ мѣсто священника за-границею, кажется, въ Висбаденѣ. Изъ XIX курса еще въ Академіи заявляли желаніе поступить въ монашество 8 студентовъ. Четыремъ изъ нихъ дозволено принять монашество — Герману, Никанору, Іосифу и Серапіону, — всѣ епископы; намѣреніе трехъ другихъ не могло быть тотчасъ же осуществлено, какъ не вполнѣ созрѣвшее; а рѣшительное желаніе одного было отклонено по неувѣренности въ его характерѣ. Это несомнѣнно. Впослѣдствіи сей послѣдній женился, принялъ священство и вскорѣ же умеръ. Кажется, и остальные трое впослѣдствіи женились. Помнится, еще одинъ, уже девятый по счету, по окончаніи курса, однако же еще прежде назначенія на мѣсто, также изъявлялъ рѣшимость принять мѣсто миссіонера въ Абхазіи въ чинѣ монаха. Но какъ дѣло его чѣмъ-то замялось, то онъ женился и, принявъ мѣсто священника около Петербурга, вскорѣ овдовѣлъ и сошелъ съ ума. Изъ того же XIX курса принялъ монашество и еще одинъ, по счету десятый, уже на учебной службѣ, изъ свѣтскихъ наставниковъ семинаріи на крайнемъ сѣверо-востокѣ Россіи. Этотъ съ теченіемъ времени впалъ въ меланхолію и сдѣлался неспособнымъ къ службѣ. Теперь уже скончался. А еще одинъ, по счету одиннадцатый, принялъ монашество, послѣ того какъ былъ женатъ, принялъ священство и рано овдовѣлъ, — теперь архіепископъ Палладій Волынскій. Достовѣрно и то, что тогдашній ректоръ Академіи Евсевій, съ нескрываемою осмотрительностію медлилъ постриженіемъ въ монашество одного (Никанора) и изъ первыхъ четырехъ, которые удостоены пострига въ самой Академіи, еще во время студенчества. Несомнѣнно и то, что его давнюю, заявленную по меньшей мѣрѣ съ 17-ти-лѣтняго возраста, рѣшимость быть инокомъ сдерживали два почтеннѣйшіе іеромонаха, духовники лавры, съ которыми онъ совѣтовался, и одинъ ученый архимандритъ Аристіонъ, его воспитатель, не говоря о свѣтскихъ наставникахъ, въ томъ числѣ и Димитріи Ивановичѣ Ростиславовѣ, которые принимали въ юношѣ теплое участіе. Не подумайте, однако же, что эти совѣтники говорили что-либо укоризненное о монашествѣ. Сохрани Богъ, нѣтъ. А только участливо предостерегали. Означенный о. архимандритъ весьма многоопытный говорилъ: „помни ты, N. N., что навѣрное $^3/_4$ ученыхъ монаховъ погибаютъ; много всякихъ опасностей... Но всего больше сохрани Богъ отъ вина: вино рождаетъ отчаянные помыслы“. Одинъ свѣтскій профессоръ семинаріи — П. И. Боголюбовъ говорилъ: „повѣрьте любезный, я самъ въ

ваши лѣта босой ходилъ по святымъ мѣстамъ, по монастырямъ Новогородскимъ, думая быть монахомъ, а видите, чѣмъ кончилъ". Въ ту пору этотъ профессоръ былъ уже пожилой отецъ семейства.

Отчего бы эти юноши шли въ монашество? Отъ честолюбія? Нѣтъ, слово чести. Сохрани Богъ. Но разсудите, отчего идутъ въ целибатство и монашество сотни и тысячи воспитанниковъ римско-католическихъ духовныхъ семинарій и институтовъ? Пишущему привелось по душѣ, въ интимномъ кругѣ, разсуждать объ этомъ съ римско-католическими духовными воспитателями юношества. У нихъ юноши-питомцы еще въ стѣнахъ заведенія принимаютъ постригъ. Принимаютъ вслѣдствіе безусловной замкнутости въ школѣ, вслѣдствіе невинности и неопытности, вслѣдствіе всесторонне обдуманной системы благочестиваго воспитанія, ежедневнаго слушанія обѣдни, еженедѣльнаго да въ случаѣ потребности и ежедневнаго испытанія совѣсти предъ духовникомъ, вслѣдствіе крайней трудности проникнуть въ стѣны интерната какому бы то ни было мірскому соблазну чрезъ книги-ли, чрезъ сообщество-ли съ людьми. Юношей-питомцевъ тамъ берегутъ сосудами христіанской чистоты и невинности, усиливаясь неустанно очищать ихъ благочестивымъ ученіемъ, молитвами и таинствами, неотступно согрѣвая ихъ сердца духомъ церкви. Прочитайте, кто не вѣритъ и не знаетъ этой системы, уставы католическихъ семинарій; въ началѣ 60-хъ годовъ они были разосланы по нашимъ семинаріямъ для руководства. Но не отъ того-ли католическіе воспитанники даютъ обѣты дѣвства, что предвидятъ распущенность въ будущемъ? Тысячу разъ нѣтъ. Да и думать такъ было бы кощунствомъ противъ Бога и человѣческаго сердца. То фактъ, что католическіе ксендзы борются съ собою не мало. Даже Эмиль Золя имѣетъ добросовѣстность признавать это въ овоихъ романахъ. Даютъ обѣты дѣвства и чистоты, принося себя въ жертву Богу и церкви, въ юношеской невинности сердца, которая въ римско-католическихъ духовныхъ школахъ соблюдается строже и систематичнѣе, и въ сердечной благочестивой теплотѣ, которая возгрѣвается тамъ искуснѣе и заботливѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ школахъ. Это я утверждаю не по однимъ только книгамъ, а и по личному, короткому, даже близкому знакомству съ Саратовскою римско-католическою семинаріею и ея руководителями.

Отчего идутъ въ монашество наши? Идутъ часто отъ сиротства: такъ всѣ четыре студента XIX курса, принявшіе монашество въ Академіи, всѣ были сиротами, имѣли матерей, сиротъ—братьевъ и сестеръ

и приняли монашество между прочимъ, чтобы поддержать въ жизни своихъ присныхъ. Идутъ въ монашество отъ замкнутости въ дѣтствѣ, въ школахъ, вслѣдствіе отдаленности отъ родства, отчужденности отъ свѣта, отъ обыденной семейной жизни. Идутъ оттого, что съ ранняго дѣтства наслушались отъ дѣдовъ и бабушекъ псальмъ и поэтически легендарныхъ сказаній о святомъ градѣ Іерусалимѣ или Кіевѣ, о подвижническихъ пещерахъ, о пустыняхъ и отшельникахъ, о святыхъ праведныхъ чернецахъ и черницахъ; оттого, что съ ранняго же дѣтства по нѣсколько разъ прочитали весь кругъ Четій-Миней, патериковъ и другихъ подвижническихъ сказаній и прочитали какъ дѣти, которымъ принадлежитъ царствіе небесное, не мудрствуя лукаво, свято вѣруя каждому прочитанному церковному слову, соревнуя славѣ святыхъ, ревнуя о спасеніи собственной души, мечтая о подвижничествѣ гдѣлибо въ глухой пустынѣ, на тихомъ берегу рѣки или ручья, въ удаленіи отъ міра, въ содружествѣ съ медвѣдями, въ одинокой борьбѣ съ темными силами. Вы думаете, что картина инока Серафима, который въ пустынѣ кормитъ изъ рукъ медвѣдя, или стоитъ на колѣняхъ въ одинокой пустынной кельѣ, почивши сномъ смерти, что эта и подобныя картины мало дѣйствуютъ на воображеніе дѣтей и простыхъ людей? А посмотрѣли бы вы на древнія древне-кіевскаго стиля церкви, въ родѣ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, въ родѣ соборныхъ церквей древнихъ монастырей юго-западнаго края, въ которыхъ всѣ стѣны отъ полу до главы церкви испещрены священно-историческими, всего же больше подвижническими, апокалипсическими и даже мистическими изображеніями. Посмотрѣли бы вы на нихъ не теперь, а наглядѣлись бы на нихъ въ вашемъ дѣтствѣ, когда дѣтское сердце „горя бѣ въ насъ“, когда разъѣдающаго умственнаго скептическаго анализа не было ни слѣда. Чтобы повѣрить насъ хоть сколько-либо, постойте, или хотя посидите среди такихъ церквей, когда ихъ посѣщаетъ и разглядываетъ простой народъ. Прислушайтесь къ тому, что народъ говоритъ, какъ переносится въ надземный или преисподній, во всякомъ случаѣ, потусторонній міръ. Шли въ монашество потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ съ умиленіемъ сердечнымъ 100 разъ прочитали Новый Завѣтъ, нѣсколько разъ всю Библію отъ доски до доски; оттого, что съ дѣтства же прочитали, не только въ церкви прослушали, а нарочито сами прочитали весь кругъ богослужебныхъ книгъ, — что многое болѣе поэтическое въ нихъ, напримѣръ, пасхальную службу, знали съ дѣтства наизустъ, изучивъ ее, конечно, не въ видѣ заданнаго

урока, но по увлеченію поэтичностью свѣтло-пасхальныхъ дней и службъ, по стремленію возстановить для себя эти службы и въ другіе дни года, для чего тихонько отъ родныхъ брали пасхальную книжку и восторженно пѣли пасхальную службу гдѣ-либо въ уединенномъ уголку, чтобъ старшіе не увидали, такъ какъ пѣть пасхальныя пѣсни въ непасхальные дни считалось грѣхомъ. Шли въ монашество потому, что Апокалипсисъ прочитали еще въ раннемъ дѣтствѣ, прежде прочихъ книгъ Новаго Завѣта, и Апокалипсисъ поражающимъ образомъ подѣйствовалъ на дѣтское воображеніе. Шли въ монашество оттого, что съ дѣтства насквозь проникнуты и пропитаны были музыкальностью высокоумилительныхъ церковныхъ напѣвовъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ хоровыхъ, проникнуты и пропитаны были несказанною въ словѣ всегда, но проникающею особенно дѣтскія сердца трогательностью и глубокою умилительностью церковныхъ службъ, каковы великопостныя пассіи, крестный ходъ въ недѣлю Ваій, умовеніе ногъ, страсти Господни, вечерня Великаго Пятка, великосубботняя утреня, пасхальная ночь, пасхальная вечерня, рождественскія пѣсни: *Дѣва днесь*; *Слава въ вышнихъ Богу*; *Днесь Христосъ въ Виѳлеемѣ рождается отъ Дѣвы* и т. д. безъ конца. Шли оттого, что все свое эстетическое развитіе почерпнули изъ церкви, изъ ея пѣсней, молитвъ, Евангелія*). Испытайте сами, переживите сами, что пережито другими и тогда увидите, что все это святая истина. А когда современное поколѣніе воспитывается на кое-какихъ театрахъ, или на *Что дѣлать — Чернышевскаго*, то какъ же изъ него выйдутъ монахи? Какъ оно даже повѣритъ другимъ, когда само воспитывается въ совершенно противуположномъ духѣ? Какъ слѣпорожденные повѣрили бы зрячимъ, что есть на свѣтѣ солнце не только теплое, но и свѣтлое, если бы все

*) Одинъ изъ подобныхъ въ ранніе годы (10—14) любилъ останавливаться съ чувствами, которыя теперь невозстановимы и, конечно, неизобразимы, предъ одною иконою Воскресенія. Чрезъ 25—30 лѣтъ онъ нарочно повѣрилъ себя: отчего это онъ останавливался именно предъ этою иконою Воскресенія? Оказалось, что это картина знаменитаго Боровиковскаго. Въ одной провинціальной церкви вглядывается въ запрестольный образъ и чувствуетъ къ смущенію своему, что на глаза набѣгаютъ слезы. На большой картинѣ темнаго вечерняго освѣщенія только двѣ фигуры: лежитъ мертвый Спаситель и на грудь ему упала голова жены Мироносицы; ея корпусъ на противуположной отъ зрителя сторонѣ, видны только голова, разсыпавшіеся золотистые волосы и ни одной черты лица, но такъ и слышатся изъ-подъ этого невидимаго лица глухія рыданія. „Какъ зашла сюда эта икона“? —„Прислана изъ Петербурга Базилевскимъ (знаменитымъ богачомъ). Работа такого-то академика“.

Примѣчаніе автора.

человѣчество искони вѣковъ состояло только изъ слѣпорожденныхъ, а зрячихъ было бы на землѣ человѣкъ 100 — 1000, не болѣе? Вѣдь не вѣрятъ же спиритамъ, хотя между ними имѣются люди достопочтенные, въ родѣ Крукса, Бутлерова, Вагнера, которые увѣряютъ, что ощущаютъ матеріализацію отшедшихъ душъ всѣми своими чувствами. *Слово крестное погибающимъ было и есть юродство, Іудеемъ соблазнъ, Эллиномъ же безуміе.* Для современныхъ судей монашества постриженіе въ монашество--насиліе и низость, лицемѣріе и подлость, — какъ же иначе? Для кривыхъ глазъ все криво. Шли въ монашество потому, что безъ умственнаго не то анализа, — анализа было много, — а безъ разрушающей критики вѣрили въ подлинный святой смыслъ словъ: „миссія“ (буквально „миссія“, напримѣръ, въ Америкѣ подъ руководствомъ святителя Иннокентія, впослѣдствіи московскаго, а не служеніе при посольскихъ церквахъ), „служеніе Церкви“, „служеніе Богу“, принесеніе себя въ жертву ради Бога, ради Церкви, —потому что носились предъ очами исчезающіе изъ духа современнаго человѣчества возвышеннѣйшіе христіанскіе идеалы. Шли оттого, что соблюли отъ дней дѣтства дѣвственную непорочность, да и полагали, что и въ жизни соблюсти ее будетъ развѣ только немногимъ тяжелѣе, чѣмъ было въ дѣтствѣ и даже юности въ закрытомъ заведеніи. Была-ль это неопытность? Была-ль это наивность? Ни мало. Эти люди были развиты, насколько могутъ быть развиты самыя отборныя молодыя дарованія, проглотивъ всю тогдашнюю беллетристическую и поэтическую русскую литературу, подлинную и переводную, пройдя 16-лѣтній курсъ школьнаго, сверхъ домашняго воспитанія, начавъ съ серіознаго классическаго, подъ руководствомъ такихъ разнообразныхъ и капитальныхъ дарованій, каковы А. И. Мишинъ, который для знавшихъ его могъ служить свидѣтельствомъ печальнаго факта, что великое, почти геніальное дарованіе можетъ уйти въ другой міръ, не оставивъ не то что ни слѣда, а ни одной примѣрно печатной строчки, -- каковы А. Хр. Михайловъ, П. И. Савваитовъ, протоіерей В. П. Полисадовъ, —каковы Д. И. Ростиславовъ, В. Н. Карповъ, М. А. Голубевъ, В. А. Левиссонъ, В. И. Долоцкій, К. И. Лучицкій, Е. И. Ловягинъ,—каковы доктора богословія епископы Кириллъ и Іоаннъ, каковъ многоученѣйшій митрополитъ Макарій, каковъ архіепископъ могилевскій Евсевій, котораго его питомцы, возмужавъ и умудрившись опытомъ жизни, назвали „идеальнымъ архіереемъ“ за его святительскую кротость и непорочность: „правило вѣры и образъ кротости“... Но ужели не было разсчетовъ честолюбія? Ужели не манила

архіерейская шапка? Не манила. Могу смѣло сказать, что считали грѣхомъ и думать объ этомъ. А нѣкоторыхъ – да, честолюбіе манило, но честолюбіе другаго, совсѣмъ уже высшаго рода – быть тружениками, быть безраздѣльными работниками Церкви, не говорю, — быть подвижниками....

Въ этой-то вотъ атмосферѣ воспитались монахи и XX курса — архіепископъ кишиневскій Павелъ, епископъ владимірскій Ѳеогностъ, епископъ Харьковскій Іустинъ. Въ этомъ же курсѣ воспитывались и вдовые священники, которые всѣ въ Академіи-же приняли иноческій постригъ — *Асинкритъ*, скончавшійся въ санѣ архимандрита, благороднѣйшая душа, любезнѣйшее сердце, свѣтлый умъ, — архимандриты *Анатолій* и *Поліевктъ* и епископъ полоцкій *Викторинъ* — всѣ магистры. Впослѣдствіи, на службѣ принялъ монашество также магистръ этого же XX курса архимандритъ Іосифъ, впослѣдствіи епископъ, викарій подольскій. Среди этой же атмосферы приняли въ Академіи монашество и изъ XXI курса — *Діодоръ*, скоро скончавшійся, сынъ благочестиваго отца, рязанскаго протоіерея магистра Ильдомскаго, самъ благочестивый юноша и тутъ же, помнится, первымъ изъ XXI курса принялъ постригъ *Василій Орловъ*, въ монашествѣ Валеріанъ.

Нужно сказать, что при ректорѣ епископѣ Макаріи академическая жизнь потекла съ особою энергіей во всѣхъ отношеніяхъ. Крѣпко работали при немъ всѣ, не только монахи, но и свѣтскіе. А все же въ монахахъ была нужда, чтобы монашеское преемство не прерывалось въ Академіи; да и для всей Россіи чтобъ источникъ образованнаго монашества не изсякалъ. Забота о пріобрѣтеніи монаховъ для Академіи дѣйствительно была. Это можно видѣть изъ печальной исторіи Александра *Соколова*, предшествовавшей постригу Валеріана. Этотъ г. Александръ Соколовъ былъ первый магистръ какого-то курса Казанской духовной Академіи. По сношенію академическихъ начальствъ с.-петербургскаго и казанскаго назначенный въ баккалавра Академіи С.-Петербургской, Соколовъ по особому предложенію далъ въ Казани обѣщаніе принять вмѣстѣ съ тѣмъ и монашество. Такъ значилось и по бумагамъ. Когда представляли его уже въ С.-Петербургѣ митрополиту Никандру лично, первосвятитель сказалъ: „Боже васъ благослови. Поживите, отдохните, а тамъ и примете постригъ“. Но Соколовъ самымъ бѣдственнымъ для себя и обиднымъ для начальства образомъ сталъ уклоняться отъ исполненія обѣщанія, къ которому его ровно никто не принуждалъ. Въ этомъ человѣкѣ вѣяло какъ будто уже но-

вымъ, чуждымъ для С.-Петербургской Академіи духомъ. Онъ, конечно, не читалъ *Церковно-Общественнаго Вѣстника*, но дѣйствовалъ какъ разъ по его программѣ. Обѣщаніемъ принять монашество думалъ уловить выгоды столичной карьеры. Но... у преосвященнаго ректора С.-Петербургской Академіи Макарія при логичномъ ясномъ умѣ и рука была сильна! Кстати же Соколовъ оказался и наставникомъ вялымъ, безголосымъ. Поэтому тотчасъ же указали ему дорогу изъ Академіи въ С.-Петербургскую семинарію. Въ скоромъ времени онъ выискалъ себѣ мѣсто священника за границею и пустился по Петербургу свататься. Живы свидѣтели и комизма этого сватовства и трагичности развязки. Предложилъ руку, но не сердце, одной невѣстѣ, дѣвицѣ достойной во всѣхъ отношеніяхъ, дочери заслуженнаго протоіерея Раевскаго. Но передъ самымъ уже обрученіемъ сталъ съ почтеннымъ отцомъ торговаться о приданомъ, взялъ шапку и ушелъ, а отецъ вслѣдъ ему разставилъ руки отъ изумленія. Быстро, къ изумленію всего духовнаго Петербурга, свернулъ свадьбу съ другою невѣстою, юнымъ и прелестнымъ почти ребенкомъ, только-что выпущенною изъ заведенія институткою, вопреки ея не только нежеланію, но буквально даже сопротивленію. Быстро вогналъ ее въ гробъ. Скоро же легъ во гробъ и самъ, кажется, на чужбинѣ, въ Стокгольмѣ*). Вообще надъ монахами явенъ для внимательныхъ очей перстъ Божій. Иногда явна бывала и Немезида и явна даже надъ такими, которые пока только давали обѣщаніе принять монашество, но послѣ измѣнили данному слову. Немезида явна и на отцѣ Александрѣ Соколовѣ, какъ и на отцѣ Тяжеловѣ, какъ и на Иванѣ Ивановичѣ Лобовиковѣ. Помнится, отцу Тяжелову, который чуть ли прежде не подавалъ просьбу о постригѣ въ монашество, а тутъ явился съ прошеніемъ о разрѣшеніи жениться на извѣстной Петербургу Маріи К., — Тяжелову предсказалъ что-то тяжкое преосвященный Венедиктъ, викарій С.-Петербургскій; а какова была его жизненная судьба, грустная судьба, въ Петербургѣ всякій старожилъ изъ духовныхъ знаетъ хорошо. А когда *Лобовиковъ*, даровитѣйшій изъ даровитѣйшихъ академическихъ умовъ, наложилъ на себя руки (наложилъ въ ту пору, когда самоубійство было рѣшительно еще не

---

*) Знающій человѣкъ говорилъ, что Соколову его судьба была предречена извѣстною разслабленною, „которую въ ту пору очень чтили въ Казанской Духовной Академіи“.

Прим. автора.

въ модѣ), или кто-либо изъ друзей наложилъ на него руку *) и когда объ этомъ доложено оберъ-прокурору графу Протасову, тотъ сказалъ: „такъ, такъ, я этого ожидалъ. Я ему предлагаю ѣхать въ миссію (помнится, въ Лондонъ) и спрашиваю, въ какомъ же чинѣ онъ хочетъ ѣхать — священникомъ, или монахомъ; а онъ отвѣчаетъ мнѣ: „какъ угодно вашему сіятельству". „Какъ, какъ угодно!? Съ тѣхъ поръ я такъ и ждалъ, что онъ этимъ кончитъ". Лобовиковъ несомнѣнно далъ отцу-ректору Академіи, архимандриту Николаю обѣщаніе принять монашество и объ этомъ его обѣщаніи напоминалъ ему преемникъ отца Николая—епископъ Аѳанасій.

Послѣ и даже чуть-ли не вслѣдствіе неудавшейся исторіи съ отцомъ Александромъ Соколовымъ, именно, кажется, намекнуто было Валеріану, то-есть Василію Орлову о принятіи монашества. Но именно намекнуто, никакъ не болѣе,—это и фактически вѣрно, и ясно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. И было намекнуто, кажется, не инспекторомъ архимандритомъ Іоанномъ, а преемникомъ его отцомъ-архимандритомъ Кирилломъ **).

Знаю только то, что всѣ дѣла по монашеству велись тогда чрезъ о. Кирилла. А о. Іоаннъ держалъ себя въ сторонѣ и, повидимому, даже не сочувствовалъ ни монашеству студентовъ, ни монахамъ-студентамъ. Вѣрно то, что онъ ни мало не покровительствовалъ мона-

*) Это я говорю не даромъ, хотя и вопреки оффиціальнымъ документамъ. Въ ту-же пору А. И. Мишинъ и Д. И. Ростиславовъ, а впослѣдствіи (въ шестидесятыхъ годахъ) отецъ-протоіерей Горизонтовъ увѣряли меня, будто Лобовиковъ не самоубійца; послѣдній же—отецъ Горизонтовъ называлъ даже убійцу въ лицѣ одного изъ друзей покойнаго.

Прим. автора.

**) Это набросано мною прежде полученія и прочтенія всѣхъ прибавленій къ некрологу В. А. Орлова, напечатанныхъ какъ въ *Церковномъ* такъ и *Церковно-Общественномъ Вѣстникахъ*. Редакція послѣдняго усиливается доказать, что Орловъ былъ казненъ монашествомъ именно „за пирушку". Но г. редакторъ забылъ, что суровости Протасовской эпохи въ преслѣдованіи нетрезвости между студентами сглаживались постепенно, начиная отъ ректорства епископа Аѳанасія, чрезъ ректорства Евсевія и Макарія и до послѣдующихъ уже расшатавшихся временъ. Два примѣра этого послабленія рѣзко памятны мнѣ еще въ XIX курсѣ. Студентъ этого курса *Иванъ Васильевичъ Головинъ* вошелъ въ столовую одинъ на глазахъ помощника инспектора отца Кирилла, шатаясь отъ нетрезвости и въ полубезсознательномъ состояніи. Въ наказаніе онъ просидѣлъ дня два за голоднымъ столомъ. Скончался священникомъ Петропавловскаго собора. Предъ самымъ окончаніемъ курса студентъ И. В. А. принесенъ былъ въ Академію въ ослабѣвшемъ состояніи. Помнится, пролежалъ ночь въ подвальномъ этажѣ, небольше; и это не помѣшало ему кончить курсъ магистромъ. Удаленъ былъ изъ Академіи только какой-то новый студентъ, забылъ фамилію (помнится, Метальниковъ) за то, что на Масляной недѣлѣ ушелъ изъ Академіи обманомъ и, напившись, провалялся ночь въ снѣгу, а на-завтра доставленъ полиціей съ отмороженными руками и ногами.

Прим. автора.

хамъ-студентамъ, а напротивъ относился къ нимъ довольно жестоко и пренебрежительно, какъ впрочемъ и ко всѣмъ и ко всему. А о. Кириллъ держался системы противоположной. Онъ обладалъ и сердцемъ теплымъ и особенно теплымъ, мягкимъ, назидательнымъ словомъ. Зато къ нему всѣ студенты, не чуждавшіеся монашества, и прибѣгали со всѣми своими нуждами, вопросами и тревогами совѣсти. Валеріанъ по монашеству также и даже болѣе чѣмъ всѣ прочіе былъ приближенный питомецъ о. Кирилла. Если бы тутъ была хотя тѣнь принужденія, то мнѣ это стало бы извѣстно или отъ о. Кирилла, или отъ студентовъ, или же изъ города, или, наконецъ, отъ самого о. Валеріана, съ которымъ впослѣдствіи приводилось бесѣдовать откровенно до задушевности. Говоря по совѣсти, полагаю, что Орловъ самъ выразилъ готовность на постригъ, начальство только благосклонно встрѣтило (надуманную уже давно, какъ окажется) созрѣвшую готовность этого высоко-даровитаго студента.

Была рѣчь и о пирушкѣ. Не объ этой-ли пирушкѣ я слышалъ уже чрезъ годы и въ такой формѣ? Дѣло происходило будто-бы, когда Валеріанъ уже былъ Валеріаномъ, а Ильдомскій уже Діодоромъ. Студенты сряду по окончаніи курса имѣютъ обыкновеніе кутить. Это бывало и въ старые наши годы, не смотря даже на большую строгость, съ какою въ наши годы преслѣдовались въ академіи всякіе кутежи. Въ учебное время въ академическихъ стѣнахъ они были просто немыслимы. Но по окончаніи курса и наши товарищи, хотя и съ возможною скрытностью, въ такъ называемыхъ катакомбахъ, въ подвальномъ этажѣ, просто въ служительскихъ помѣщеніяхъ, тихонько хотя и основательно, покучивали. Въ монашествѣ нашъ курсъ не пилъ, а на радостяхъ только скромно попѣлъ: „кончили курсъ, кончили курсъ, кончили, кончили, кончили курсъ“.

Но XXI курсъ, курсъ Валеріана, не поберегся и стряслась съ нимъ маленькая бѣда. Блаженныя памяти о. Діодоръ и бывшій о. Валеріанъ кутнули порядкомъ, — это бы не бѣда. Но большая бѣда въ томъ, что на-веселѣ забрались они въ Академическій садъ, часа въ 2—3 свѣтлой сѣверной ночи. И это пока еще небольшая бѣда. Да поскидали клобуки, (а монахи тогда и въ саду гуляли не иначе, какъ въ клобукахъ), да и грянули какую-то не то разгульную, не то грустную, но всячески не церковнаго содержанія пѣсенку. По тогдашнимъ нравамъ это было не малое нарушеніе господствующаго тона. Тамъ гдѣ-то спитъ ректоръ-архіерей, тамъ инспекторъ-архимандритъ, а тутъ

въ саду! въ академическомъ! съ боку лавры и митрополичьяго дома! раздается пѣсня! и кто же поетъ?! Юные подвыпившіе монахи! Только, не больше. Шума дѣло не произвело; но пошептались, что не ладно. Конечно, ни у кого не оказалось ни малѣйшаго желанія скомпрометировать неосторожную юность, обязанную по сану быть всегда настороже, въ самонаблюденіи. То были строгія времена, строгіе нравы, чопорные обычаи. А быть можетъ, они-то и помогли другимъ уберечься въ жизни. Но скоро они, эти обычаи измѣнились, съ перемѣной начальствовавшихъ лицъ, да и духъ времени быстро измѣнился. И едва-ли не эта перемѣна помогла Валеріану быстро спуститься къ упадку и погибели. А нужно взять на вѣсы и темпераментъ Валеріана типичный, холерико-сангвинический. Вѣдь Валеріанъ былъ живая натура, какихъ свѣтъ мало производитъ, говорунъ, хохотунъ, острякъ, весельчакъ, пѣвецъ всяческихъ пѣсенъ и церковныхъ и мірскихъ, а въ хмѣлю и вздорникъ — свойства естественныя и, быть можетъ, даже привлекательныя въ свѣтскомъ молодомъ человѣкѣ, но далеко неудобныя въ монашествѣ.

Были-ль въ Валеріанѣ тѣ добрыя мысли, добрыя намѣренія, добрая подготовительность къ монашеству, о которыхъ мы выше говорили, которыя безспорно были въ его сверстникахъ и ближайшихъ предмѣстникахъ? И это все было, но и другое кое-что было. Во всякомъ человѣкѣ на ряду съ закономъ ума живетъ и инъ законъ, законъ грѣховный, противовоюющъ закону ума. Былъ онъ этотъ грѣховный законъ и въ Валеріанѣ и чуточку въ излишествѣ. Выше сказанныхъ сверстниковъ своихъ онъ былъ моложе только 2—4 годами; но въ сущности это значило, что былъ моложе цѣлымъ поколѣніемъ. Выступленіе Валеріана на поприще общественнаго служенія пало какъ разъ на 1855 г. А какой переворотъ идей принесъ съ собою этотъ годъ для всей Россіи, о томъ говорить не нужно,—всякій знаетъ. Повидимому, Валеріанъ еще прежде окончанія академическаго курса успѣлъ уже начитаться кое-чего отрицательнаго; повидимому, онъ еще юношей былъ принятъ въ дворянскихъ кругахъ своей Тверской родины, или нахватался отъ нихъ кое-чего съ задняго крыльца. По крайней мѣрѣ онъ тогда уже (1855—56 г.) разсказывалъ кое о чемъ изъ быта этихъ круговъ и пѣлъ одну пѣсню, будто бы пѣтую въ этихъ кругахъ, которую я слышалъ только изъ его устъ, а нигдѣ ни въ печати, ни въ рукописи видѣть ее не привелось, — ни тогда, ни впослѣдствіи, — пѣсню непозволительно-характерную. Впослѣдствіи она, какъ будто пом-

нится, появилась въ заграничныхъ изданіяхъ. Скоро по постриженіи его сдѣлалось извѣстнымъ и внѣ круга товарищей, что онъ, первый острякъ-весельчакъ между товарищами студентами, позволялъ себѣ иногда пройтись и на счетъ монашества, пройтись кощунственно, въ духѣ *Церковно-Общественнаго Вѣстника*. Для того времени это было очень рано и приводило на память пословицу: „рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла". Ранній развратъ мысли — недобровѣщій признакъ во всякомъ юношѣ, а тѣмъ болѣе въ будущемъ монахѣ. *Не судите, да не судими будете. Имже судомъ судите, судятъ вамъ*, — роковой законъ. Тутъ онъ и оправдался. Вдругъ говорятъ: *Васинька Орловъ — монахъ!* Кто могъ это подумать? О немъ позволительно было предугадывать это менѣе, чѣмъ о комъ-либо другомъ. Грустное предчувствіе кольнуло меня въ сердце при этой неожиданной вѣсти. Помню какъ теперь, что я переѣзжалъ Неву въ лодкѣ, когда мой спутникъ сказалъ рѣшительно эту новость. Помню, что я наклонился черезъ бортъ лодки въ молчаливой грусти и сталъ чертить пальцемъ на текущей водѣ что-то въ родѣ: *дивны дѣла твои Господи!* Постригли. А какой красавецъ сталъ онъ въ рясѣ! И имя дали — *Валеріанъ!* Извѣстно, что ряса скрываетъ недостатки корпуса почти всегда, а въ Валеріанѣ и скрывать было нечего, развѣ только ноги казались нѣсколько длинны. Но студенческій довольно неуклюжій сюртукъ и ряса,—это разница. Длинная, свободно и широко падающая ряса сдѣлала этотъ ростъ не только высокимъ, но и въ высшей степени статнымъ. Появилась темно-каштановая курчавая бородка, пали длинные волосы на плечи. А колеръ лица, а блескъ и цвѣтъ глазъ, а длинныя рѣсницы, а элегантныя руки остались тѣ же. А серіозности и престижа прибыло. Юный монахъ, красавецъ, первый магистръ, богатое развитіе, баккалавръ Академіи, труженикъ науки, прекрасный преподаватель, рѣчь быстро текучая какъ обильный потокъ, пестрая и цвѣтущая какъ лугъ, дарованіе безспорное и работящее, любимецъ и надежда начальства. Увы! Какъ оглянуться назадъ, сколько человѣческихъ разсчетовъ съ тѣхъ поръ разлетѣлось! Ну и самолюбіе, и заносчивость у скороспѣлаго любимца монашеской фортуны стали расти не по днямъ, а по часамъ. Всего только и былъ пока первый годъ (1855—56) его академической службы. Но вотъ случай. Вечеромъ въ первый день Пасхи кружокъ юныхъ сослуживцевъ собрался у пишущаго, одни почти тремя, другіе почти пятью годами старше, всѣ-наставники Валеріана, самаго юнаго изъ гостей. Валеріанъ пришелъ уже

нѣсколько по праздничному готовый и сѣлъ на первомъ мѣстѣ, на диванъ. Поднялся говоръ, скоро перешелъ въ споръ, наконецъ въ споръ непріятный и рѣзкій по тону со стороны о. Валеріана. Онъ не любилъ уступать другимъ нить разговора и трезвый, а тутъ и въ головѣ шумѣло. Святой пасхальный вечеръ, къ огорченію прежде всѣхъ самого хозяина, былъ испорченъ. Всѣ прочіе замолчали и единъ по единому вышли. Хозяинъ не вышелъ только потому, что хозяинъ. Но по выходѣ послѣднимъ и Валеріана заходитъ къ товарищу, теперь сравнительно высоко-поставленному человѣку, И. А. Чистовичу. И тотъ говоритъ слѣдующія знаменательныя слова: „помянете мое слово, не будетъ добра изъ этого молодого монаха. Мы находимся въ такихъ же отношеніяхъ къ Моусею Александровичу (Голубеву) и къ Евграфу Ивановичу (Ловягину). А какъ мы всегда почтительны. Всегда помнимъ, что они были нашими наставниками. А онъ съ ними какъ обращается! Для насъ Василій Андреевичъ (старый профессоръ еврейскаго и нѣмецкаго языковъ)—Василій Андреевичъ; а у него съ языка не сходитъ Левиссонъ, да Левиссонъ“.—Это prophetia не ex eventu, — повѣрьте слову, — за много лѣтъ. Помню еще глубоко памятный вечеръ. Работящія мыслящія головы отдыхали вечеромъ-же въ какой то праздничный день. Сидѣло трое почти сверстниковъ, одинъ теперь именитый человѣкъ. У него и сидѣли. Кто могъ предугадать тогда, какъ и чѣмъ кончатъ эти три человѣка? Судьбы Божіи неисповѣдимы. Испили по братски не только чаю, но и вина для одушевленія бесѣды и дѣйствительно въ высшей степени радушно болтали. Господствовалъ въ разговорѣ, конечно, Валеріанъ и въ этотъ только разъ я и видѣлъ его истинно увлекательнымъ; часто бесѣдовать съ нимъ не приходилось. Въ ударѣ онъ сталъ вспоминать свою раннюю юность, еще лѣтъ съ 15, еще на родинѣ въ Тверской губерніи. Передать содержаніе его откровенности непозволительно. Но сущность была въ томъ, что красоту и много обѣщающую увлекательность его юности другой полъ замѣтилъ очень рано и вышло такъ, что неудобная по общественному положенію привязанность дала ему печальное самоотверженное завѣщаніе: „иди же по крайней мѣрѣ въ монахи“. Послушался, пошелъ и погибъ... Подумалось тогда же, что Немезида погонится. Я знаю не одинъ опытъ, что вступленіе въ монашество изъ-за несчастной любви, или неудачнаго сватовства оканчивалось болѣе или менѣе печальнымъ исходомъ. Такъ вышло и съ Валеріаномъ.

Затѣмъ мы разошлись по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Затѣмъ

я слышалъ, какъ одинъ многоопытный Іерархъ, Платонъ, тогда архіепископъ Рижскій, возвратившись изъ Петербурга, гдѣ видѣлъ Валеріана, выражался о немъ съ похвалой, но какъ-будто и съ печальнымъ предчувствіемъ: „Ахъ, Валеріанъ! Молодецъ, красавецъ, заглядѣнье, чисто русская красота, кровь съ молокомъ. Ахъ, Валеріанъ“! Случайно, въ проѣздъ чрезъ Петербургъ, я видѣлъ, какъ юный монахъ Валеріанъ проспалъ утреню во вторникъ первой недѣли Великаго поста, что въ наше недавно-прошедшее время было немыслимо. Слышалъ, будто отецъ Валеріанъ на какомъ-то публичномъ обѣдѣ имѣлъ совершенно неумѣстный споръ съ знаменитымъ для всякаго и особенно для того времени графомъ Іаковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ. Толковали объ этомъ въ Петербургѣ; а это много и почти всегда вредно, когда толкуютъ въ Петербургѣ. Толкуютъ въ Петербургѣ — значитъ бранятъ, такъ какъ хвалить что-либо, удивляться чему-либо Петербургъ не привыкъ. Слышалъ, будто Валеріанъ въ Петербургѣ сталъ дѣлать частые разъѣзды по гостямъ, гдѣ оказывался неосторожнымъ относительно вина. Все это однакоже не помѣшало Валеріану на третьемъ или четвертомъ году службы сдѣлаться инспекторомъ Кіевской духовной Академіи,— быстрота и значительность повышенія, другой примѣръ которой мы видѣли только въ знаменитомъ Макаріи, владыкѣ Московскомъ. Затѣмъ пошли уже только грустные толки. Былъ такой свѣдущій проходимецъ, который и на восточной окраинѣ Русской земли разсказывалъ всѣ подробности Кіевской академической исторіи того времени. Узнано было, что и въ огромномъ тогда *Колоколѣ* прозвонили объ этихъ нестроеніяхъ и прозвонили со стороны грозной для о. инспектора, главнымъ образомъ съ той, что къ исполненію служебныхъ обязанностей онъ является грузенъ. Скоро же узнано было со всѣхъ сторонъ, что отецъ Валеріанъ посланъ въ братство одного изъ Харьковскихъ монастырей. Само собою рождался вопросъ: сниметъ санъ, или не сниметъ. Вопросы подобнаго рода тогда носились въ воздухѣ. Печальное ожиданіе не обмануло. Со стороны отца Валеріана отвѣчено было фактомъ снятія священно-монашескаго чина. Архипастырю (Макарію, — своего рода Немезида) который постригалъ его, пришлось и разстричь... Далѣе пошли уже крайне нескладные слухи о злоключеніяхъ его въ Полтавѣ, о томъ, что онъ избралъ себѣ путь жизни не только самый непочтенный для себя но и самый вредный для многихъ другихъ, путь соблазна для малыхъ сихъ въ этой безобразной, лишенной нравственныхъ принциповъ, вознѣ бывшаго инспектора Академіи, теперь пьянаго

разстриги-забулдыги, съ полтавскими школьниками. Довести себя до низости, чтобы существовать писаніемъ задачекъ полтавскимъ семинаристамъ и получать отъ нихъ подачки даже не шкаликами, а помадными банками, наполненными горе-горькимъ питьемъ.... о, не приведи Богъ! Самый видъ его долженъ былъ производить на семинаристовъ двухстороннее впечатлѣніе: съ одной стороны былъ соблазнителенъ до послѣднѣйшей крайности, а съ другой поучительнѣе эллинскаго илота, котораго, напоивъ до безобразія, сѣкли для примѣра предъ глазами благородныхъ дѣтей. Слышалъ, что и въ Полтавѣ добрыя сердца усиливались поддержать несчастнаго, — будто-бы даже мѣстный губернаторъ приблизилъ было его къ своему семейству въ качествѣ наставника своихъ дѣтей. Слышалъ, что и Петербургскіе товарищи, бывшіе сослуживцы и друзья, употребляли со своей стороны разнообразныя усилія поддержать его. Все напрасно. Въ винѣ онъ потопилъ свой образъ Божій и человѣческій. Слышалъ, что въ Кіевѣ онъ протягивалъ руку Христа ради. Въ толпѣ нищихъ онъ узнанъ былъ о. намѣстникомъ лавры—Варлаамомъ. —„Это ты Василій“!—Я, Ваше Высокопреподобіе. „Ахъ, Боже мой!“

Откуду сему сія? Откуда эта глубина нравственнаго паденія? Это-то и слѣдуетъ назвать паденіемъ въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова. Приходится нерѣдко повторять немощной братіи урокъ: „пока нашъ братъ держится еще на ногахъ, многое можетъ сойти съ рукъ, многое не вмѣниться, многое игнорироваться, многое прикрыться прощеніемъ; но когда братъ наживаетъ страсть къ винопитію, когда сваливается съ ногъ и ставимый сторонними усиліями на ноги не держится,—о тогда только Богъ можетъ спасти его“. Въ Валеріанѣ же его быстрое ниспаденіе было естественнѣйшимъ плодомъ всего прожитаго, плодомъ даже его счастья, даже его природныхъ достоинствъ, даже его образованія и учености.

Ученыхъ монаховъ, по отзывамъ знающихъ людей, сбивалось съ пути $^2/_3$—$^3/_4$. Какъ-бы это объяснить? Какъ-бы раскрыть тотъ психологическій процессъ, какимъ они доходили сперва до неровностей въ поведеніи, затѣмъ до паденія, а далѣе и до окончательной гибели?

Ученыхъ монаховъ въ разныхъ отношеніяхъ нужно раздѣлить на роды, — на роды по мотивамъ постриженія, по темпераментамъ, по условіямъ быта, по разнообразію развитія. Самые неблагонадежные къ успѣхамъ въ жизни были-бы тѣ, которые пострижены насильственно, или обманомъ. Но такихъ на своемъ вѣку я не зналъ ни одного. Слы-

шалъ анекдотъ, будто митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ принялъ монашество не совсѣмъ по доброй волѣ. Но въ этомъ святителѣ было много замѣчательныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ: мягкости, красоты, здравомыслія; и счастье ему сопутствовало. Зналъ, что одинъ магистръ изъ несомнѣнно-чахоточнаго семейства, получивъ наиболѣе монашеское воспитаніе, выросши при монастырѣ, склонился на убѣжденіе, что ему лучше принять монашество, чѣмъ жениться; иначе и онъ, какъ его родные братья, можетъ умереть рановременно, оставивъ вдову и сиротъ. Предсказаніе о смерти сбылось; въ жизни нѣсколько колебался. Бывали монахи полуневольные изъ вдовыхъ священниковъ. Впрочемъ на моей памяти, на моихъ глазахъ изъ вдовыхъ священниковъ поступали въ Академію только тѣ, которые боялись влачить вдовую жизнь въ приходахъ; и такимъ образомъ избравъ путь монашества вольною волей, по указанію перста Божія и вооружившись страхомъ Божіимъ, совершаютъ жизненное теченіе еще болѣе твердыми, въ отношеніи житейской опытности и стойкости, стопами, чѣмъ вполнѣ вольные постриженники. Но за прежніе курсы изъ бывшихъ священниковъ нѣкоторые не могли повидимому забыть о горестной жизненной утратѣ и ступевывались въ жизни какъ-то не замѣтно. Сохрани Богъ, если при этомъ съ момента потрясающаго факта потери жены пріобрѣтенъ хоть малый навыкъ къ гореутоляющей влагѣ. Этотъ навыкъ разовьется и принесетъ свои горькіе плоды. Такъ на нашихъ глазахъ колебался въ жизни одинъ превосходнѣйшій, умнѣйшій, привлекательнѣйшій человѣкъ,—о. Асинкритъ, пока и не легъ въ рановременную могилу, дорогое и достолюбезнѣйшее воспоминаніе для всѣхъ его близкихъ. Огромное значеніе въ жизни ученыхъ монаховъ имѣютъ темпераменты. Такъ, при постриженіи одного изъ нихъ, когда онъ, по чину при постриженіи, лежа долго на полу въ церкви, громко рыдалъ, а присутствующіе были въ смущеніи, извѣстный старый, мудрый и богобоязненный профессоръ-философъ *В. Н. Карповъ* тутъ-же въ церкви произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „много ихъ на моемъ вѣку прошло предъ моими глазами. Коли кто изъ нихъ такъ себѣ—серединка, флегма, то что называется ни шатко, ни валко,—такіе въ жизни идутъ себѣ своею дорогой тихо и ровно и преуспѣваютъ, и высокихъ степеней достигаютъ. А эти даровитые, да энергичные, да пылкіе всегда почти погибаютъ“. Поразительнѣйшій примѣръ этому — Валеріанъ, который былъ конечно изъ самыхъ даровитыхъ, изъ самыхъ энергичныхъ, изъ самыхъ пылкихъ. Впрочемъ и наоборотъ, немного шансовъ на жизнен-

ный успѣхъ имѣли также монахи изъ людей, обдѣленныхъ природой, тихоней, меланхоликовъ, странныхъ, узкихъ, недоносковъ или по уму, или по нравственному характеру, или даже по организаціи. Увы! Такіе уже въ самыхъ природныхъ своихъ недостаткахъ имѣли задатки не блестящаго жизненнаго хода. На моей памяти нѣкоторые изъ подобныхъ впадали то въ строптивую раздражительность, то въ меланхолію, —во всякомъ случаѣ не долго держались на ученой службѣ и даже рано сходили въ могилу. Наконецъ, еще одинъ признакъ раздѣленія между студентами, принимающими монашество, — навыкъ къ нетрезвости, или отсутствіе этого бича при вступленіи въ монашество, не касаясь другихъ нравственныхъ качествъ. Еще студенту въ Академіи, говорилъ мнѣ о. инспекторъ архимандритъ Макарій: „потому я такъ строго и держу студентовъ, такъ строго и преслѣдую нетрезвость, что видѣлъ печальные опыты по другой Академіи: тамъ каждый курсъ выпущенныхъ студентовъ даетъ значительный процентъ такихъ, которые на службѣ спиваются и теряются окончательно". А у монаха бываетъ много причинъ спиться быстрѣе, чѣмъ у другихъ, если у него есть уже склонность къ винопитію. Какія это исключительныя причины, скажемъ дальше. Есть еще особый исключительный родъ монаховъ: бывало въ жизни таковыхъ что-то роковое. Видѣлъ и я одинъ печальный примѣръ и слышалъ о другихъ, что на плечи нѣкоторыхъ сваливается нѣчто роковое, непостижимо-странное и мрачное тотчасъ по постриженіи. Вчерашній прекрасный, по крайней мѣрѣ порядочный человѣкъ, пока былъ свѣтскимъ, становится неузнаваемъ, лишь только надѣлъ клобукъ; разсужденія становятся рѣзки, поступки странны, высказывается неуваженіе именно къ монашеству и даже къ религіи. И такая перемѣна происходитъ очень быстро, въ двѣ-три недѣли по постриженіи, даже въ два-три дня. А продолжаетъ такимъ образомъ человѣкъ цѣлые годы. Или вчерашній тихоня начинаетъ выкидывать непостижимыя бравады: напримѣръ, одинъ скоро по постриженіи надѣлъ клобукъ на пальцы правой руки и давай вертѣть его предъ студентами въ классѣ, причемъ креповое покрывало описывало широкій кругъ, къ изумленію всѣхъ. Наконецъ, большую разницу въ ходѣ жизни ученыхъ монаховъ какъ и во всѣхъ человѣческихъ кругахъ дѣлаютъ разныя условія жизни, случайныя обстоятельства, удача, счастье.

Большое счастье для всѣхъ ученыхъ монаховъ долго жить въ центрахъ, каковы, во-первыхъ, Петербургъ, далѣе Москва, Кіевъ и отчасти Казань. Тамъ монахи имѣютъ и дѣлаютъ около себя свою соб-

ственную монашескую атмосферу; въ сверстникахъ находятъ свою братію, товарищей, собесѣдниковъ, въ старшихъ покровительство, въ высокопоставленныхъ лицахъ изъ монашества видятъ живой примѣръ, который и служитъ поддержкой духа. „Живутъ-же люди“, говорилъ одинъ юный кандидатъ монашества, выросшій въ Петербургѣ, почтеннѣйшему профессору Долоцкому, который убѣждалъ его не торопиться, осмотрѣться въ жизни, одуматься и тогда уже принять постригъ,— „живутъ-же люди, проживу какъ-нибудь и я, дотяну до гробовой доски. Богъ поможетъ“. Тамъ въ центрахъ монашества человѣка-монаха поддерживаютъ часто, почти постоянно, доброе слово высокаго сановника, даже безъ слова и взгляда безмолвное назначеніе къ торжественнымъ богослуженіямъ; тамъ ободряетъ непрерывающійся рядъ установленныхъ наградъ; успокоительнымъ образомъ дѣйствуетъ постоянная мѣна разнообразныхъ повышеній даже другихъ лицъ. Тамъ не пугаетъ ожиданіе ревизоровъ, наѣздъ сановниковъ, проѣздъ разныхъ начальственныхъ дозорцевъ; тамъ всегда всѣ власти предъ глазами, къ нимъ приглядѣлись, къ нимъ привыкли. Если и родится въ высшихъ сферахъ какое недоразумѣніе, или даже неудовольствіе, тамъ сейчасъ же имѣется возможность его разсѣять, объясниться, оправдаться, даже не оправдываясь, дать къ себѣ приглядѣться. Лишь бы только сейчасъ же не погнали съ глазъ куда-либо въ глушь, въ... окраину. Тамъ въ большихъ городахъ наконецъ значительное, сравнительно почти полное отсутствіе провинціальныхъ сплетенъ. А это отсутствіе сплетенъ въ столицахъ для монаховъ столь-же великое благо, насколько въ провинціяхъ эти сплетни, которыя, какъ щупальцы морскаго полипа, опутываютъ и гложутъ всякую репутацію, огромное, по крайней мѣрѣ пребезпокойное и преопасное зло. Сообразите, кто видѣлъ, знаетъ и помнитъ, тѣ факты, что напримѣръ въ Петербургѣ мы знаемъ на большомъ протяженіи времени одного-двухъ ученыхъ монаховъ не болѣе, которые кончили неблагополучно. А въ провинціяхъ есть центры, въ которыхъ всѣ монахи до одного кончили не добромъ, въ которыхъ вспоминаются разныя трагическія исторіи. Я знаю одинъ такой провинціальный уголъ, гдѣ не добромъ кончили не только всѣ инспекторы-монахи, не только всѣ (съ незначительнымъ исключеніемъ) ректоры-монахи, но даже два, даже больше, сряду ректора уже изъ протоіереевъ. Значитъ, въ самой атмосферѣ мѣста скрывается что-то неблагопріятное для этого рода службы и дѣятельности.

Возьмемъ теперь ученаго монаха въ провинціи. Беремъ не тѣхъ

уже солидныхъ, созрѣвшихъ лѣтами и опытомъ, совладавшихъ со своимъ темпераментомъ, или отъ природы получившихъ удобный, спокойный, стойкій темпераментъ, тѣхъ обтерпѣвшихся и искусившихся въ жизни монаховъ, которыхъ изъ столицъ посылаютъ въ провинціи уже архіереями. Впрочемъ я наблюдалъ, что и такіе, и самые архіереи, люди пожилые и солидные весьма нерѣдко предаются глубокой тоскѣ въ своемъ высокопоставленномъ исключительномъ одиночествѣ; тоскуютъ до того, что рѣдко когда выходятъ изъ болѣзненнаго состоянія духа и тѣла; замѣтно оживляются, когда получаютъ хотя ничтожныя, но благопріятныя вѣсти изъ столицъ; тяжко падаютъ духомъ, когда тамъ для нихъ что-либо становится неблагопріятно; вообще живутъ въ условіяхъ, которыя вліяютъ даже на сокращеніе человѣческой жизни. Да и умираютъ какъ-бы въ чувствѣ отчужденія отъ всѣхъ. Вѣдь представьте, какъ иначе и чувствовать себя человѣку, который прожилъ на извѣстномъ мѣстѣ годы и не пріобрѣлъ, да и не трудился — потому что не надѣялся и не хотѣлъ — пріобрѣсть ни одной близкой души, даже ни одного дружескаго собесѣдника, у котораго всѣ часы сутокъ, всѣ отношенія проникнуты были чисто формальнымъ, оффиціальнымъ характеромъ, который ни одной души кромѣ своего келейника не встрѣчалъ иначе, какъ въ парадной рясѣ, въ камилавкѣ и панагіи, который, когда выѣзжалъ и въ люди, — напримѣръ съ визитомъ, или на какой-либо парадный обѣдецъ, — вынужденъ былъ взвѣшивать каждый шагъ свой, обдумывать каждое слово, чтобы не подать немощнымъ повода къ соблазну, а скалозубамъ, которыхъ развелось всюду такое множество, не доставить матеріи для сплетни, словесной или печатной? Я видѣлъ такихъ архіереевъ, которые безпрестанно мучились этою заботой, тяготой своего положенія. Да и кто изъ другихъ круговъ, кто изъ знающихъ позавидуетъ такому положенію, положенію истинно тревожному, совершенно исключительному? Лучше, конечно, въ буквальнѣйшемъ смыслѣ слова отречься, если не отъ міра сего, то отъ свѣта и возможно отрѣшенно уединиться въ своихъ келліяхъ. Блаженъ тотъ и изъ архіереевъ, кто можетъ уединиться со своимъ Богомъ и молитвенникомъ, со своимъ трудомъ оффиціально дѣловымъ и ученымъ, или проповѣдническимъ, кто не вздыхаетъ по покинутымъ развлеченіямъ свѣта и благопріятнымъ вѣяніямъ изъ столицъ; кто, наконецъ, имѣетъ одного или двухъ возможно равныхъ себѣ по положенію, по лѣтамъ, по развитію, по взглядамъ, дружественныхъ собесѣдниковъ, на которыхъ онъ могъ-бы положиться, которымъ болѣе или менѣе можно

довѣриться. Но и къ этой исключительной, томной, тревожной, напряженной, глубоко одинокой жизни нужно имѣть большой и стойкій навыкъ. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода, Алексѣй Петровичъ Ахматовъ при личномъ свиданіи говорилъ въ Бозѣ почившему епископу саратовскому Евѳимію: „Мы помышляемъ приготовлять архіереевъ изъ дворянъ и вотъ такого-то (дворянина) готовимъ къ этому сану. Надѣемся, что изъ него выйдетъ прекрасный архіерей“ (не вышелъ даже архіерей, не только что прекрасный). На это преосвященный Евѳимій, человѣкъ стойкаго характера возымѣлъ дерзновеніе возразить: „Повѣрьте, ваше высокопревосходительство, нужно много, чтобъ выработать архіерея“.

Но еще печальнѣе, а если не печальнѣе, то затруднительнѣе и опаснѣе положеніе въ провинціяхъ монаховъ молодыхъ, на степеняхъ низшихъ, наставниковъ, инспекторовъ, даже ректоровъ духовныхъ семинарій и училищъ. Кѣмъ такой монахъ окруженъ въ провинціи? Когда глядишь назадъ на исчезающій монашескій бытъ, то поражаешься явленіемъ, отчего это именно въ столицахъ позаботились дать зданіямъ духовно-учебныхъ заведеній болѣе или менѣе монастырскій характеръ, а въ провинціяхъ объ этомъ не подумано? Такъ напримѣръ, въ С.-Петербургской духовной семинаріи и академіи зданія и условія быта этихъ заведеній получили такой складъ, что женщины въ эти учрежденія вовсе не допускались на жительство, такъ что служащій въ этихъ заведеніяхъ монахъ могъ по мѣсяцамъ не видѣть женскаго лица нигдѣ, развѣ только въ церкви. А въ С.-Петербургской семинаріи женщины и въ церковь не допускались никогда, исключая трехъ-четырехъ дней въ году, — Св. Пасхи, двухъ храмовыхъ праздниковъ и дней причастія. Между тѣмъ въ провинціи и въ этомъ отношеніи была существенная разность условій. Случалось, что въ иной семинаріи одинъ только ректоръ — монахъ, а всѣ прочіе служащіе — или бѣлые священники, или же свѣтскіе; эти послѣдніе — женатые, или холостые. Отсюда выходило, что монаху трудно было выйти за дверь своей кельи, чтобъ не встрѣтиться съ женщиной, нельзя было выглянуть въ окошко, чтобъ не увидѣть женщину и женщину всего чаще въ будничномъ ея обиходѣ: тамъ одна развѣшиваетъ вымытое женское бѣлье, другая доитъ корову, третья возится съ кухонными принадлежностями и т. д., — и это ежедневное, ежечасное зрѣлище для ректора-монаха. Затрудненій отсюда выходило множество. И первое затрудненіе то, что монахъ ни одного шага не могъ сдѣлать такъ, чтобы не заговорила объ этомъ

вся дворня, а за нею и весь городъ. Вся эта обстановка дышала не монастырскимъ духомъ и нужны были крайне заботливыя усилія, чтобъ этотъ чуждый духъ не проникалъ чрезъ открываемыя окна и двери и въ монашескія кельи. Монахъ не можетъ идти куда-либо въ общественный садъ, онъ вынуждается идти на свой же семинарскій дворъ, чтобы сдѣлать свою ежедневную прогулку, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а на дворѣ ему грозили ежедневныя встрѣчи съ прекраснымъ поломъ, которыя грозили стать и привычными. И живали монахи, которые ни въ какую пору года не выставляли двойныхъ рамъ въ окнахъ, никогда не выходили на семинарскій дворъ и т. д. Между прочимъ отъ этого около нихъ самихъ портились обѣ атмосферы вещественная и духовная. Въ подвѣдомыхъ имъ заведеніяхъ разводилась съ одной стороны бурсацкая грязь, а съ другой—порождался неестественный для учащейся, грубой, часто разудалой бурсацкой молодежи лицемѣрный духъ аскетизма. Отъ этого начальникъ заведенія нерѣдко и самъ оказывался затворникомъ-полумученикомъ и на подчиненныхъ имѣлъ вліяніе, съ одной стороны, тяжелое, гнетущее, а съ другой—вліяніе только поверхностное, только носимою имъ на себѣ идеей аскета; на его глазахъ все сжималось, показывалось болѣе или менѣе замаскированно въ извѣстную духовную форму, а за глазами бурса была размашистою, грязною, чудовищною бурсой, какъ описывается она у Помяловскаго и другихъ.

Съ кѣмъ монахъ могъ имѣть въ провинціи не форменно-оффиціальное, а дружески-человѣческое обращеніе и общеніе? Съ мѣстнымъ архіереемъ? Но архіереи въ этомъ отношеніи дѣлились на два рода. Меньшая часть изъ нихъ, въ родѣ приснопамятныхъ Филарета митрополита кіевскаго, Іосифа митрополита литовскаго и Антонія архіепископа казанскаго, имѣли не только обычай но и задачу относиться къ подчиненнымъ ученымъ монахамъ всегда отечески-покровительственно, всегда наставительно, совѣтодательно, благоснисходительно, поставляя однимъ изъ призваній своего святительства, да никто отъ богоданныхъ имъ болѣе присныхъ чадъ духовныхъ не погибнетъ, но чтобы подъ строго благонамѣреннымъ и кротко-снисходительнымъ архипастырствомъ ихъ всякій инокъ, преспѣвая возрастомъ и опытомъ жизни, преспѣвалъ и въ обычныхъ для этого рода служенія поощреніяхъ. Оттого изъ-подъ ихъ отеческаго покрова почти всѣ иноки и выходили людьми болѣе или менѣе благонадежными и созрѣвшими. Есть таковые отцы отцовъ и изъ живыхъ святителей. Да заплатитъ имъ Небесный Отецъ на небѣ

великою радостью и высокимъ правомъ сказать предъ престоломъ мздовоздающей правды: *се азъ и дѣти, ихъ же далъ ми еси, Господи.* А другіе, бо́льшая часть, относились къ подчиненнымъ монахамъ большею частію чисто оффиціально. Приглашенія къ участію въ священнодѣйствіи, чашка чаю, иногда приглашеніе къ столу у архіерея въ большой праздникъ, нѣсколько словъ со стороны подчиненнаго при оффиціальныхъ представленіяхъ, всегдашняя въ отношеніи къ подчиненному начальственная сдержанность и осторожность, чтобъ онъ не зазнался, а еще болѣе не открылъ въ начальникѣ какую-либо слабую сторону, чрезъ извѣстные сроки представленіе къ наградамъ, если подчиненный служитъ ровно,—вотъ весь кругъ благопріятныхъ отношеній подчиненнаго монаха въ провинціи къ нѣкоторымъ архіереямъ. Нужно сознаться, что этотъ кругъ отношеній устанавливается совершенно естественно: не со сверстниками по возрасту, по положенію, а съ глубоко-подчиненными лицами, каковы были провинціальные монахи относительно архіереевъ, у сихъ послѣднихъ не можетъ быть ни дружескаго, ни братскаго равенства. Сами подчиненные, даже самые благонадежные станутъ неизбѣжно уклоняться отъ большой близости съ начальникомъ, станутъ замыкаться при сближеніи въ себя, сдерживать себя въ словахъ и обращеніи. Нужно много такта съ обѣихъ сторонъ, много благородства, много взаимнаго сочувствія, чтобъ эти отношенія не переступили должную границу и не стали фальшивыми, натянутыми и непріятными той или другой сторонѣ, начальствующей или подчиненной. Такое равновѣсіе отношеній случалось крайне рѣдко, если только случалось, — такъ что можно принять за правило, что начальникъ въ условіяхъ архіерея можетъ быть только отцомъ-покровителемъ подчиненнаго, особенно-же юнѣйшаго по лѣтамъ монаха, но никакъ не другомъ. Это при благопріятныхъ условіяхъ. При неблагопріятномъ-же поворотѣ отношеній, подчиненнаго монаха обыкновенно начинаютъ держать вдали, въ черномъ тѣлѣ и это онъ скоро пойметъ. И тогда бывало,—того и жди,—что случится катастрофа по службѣ; особенно когда въ старые годы архіереи были крѣпко уполномочены надъ подчиненными монахами, такъ что бывало достаточно одного слова, буквально одного слова въ отмѣткѣ по поведенію, или-же нѣсколькихъ строкъ секретнаго писанія въ Петербургъ, чтобъ оттуда даже не громы загремѣли, — стоило ли гремѣть? — а чтобы подулъ легкій вѣтерокъ и очистилъ мѣсто, гдѣ недѣлю тому назадъ стоялъ тотъ или другой ректоръ, или инспекторъ семинаріи. Однимъ словомъ,

я не знаю опыта дружеской, братской близости ученаго монаха, даже бывшихъ ректоровъ, къ мѣстнымъ архіереямъ хотя и знаю опыты, что архіерей и ректоръ бывали однолѣтки, или даже ректоръ старѣе лѣтами и службой, или даже ректоръ и архіерей товарищи по учебному курсу. Въ послѣднихъ условіяхъ отношенія скорѣе естественно напрягались, чѣмъ смягчались.

Имѣть ученому монаху братское общеніе съ монахами неучеными, монастырскими? Но не вездѣ такіе монахи и имѣются подъ руками, особенно на окраинахъ Россіи, гдѣ монастыри не имѣютъ подъ собою старой исторической почвы. Монастырей много опять же только въ старой Россіи, около центральныхъ старостольныхъ городовъ — Кіева, Новгорода, Москвы. А гдѣ-либо въ Самарѣ, Саратовѣ, Оренбургѣ имѣется по однсму ново-учрежденному монастырю на всю епархію, да и тѣ страдаютъ убожествомъ во всемъ и прежде всего скудостію самой братіи. Ступай мѣстный ректоръ семинаріи, усиливайся, ищи способовъ сблизиться съ монастырскимъ братствомъ. Всякій знаетъ, что тутъ не могло быть никакого равенства отношеній. Не могло быть по двумъ главнѣйшимъ причинамъ. Ученый монахъ, ректоръ, архимандритъ, всегда почти бывалъ прямой начальникъ, настоятель монастыря данной мѣстности; а главное, неученое монашество почти всегда состояло, какъ и состоитъ, изъ простецовъ, не говоря ничего иного большаго... Много, много, что ученый монахъ могъ имѣть иногда, даже часто, наиболѣе духовныя отношенія къ какому-либо опытному въ духовной жизни, честному монастырскому старцу. Но это отношенія совершенно особаго, исключительнаго рода и съ ними дружба, братское собесѣдничество какъ-то не вяжутся. Это отношенія особаго духовнаго сыновства и отечества. При нихъ-ли, безъ нихъ-ли, потребность въ простыхъ, естественныхъ отношеніяхъ содружества остается и всегда предъявляетъ свои права на удовлетвореніе, такъ что безъ такихъ отношеній человѣческой натурѣ монаха прожить крайне трудно, особенно пока лѣта и опытъ не наградятъ стойкою привычкою обходиться безъ людей, особенно если монахъ надѣленъ натурою сообщительною.

Дружба съ бѣлымъ духовенствомъ, съ свѣтскими сослуживцами, съ горожанами? О, это камень преткновенія! Какъ ни посмотри на монаха, на немъ всегда и вездѣ и особенно въ міру лежитъ печать не отъ міра сего. Въ свѣтскомъ городскомъ мірѣ онъ всегда лишній. Держи онъ себя, какъ подобаетъ монаху, степенно, согласно обычаю,—

онъ въ мірѣ скученъ, имъ тяготятся и когда онъ уйдетъ изъ дому, у всѣхъ на душѣ станетъ легче и естественнѣе.

Въ этомъ родѣ какъ и во всѣхъ родахъ, что касается ученаго монашества, мнѣ извѣстны поразительные факты. Вотъ сановный монахъ пріѣхалъ къ сановной старой барынѣ поздравить со днемъ ангела, да чуточку и засидѣлся, названъ былъ даже именинный пирогъ. Но барыню это присутствіе тяготило,—не привыкши сдерживаться никогда, она, подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, стала раздражаться и говорить положительныя и, какъ разсказывали, даже невыносимыя грубости, такъ что сановный инокъ вынужденъ былъ подняться и устраниться.

Другой случай. Сановный инокъ въ рождественскіе праздники пріѣхалъ къ одной родовитой и, повидимому, усердствовавшей барынѣ вечеромъ на чашку чаю, прибылъ согласно предварительному условію въ назначенный часъ, только безъ назначенія дня со стороны хозяйки. А у нея какъ разъ на этотъ вечеръ назначены были танцы. Гости съѣзжаются и задними ходами уходятъ въ задніе апартаменты. Въ гостиную не выходятъ. Оттуда, изъ дальнихъ комнатъ въ гостиную доносятся шопотъ и хихиканье. Въ гостиной напряженный разговоръ съ сановнымъ инокомъ, въ надеждѣ и желаньи его отъѣзда, конечно, не вяжется. Пріѣзжаетъ одно семейство близкое и къ хозяйкѣ по родству, и къ почетному гостю по усердію. Хозяйка въ нетерпѣніи выбѣгаетъ и встрѣчаетъ ихъ въ прихожей грустнымъ видомъ и грустными, предостерегающими словами: „Вообразите, у насъ *несчастье*, N. N. сидитъ". Къ счастью, опытный гость догадался, что что-то не ладно, чрезъ какихъ-нибудь полчаса или часъ сидѣнья говоритъ: „Ну, мнѣ пора до двора". Хозяйка промолчала. Гость уѣхалъ. И начался веселый смѣхъ, началось веселое круженье свѣтскихъ званыхъ гостей.... А по городу пошелъ веселый анекдотъ, который передавался всѣми по секрету, всѣмъ на ухо.

Этихъ анекдотовъ я могъ бы разсказать много. Изъ многихъ наблюденій я вынесъ убѣжденіе, что даже совершенно приличные выѣзды въ городъ, къ свѣтскимъ лицамъ,—исключая оффиціальные визиты,—для монаховъ особенно же въ послѣднее время становятся невозможны, неумѣстны, вредны. А визиты съ поклонами со стороны вліятельныхъ иноковъ нужны теперь, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда-либо, чтобы сохранить возможность пріязненныхъ личныхъ сношеній съ вліятельными въ краѣ свѣтскими лицами. Дѣло стало такъ, что

даже въ сановномъ инокѣ никто изъ свѣтскихъ не чувствуетъ ни малѣйшей нужды; а иноку тѣмъ чаще встрѣчаются случаи кланяться другимъ, чѣмъ бо́льшее вліяніе имѣетъ онъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Если же монахъ въ обществѣ развязенъ, естественъ, человѣченъ, то это всѣмъ кажется неестественно. Всѣ, самые близкіе, самые хорошіе къ нему люди начинаютъ заглазно сожалѣть, или,—что то же,—осуждать его, а въ глаза предостерегать, пугая обыкновенно тѣмъ, что „вами-де тамъ-то соблазнились, тамъ-то за то-то васъ осудили“ и т. п. Въ сношеніяхъ съ бѣлымъ духовенствомъ, съ свѣтскими сослуживцами повторяется то же: монахъ совсѣмъ сдержанный по-монашески, о! ему мѣсто въ кельѣ, безъ него чувствуется легче, онъ вытѣсняется изъ круга даже самыхъ близкихъ сослуживцевъ, мало-по-малу незамѣтно, но рѣшительно. Такъ, вотъ кружокъ свѣтскихъ сослуживцевъ одного монаха, мужей и женъ, очень умныхъ и совсѣмъ хорошихъ людей, собрался къ одному профессору встрѣтить дружно Новый Годъ въ казенной квартирѣ, въ полночь выпили по бокалу вина и весело принялись кружиться. „Вдругъ, на порогѣ,“—разсказывалось послѣ съ хохотомъ,— „является блѣдное, дрожащее, раздраженное привидѣніе—отецъ N“ (сравнительно юный, но нелюдимый инокъ, жившій внизу той квартиры, въ которой танцовали,—надъ его головой раздавался топотъ прыгающихъ ногъ); „явился и кричитъ: „что вы тутъ бѣснуетесь?! Мнѣ завтра служить надобно, мнѣ правило ко причащенію читать нужно!...“ Ну просто фраппировалъ и смутилъ всѣхъ, какъ настоящее Валтасаровское „Мани, Фекелъ, Фаресъ“.

Монахъ же подлаживающійся къ общему тону ближайшаго круга,—о! тутъ тысячи прекаканій! Вѣдь, въ монахѣ все не монашеское—грѣхъ, претыканіе и соблазнъ,—конечно и для него, но еще больше для другихъ. Курить табакъ монаху непозволительно, даже другимъ курить при немъ неприлично. Въ карты играть также. Пѣсни пѣть также. Бравурная, веселая, танцовальная, оперная, всякая не строго-классическая музыка при немъ также неприлична, или онъ самъ при такой музыкѣ неумѣстенъ. При танцахъ онъ также неумѣстенъ. Участвовать въ какихъ бы то ни было играхъ и забавахъ—Боже сохрани! Извѣстно, что одинъ даровитѣйшій монахъ, ректоръ одной изъ самыхъ высшихъ семинарій погубилъ себя прежде всего тѣмъ, что въ интимномъ кругѣ побѣгалъ съ дамами въ горѣлки; такъ затѣмъ и вся жизнь его прогорѣла не назидательно и печально. Кушать на виду людей,—для монаха должно быть особенное приготовленіе; даже видъ мясныхъ

яствъ, приготовленныхъ для другихъ, при монахѣ — неприличіе, неумѣстность. Извѣстно, что на западѣ Россіи, особенно скоро по присоединеніи уніи и уніатовъ, терпѣлось вкушеніе мясныхъ яствъ и монахами и у монаховъ. Но съ Муравьевскихъ временъ и тамъ потянуло другимъ велико-русскимъ, великопостнымъ духомъ, великимъ ревнителемъ котораго для монашества оказался больше и прежде всѣхъ самъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Вотъ въ эту эпоху одинъ изъ великороссійскихъ чиновниковъ, прибывшихъ на Западъ насаждать тамъ православіе и народность, разсказываетъ другому таковому-же, въ присутствіи одного ученаго, недавно присланнаго туда-же, монаха: „и вотъ въ Пасху, послѣ обѣдни, знаете, мы идемъ къ архіерею, ну, конечно, поздравить. И, знаете, входимъ въ залу. И, знаете, столы; на нихъ, знаете, окорока! Бо-о-же мой! И смотрю, этотъ монахъ N кладетъ себѣ на тарелку ломоть ветчины и начинаетъ уплетать. Ахъ, Бо-о-же-жъ ты мой, думаю себѣ, куда это я попалъ..." То, что онъ самъ не ѣлъ ветчины, вѣроятно, только въ Великую Пятницу, или много, что на Страстной, во весь круглый годъ, это, конечно, не важно для благоденствія отечества, для насажденія духа православія и народности въ полу-польскомъ краѣ; но эти монахи—о, Боже! Одинъ высокій сановникъ (Н. В. К—въ) громко, не стѣсняясь, тогда проповѣдывалъ тамъ въ западныхъ губерніяхъ, что всѣхъ этихъ до одного мѣстныхъ священниковъ нужно погнать прочь, а сюда (въ цѣлый край) вызвать священниковъ изъ Россіи. Но только лишь перемѣнилось генералъ-губернаторство — и всѣхъ этихъ ревнивыхъ великороссійскихъ насадителей православія и народности самихъ погнали вспять. Тѣмъ не менѣе тому вышереченному ученому монаху, который ѣлъ ветчину, они успѣли крѣпко повредить: по настоянію свѣтской власти онъ за свои свѣтскія замашки былъ высланъ въ коренную Русь, въ братство одного изъ монастырей. Не ѣшь ветчины въ Пасху!..

Разговаривать въ обществѣ? Есть множество родовъ разговоровъ, совершенно естественныхъ въ житейскомъ быту, но не удобныхъ не только для монаха, но и при монахахъ. Я ихъ не перечисляю. Монашескихъ проповѣдей въ разговорахъ, извѣстно, не выносятъ. Даже о наукѣ, даже о политикѣ говорить монаху небезопасно. Соблазнится кто-либо непремѣнно, а иной разъ и горшее нѣчто приключиться можетъ. Петербургъ въ свое время шумѣлъ, когда знаменитый Иннокентій, ожидая визита графа Клейнмихеля и, конечно, предварительно приготовившись, что онъ дѣлывалъ, озадачилъ его обстоятельною бесѣдой о

строеніи мостовъ. Въ Казани разсказываютъ, какъ архіепископъ Амвросій Протасовъ осрамилъ сдѣлавшаго ему визитъ генерала, участника Бородинской битвы, доказавъ ему, что онъ не знаетъ диспозиціи войскъ при этой славной баталіи. Одинъ ученый монахъ въ отборнѣйшемъ и тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ держалъ, сколько могъ, апологію религіи и христіанства противъ нападеній одного именитаго литератора-историка; а по городу загремѣлъ говоръ, что онъ, не историкъ, а монахъ, ведетъ безбожныя бесѣды. *Со страхомъ и трепетомъ свое собственное спасеніе содѣлывайте;* а что вамъ до другихъ? Высокій государственный сановникъ говоритъ другому таковому-же: „да, я вамъ скажу, у этого монаха, не далѣе какъ такого-то числа (и число точно узналъ, не смотря на тысяче-верстное разстояніе!) былъ политическій разговоръ". Этотъ монахъ, смущенный такимъ извѣстіемъ, идетъ къ другому сановному иноку и сообщаетъ эту тревожную для себя новость; а и принималъ-то онъ у себя двухъ-трехъ человѣкъ благонадежнѣйшей репутаціи, больше никого. Сановный инокъ здравомысленно возражаетъ: „да кто теперь не ведетъ политическихъ разговоровъ?! Я говорю о Бисмаркѣ,—значитъ, я веду политическій разговоръ"? Самый тонъ разговоровъ при монахѣ долженъ держаться только на извѣстныхъ нотахъ. Невинно посплетничать при монахѣ нельзя, смѣяться нельзя, всякая игривость бесѣды непозволительна. Если же тонъ бесѣды хотя случайно перейдетъ за эти ноты, чувствуется фальшь. Дѣлая визитъ, инокъ говоритъ хозяйкѣ, отличавшейся остроуміемъ: „значитъ, вы не любите меня. Теперь вглядываясь въ мѣстность, узнаю, что это я подъ самыми вашими окнами погибалъ. При раскатѣ грома лошади, вскакивая на гору, взбѣсились и выкинули. А вы и не вышли меня спасать". Хозяйка нашлась бы на остроту отвѣтить остротой, но тутъ были другіе и разговоръ совсѣмъ оборвался. Пораженный одною крайне отважною статьей, напечатанною въ одномъ ученомъ журналѣ, гдѣ доказывалось многое и между прочимъ не только, что отъ одной матери рождались заразъ двойни отъ двухъ отцовъ, но и то, будто отъ двухъ отцевъ можетъ родиться одно и тоже дитя, ученый монахъ показалъ эту статью двумъ ближайшимъ своимъ собесѣдникамъ изъ ученыхъ свѣтскихъ и тѣ, по выходѣ отъ него, тяжко осудили его. Представлялся ученый монахъ прибывшему высокому сановнику и разговоръ случайно принялъ философское направленіе; сановникъ, по выходѣ инока, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: „ну, вотъ—что это за монахъ? уменъ больно! Вотъ такой-то сидитъ себѣ запершись, придурковатъ

малую толику, и отлично, и таковскій". Выходитъ дѣйствительное „горе отъ ума". Вопросъ: съ кѣмъ монаху разговаривать? Скажи, съ кѣмъ ты любишь обращаться, я скажу, кто ты. Всего менѣе удобно вести бесѣды съ женскимъ поломъ. При этомъ все поставятъ монаху на счетъ: не только предметъ рѣчи но и продолжительность бесѣды, и тонъ, и манеру, и улыбку, и взглядъ, какъ его такъ и собесѣдницы. Не поостережется, нѣтъ, даже если стережется, даже если онъ пуганый заяцъ и куста боится,—сейчасъ сплетня. Первые затрубятъ друзья самымъ доброжелательнымъ образомъ, да его же своего друга и предостерегутъ. И все это сразу сдѣлается предметомъ говора въ обществѣ.

Но горе, если бѣдный инокъ увлечется свѣтскимъ обществомъ и мірскими обычаями; если хоть въ товарищескомъ кругу ударится въ карты (рѣдко, но бывало), ударится въ выпивку (бывало не рѣдко); если ему скучна станетъ его келья, если онъ возлюбитъ оставлять ее часто. Пиши тогда на лбу, что чрезъ два-три года онъ пропащій. Больше простятъ, если онъ любитъ принимать гостей только у себя самого, а не любитъ толкаться къ другимъ; если принимаетъ или холостыхъ, или вообще только мужчинъ, наиболѣе отборныхъ и близкихъ. У него самого, въ его кельяхъ, когда кромѣ друзей свидѣтель одинъ только присный келейникъ, если и случится какое-либо излишество говора, шума, какая-либо неровность, онъ самъ на завтра крѣпко поскребетъ у себя въ головѣ, но друзья больше или меньше поостерегутся разболтать, а келейникъ долженъ привыкнуть держать языкъ за зубами, иначе его спустятъ болѣе или менѣе тихимъ манеромъ. На сторонѣ же, въ чужомъ домѣ, всякая неровность непремѣнно и крѣпко поставится монаху на счетъ. Поставится потому, что тамъ трудно, даже просто невозможно уберечься отъ сторонніхъ глазъ и языковъ близкихъ хозяина, прислуги, развозящихъ кучеровъ, хозяйскихъ женъ и вообще женщинъ.

Такъ что же? Пить монаху? Пить всего менѣе непозволительно. Странно, а такъ. Одна изъ причинъ, почему россійское монашество, почему даже вообще россійское духовенство часто спивается. Не то что позволительно, а наиболѣе,—повидимому конечно,— безопасно развлекаться монаху винопитіемъ у своего шкафчика, безъ лишнихъ глазъ и языковъ, безъ свидѣтелей и товарищества, безъ компаніи и особенно безъ женщинъ.

О, женщины! Порожденіе крокодила, сказалъ кто-то. А я скажу просто: женщины! Другой полъ — другой полюсъ человѣческаго рода и цѣльной естественно-человѣческой жизни. Думаю, что тутъ сказано

все и не сказано никакого ни поэтическаго, ни мрачно аскетическаго излишества. Приближаясь къ другому полу, какъ къ другому полюсу, женщины естественно возбуждаютъ то движеніе, то разложеніе чувства, какое и должны производить по природѣ. Аналогія электрической машины, кондукторовъ, Лейденскихъ банокъ и т. д., тутъ способна объяснить многое. Самыя умныя, самыя степенныя, самыя скромныя— и такія еще болѣе чѣмъ женщины противоположныхъ качествъ—приводятъ въ свое сближеніе почти всегда нѣчто своеродное. Исключить же ихъ изъ міра, въ интересахъ монашеской чистоты, крайне трудно. Даже нехотя встрѣчаешь ихъ на каждомъ шагу. Почему и провинціальному ученому монаху встрѣчаться съ ними неизбѣжно. Его счастье, если онъ не то что пугаетъ, а если онъ отталкиваетъ. Подойдутъ даже и къ пугалу посмотрѣть поближе, изъ любопытства. Подойдутъ и отступятся. Но если онъ человѣкъ, если онъ имѣетъ въ себѣ человѣческія привлекательныя качества, не одну только наружность; нѣтъ, если даже безъ привлекательной наружности онъ имѣетъ умъ, имѣетъ доброе сердце, несчастье, если имѣетъ сердце мягкое,—онъ произведетъ свое человѣческое вліяніе. Найдется сердце, найдутся сердца, біеніе которыхъ ускорится родственною теплотою. Отъ разврата-ли, для распутства-ли приглядывается прекрасный полъ? Сохрани Богъ. Россія не доросла еще до утонченности и разложенія нравовъ эпохи Людовиковъ XIII, XIV и XV. До того, что называется паденіемъ, если онѣ иногда и доходятъ, то не иначе, какъ съ мучительными перипетіями борьбы, самоистязанія, душевныхъ треволненій, препятствій, преткновеній, разнообразныхъ страховъ, а иногда и позора. Но въ большинствѣ подобныхъ приключеній возбуждается, повидимому, невинное любопытство, повидимому даже похвальное сочувствіе, состраданіе. Возбуждается монашескимъ одиночествомъ, часто даже болѣзненностью; возбуждается бѣгствомъ отъ другаго пола, блескомъ ума, благоговѣйнымъ священнодѣйствіемъ, хорошимъ проповѣдничествомъ. И чѣмъ чувствительнѣе звенитъ въ иномъ проповѣдникѣ струна душевнаго напряженія, тѣмъ вѣрнѣе онъ возбудитъ сострадательный отзвукъ. Иногда подобные подвергались назойливому и досадному преслѣдованію. Найдутся сострадательныя вдовы, пожилыя дѣвы, да и всякій людъ съ неутоленною жаждою сердца. Въ институтахъ дѣвочки всегда кого-либо обожаютъ; такъ и въ институтѣ жизни всегда имѣются въ запасѣ женщины, которымъ нужно кого-либо, а не-кого любить. Такъ уже онѣ построены. Въ отважныхъ эти порывы доходили иногда до озорства; бывали слу-

чаи, что держались даже пари и т. п. Но все это не очень опасно для иноческой чистоты, нерушимости сердца, не скажу — для покоя. Серіознѣе становится дѣло, когда вліяніе повѣетъ со стороны отборнаго достоинства, ума, красоты, граціи, непорочной стыдливости, добродѣтели христіанскаго милосердія, со стороны угнетеннаго сердца, привязанности серіозной и даже глубокой. Вотъ тутъ первѣйшее—благофлегматичность темперамента, холодная неподвижность сердца, о которой говорилъ В. Н. Карповъ, какъ о благонадежнѣйшей гарантіи ровнаго хода монаховъ въ жизни. Такіе-то и выходятъ не только въ люди, но и людьми. Бывали случаи, что на сочувствіе иной инокъ отвѣчалъ оскорбленіемъ, даже напускною грубостью, чтобъ отогнать навожденіе. Но не всякій пойдетъ на это и не всегда выдержитъ стойкость противъ настойчивости. Но горе для монаха, но не великое достоинство въ немъ, если съ молоду человѣкъ онъ былъ, если онъ холерикъ и сангвиникъ, если онъ меланхоликъ... Въ собственномъ сердцѣ его можетъ забиться тревога мучительнѣйшаго, разъѣдающаго, разлагающаго свойства; внутри заговорятъ такія гнетущія антиноміи, что разорвутъ душу на части. Борьбу съ собою днемъ и ночью ведетъ онъ страдальческую, а совѣсть тѣмъ не менѣе грызетъ за чувство, за слово, за взглядъ; а чувство между тѣмъ толкаетъ впередъ и назадъ. А внѣшняя сплетня въ то же время ведетъ свое оплетающее дѣло; подсказываетъ ходы, какъ уже совершенные, которые еще придется совершить; припишетъ другому чужую склонность; возведетъ въ перлъ созданія общую чужую фантазію, чудовищно-выросшую басню превратитъ въ прагматическую доказанную, достовѣрную, даже неизбѣжную исторію. Дуракъ кинетъ камень въ воду, а десять умниковъ не вытащатъ; — камень дѣлаетъ по водѣ круги, которые, разбѣгаясь широко и далеко, доходятъ не только до ближайшаго, но и далекаго высшаго начальства. А на плеча монаха при этомъ давящимъ бременемъ ложится страхъ людской, который „бо̀льшую муку имать“, какъ писалъ одинъ несчастный монахъ изъ вдовыхъ священниковъ, нежели страхъ Божій. Отовсюду посылаются на него предостереженія, иногда крайне серіозныя. Свѣтскіе трубятъ объ этомъ иногда просто для забавы, для хохота, для нихъ это такое простое, такое обычное дѣло—назвать по имени самую дикую крайность и связать съ нею монашеское имя. За предостереженіями сыплются щелчки иногда и удары, удары то тяжкіе, то даже невыносимые.

Гдѣ утѣшиться? На кого, на что опереться? Чѣмъ развлечься? Подобныя условія вѣдь убійственны, убійственны не для однихъ мона-

ховъ, но и для вдовыхъ священниковъ. Общеизвѣстенъ опытъ, что въ провинціяхъ, въ сельскихъ приходахъ большая часть священниковъ-вдовцовъ пропадала, а всѣ они тяжко страдали. Не стану распространяться объ этомъ также глубоко-скорбномъ и отлично мнѣ извѣстномъ предметѣ. Искать успокоенія, искать монаху утѣшенія въ научныхъ занятіяхъ? Идиллія, мечта. Говорю съ опыта: въ провинціи ученому монаху можно заниматься наукой, насколько это нужно для класса, для школы, но не дальше. Отчего такъ? Посмотрите кругомъ. Провинціальныя газеты, провинціальные журналики, какъ и всякія другія литературныя и ученыя изданія не имѣютъ силы, не имѣютъ содержанія, не имѣютъ надежды на широкую жизнь. Явленіе обще-человѣческое, по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ все-россійскимъ. Чего же хотѣть, какихъ ученыхъ произведеній желать отъ монаха, преподавателя въ какой-либо провинціальной семинаріи? Что будетъ дальше, какіе ученые успѣхи породитъ въ духовныхъ семинаріяхъ новый уставъ, не знаю. Но въ старомъ прожитомъ опытѣ выходило такъ, что вѣчное преподаваніе одного и того же предмета въ провинціальной семинаріи приспособительно къ понятіямъ даже семинаристовъ, не говоря уже объ ученикахъ духовныхъ училищъ, дѣйствовало притупляющимъ образомъ на дарованія преподавателя, съуживало взглядъ, накидывало густую тѣнь на научные идеалы, какіе обыкновенно выносились новичками-учителями изъ стѣнъ академіи. Въ одной семинаріи, гдѣ случайно стеклось много свѣжихъ дарованій, послѣ экзамена, въ ректорской квартирѣ, въ присутствіи серіознѣйшаго изъ архіереевъ, епископа Евеимія, который въ свою пору былъ неутомимѣйшимъ труженикомъ-педагогомъ, юные профессоры изъ первыхъ академическихъ магистровъ подняли пылкій споръ о томъ, что воспитанникамъ семинарій полезно давать для чтенія всякія книги безъ разбора, а нужно только руководить ихъ юный умъ при чтеніи. Монахи,—ректоръ и инспекторъ держали въ спорѣ противную сторону. Архіерей, потупившись, долго сидѣлъ молча. Наконецъ, поднявшись совсѣмъ, чтобъ отбыть, держалъ рѣчь наиболѣе жизненно практическую: „юны вы и не знаете жизни. Вотъ былъ у меня въ прежніе годы сослуживецъ, профессоръ такой-то семинаріи. Такъ же какъ и вы вынесъ изъ академіи свѣтлые идеалы, которымъ и кланялся годъ-другой. А прослужилъ въ семинаріи лѣтъ 17 и сталъ повторять своимъ ученикамъ такую рѣчь: „съ вами самъ отупѣешь, самъ опустишься, самъ развѣешь все, что вынесъ изъ академіи“. Доведите невѣжество учениковъ до того, чтобъ они знали, что требуется про-

граммами и для того нуженъ неустанный трудъ. А гдѣ имъ до какихъ-либо превыспреннихъ теорій, которыя только собьютъ ихъ съ послѣдняго, имѣющагося у нихъ, скуднаго толку? Поживите съ наше, тогда и заговорите по нашему". Извѣстно, что въ старые годы, при прежнемъ уставѣ, массы учениковъ поступали въ семинаріи съ огромнымъ запасомъ невѣжества. А борясь съ этимъ невѣжествомъ, даже труженикамъ наставникамъ приходилось спускаться до prima elementa научнаго образованія. Въ этомъ проходили годы и производили свое незамѣтное, но неустранимое понижающее, охлаждающее высшіе порывы, отупляющее дарованія дѣйствіе. Всего этого предмета я опять-же не исчерпываю. Въ провинціи для научныхъ занятій нѣтъ предмета, нѣтъ способовъ, нѣтъ матеріаловъ, нѣтъ задачи, нѣтъ призванія, нѣтъ поощренія; а затрудненій цензурныхъ, издательскихъ и всякихъ — нѣсть числа. А страхъ неудачи, а страхъ всякихъ огорченій по выходѣ сочиненія въ свѣтъ? Посмотрите собственно на монаховъ: тѣ изъ нихъ, которые что-либо писали и издавали въ свѣтъ, всѣ до единаго страдали, сверхъ прочихъ монашескихъ страданій, еще за свои сочиненія. Нужно быть столпомъ и по характеру, и по извѣстности, нужно быть Макаріемъ, чтобы не свалиться. А вѣдь даже Іоаннъ Смоленскій свалился... Всякій изъ юныхъ монаховъ это знаетъ и благоразумно себѣ повторяетъ: *любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ, удобѣе молчаніе*... Вотъ писаніе, полученное на дняхъ, даже не отъ монаха, человѣка извѣстнаго въ разныхъ литературныхъ и ученыхъ изданіяхъ, члена разныхъ ученыхъ обществъ: „одиночество страшно сокрушаетъ. Остается только откладывать по третямъ по стольку-то въ банкъ... Вотъ высокіе помыслы чѣмъ кончились. О писаньи чего-нибудь, о чемъ-нибудь лѣнь и подумать; нѣтъ, не лѣнь, а противно. Мало-ли умниковъ бумагу мараютъ, а много-ли читаютъ все напечатанное и написанное? Къ чему же еще прибавлять лишняго борзописца? Итакъ, сложивъ перо и бумагу, брожу одиноко по своей квартирѣ (не пью) и регулярно иду въ клубъ (въ карты не играю) читать газеты и журналы... И такъ пойдетъ теперь жизнь подъ черту до смертнаго конца. Право, зачѣмъ было учиться и *прилагать разумъ?* Къ тому, чтобы *приложить* и *болѣзнь*, чтобы придти къ этимъ грустнымъ выводамъ"? — Монахи такъ же какъ и свѣтскіе къ этимъ грустнымъ выводамъ приходятъ; но въ клубъ идти не могутъ, развлечься на людяхъ не могутъ, въ карты играть не могутъ — непозволительно.

Счастье, когда жизнь монаха идетъ годъ за годомъ, закрывая общимъ сіяющимъ колеромъ добропорядочной служебной постановки много черныхъ, болѣе или менѣе каждымъ пережитыхъ, дней, какъ тихая гладь морская закрываетъ своимъ ровнымъ блескомъ всѣ милліонныя терзанія, какія ежеминутно совершаются тамъ внизу подъ этою гладью. Но если одинокаго въ мірѣ Божіемъ, никому не роднаго, никому не нужнаго, кромѣ — быть можетъ — тамъ вдали гдѣ-то глухо тоскующей по немъ, вдовы матери, — если унылаго монаха толкаютъ, толкаютъ такъ, что онъ начинаетъ падать, толкнули такъ, что онъ упалъ и только барахтается въ нравственномъ безсиліи и никто встать ему не помогаетъ, ничья твердая и милосердная рука не поддерживаетъ... Говорю, никому не нужнаго монаха. Да. Я не знаю времени, когда на Руси учеными монахами дорожили, когда ихъ берегли. Но вотъ уже на своемъ не длинномъ вѣку переживаю уже второй періодъ, что отъ ученаго монашества усиливаются систематически отдѣлаться. А отдѣлываясь отъ цѣлаго званія, отдѣлываются и отъ лицъ. Допускаю, что было время, когда ихъ вербовали, но никогда ихъ не берегли. Напротивъ, какъ я смотрю назадъ въ извѣстную мнѣ даль, съ ними всегда поступали безжалостно, а весьма часто и безпощадно до безсистемности, или даже, наоборотъ, безпощадно систематически. И опять же объясняюсь: говорю—безпощадно — не въ смыслѣ несправедливости, несоотвѣтствія настоящаго церковнаго суда съ древними церковными касательно монаховъ канонами, но въ смыслѣ систематическаго у юныхъ монаховъ. Постригли, ну и береги самъ себя, и пусть Богъ тебя бережетъ. Хорошъ, ровенъ, удачливъ, угодливъ, ничего худаго о тебѣ не слышно, — будутъ идти своимъ чередомъ, одному раньше, другому позже, обычныя награды и повышенія. Предложеніе за прежніе годы не превышало запроса на ученыхъ монаховъ. Вакансіи для нихъ постепенно открывались. Если-же не хорошъ, — берегись и жди, дадутъ толчка такъ, что и не встанешь. На словахъ пожалѣютъ: «жаль, жаль, подавалъ надежды». На дѣлѣ-же кому какое дѣло? Мѣсто для другихъ, — мѣсто свято пусто не будетъ. Эта поговорка сочинена, конечно, для монаховъ. Всегда найдутся люди, что и порадуются. У кое-кого всегда есть частичка скрываемаго-нескрываемаго злорадства, когда монахъ сваливается съ ногъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ потѣшно, когда рьяный ползунъ по лѣстницѣ фортуны валится внизъ головою. А монаховъ считаютъ именно таковыми искателями фортуны, по крайней мѣрѣ — честолюбцами. «А, митры захотѣлось, чтобъ „исполла

эти деспота" ему пѣли! Нѣ-ѣтъ, время деспотовъ теперь уходитъ». Одинъ очень высокопоставленный мужъ любилъ шутить: «а, прихлопнуть монашка, да это первое удовольствіе». Слава Богу, что онъ, кажется, взводилъ на себя поклепъ; ни чувства, ни дѣянія его такому поклепу на себя не отвѣчали. Но... понятно чувство смѣшливаго удовольствія дать щелчка монаху и глядѣть сверху, какъ онъ катится внизъ, нерѣдко и до преждевременной смерти... Ну, непріятно, конечно, тогда можно и отвернуться... Сановные монахи также не любятъ, когда не сановный пока монахъ пошатывается, — не дѣлаетъ де чести сану. Наоборотъ, всякому патрону пріятно слышать, когда монахъ, только что готовящійся быть сановнымъ, ведетъ себя сановито, ровно, степенно, назидательно, достохвально. За то съ пошатывающимися и не церемонились. Послать ректора семинаріи въ братство, или хотя-бы настоятелемъ какого-либо монастыря куда-либо въ пустыннѣйшее захолустье, — это было обычно практиковавшеюся мѣрой. А къ чему она вела и ведетъ, можно судить по недавнимъ случаямъ. Одинъ изъ такихъ ссыльныхъ настоятелей, изъ даровитѣйшихъ прежнихъ ректоровъ, занедуговавъ въ своемъ глубокомъ одиночествѣ нравственно и физически, вдругъ зоветъ къ себѣ келейника: „есть Богъ", — говоритъ и съ этими словами испускаетъ духъ. Не знаю, точно-ли передано. Въ свою пору объ этомъ мнѣ писано знающимъ авторитетомъ; подробности забылъ. Еще одинъ ректоръ, избѣгая семинарскихъ треволненій первыхъ 60-хъ годовъ, самъ ушелъ на покой, безъ копѣйки окладовъ, въ именитый монастырь. Долго разсказывать, что онъ тамъ перенесъ. Кто ему принесетъ въ келью дровъ? Даже гдѣ онъ возьметъ дровъ? Дрова и дороги нынѣ, особенно въ томъ краѣ, гдѣ былъ названный монастырь, и они трех-полѣнныя, ихъ нужно нарубить. А кто ихъ нарубитъ для него? Преподобный Сергій Радонежскій, конечно, рубилъ самъ, примѣръ достоподражаемый. Ну и ректоръ семинаріи, архимандритъ, отправляясь, или отправляемый въ монастырь въ братство, да вѣдаетъ, что ему самому придется рубить и носить для себя дрова, если только дадутъ, если позволятъ. И за водой для себя — напиться, обмыться — онъ долженъ сходить самъ. Келейные помои долженъ вынести самъ, самоварчикъ для себя, если таковый имѣется, долженъ поставить самъ, если есть опять, для чего ставить. Что̀ ссыльные ученые монахи оставались безъ чашки чаю, это вещь бывалая. Въ общую монашескую трапезу идти неловко; для ссыльнаго ректора-архимандрита тамъ и мѣста нѣтъ; тамъ, кромѣ настоятеля или строителя,

архимандрита, игумена или іеромонаха, которому безспорно принадлежитъ въ трапезѣ первое мѣсто, старѣйшія мѣста занимаютъ еще монастырскіе чины: казначей, экономъ, ризничій и т. д. Ссыльный архимандритъ враговъ себѣ наживетъ, если по сану сядетъ выше старцевъ іеромонаховъ. А въ келью пищи никто ему не принесетъ, да и въ кухнѣ не дадутъ. И отслужить въ церкви не дадутъ, особенно въ праздники; въ праздники служить хочется всякому, настоятелю, старшей братіи непремѣнно. Чаю купить не на что; сапоговъ не на что; бѣлье мой собственноручно,—прачкѣ заплатить нечѣмъ. Престарѣлый архіепископъ Іоаннъ Донской на покоѣ мылъ все свое бѣлье собственноручно; этому я очевидный свидѣтель. Осталось неразъясненнымъ, чѣмъ онъ побуждался къ этому. Должно быть встрѣтилъ отъ братіи какое-либо затрудненіе; а въ подобныхъ условіяхъ страждущая душа становится безпредѣльно чутка къ огорченіямъ и тотчасъ-же заключается въ свою раковину. Могущественный свѣтскій родственникъ исхлопоталъ упомянутому архимандриту-магистру магистерскій окладъ. Извѣстно, что у сходящихъ съ учебной службы ученыхъ монаховъ тотчасъ отнимаютъ оклады, выдаваемые по степени магистра и кандидата богословія. Возвращенный окладъ принесъ архимандриту еще больше зла; тогда ему и грубыхъ щей изъ братской кухни не стали давать; говорятъ, онъ-де получаетъ окладъ. Восемь рублей въ мѣсяцъ магистерскаго оклада—деньги не только серіозныя, но и большія въ глазахъ монастырскихъ монаховъ, когда монастырскому монаху до сихъ поръ отпускается изъ государственнаго казначейства мѣсячнаго оклада до 2 руб. въ мѣсяцъ, до 20 р. *ассигнаціями* въ годъ. Это тѣ великіе капиталы, о возвращеніи которыхъ къ своему источнику, въ государственное казначейство, объ обращеніи которыхъ на болѣе важную государственную нужду, вопятъ наши либералы, наши самозванные реформаторы церкви и государства. Монастырскіе монахи, разсуждающіе, что ссыльный архимандритъ, получающій 8 руб. оклада въ мѣсяцъ, долженъ и можетъ самъ себя содержать въ счетъ этого оклада, совершенно правы съ своей точки зрѣнія. Вѣдь, этотъ архимандритъ въ монастырѣ лишній и чужой, монастырскихъ послушаній не несетъ; да ихъ ему и не дадутъ никакихъ; станетъ на клиросъ и тамъ толкнутъ подъ бокъ. То фактъ, то несомнѣнно, что одинъ архіерей, еще живой, лишенный каѳедры, не могъ найти мѣста въ лаврской церкви: станетъ здѣсь, толкнутъ и скажутъ: „позвольте“; станетъ тамъ, толкнутъ и опять скажутъ: „позвольте“. Онъ самъ тамъ-же горько жаловался на это.

И дѣйствительно, мѣста мало, охотниковъ стоять много, особенно въ болѣе уютныхъ уголкахъ. Потому-то извѣстны примѣры, что въ монастыряхъ ссыльные ученые монахи бѣгали отъ всѣхъ, какъ зачумленные, совершенно переставали служить въ церквахъ, переставали даже выходить въ церковь, или старались пробраться возможно незамѣтнѣе; становились въ церквахъ, какъ оглашенные, гдѣ-либо подъ лѣстницей, въ потайныхъ уголкахъ, за колоннами, или буквально въ притворѣ, стараясь придти въ церковь позже и уйти раньше другихъ, чтобы не встрѣтиться съ братіей. Говорить-ли, что одинъ видъ ихъ возбуждалъ ненависть грубыхъ сердецъ. Крайняя уклончивость съ ихъ стороны, безусловнѣйшее смиреніе не спасали ихъ отъ грубѣйшихъ оскорбленій. Вотъ недалеко жилъ на, такъ-называемомъ, покоѣ лѣтъ 20 уволившійся отъ епархіи архіерей; больно слушать, да и не переслушать весь длинный рядъ нахальнѣйшихъ выходокъ, которымъ подвергался этотъ кротчайшій, незлобивый человѣкъ, облеченный святительскимъ саномъ, вчерашній мѣстный, такъ-называемый, владыка. Да и погребенъ онъ буквально въ притворѣ малой теплой церкви; это древнее: „попирайте насъ ногами“, какъ кричали кающіеся древнихъ временъ христіанства, ложась въ церковномъ притворѣ, когда вѣрующіе шли въ храмъ и выходили. Впрочемъ, на то была, кажется, воля самого погребеннаго; самъ избралъ для себя такое мѣсто погребенія. Благочестивая душа мірянина-попечителя сдѣлала на свой счетъ надъ этою смиренною могилой надгробіе и отдѣлила его отъ прохода деревянною ширмой за стеклами. Тотъ же могущественный родственникъ снова, съ большимъ трудомъ, выхлопоталъ упомянутому о. архимандриту мѣсто ректора. Теперь епископъ. Извините за эпизоды, у меня ихъ тысячи, всѣ просятся подъ перо. Лично зналъ я ректора, человѣка благочестиваго, но страннаго, который, какъ-то затруднивъ свое служебное положеніе, но не получивъ ни увольненія, ни другаго назначенія, проживалъ въ Александро-Невской лаврѣ многіе мѣсяцы и сносилъ послѣдніе сапоги, а новые купить было не на что, такъ что намѣстникъ лавры архимандритъ Веніаминъ подалъ ему милостыню, собственныхъ 25 руб., буквально на сапоги. Давалъ и я тамъ же буквально милостыню одному ученому архимандриту, даже писателю, человѣку изможденному, съ отнявшимися отъ сибирскихъ холодовъ, отъ ревматизма пальцами рукъ. Видѣлъ я почтеннѣйшаго ректора, старца архимандрита, какъ онъ, жалуясь на разныя злоключенія пройденной учебной службы, дѣлалъ предъ нами такъ: крѣпко водилъ ладонями

по волосамъ (а у него были до старости роскошнѣйшіе волосы) въ обѣ стороны и при этомъ, показывая сжатые кулаки, говорилъ: „вотъ этакъ бывало поведешь по волосамъ, да и вынимаешь вотъ въ этой рукѣ горсть волосъ, да въ другой другую горсть". Онъ въ эту пору на старость назначенъ былъ настоятелемъ именитаго, помнится томскаго, монастыря и радовался такому исходу своей долгой службы. Зналъ я почтеннѣйшаго архимандрита, который, будучи устраненъ съ ученой службы и поставленъ членомъ цензурнаго комитета, сядетъ бывало на полу кельи да и рыдаетъ, что товарищи, ученики, юнѣйшіе вышли въ люди, а онъ (не безъ собственной слабости) отсталъ. Впослѣдствіи я посѣтилъ его въ братствѣ монастыря, гдѣ товарищъ его сановный архіепископъ; въ кельѣ я усмотрѣлъ убожество (одна роскошь была—множество книгъ), въ ея обителѣ смиреніе, какое-то благостное самоотреченіе; съ языка не сходило: «спасибо высокопреосвященнѣйшему, призрѣлъ»... Да и какихъ горестей и горемыкъ не видалъ я, а еще больше не слыхалъ? *Не достанетъ ми времени повѣствующу.*

Боже! Сколько печальнаго, сколько трагическаго представляетъ назадъ озирающемуся взору иноческая жизнь! Вѣдь монахъ – наиболѣе безотвѣтный, наиболѣе безправный и въ этомъ отношеніи наиболѣе удобный на службѣ, если не человѣкъ, то чиновникъ. Пошлютъ его въ Камчатку, вѣдь поѣдетъ безпрекословно. Не такъ давно одного, угоднаго высшей власти, ректора посылали ректоромъ-же на крайній югъ. Вопреки обычаю, онъ позволилъ себѣ отказываться, ссылаясь на несомнѣнное страданіе зрѣнія. Его тотчасъ-же уволили отъ службы совсѣмъ и назначили въ братство какого-то монастыря. Благо, высокій сановникъ смилостивился и взялъ его на мѣсто настоятеля въ хорошій монастырь. А пошлютъ монаха и въ Соловки, поѣдетъ-же. Кому жаловаться? Только небу? Чего искать? Правды? Но для него обязательно и: *блажени изгнани правды ради*... Искать монаху, попавшему въ немилость, чего-бы то ни было, кромѣ неба, не пристало. Не пристало искать даже земнаго милосердія. А оставалось и остается ждать, что кто-либо изъ властныхъ вспомнитъ и воззритъ жалостнымъ окомъ. Такимъ путемъ нѣкоторые, впослѣдствіи даже именитые святители, спаслись отъ забвенія. Другіе-же до гробовой доски жалостно и не немалодушно ждали, что ихъ вспомнятъ. Вотъ забытый старецъ другому еще сильному старцу, посѣтившему перваго въ его забытомъ углу, льетъ вино въ бокалъ; отъ старческой немощи и руки дрожатъ, и глаза не довидятъ, куда лить, а дрожащія уста шепчутъ: «не за-

будьте». Или проѣзжаетъ великомощный старецъ въ столицу и на пути посѣщаетъ монастырь; тамъ забытый старецъ, того-же высокаго сана, наисмиреннѣйшимъ, самоуничиженнѣйшимъ образомъ стоитъ у порога; а свѣтскія тутъ сидѣвшія барыни впослѣдствіи разсказывали: «такъ намъ жаль было видѣть, какъ это онъ стоялъ у порога, склонивъ свою старческую голову на бокъ». Одинъ весьма высокопоставленный не монахъ, но документально изучившій монашество, публично разсуждалъ, со свойственною ему природною живостью: «вотъ, Господи, кажись-бы, эти монахи совсѣмъ отреклись отъ міра и всѣхъ благъ его и служенія ему. Кажись-бы, чего имъ бояться? Небо падаетъ на нихъ, а они стоять-бы должны незыблемою скалой, столпами міра. А вѣдь не видалъ я на своемъ вѣку людей болѣе малодушныхъ». На это не высокопоставленный, но ученый монахъ, позволилъ себѣ скромно выразить такое, давно у него назрѣвшее мнѣніе: „это у монаховъ происходитъ отъ *самобольнія*». Повидимому, всякому человѣку дается только извѣстная, почти равномѣрная у всѣхъ доля способности страдать. Когда случится горе съ мірскимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его съ родителями, женой, дѣтьми, близкими родными, друзьями, развѣетъ горе по вѣтру разными развлеченіями, перемѣнитъ карьеру, родъ службы, родъ занятій, не перемѣнитъ, такъ потѣшится надеждою, что можетъ перемѣнить. Кромѣ того всякому въ жизни приходится раздѣлить данную ему долю способности страдать за близкія существа, за жену, дѣтей, родныхъ, друзей, — гдѣ тутъ иному и думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Въ міру, даже при существованіи многихъ изъ упомянутыхъ условій, напримѣръ, возможности искать забвенія горя въ развлеченіяхъ, при существованіи свободы въ выборѣ службы и занятій и т. д., наибольшіе страдальцы — это люди одинокіе, бездомные холостяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты. Они то и даютъ наибольшій контингентъ самоубійцъ. Возьмемъ же теперь монаха. У него все исключительно, все доведено до крайности. Кромѣ Бога утѣшить его въ бѣдѣ некому. Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, всего чаще — друзей, ни одной истинно близкой души. Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, неудобно, не пристало; болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ, пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди. А мать, которой ни слова не говорятъ, пусть тамъ молится, коли хочетъ и въ молитвѣ ищетъ себѣ утѣшенія, а изнывающему сыну помощи. Раздѣлить свое горе ему позволительно

развѣ со своею подушкой, или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возбраняетъ вылить слезъ, сколько ему угодно, цѣлую пучину. Это Давидово: *слезами моими постелю мою омочу.* Развлеченій никакихъ, кромѣ дѣла, которое дали, его не спросясь, а теперь отнимаютъ опять же у него, не спросясь, — дѣла только по службѣ, которая ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Иную службу, иную карьеру избрать себѣ онъ не воленъ. Онъ можетъ взбираться къ житейской фортунѣ только по одной тропѣ, тропѣ трудной, узкой и крутой; а поскользнулся и упалъ, что же дѣлать? И полетѣлъ стремглавъ въ пропасть. Развлечься, размаяться хотя-бы тѣмъ, чтобы поболѣть сердцемъ о комъ-либо другомъ, — и то не о комъ, кромѣ себя самого; прижать ему къ своей груди некого, кромѣ своихъ собственныхъ рукъ и той же подушки. А потребность прижать и прижаться хотя къ дорогой могилѣ бываетъ потребностью натуральнаго рефлекса и поймутъ эту потребность только тѣ, кто не имѣлъ никогда способовъ ей удовлетворить, какъ чувство голода способны понять только голодавшіе. Я лично и хорошо зналъ двухъ молодыхъ священниковъ-вдовцовъ: одинъ такъ и заморилъ себя на могилѣ жены, быстро отъ простуды наживъ себѣ водянку; другой, съ полгода рыдая на могилѣ жены, самъ вынужденный пеленать новорожденное дитя-сироту, сряду-же заморить себя не успѣлъ, къ чему сознательно стремился, зато принялъ монашескій постригъ и разнообразными неровностями нажилъ чахотку, — прекрѣпкая натура, — отчего и слегъ въ раннюю могилу. Вотъ ударили монаха по немъ самомъ, — и вся сила страданія, какая только дана ему отъ природы, кидается на этотъ одинъ его чувствилищный центръ, на него самого и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самоболѣніе.* Кромѣ того исторія своими невзвѣшенными ударами давала ученому, даже сановному монашеству жестокіе уроки. Кто не знаетъ и забылъ о Ѳеодосіи Яновскомъ, о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, объ Арсеніи Мацѣевичѣ? Но не касаясь другихъ приснопамятныхъ историческихъ уроковъ, всѣхъ монаховъ инстинктивно, какъ домашнюю птицу полетъ ястреба, какъ скотину—ревъ или видъ медвѣдя, — инстинктивно пугаетъ самый простой и самый обычный для монаховъ приговоръ: лишить такого-то раба Божія въ иночествѣ имя рекъ человѣческихъ правъ состоянія, которыхъ онъ самъ себя лишилъ при постриженіи и сослать въ мѣсто не столь отдаленное (напр., Валаамъ), или очень

отдаленное (напр., Соловки), въ вѣчное заточеніе, чтобъ онъ пребывалъ тамъ безвыходно до могилы, въ постѣ (потому что ѣсть будетъ нечего, какъ выше объяснено), въ совершенной нестяжательности (потому что стяжать нечего) и безусловномъ послушаніи (иначе укротятъ), на каковые подвиги онъ самъ себя обрекъ, произнося иноческіе обѣты, царствія ради небеснаго. Отчего цыпленокъ боится полета ястреба, или совы? Самъ онъ не испыталъ ихъ когтей. Но въ его кровь, въ его нервы влита эта боязнь. Такъ есть она, эта инстинктивная трусливость предъ звукомъ „Соловки“ и въ крови монаховъ. Одного ударили, всѣ прочіе вздрогнули. Такъ какъ вѣковой опытъ говоритъ, что такой переворотъ въ жизни слишкомъ немногіе выдержали не только съ иноческою твердостію но и съ человѣческимъ достоинствомъ,—видно, онъ выше дюжинныхъ силъ человѣческихъ,—то подобная перспектива инстинктивно и пугаетъ всякаго изъ иноковъ, не располагая ихъ къ гражданскому мужеству. Съ роковою необходимостью вѣдь и боги языческаго міра не воевали, а гдѣ-же воевать немощному человѣку? Потому-то вотъ люди, во сто кратъ болѣе какого-либо монаха огражденные въ своихъ гражданскихъ и человѣческихъ правахъ и потѣшаются надъ монахами: „не видали, молъ, людей болѣе малодушныхъ, какъ эти монахи, отрекшіеся отъ міра и благъ его“,— иначе сказать и правъ его, правъ свободы, правъ собственности, правъ удовлетворенія жизненнымъ потребностямъ. Только всего,—не больше.

И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто пріобрѣлъ отъ юности навыкъ, кого Богъ не оставилъ благодатнымъ даромъ духовнаго искусства, а ангелъ-хранитель неотступностью своихъ внушеній опереться въ тяжелую минуту, въ годину искушенія, на вѣру и молитву, опереться на Бога и Церковь, опереться даже безъ вѣры и надежды на стѣну церковную. Я употребляю слова выболѣнныя, да. Горе душевное имѣетъ правильный ходъ болѣзни тѣлесной. Пришибетъ оно,—сперва не чувствуешь, какъ-будто ничего, похоже на то, что поранили на войнѣ. Потомъ душа разболѣвается. Вмѣстѣ съ тѣмъ разстраиваются разнообразныя отправленія и тѣла. По прожитому предчувствуется даже, что если пришибетъ горе побольше уже пережитыхъ, или когда силы поослабѣютъ, то тѣлесныя отправленія остановятся совсѣмъ. Такъ я объясняю себѣ смерть Кирилла, епископа Мелитопольскаго: еслибъ счастье улыбалось ему, какъ улыбалось въ первые 10—12 лѣтъ службы, онъ жилъ-бы; но придавила бѣда, придавила всероссійская и европейская извѣстность его бѣды—и онъ угасъ, а по смерти

13 дней пролежалъ нетлѣнный, какимъ несомнѣнно пошелъ и въ могилу, потому что въ немъ все тѣлесное умерло прежде смерти. А быстрое гніеніе по смерти оказывается быстрымъ развитіемъ паразитной жизни въ полножизненномъ умершемъ организмѣ. Оттого здоровый трупъ и воняетъ такъ крѣпко. Дальше о душевной болѣзни. Я знаю монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей. Это чудо, но вѣрно. Вотъ американскій докторъ выдержалъ 40-дневный постъ, — чудо, а вѣрно. Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая собственно болями ума, выразился такъ: „право, подъ-часъ становится понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовиковъ“ (самоубійца-профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна. Въ низшемъ монашествѣ было не мало примѣровъ самоубійства, самоубійства или разсчитаннымъ пьянствомъ, или даже наложеніемъ рукъ. Но и въ академической жизни покрыта мракомъ полузабвенія одна темная, глухая и неразъясненная исторія... Да, что такое дальше въ болѣзненномъ процессѣ горя? Что значитъ опереться на стѣну церкви безъ вѣры, безъ надежды? Въ душевной болѣзни отъ горя всегда представляется, что оно нескончаемо, что оно не пройдетъ. Пораженное чувство деревенѣетъ. Становится не мила, даже ненавистна жизнь. Право, можно не лирически, не въ поэзіи, а дѣйствительно со своего рода упоеніемъ мечтать о могилѣ, даже о забвеніи, даже о небытіи. „Погоди немного, отдохнешь и ты“. Гартмановскій пессимизмъ естественъ человѣку, въ минуту мрачной тоски. Можно чувствовать сладость надвигающагося небытія. Вотъ когда, — именно въ этомъ состояніи чувства, человѣкъ бываетъ безъ вѣры, безъ надежды. Но инстинктъ, но невѣдомая сила тянетъ пока еще живаго, но падшаго духомъ человѣка опереться на что-нибудь способное быть опорой, хоть механическою, ну вотъ на стѣну церковную по привычкѣ, по тайному вліянію ангела-хранителя. Вѣдь тянется-же эта ненужная жизнь. Вотъ и стоитъ человѣкъ, опершись на стѣну церковную сегодня и завтра, нечувствителенъ, мраченъ, тупъ, какъ камень. Юный, неопытный борецъ жизни такъ и думаетъ, что онъ такъ и кончитъ. А испытанный знаетъ по опыту, что это низкое состояніе пройдетъ. Вотъ уходятъ день за днемъ, солнце свѣтитъ, какъ вчера какъ и прежде свѣтило, міровой порядокъ не измѣняется. Больной не только видитъ, а даже начинаетъ убѣждаться и чувствовать, что его въ самомъ дѣлѣ не повѣсили. Жизнь влачить приходится. Желто-красный, мѣдно-блестящій колеръ, которымъ былъ подернутъ для него весь міръ Божій отъ продолжительной без-

сонницы, мало-по-малу исчезаетъ. И опять начинаютъ заговаривать въ немъ интересы жизни; опять воскресаетъ въ немъ чувствительность къ жизненнымъ задачамъ; возстановляется душевное здоровье; оживаютъ даже надежды. Не о карьерѣ я говорю, о надеждахъ не на карьеру, но на возможность жить и чувствовать хоть кое-какую привязанность къ жизни. Вотъ о чемъ. Это и есть логика самоубійства, отъ котораго такъ много гибнетъ людей на Руси; логика систематическаго пьянства, отъ котораго еще больше погибло людей на Руси, особенно среди черноты, которая потѣшаетъ себя поговоркой: „завей горе веревочкой, запей его рюмочкой"; логика меланхоліи и помѣшательства, отъ которыхъ зачахло не мало ученыхъ монаховъ.

Но я не исчерпалъ всей глубины горя, до которой способенъ спуститься человѣкъ. Корни этого смертоноснаго древа, буквально древа познанія добра и зла, копошились въ почвѣ человѣческихъ сердецъ и въ прежнія времена, но крѣпкій и многовѣтвистый стволъ пустили изъ себя въ нашемъ отечествѣ особенно въ послѣдніе тридцать лѣтъ. Въ чемъ дѣло?

Чуткость совѣсти, присущая монашеству всегда, въ послѣднее время стала способна переходить въ болѣзненность, въ помертвѣніе, въ ожесточеніе, въ отрицаніе обязательности монашескаго идеала, даже въ противоборство этому идеалу. Эта чуткость проистекала изъ духа уставовъ и быта монашества, по которымъ для монашества обязательны были частое очищеніе совѣсти исповѣданіемъ и покаяніемъ предъ духовникомъ, ежедневное испытаніе совѣсти предъ духовными старцами, сопоставленіе совѣсти предъ зерцаломъ грѣховности и чистоты, какое предлежитъ монаху въ правилѣ ежедневныхъ молитвъ, ежеминутное бодрствованіе надъ собственными помыслами и стремленіями сердца и молитвенное памятованіе о томъ, что душа наша есть раскрытая книга для очей Божіихъ, что всѣ самыя сокровенныя движенія нашей души совершаются предъ лицемъ Ангела-хранителя и другихъ премірныхъ духовъ добрыхъ и злыхъ. Не все это въ современномъ монашествѣ выдерживается; тѣмъ не менѣе все это составляетъ внутренній строй монашества. И я убѣжденъ, что въ православной церкви нѣтъ ни одного монаха, который-бы окончательно выбился изъ-подъ вліянія этого строя. Отсюда выходило и выходитъ, что монашеская совѣсть била и бьетъ тревогу по поводу множества грѣховъ мысленныхъ, грѣховъ внутреннихъ, о какихъ большинство человѣчества и не думаетъ, хотя и совершаетъ ихъ ежедневно и ежечасно. Но представьте

далѣе, если монахъ начинаетъ поведеніемъ своимъ возбуждать говоръ, причинять нѣкоторый хотя легкій соблазнъ между другими: напримѣръ, тамъ онъ сказалъ лишнее слово, тамъ не кстати улыбнулся на пріятное лицо, тамъ выпилъ лишнюю рюмку и пришелъ въ замѣтное возбужденіе, говорливость, мягкость тона, тамъ задержали его въ гостяхъ за урочный часъ, и, вышедши въ ночную пору, то-есть, за 10 часовъ вечера, положимъ съ свѣтскими товарищами, сослуживцами, онъ вынужденъ былъ пробираться по городскимъ улицамъ пѣшкомъ и наткнулся на возмутительную грубость, обращенную къ нему, какъ монаху, ночными шатунами, или просто веселыми прохожими,— повѣрьте, отъ всѣхъ этихъ повидимому незначительныхъ мелочей монахъ способенъ рвать на себѣ волосы. Если же монахъ начнетъ и колебаться въ своемъ нравственномъ чувствѣ, если уязвится даже стрѣлою любви, не говоря уже о дальнѣйшемъ ниспаденіи,—то чуткая напряженная монашеская совѣсть начинаетъ бить тревогу тяжелую и чувство собственнаго недостоинства, чувство даже внутренней измѣны обѣту начинаетъ гнать виновнаго по дебрямъ унынія, какъ кровь Авеля брата гналась за убійцею Каиномъ, гнать до той точки отчаянія, что человѣку въ его собственномъ чувствѣ понятна становится отчаянная Каинова исповѣдь предъ Богомъ: *вящшая вина моя еже оставитися ми*, какъ въ его-же собственномъ чувствѣ становится понятенъ и отвѣтъ Божій на эту исповѣдь: *стеня и трясыйся будеши на земли*. Въ прежнія поколѣнія это чувство собственнаго недостоинства загоняло малодушныхъ въ робость и ожиданіе близкой кары до потери вѣры, если не въ Бога, то въ людей, въ ихъ милость и благоснисхожденіе, загоняло въ немощь винопитія, въ меланхолію, въ полупомѣшательство. Разсказывали объ одномъ ученомъ монахѣ, что вотъ онъ читаетъ урокъ въ классѣ предъ учениками, вдругъ найдетъ на него мрачная минута и онъ начнетъ кланяться ученикамъ въ ноги до земли и просить у нихъ прощенія. О другомъ разсказывали, что въ минуту душевнаго омраченія онъ начиналъ бредить наяву и въ бреду разсказывать людямъ свои сокровенные грѣхи. Въ болѣе-же гордыхъ и крѣпкихъ натурахъ это чувство начинаетъ сказываться въ роковомъ: „не могу и не хочу“; не могу двоиться, не могу быть недостойнымъ слугою Бога и въ то же время тайнымъ слугою веліара; не хочу быть фарисеемъ, повапленнымъ гробомъ; претитъ совѣсть приступать къ престолу Божію съ неумытымъ сердцемъ; нѣтъ душевной силы носить маску, легче и честнѣе скинуть ее съ себя.... Думаю, что на этой точкѣ душевнаго разстрой-

ства, выше-ли, глубже-ли ступенью, остановился именно отецъ Ѳеодоръ Бухаревъ.

Туманность его міросозерцанія, непосильный трудъ рѣшить міровую задачу соглашенія всѣхъ требованій философствующаго разума съ требованіями положительной вѣры, а болѣе авторское самолюбіе и упорство навлекли на него немилость начальства. Конечно, онъ увидѣлъ въ этомъ глубокую неправду, увидѣлъ неспособность высшихъ оцѣнить напряженіе углубляющагося ума, завѣтною мечтой котораго было сослужить службу Церкви нашего мятущагося времени. И душа его почувствовала себя разбитою въ самой дорогой привязанности къ умственному труду, въ вѣрѣ въ лучшихъ людей, въ вѣрѣ въ правду на землѣ, въ возможность душевнаго мира и даже дозволеннаго монаху счастья самозабвенія въ углубленіи въ науку, въ борьбу идей, въ стремленіи оказать посильное содѣйствіе побѣдѣ вѣрующаго духа надъ современнымъ отрицаніемъ Трудъ отвергнутъ, усилія его охаяны свыше, самъ онъ посланъ въ монастырское изгнаніе съ тѣмъ, чтобы тамъ дотянуть свой вѣкъ до жалкаго конца безслѣдно, безплодно. Въ изгнаніи потребность какого-либо умственнаго занятія,—а эта потребность у привыкшихъ къ умственному труду даетъ о себѣ знать, какъ и потребность пищи, — потребность умственнаго занятія повела къ сближенію съ сочувственною ему юною особой другаго пола, которой онъ сталъ давать какіе-то уроки. Сближеніе породило сердечную склонность, которая перешла въ половую любовь. Любовь-же породила въ этой, мистически-напряженной и оттолкнутой своими братьями, душѣ чувство раздвоенія, о которомъ мы говорили, чувство, что нечестно и недостойно носить имя монаха, когда сердце бьется и горитъ человѣческою любовью,—что гораздо честнѣе заявить себя предъ Богомъ и міромъ въ истинномъ свѣтѣ человѣка, съ его естественными богоданованными потребностями, чѣмъ быть тайнымъ измѣнникомъ обѣта, даннаго Богу и явнымъ фарисеемъ предъ людьми. Поэтому о. архимандритъ Ѳеодоръ и снялъ съ себя священно-иноческій санъ, не отказываясь однако-же отъ христіанскихъ убѣжденій, то-есть остановился на полпути. Болѣзненно чувствовалась тогда аномалія, почти неестественность, когда, бывало, читаешь на послѣдней страницѣ газетъ въ массѣ объявленій странныя воззванія: *О книгѣ пророка Іезекіиля,—А. Бухарева*, или *О книгѣ пророка Іоиля, — А. Бухарева*, продается тамъ-то, цѣна такая-то. То были жалкія воззванія къ людскому милосердію. То голодъ кричалъ о кускѣ хлѣба. То вопіяла безнадежная

разочаровавшаяся самонадѣянность, что можно заработать себѣ хлѣбъ священно-монашескимъ трудомъ безъ священно-монашества. Увы! оказалось трудно до невозможности, до отчаянія. Съ этими произведеніями онъ, бывшій архимандритъ Ѳеодоръ, въ жалкомъ сюртучкѣ и скуднѣйшихъ невыразимыхъ нищаго Александра Бухарева, вынужденъ былъ толкаться въ столицѣ по прихожимъ своихъ прежнихъ братій и сослуживцевъ, начиная съ духовныхъ цензоровъ и выслушивать отъ нихъ жесткія, но естественныя и резонныя рѣчи: „Извините г. Бухаревъ! Признаюсь, я и прежде никогда не былъ охотникъ до вашихъ туманныхъ произведеній, а теперь и того менѣе“. Тяжело чувствовалось конечно и ему самому какъ и всѣмъ, что его писанія *о книгѣ пророка Іоиля* и т. п.,—это неестественныя порожденія архимандрита, снявшаго санъ. Но когда у того же лица, отъ несчастнаго его брака родилось и естественное дитя и когда по Россіи пронесся шепотъ, что бывшій о. Ѳеодоръ и супруга его произвели и чадо на свѣтъ, то вынести этотъ всероссійскій, въ устахъ однихъ печально-стыдливый, а у другихъ злорадно-насмѣшливый шепотъ.... О! для этого нужны были виновнику его великія душевныя силы... Ихъ-то и не хватило. Да не знаю, у кого-бы ихъ и хватило въ тѣхъ же условіяхъ, когда отворачиваются всѣ и все. Первые отшатнулись сами родители увлекшейся порывистою идеальностью жены нищаго безправнаго „разстриги“, который своимъ бѣдственнымъ шагомъ пріобрѣлъ одно только бѣдственное право на народное посмѣяніе, потерявъ всѣ прочія солидныя преимущества сана. Справедливо-ль оно,—это посмѣяніе, или нѣтъ,—это вопросъ; но оно печальный, неотвратимый пока фактъ. Вотъ недавно священникъ снялъ санъ; временно пріютился у друга священника, сидитъ у него недѣлю-другую въ сюртукѣ и бренчитъ на фортепіано. А тотъ ему и говоритъ наконецъ: „ужели-же ты снялъ священство, чтобы сидѣть безъ дѣла и бренчать?“ Тотъ поступилъ приказчикомъ къ книготорговцу, оттуда скоро прогнанъ и т. д. — до смерти подъ заборомъ... Кстати этотъ священникъ, уже подавъ просьбу о снятіи сана, уже почти приговоренный, незадолго до фактическаго снятія сана, вызвался было отслужить литургію и не дослужилъ, на половинѣ обѣдни вынесенъ изъ церкви безъ чувствъ. А человѣкъ совсѣмъ здоровый, даже крѣпкій. Такъ—родители жены бывшаго о. Ѳеодора первые отшатнулись отъ дочери, отъ зятя и несчастнаго рода ихъ. Жена, понятно, чахнетъ подъ бременемъ жизни. Дитя въ колыбели плачетъ и о себѣ напоминаетъ. Ѣсть всѣмъ тремъ нечего. Общественнаго поло-

женія никакого, кромѣ общаго отверженія. Оставалось только протянуть руку за милостыней и она протянута, и всѣхъ трехъ ихъ пріютилъ у себя на хлѣбахъ какой-то родичъ Бухарева, чуть-ли не сельскій дьячекъ. Стыдъ гостей-нахлѣбниковъ предъ бѣднотой и тяготой хозяина, быть можетъ—и предъ грубостью, новый невыносимый бичъ для бывшаго высоко-образованнаго архимандрита и бывшей дочери предводителя дворянства. Говорятъ, святитель Московскій Филаретъ подавалъ имъ милостыню. Натура бывшаго о. Ѳеодора не выдержала и сломилась. Съ глубокимъ сердечнымъ покаяніемъ этотъ истомленный человѣкъ, этотъ вольный-невольный безпросвѣтный страдалецъ, съ надеждой на всестороннюю правду и утѣшеніе только въ небѣ, предалъ многострадальный духъ свой въ руки Отца Небеснаго. На землѣ дѣло кончилось некрологомъ, кажется, въ *Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ*.

Но другіе развиваются логичнѣе, идутъ дальше, падаютъ въ бездну золъ глубже о. Ѳеодора Бухарева. Вотъ зло послѣднѣйшее. Но какъ-бы его назвать, какъ выяснить? Назвать его можно внутреннею борьбой съ научнымъ невѣріемъ. Предметъ очень щекотливаго свойства. Наставимъ пока іероглифовъ, которые, какъ извѣстно, были конкретными символическими знаками, скрывавшими или полуоткрывавшими неудобовыразимую тайну, болѣе или менѣе неуловимую общую идею. Такъ одинъ изъ снявшихъ санъ говорилъ о себѣ: „я разубѣдился въ томъ-то“. Вотъ сидятъ сравнительно два мудреца, одинъ старый, другой не старый, но и не юный, и читаютъ оригинальнѣйшее произведеніе критическаго характера, наиболѣе вѣроподобное между подобными, болѣе или менѣе способными колебать цѣльную вѣру. Монотонное чтеніе, изрѣдка прерываемое разсужденіями, продолжается дни, конечно съ перерывами и многіе часы и, наконецъ, вызываетъ кризисъ. Юнѣйшій, всѣ эти дни глубоко разстроенный духомъ, начинаетъ истерически рыдать. Старецъ улучаетъ наконецъ минуту, чтобъ обратиться со словами успокоенія.—„Что же остается, наконецъ“?—„Повѣрь, другъ мой, есть Богъ на небѣ, есть Провидѣніе“.—„Но вѣдь жизнь принесена въ жертву“... А вотъ іероглифъ изъ свѣтскаго міра. Одинъ господинъ, кончивъ курсъ въ одномъ изъ университетовъ Россіи, доканчивалъ свое образованіе въ западной Европѣ и, перевоспитавшись тамъ окончательно на научно-отрицательный современно-европейскій складъ, воротился въ отечество, чтобы сдѣлаться солиднымъ русскимъ гражданиномъ и семьяниномъ. Имѣя независимое состояніе, конечно по тогдашнему въ

крестьянахъ, онъ рѣшился жениться на дѣвушкѣ небогатой, но красивой, совершенно юной (лѣтъ 16 съ небольшимъ), только-что кончившей курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ и глубоковѣрующей. Семья и школа воспитала ее кроткою и теплою христіанкой. Но для будущаго мужа это не составляло идеальной невѣсты; напротивъ онъ рѣшился ассимилировать ее себѣ по научному невѣрію, прежде чѣмъ сочетаться съ нею бракомъ. И смѣло далъ ей въ руки ходячій тогда матеріалистическій катихизисъ, дополняя его своими категоричными разъясненіями. Цѣли онъ достигъ. Невѣста, а скоро и жена, стала подобною мужу матеріалисткою. Но сперва, тотчасъ по прочтеніи этого катихизиса, пролежала нѣсколько дней въ нервномъ ударѣ. А года черезъ два, черезъ три послѣ брака и совсѣмъ сошла съ ума. Невѣрующій мужъ, испытавъ всѣ медицинскіе способы, возилъ больную и къ преподобному Сергію Радонежскому. Облегченіе вообще получено, но не окончательное. Жена осталась калѣкой, полупомѣшанною. Причинъ этой болѣзни могло быть много; но и объясненная причина, безъ сомнѣнія, имѣла не послѣднее значеніе. Извѣстное міросозерцаніе цѣльное, дорогое, завѣтное, всосанное съ молокомъ матери, отпечатлѣнное въ нѣжной душѣ, въ нѣжномъ организмѣ отъ дней младенчества, накладываетъ извѣстный отпечатокъ, точнѣе извѣстный строй на мозгѣ человѣка. Вдругъ ему вкладываютъ въ сознаніе міросозерцаніе совершенно противоположное; накладываютъ новую жесткую форму на мозгъ; внезапно непривычнымъ съ дѣтства, потому и неестественнымъ да и вообще противнымъ человѣческой природѣ образомъ напрягаютъ нервы сердца, точнѣе нервы чувствилища, которое также имѣетъ свое сѣдалище въ мозгу,—и органическая основа души, ума, сознанія, чувства приходитъ въ глубочайшее разстройство. Конечно, черепъ мужчины возрастнаго, окрѣпшаго, крѣпче черепа дѣвочки; мозги также крѣпче; нервная система вообще выносливѣе; самыя убѣжденія тверже. Но зато и пораженіе мужскихъ мозговъ можетъ идти глубже. Когда въ крѣпкомъ, массивномъ строѣ умосозерцанія развитаго мужчины сегодня колеблютъ одну стѣну, завтра другую, послѣ завтра взрываютъ покрышку, далѣе подрываютъ самое основаніе, — то и паденіе храмины бываетъ веліе и тѣмъ больше, тѣмъ грознѣе, чѣмъ постройка была грандіознѣе и массивнѣе. Боль тѣла можетъ быть большая, но глубокая боль души чуть-ли не больше, потому что и въ тѣлѣ за тѣло болѣетъ та же душа. Боль тѣлесная есть мѣстная, частичная боль души, причемъ цѣльность души можетъ быть не тронута, можетъ подпираться

душевною твердостью, надеждою и т. п. Но боль души, напримѣръ, страданіе ума есть страданіе, гнѣздящееся въ самомъ центрѣ души. Оттого это страданіе и тяжелѣе вынести. Когда душа раздвоена, когда душа разбита, нужны большія душевныя силы, чтобы выносить въ себѣ эту разбитость, эту раздвоенность многіе годы. Нужны многіе годы, чтобы поправиться. Нужна божественная сила, чтобы черепки разбитой души склеились опять въ какую-либо цѣльность.

А монахъ вѣрующій, честный ученый монахъ—существо наиболѣе цѣльное, потому что душа его всѣми своими струнами срослась, болѣе чѣмъ у кого-либо изъ людей, съ цѣльностью системы въ высшей степени связной и живой. Вырвите изъ этой системы одно звено, и система если не разсыпается, то разрывается. А цѣльность этой системы есть жизнь вашей души. И вы чувствуете, что душа рвется на части. Свѣтскимъ людямъ свѣтскаго воспитанія эта мука непонятна, непонятна въ такой мѣрѣ. Даже людямъ богословскаго образованія, но свѣтскимъ, даже священникамъ она недоступна въ той же мѣрѣ, какъ монахамъ; потому что тамъ душа легче перейдетъ на разные компромиссы; а отъ нихъ и къ полуневѣрію и къ полуотрицанію. Полувѣрующіе англійскіе милорды, епископы и деканы, какъ и нѣмецкіе пасторы и генералъ-суперъ-интенденты, вооруженные широкою свободой своего liberi arbitrii, могутъ пребывать въ совершенномъ покоѣ съ совѣстію, полуотрицая, полуисповѣдуя ортодоксальную систему христіанства, но пользуясь благами своего положенія, пользуясь широкимъ правомъ вести брачную семейную жизнь и сочетаться бракомъ хотя-бы въ санѣ епископскомъ, хотя-бы съ четвертою женой, по смерти первыхъ трехъ. Такъ на дняхъ знаменитый Вестъ министерскій деканъ Стэнли сочеталъ въ Лондонѣ бракомъ одного англійскаго епископа. Въ другихъ условіяхъ находится православный русскій монахъ. Потерять блага естественной жизни—и это для чувства подчасъ крайне не легко, жертва вольная, но большая. Но почувствовать, что теряешь почву подъ ногами, что лишаешься душевнаго стержня, но видѣть уносящимся въ туманъ облаковъ завѣтнѣйшій, драгоцѣннѣйшій, возвышеннѣйшій, святѣйшій идеалъ (*и облакъ подъятъ его отъ очію ихъ*...), терять вѣру въ вѣру и во всѣхъ, кому вѣрилъ,—вотъ гдѣ глубина зла... Помоги, Боже, его перенести! Вотъ гдѣ разгадка явленія, почему свѣтскіе скептики, даже отрицатели, не бывали такъ желчны, такъ ядовиты, такъ пагубоносны, какъ ренегаты изъ лицъ, воспитавшихся во внутреннѣйшихъ нѣдрахъ Церкви, изъ лицъ, получившихъ широкое богословское образованіе,—

почему въ Европѣ такъ прославились и столько зла надѣлали христіанскому человѣчеству Вольтеръ и Штраусъ, почему и изъ нашихъ ренегатовъ вышли Чернышевскій и Добролюбовъ, Помяловскій, Щаповъ и др. Это разбитыя души и озлобленныя вслѣдствіе разбитости. Имъ больно, пусть и другимъ будетъ больно,—это одно; а съ другой стороны, пусть же остальное человѣчество не страдаетъ такъ же, какъ страдаютъ они. Они по своему спасаютъ человѣчество, какъ умѣютъ, стараясь ассимилировать другихъ себѣ. Это Люциферы, ниспадшіе въ бездну наиболѣе глубокаго на землѣ мрака отъ престола свѣта, увлекшіеся отъ крайности одного полюса къ крайности другаго.

Думается, что ученые монахи нашего времени подъ широкими покровами своихъ клобуковъ и рясъ скрываютъ въ себѣ подчасъ самыхъ глубокихъ носителей того, что называется міровою скорбію, — носителей скорби нашей эпохи и нашего народа среди величайшаго кризиса идей, какой теперь переживается на Руси. Это не фраза, это не слова. Психологи доказываютъ, что самое развитое животное страдаетъ безконечно менѣе, чѣмъ человѣкъ. Это потому, что интересы животнаго гораздо уже интересовъ человѣка, и потому еще, что животное чувствуетъ только настоящую минуту жизни, имѣя только крайне смутное представленіе о прошлыхъ впечатлѣніяхъ и почти никакого о будущихъ. А человѣкъ страдаетъ въ настоящемъ, страдаетъ въ прошедшемъ, страдаетъ и въ будущемъ. О растеніяхъ, о камняхъ не говоримъ. Они живутъ по своему, но чувствуетъ-ли даже растеніе? По той же логикѣ человѣкъ неразвитой страдаетъ далеко менѣе человѣка развитаго. Для милліоновъ простецовъ недоступны Пушкинскіе вопросы:

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?“

Какъ не доступны и Пушкинскія томленія:

„Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты,
Остались лишь одни страданья
Слѣды сердечной пустоты“.

Для развитаго человѣка есть такія комбинаціи мыслей, которыя причиняютъ невыразимое томленіе. Такъ, сходя съ ума отъ ума, онъ можетъ, сидя на вершинѣ горы, откуда открывается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ на нѣсколько десятковъ верстъ среди прекраснѣйшаго весенняго утра и цвѣтущей природы, и постукивая палкой

по одному изъ лежащихъ тамъ тысячами камешковъ, искренно завидовать ему по той-де причинѣ, что «вѣдь вотъ, счастливецъ, живетъ вѣка, когда ты не больше, какъ вчерашняя козявка, и проживетъ еще вѣка, когда не только чувства твои и мысли, но и кости развѣются по вѣтру, наслаждается, счастливецъ, такою роскошью природы и имѣетъ предъ тобою преимущество не чувствовать, а что еще лучше — не мыслить». Это съ натуры. Но развитой монахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитѣе всякаго свѣтскаго, по крайней мѣрѣ развитѣе тѣхъ изъ нихъ, которые не получили широкаго богословскаго образованія, которые не могли сростись всѣми помыслами души со всѣми развѣтленіями христіанскаго вѣроученія. Для свѣтскихъ, богословское образованіе которыхъ ограничилось верхами школьнаго и школярнаго преподаванія катихизиса, или крайне легкимъ просмотромъ записокъ университетскаго законоучителя, глубины христіанства незримы; туда ихъ взоръ (за исключеніемъ избранныхъ натуръ, въ родѣ Достоевскаго и Хомякова) никогда не проникаетъ и для чувства ихъ очень многое въ богооткровенномъ ученіи, въ уставахъ церковности безразлично. Но развитой церковникъ нашего времени соединяетъ въ себѣ, въ своемъ умственномъ складѣ, христіанина древле-каѳолическаго и древле-русскаго съ христіаниномъ новѣйшихъ вѣковъ. Чрезъ душу его съ лѣтъ младенчества богооткровенное ученіе прошло всѣмъ своимъ многовѣковымъ раскрытіемъ, во всѣхъ писаніяхъ и пророковъ и апостоловъ, святыхъ отцовъ и учителей церковныхъ, во всѣхъ церковныхъ уставахъ и чинахъ, учрежденіяхъ и обычаяхъ, освѣщенныхъ всею широтой современной богословской науки, и прошло какъ завѣтнѣйшая святыня. А эта дорогая для него святыня, которая сплелась со всѣми струнами его души, которая легла въ основу всего уклада его жизни и міровоззрѣнія, разрушается, отвергается и попирается на его глазахъ почти всѣмъ тѣмъ, что самодумно усвояетъ исключительно только себѣ имя науки. Ему виднѣе, чѣмъ кому-либо другому, въ чемъ состоитъ сущность современнаго отрицанія, на какую часть вѣковѣчной системы христіанства ведутся особо упорныя нападенія, какая сторона нуждается въ особо бдительной и сильной защитѣ, какъ эта защита пока непосильна для наличныхъ силъ и данныхъ способовъ. А видѣть это и чувствовать, переживать это раздвоеніе, этотъ разрывъ души, — манія самоубійствъ, господствующая теперь въ средѣ нашей интеллигенціи показываетъ, какъ это легко вѣрующему маловѣрному человѣку, какъ легко нѣкогда глубоко и цѣльно вѣровав-

шему народу. Въ старые годы казнили людей, привязывая мученика къ верхушкамъ двухъ согнутыхъ деревъ и раздирая его пополамъ, по клокамъ... Это способно дать идею современнаго разрыва душъ... Но ужели въ самомъ дѣлѣ это разрывъ душъ? Да, нѣчто весьма похожее. Три-четыре вѣка назадъ Галилей съ Коперникомъ дерзнули низвести землю изъ достоинства центра мірозданія и домостроительства Божія въ значеніе песчинки, не болѣе, а видимому міру, который для христіанства предыдущихъ вѣковъ замыкался Птоломеевою системой вращающагося около земли звѣзднаго круга, указать предѣлы въ безпредѣльности. Тогда отважные умы людей науки раздвинули предѣлы видимаго міра до безконечности въ пространствѣ. А умственная отвага послѣднихъ двухъ вѣковъ раздвигаетъ предѣлы міра въ безконечность уже и во времени. Отсюда происходитъ перестановка испоконныхъ обще-человѣческихъ, особенно-же христіанскихъ, воззрѣній на все самое завѣтное: на причину и цѣль міра, на происхожденіе и развитіе міра; на происхожденіе зла и смерти, на происхожденіе и древность человѣка, на свободу и нравственность, на искупленіе и боговоплощеніе, на богооткровеніе и исторію божественнаго домостроительства, на христіанскій строй и духъ современныхъ цивилизованныхъ обществъ, на божественный корень власти государственной и церковной, на семью и на собственность, на цѣль земной жизни и земное правосудіе, на безсмертіе и мздовоздаяніе за гробомъ. Антиномія человѣческаго ума, тускло мерцавшая искони вѣковъ, къ нашему времени становится очевидна. Обще-человѣческая интеллигенція въ самой основѣ своей тянется въ противныя стороны. Кому-же отъ этого больно, кому объ этомъ забота? Больно всѣмъ, тревожно всему христіанству, но кое-кому больнѣе и тревожнѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Такъ, когда руководимая духомъ вѣка, духомъ міра, духомъ князя міра и вѣка сего, великая по числу дѣятелей и количеству изысканій, открытій и теорій, масса современной интеллигенціи, то съ апатичнымъ, холоднымъ пренебреженіемъ къ прошлому обще-человѣческому міровоззрѣнію, то съ мрачно-отчаяннымъ пессимистическимъ скептицизмомъ, то съ восторженнымъ порывомъ къ будущему свѣту, къ великому счастью будущаго скотски-равноправнаго и безправнаго человѣчества, движется повидимому впередъ, предпосылая массы авангардныхъ піонеровъ такъ-называемой науки, предводимыхъ Дарвиномъ и подобными, открывая повидимому съ каждымъ днемъ больше и больше данныхъ для отрицательнаго міровоззрѣнія, оттѣсняя съ интеллектуальной міровой арены исконную вѣру, древнюю исторію

и старую науку цивилизованнаго христіанскаго человѣчества; —въ то же время въ оттѣсняемой съ міровой арены православной Христовой Церкви ученые монахи занимаютъ первый рядъ арріергарда,— выдерживая на своихъ умахъ, на своихъ сердцахъ первые и самые тяжкіе удары крѣпко вооруженной современной науки. Конечно, и въ рядахъ ученаго монашества можно устроиться за спинами другихъ, успокоиться за какимъ-либо прикрытіемъ, закрыть глаза и доживать вѣкъ болѣе или менѣе невозмутимо, моля Христа Бога о дарованіи тезоименитому Его жительству побѣды на супостатовъ видимыхъ и невидимыхъ. Но мы говоримъ о другихъ, о тѣхъ, которыхъ духъ воинствующей, самозащищающейся и тяжко борющейся Церкви выдвигаетъ въ первые ряды защитниковъ-апологетовъ. Увы! Противъ новыхъ орудій нападенія, опираясь на исконный духъ воинствующей церкви, нужно пользоваться новыми орудіями и защиты, нужно учиться воевать у враговъ. И вотъ одинокій воинъ Церкви, воинъ Христовъ врѣзывается въ толпу враговъ; а тамъ или погорячится и зарвется, или забудется и оплошаетъ, или смалодушествуетъ и убѣдится въ своей безоружности, или, наконецъ, впадетъ въ апатію и измѣнитъ знамени. Говоримъ-ли мы о невѣріи ученыхъ монаховъ? Говоря по совѣсти, ни одного невѣрующаго монаха мы не видали, ни объ одномъ не слыхали, какъ не встрѣчали ни одного невѣрующаго и между священниками, хотя въ позднѣйшихъ романахъ и стали появляться уже типы священниковъ-нигилистовъ. Думаю пока, что это клевета, взносимая на юнѣйшее ученое священство малосвѣдущими по этой части писателями, въ родѣ Лѣскова и князя Мещерскаго, которые не изучили русское духовенство вблизи, а между тѣмъ увлекаются современнымъ духомъ повальнаго хуленія. Но въ борьбѣ вѣрующаго ума съ современнымъ отрицаніемъ есть много степеней нападенія и самозащиты, отступленія и пораженія. Это метафоры, но вотъ сущность. Вѣрующій и наиболѣе дорожащій вѣрой, наиболѣе заинтересованный въ ея дѣлѣ мыслитель, въ родѣ ученаго монаха, порывисто и упорно цѣлые годы изучаетъ скептическихъ свободныхъ экзегетовъ, историковъ, естественниковъ, философовъ. Изучая же какую-бы то ни было систему, хотя бы Гегеля, нельзя не найти въ ней посылокъ, съ которыми не обязанъ былъ бы согласиться даже самый глубоко-вѣрующій умъ. Но переходя отъ посылки къ посылкѣ, онъ не всегда и не вдругъ усмотритъ, какъ онъ переносится и къ выводамъ. А выводы эти для него глубоко безотрадны. Въ естественныхъ системахъ, примѣрно Дарвина, геолога Ляйеля

и другихъ, первыя страницы начинаются съ самыхъ наглядныхъ фактовъ; вы невольно признаете ихъ непреложность, а затѣмъ васъ поведутъ со страницы на страницу къ дарвиновской и ляйелевской теоріи. Въ исторіи, примѣрно Бокля, въ свободномъ экзегезисѣ (конечно, не легкомысленнаго Ренана, или фантастическаго Баура) то же самое. Вы въ безконечной серіи посылокъ, открытыхъ критическимъ анализомъ, наталкиваетесь на множество вопросовъ, которые были неразрѣшимы для ума всегда, а въ наше время сдѣланы еще больше неразрѣшимыми, для отрицательнаго рѣшенія которыхъ современная наука выработала много данныхъ, а для положительнаго рѣшенія современная апологетика научныхъ данныхъ пока еще не находитъ. Нуженъ долгій и тяжкій трудъ ума, чтобы логическимъ путемъ придти къ выводу, что положительное и отрицательное міровоззрѣнія утверждаются въ концѣ концовъ на положительной или отрицательной вѣрѣ,— что какъ то такъ и другое, положительное и отрицательное воззрѣнія съ ихъ методами движутся между прирожденными антиноміями человѣческаго духа,— что отрицательное міровоззрѣніе, отрицая прирожденныя аксіомы ума, ведетъ всю массу человѣчества къ умственному, нравственному и соціальному абсурду, въ родѣ гартмановскаго пессимизма, въ родѣ дарвиновской борьбы за существованіе, способной оправдать самоубійство, цареубійство, людоѣдство. Вотъ тамъ всюду, въ цивилизованномъ мірѣ мірская интеллигенція крушится духомъ, прибившись къ обрыву этихъ отчаянныхъ выводовъ. А многіе-ли между свѣтскими, а кто изъ нихъ мучится въ душѣ прирожденными ей усиліями помирить злую необходимость, явно царящую вездѣ и надъ всѣмъ, отъ безпредѣльности звѣздныхъ міровъ и до ничтожной песчинки — человѣка съ царствомъ благой свободы, которую человѣкъ волей-неволей силится перенести изъ центра своего духа за предѣлы безконечной вселенной и посадить на престолѣ вѣчности, для которой царствующій всюду злой рокъ служитъ только послушнымъ орудіемъ и покорнымъ подножіемъ? А христіанскій мыслитель, въ родѣ ученаго монаха передъ неприступностію этихъ вопросовъ или падаетъ въ изнеможеніи и, разорвавъ ярмо вѣры, закусивъ удила, неистово бѣжитъ къ гибели, какъ-бы гонимый рокомъ; или, переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, вѣрный завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, съ душой, иногда прискорбною даже до смерти, припадая лицомъ и духомъ долу, молится евангельскою символическою обще-человѣческою молитвой:

вѣрую, Господи, помози моему невѣрію и, поддерживаемый Божіею благодатію, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово и не отвергается имени Христова, и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбѣ даже до смерти.

Вотъ что я называю міровой скорбію нашей эпохи и вотъ почему называю ученыхъ монаховъ первыми носителями этой міровой скорби. Изъ хорошо извѣстныхъ мнѣ ученыхъ монаховъ, уже отшедшихъ отъ сего міра, выразительнѣйшими носителями этой міровой скорби, я признаю *Аѳанасія, архіепископа Астраханскаго*, который славѣ многоученѣйшаго автора предпочелъ долгъ закрыть пожиравшее его мучительнѣйшее пламя въ своей груди, никому не пожаловавшись, а переживалъ онъ ужасныя состоянія, какія не дай Богъ переживать никому другому,— и *Іоанна, епископа Смоленскаго*, который пребылъ вѣренъ внутренней борьбѣ до смерти, но физически сломился рановременно. Думаю, что эта же скорбь грызла и *Валеріана*. Но этотъ съ юношескою невыносливостью рановременнаго счастливца и быстраго неудачника поспѣшилъ залить внутреннее пламя виномъ, разрѣшивъ на многое, а затѣмъ и на вся, и кончилъ тѣмъ, чѣмъ кончилъ въ Полтавѣ... смертію отверженнаго забулдыги подъ заборомъ... Да вмѣнитъ ему безконечная милость Божія его великія страданія въ вѣчное оправданіе его падшаго духа.

Вотъ по моему истинный некрологъ Валеріана Орлова.

Вотъ близкая къ истинѣ, насколько вѣдомъ духъ человѣка другому человѣку, эпитафія Іоанна Смоленскаго. Да отчасти эпитафія и вымирающаго ученаго русскаго монашества.

Но объ Іоаннѣ Смоленскомъ еще нѣсколько словъ. Некрологистъ пишетъ: „люди, близко стоявшіе къ этой высоко-даровитой личности, очень хорошо знаютъ въ какомъ возбужденномъ состояніи нервовъ находился этотъ человѣкъ, какъ онъ былъ раздражителенъ и какъ ненавидѣлъ въ душѣ все его окружавшее, не всегда даже стараясь скрывать предъ людьми волновавшія его чувства, такъ что даже внезапная кончина его была послѣдствіемъ именно этого вѣчно тревожившаго его душевнаго состоянія". Туманно. Не знаю, какъ понять этотъ отзывъ,—въ похвалу почившему, или въ порицаніе; дѣйствительно ли некрологистъ понималъ эту высоко-даровитую личность, или же видѣлъ только ея поверхность. Я видѣлъ эту личность вблизи, въ первые годы ея службы и до послѣднихъ, хотя и съ перерывами. Да, личность высоко-даровитая, но въ высокихъ вліятельныхъ сферахъ не

вполнѣ признанная за таковую до самой смерти. Отчего — не знаю, отъ природы-ли, по природной склонности, или же по вліянію обстоятельствъ онъ заключился въ себя съ первыхъ годовъ службы. Не знавалъ я человѣка, который бы съ такимъ упорствомъ, какъ Іоаннъ, носилъ личину гордости, нелюдимости, неприступности, пренебрежительности ко всѣмъ, къ старшимъ столько же, какъ и къ низшимъ. Низшіе рѣдко могли дождаться отъ него и не иначе, какъ косой улыбки, а старшіе—низкаго поклона и не иначе, какъ ломанаго, изъ котораго проглядывало, что онъ кланяется силѣ по неволѣ, а не достоинству изъ уваженія. Очень низко, очень угловато и очень раболѣпно онъ кланялся уже только великой несокрушимой силѣ и только высшему сану, непосредственной власти и то только въ самые послѣдніе годы, когда самъ, становясь уже замѣтною силой, находилъ нужнымъ упрочить себя поклонами высшей силѣ. Но увы! поздно и безплодно. Лучше-бъ уже выдержать себя, не сгибаясь до послѣдняго вздоха. Эти непривлекательныя качества, соединенныя съ рѣзкою и тоже угловатою оригинальностью ума, навлекли на его голову много страданій, частію заслуженныхъ, а еще больше незаслуженныхъ, если положить въ противовѣсъ его рѣдкія достоинства и даже заслуги. Злоключеній видѣлъ онъ много, видѣлъ ихъ безпрерывно. Самый видъ его независимый и пренебрежительный въ личностяхъ, привыкшихъ видѣть кругомъ себя только глубокое, безусловное раболѣпство, возбуждалъ постоянное негодованіе, желаніе согнуть его, стереть въ порошокъ. Такъ, уже около 10-го года его службы, когда онъ былъ инспекторомъ Академіи, архимандритомъ и ученымъ авторитетомъ, оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ давалъ относительно его ближайшему его начальнику такую мягкую инструкцію: „этого человѣка надо мять, мять, тереть, тереть“. И его дѣйствительно терли и мяли, съ перваго года его службы и до послѣднихъ. Да. Помяли еще въ Москвѣ тотчасъ по окончаніи академическаго курса за неосторожную свободу слова, вообще впрочемъ за неодобрительную выходку въ аудиторіи Московской духовной Академіи,—онъ критически неодобрительно отнесся къ преподаванію своего наставника ректора Академіи. Въ Петербургѣ мяли за нѣкоторую свободу въ образѣ жизни, за одну открытую дѣйствительно не похвальную вольность, но нерѣдко и за мелочь. Чуть-ли не графъ Протасовъ замѣтилъ и надѣлалъ шума за то, что Іоаннъ, небольшой ростомъ, сталъ первый изъ монаховъ носить на сапогахъ высокіе каблуки. Тогда эти каблуки только-что стали

входить въ употребленіе; Іоаннъ могъ просто не замѣтить, когда сапожникъ принесъ ему новые сапоги съ высокими каблуками; между тѣмъ это приписывалось мелочному, неумѣстному въ монахѣ, желанію Іоанна придать себѣ росту. А Іоаннъ вообще скорѣе былъ небреженъ, чѣмъ щепетиленъ въ своей внѣшности.

Кстати объ одной мелочи въ монашескомъ костюмѣ. Я замѣтилъ, что въ Петербургѣ ученые монахи не опасаются наѣзда ревизоровъ, къ нимъ тамъ приглядѣлись; а если-бы родилось какое недоразумѣніе, тамъ легко объясниться съ начальствомъ и разсѣять этотъ туманъ. Въ провинціи же не такъ; тамъ изъ этого тумана могутъ родиться для ученаго монаха громъ и молнія. Разскажу быль, изъ которой можно будетъ видѣть, чего могутъ стоить монаху мелочи, въ родѣ высокихъ каблуковъ на сапогахъ. Теперь вотъ мы укатили далеко. Теперь вотъ свободно, рѣзко и отважно разсуждается о снятіи со всего русскаго священства отличительнаго духовнаго платья, длинныхъ волосъ, коли хотите—бородъ и прочаго. Вообще выражается смѣлое желаніе совершенно ассимилировать русское духовенство свѣтскимъ по внѣшности и смѣлая надежда достигнуть этого при жизни настоящаго поколѣнія. Вообще въ развитіи либеральныхъ идей мы шагаемъ чуть-ли не слишкомъ быстро. По развитію идей, конецъ настоящаго великаго царствованія съ трудомъ свяжешь съ его началомъ*). Много хорошаго въ этомъ; но есть и глубоко печальное, въ родѣ покушеній 2 апрѣля, 19 ноября и 5 февраля и тѣхъ идей, какія лежатъ въ основѣ этихъ чудовищностей. Живъ весьма высокій государственный сановникъ, который въ срединѣ текущаго царствованія громко говорилъ: „я не умру, не увидѣвъ русскихъ священниковъ во фракахъ". Кажется, это такъ легко и полезно бы сдѣлать. Но въ началѣ текущаго царствованія и въ концѣ истекшаго государственные сановники разсуждали совершенно наоборотъ. Мы сказали уже, какъ отнесся оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода графъ Протасовъ къ высокимъ каблукамъ на сапогахъ отца Іоанна. Нужно прибавить къ этому, что народъ къ духовному костюму относится крайне консервативно. На эту тему я могъ бы написать цѣлую статью о фактахъ, которые мнѣ извѣстны. И сталъ было писать: но по обстоятельствамъ отложилъ. Теперь, не желая отбиться отъ своей темы, скажу только, что первые консерваторы относительно духовныхъ костюмовъ—это россійскіе духовные портные.

---

*) Писано въ царствованіе Императора Александра II. *Ред.*

Одинъ такой портной, проживая около Александро-Невской лавры, сдѣлалъ было надъ своею квартирой вывѣску: „мастеръ духовныхъ дѣлъ такой-то“. Эту вывѣску разглядѣлъ, проѣзжая въ Сунодъ, блаженныя памяти митрополитъ Никаноръ и выразился: „кажись бы, я—мастеръ духовныхъ дѣлъ“. Этого портнаго одинъ монахъ, первый осмѣлившійся въ Петербургѣ сшить себѣ верхнюю рясу изъ драпа, едва-едва убѣдилъ взяться за эту работу; едва-едва убѣдилъ поставить въ этой рясѣ боковые карманы для прятанія носоваго платка; едва-едва убѣдилъ поставить обыкновенныя петли и пуговицы вмѣсто особыхъ, пришивавшихся на рясахъ и подрясникахъ, лапочекъ. Въ разныхъ концахъ Россіи онъ велъ цѣлую борьбу съ портными изъ-за длины и ширины рукавовъ на рясахъ, какъ и ширины самыхъ рясъ. Онъ доказывалъ, что слишкомъ широкіе рукава на рясахъ и некрасивы, а главное—неудобны; и въ первые годы службы настоялъ было на ихъ укороченіи, ни мало не нарушая типа этого рода одежды. Но впослѣдствіи, всякій новый портной къ прежней мѣркѣ своевольно прибавлялъ по вершку или больше, такъ что хозяинъ, дававшій шитье, уставъ въ безплодной борьбѣ, носитъ теперь на своихъ широчайшихъ рясахъ рукава такой длины и ширины, что дальше идти въ этомъ направленіи уже невозможно, какъ невозможно поручиться и за то, что если его переведутъ еще на одно новое мѣсто, новый портной не прибавитъ еще по вершку отъ личнаго своего усердія. Такъ вотъ одному монаху едва не стоили очень дорого *пуговочки*, въ которыхъ онъ со своей стороны былъ совершенно неповиненъ. Дѣло происходило въ концѣ 50-хъ годовъ. Шли тогда и намѣчались великія реформы великаго царствованія Александра II Освободителя. Каждое изъ отдѣльныхъ государственныхъ вѣдомствъ выдвигало дѣятеля, или многихъ, которыхъ имена сдѣлались теперь достояніемъ исторіи. Вѣдомство православнаго исповѣданія также выдвинуло было своего; точнѣе, для него также выдвинули было будущаго его реформатора, какъ выдвигали и для другихъ вѣдомствъ, въ родѣ Ростовцова, Милютина, кн. Черкасскаго и др. Отпрыскъ незнатнаго, не древняго рода, сынъ умершаго чиновника въ томъ городѣ N., о которомъ будетъ рѣчь, по воспитанію товарищъ и по женѣ родичъ сановника, быстро и шумно тогда дѣлавшаго свою карьеру, но скоро также шумно, бѣдственно и печально ушедшаго съ исторической сцены, оный будущій реформаторъ посланъ былъ осмотрѣть въ натурѣ вѣдомство, которое призывался реформировать и широкую арену, отъ Петербурга до Іерусалима, на которой долженъ

былъ подвизаться въ качествѣ будущаго историческаго дѣятеля. То была пора, что гранды быстро росли, какъ грибы. Вчера прошелъ дождь, сегодня выглянуло животворное весеннее солнце — и грибъ у корней крѣпкаго властью дуба готовъ. Никто о немъ, о будущемъ реформаторѣ, не слыхалъ, хотя уши и были чутки, а слухи тонки. Въ родномъ этому сановнику городѣ N вышла та случайность, что чрезъ этотъ городъ проѣзжалъ въ сосѣдній городъ С. вновь назначенный туда ректоръ-архимандритъ. Конечно, представился мѣстному города N. архіерею, человѣку осмотрительному, имѣвшему хорошую цѣну въ очахъ людей, власть имѣющихъ. Архіерей пригласилъ къ себѣ въ загородный домъ откушать хлѣба-соли гостя ректора, ректора мѣстнаго и инспектора іеромонаха. Въ назначенный часъ тѣ всѣ вмѣстѣ прибыли. Архіерей, съ тонкою сдержанною улыбкой, сообщаетъ имъ новость: сію минуту былъ у него юный сановникъ, будущая сила; видно по всему, знакомится съ нашимъ вѣдомствомъ, которымъ призывается управлять; генералъ, то-есть, дѣйствительный статскій, *Владиміръ* на шеѣ, лента *Станислава* чрезъ плечо, конечно, звѣзда. „Вѣроятно будетъ и васъ осматривать“, сообщаетъ архіерей, обращаясь къ своему ректору. Петербургскіе чины вѣдь не всегда чинятся съ провинціальными. Они любятъ иногда приглядѣться къ жизни подвѣдомой провинціи съ птичьяго полета. А птица, налетая на тотъ или другой провинціальный городъ, не думаетъ предварять, — съ какой-же стати орлу съ выси небесной предварять, что онъ намѣренъ поглядѣть,—какія тамъ козявки кишатъ внизу. Конечно и на этотъ разъ о прибытіи сановника не было ни малѣйшаго предваренія, даже по слухамъ. Налетѣлъ и довольно. Показывайтесь, что̀ у васъ тутъ, даже въ вашихъ сердцахъ. *Ревизоръ* Гоголя списанъ вѣдь съ натуры, съ фактовъ, которые случались не разъ. Однако-же сѣли у архіерея обѣдать. Пили и вино, крайне сдержанно, но по обычаю; выпили и по бокальчику въ честь хозяина и пріѣзжаго гостя. Но есть ученые монахи, которые пьютъ вино только въ торжественныхъ, подобныхъ этому, случаяхъ. Изъ такихъ былъ мѣстный ректоръ, который имѣя слабую страдавшую приливами крови голову, всегда опасался какъ-бы послѣобѣденное состояніе въ немъ не стало замѣтно. Послѣ обѣда посидѣли, побесѣдовали и откланялись высокопочтенному хозяину. День вечерѣлъ; а гость-ректоръ на завтра рано думалъ отбыть къ мѣсту служенія, — почему ректоръ мѣстный сталъ упрашивать гостя заѣхать къ нему, напиться чаю и побесѣдовать по-братски. Истинно, нужно видѣть перстъ Промысла въ томъ, что

гость по необъяснимымъ причинамъ настойчиво, съ нѣкоторою какъ будто даже неделикатностью, отказался принять это усердное приглашеніе. На дорогѣ къ городу простились и разстались. Дома позанявшись кое-какимъ легкимъ чтеніемъ, мѣстный ректоръ расположился ранѣе обычнаго часа отправиться совсѣмъ на ночной покой, чтобы завтра встать поранѣе къ занятіямъ болѣе серьезнаго свойства. Кто же могъ полагать, что петербургскіе чиновники не предполагаютъ, что провинціальные ученые монахи имѣютъ нѣкоторое понятіе о принятыхъ всюду, даже въ столицахъ, обычаяхъ и приличіяхъ? Кто могъ полагать, что новоприбывшій никому невѣдомый сановникъ придетъ осматривать ректора семинаріи, архимандрита, въ поздній вечерній часъ, когда тотъ уже отходилъ къ ночному сну, по иноческому обычаю? Извѣстно, что монашескіе монастырскіе часы, совершенно совпадая съ часами природы, вовсе не совпадаютъ съ часами свѣта и особенно столичнаго, что монахи, вставая отъ сна вмѣстѣ съ пробуждающеюся природою, въ 3, 4, 5, 6 часовъ утра, имѣютъ нужду отходить ко сну въ 8, 9, 10 часовъ вечера, когда и живая природа засыпаетъ,—что для монаха 11—12 часовъ ночи есть ночь, тогда какъ свѣтъ мотыльками и бабочками только начинаетъ летѣть въ эту пору на искусственный свѣтъ, кружиться и веселиться; что 2 часа пополудни для монаховъ, и то должностныхъ ученыхъ, есть или обѣденное или послѣобѣденное время, тогда какъ для свѣтскихъ сановниковъ это только утро, когда они только что просыпаются и принимаются за дѣла. Извѣстно, что въ недавнее время одинъ маститый архіепископъ, старецъ лѣтъ подъ 80, былъ уволенъ на покой по тому поводу, что бывшій областной сановникъ, прибывъ къ нему около 1 часа пополудни, не былъ принятъ,—сказали, что старецъ покушалъ и отдыхаетъ. А тотъ пожаловался на его неспособность къ прохожденію своего служенія. Какъ! Къ часу пополудни откушать и лечь отдыхать, когда свѣтскій сановникъ только что проснулся отъ сна ночнаго, когда онъ имѣлъ привычку въ 3 часа ночи требовать къ себѣ подчиненныхъ ему заслуженныхъ генераловъ для справокъ по вопросамъ самаго мелочнаго свойства: „позвать такого-то начальника штаба“!—и кончено. А тутъ онъ, быть можетъ, рано, часовъ въ 12 дня всталъ, въ ранній часъ ѣдетъ къ мѣстному архіепископу и вдругъ его, его! не принимаютъ, говорятъ — покушалъ и спитъ! Мыслимо-ль это? Вѣрно, что сановникъ жаловался на эту немыслимость въ Петербургъ и старецъ іерархъ получилъ оттуда приглашеніе подать на покой. Но то заслуженный, уважаемый въ выс-

шихъ сферахъ 80-лѣтній іерархъ. А то молодой начинающій ректоръ архимандритъ. Чу! Звонокъ. Кто? Келейникъ докладываетъ: Х. У—чъ Z. „Ахъ, Боже мой. Проси, конечно". Нужно было ректору-хозяину спѣшить одѣваться, чтобъ не задержать такого вдвойнѣ важнаго гостя. Очевидно, коли позволяетъ себѣ идти въ такую пору, то значитъ — идетъ съ начальническимъ дозоромъ. Было часовъ около 9-ти вечера. Посѣщеніе сошло однако же на визитъ, на „желаніе познакомиться", такъ какъ сановникъ ничего по семинаріи не осматривалъ, а заявилъ только, что желаетъ завтра видѣть заведеніе. На завтра осмотръ дѣйствительно произведенъ подробно, обстоятельно и торжественно, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ чиновниковъ семинаріи и духовнаго училища. Время было каникулярное, ученики распущены по домамъ, зданія семинаріи и училища ремонтировались, всюду пыль и известка. А на слѣдующій день во столько-то часовъ назначенъ обзоръ монастыря, который находился за городомъ въ 5 верстахъ отъ семинаріи, въ которомъ ректоръ былъ невольнымъ настоятелемъ. Говорю невольнымъ потому, что, чувствуя трудность совмѣщать службу настоятеля монастыря съ ректорскою, ректоръ подавалъ просьбу объ увольненіи, но получилъ отказъ. Часъ обзора назначенъ былъ дѣйствительно ранній; по утру ректору нужно ѣхать въ монастырь. Но вышла та случайность, что ряса, въ которой ректоръ вчера провожалъ сановника по семинаріи и училищу, оказалась вся замарана пылью и известкою. Некогда было чиститься, нужно было спѣшить, чтобъ доѣхать въ пору до монастыря. Ректоръ схватилъ и надѣлъ на себя лучшую новую свою рясу, предчувствуя недоброе: не найдя въ городѣ N скромной матовой шелковой матеріи, ректоръ вопреки собственному вкусу долженъ былъ сдѣлать праздничную рясу изъ атласа; а о пуговочкахъ, которыя вставилъ въ рясу портной, хозяинъ и не подумалъ. Однако же въ важномъ ректоръ былъ предусмотрителенъ. На кладбищѣ этого монастыря, не недавно уже погребены были мать и родная сестра сановника. Ректоръ распорядился приказать братству, чтобы братія на всякій случай были готовы отпѣть панихиду, разсчитывая навѣрное, что благочестивый сановникъ, — онъ собирался служить въ Сунодѣ и былъ благочестивъ, — захочетъ помолиться на могилѣ матери и сестры, имѣвшей поэтически трогательную кончину. Хорошо. Юный сановникъ прибылъ. Сдѣлалъ честь кельямъ настоятеля—зашелъ. Пожелалъ осмотрѣть церкви. Пошли въ главную. Глянули въ алтарь. Увы! Простота—братство стоитъ тамъ, уже облачившись въ черныя ризы. Это покоро-

било сановника. Идутъ въ братскую трапезу. Пахнетъ кислою капустой, постнымъ масломъ и соленою рыбой, какъ и слѣдуетъ пахнуть монастырской трапезѣ. Чисто и порядочно. Но чувствовалось, что сановникъ не въ духѣ. Онъ осмотрѣлъ ректора съ ногъ до головы, еще когда сидѣлъ съ нимъ въ его кельяхъ на диванѣ. Новая атласная ряса дѣйствительно на солнцѣ блестѣла. Тутъ сановникъ держитъ къ ректору такую рѣчь: „да вы сами кушаете съ монахами въ общей трапезѣ?“ — „Почти никогда“. „А отчего бы?“ — „Монахи трапезуютъ въ 11, много въ 12 часовъ дня; а у меня распредѣленіе времени другое, я могу и привыкъ обѣдать не ранѣе 2 часовъ пополудни; въ 11—12 часовъ идетъ ученье въ классахъ семинаріи, я обязанъ быть тамъ“. „Да вы часто бываете въ монастырѣ?“ — „По буднямъ бываю не иначе, какъ только послѣ обѣда, да и служить по праздникамъ могу не всегда“. — „А отчего бы?“ — „Потому что обязанъ и по праздникамъ служить для учениковъ и съ учениками въ городѣ, кромѣ того часто приглашаютъ къ архіерейскимъ службамъ. Дѣйствительно, я чувствую затрудненіе соединять въ себѣ должность настоятеля съ должностью ректора, почему и подавалъ просьбу объ удаленіи отъ настоятельской должности“. Теперь этотъ § о неудобствѣ ректору семинаріи совмѣщать въ своемъ лицѣ должность настоятеля монастыря, если семинарія не находится въ самомъ монастырѣ, введенъ въ самый уставъ. Но тогда сановники православнаго вѣдомства разсуждали не такъ. Этотъ юный сановникъ прочиталъ ректору-настоятелю такую сентенцію: „Это очень жаль. Такимъ-то вотъ образомъ наши ученые монахи совершенно и отвыкаютъ отъ монастырской жизни, отъ ея духа и уставовъ“ и пр. Проходятъ мимо воротъ монастырскаго кладбища. Сконфуженный ректоръ-настоятель не считаетъ приличнымъ намекнуть о панихидѣ. Но сановникъ самъ предваряетъ его и предваряетъ до порицательности неожиданнымъ образомъ: „Позвольте проститься... я вотъ схожу на кладбище поклониться могилѣ матери. *Мать моя, на смертномъ одрѣ, мнѣ завѣщала никогда не служить по ней торжественныхъ панихидъ*“. Слово чести. Ректоръ исчезъ въ своихъ кельяхъ, сановникъ отбылъ. Но вдругъ раздается шумъ по городу: „Пуговочки! щеголь! Ничего монашескаго! Вотъ я его!“ Пожилой родственникъ сановника и другой его воспитатель, люди пожившіе, почтенные и имѣвшіе причины дружески цѣнить ректора, говорятъ этому послѣднему: „Ужъ мы васъ защищали, защищали! Не бойтесь, уходится. Мы самые сильные отзывы дѣлали о васъ“. Архіерей говоритъ ректору:

„Пріѣзжаетъ. Говоритъ: не угодно-ли, я сейчасъ напишу оберъ-прокурору (графу Александру Петровичу Толстому), что ректоръ васъ не слушается и его сейчасъ уберутъ отъ васъ. Говорятъ, онъ васъ не слушается. А я и говорю ему,—говоритъ архіерей ректору,—что въ первый разъ слышу, что онъ меня не слушается, въ первый разъ слышу. Я защитилъ васъ, о. ректоръ, я защищу васъ". Но ректоръ вдвойнѣ, втройнѣ долженъ былъ намотать себѣ все это на усъ. Теперь пошевелись только, мелькни тѣнью, которая показалась бы непослушаніемъ,—и тебя сейчасъ-же перекинутъ, *аможе Ты Господи вѣси*. Господи! Этотъ сановникъ, которому только всего 30 лѣтъ отъ роду, который, не смотря на свою юность и неродовитость, уже генералъ, кавалеръ Владиміра 3-й степени и Станислава 1-й ст. со звѣздою, за заслуги, которыя онъ, конечно, еще только окажетъ отечеству и скороспѣлый вельможа—такъ категорически распоряжается судьбою ректора-архимандрита, котораго еще недавно, при только-что отодвинувшихся синодскихъ дѣятеляхъ, цѣнили какъ отборнаго и котораго послали сюда въ особыхъ видахъ, а теперь вотъ — „сейчасъ напишу и его сейчасъ уберутъ отъ васъ". И это за пуговочки, за то, что будущій реформаторъ православнаго вѣдомства вовсе не понимаетъ быта ни семинарій, ни монастырей, что его, закружившаяся отъ незаслуженнаго счастья, голова судитъ о людской судьбѣ съ безконечною легкостью: „перекинуть сейчасъ; говорятъ, онъ васъ не слушается". Ну и переварите въ глухой провинціи все это. И ждите въ томительной безвѣстности цѣлые мѣсяцы, что васъ перекинутъ куда-то. И помните, что вы высокому сановнику крайне не приглянулись. И онъ будетъ помнить это,—вѣдь высокіе сановники крайне памятливы къ неблагопріятнымъ впечатлѣніямъ, которыя стоили нѣкоторымъ ученымъ монахамъ ни болѣе ни менѣе, какъ бѣдственной цѣлой жизни, или же рановременной смерти и будетъ помнить это, пока будетъ стоять у кормила правленія. Увы! человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Высшіе разсчеты этого господина на этотъ разъ не сбылись. Видно и къ будущимъ реформамъ по православному вѣдомству онъ отнесся такъ же основательно, какъ къ судьбѣ этого монаха. Но нравоученіе изъ сего сказанія: берегись, чтобы тебѣ портной не поставилъ пуговочекъ по своему вкусу. Тутъ ректоръ и взглянулъ въ первый разъ, что это — за роковыя такія пуговочки? Счетомъ три, въ воротникѣ рясы, изъ темно-зеленаго стекла, въ мѣдной оправѣ, копѣечной стоимости. И чуть не погубили человѣка, имѣвшаго свои достоинства. Но перстъ

милосердаго Бога: что̀ было бы, если бы, по приглашенію ректора-хозяина, ректоръ-гость согласился заѣхать, а ректоръ-хозяинъ, навѣрное, кромѣ чаю, предложилъ бы и вино, для братской бесѣды, а нежданный незваный гость-сановникъ въ нежданный часъ накрылъ бы ихъ на этомъ веселомъ времяпрепровожденіи! Право, перстъ Божій, Божіе милосердіе!

Но объ отцѣ Іоаннѣ. Всего больше доставалось Іоанну за оригинальность слова и мысли. Его проповѣди безпощадно марались и запрещались. Изъ огромнаго труда его *Курсъ церковнаго законовѣдѣнія*, послѣ многолѣтнихъ треволненій, увидѣли свѣтъ только два первые тома; а пять томовъ, какъ сказывали, легли въ архивахъ цензурныхъ и впослѣдствіи прошли въ печать отдѣльными несвязными статьями уже въ Казани, въ журналѣ *Православный Собесѣдникъ*. Конечно этотъ трудъ далъ автору степень доктора Богословія, но и много горя. Къ его проповѣдничеству мнѣніе властей было тѣмъ непривѣтливѣе, чѣмъ сочувственнѣе принималось оно публикою. Объ одной изъ его проповѣдей, произнесенной въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ въ 50-хъ годахъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ отзывался такъ: „Мы были въ восторгѣ и готовы были рукоплескать, да жаль, что въ церкви нельзя этого“. Но одна изъ такихъ проповѣдей чуть не навлекла на него судебное преслѣдованіе; по крайней мѣрѣ, стала мотивомъ къ переводу его изъ Петербурга въ Казань. Его писанія въ Казани, печатавшіяся въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, сдѣлались предметомъ глубочайшаго почтительнаго вниманія обширнаго круга образованнѣйшихъ свѣтскихъ читателей, — явленіе совершенно исключительное, повторяющееся развѣ только во вниманіи свѣтскихъ читателей къ проповѣдямъ преосвященнаго епископа Амвросія Ключарева, — и это было въ ту годину, когда всѣхъ плѣняли писанія Чернышевскаго, Добролюбова, Антоновича и tutti quanti. Знаменитый Н. И. Костомаровъ мнѣ лично говорилъ объ Іоаннѣ: „Вотъ столпъ церкви! Вотъ предъ кѣмъ я готовъ стать на колѣни!“ Чутьемъ геніальнаго дарованія Іоаннъ угадалъ ту потребность, которая теперь вмѣняется духовенству въ обязанность,—говорить о духовныхъ недостаткахъ современнаго общества современнымъ языкомъ,— потребность, которую теперь лучшія церковныя дарованія выполняютъ съ большимъ рвеніемъ, но едва-ли съ тѣмъ же талантомъ, какой блестѣлъ въ Іоаннѣ. Но тогда, какъ Іоаннъ начиналъ прокладывать себѣ возможность говорить своимъ языкомъ, его рѣчь, чисто современная,

была не только не обычною, но и прямо не дозволенною. Можно видѣть цѣлые томы рукописныхъ проповѣдей того недалекаго прошлаго, въ которыхъ замарана властною рукой всякая строчка, хотя чуть-чуть касавшаяся современности. Вѣдь прямо запрещалось касаться современности, обличительный духъ устранялся безусловно. Вѣдь многіе изъ духовной братіи пострадали за проповѣди, въ которыхъ цензура, особенно свѣтская, думала уловить намеки на современность. Извѣстно, что печатныя проповѣди даже Филарета, уже митрополита Московскаго, вырывались изъ печатныхъ сборниковъ и перепечатывались. Извѣстно, что знаменитому Иннокентію Херсонскому грозилъ выѣздъ изъ столицы въ 24 часа за какую то оставшуюся неизвѣстною публикѣ проповѣдь. А Иннокентій умѣлъ быть осмотрительнымъ. Извѣстно, что Григорій, митрополитъ Казанскій, живя въ Петербургѣ, одному свѣтскому (Константину Стефановичу Сербиновичу), который явился къ Григорію съ замѣчаніями на какой-то его трудъ, сказалъ слѣдующія знаменательныя и особенно примѣнимыя къ явившейся личности слова: „Что̀ я православный архіерей, то знаетъ вся Россія; я присягалъ Богу, Церкви и Государю хранить православіе. А ты кто“? Такъ тогда передавалось. Извѣстна весьма недавняя исторія наставника Виленской семинаріи іеромонаха Смарагда, который изъ Вильны за проповѣдь, почти на коврѣ-самолетѣ, перенесенъ былъ предъ лице высшаго духовнаго судилища и тамъ собственными ушами услышалъ, что въ его проповѣди самаго рѣзкаго — это слова Св. Апостола Павла: *вси, хотящіи благочестно жити о Христѣ, гонимы будутъ*. Въ трудахъ Ростиславова напечатано посланіе къ Іоанну оберъ-прокурора Св. Сѵнода Александра Петровича Толстаго, въ которомъ г. оберъ-прокуроръ строго раскрываетъ неумѣстность и неприличіе того, чтобы богословъ, духовный мыслитель и проповѣдникъ, касался вопросовъ современной жизни, въ родѣ крестьянскаго. Въ документѣ самаго высокаго и вѣскаго значенія казанскія писанія Іоанна, которыми восторгалась русская интеллигенція, названы были „сборникомъ галиматьи“. Къ исторіи Безднинской панихиды, совершенной въ кладбищенской церкви города Казани, вблизи духовной Академіи,—къ исторіи, которую (какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ очевидцевъ) затѣяли студенты Университета, а студенты Академіи были въ ней хотя и несомнѣнными и даже передовыми, но случайными участниками,—къ этой исторіи, которую свѣтское учебное вѣдомство съумѣло искусно отъ себя отклонить, высшая духовная

власть отнеслась съ прямотой и серьезностью, какой дѣло и заслуживало. Не знаю, на сколько виноватъ былъ ректоръ Академіи Іоаннъ въ этой случайности, которую монаху изъ кельи трудно было не только предусмотрѣть но и усмотрѣть; но перестрадалъ онъ изъ-за нея много. Нужно было пережить ему начавшіяся въ ту пору, хорошо извѣстныя ему, колебанія высшей власти, куда дѣвать этого безпокойнаго человѣка, въ Свіяжскій-ли монастырь, или въ Грузино-Имеретинскую Синодальную Контору. Говорятъ, что въ ту пору и взять его къ себѣ никто не хотѣлъ. Защитило его благодушіе добрѣйшаго святителя Казанскаго Аѳанасія. Спасло его написанное имъ какъ разъ въ ту пору, по высшему заказу, капитально-умное твореніе: *о монашествѣ епископовъ*. Тутъ не одни уже свѣтскіе, но и столпы церкви почувствовали, что эта капитальная голова дѣйствительно приводитъ собою на память древнихъ отцовъ и учителей, вѣковѣчныхъ столповъ церкви. Самъ Филаретъ Московскій выразилъ этому труду высокую похвалу. А оберъ-прокуроръ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ былъ отъ него въ восторгѣ и утѣшилъ автора, исходатайствовавъ ему за этотъ трудъ особо благовременную Высочайшую награду, — кабинетный усыпанный драгоцѣнными камнями крестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано не только возможнымъ, но и благопотребнымъ поставить его сперва ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи, а затѣмъ и епископомъ. Я самъ собственными очами видѣлъ, какъ оберъ-прокуроръ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ поклонился архимандриту Іоанну, по нареченіи во епископа, въ поясъ, прося его благословенія, въ присутствіи Св. Сунода, по произнесеніи знаменитой рѣчи о нуждѣ и недостаткѣ любви, которой, увы! не всегда доставало самому самопоставленному учителю всѣхъ присутствовавшихъ въ этомъ высокомъ мѣстѣ. Это время было апогеемъ его силы и славы, выстраданной и заслуженной. *Но человѣкъ, яко трава; дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ; прошелъ надъ нимъ вѣтеръ — и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его.* Именно ему, Іоанну, Богъ судилъ стать первымъ козломъ отпущенія за монашескій принципъ, когда понадобилось дать мѣсто и просторъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ новому принципу, не монашескому. Сказывали, будто новый принципъ, возсѣвъ на академическую каѳедру, началъ свои рѣчи рѣчью: *на Моисеовѣ сѣдалищѣ сѣдоша* и сидѣли до сихъ поръ *книжницы и фарисеи*... А какъ отозвался объ этой рѣчи кротчайшій, наиумѣреннѣйшій, наисдержаннѣйшій представитель прежняго монашескаго принципа, архіепископъ

Могилевскій Евсевій, объ этомъ скажу когда-либо въ другой разъ. Въ Смоленскъ епископъ Іоаннъ проѣхалъ какъ-то хмуро и быстро, какъ отверженный. При новомъ начальникѣ, при новомъ вѣяніи, Іоаннъ оказался ненужнымъ, даже помѣхою и удаленъ изъ столицы. Тамъ, въ Смоленскѣ, за рѣчь, сказанную при дворянскихъ выборахъ, въ родѣ рѣчей, какія гремятъ теперь съ Исакіевской и другихъ каѳедръ, сказывали, на епископа Іоанна жаловалось по начальству все Смоленское дворянство. Послѣ этого знаменитыя проповѣди его къ Смоленской паствѣ, говорятъ, всѣ и всегда имѣлъ усердіе слушать одинъ чиновникъ по особому порученію. По всему видно, что все это не привлекало ему благосклонности высшей власти и въ Смоленскѣ. Пушкинъ, слава Россіи, умеръ будучи камеръ-юнкеромъ, что несказанно радовало его отца, но не камергеромъ, что глубоко огорчало самого безсмертно-славнаго поэта. А Іоаннъ Смоленскій, послѣ трехлѣтняго управленія Смоленскою паствой, не удостоился украситься ни одною изъ звѣздъ,— онъ, одна изъ звѣздъ, которыя въ продолженіе вѣковъ будутъ горѣть на историческомъ горизонтѣ Россіи. Поскобли человѣка, такъ увидишь татарина, а далѣе и похуже что-либо. Это говорится о всякомъ человѣкѣ, не исключая и Іоанновъ. Подъ гнетомъ эта замѣчательно-упругая натура, угрюмо, ни одной душѣ не жалуясь, но тѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ самозаключеннѣе, гнулась къ раннему гробу. Легковѣсный некрологистъ даетъ понять, будто Іоаннъ Смоленскій умеръ отъ раздраженія. Повѣрьте, дѣло происходило иначе, гораздо благороднѣе и эта душа была глубже, чѣмъ кажется неглубокому зрѣнію. Мнѣ основательно извѣстно, что уже въ Казани его безпрерывно лѣчили отъ кровохарканія, которое не разъ переходило въ кровоизліяніе горломъ. А онъ былъ здороваго, не чахоточнаго рода. Подумайте, сколько здоровому человѣку нужно нравственнаго страданія, чтобъ изъ здоровой груди истекать кровью. Сказывали, будто и онъ подумывалъ о снятіи сана. А подумайте, сколько нужно гнета обстоятельствъ, чтобы такая отчаянная дума родилась и въ головѣ Іоанна. Въ Петербургѣ, ласкаемый мимолетною улыбкою земнаго счастья, онъ чуточку расцвѣлъ, лицемъ просвѣтлѣлъ, сдѣлался даже нѣсколько благостенъ и кротокъ. Но въ рѣшеніи судьбы, что онъ болѣе не нуженъ для высшей служебной миссіи и долженъ закатиться въ Смоленскѣ, онъ почувствовалъ свое *мани, фекелъ, фаресъ*. Извѣстно, что тамъ, въ Смоленскѣ, онъ быстро ослабѣлъ силами до того, что, хотя и держался на ногахъ, и даже литургисалъ, и проповѣдовалъ, но уже безсиленъ былъ поднять въ рукахъ трикирій и дикирій и обжи-

галъ ими, при маломъ входѣ, царскія врата, когда архіерею слѣдуетъ по чину лобызать иконы на царскихъ вратахъ, при входѣ въ алтарь. И внезапно въ одну ночь онъ предалъ страждущую душу свою Богу, а по утру нашли его на полу мертвымъ и похолодѣвшимъ. Повидимому, натужился, какъ сказывали, снимая обувь безъ помощи прислуги; вѣроятно, послѣдовалъ разрывъ сердца, или же артеріи.

Склонимся до праха земнаго предъ этою могилой, которая съ теченіемъ времени выростетъ въ безсмертную. На ней начертано:

Іоаннъ епископъ Смоленскій,
Докторъ богословія.

Помянемъ многоскорбную отшедшую отъ насъ душу и другаго многострадальца, измѣнившаго своему призванію страдать вольною волей и нести крестъ свой до могилы, бывшаго іеромонаха Валеріана, въ міру двукратно Василія А. Орлова.

О! вы, острыя, легкія перья, обличители монашества! *Ничто-же времени судите, дондеже приведетъ Господь тайны тмы и объявитъ совѣты сердечныя.* Допустимъ, что монашество изнемогаетъ, даже умираетъ, но и то вѣрно-ли? Между нашими современниками мы видимъ Антонія Воронежскаго, Мелетія Харьковскаго, Иннокентія Пензенскаго, Ѳеодосія Черниговскаго, Филарета Кіевскаго, Григорія Санктпетербургскаго, Филарета Московскаго, Антонія Казанскаго и другихъ замѣчательныхъ святителей-монаховъ. Значитъ, монашество еще живо, если сильно производитъ такихъ мощныхъ духомъ мужей. Но если и суждено монашеству умереть, помните, что оно одно не умретъ. Монашество было лучшимъ цвѣтомъ и плодомъ на деревѣ христіанства, а когда дерево перестаетъ цвѣсти и плодъ приноситъ, это признакъ недобрый для всего дерева. Помните аналогію, что въ Западной церкви особо рѣзкія хулы на монашество раздавались предъ реформаціей и революціей; къ добру-ль и на Руси подобныя же хулы на монашество? Къ добру-ли безпощадныя хулы на все, начиная съ верхнихъ высотъ? Апостолъ Петръ не предвидѣлъ въ этомъ добра: *продерзатели презираютъ начальства и не страшатся злословитъ высшихъ*, — писалъ онъ, пророчествуя и предостерегая (2 Петр. 2, 10). Нечистоты существовали и существуютъ, но выносить ихъ и выставлять на глаза всѣхъ прохожихъ было-бы дѣломъ извращеннаго вкуса, — писалъ святитель Московскій Филаретъ. *Вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіей*, — учитъ св. апостолъ Павелъ. Мона-

шество было передовымъ носителемъ и творцомъ русской церковной исторіи въ продолженіи всего пережитаго тысячелѣтія; а какъ пронесетъ ее на своихъ плечахъ бѣлое священство безъ монашества,—это исторія еще увидитъ и покажетъ. Невѣжество и непониманіе утверждаютъ, что монашество не отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Монашество было уже развитымъ институтомъ въ ѳерапевтизмѣ; плодотворнымъ зерномъ монашество лежало въ апостолахъ Павлѣ и Іоаннѣ, въ Игнатіи Богоносцѣ, Поликарпѣ, въ Григоріи Чудотворцѣ и другихъ древнихъ святителяхъ, которые вѣчно сіяютъ лучезарнѣйшими свѣточами на небосклонѣ церкви. Даже на Западѣ вышло много великихъ историческихъ величинъ изъ римско-католическихъ монаховъ, отъ Николая I и Григорія VII и до Пія IX, а въ протестантствѣ и въ англиканствѣ изъ генералъ-суперъ-интендентовъ ни одного историческаго лица. Это роковая печать исторіи. Вы хотите воротить монашество къ его чистой идеѣ, запереть его въ киновію. Но поучитесь хоть у Гегеля, что идея, развивая свою противоположность, никогда не восходитъ къ своему началу въ чистомъ видѣ, что исторія не возвращается назадъ, что насильственно духомъ вѣка тѣснимое за высокія и крѣпкія стѣны монастырей монашество вымретъ и не возродится. Перестаньте же глумиться, мнящіеся быти апологеты чистаго христіанства. Бѣлка въ колесѣ, человѣкъ повторяетъ пережитые круги, — это сказано давно и повторилъ Пироговъ. И вы дѣлаете кругъ, продѣланный другими. Вѣдь и Вольтеръ, и Жанъ-Жакъ-Руссо честили монашество. Если русское монашество вымираетъ, то не глумиться, а плакать нужно. Предъ нашими очами умираетъ великій феноменъ христіанской исторіи, предвѣщая роковую судьбу и многому въ исторіи. Для пигмеевъ это поводъ къ лягань ю изнемогающаго льва, а для Шекспира это величайшая изъ трагедій.

Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій.

Вслѣдъ за телеграммою на имя преосвященнаго Платона, архіепископа Донскаго и Новочеркасскаго, полученною за полдень 24 іюня 1872 г., съ извѣщеніемъ, что преосвященный архіепископъ Іоаннъ іюня 23-го въ 3 часа по-полудни мирно преставился, мы отбыли для погребенія почившаго архипастыря въ Кременскій Вознесенскій монастырь Донской епархіи, въ которомъ онъ съ 1867 года проживалъ на покоѣ. Чтобы поспѣть туда съ вѣрнымъ разсчетомъ безъ остановки, мы должны были отправиться кружнымъ путемъ чрезъ Воронежъ и Грязи, по направленію къ Царицыну по желѣзной дорогѣ. Отбывъ изъ Новочеркасска въ раннее утро іюня 25, мы прибыли въ Воронежъ около полудня іюня 26-го; къ вечеру изъ Грязей поворотили по Царицынской дорогѣ къ Борисоглѣбску, который минули ночью; а часовъ около 10—11 по-утру іюня 27 сошли съ желѣзной дороги на станціи *Михайло-Чертково*, гдѣ принялъ насъ достопочтенный настоятель Кременскаго монастыря о. архимандритъ *Нифонтъ*, и послѣ этого на лошадяхъ частію монастырскихъ, частію обывательскихъ сдѣлали мы по проселочной дорогѣ еще болѣе 40 верстъ по направленію къ Кременскому монастырю. Съ лѣваго берега Дона на правый, къ монастырю, по тихому Дону, при самомъ успокоительномъ мерцаніи ни ярко-свѣтлаго знойнаго, ни пасмурнаго дня, сопровождаемые плескомъ играющихъ рыбъ, жужжаніемъ летающихъ насѣкомыхъ, пѣніемъ и крикомъ птицъ, перебрались мы, самымъ идиллическимъ образомъ, на рыбацкихъ лодкахъ и около 2-хъ часовъ по-полудни уже въ оградѣ монастыря, окруженные многочисленнымъ собраніемъ народа, молились на монастырскій храмъ.

Тотчасъ-же отправились мы въ келліи почившаго архипастыря, для совершенія соборной панихиды. Жилъ онъ въ послѣдніе годы предъ смертнымъ недугомъ, болѣлъ и преставился въ особомъ, совершенно удобномъ и пространномъ, въ нѣсколько покоевъ, съ двумя обширными покоями, домѣ, который устроенъ былъ донскимъ землевладѣльцемъ Себряковымъ для сына своего, подвизавшагося въ иноческомъ чинѣ въ этомъ-же Кременскомъ монастырѣ и скончавшагося въ Задонской обители святителя Тихона. Родная сестра его, дочь М. В. Себрякова, игуменія Усть-Медвѣдицкаго женскаго монастыря Арсенія, посильно упокоивала послѣдніе годы старца архипастыря разнообразными приношеніями на удовлетвореніе житейскихъ его потребъ въ его отшельничествѣ, такъ что въ этомъ домѣ почти все хозяйство, мебель, посуда и т. д. было собственностью этого богобоязненнаго семейства. Достохвальное благочестивое усердіе матери игуменіи Арсеніи къ почившему и въ дни его кончины простерлось до того, что она съ цѣлымъ хоромъ инокинь-пѣвчихъ своего монастыря, за 90 верстъ разстоянія прибыла сюда, чѣмъ существенно довершила полноту торжественнаго чина архіерейскаго погребенія. Сверхъ матери игуменіи съ сестрами-инокинями прибыли въ монастырь къ погребенію многіе окрестные священники и діаконы съ прочимъ причтомъ. Къ совершенію соборной панихиды архіерейская свита, духовенство, монастырское братство и инокини пѣвчія вошли въ покои, гдѣ лежало уже во гробѣ тѣло почившаго архипастыря; а народъ сталъ вокругъ дома, при открытыхъ всюду окнахъ. Ставъ на мѣстѣ и облачившись въ священныя одежды, при трехъ архимандритахъ, протоіереѣ-ключарѣ каѳедральнаго собора и многихъ другихъ сослужащихъ іеромонахахъ, священникахъ и діаконахъ, запѣли мы все-соборнѣ панихиду. Впечатлѣніе было поражающее, исторгшее слезы.

Въ пять часовъ начали погребальный перезвонъ къ выносу тѣла почившаго архипастыря изъ келліи во храмъ. Въ $5^1/_2$ часовъ, облачившись въ священныя одежды въ храмѣ, изошли мы крестнымъ ходомъ, съ преднесеніемъ выноснаго креста Господня, Образа Пресвятой Дѣвы, хоругвей и свящ. утварей, въ келліи почившаго, гдѣ, по отпѣваніи литіи, священно-архимандриты и прочіе священнослужащіе подняли на раменахъ своихъ гробъ преставльшагося архипастыря къ выносу. По поднятіи гроба, прошли мы медленнымъ печально-торжественнымъ крестнымъ ходомъ среди живыхъ стѣнъ, по обѣимъ сторонамъ шествія, образованныхъ многочисленнымъ собраніемъ народа, стекшагося со всѣхъ

окрестныхъ странъ, даже на сто верстъ, какъ намъ сказывали, въ окружности. Спереди, въ крестномъ ходѣ несены были церковные фонари съ возженными свѣчами, далѣе выносной крестъ и образъ Пречистыя Дѣвы и хоругви, несомые причетниками и послушниками въ стихаряхъ. Затѣмъ крышка гроба, несомая діаконами въ священномъ облаченіи; далѣе шли монастырскіе и архіерейскіе пѣвцы съ пѣніемъ: *Святый Боже,* которое возглашалось поперемѣнно на два лика, то мужскими пѣвцами, то пѣвчими инокинями; и эти шли затѣмъ попарно, въ мантіяхъ, подъ предстоятельствомъ игумени Арсеніи въ мантіи; за ними шли діаконы и священники въ священномъ облаченіи съ возженными свѣчами въ рукахъ; за ними, окруженный церковною свитою, съ возженною свѣчою и посохомъ въ рукахъ слѣдовалъ священно-служащій архіерей; а за нимъ, въ предшествіи иподіаконовъ съ возженными трикиріемъ и дикиріемъ, окруженный церковными свѣщниками съ возженными свѣчами, несенъ былъ облаченными въ священныя одежды священно-архимандритами и прочимъ старѣйшимъ духовенствомъ гробъ съ честными останками почившаго. День къ этому вечерѣющему времени былъ восхитительно свѣтлый и солнце яркими лучами вечерняго заката озаряло эту траурно-торжественную картину. По внесеніи гроба во храмъ, совершено монастырскимъ чиномъ всенощное бдѣніе, а послѣ онаго уже довольно глубокою ночью отправлена всѣмъ соборомъ духовенства панихида. Двери храма не затворялись во всю ночь, тихую, прекрасную южную ночь и собравшійся народъ до утра бодрствовалъ у гроба, отдавая послѣдніе прощальные поклоны почившему въ немъ святителю, и священнослужащіе не преставали до самой литургіи возглашать въ возглавіи гроба святое Евангеліе. Да и въ первые дни по кончинѣ, днемъ и ночью, народъ изъ всѣхъ окрестныхъ странъ не переставалъ идти на поклоненіе почившему, чтобы облобызать его святительскую десницу и испросить себѣ его посмертное благословеніе.

28-го іюня въ 8 часовъ утра, по мѣстному уставу, раздался звонъ, призывающій къ литургіи, которая и совершена Донскимъ викаріемъ, епископомъ Аксайскимъ Никаноромъ, въ сослуженіи трехъ архимандритовъ, настоятеля архимандрита *Нифонта,* живущаго тамъ-же на покоѣ, бывшаго настоятеля, глубокаго старца архимандрита *Гавріила,* и душеприкащика почившаго архіепископа Іоанна, прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ и на Донъ, служащаго нынѣ при Новочеркасскомъ архіерейскомъ домѣ, архимандрита *Исаіи,* также Новочеркасскаго каѳедральнаго ключаря протоіерея *Симеона Салтыкова,* четырехъ мѣстныхъ

іеромонаховъ и двухъ священниковъ, протодіакона каѳедральнаго Собора и двухъ діаконовъ, а также мѣстнаго монастырскаго іеродіакона и нѣкоторыхъ діаконовъ приходскихъ. Пѣли за литургіею на правомъ клиросѣ пѣвчія инокини Усть-Медвѣдицкаго женскаго монастыря, при участіи прибывшихъ въ архіерейской свитѣ пѣвчихъ, а на лѣвомъ мѣстные пѣвцы монастырскіе. По совершеніи литургіи, по своевременномъ учиненіи погребальнаго перезвона, изошли всѣ священнослужащіе подъ предстоятельствомъ архіерея, пѣвцы и пѣвицы на средину храма и окружили гробъ, чтобы совершить послѣднее надгробное пѣніе и молитвословіе, которое и совершено уставно по торжественному чину священническаго-архіерейскаго погребенія. Положенныя Евангелія и молитвы возглашены были поочередно архіереемъ-предстоятелемъ, архимандритами и протоіереемъ; непорочны читаны настоятелемъ архимандритомъ Нифонтомъ; канонъ ключаремъ протоіереемъ Салтыковымъ; положенные псалмы и нѣкоторыя стихиры каѳедральнымъ иподіакономъ Авраміемъ Поповымъ и старшимъ монастырскимъ чтецомъ монахомъ Мелетіемъ. Антифоны пѣты поперемѣнно, то соборомъ священнослужащихъ, при пособіи архіерейскихъ пѣвчихъ и монастырскихъ пѣвцовъ, то пѣвчими инокинями; велико-субботній погребальный канонъ: *Волною морскою*, по старинному народно-церковному напѣву, умилительно-трогательно пропѣтъ пѣвчими инокинями; стихиры, по прочтеніи великаго славословія, пѣты на всѣ восемь гласовъ соборомъ священнослужащихъ. Наконецъ, по протяжно-громогласномъ возглашеніи стихиры гласа восьмаго: *Плачу и рыдаю* и: *Слава и нынѣ, богородична*, предстоятель священнодѣйствующаго собора епископъ Никаноръ, восшедъ на солею предъ алтаремъ, произнесъ къ предстоящимъ слѣдующую рѣчь:

„Когда съ того берега, по которому съ громомъ и свистомъ мимо васъ несется дышущее дымомъ и пламенемъ, ежечасно мѣняющее толпы увлекаемыхъ то нуждою, то суетою путниковъ, поразительно олицетворяющее въ себѣ измѣнчивость обще-человѣческой жизни, быстротечное паровое движеніе,—когда, съ того лѣваго берега, быстро занесенный сюда этимъ движеніемъ, приближаясь, вглядываешься въ очертанія другаго праваго берега вашей мирной рѣки, въ теряющіяся въ синевѣ далекаго неба волны горъ, въ синеву отражающаго ясное небо, не страшнаго бурями да и мало доступнаго бурямъ Дона, въ окутанныя сверху ясностью неба и снизу отраженіемъ его въ водахъ рѣки, а посреди бѣгущею по извилинамъ горъ зеленью деревъ стѣны, главы храма и кресты вашей мирной святой обители; когда уже въ стѣнахъ

обители оглашаешься такъ глубоко напоминающими тысячелѣтнюю давность святой Руси монастырскими церковными напѣвами, всесторонне охватываешься и мирно настроиваешься всѣмъ освященнымъ вѣками строемъ монастырской жизни: то сердцемъ постигаешь, почему почившій въ Бозѣ святитель, гробу коего мы предстоимъ въ сей часъ, избралъ сію обитель мѣстомъ двоякаго своего упокоенія: и временнаго упокоенія послѣднихъ лѣтъ своей глубокой старости до дня смерти, и посмертнаго упокоенія тѣлесныхъ останковъ своихъ до дня всеобщаго воскресенія. Подобное стремится къ подобному, говорили древніе, выражая одну изъ основныхъ истинъ міровой и человѣческой жизни. При взглядѣ на это уединенное, тихое, святое мѣсто естественно развиваются въ душѣ тихое чувство и успокоительная надежда: *се покой мой, здѣ вселюся.*

„Въ выборѣ въ Бозѣ почившимъ святителемъ мѣста для послѣднихъ дней жизни и посмертнаго своего упокоенія сами собою усматриваются отраженіе, существенная характеристика всей его жизни. Какъ всегда вообще въ смерти сказывается весь человѣкъ, а послѣдніе дни и предсмертныя минуты служатъ отраженіемъ существеннаго характера всякой протекшей жизни, такъ это оказывается и здѣсь.

„Не желаемъ утомлять васъ словомъ пространнымъ. Только посмотрите вмѣстѣ съ нами. Вотъ юноша, пребогато одаренный лучшими дарами природы, здоровьемъ крѣпкимъ до несокрушимости, кидавшеюся въ глаза красотою души и тѣла, которая пріобрѣла ему и прозвище Доброзракова, открытымъ, веселымъ, сообщительнымъ темпераментомъ, быстрыми дарованіями, которыя съ легкою постепенностью украсили его всѣми учеными степенями до высшей и высокоцѣнимой въ нашемъ званіи степени доктора богословія, сей юноша, такъ обильно надѣленный задатками человѣческаго счастья, по достиженіи первыхъ годовъ мужескаго возраста, избираетъ для себя иноческій чинъ жизни. Прослѣдимъ, кто знаетъ и помнитъ, чѣмъ онъ былъ на всѣхъ дальнѣйшихъ поприщахъ своей жизни въ двухъ семинаріяхъ, Черниговской и С.-Петербургской, въ С.-Петербургской Академіи, далѣе на трехъ архипастырскихъ каѳедрахъ—въ Пензѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и на Дону, и наконецъ въ послѣдніе годы упокоенія въ вашей обители: вездѣ и всегда онъ былъ человѣкъ-монахъ, ученый богословъ, философъ по жизни. Что нужно въ жизни человѣку-философу? Да мимо идутъ отъ насъ печали вѣка сего: и онъ убѣжалъ отъ утѣхъ, но вмѣстѣ и отъ тяжкихъ заботъ мірской семейной жизни. А ставъ инокомъ, постепенно

разработывая иноческія склонности въ сердцѣ, онъ и здѣсь, елико можно, удалялся отъ человѣческихъ обществъ, отъ всего того, что напоминало-бы общественное развлеченіе, даже отъ утомительныхъ тревогъ общественной дѣятельности: „абсолютная правда“,— говаривалъ онъ,—„живетъ только на небѣ; ангельскій строй жизни возможенъ только между ангелами“. Книга—лучшій нашъ собесѣдникъ, безконечно обильный самыми возвышенными рѣчами, назиданіями, утѣшеніями, другъ крайне непритязательный, многое дающій и ничего не требующій отъ насъ для себя назадъ; и съ этимъ другомъ почившій святитель не разставался до самыхъ послѣднихъ дней жизни, до конечнаго истощенія силъ. Если къ тому-же хоть въ нашей кельѣ Богъ являетъ часть благосклонной къ нашимъ немощамъ, издали ласкающей взоръ и сердце наше, природы, да къ тому-же даруетъ нѣкоторые способы для удовлетворенія неприхотливымъ потребамъ нашимъ, вблизи около насъ, внутри кельи, да посылаетъ нѣкоторое удобство донести въ бренномъ тѣлѣ бодрый духъ, утренюющій ко храму святому, — то чего иноку-философу отъ жизни и нужно, особенно на закатѣ жизни? При такой отрѣшенности отъ міра и утѣхъ его, въ то же время не было въ этомъ инокѣ-философѣ и холодной сухости аскета, которая, отворачиваясь, сама отвращаетъ отъ себя сердца людей. Напротивъ, въ тѣсныхъ кругахъ, которые имѣли счастье видѣть его въ своей средѣ, онъ бывалъ и душою и смысломъ общества; острое, мѣткое слово фонтаномъ било изъ его богатаго, неистощимаго ума; его неистощимая веселость отрадно возбуждала самыхъ угрюмыхъ собесѣдниковъ, а любвеобиліе сердца его привлекало, ободряло, утѣшало всѣхъ. Замѣчательно, что обратишь ухо къ одному, слышишь: „ахъ, какое сердце! Не было у него печали ни для себя, ни для другихъ. Приходишь къ нему съ печалью, выйдешь радостнымъ; а придешь и въ радости, выйдешь еще веселѣе“. – Обратишь ухо въ другую сторону, слышишь и оттуда: „утѣха наша и назиданіе былъ святитель, духовный человѣкъ“!— Обратишь ухо къ третьему, четвертому и такъ далѣе,— всѣ говорятъ, одно и то же: „духовный человѣкъ, монахъ, монахъ-подвижникъ“... Еще одна черта, говорятъ: „сострадательный, милосердый былъ, нищелюбецъ до самозабвенія; самъ не имѣетъ, одолжитъ у другаго, а просящему подастъ—не откажетъ; или коли знаетъ за человѣкомъ нужду, навяжетъ нуждающемуся пособіе даже противъ воли“. И умеръ чтителемъ иноческой нестяжательности: „чтобы никакого дѣлежа по смерти моей не было“,—крѣпко настаивалъ онъ, испуская духъ, —

„что было, мною отдано роднымъ при жизни; а по смерти, чтобъ никакого дѣлежа: книги въ семинарію, а прочее роздать нуждающимся“. Слыша со всѣхъ сторонъ такія однообразныя, но проникнутыя твердымъ убѣжденіемъ рѣчи, только удивляешься, задаваясь вопросомъ: да гдѣ же пятна солнца, или, лучше, тихой кроткой луны? Ихъ не оказывается. Въ тихомъ, кроткомъ, утѣшительно согрѣвающемъ сіяніи благотворнаго свѣтила никакія пятна простыми признательными сердцами не видятся. Чувствуется одно добро, одно любвеобиліе благаго кроткаго сердца, одна назидательность слова и жизни святителя-инока-философа-человѣка. И это не то, что обычная добрая рѣчь о мертвомъ. Нѣтъ, тѣ же рѣчи въ самыхъ откровенныхъ задушевныхъ бесѣдахъ слышались отовсюду и при жизни святителя. Онъ былъ отраженіе вашего тихаго Дона: его глубоко не возмущали никакія бури жизни, хотя и надъ нимъ, конечно, бури проносились, зато и не бывалъ онъ бурною Волгою или Каспіемъ, или чѣмъ-либо подобнымъ; между тѣмъ сколько въ этомъ почти всегда улыбающемся человѣкѣ, въ этомъ невозмутимо-благодушномъ старцѣ было духовной красоты и привлекательности! Люди разныхъ развитій и общественныхъ положеній, насладившись его бесѣдою, были умилены, наставлены, утѣшены имъ, даже, выражаясь ихъ языкомъ, очарованы... Такое общее сознаніе, въ которомъ обликъ почившаго святителя такъ тихо-отрадно и глубоко-назидательно отразился, такой гласъ народа о немъ есть довольно вѣрный, если только не самовѣрнѣйшій на землѣ отголосокъ суда небеснаго, суда Божія, милующаго праведно и милосердо прощающаго наши немощи за доброту, за благость сердца, за обиліе, простоту и теплоту любви.

„И думается, да и несомнѣнно, что Промыслъ Божій не безъ особой благодѣтельной цѣли судилъ святителю опочить въ стѣнахъ, въ нѣдрахъ, въ основаніи вашей святой обители. Думается, что какъ обитель сія, съ назидательною своею постановкою, съ прекрасною осѣняющею ее природою, пріютила и упокоила послѣдніе годы и смертное успеніе, отдавшаго свое жизни и общественному служенію, старца-святителя,—такъ и онъ въ свою очередь освѣтитъ и утвердитъ сію обитель еще на многіе годы свѣтлою своею памятью и даже будетъ для нея, можно надѣяться, тѣмъ сѣменемъ святымъ, которое есть опора стоянія всякаго человѣческаго общества и общественнаго учрежденія, какъ и всего человѣческаго благоустройства.

„Поклонимся-же, братіе и сестры и чада, на прощаньи честнымъ останкамъ почившаго святителя; пожелаемъ ему вѣчнаго упокоенія въ

обителяхъ небесныхъ и нерушимаго могильнаго сна въ незыблемыхъ стѣнахъ святой обители сей, до всеобщаго воскресенія; а себѣ у него попросимъ, чтобъ онъ помнилъ немощь нашу и вспоминалъ ее тамъ, предъ престоломъ Божіимъ въ церкви небожителей-молитвенниковъ горнихъ, праведниковъ совершенныхъ. Аминь".

По произнесеніи этой рѣчи, затѣмъ по прочтеніи положеннаго по чину: *Благо есть исповѣдатися Господеви* и проч., при пѣніи прощальныхъ стихиръ: *Пріидите послѣднее цѣлованіе*, и: *Зряще мя безгласна*, предстоящій архіерей и прочіе священно-дѣйствующіе воздали почившему святителю послѣднее поклоненіе и цѣлованіе и затѣмъ, отошедши на солею къ алтарю, возгласили торжественнопротяжнымъ напѣвомъ ирмосы покаяннаго канона: *„помощникъ и покровитель"*. Имѣлось въ виду, чтобы весь народъ до единаго человѣка могъ удовлетворить своему рвенію — отдать послѣдній поклонъ гробу и почивающему въ немъ; однако-же, не смотря на то, что всѣ ирмосы канона протяжнымъ распѣвомъ и съ замѣтными роздыхами были пропѣты, не смотря на то, конца подходящему для прощанья народу не было видно, а между тѣмъ отъ стеченія внутрь церкви для прощанья цѣлой массы людей, которые по многолюдству стояли внѣ храма, сдѣлалась внутри сильная давка: поэтому найдено нужнымъ ускорить поднятіе гроба и отнесеніе къ могилѣ. По указанію почившаго архипастыря, могила ему, глубокая, тщательно выложенная камнемъ, уготована была за колонною праваго клироса. Поднявъ гробъ святителя, освященныя руки священнодѣйствующихъ, опустили его здѣсь, въ послѣднее покоище и, возгласивъ всесоборнѣ, пока еще надъ открытою могилою прощальную литію и послѣднее *„вѣчная память"*, предали земное землѣ, при торжественныхъ звукахъ слова псаломскаго, изрѣченныхъ устами архіерейскими: *„Господня земля и исполненіе ея"*. А затѣмъ, отшедши въ кельи покойнаго, мы помянули его по чину новыми молитвословіями и скромно приличною трапезою.

Когда мы писали это, вдругъ сверхъ чаянія читаемъ въ „Вѣстникѣ Европы" за іюль мѣсяцъ этого года статью „Петербургская духовная Академія до графа Протасова", въ которой неизвѣстная намъ рука какого-то Р. С. кинула букетъ злословія на свѣжую, только что засыпанную могилу старѣйшаго по лѣтамъ изъ русскихъ іерарховъ, наставника, воспитателя еще живыхъ митрополитовъ и старѣйшихъ

архіепископовъ. Некрасиво, если-бы эта рука мѣтила своимъ букетомъ и въ мертвыхъ; но по-истинѣ изумительна ея отвага кинуть грязью въ почтеннаго старца еще при его жизни; вѣдь въ то время, когда статья писалась и даже печаталась въ журналѣ „Вѣстникъ Европы", въ то время не могло-же быть извѣстно въ редакціи этого журнала о кончинѣ преосвященнаго архіепископа Іоанна. Или редакція, какъ воронъ, съ минуты на минуту ждала этой смерти и, узнавъ о ней какъ-либо по телеграфу, поспѣшила сказать о только что почившемъ святителѣ, ничѣмъ конечно предъ редакціею неповинномъ, непохвальное слово?! Эта непростительная выходка свѣтской журналистики можетъ служить примѣромъ и доказательствомъ того, до чего доходитъ въ наше время смѣлость борзыхъ перьевъ, готовыхъ замарать грязью ненавистный имъ авторитетъ, если только онъ представляется беззащитнымъ. А что, если-бы почтенный старецъ-іерархъ захотѣлъ поучить уму-разуму и редакцію „Вѣстника Европы" и якобы неизвѣстнаго поставщика ея Р. С., да притянуть ихъ на скамью подсудимыхъ, потребовавъ доказательствъ ихъ неблаговидныхъ нападокъ на чужую честь изъ-за сорокалѣтней давности, изъ-за которой представить таковыя крайне трудно, да конечно и невозможно. Но смерть какъ разъ въ моментъ выхода въ свѣтъ этой обвинительной статьи отвѣтила за обвиняемаго то, что мимо всякаго сомнѣнія этотъ благодушнѣйшій изъ людей, этотъ кроткій и смиренный сердцемъ святитель отвѣтилъ бы заживо: *вѣмы рекшаго: мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ глаголетъ Господь* (Евр. 10: 30—31)... И даже, вѣроятно, еще благодушнѣе махнулъ бы рукой вслѣдъ вѣтрогонному пустословію, согласно философскому уроку, который при жизни преподалъ онъ одной, обуреваемой и клеветами, и искушеніями, и порывистыми помыслами, особѣ: „посмотри на этотъ храмъ, на его крышу, главы, кресты.. Вѣдь, сколько бурь пронеслось надъ нимъ и дождь лилъ, и снѣгъ падалъ! Ну, и обветшаетъ что-нибудь, и промоина сдѣлается. А затѣмъ починятъ, подкрасятъ и храмъ стоитъ цѣлые вѣка тѣмъ же храмомъ".

Мы какъ-будто читали уже нѣчто подобное этой странной статьѣ въ одномъ изъ заграничныхъ изданій, что заставляетъ насъ догадываться, кто этотъ писатель, скрывшій себя подъ двумя характерными буквами Р. С. Если-же не ошибаемся въ лицѣ писавшаго, то предваряемъ, что имѣемъ глубокія причины питать къ нему почтительно признательныя чувства. Тѣмъ не менѣе мы затрудняемся примирить съ нашими почтительными къ нему чувствами его рѣшимость уже не

изъ-за угла швырять кое-чѣмъ, а выступить полуоткрыто предъ лицо Россіи съ писаніями столь неблагонамѣренно тенденціозными и въ тоже время въ логическомъ смыслѣ столь слабыми. Насъ изумляетъ, что, служа извѣстной враждебной болѣе чѣмъ тысячелѣтнему строю церкви идеѣ, онъ силится излить на главы еще недавнихъ высшихъ служителей церкви изъ иноческаго чина, въ родѣ только что отшедшаго къ Богу преосвященнаго архіепископа Іоанна, на главы іерарховъ, которыхъ свѣжія могилы еще осѣсть не успѣли, изъ коихъ каждый имѣетъ еще живыми ближайшихъ родныхъ, учениковъ, почитателей, на главы, заслужившія при жизни признательное уваженіе многихъ, а по смерти заслуживающія христіанское прощеніе отъ всѣхъ христіанскихъ душъ, что на эти главы онъ силится излить грязныхъ помоевъ столько, сколько можетъ..., тяжко сказать, но справедливо..., сколько успѣваетъ взболтать въ своей памяти, которая въ продолженіе не короткаго періода личныхъ наблюденій собирала повидимому только грязь... Мы слишкомъ далеки отъ мысли, чтобъ этотъ энергическій человѣкъ не стремился къ благородной и благотворной по его убѣжденію цѣли; далеки отъ мысли, что онъ не честенъ въ современномъ литературномъ смыслѣ этого слова. Но пусть проститъ онъ и наше честное убѣжденіе и вызываемое имъ слово: его тенденція напоминаетъ намъ слово Спасителя: *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоан. 16: 2). Этотъ часъ какъ будто вторично для христіанскаго міра настаетъ и предвѣстники его заставляютъ выглядывать его предтечу, одного или многихъ.

Неоднократно опозоренная память по преимуществу преосвященнаго архіепископа Смарагда, бывшаго Полоцкаго, Могилевскаго, Харьковскаго, Астраханскаго, Орловскаго и Рязанскаго не разъ возбуждала въ насъ желаніе сказать посильное слово въ его защиту. Но то—апатія, то боязнь выступить на незнакомое, полное непредвидимыхъ опасностей, поле литературной полемики, то даже наконецъ уваженіе къ памяти святителя, его и другихъ, затрудняли нашу рѣшимость взяться за перо. Quiescat in pace, — говорили мы сами себѣ. Думалось, лай уляжется, а обороняясь, или обороняя, только раздразнишь его. Думалось такъ, пока въ Россіи лаяли только изустно или рукописно, а печатно хульничать можно было только пока изъ-за подворотни заграничной, какъ счастливо выразился В. И. Аскоченскій. Но вдругъ случилось это странное для насъ совпаденіе, что мы готовимъ къ печати преосвященному Іоанну похвальное надгробное слово, а тамъ уже

напечатано нѣчто иное, что̀ не знаю какъ назвать. Нѣтъ-ли тутъ, подумалось, перста Божія, указующаго намъ долгъ нашъ? Нравственно ли, что отцовъ и братій нашихъ мы не защищаемъ, когда ихъ позорятъ? Благотворно-ли для нашего служенія, для церкви, что ихъ позорятъ? Не такъ давно одинъ свѣтскій человѣкъ пришелъ въ книжный магазинъ; а купецъ, показывая ему на записки Добрынина, гдѣ племянникъ опозорилъ своего роднаго дядю, преосвящ. епископа Кирилла Фліоринскаго, которому былъ обязанъ всѣмъ, по меньшей мѣрѣ своимъ воспитаніемъ, внѣшнимъ лоскомъ, жизненными средствами, карьерою,— указывая на эти записки, купецъ говоритъ: „прочитайте-ка, что тутъ написано!... Вѣдь послѣ этого и вѣру всякую потеряешь“... Это то и внушаетъ намъ и рѣшимость, и отвагу выступить съ апологіею памяти искренно и серьезно уважаемыхъ нами, какъ и многими, архипастырей. А старцы Божіи пусть привлекутъ своими молитвами благословеніе Божіе на нашу готовность. Кому-же и начать, какъ не намъ, ратоборство за ихъ память? Даромъ развѣ звали мы ихъ при жизни отцами? Отцовъ позорятъ, а мы молчимъ? И думаемъ, что поступаемъ не только благоразумно, но даже нравственно?!

Преосвященнаго архіепископа Іоанна мы знали лично и теперь вращаемся въ центрѣ людей, которые видѣли послѣдніе 25 лѣтъ его жизни, которые говорили при жизни и теперь говорятъ о немъ по смерти не иначе, какъ съ почтительностію благоговѣйною, видя въ немъ подвижника, человѣка духовнаго и желая видѣть въ немъ Божія угодника. А преосвященнаго архіепископа Смарагда мы имѣемъ личныя причины чтить особенно потому, что воспитывались въ дѣтствѣ подъ его вліяніемъ, а послѣ слѣдили за нимъ на всѣхъ путяхъ его жизни, были близки съ людьми, которые окружали его въ продолженіе всей его жизни, до дня смерти, лично слышали отзывы о немъ въ разныхъ концахъ Россіи отъ харьковцевъ, астраханцевъ, орловцевъ и рязанцевъ. Кромѣ того, все, что скажу, будетъ сказано съ вѣдома и благословенія преосвященнаго архіепископа Донскаго Платона, который есть истый современникъ описываемой въ разсматриваемой статьѣ эпохи, такъ какъ онъ при ректорѣ С.-Петербургской духовной Академіи Іоаннѣ учился; а при ректорахъ Смарагдѣ, Венедиктѣ и Виталіи служилъ въ той-же С.-Петербургской Академіи. А чего стоитъ свидѣтельство этого лица, объ этомъ, не прибѣгая къ авторитету его маститой старости и чести носимаго имъ 29 лѣтъ архіерейскаго сана, можно судить и по отзыву, сдѣланному о немъ самимъ Р. С. въ его статьѣ, по слѣдующимъ словамъ:

„инспекторомъ Академіи былъ тогда человѣкъ очень умный, благородный, неспособный унижать себя низкопоклонничествомъ“*) и т. д.

Мы сказали уже, что писателю, который дорожитъ честью своего имени, не слѣдовало-бы выступать въ свѣтъ съ писаніемъ, которое при рѣзкой своей тенденціозности такъ слабо логически; сказали и повторяемъ, что и намѣрены доказать.

Авторъ очевидно имѣетъ въ виду доказать, что духовныя Академіи недавно прошедшаго времени были очень плохи: не только полная біографія ихъ, но даже „отрывки изъ нея“, по его словамъ, — способны „отчасти прояснить *главнѣйшія причины того безотраднаго положенія*, въ которомъ такъ недавно находились среднія и низшія духовно-учебныя заведенія, и вмѣстѣ укажутъ на то, *чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы преобразованныя академіи мало-по-малу не обратились вспять*“. Въ защиту нашихъ Академій мы пока не скажемъ ни слова; это не входитъ въ наши виды. — Наша задача защитить только лица, которыя названы въ этой обвинительной статьѣ. Первую причину неудовлетворительности нашихъ Академій въ данный періодъ Р. С. видитъ въ томъ, что онѣ были *„ректорскими* или полнѣе — *монашески-ректорскими* учебными заведеніями“. И потому, чтобы видѣть, почему такъ плоха была С.-Петербургская духовная Академія въ данный періодъ, Р. С. находитъ нужнымъ прежде всего познакомить читателей „съ личнымъ характеромъ *четырехъ командировъ*“, подъ управленіемъ которыхъ въ это время она состояла: „это были: *Іоаннъ Доброзраковъ*“ (впослѣдствіи времени епископъ Пензенскій и Нижегородскій и архіепископъ Донской), „*Смарагдъ Крыжановскій*“ (послѣ епископъ, викарій С.-Петербургскій, епископъ и архіепископъ Полоцкій, Могилевскій, Харьковскій, Астраханскій, Орловскій и Рязанскій), „*Венедиктъ Григоровичъ*“ (послѣ епископъ, викарій С.-Петербургскій и архіепископъ Олонецкій) „и *Виталій Щепетевъ*“ (послѣ епископъ Костромской). Уже по такому приступу нужно ожидать, что плохи были эти люди, плохіе командиры Академіи.

Но Р. С. и не заставляетъ читать свою мысль между строками, объясняясь прямо безъ дальнѣйшихъ церемоній, что они обладали капитальными слабостями, изъ коихъ главнѣйшими были отсутствіе честности и корыстолюбіе. „Не смотря на то“, — пишетъ онъ, — „что эти *четыре ректора* различались между собою по характеру и взгляду

*) Притомъ считавшійся тогда лучшимъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ. *Прим. автора.*

на свою должность, у нихъ *была одна слабость, впрочемъ общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только Академій, но и семинарій.* Каждый изъ нихъ получалъ такое жалованье, которое при тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы, при казенныхъ квартирѣ, отопленіи и экипажѣ, не могло считаться недостаточнымъ даже для семейнаго человѣка. Затѣмъ, развѣ рѣдкій изъ нихъ не былъ настоятелемъ монастыря, по большей части богатаго. Прибавьте къ этому, что всѣ отцы ректоры были люди не семейные, *давшіе обѣтъ нищеты.* Кажется, вовсе нельзя предполагать, чтобъ они, такъ хорошо обезпеченные, не могли защитить себя отъ слабости—усиливать свои финансовыя средства. А между тѣмъ *никто изъ нихъ*, кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, *не умѣлъ побѣдить въ себѣ эту слабость. Даже ректоры Петербургской духовной Академіи*, получавшіе всего до 10.000 руб. ассигн. жалованья и доходовъ отъ редакціи журнала „Христіанское чтеніе", *были ей наравнѣ съ прочими подвержены; надобно думать, что слабость, или лучше—болѣзнь эта по своей заразительности была опаснѣе чумы и холеры*". Далѣе говорится, что всѣ ректоры злоупотребляли казенными средствами завѣдуемыхъ ими заведеній,—что „*и Петербургская духовная Академія не успѣла освободиться отъ подчиненія этимъ преданіямъ старины*", —этимъ *злоупотребленіямъ казною*". Обвиненіе ясное, тяжкое и крайне неблаговидное.

Поставивъ себѣ такую тему для своей статьи, Р. С. приступаетъ „*къ спеціальной характеристикѣ ректоровъ, начиная ее въ хронологическомъ порядкѣ съ Доброзракова*". Но мы, попросивъ извиненія у Р. С., измѣнимъ его хронологическій порядокъ на логическій и начнемъ не съ перваго, а съ послѣдняго изъ описанныхъ имъ ректоровъ, именно съ о. *Виталія Щепетева.*

Будемъ имѣть въ виду, что по взнесенному Р. С—мъ обвиненію названные четыре ректора С.-Петербургской духовной Академіи были *люди корыстные, зараженные слабостью—усиливать свои и безъ того великія денежныя средства, и для этого злоупотреблявшіе казною.*

Но, къ изумленію своему, о послѣднемъ изъ четырехъ ректоровъ *о. Виталіи Щепетевѣ* читаемъ: „вмѣсто описаннаго сейчасъ оригинала" (*Венедикта Григоровича*), „впрочемъ все-таки, *честнаго, безкорыстнаго и дѣловаго человѣка* сдѣланъ былъ ректоромъ *Виталій Щепетевъ*". Воздержимся пока изумляться, читатель, тому, что

одинъ изъ четырехъ ректоровъ, именно третій уже оказался не только дѣловымъ, но и честнымъ и даже прямо *безкорыстнымъ* человѣкомъ. Значитъ, нужно ждать, что Виталій-то и окажется корыстнымъ и не честнымъ? Но опять къ изумленію и тутъ ничего не бывало. О. Виталій по умственнымъ, *нравственнымъ* и административнымъ качествамъ, стоилъ своей должности... „Въ какой степени онъ былъ *честенъ и безкорыстенъ относительно казенныхъ денегъ*, между прочимъ показываетъ слѣдующій случай". Это говоритъ не кто другой, а самъ-же господинъ Р. С. и разсказываетъ далѣе: „при немъ экономомъ сдѣланъ былъ одинъ изъ баккалавровъ Академіи, кончившій недавно курсъ. Будучи вполнѣ неопытнымъ и по студенческой простотѣ полагая, что состоитъ въ полной командѣ ректора и инспектора, онъ безъ всякихъ отговорокъ и возраженій готовъ былъ исполнять все, что имъ ни заблагоразсуждалось ему сказать. Щепетевъ скоро замѣтилъ это и, однажды призвавши его къ себѣ, спросилъ: „ну, что ознакомились-ли съ новою своею должностью? Поняли-ль вы свои права и обязанности"? Получивъ отвѣтъ: „нѣтъ, еще не успѣлъ; впрочемъ, я руководствуюсь наставленіями вашими и о. инспектора",—ректоръ продолжалъ: „это-то и дурно, что вы руководствуетесь только нашими наставленіями. Прочитаемте вмѣстѣ изъ устава то, что относится къ вашей должности". По окончаніи чтенія и разъясненіи нѣкоторыхъ пунктовъ, сказалъ: „извольте видѣть: вы должны дѣйствовать самостоятельно, а не быть только исполнителемъ нашихъ распоряженій и наставленій. Вы—членъ правленія и въ случаѣ какихъ-либо растратъ, сдѣланныхъ хотя-бы по моему распоряженію, вы отвѣчаете своимъ карманомъ такъ-же, какъ и я. Поэтому вы вовсе не обязаны исполнять все то, что мнѣ, или инспектору вздумается посовѣтовать вамъ; вы должны сами обсудить нашъ совѣтъ. И если мои совѣты, или приказанія найдете незаконными, или неудобоисполнимыми, то говорите мнѣ прямо; я, вѣдь, тоже человѣкъ, могу ошибаться; ну, а если вы возразите мнѣ неосновательно, то я съумѣю разъяснить вамъ ваше недоумѣніе". „Подобный совѣтъ",—заключаетъ самъ-же Р. С.,—„дать своему подчиненному могъ только *честный и безкорыстный человѣкъ*"; самъ-же Р. С. свидѣтельствуетъ и далѣе опять, что о. Виталій „по своимъ природнымъ наклонностямъ очень любилъ, чтобы студенты были сыты и хорошо одѣты"; и въ заключеніе называетъ его вообще *„самымъ лучшимъ* изъ четырехъ описываемыхъ ректоровъ почти *во всѣхъ отношеніяхъ*". Итакъ несомнѣнно, что о. Виталій, не говоря о другихъ его благородныхъ

качествахъ и достоинствахъ, былъ „*честенъ и безкорыстенъ относительно казенныхъ денегъ*“, былъ „почти во всѣхъ отношеніяхъ самымъ лучшимъ изъ четырехъ описываемыхъ ректоровъ“.

Значитъ, нужно ждать, что остальные три были *нечестны и корыстны относительно казенныхъ денегъ?* Но относительно третьяго ректора, о. *Венедикта Григоровича* мы уже читали общій отзывъ Р. С—а, что онъ былъ „*честный, безкорыстный и дѣловой человѣкъ*“. Въ подробной-же характеристикѣ о. Венедикта Р. С. приписываетъ ему, какъ и о. Виталію, рѣдкія качества: „терпѣть онъ не могъ низкихъ поклоновъ, подобострастныхъ привѣтствій и разныхъ титулизацій. Этотъ человѣкъ постоянно былъ занятъ днемъ и ночью, никогда почти не выходилъ прогуливаться. Если приходили къ нему люди знакомые, то онъ поскорѣе какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлывался. Самъ-же почти ни къ кому не ѣздилъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уже нельзя было не поѣхать. Даже у своихъ братьевъ, жившихъ въ Петербургѣ“ (извѣстныхъ своею ученостію *Григоровичей*), „не бывалъ по году и болѣе. *Отличался неподкупной совѣстью*; старался рѣшать дѣла, какъ требовалъ того законъ, если высшая воля не стѣсняла его. *Лично честный и безкорыстный* былъ человѣкъ“, хотя съ молоду одинъ разъ по довѣрію къ другому и впалъ было въ тяжкое несчастіе. Такъ какъ, вслѣдствіе этого несчастія, „онъ имѣлъ очень скудные остатки на свое содержаніе, *а по честности своей не хотѣлъ пользоваться*“ казенными *„суммами:* поэтому ему приходилось быть слишкомъ бережливымъ въ расходахъ на свое содержаніе. Неволя заставила его носить очень небогатую одежду и особенно довольствоваться самою скудною пищею. По очень достовѣрнымъ слухамъ, онъ иногда употреблялъ только черный хлѣбъ, кислую капусту, или щи съ соленою рыбою, а то и безъ нея и гречневую кашу“. Такая неприхотливость обратилась у него мало-по-малу въ привычку. И потому даже тогда, „когда денежныя средства уже позволяли ему имѣть пышную одежду и изысканный столъ, онъ не роскошествовалъ.... Повторяю,—настойчиво утверждаетъ Р. С., — „онъ былъ неукоризненно честенъ и безкорыстенъ“. Оказывается, такимъ образомъ, что и *о. Венедиктъ Григоровичъ* былъ неукоризненно *честный и безкорыстный человѣкъ,* — этого мало: былъ человѣкъ съ совѣстью неподкупною и въ образѣ жизни крайне неприхотливый до скудости; а о. Виталій Щепетевъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ лучше даже этого неукоризненно „честнаго, безкорыстнаго и дѣловаго человѣка съ неподкупною

совѣстью"; значитъ въ высокой степени „честный и безкорыстный человѣкъ".

Послѣ этого, значитъ, думать надобно, что первые два ректора были нечестны и корыстны относительно казенныхъ денегъ? — Но о второмъ ректорѣ *Смарагдѣ Крыжановскомъ*, къ изумленію, читаемъ: „*когда Крыжановскій ректорствовалъ въ Петербургской духовной Академіи, его не только обвинить, но и заподозрить въ корыстолюбіи не было возможности*". Что за диво? Вы-ли это, Р. С., говорите? — „Конечно", — продолжаетъ Р. С., — „онъ пользовался даровою казенною прислугою, не прочь былъ и экзаменскій обѣдъ сдѣлать не на свой счетъ" (въ чемъ тутъ сила, это объясняется ниже); „но за этими исключеніями *распоряжался казенными деньгами честнымъ и безкорыстнымъ образомъ*. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ очень хорошо улучшилъ студенческую пищу, *не побоялся въ этомъ случаѣ даже дѣйствовать противъ академическаго устава, приказавши за обѣдомъ готовить, вмѣсто двухъ, три блюда*". Повторяю, — слова самаго Р. С. — „что онъ *казенными деньгами распоряжался честно и безкорыстно*".

Такимъ образомъ, оказались изъ четырехъ уже три ректора, которые безспорно были „честные и безкорыстные люди". И это утверждаетъ, доказывая и фактами свои слова, тотъ-же Р. С., который въ началѣ статьи сказалъ: „не смотря на то, что *четыре ректора* различались между собою по характеру и взгляду на свою должность, *у нихъ* (*у этихъ четырехъ ректоровъ*) была одна слабость, впрочемъ, общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только Академій, но и семинарій. *Никто изъ нихъ*", при отличномъ обезпеченіи, при данномъ ими обѣтѣ нищеты, „кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, не умѣлъ побѣдить въ себѣ слабость — усиливать свои финансовыя средства: даже *ректоры Петербургской Академіи* были ей наравнѣ съ прочими подвержены" *).

*) Что мы вѣрно истолковали Р. С—а, подтвержденіе тому можно прочитать въ № 142 *Голоса* за 1872 годъ. Тамъ, въ фельетонѣ пишется между прочимъ: „въ очеркѣ Р. С—а „*Петербургская Духовная Академія* особенно любопытны и удачно исполнены характеристики *отцовъ-ректоровъ Академіи*, бывшихъ впослѣдствіи болѣе или менѣе извѣстными *іерархами. Почти всѣ они были крайне нечисты на руку и, какъ главные хозяева заведенія во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ экономическомъ, обирали бѣдныхъ студентовъ самымъ немилосердымъ образомъ, заставляя ихъ голодать и холодать*. Всѣхъ другихъ въ этомъ отношеніи, кажется, превосходилъ извѣстный *Іоаннъ Доброзраковъ*, бывшій потомъ Нижегородскимъ архіереемъ". Фельетонистъ не упустилъ случая присочинить уже отъ себя, что ректоры С.-Петербургской Академіи „заставляли студентовъ не только голодать, но и *холодать*", чего и Р. С. уже не говоритъ. Нужно ждать, что статья Р. С. послужитъ посылкою для многихъ подобныхъ выводовъ....

Авторъ.

Но если изъ четырехъ описываемыхъ ректоровъ три оказались людьми честными и безкорыстными, значитъ, нужно ждать, что одинъ только первый — Іоаннъ Доброзраковъ, онъ-то и былъ человѣкъ нечестный, корыстно распоряжавшійся казенными деньгами, какъ холерою или чумою зараженный слабостью — усиливать свои финансовыя средства?! Но сказать это именно о преосвященномъ Іоаннѣ — вѣдь это смѣха достойно! Вѣдь это вочію Крыловская басня: *Моръ звѣрей*, въ которой среди всѣхъ звѣрскихъ хищниковъ виноватыхъ только и оказалось, что одинъ волъ, который тоже однажды подвергся искушенію — клокъ сѣнца стянулъ. Вся Донская земля, весь этотъ христіанскій людъ честнаго козачества, чутьемъ чующій истинную христіанскую добродѣтель, чтитъ въ недавно почившемъ своемъ іерархѣ, „безсребренника нищелюбца"; а тутъ какъ разъ въ моментъ его отшествія на праведный судъ Божій какая-то отважная совѣсть позволила себѣ сдѣлать попытку потянуть его на судъ людской, на судъ всего свѣта, и уже прежде общественнаго приговора дерзнула украсить себя противною ролью и ненавистнымъ дѣломъ палача — прибить его къ позорному столбу. Это, наконецъ, уже не смѣха достойно, а это странно, странное совпаденіе обстоятельствъ, очевидное предначертаніе перста Божія; *неправда солга себѣ*.... Тяжко сказать, а вѣрно и сказать должно.

Ужели-же серьезно преосвященный Іоаннъ укоряется въ корыстности? Да, даже больше, въ злоупотребленіи казенными суммами. Даже больше, въ покровительствѣ эконому-вору. Даже больше, въ преподаваніи эконому уроковъ, какъ безнаказанно воровать казенныя деньги. Быть можетъ, мы клевещемъ на Р. С.? Но вотъ его собственныя выраженія: „характеръ Доброзракова имѣлъ дурное вліяніе на хозяйственное управленіе Академіи. Онъ не любилъ встрѣчать препятствія при удовлетвореніи своей наклонности къ самому расточительному и нерасчетливому образу жизни. Въ случаѣ такихъ препятствій, когда своихъ средствъ недоставало, онъ обращался къ эконому по пословицѣ: *вынь, да положь деньги*, а тамъ самъ умѣй добывать ихъ безъ убытка себѣ". И затѣмъ разсказываетъ случай въ подтвержденіе этихъ уколовъ. — „Если представить себѣ", — продолжаетъ Р. С., — „что эконому приходилось быть для своего начальника поставщикомъ не однихъ питій, но и всякихъ снѣдей, то рождается, естественно, вопросъ: откуда-же эконому надобно было брать деньги для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ, не входившихъ въ академическій бюджетъ? Опытные, обстрѣлян-

ные экономы уже знали, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ и не безпокоили своего начальника неумѣстными вопросами: откуда взять деньги? Но мой знакомый экономъ сначала оказался недогадливымъ и назойливымъ. Истративши уже не одну сотню рублей на разныя разности, которыя не слѣдовало записывать въ расходную книгу, онъ рѣшился сказать своему начальнику, что у него нѣтъ болѣе денегъ на такіе расходы. „Какъ?—весело возразилъ начальникъ: — денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! Ну, экономъ, я думалъ, что ты парень умный; теперь вижу, что тебя надобно поучить уму-разуму. Есть-ли у тебя знакомый кровельщикъ"? — спросилъ онъ вдругъ эконома и, получивъ положительный отвѣтъ, сказалъ: „ну, такъ вели ему прислать человѣкъ десять работниковъ съ молотками и разными инструментами. Пусть они стучатъ дней пять на кровлѣ и никому не даютъ покоя. А потомъ и подай записку о томъ, что по случаю, внезапно открывшейся, течи, ты хозяйственнымъ образомъ поспѣшилъ исправить крышу и просишь выдать деньги кровельщику за работу, а купцу за желѣзо, гвозди, проволоку и проч. Вотъ тебѣ и деньги"! Доброзраковъ, повторяю, къ несчастью ставилъ свои даже прихотливыя потребности выше скромныхъ требованій студенческихъ желудковъ; а казенныхъ денегъ на всѣ потребности и *требованія*" (Доброзракова?) „недоставало и потому пища у студентовъ была очень неудовлетворительна". Ясно, значитъ, что Доброзраковъ самымъ неблаговиднымъ образомъ роскошествовалъ въ счетъ голоданія студентовъ.

Изумительно и, конечно, невѣроятно. Да, даже самъ Р. С. не вѣритъ такой жестокой хулѣ, такому одностороннему оговору. По его собственнымъ выраженіямъ „о. ректоръ не былъ человѣкомъ злымъ и *корыстолюбивымъ*, который намѣренно изнуряетъ студентовъ дурною пищею и часть денегъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе, прибираетъ къ своимъ рукамъ, — *такія мысли не приходили ему въ голову; напротивъ*, онъ былъ даже добрый человѣкъ и при случаѣ помогалъ студентамъ, давая имъ деньги *въ долгъ*, какъ говорится, *безъ отдачи*". Такъ въ чемъ-же дѣло? Разъ, по словамъ Р. С—а, *ректоръ требовалъ отъ эконома казенныхъ денегъ на свои прихоти и даже училъ добывать ихъ безъ убытка себѣ, т. е. воровать; а другой разъ, ректоръ не былъ человѣкомъ корыстолюбивымъ и прибиратъ казенныя студенческія деньги къ своимъ рукамъ — такія мысли не приходили ему даже въ голову?* Безъ вербальнаго логическаго противорѣчія у Р. С. тутъ не обошлось. Тѣмъ не менѣе самъ онъ

думаетъ видѣть здѣсь противорѣчіе только психологическое, корень котораго заключался будто-бы въ „веселомъ разбитномъ и безпечномъ характерѣ Доброзракова“.

Всмотримся-же, что это за характеръ былъ? И вѣроятно-ли, что въ немъ совмѣщались безпечность съ корыстолюбіемъ, доброта съ вороватостію и т. п. Въ этомъ характерѣ самъ Р. С. видитъ слѣдующія недюжинныя достоинства: „о. Доброзраковъ имѣлъ живой, веселый, общительный характеръ; шутки его были остроумны и большею частью весьма забавны, такъ что отъ нихъ смѣялся даже и тотъ, кого онѣ касались; былъ необыкновенно ловокъ и развязенъ въ обращеніи съ людьми; былъ хлѣбосоломъ до расточительности; словомъ, это былъ весельчакъ, русскій *душа-человѣкъ;* и во всемъ этомъ не было ничего тривіальнаго, такъ какъ природа снабдила его умомъ гибкимъ, оборотливымъ и самъ онъ обогатилъ себя основательными и разнообразными свѣдѣніями; былъ онъ врагъ всякаго чванства и тщеславія, привѣтливъ, снисходителенъ, даже любезенъ; съ кѣмъ онъ успѣвалъ поговорить, тому трудно было на него сердиться“. Намъ особенно пріятно, что, отстоя отъ преосвященнаго Іоанна по возрасту больше, чѣмъ на одно поколѣніе, мы поняли и изобразили его характеръ въ посмертномъ словѣ, тѣми-же самыми чертами, чуть не слово въ слово, какъ изображаетъ и Р. С., человѣкъ, очевидно, ближе насъ знающій то время, когда преосвященный Іоаннъ былъ еще ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи. „Быть можетъ“, прибавляетъ Р. С., „подъ старость онъ нѣсколько измѣнился“. Да, да,—подтверждаемъ мы со словъ многихъ очевидцевъ послѣднихъ годовъ и дней его жизни, — измѣнился, много измѣнился, жилъ почти отшельникомъ и сталъ къ концу жизни духовнымъ человѣкомъ.

Затѣмъ Р. С. приписываетъ этому замѣчательному характеру разные и недостатки, сверхъ склонности его злоупотреблять казенными суммами. Когда мы читали эту странную статью преосвященному архіепископу Донскому Платону и именно когда дошли въ чтеніи до извѣстной остроты, приписанной Р. С—мъ преосвященному Іоанну, о Московскомъ іерархѣ Филаретѣ, его постничествѣ и строгости, — то владыка Платонъ тутъ же замѣтилъ: „неправда, не слышалъ никогда, чтобъ эта острота приписывалась именно преосвященному Іоанну; она повсюдная“. И мы то же подтверждаемъ, что она повсюдная. Относительно сидѣнья за зеленымъ столомъ владыка Платонъ энергически возразилъ: „неправда, этого никогда не было слышно. Вѣдь, я же

современникъ; вѣдь, это-же дѣлалось на нашихъ глазахъ". Господинъ Р. С., конечно, не могъ пропустить случая накинуть тѣнь пошлости на священнѣйшій актъ въ жизни такихъ людей, какъ преосвященный Іоаннъ, на поступленіе въ монашество, желая фактически выставить и здѣсь любимую мысль, завѣтное убѣжденіе людей нѣкотораго особаго оттѣнка въ томъ, что всѣ такъ называемые ученые монахи шли въ монашество по самымъ пошлымъ расчетамъ честолюбія и другихъ низкихъ страстишекъ.— „Этотъ веселый человѣкъ",—пишетъ Р. С.—„при окончаніи академическаго курса былъ еще не Іоанномъ, а Михаиломъ Доброзраковымъ и не оставленъ при академіи баккалавромъ. По всей вѣроятности, ему бы всю жизнь пришлось оставаться Михаиломъ Доброзраковымъ, если-бы въ то время и даже послѣ того не было обыкновенія вызывать въ Академію на баккалаврскія мѣста тѣхъ магистровъ, о желаніи которыхъ поступить въ монашество доходили извѣстія до ректора ея. *При этомъ извѣстіи новый претендентъ на иноческую жизнь почему-то вдругъ дѣлался достойнымъ мѣста академическаго наставника.* Доброзраковъ стоилъ этого мѣста и при окончаніи курса, но не получилъ его потому, что *его разбитной характеръ не подходилъ подъ господствовавшій тогда аскетическій тонъ въ Академіи.* Наскучивъ жить съ хохлами въ Черниговѣ и не видя ничего привлекательнаго въ семинарской службѣ, Доброзраковъ въ 1819 г. *воспользовался упомянутымъ случаемъ поступить въ академическіе наставники*". То-то, прежде насъ давно сказано: *никто-же вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ*". И въ жизни женящихся и посягающихъ важенъ актъ женитьбы до того, что составилась вѣковая пословица: „суженаго или суженой конемъ не объѣдешь". Тѣмъ болѣе важенъ для отваживающихся на принятіе иночества шагъ иноческаго постриженія. А въ жизни этого человѣка именно и случилось буквальное осуществленіе пословицы, что свою „суженую, или точнѣе—суженую, да не ему, онъ объѣхалъ конемъ". Еще прежде прочтенія этой статьи въ „Вѣстникѣ Европы" по смерти преосвященнаго Іоанна, не разъ поднималась въ нашемъ кругѣ рѣчь о томъ, какъ онъ пошелъ въ монашество, при чемъ по воспоминаніямъ нѣсколькихъ лицъ разсказывалось, что въ этомъ обстоятельствѣ его жизни произошло нѣчто странное. Онъ самъ разсказывалъ объ этомъ преосвященному архіепископу Платону, также жившему при немъ около 20 лѣтъ его духовнику и душеприкащику архимандриту Исаіи; разсказывалъ и келейнику своему *Ивану Григорьевичу*, который за-

мѣчателенъ тѣмъ, что выжилъ при старцѣ безотлучно до послѣдняго издыханія его всего 41 годъ, и наконецъ *о. игумену Исидору*, бывшему нѣкоторое время настоятелемъ въ монастырѣ, въ которомъ преосвященный Іоаннъ жилъ на покоѣ и скончался. Теперь вотъ предъ самымъ набрасываніемъ этихъ строкъ мы обновили собственный разсказъ старца объ этомъ замѣчательномъ въ его жизни событіи точными распросами двухъ послѣднихъ лицъ. Вотъ сущность этого разсказа. „Былъ онъ начальникомъ Черниговскаго духовнаго училища. Былъ веселый человѣкъ, не рѣшался идти въ монахи и хотѣлъ жениться. Запримѣтилъ дѣвицу, дочь протоіерея въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ и рѣшился за нее посвататься. Поѣхали свататься съ однимъ спутникомъ-сватомъ. Дѣло стало зимою, поднялась вьюга. Женихъ и сватъ сбились съ дороги. Прибились однакоже къ городу, въ который ѣхали, на такое разстояніе, что слышали звонъ церковный. Держатъ путь на звонъ; но вдругъ звонъ оказывается съ другой стороны. Направляются туда, но къ изумленію звонъ слышится съ противоположной стороны. Блуждали, блуждали, едва не замерзли, но наконецъ кое-какъ прибились къ мѣсту, куда ѣхали. Просятъ будущаго тестя показать дочь—невѣсту. Но имъ отвѣчаютъ неожиданнымъ отказомъ: больна, лицо испорчено сыпью, показать нельзя. Съ тѣмъ и уѣхали. Святитель Николай не благословилъ", прибавлялъ старецъ въ объясненіе этого страннаго совпаденія; а почему именно Святителю Николаю приписывалъ старецъ эту въ своей жизни неудачу, разскащики не помнятъ. Затѣмъ послѣдовали письма изъ Петербурга отъ ректора Академіи: „такъ, по зову Божію, Михаилъ Доброзраковъ и принялъ иночество вмѣстѣ съ именемъ Іоанна". Это замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ въ жизни преосвященнаго Іоанна напомнило владыкѣ архіепископу Платону и намъ еще болѣе поразительный подобный-же фактъ изъ жизни преосвященнаго Іакова, бывшаго епископомъ, викаріемъ Новгородскимъ и епископомъ Саратовскимъ и скончавшагося въ С.-Петербургѣ архіепископомъ Нижегородскимъ: и онъ смолоду хотѣлъ жениться, и уже сосватался было, но Богъ отнялъ его суженую не-суженную; разъ, когда былъ онъ въ домѣ нареченнаго тестя, случилось, что поднялась гроза съ вѣтромъ; тутъ произошла новая ничтожная случайность, — та именно, что вѣтеръ то отворялъ, то затворялъ калитку у воротъ, которая билась и стучала; мать говоритъ нареченной невѣстѣ, чтобъ та сходила затворить калитку; здѣсь, когда та затворяла, ударилъ громъ и положилъ ее на мѣстѣ; тогда нареченный женихъ, будущій святитель,

оказавшійся въ жизни строгимъ аскетомъ, тутъ же, въ домѣ наречен-ной невѣсты перекрестился предъ святыми образами и объявилъ, что идетъ въ монахи, такъ какъ Богу не было угодно благословить его на счастье семейное. Такъ то вотъ, иногда направляется рѣшимость буду-щихъ слугъ церкви къ принятію иноческаго сана, а далеко не по тѣмъ пошлымъ приманкамъ, какими Р. С. хочетъ до дна человѣческихъ серд-децъ исчерпать мотивы происхожденія ученаго монашества. И жизнь преосвященнаго Іоанна служитъ, конечно, опроверженіемъ, а не под-твержденіемъ объяснительной теоріи Р. С.

Но когда, при чтеніи статьи дошли мы до обвиненія недавно по-чившаго старца святителя въ злоупотребленіи казенными суммами,—то владыка архіепископъ Платонъ сталъ энергически возражать: „не слыхалъ, не слыхалъ, ничего подобнаго не слыхалъ... То совершенная правда, что Смарагдъ улучшилъ студенческій столъ. Но чтобы Іоаннъ злоупотреб-лялъ казенными суммами, не слыхалъ. Я современникъ; я при немъ былъ студентомъ и баккалавромъ. Неправда“... Послѣ такихъ почтен-ныхъ и рѣшительныхъ отрицаній, началась между нами оцѣнка всѣхъ, относящихся къ этому обстоятельству, фактовъ по воспоминаніямъ какъ преосвященнаго архіепископа Платона, такъ и моимъ собственнымъ. Вотъ сущность этой оцѣнки *). Ректоры и инспекторы Петербургской Академіи пользовались казенною прислугою? Это правда, до времени служенія въ Академіи преосвященнаго архіепископа Платона; въ по-слѣдствіи времени этотъ обычай вывелся. Но было-ль это злоупотреб-леніемъ? Самъ Р. С. говоритъ, что это было преданіемъ, которое о. ректоръ Іоаннъ принялъ отъ старины. А старина эта упиралась въ

*) Р. С. находитъ хорошимъ обезпеченіемъ сумму всѣхъ окладовъ ректоровъ С.-Пе-тербургской духовной Академіи описываемаго времени, простиравшуюся до 10000 р. ассиг-націями, особенно при готовыхъ квартирѣ, отопленіи и экипажѣ и мы съ своей стороны находимъ это обезпеченіе для того времени очень достаточнымъ; хотя и не находимъ, чтобъ оно поражало громадностію, особенно если принять въ соображеніе, что ректоры Академіи принадлежатъ уже къ довольно сановнымъ чинамъ въ церкви. Вообще эти крики новѣйшаго времени противъ богатства сановнаго русскаго духовенства поражаютъ читающихъ людей прежде всего незнаніемъ европейской статистики или нежеланіемъ знать ее. Между тѣмъ извѣстно всякому желающему знать, что оклады сановнаго духовенства другихъ христіан-скихъ исповѣданій въ Западной Европѣ дѣйствительно поражаютъ своею громадностію сравнительно съ окладами нашими русскими; распространяться объ этомъ излишне. Но вотъ не далѣе какъ на-дняхъ мы читали въ газетахъ, что..... А у насъ двумъ преосвященнымъ архіепископамъ, да и то изъ возсоединенныхъ уніатовъ, дали при увольненіи отъ управленія епархіями одному 5000, а другому 7000 р.; да и воображаютъ, что изумили Европу щед-ростію; а прочимъ даже самымъ заслуженнымъ архіереямъ даютъ въ отставкѣ не выше 2000, затѣмъ 1500, 1000 и до 600 р.

Примѣч. автора.

ректоровъ Григорія и Филарета, которыхъ заподозрить въ злоупотребленіи казною было бы уже крайне странно, которые были сами первоисточниками основныхъ академическихъ преданій и чуть не творцами самаго академическаго устава. Это преданіе превратилось въ обычай совершенно естественный. Такъ какъ штатомъ устава, довольно роскошнымъ для того времени, полагалось извѣстное число служителей, то часть этого числа, за ненужностью для другихъ употребленій и назначалась на прислугу начальствующимъ. А что это было не злоупотребленіе, подтвержденіе тому видимъ въ очень распространенномъ въ столицахъ обычаѣ, по которому въ разныхъ учрежденіяхъ обращаются на услугу начальствующимъ содержимые въ счетъ казны денщики, ординарцы, курьеры, разсыльные, стражи и т. п. Тогда было время крѣпостничества, узаконеннаго исторіей и эксплуатировать чужой трудъ никому изъ имѣющихъ власть не казалось страннымъ, неприличнымъ, или даже преступнымъ. Начальствующіе въ Академіи пользовались припасами изъ казенной кладовой. Какіе-же это припасы? „Мука, крупа разныхъ наименованій, масло, хлѣбъ“, — отвѣчаетъ Р. С., — „огурцы, свекла, картофель, петрушка, лукъ и тому подобныя снадобья“, прибавимъ мы. Этотъ обычай пользоваться припасами изъ казенной кладовой и погреба сохранялся въ С.-Петербургской духовной Академіи до нашего времени, т. е. до 50-хъ годовъ; да не существуетъ ли и теперь, когда монашескимъ духомъ тамъ уже мало пахнетъ? А отчего? Происхожденіе и упорное существованіе этого обычая возникло естественно изъ хозяйственнаго устройства самой Академіи, а отчасти и изъ монашескаго, господствовавшаго въ ней, строя. На все заведеніе Академіи существовалъ чуть ли не одинъ погребъ, чуть ли не одна хлѣбная кладовая: гдѣ же тамъ запасать было припасы, кромѣ казенныхъ, еще ректору, инспектору и т. д? И какъ было озабочиваться годовымъ запасомъ огурцовъ, капусты, картофеля и т. д., имъ, людямъ обремененнымъ заботами высшаго качества, заваленнымъ умственною работою, людямъ, по своему иночеству, все же болѣе или менѣе отрѣшеннымъ отъ міра, и потому наиболѣе далекимъ отъ соленья огурцовъ, квашенья капусты и подобныхъ житейскихъ статей? Къ тому же мы по себѣ, по опыту собственной жизни, знаемъ, что намъ по особымъ гигіеническимъ условіямъ нашего ученаго, малоподвижнаго быта очень мало нужны припасы казенныхъ кладовыхъ, ржаная мука, да и пшеничная не высшаго сорта, гречневая или пшенная крупа; такъ какъ то, что болѣе идетъ для нашего стола, по своей тонкости оплачивается

цѣною не казенныхъ, а собственныхъ нашихъ и хорошихъ денегъ; поэтому, если кто изъ начальствовавшихъ и пользовался казенными припасами, то самою ничтожною малостью, — въ родѣ соленыхъ огурцовъ. Вообще статья кормленія начальствующихъ и учащихъ въ С.-Петербургской Академіи, въ старые годы поставлена была крайне затруднительно. Зданіе Академіи было населено монахами и холостяками. Монахи же и холостяки всегда и вездѣ самые плохіе домохозяева; особыхъ кладовыхъ и погребовъ для запаса провизіи не было; кухни были двѣ-три, не болѣе, на 20 человѣкъ, да и тѣ весьма стѣсненныя; трактира, ресторана вблизи, по удаленности Академіи отъ города, не было ни одного; способы же содержанія у младшихъ служащихъ, каковы бакалавры, были крайне ограниченные. Какъ тутъ быть? Какъ всему этому люду продовольствоваться? Этою-то вотъ стѣснительною крайностію поддерживался и до нашего времени, до 50-хъ годовъ, обычай дозволять служащимъ, живущимъ въ Академіи, пользоваться припасами изъ казенной кладовой, — въ наше время, за плату по счету экономa. Но въ наше время во избѣжаніе щекотливыхъ расчетовъ и возможныхъ нареканій этою льготою почти никто уже не пользовался. Если же въ старые годы ректоры, инспекторы или даже и другіе изъ служащихъ ею и пользовались, то на много-ли въ годъ одно лицо на себя могло перебрать казенныхъ припасовъ, въ родѣ капусты, огурцовъ?... Настолько развѣ, что эта мелочь, въ свою пору вовсе незамѣтная, казавшаяся всякому изъ современниковъ совершенно естественною, дала поводъ къ нареканіямъ чрезъ 50 лѣтъ съ измѣнившейся точки зрѣнія. Въ то-же время, 50, 40, 30 лѣтъ назадъ, никому и въ голову не приходило видѣть въ этомъ мѣстномъ обычаѣ что-либо предосудительное. Весь подвигъ возвращенія Академіи на путь честности Р. С. приписалъ нѣкоему экономy, іеромонаху Геннадію. „Расходы эти“, — по словамъ Р. С—а, — „можетъ быть дошли бы, Богъ знаетъ до какихъ размѣровъ, если бы въ 1829 г. экономъ, іеромонахъ Геннадій“ (слава Богу, нашелся хоть одинъ честный человѣкъ и къ удивленію даже монахъ!) „не положилъ конца такому *безцеремонному участію въ тратѣ казенныхъ припасовъ лицами*, которыя обязаны были содержать себя на свой счетъ; онъ настоялъ на томъ, чтобы даже самъ ректоръ платилъ за все, что отпускалось изъ студенческой кладовой для его стола“. Мы объ этомъ фактѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній, но современнику событій владыкѣ Платону услышать это было очень странно. „Вотъ“, — возразилъ владыка, „смѣлъ какой-либо экономъ Ген-

надій сдѣлать что-либо подобное! Просто ему приказано было, по совѣту ректора съ инспекторомъ, требовать плату со всѣхъ, начиная съ самого ректора для примѣра прочимъ". Наконецъ, по словамъ Р. С.—а, „къ числу нормальныхъ припадковъ слабости злоупотреблять казенными деньгами принадлежалъ также обычай угощать, во время экзаменовъ и при другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ, гостей на казенный счетъ". Существовалъ, да, хотя угощеніе это происходило и не строго на казенный счетъ. Скажемъ сначала слово о необходимости давать эти обѣды. Заведены они съ незапамятныхъ временъ не нами, а отцами нашими. Въ нашемъ же духовномъ мірѣ всѣ обычаи держатся очень крѣпко; мы во всемъ по сущности своего строя консервативны. Обѣды эти, напримѣръ, послѣ, такъ называемыхъ, публичныхъ экзаменовъ, чтились, какъ почтенное преданіе старины и посѣщались неотложно самыми сановными въ нашемъ вѣдомствѣ лицами, напримѣръ въ С.-Петербургской духовной Академіи митрополитами и прочими членами Св. Синода. Если же присоединить къ нимъ сановитѣйшихъ лицъ, какъ изъ монашескаго, такъ и бѣлаго духовенства столицы, да нѣкоторыхъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ Святѣйшаго Синода, да корпорацію служащихъ въ самой Академіи, да нѣкоторыхъ хотя высшихъ служащихъ изъ семинаріи, или даже изъ духовныхъ училищъ: то собраніе для публичныхъ обѣдовъ въ С.-Петербургской духовной Академіи составлялось такимъ образомъ всякій разъ весьма значительное, а въ провинціяхъ стародавній обычай требовалъ сверхъ собственнаго духовнаго вѣдомства приглашать на публичные экзамены еще начальниковъ губерніи и прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ городѣ. Кромѣ того, не мало людей изъ разныхъ сословій являлось сюда изъ любопытства; а послѣ экзаменовъ всегда почти всѣ эти лица, въ весьма почтенной цыфрѣ, изъ экзаменской залы переходили въ кельи ректора сдѣлать честь и трапезѣ семинарской. Случалось и то, что нѣкоторые являлись сюда съ этою спеціальною цѣлью. Но чтобы добропорядочно принять такихъ гостей и въ такомъ числѣ, требовались значительныя средства, значительныя приготовленія и немалые хлопоты, такъ что къ послѣднему времени, къ 60-мъ годамъ, обременительность этого обычая, сознанная уже давно, вызвала со стороны нѣкоторыхъ болѣе смѣлыхъ изъ нашей братіи усилія такъ или иначе уклониться отъ практическаго его соблюденія. Но скажите, посовѣтуйте, какъ скажетъ начальникъ Академіи, или семинаріи главенствующимъ лицамъ, что „на публичный экзаменъ мы-де-васъ просимъ, такъ какъ уставомъ обязаны просить, а на трапезу

послѣ экзамена, какъ требуетъ того обычай, не просимъ"? Мы знаемъ одинъ забавный и еще болѣе печальный случай попытки этого рода. Въ концѣ 50-хъ годовъ ректоръ одной семинаріи осмѣлился провести мысль, что не нужно бы дѣлать самаго публичнаго экзамена, какъ установленія, которое потеряло свой первоначальный смыслъ, которое превратилось въ лицемѣрную, фальшивую выставку; на это было ему возражено, что публичные экзамены требуются уставомъ, значитъ-умничанье здѣсь неумѣстно. Тѣмъ не менѣе, высказавъ нѣкоторые намеки о тягости кормить послѣ экзамена массу людей, иногда даже не званныхъ, ректоръ отважился не сдѣлать обычнаго экзаменскаго обѣда. Но каково же было его изумленіе и огорченіе, каковъ говоръ въ городѣ, когда оказалось, что главный начальникъ остался безъ обѣда, котораго и дома ему прислуга не приготовила, расчитавъ навѣрное на экзаменскій обѣдъ въ семинаріи! Отсюда открывается, что дѣлать эти обѣды даже и въ широкихъ размѣрахъ заставляла неволя. А на какія средства? Это другой вопросъ. Въ разныхъ учрежденіяхъ свѣтскаго вѣдомства на подобные случаи весьма нерѣдко ассигнуются весьма значительные *средства;* въ нашихъ же духовно-учебныхъ учрежденіяхъ ничего подобнаго не бывало. Въ самое послѣднее время между коллегіальными учрежденіями вошелъ въ силу обычай дѣлать общественныя угощенія, выражаясь просто по русски, въ складчину; но въ старые годы въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ эта мѣра возбуждала общее предубѣжденіе. И недаромъ: что было взять на какой-либо большой обѣдъ, для угощенія публики, съ большинства наставниковъ иной семинаріи, когда каждый изъ нихъ получалъ годоваго жалованья 257 р., а въ мѣсяцъ 21 р.; да и сами ректоры во многихъ семинаріяхъ получали только вдвое, то есть, всего около 500 рублей? Поэтому, на подобные случаи приходилось изворачиваться не кому другому, какъ именно экономамъ. Это совершенно справедливо, но было бы чистою клеветою сказать, что обязательные экзаменскіе обѣды устроялись на краденыя деньги, хотя это нерѣдко и предполагалось и говорилось. Странно сказать и выслушать,—устроялись они большею частью на *свиныя деньги.* Да, такъ, на *свиныя деньги*! Это особый спеціальный, тѣмъ не менѣе чуть ли не всероссійскій бурсацкій терминъ. Жалостно вспомнить эту печальную, а для другихъ, кто не несъ на себѣ грузную и не всякій разъ не грязную ношу нашей бурсацкой жизни, эту смѣшную старину. Откуда же происходили эти свиныя деньги вмѣстѣ съ оригинальнымъ ихъ прозвищемъ? А вотъ

откуда. Въ счетъ объѣдковъ ученической пищи, которую послѣ всякаго обѣда надо бы выкинуть вонъ, экономъ обязывался выкармливать свиней, которыя частью обращались на лакомство тѣмъ же ученикамъ въ большіе праздники, наприм. въ Пасху, или въ Рождество, а частью продавались съ спеціальною цѣлью, чтобы на вырученныя за нихъ деньги устроять обязательные публичные обѣды, которыхъ въ каждой семинаріи бывало не менѣе одного въ году, послѣ публичнаго экзамена — всегда и вездѣ, но кажется, и не болѣе двухъ, — другой дѣлался въ храмовой праздникъ въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ были свои домовыя церкви. По мѣстамъ же, для той же цѣли продавались самые объѣдки ученической пищи, особенно искрошенный, залитый жидкою пищею хлѣбъ; продавались кое-гдѣ даже помои отъ столовой посуды послѣ обѣда, излишняя, оставшаяся отъ прошлаго года до новой осени, прокисшая капуста; иногда старье ученическаго платья, бѣлья, обуви; иногда какой-либо негодный ломъ отъ посуды, или мебели; при чемъ однакоже послѣднія сколько-либо цѣнныя статьи большею частью продавались съ публичныхъ торговъ по журналамъ семинарскаго правленія, вслѣдствіе чего вырученныя деньги уже не могли быть злоупотреблены на какой-либо обѣдъ, а записывались законнымъ порядкомъ на приходъ и правильно шли на нужды заведенія. Но почти во всѣхъ краяхъ Россіи, насколько намъ извѣстно, существовалъ обычай откармливанья съ этою спеціальною цѣлью, именно, свиней, почему и вырученныя за нихъ деньги носили странное прозвище *свиныхъ денегъ*. Даже С.-Петербургская духовная Академія не избѣгла этой спеціальной странности *давать публичные обѣды на свиныя деньги*. Въ нашу пору, въ 50-хъ годахъ, этого обычая въ этой Академіи уже не было; но въ пору ректорства о. Іоанна онъ былъ и господину Р. С—у, такъ хорошо до мелочей знакомому съ бытомъ Академіи, это, конечно, хорошо извѣстно. Ну, созовите теперь присяжныхъ судей со всѣхъ концовъ Россіи и поставьте предъ этимъ почтеннымъ судилищемъ всѣхъ ректоровъ академій и семинарій стараго, впрочемъ недавно прошедшаго времени, которые давали, — а многіе-ль изъ нихъ не давали? — обязательные публичные обѣды въ счетъ *свиныхъ денегъ*, и пусть господинъ Р. С. — плохой прокуроръ, который самъ себѣ измѣняетъ, который, желая обвинить, оправдываетъ, — пусть онъ скажетъ: вотъ духъ вѣка, пуританскій духъ послѣднихъ дней требуетъ осудить сихъ представителей вѣка отжившаго, какъ людей безчестныхъ, какъ людей корыстныхъ, своекорыстно злоупотреблявшихъ казенными

деньгами, какъ даже—тяжко сказать—воровъ, заставлявшихъ и даже учившихъ воровать другихъ, подвѣдомыхъ имъ экономовъ:—они роскошествовали на казенный счетъ, угощая публичными обѣдами на *свиныя деньги*.... Сомнительно, чтобы между присяжными судьями нашелся хотя одинъ серьезный человѣкъ, который позволилъ бы себѣ даже улыбнуться, дослушавшись до такой сути обвиненія; а навѣрное, не нашлось бы ни одного, который рѣшился бы кинуть въ обвиняемыхъ камнемъ осужденія. А между тѣмъ Р. С., человѣкъ серьезный, надо думать—христіанинъ, надо думать — изъ нашихъ, надо думать — питомецъ осуждаемыхъ имъ воспитателей, швыряетъ за это комками грязи въ могилы русскихъ іерарховъ, въ свѣжую могилу преосвященнаго архіепископа Смарагда, въ едва засыпанную могилу, или лучше—въ смертный одръ преосвященнаго архіепископа Іоанна!

Но позвольте однакоже, отчего-же о. Іоаннъ плохо кормилъ студентовъ, такъ плохо, какъ преемники его не кормили? А мы въ свою очередь спросимъ обратно: а предмѣстники его кормили лучше его? Замѣчательно, что Р. С., какъ мы замѣтили уже, принадлежитъ къ числу не сильныхъ обвинителей, такъ какъ въ самомъ обвиненіи онъ даетъ оружіе противникамъ для собственной защиты. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ и въ разсматриваемомъ случаѣ плохаго кормленія студентовъ стоитъ только переставить посылки обвинительнаго силлогизма, почти даже не измѣняя буквальныхъ выраженій Р. С—а, и изъ обвинительной его рѣчи выйдетъ защитительная. Сдѣлаемъ попытку подобной перестановки. „Веселый, разбитной характеръ Доброзракова не подходилъ къ господствовавшему до него аскетическому тону въ Академіи. Любя“, до извѣстной степени, „свободу въ жизни и мысляхъ, онъ и на должности ректора не стѣснялъ ни наставниковъ, ни студентовъ.“ Тѣмъ не менѣе сколько по сознанію долга, столько-же и по благоразумію онъ остерегался, чтобы *„не было очень рѣзкихъ отступленій отъ заведенныхъ порядковъ“*. Въ этомъ общемъ отзывѣ о немъ Р. С—а, по нашему мнѣнію, заключается ключъ къ объясненію всей начальственной дѣятельности о. Іоанна на ректорствѣ въ С.-Петербургской Академіи.—„До Доброзракова Академія, находясь *подъ суровымъ аскетическимъ и монашески — деспотическимъ управленіемъ Филарета Дроздова и Григорія Постникова, начала было принимать видъ какой-то полу-киновіи.* При Доброзраковѣ это измѣнилось во многомъ“, хотя и не во всемъ, такъ какъ требовалось дѣйствовать исподоволь, безъ рѣзкихъ перемѣнъ. Такъ напримѣръ,

„Доброзракову, какъ ректору, нельзя было совсѣмъ не убѣждать студентовъ поступать въ монашество, иначе грозило неблаговоленіе высшихъ властей; но убѣжденія его въ этомъ случаѣ отличались“ особымъ „оригинальнымъ“ характеромъ, такъ что „не инспекторствуй тогда въ Академіи *Иннокентій Борисовъ*, она“ много потеряла-бы своего монашескаго характера. „Не принуждая студентовъ къ монашеству, Доброзраковъ былъ къ нимъ не только не придирчивъ, даже очень снисходителенъ, чуть чуть не потачливъ; разумѣется, нельзя-же было не дѣлать иногда взысканій, иначе“ молодежь могла забыться. „Наконецъ и наставники при Доброзраковѣ могли вздохнуть посвободнѣе. Ректоры Филаретъ Дроздовъ и Григорій Постниковъ старались подчинить особенно холостяковъ, жившихъ въ академическомъ домѣ, почти *той-же самой дисциплинѣ*, которой держались относительно студентовъ. При Доброзраковѣ наставники позволяли себѣ говорить лекціи, не опасаясь, что имъ тотчасъ *зажмутъ ротъ* за всякое слово, которое можно заподозрить въ либерализмѣ: если-бы *Иннокентій Борисовъ* служилъ въ Петербургской духовной Академіи при другомъ какомъ-либо ректорѣ, то ему не удалось-бы говорить тѣ воодушевленныя и увлекательныя лекціи, которыми онъ отличался“. Но, взявъ на свой рискъ и отстоявъ рѣдкимъ своимъ благоразуміемъ мѣру, чтобы пища умственная подавалась студентамъ болѣе щедрою рукою, о. Іоаннъ не простеръ свою отвагу до того, чтобы дозволить нѣкоторое обиліе и въ тѣлесной пищѣ, казавшееся тогда высшимъ властямъ роскошью и прихотью. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ съ тонкимъ тактомъ настоящаго дипломата, основательно соображая, что нѣкоторое постепенное послабленіе въ Академіи ригористическаго полу-монастырскаго духа, развиваясь мало-по-малу, будетъ незамѣтно; а переходъ полу-монастырской строгости къ послабленію въ столовой былъ-бы явенъ для всякаго, самаго простаго глаза и сейчасъ возбудилъ-бы неблагопріятные для новаго направленія въ Академіи толки. Оттого-то о. Іоаннъ весьма не жаловалъ того, чтобы студенты, забывая высшій интересъ, для котораго существовали въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи, обращали своими криками вниманіе на интересы своихъ желудковъ! Поэтому-то и случалось, что когда „дежурный старшій докладывалъ ректору, что все хорошо и пища хороша, то Доброзраковъ съ милою улыбкою говаривалъ: „да, я знаю, тамъ все хорошо, ступайте съ Богомъ, спасибо вамъ“. Но если старшему припадала охота назвать пищу дурною, тогда начальникъ, расположившись на диванѣ и подозвавъ къ себѣ любимца своего — кота“, любя во всемъ

и всегда давать уроки благоразумія иносказательно, начиналъ „спрашивать старшаго: „вы говорите, что пища дурна?.... А чѣмъ-же дурна?..., Я самъ того-же мнѣнія; вотъ какъ-то поваръ мой далъ вашъ супъ моему коту, такъ и котъ зафыркалъ, но не сталъ кричать и жаловаться... И самъ я того-же желаю. Ступайте, я скажу эконому". Понимая тонкую мысль своего умнаго начальника, современные ему студенты (о чемъ свидѣтельствуетъ преосвященный Платонъ, архіепископъ Донской) и не думали роптать на скудость академической столовой, тѣмъ болѣе, что пища была, положимъ, проста и не прихотлива, но для удовлетворенія потребности достаточна. Наши архипастыри того и даже позднѣйшаго времени крѣпко стояли за идею, что питомцы духовно-учебныхъ заведеній не должны быть пріучаемы ни къ роскоши въ столѣ, ни къ щеголеватости въ одѣяніи, ни къ блеску въ помѣщеніи. Перемѣна въ противномъ смыслѣ проникла въ наши училища не вдругъ и не безъ большихъ затрудненій и противленія. Къ лучшему-ли, укажетъ время. Но въ тотъ періодъ, въ періодъ ректорства о. Іоанна, идея улучшенія внѣшности даже академій еще мало созрѣла и выяснилась. Только уже преемникъ о. Доброзракова о. Смарагдъ Крыжановскій „улучшилъ студенческую пищу"; какъ человѣкъ болѣе отважнаго и простаго характера, *„онъ не побоялся въ этомъ случаѣ даже дѣйствовать противъ академическаго устава*, приказавши на обѣдъ готовить вмѣсто двухъ три блюда. Онъ же первый завелъ, чтобы въ каждый постный день студентамъ приготовлялось хоть одно блюдо изъ свѣжей рыбы, хотя это и *запрещено церковными постановленіями.*" Въ возмездіе за эти послабленія, которыя въ новѣйшее время стали столь обычными и терпимыми даже уставомъ, но въ описываемое время были очень смѣлыми и для нововводителей даже опасными нововведеніями, о. Смарагдъ „спеціальною своею задачею считалъ истребленіе *якобы* появившагося между студентами *вольнодумства, неологизма, раціонализма, либерализма*", при чемъ онъ дѣйствовалъ по особымъ указаніямъ преосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго *Серафима*, и „правду сказать, дѣйствовалъ усердно." Отсюда становится совершенно понятнымъ, почему о. Іоаннъ Доброзраковъ, не имѣя въ своемъ характерѣ прямоты и смѣлости о. Смарагда, за то обладая тонко-дипломатическимъ чутьемъ и осмотрительно направляя Академію къ ея высокому призванію быть разсадницею истинной богословской науки, предпочиталъ лучше относиться съ нѣкоторою якобы либеральною благосклонностью къ нѣкоторой свободѣ лекцій высокихъ умовъ, въ родѣ

Иннокентія, чѣмъ ронять свое высокое положеніе и дѣло либеральничаньемъ въ пользу студенческихъ желудковъ. Потому-то онъ и не отваживался въ студенческомъ столѣ на нововведенія, которыя не совсѣмъ согласны были даже съ академическимъ уставомъ, а тѣмъ болѣе съ постановленіями церковными, на что, при обычной своей прямотѣ и простому доброжелательству къ людямъ, отважился о. Смарагдъ Крыжановскій. А что нововведенія по студенческому столу о. Смарагда были, дѣйствительно, нововведеніями, это видно между прочимъ и изъ отношенія къ нимъ его преемника о. Венедикта Григоровича, который трактовалъ ихъ слишкомъ свободно, какъ нововведенія незаконныя, настаивая въ столѣ студенческомъ на стародавней идеѣ постническаго воздержанія. Такъ какъ „Крыжановскій любилъ хорошо кормить студентовъ и удовлетворять ихъ жалобамъ на случайные недостатки въ пищѣ“; то „студенты начали по прежнему относиться и къ новому ректору о. Венедикту, но скоро увидали, что онъ употребляетъ особый оригинальнѣйшій способъ улучшать пищу. Какъ скоро дежурный старшій пожалуется ему, что была плохая говядина, или рыба, или каша и т. п.; то ректоръ иногда съ сарказмомъ скажетъ, „а вотъ я велю эконому исправить“. Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣло оканчивалось тѣмъ, что въ теченіи недѣли, или двухъ студентамъ за обѣдомъ *вмѣсто трехъ*“ (по нововведенію о. Смарагда) „подавали только *два блюда*“ (по уставу), „лишая ихъ жаркого изъ говядины. Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что студенты перестали жаловаться на недостатки пищи; спасибо еще инспектору“ (Платону, нынѣ архіепископу Донскому), „который заступался за студентовъ въ такихъ случаяхъ“. Вотъ это значитъ дѣйствовать просто и прямо. А о. Іоаннъ Доброзраковъ, какъ тонкій, гибкій, элегантный умъ, любилъ дойти до цѣли тонкими изгибами; да и цѣль-то имѣлъ въ виду болѣе тонкую и возвышенную—сытость больше студенческихъ умовъ, чѣмъ желудковъ. Съ этой точки зрѣнія получаютъ истинное настоящее свое значеніе иносказательныя нравоученія, преподанныя имъ, въ разсказѣ Р. С—а, какъ чередному старшему, такъ и эконому. Урокъ первому значилъ, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ;* а нравоученіе второму могло означать не иное что, какъ: *будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе.* Даже Р. С. не вѣритъ самъ себѣ, чтобъ это нравоученіе эконому можно было понять въ буквально-пошломъ и преступномъ значеніи урока, какъ воровать. „Все это было сказано“, — пишетъ Р. С.,— „полушутя, полу-серьезно:

понимай какъ хочешь“! Нѣтъ, не какъ хочешь, — понимай, а какъ должно *).

Тяжко сказать и выразимся съ возможною сдержанностью: кидая позорящими двусмысленностями, Р. С. прячется за прикрывающую анаграмму своего имени. Видно, самъ чувствуетъ, что дѣлаетъ дѣло не совсѣмъ хорошее, даже нѣсколько рискованное. А пусть бы онъ открыто сталъ здѣсь у насъ, гдѣ-либо на Дону, да и попробовалъ бы открыто швырнуть чѣмъ-либо въ досточтимую память недавно-почившаго святителя: и посмотрѣли бы мы, чѣмъ бы кончилось подобное святотатство; вѣрнѣе всего, что оно само закидано было бы грязью и хорошо бы еще, если бы только грязью... Для подобнаго нелѣпаго посягательства преосвященный Іоаннъ недосягаемъ не только самъ по себѣ, по своему безкорыстію и даже безсеребренничеству, но и по убѣжденіямъ людей. Здѣсь, на Дону хорошо извѣстно, что у него не было почти никакого имущества; что образъ жизни велъ онъ крайне уединенный и весьма простой; что оклады его были весьма скудны, причемъ и то, что получалъ, онъ раздавалъ нуждающимся; раздавалъ явно, но еще болѣе тайно и только теперь, по смерти открываются люди, чрезъ руки которыхъ шли его тайныя благотворенія. Эти же люди говорятъ, что, не имѣя самъ чѣмъ помочь нуждающемуся, онъ нерѣдко одолжался у другихъ; одолжался иногда даже и по мелочамъ, напримѣръ займетъ, бывало, для подачки нуждающемуся какіе-либо пять рублей. Люди знающіе, говоря о немъ, выражаются, даже настаиваютъ на выраженіи,

---

*) На-дняхъ одинъ истинно-образованный и благовоспитанный свѣтскій человѣкъ изъ здѣшнихъ, выражая намъ сожалѣніе, что въ статьѣ Р. С—а такъ не достойно уроненъ достойный благороднаго сочувствія характеръ преосвященнаго архіепископа Іоанна, разсказалъ намъ слѣдующій непосредственно извѣстный ему случай: „законоучитель одного женскаго учебнаго заведенія, человѣкъ только изъ семинаристовъ, не получившій высшаго академическаго образованія, идей узкихъ и характера нѣсколько искательнаго, властолюбиваго, имѣлъ слабость вмѣшиваться въ дѣла, вовсе его профессіи не касающіяся, напримѣръ даже въ характеръ преподаванія другими наставниками заведенія своихъ предметовъ вовсе небогословскаго содержанія. Между тѣмъ перемѣнилось въ заведеніи представительство власти; между дѣтьми открылись болѣзни; понадобилось обсудить вопросъ о разрѣшеніи постовъ въ заведеніи. Законоучитель не преминулъ пойти къ преосвященному архіепископу Іоанну съ доносомъ на эту мѣру. Владыка спокойно выслушалъ его, да и спрашиваетъ: „что же? Вы завтракаете съ ними ?“—Законоучитель отвѣчаетъ, что—нѣтъ.—„Ну, такъ обѣдаете“?—продолжаетъ спрашивать Владыка. — Нѣтъ, и не обѣдаю, Ваше Высокопреосвященство.—„Ну, такъ значитъ — ужинаете“?—И не ужинаю, Ваше Высокопреосвященство.—Преосвященный Іоаннъ оборотилъ къ нему спину и пошелъ къ себѣ. „За истину факта ручаюсь“,—заключилъ нашъ собесѣдникъ,—„вѣдь это и остроумно, и поистинѣ симпатично“.—Р. С. сказалъ бы тутъ: „понимай, какъ хочешь“.—А мы говоримъ: „нѣтъ, пойми урокъ гуманной пастырской мудрости, какъ должно“.

что онъ былъ подвижникъ. Да, нѣкоторые факты его жизни обнаруживаютъ нѣчто, дѣйствительно, необычное. Какъ оказалось при посмертномъ осмотрѣ его имущества, который мы сами лично производили, внутренній келейный бытъ его, при необыкновенной опрятности, былъ необычайно скуденъ. Его собственныя руки работали надъ чистотою его кабинета; его очень неизысканнаго платья, его скуднаго бѣлья: чужія руки къ этой статьѣ у него не прикасались. Нѣкоторый блескъ, при безукоризненномъ приличіи его архіерейскаго кабинета, дѣлали только иконы и книги, книги въ кабинетѣ почти исключительно священно-церковныя. Собственно же библіотека у почившаго владыки для частнаго лица была, можно сказать, богатая. Гардеробъ имѣлся чистый, опрятный, но скудный, и все темнаго цвѣта. Металлическихъ вещей почти никакихъ. Что было лучшаго, онъ за годъ до смерти отдалъ одному изъ своихъ внуковъ, или племянниковъ. Воспитанное всѣмъ строемъ его восьмидесятилѣтней жизни, отвращеніе его ко всякимъ хозяйственнымъ расчетамъ не могло быть побѣждено и въ послѣднія его минуты. Когда окружающіе нашли нужнымъ напомнить ему о завѣщаніи, онъ, какъ будто, не понималъ необходимости этого акта: „Зачѣмъ оно нужно“? — „Да что скажутъ о насъ“? — возражали ему его близкіе, — „могутъ подумать о насъ, Богъ знаетъ что“. — „У меня ничего нѣтъ, нечего завѣщать; что было, я отдалъ роднымъ при жизни; библіотеку отдалъ въ распоряженіе преосвященнаго архіепископа Платона для Донской семинаріи; прочее отдать нуждающимся и чтобъ никакого дѣлежа по смерти моей не было, чтобъ никакого дѣлежа“. — „Да вѣдь, владыка, безъ завѣщанія по смерти вашей такъ не поступятъ, какъ вы желаете“. — „Ну какъ хотятъ; мнѣ не до того теперь“. — На томъ и устоялъ до послѣдней минуты, до послѣдняго вздоха, распорядился словесно, гдѣ въ храмѣ похоронить его. Сдѣлалъ нѣкоторыя соображенія и распоряженія на счетъ похоронъ. Просилъ молитвъ живыхъ, отсутствующихъ людей. И безъ особой туги, хотя и не безъ болѣзни, преставился къ Богу. Впрочемъ, онъ не только ждалъ смерти, но и зналъ ея близость. Инспектору семинаріи, который зимою, прощаясь съ нимъ, еще здоровымъ, обѣщалъ посѣтить его въ лѣтнюю вакацію, владыка возразилъ вопросомъ: „а когда у васъ вакація начинается“? — и когда тотъ отвѣтилъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ, владыка сказалъ ему рѣшительно и спокойно: „не увидимся“. Подобнымъ же образомъ и другіе близкіе къ нему люди намъ говорили, что за полгода до смерти онъ сталъ уже неземной человѣкъ и видъ сдѣлался такой необычайный, глаза

такіе большіе, свѣтлые, спокойные, смотрящіе какъ-то внутрь. Изъ этого тѣла, въ послѣднюю половину года почти вовсе не вкушавшаго пищи и питія, почти не имѣвшаго сна, уже ясно, гораздо яснѣе чѣмъ прежде, выглядывалъ духъ, мысленно устремленный къ небу, дышавшій непрестанною молитвою, внутренно глубоко волнуемый тревогою о близкомъ предстояніи престолу суда Божія... Близкіе люди знаютъ, что у него много было его собственныхъ писаній; но, чувствуя близкую кончину, онъ около мѣсяца времени занимался разборкою этой Соломоновской суеты чувствъ, ума, этихъ наиболѣе дорогихъ для кабинетнаго мыслящаго человѣка памятниковъ пережитаго, передуманнаго, часто перестраданнаго, и, садясь у затопленной печки, почти все написанное имъ самимъ сжегъ: „дорого, жаль“, — говаривалъ при этомъ, — „но пусть земля идетъ въ землю, а духъ къ Богу, Иже даде его... Суета“... Такъ онъ пережегъ весь свой бумажный кабинетъ. Остались только бумаги документальныя, царскія граматы, письма іерарховъ и разныхъ вельможъ и немногихъ частныхъ лицъ; вся же остальная корреспонденція сожжена. Оставлены также писанія, которыми старецъ очевидно занимался и дорожилъ, особенно въ послѣдніе дни, — это разныя душеспасительныя, чисто келейныя, для себя самого, размышленія и молитвенныя воздыханія къ Богу и Святымъ Его; все это писано на лоскуткахъ бумаги старческимъ, но необычайно отчетливымъ и крѣпкимъ почеркомъ *).

Двадцатилѣтнее архипастырство преосвященнаго Іоанна на Дону пріобрѣло ему, можно сказать, не обинуясь, прочную славу, сердечное уваженіе мѣстнаго населенія. Посему, представители кореннаго Ново-Черкасскаго казачества являлись къ преосвященному архіепископу

*) Видя, мы не понимали, что значитъ это множество лоскутковъ бумаги съ написанными на нихъ молитвословіями; но загадку эту объяснило намъ на-дняхъ полученное нами письмо отъ одной близкой къ почившему старцу святителю личности, которая услышавъ, что между бумагами почившаго попадались намъ списанныя имъ молитвословія, проситъ утѣшить ее, если можно, присылкою этихъ молитвословій, сообщая, что у нея осталось нѣсколько пачекъ такихъ же списанныхъ имъ молитвъ, и на нѣкоторыхъ помѣчено число и годъ, — что при пересмотрѣ ихъ вспоминается слово *Іоанна Лѣствичника, что молитва есть зеркало духовнаго возрастанія*, — что она собрала всѣ молитвы отъ 1828 г. до 1870 г., и къ восторгу ея передъ нею открылась цѣлая внутренняя жизнь этой души, ея постепенное преуспѣяніе, очищеніе, просвѣщеніе, совершенство,— только при этомъ не оказалось молитвъ, писанныхъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, что составляетъ ощутительный пробѣлъ... Отсюда открывается, что эти молитвословія были дѣломъ цѣлой многолѣтней жизни, которому почившій старецъ— святитель давалъ глубокое значеніе. Потому-то знающіе его и настаиваютъ, — какъ настаивалъ предъ нами на-дняхъ еще одинъ станичный землевладѣлецъ-казакъ,— что почившій былъ *подвижникъ*, былъ *такой постникъ*..

Примѣч. автора.

Платону съ просьбою о перенесеніи честныхъ останковъ въ Бозѣ почившаго архипастыря въ каѳедральный городъ. Но вопросъ по этому предмету въ настоящее время затруднительно рѣшить въ положительномъ смыслѣ потому, что не оказывается надлежащаго приличнаго мѣста для погребенія мѣстныхъ архипастырей, такъ какъ Новочеркасскъ не имѣетъ пока ни настоящаго каѳедральнаго собора (каменный соборъ не достроенъ, а деревянный изветшалъ и предполагается къ сноскѣ), ни монастыря; а въ приходскихъ церквахъ хоронить архіереевъ нѣтъ обычая. Видно, доброму желанію мѣстнаго козачества суждено до поры до времени остаться безъ практическаго осуществленія только выраженіемъ искренняго и глубокаго уваженія къ памяти въ Бозѣ почившаго архіепископа Іоанна.

Въ заключеніе сообщимъ главныя черты его жизни на основаніи послужнаго его списка. Родился онъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Сынъ священника Стефана Михайлова, въ мірѣ назывался Михаилъ Доброзраковъ. Обучался сперва въ Нижегородской семинаріи, а въ 1817 г. кончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной Академіи со степенью магистра и опредѣленъ профессоромъ въ Черниговскую духовную семинарію. Тамъ-же, въ слѣдующемъ 1818 г. поставленъ начальникомъ Черниговскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Въ 1819 г. въ августѣ мѣсяцѣ переведенъ въ С.-Петербургскую духовную Академію баккалавромъ по классу церковнаго краснорѣчія и постриженъ въ монашество, съ причисленіемъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской Лавры. Въ 1821 г. опредѣленъ инспекторомъ Академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. До посвященія въ санъ епископа носилъ званіе архимандрита—настоятеля Владимірской епархіи Юрьева-Польскаго монастыря, затѣмъ второкласснаго Новгородскаго Антонія Римлянина монастыря, далѣе второкласснаго Московской епархіи Можайскаго Лужецкаго монастыря, и, наконецъ, первокласснаго Пинскаго монастыря Минской епархіи. Въ 1824 г. переведенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной семинаріи, съ званіемъ и благочиннаго надъ законоучителями въ кадетскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1825 г. за сочиненіе подъ названіемъ: Delineatio hermeneuticae Sacrae, предварительно разсмотрѣнное и одобренное докторами богословія, конференціею Академіи единогласно признанъ и Коммиссіею духовныхъ училищъ утвержденъ докторомъ Богословія. А въ январѣ 1826 г. былъ уже ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной Академіи, оставаясь на

этомъ постѣ до 1830 г.; въ этомъ-же году, августа 5, хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ въ казанскомъ соборѣ, въ епископа Пензенскаго. Въ январѣ 1835 г. переведенъ на архіерейскую Нижегородскую каѳедру, на которой оставался 12 лѣтъ. Наконецъ, въ январѣ 1847 г. возведенъ въ званіе архіепископа Донскаго, каковымъ пребывалъ ровно 20 лѣтъ до 1867 г. А съ этого года пребывалъ на покоѣ въ Кременскомъ Вознесенскомъ монастырѣ Донской епархіи. Всего житія его было 82 года. Достойно замѣчанія, что въ своей жизни онъ нѣсколько разъ дѣлалъ значительныя пожертвованія книгами въ пользу разныхъ учебныхъ заведеній, за что и удостоивался выраженій особой признательности начальства. Такъ, въ 1826 г. изъявлена ему благодарность отъ митрополита С.-Петербургскаго Серафима за пожертвованіе при перемѣщеніи ректоромъ въ Академію, разнаго рода книгъ для С.-Петербургской семинаріи и Александро-Невскаго училища. Въ 1836 г. получилъ изъявленіе благодарности отъ начальства Казанскаго Университета за пожертвованіе Пензенской гимназіи разныхъ книгъ на значительную сумму, предъ отъѣздомъ изъ Пензы въ Нижній. Въ то же время изъявлена ему благодарность и отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ за пожертвованіе въ пользу Пензенской семинарской библіотеки значительнаго-же количества книгъ, преимущественно богословскаго содержанія на разныхъ языкахъ. Было-бы весьма прискорбно, если бы не осуществилась его предсмертная воля на счетъ поступленія оставшейся по смерти его библіотеки въ пользу семинаріи Донской: въ частныхъ рукахъ и слѣдъ этой библіотеки скоро исчезнетъ, а въ библіотекѣ Донской семинаріи, недавно основанной и притомъ весьма еще скудной библіотечными сокровищами, Іоанновская библіотека послужила бы капитальнымъ основаніемъ, съ сохраненіемъ имени первоначальнаго Іоанновскаго отдѣла библіотеки на цѣлые вѣка.

Въ заключеніе долгомъ своимъ считаемъ сказать нѣсколько апологетическихъ словъ въ защиту памяти отшедшаго къ Богу преосвященнаго архіепископа *Смарагда Крыжановскаго*. Богъ связалъ его съ архіепископомъ Іоанномъ въ жизни по преемству въ С.-Петербургской духовной Академіи; Р. С. связалъ ихъ въ одномъ общемъ хуленіи ихъ посмертной памяти. Грустно было-бы раздѣлить ихъ и въ выраженіи чувствъ уваженія къ нимъ и признательности общихъ ихъ почитателей.

Съ первыхъ строкъ разсматриваемой нами статьи Р. С—а объ о. *Смарагдѣ Крыжановскомъ* чувствуется тенденція дать этой лич-

ности пошлый или даже ненавистный характеръ. Очевидно, что это пишетъ человѣкъ или озлобленный, или несвѣдущій, лично незнавшій архипастыря вблизи и говорящій о немъ по кощунственной народной молвѣ; во всякомъ же случаѣ не обладающій качествами мудреца — философа, который обходитъ человѣческія немощи сострадательнымъ молчаніемъ, а тѣмъ менѣе качествами добраго христіанина, который по христіанской любви долготерпитъ, не радуется о неправдѣ, все покрываетъ, блюдый себе, да не и самъ искушенъ будетъ, благоговѣйно памятуя наставленіе Апостола..... Правда, личность преосвященнаго архіепископа Смарагда легла, на долгое-ли, на короткое-ли время не знаемъ, но легла въ знаменіе пререкаемо. Его старость, болѣе или менѣе немощная во всѣхъ, пришлась какъ разъ на то крайне возбужденное время, на послѣдніе 50-е и первые 60-е годы, когда казалось, будто вся Россія сдвинулась съ своихъ историческихъ основъ, съ завѣтныхъ своихъ убѣжденій, забыла всѣ принципы уваженія къ старинѣ, къ историческимъ преданіямъ, къ памяти отцовъ; по крайней мѣрѣ, то вѣрно, что Россія молодая, или даже не молодая, а красноватая, подернутая краснымъ признакомъ радикализма, считала своимъ призваніемъ, гражданскимъ долгомъ и доблестью позорить все старѣйшее себя, начиная съ родныхъ отцовъ и матерей. Это называлось тогда— *сознавать грязь*, изъ которой всѣ мы вышли. Въ эту-то смутную эпоху борьбы противъ авторитетовъ, злословію нападающей котеріи попалась на зубы личность преосвященнаго архіепископа Смарагда, личность антипатичная этой котеріи уже по своему монашеству и сановности, а въ добавокъ къ этому личность самыхъ старозавѣтныхъ воззрѣній на отношенія власти и авторитета къ подчиненности, личность, одаренная отъ природы характеромъ наиболѣе открытымъ и даже рѣзкимъ, и, — сознаться должно, не лишенная недостатковъ, которые кидались всѣмъ въ глаза, именно вслѣдствіе природной несдержанности, вслѣдствіе кипучести натуры. Оттого эту личность поймали на зубы сначала растлѣнные новѣйшимъ отрицаніемъ Орловскіе бурсаки, которые и пустили въ оборотъ извѣстный кощунственный акаѳистъ. Затѣмъ поймали на зубы радикалы изъ чиновнаго дворянства, которыхъ обжигала рѣзкая прямота этого архіерея, который всюду, на всѣхъ мѣстахъ своего служенія, не задумывался называть вещи по имени, хотя бы это были вещи и нехорошія, хотя бы даже онѣ замѣчались и въ высшихъ сановникахъ. Вѣдь преоскорбительно въ самомъ дѣлѣ, когда неприличное поведеніе въ церкви открыто назовутъ безобразіемъ, неуваженіе

къ святынѣ — кощунствомъ, скандалъ-скандаломъ и т. п. Могутъ ли извинять подобныя вещи люди, набитые только барствомъ и всякими благами міра сего, но зато лишенные всякаго духовнаго истинно-человѣчнаго содержанія, въ родѣ большаго барина *Д—ва*, который митрополиту *Іосифу Сѣмашкѣ* въ Западномъ краѣ осмѣлился сказать: „не знаю, чѣмъ православіе лучше католичества; но то вѣрно, что кухня католическая лучше православной"?... Тутъ, въ этихъ жалкихъ словахъ весь человѣкъ съ его человѣческимъ достоинствомъ... На нашихъ глазахъ этотъ архіерей—преосвященный Смарагдъ послалъ полицейскаго чиновника снять шапку губернатору, который надѣлъ ее въ примѣръ другимъ во время крещенскаго крестнаго хода на Іордань. Ну, могъ ли губернаторъ простить подобную непростительную смѣлость! Да и какъ странно вышло? Неся на головѣ крестъ, выглядывая изъ подъ священнаго покрова—воздуха, которымъ лицо его почти совсѣмъ было закрыто, архіерей видитъ вблизи—впереди себя какого-то человѣка, который, надвинувъ на лобъ бобровую фуражку, кутается въ косматый воротникъ медвѣжьей шубы; архіерей, не долго думая, да и не имѣя возможности разобрать кто это, говоритъ полицейскому чиновнику: „ступай, сними шапку этому д—ку". А д—къ то оказался важный баринъ. Анекдоты о подобныхъ столкновеніяхъ, равно какъ и грязные продукты бурсацкой фантазіи, стали собирать писаки въ родѣ Помяловскаго, которымъ нужна была грязь и грязь, много грязи, чтобы запачкать и закидать ею, по возможности, всѣ вѣковые авторитеты. И вотъ печатныя повѣсти о разныхъ авторитетахъ, начиная съ самыхъ высокихъ, пошли появляться сперва за-границею, съ легкой руки А. И. Герцена. Онъ, извѣстно, грозилъ, только грозилъ, но не успѣлъ и, по незнанію спеціальности, не смогъ поднять монашескія рясы. Однако-же голосъ его вопіялъ не въ пустынѣ. Покровительствуемый даже авторитетами, Бакунинъ открылъ путь за-границу и этой закрытой спеціальности, сдѣлавъ, Богомъ проклятую, первую попытку приподнять на показъ Европѣ *свою рясу*. Время было благопріятное: плотина прорвалась. У предтечи нашлись и послѣдователи. Между всякими повѣстями появились за-границею повѣсти уже и объ архіереяхъ. Оттуда тайными протоками эта нечисть умовъ, копившихъ грязь, протекла и въ Россію. Въ этихъ-то заграничныхъ изданіяхъ мы читали то самое, что теперь напечатано въ „Вѣстникѣ Европы". Русскій прогрессъ идетъ мѣрнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Какъ будто и стѣсняемая во многомъ, Русская печать впервые выставила публикѣ на показъ авторитетъ архіерей-

скій съ затѣненной стороны. Звѣрю, готовому ринуться на многое, кидаютъ въ жертву то, что не такъ дорого, какъ своя собственная рубашка...

Когда враждебная намъ сторона кощунствуетъ, а мы молчимъ, то удивительно-ли, что вещи нашего быта и лица нашего званія являются во враждебныхъ писаніяхъ, а оттуда и въ сознаніи читающаго люда въ видѣ превратномъ, позорномъ и вредоносномъ? Между прочимъ, именно личность преосвященнаго архіепископа Смарагда является въ печати и возбужденномъ печатью говорѣ въ видѣ невѣрномъ, далекомъ отъ того основаннаго на близкомъ изученіи и основательномъ убѣжденіи представленія, какое имѣютъ объ этой личности люди, имѣвшіе честь и счастье знать ее вблизи.

Къ числу такихъ людей имѣлъ честь и счастье принадлежать пишущій эти строки. Въ дѣтствѣ, именно съ 1835 по 1842-й годъ, онъ былъ пѣвчимъ Могилевскаго архіерейскаго хора, при трехъ Могилевскихъ архіепископахъ *Гавріилѣ (Городковѣ), Смарагдѣ (Крыжановскомъ) и Исидорѣ (Никольскомъ).* Всѣ эти три святителя были личности замѣчательныя, каждая въ своемъ родѣ. О первой и третьей позволимъ себѣ сказать коротко, именно, чтобы только опредѣлить по сравненію съ ними отличительный характеръ и особенности преосвященнаго архіепископа Смарагда. Предмѣстникъ его преосвященный архіепископъ *Гавріилъ* былъ во плоти ангелъ. Не видѣли мы у архіереевъ лица прекраснѣе этого лица, именно ангелоподобнаго лица: черты тонкія, мягкіе глаза небесные, улыбка—награда для смертнаго, который успѣлъ ее уловить, кротость—грація въ чертахъ лица неземная, общій ликъ святителя совершенно иконный; голосъ, пріемы, манера обращенія истинно архіерейскіе; нѣкоторая иноческая вялость въ жестахъ, медлительность въ движеніяхъ, мягкая ласкающая тихость говора; мѣрность жизни, постоянное бдѣніе надъ собою, молитвенный духъ носили въ себѣ и внушали другимъ идею достоподражаемаго святителя Божія. Ближайшій преемникъ преосвященнаго архіепископа Смарагда, преосвященный епископъ, а потомъ архіепископъ Исидоръ обладалъ тѣми рѣдкими качествами, которыя по краткомъ пребываніи его на каѳедрѣ Могилевской, провели его по высшимъ каѳедрамъ экзархіи Грузинской и митрополіи Кіевской до первосвятительства на каѳедрахъ Новгородской и С.-Петербургской. Вторымъ по Могилеву преемникомъ преосвященнаго Смарагда былъ также весьма замѣчательный архипастырь, преосвященный епископъ, а потомъ архіепископъ *Анатолій*, докторъ

Богословія, личность многоученая, постоянно занимавшаяся наукою, ораторъ, живописецъ, можно сказать, даже поэтъ, душа артистическая, характеръ въ высшей степени привлекательный, элегантный и благотворительный. Однимъ словомъ, всѣ три архипастыря, между которыми въ срединѣ пришлось архипастырство въ Могилевѣ преосвященнаго Смарагда, были истинно-замѣчательные по высокимъ достоинствамъ люди. Тѣмъ не менѣе, скажемъ не обинуясь, и такія высокодостойныя лица не затѣнили собою личность преосвященнаго Смарагда; напротивъ, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, онъ обладалъ такими рѣдкими качествами, которыя глубоко-глубоко врѣзали имя этого святителя и благословенную память его въ признательныхъ сердцахъ Могилевской его паствы.

Замѣчательно, что какъ преосвященный Исидоръ дважды преемствовалъ на архіерейскихъ каѳедрахъ преосвященному Смарагду, по Полоцку и Могилеву, такъ преосвященный Гавріилъ Городковъ дважды ему предшествовалъ, по Могилеву и Рязани. Гавріилъ и Смарагдъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были противоположности, но такія противоположности, которыя при сопоставленіи взаимно выигрывали. Осмѣлимся сказать, что небесныя, ангелоподобныя свойства преосвященнаго Гавріила были слишкомъ тонки для бренной и грѣшной земли, что и сказывалось въ нѣкоторыхъ недостаткахъ его управленія. Самъ благостнѣйшій архипастырь какъ-то не особенно способенъ былъ спуститься до сумрака старыхъ консисторскихъ крючковъ; а слѣдствіемъ полу-устраненія главнаго начальника отъ дѣлъ было то, что епархіею не вполнѣ безкорыстно, по общей молвѣ, ворочали консисторскіе дѣльцы. Завелись злоупотребленія по значительнымъ постройкамъ въ архіерейскомъ домѣ, при чемъ у руководящихъ этими постройками одновременно возникали собственныя домашнія постройки, которыми явно превышались штатныя средства ихъ собственниковъ. Обладавшій тонкимъ чувствомъ изящнаго, владыка крѣпко любилъ хорошее хоровое пѣніе, для улучшенія котораго и сдѣлалъ немало, выписавъ хорошаго, знающаго, съ чуткимъ слухомъ регента и покровительствуя пѣвчимъ; но слѣдствіемъ этого было, что, при устремленіи почти исключительнаго вниманія на улучшеніе пѣнія, пѣвчихъ, особенно же такъ называемыхъ малыхъ, т. е. дискантовъ и альтовъ, изнуряли спѣвками, относясь къ дѣтямъ нерѣдко съ неумѣстною суровостью; а на то не обращалось почти никакого вниманія, успѣваютъ-ли пѣвчіе по наукамъ, отчего они опускались по успѣхамъ въ школѣ почти всѣ, а нерѣдкіе, предавшись лѣни, забаловавшись пѣвческою распущенностью, даже были исключаемы изъ учи-

лищъ и пропадали. Ласковая щедрость владыки нерѣдко осыпала ихъ конфектами и другими лакомствами; между тѣмъ скупое и, быть можетъ, даже небезкорыстное домоправленіе скудно ихъ кормило и не менѣе скудно одѣвало, особенно же по части того гардероба, что не на показъ; держало въ нечисти, отчего дѣти и покрыты были нечистью, заѣдаемые acarus'омъ и насѣкомыми. Однакоже, оплаканный обильными искренними слезами кроткихъ могилевцевъ, самъ—олицетвореніе кротости, благости и ангелоподобной привлекательности, преосвященный архіепископъ Гавріилъ Городковъ, по волѣ Божіей и царской, отбылъ сіять своимъ кроткимъ свѣтомъ на каѳедру Рязанскую. На мѣсто же его, въ Могилевъ назначенъ былъ изъ Полоцка грозный архіепископъ *Смарагдъ Крыжановскій*.

Прибылъ ночью, такъ что никакой встрѣчи не было и представлять ему насъ повели въ архіерейскіе покои поутру. Смотримъ: роста почти выше-средняго, размѣры костей широкіе, полнота замѣтная, хотя и не поражающая грузностью, волосы черные, подернутые просѣдью; борода густая, энергически вьющаяся въ комокъ, черная какъ смоль, глаза черные, блестящіе; цвѣтъ лица смуглый, почти мѣднокрасный; носъ, скулы и прочія части лица крупныя, голосъ—рѣзкій баритонъ; переходящій въ дребезжащій теноръ; все сочетаніе отдѣльныхъ чертъ лица и частей корпуса даютъ идею атлета, человѣка какъ будто нерусской крови, личности очевидно крайне энергической, внушая смутное чувство робости. Благословились: — „О-о-о! *коналіи*“, — было однимъ изъ первыхъ его возгласовъ, когда брали благословеніе мы, малые пѣвчіе; слово—*коналіи*, любимое присловіе, оказалось впослѣдствіи выраженіемъ ласки,—„коналіи! да, они паршивые, коростлявые... А ну“... При этомъ съ энергическимъ повелительнымъ жестомъ дѣлать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, повернувъ обѣ руки свои ладонями внизъ, разставилъ на сколько могъ свои десять пальцевъ въ разныя стороны. Мы, малые пѣвчіе, сдѣлали то же. Лишь только взглянулъ на наши разставленные пальцы, къ нашему изумленію и испугу, владыка вдругъ замахалъ на насъ обѣими руками въ знакъ устраненія: „О,—о,—о! Прочь, прочь! Не пускать ихъ и подъ благословеніе. Паршивые! А и вши, не бось, заѣдаютъ; мыть ихъ, лечить ихъ“ и т. д. Переконфуженные и мы, и начальствующіе наши отстранились въ уголъ. Переблагословивъ всѣхъ, владыка съ порывистыми рѣзкими жестами сталъ расхаживать по залѣ, распрашивая того, другаго *), разсуждая

*) О разныхъ разностяхъ, заставилъ насъ пѣть, діаконовъ собственной свиты заставилъ показывать пріемы священнодѣйствія. *Примѣч. автора.*

самъ. Тутъ-же, въ покояхъ отпѣли мы ему всенощную. А такъ какъ въ Могилевскомъ хорѣ преобладали въ то время напѣвы Кіевско-Черниговскіе, то Владыка сейчасъ же распорядился, чтобы эти напѣвы замѣнены были, только что входившими тогда во всеобщее употребленіе, напѣвами придворными. Соборное духовенство распросилъ объ отличительныхъ мѣстныхъ пріемахъ архіерейской службы и тотчасъ же объяснилъ, какъ все переустроить по столичнымъ Петербургскимъ пріемамъ. Оживился, развеселѣлъ и всѣхъ насъ отпустилъ подъ впечатлѣніемъ благодушія, противоположнымъ тому чувству съеженной робости, съ какимъ мы входили къ нему и оглядывали его первоначально.

Скоро практическая энергія новаго владыки сказалась во всѣхъ частяхъ его вѣдомства: и сказалась, — говоря по чистой совѣсти и чести, — истинно-человѣчными, истинно-гуманными мѣрами, о которыхъ мы и теперь не можемъ вспомнить безъ глубочайшаго чувства признательности и уваженія, при воспоминаніи о которыхъ и теперь текутъ слезы умиленія и жалости къ этой такъ безжалостно и недостойно опозоренной памяти.

Прежде всего въ отношеніи къ намъ, небольшой группѣ дѣтей — пѣвчихъ, съ дѣтства сурово отрываемыхъ отъ родительскихъ ласкъ и заботъ на тягостную и нерѣдко губительную пѣвческую службу, этотъ суровый человѣкъ оказался истиннымъ отцомъ, ласковымъ столько-же, сколько и строгимъ и попечительнымъ; и, что всего изумительнѣе съ современной точки зрѣнія, оказался педагогомъ такого натурально-здороваго склада, что у него могли бы поучиться педагоги и послѣдней четверти XIX столѣтія, помимо всѣхъ своихъ нѣмецкихъ педагогикъ. Прежде всего насъ всѣхъ поголовно вычистили, вымыли, вылѣчили, такъ что, заѣдавшій поголовно все бурсачество, „acarus“ не смѣлъ тронуть насъ во все архипастырство преосвященнаго Смарагда; и самъ онъ нерѣдко освѣдомлялся о состояніи нашего здоровья своимъ оригинальнымъ пріемомъ: „а ну, коналіи“..., при чемъ напоказъ намъ растопыривалъ всѣ десять пальцевъ своихъ рукъ, что и мы должны были дѣлать и, осматривая издали наши руки, владыка къ удовольствію своему освѣдомлялся, что acarus — а на насъ уже нѣтъ ни слѣда. Насъ одѣли и не такъ, какъ большею частью одѣваютъ пѣвчихъ, что сверху блеститъ полу-мишурный позументъ и цвѣтное сукно, а подъ низомъ гніетъ и гноитъ вшивое рубище, но переодѣли до нитки, начавъ со всѣхъ принадлежностей бѣлья, продолжая платьемъ комнатнымъ и оканчивая прочнымъ и удобнымъ и даже щеголеватымъ

платьемъ выходнымъ, порядочными сюртуками и теплыми тонкаго сукна шинелями. Столъ съ первыхъ же дней былъ улучшенъ существенно, ставъ чистымъ, сытнымъ и даже обильнымъ. Кромѣ того насъ—дѣтей систематически тѣшили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ лакомствами изъ собственной архіерейской кухни, фруктами, сластями и т. д.; да кромѣ того, бывало, всякій разъ и денегъ дадутъ въ руки на булки, на завтрашній день. Самъ владыка, бывало, всякій воскресный и праздничный день, послѣ обѣда зоветъ весь хоръ малыхъ пѣвчихъ къ себѣ, послушаетъ нашего пѣнія, распроситъ о здоровьи, объ успѣхахъ по классамъ, поэкзаменуетъ, пожуритъ, обдѣлитъ всѣхъ поровну до единаго, какъ отецъ равный для всѣхъ своихъ дѣтей, лакомствами, велитъ казначею одѣлить и деньгами, да съ тѣмъ и отпуститъ. Кромѣ того, руководясь здравыми гигіеническими правилами, онъ требовалъ и самъ наблюдалъ, чтобы насъ въ урочное время подъ строгимъ неотступнымъ надзоромъ, лѣтомъ водили на купанье и на прогулку за городъ; нѣкоторыхъ, впрочемъ по очереди и всегда по двое, вывозилъ и съ собою за городъ, когда выѣзжалъ на прогулку самъ, что случалось весьма нерѣдко. Нравственно-же педагогическій надзоръ его за дѣтьми былъ выше всего, былъ по истинѣ образцовый. Наблюдалъ онъ за этою частью и самъ непосредственно, и чрезъ достохвальнаго посредника — приставника, нашего регента, священника, нынѣ протоіерея *Никифора Алексѣевича Страхова*, который, выписанный въ Могилевъ преосвященнымъ Гавріиломъ, уѣхалъ изъ Могилева вслѣдъ за преосвященнымъ Смарагдомъ и прожилъ при немъ до послѣдняго его издыханія; а теперь доживаетъ свой вѣкъ нищимъ, безъ родины, безъ пристанища по преимуществу въ Орловской губерніи. Молитвы утреннія и вечернія читались нами сообща, ежедневно, причемъ каждый разъ неопустительно бывалъ и о. регентъ, который, какъ, съ перваго-же года по женитьбѣ, испытанный, при трагическихъ обстоятельствахъ, несчастіемъ вдовства, тутъ-же при пѣвческой въ особой квартирѣ и жилъ полу-монахомъ. Въ училище, въ классы мы ходили не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ подъ надзоромъ, чтобы кто-либо не уклонялся отъ классовъ. Владыка требовалъ, чтобы и инспекторъ училища навѣщалъ насъ, какъ можно чаще, нерѣдко освѣдомляясь у инспектора лично о нашихъ успѣхахъ и поведеніи. Весьма часто владыка посѣщалъ наши комнаты и самолично, вникая въ нашъ бытъ и образъ занятій; равно какъ зоркій и вездѣсущій глазъ его слѣдилъ за нами неотступно и по двору, чтобы мы, по дѣтски въ урочные часы забавляясь, не предавались

вредному разсѣянію, или непозволительнымъ шалостямъ. Самолично нерѣдко и экзаменовалъ насъ въ нашихъ знаніяхъ, какъ въ нашихъ жилыхъ комнатахъ, такъ и у себя въ своихъ покояхъ. Всегда грозный на словѣ, признававшій на словѣ благотворность и ферулы, онъ раза два—три самолично прибѣгнулъ къ ферулѣ надъ нами и на практикѣ, но такъ, что два раза дѣло кончилось только обстановкою приготовленія къ наказанію и обстановкою крайне деликатною и только одинъ разъ, замѣтивъ за однимъ даровитымъ мальчикомъ серьезныя поползновенія на лѣнь и уклоненіе отъ классовъ и ложь, велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ насъ и, прекомически затворившись дверью, чѣмъ заставилъ насъ думать, что и тутъ дѣло обойдется грозною по обстановкѣ шуткою, шепнулъ своимъ келейникамъ преподать маленькому негодяю нравоученіе вовсе нешуточное и весьма чувствительное, хотя далеко не жестокое. Въ сущности же, своимъ вліяніемъ онъ ослабилъ чуть не до совершеннаго уничтоженія употребленіе ферулы и въ Могилевскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ она, впрочемъ, сравнительно съ русскими духовными школами крайне умѣренно еще употреблялась. При такомъ истинно-отеческомъ и мудромъ содержаніи, эти дѣти были образцовыми въ цѣломъ духовномъ училищѣ, предметъ ласкъ всего духовнаго начальства и даже высшей губернской аристократіи, откормленные, цвѣтущіе, бойкіе, благовоспитанные; изъ 12—14 мальчугановъ нашего времени двое шли въ училищѣ, а послѣ и въ семинаріяхъ первыми и кончили курсъ въ академіи, а изъ прочихъ, по окончаніи курса, вышли образцовые священники *).

Замѣтить нужно, что содержаніе пѣвчихъ, какъ и всей братіи архіерейскаго дома, которое при архіепископѣ Смарагдѣ существенно было улучшено, шло изъ средствъ архіерейскаго дома, т. е. почти прямо изъ архіерейскаго кармана. По смерти преосвященнаго Смарагда много говорено объ его скупости. Нѣтъ, относительно Могилева это ложь. Говорено, какъ и Р. С. пишетъ, объ его роскоши, гастрономіи. Положа руку на сердце, утверждаю, что образъ его жизни въ Могилевѣ не былъ ни скуднѣе, ни роскошнѣе ни предмѣстниковъ его, ни преемниковъ. Откуда же онъ бралъ средства для улучшеній по дому? А изъ хозяйственности, изъ тщательнаго непосредственнаго надзора, чтобы люди, довѣренные его довѣріемъ, не злоупотребляли, изъ общедоступности

*) Какую истинно-практическую мудрость и неподражаемую гуманность показалъ этотъ архипастырь по всѣмъ и прочимъ частямъ управленія...

Примѣч. автора.

своей, такъ что всякая обида всякимъ самымъ малымъ человѣчкомъ могла быть ему непосредственно обжалована, что на приставниковъ власти наводило спасительный страхъ; изъ его чисто-отеческаго доброжелательства и внимательности ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Да, правду сказать, средства и дома архіерейскаго ни прежде преосвященнаго Смарагда, ни послѣ не были скудны; а ему нужно отдать ту честь, что онъ съумѣлъ сразу возбудить около себя рвеніе хозяйственныхъ силъ и умѣнье не столько извлечь, сколько надлежащимъ образомъ направить способы домоваго хозяйства *).

Такую же практическую мудрость и неподражаемую истинно-отеческую гуманность показалъ этотъ архипастырь и по прочимъ частямъ управленія. Злоупотребленія исчезли, какъ туманъ по восходѣ яснаго солнца. Два авторитетнѣйшихъ дѣльца, завязшіе было въ какое-то дѣло, оставили участіе въ дѣлахъ консисторскихъ, хотя и остались на высшихъ въ епархіи мѣстахъ и даже пользовались и уваженіемъ, и благорасположенностію этого сколько правдиваго, столько же и еще больше благодушнаго архипастыря, получивъ при немъ даже высшія награды. Старый секретарь и подумать не смѣлъ согласно старымъ

*) Правда, онъ сильно сократилъ, почти уничтожилъ одну важную издержку. Въ Могилевскомъ архіерейскомъ домѣ со временъ Екатерины II существовалъ обычай дѣлать большіе завтраки во всѣ высокоторжественные царскіе дни. Но Смарагдъ, по прибытіи въ Могилевъ, объявилъ, что и любилъ повторять: „у меня въ эти дни дверь на крючокъ, на крючокъ“. Впрочемъ, когда нужно было развернуться, онъ, какъ широкая натура, дѣлалъ у себя учрежденія на широкую руку, хотя и любилъ даже при гостяхъ выступать угловатымъ, неловкимъ бурсакомъ; тѣмъ не менѣе и бары, и католическое духовенство весьма жаловали преосвященнѣйшаго Смарагда и его широко-русскіе пріемы; зато, когда случалось, любили и его угостить на широкую руку. Памятны мнѣ эти угощенія у пановъ-католиковъ и ксендзовъ при объѣздѣ епархіи. Но должно прибавить къ этому, что преосвященный Смарагдъ никогда при угощеніяхъ не забывался, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго излишества въ питіи и собесѣдникъ былъ, какихъ мало, живой, разнообразный, юмористъ, большею частью — безконечно ласковый, безпредѣльно благодушный. Русская душа на распашку. И всѣмъ въ его присутствіи жилось и ѣлось, пилось и говорилось легко. А видали мы въ подобномъ положеніи и другихъ архіереевъ. Вотъ напримѣръ, все дворянство губерніи, по случаю своихъ выборовъ, даетъ обѣдъ; тутъ уже и губернаторъ, и генералы, и всѣ высшіе чины, говоръ довольно свободный; но вѣсть: „архіерей ѣдетъ“! и всѣ идутъ къ парадному выходу на встрѣчу; сѣли за столъ, и—молчаніе; къ концу обѣда едва полу-говоръ; проводили архіерея и всѣ разомъ заголосили, какъ школьники по выходѣ учителя. Гора съ плечъ у всѣхъ. Слыхали отъ одного любезнѣйшаго изъ высшихъ и государственныхъ сановниковъ: „люблю преосвященнаго такого-то. Но смерть не люблю бывать въ обществѣ архіереевъ. Гдѣ архіерей, — тамъ каѳедру сейчасъ и ставь посреди̇нѣ“. Всѣ ждутъ не дождутся, чтобъ архіерей избавилъ наконецъ отъ своего общества. Но въ преосвященномъ Смарагдѣ не было ни тѣни этой тяготы для другихъ: открыто, шумно, весело, и проводятъ бывало отвсюду съ благословеніями, не какъ тяготу, а какъ дорогаго гостя, съ которымъ жаль разстаться, о которомъ на долго сохранится дорогое воспоминаніе.

Примѣч. автора.

преданіямъ о благопріобрѣтеніи чего-либо, помимо прямого вознагражденія по должности; тѣмъ не менѣе секретарствовалъ все время и при Смарагдѣ и съумѣлъ спокойна передать свою должность даже по наслѣдству въ своемъ родѣ. Намъ давно извѣстна и владыка архіепископъ Платонъ разсказываетъ о преосвященномъ Смарагдѣ былъ по управленію его еще въ Полоцкѣ. Одного ставленника съ обычнымъ своимъ полу-ироническимъ пріемомъ онъ взялъ на допросъ: „а ну, отецъ, скажи-ка, тебя вѣдь по консисторіи ободрали таки порядкомъ?“ — „Не безъ грѣха, Ваше преосвященство,“ — смиренно отвѣчаетъ ставленникъ.—„Ну, а сколько?“—Тотъ стѣсняется.—„Говори,“ — прикрикиваетъ владыка. Нечего дѣлать, тотъ разсказываетъ, сколько кому изъ консисторскихъ далъ.—„А сколько у тебя осталось денегъ?“—Столько-то.—„Ну, что братъ дѣлать? Давай сюда и эти.“—Ставленникъ изумленъ; но владыка объясняется напрямки: „консисторскимъ давалъ, давай и архіерею.“—Тотъ отдаетъ послѣднія деньги. Вдругъ бѣднаго ставленника требуютъ въ консисторію, въ которой предсѣдательствуетъ самъ архіерей. Архіерей держитъ къ присутствію консисторіи слѣдующую рѣчь: „Отцы и братіе! Вотъ, вы не всегда правильно вершите дѣла, не гнушаетесь и дарами.“ Присутствіе изумлено.—„Вѣрно, отцы и братіе, не смущайтесь. Вотъ съ такого-то ставленника ты, отецъ, взялъ столько-то, а ты, отецъ, столько-то, а секретарь столько-то, а повытчикъ столько-то“ и т. д. „Не закаивайтесь отцы и братіе, а лучше покайтесь... и я самъ покажу вамъ примѣръ. Вотъ и меня бѣсъ попуталъ,—и я стянулъ со ставленника малую толику.... Такъ вотъ что, отцы и братіе, я взялъ столько-то и возвращаю и прикладываю еще столькоже. Ну и ты, отецъ, вынь-ка, да положь столько-же, сколько взялъ, да приложи еще столько же... Ну и ты, отецъ“... Такъ со всѣхъ, не выключая и послѣдняго писца, обобралъ онъ въ присутствіи слѣдуемое, да тутъ же при всѣхъ и вручилъ осчастливленному ставленнику, съ придачею совѣта попроситься въ другую епархію. Подобнымъ же образомъ и въ Могилевѣ преосвященный Смарагдъ нерѣдко самолично засѣдалъ въ консисторіи, читая, кому слѣдовало, добрыя отеческія нотаціи и направляя дѣла на правый путь. А чтобы самъ владыка съ кого-либо взялъ что-либо, объ этомъ изъ кроткихъ могилевцевъ никому и на мысль не приходило. Въ Бѣлорусскомъ краѣ не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ, обычая подносить что-либо владыкѣ, даже послѣ служеній въ монастыряхъ или въ приходскихъ церквахъ, по случаю храмовыхъ праздниковъ и прочихъ

торжествъ,—обычая, который отъ давности пріобрѣлъ въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ великороссійскихъ городахъ какъ бы узаконенное существованіе. Въ Могилевѣ не было этихъ подачекъ, зато не было и нареканія; равно какъ тамъ не пало на него нареканіе и за расточеніе наградъ духовенству. Между тѣмъ сколько по движенію своего доброжелательнаго къ людямъ сердца, столько-же и по указаніямъ правительственной справедливости и мудрости, преосвященный архіепископъ Смарагдъ осыпалъ духовенство Могилевской епархіи наградами; онъ дѣлалъ это впослѣдствіи и въ другихъ епархіяхъ, которыми управлялъ. Въ отношеніи къ наградамъ русскіе архипастыри держатся разнообразныхъ воззрѣній. Извѣстно, что славный іерархъ Московскій Филаретъ, исчерпавшій для себя всѣ отличія, какими только обладаетъ Россійское государство, былъ крайне не щедръ на награды для подвѣдомыхъ себѣ лицъ, даже иногда для высоко-достойныхъ. При этомъ говорится обычно, что награда, чѣмъ она рѣже, тѣмъ выше и цѣннѣе. Говорятъ иногда, что священникъ служитъ въ селѣ, никакихъ особыхъ должностей не несетъ, за чтожъ его и награждать! Нужно, чтобъ награда имѣла смыслъ дѣйствительной награды истинному достоинству, а не вывѣскою только лѣтъ службы была. Вдаваться здѣсь по этому предмету въ полемику мы находимъ излишнимъ. Но укажемъ только на фактъ, что, послѣ крайней скудости въ наградахъ, нѣкоторая щедрость, сопутствуемая начальственнымъ вниманіемъ ко всякой самой скромной заслугѣ, къ постоянству въ честномъ поведеніи, поднимаетъ духъ сельскаго духовенства, задавленнаго разными невзгодами. По крайней мѣрѣ, въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, вліяніе преосвященнаго архіепископа Смарагда на Могилевскую епархію было истинно-благотворно. По крайней мѣрѣ, мнѣ съ дѣтства памятны ликованія не только избранниковъ, осчастливленныхъ отличительнымъ вниманіемъ архипастыря, но и всего духовенства при сознаніи, что служба даже сельскаго священника цѣнится и признается благородною —достойною церковно-государственныхъ отличій. Памятны возгласы: „преосвященнѣйшій Смарагдъ возвысилъ епархію, возвысилъ духъ духовенства, возвысилъ нашу братію какъ въ глазахъ другихъ, такъ и въ нашихъ собственныхъ глазахъ“! И повторяемъ, что при этомъ никому изъ могилевцевъ и на мысль не приходило, чтобы преосвященный Смарагдъ, осыпая духовенство своими милостями, имѣлъ въ виду какіе-либо личные грубо-корыстные расчеты. Зная это по Могилеву, мы крайне изумлялись возникшимъ впослѣдствіи слухамъ, прежде всего

по епархіи Харьковской, будто владыка Смарагдъ расточаетъ духовенству награды для того, чтобы собирать въ свою пользу подаянія. Думается, что въ этомъ случаѣ людское злоязычіе превратило въ порокъ начальника рабское рвеніе или даже рабское лукавство подчиненныхъ: награждаемые изъ своекорыстныхъ видовъ усиливались благовидными приношеніями закрѣпить за собою ласку начальника и на будущее время; а потомъ сами же болтали о благосклонномъ принятіи рабскихъ ихъ приношеній, развивая своимъ раболѣпіемъ атмосферу, а своею болтовнею репутацію взяточничества. А въ Могилевской епархіи духовенство награды принимало, приношеній не дѣлало, но послѣ и не вредило своему благодѣтелю своимъ злоязычіемъ, а напротивъ сохраняло къ нему всегда самыя признательныя чувства.

Еще въ управленіи преосвященнаго Смарагда была достохвальная черта. Онъ, какъ пастырь добрый и отецъ своего духовнаго стада, неуклонно бодрствовалъ надъ его счастьемъ и по возможности никому не давалъ его въ обиду. По мѣстнымъ обстоятельствамъ его положеніе на Могилевской каѳедрѣ было своеобразно въ томъ отношеніи, что тамъ православная паства — благочестивый крестьянскій людъ почти весь поголовно былъ подчиненъ панамъ и управителямъ ихъ—полякамъ и католикамъ. Оттого и священники православные, въ большинствѣ своемъ, подвержены были вліянію гордаго и жесткаго къ нашей братіи иновѣрнаго панства. Слава Богу, преосвященный Смарагдъ былъ архипастырь не изъ тѣхъ, чтобы пожертвовать кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ ему сопастырей враждебной прихоти сильнаго человѣка. Нѣтъ, не только поощрять развитіе подобныхъ панскихъ прихотей онъ былъ не способенъ; но, наоборотъ, готовъ былъ двинуть въ ходъ всѣ свои способы, хотя бы до самопожертвованія, на защиту своихъ. И не забыть мнѣ одну сцену, которую привелось видѣть уже лѣтъ 15 спустя по выбытіи преосвященнаго Смарагда изъ Могилева: на нашихъ глазахъ въ одномъ мѣстѣ священники восторженнѣйшими похвалами и самыми теплыми молитвенными благожеланіями благословляли память преосвященнаго Смарагда за то, что онъ защищалъ свою братію отъ панскаго надменія, отъ панскихъ злоупотребленій на ихъ пагубу, —и, добавить нужно, — благословляли столь-же энергически, какъ порицали противоположную ей позднѣйшую систему, которая проистекала изъ слабости-ли характера, не способнаго давать отпоръ панской настойчивости, или даже изъ тайной инструкціи. Кромѣ того, какъ разъ на время архипастырства преосвященнаго Смарагда въ Могилевѣ пало

великое движеніе всеобщаго возсоединенія уніи. Содѣйствуя этому движенію съ рвеніемъ, быть можетъ, даже болѣе пылкимъ, чѣмъ высшимъ сферамъ было желательно, преосвященный Смарагдъ своимъ прямымъ русскимъ смысломъ никакъ не могъ постигнуть того, что ново-возсоединенное отъ уніи духовенство на многіе годы даже десятки лѣтъ, или даже навсегда — какъ тогдашнему поколѣнію казалось, должно быть въ цѣломъ краѣ элементомъ господствующимъ, по крайней мѣрѣ— первенствующимъ, почти исключительнымъ предметомъ начальственнаго вниманія, всякихъ поощреній, наградъ и поддержки. Эта-то простота, кажется, и была главною причиною, почему поспѣшили удалить этого безспорно умнаго, но ужь очень простодушнаго человѣка изъ Могилева. Тѣмъ не менѣе его неугодная правительству система не пріобрѣла ему отъ Могилевцевъ ничего, кромѣ самыхъ сердечныхъ благословеній.

Довольно прочную память онъ оставилъ по себѣ въ Могилевѣ и тѣмъ, что его практическій распорядительный умъ изобрѣлъ способы возвысить внѣшнее благолѣпіе соборнаго архіерейскаго служенія. Бѣлорусскіе каѳедральные города отличаются отъ великороссійскихъ весьма замѣтною скудостью и храмовъ, и особенно храмовыхъ украшеній, вообще скудостью внѣшнихъ средствъ. Причина этому заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что дворянство въ Бѣлоруссіи было почти исключительно латино-польское, купечество же состояло почти все изъ евреевъ. Между тѣмъ преосвященный Смарагдъ нашелся и тутъ устроить не одинъ приборъ великолѣпныхъ архіерейскихъ облаченій, *не одну митру* и полный приборъ облаченія для всѣхъ сослужащихъ въ каѳедральномъ Соборѣ. Намъ памятенъ даже простодушный восторгъ этого простаго дѣловаго человѣка, когда выписанное имъ изъ Москвы великолѣпіе прибыло въ Могилевъ: „ай, да Могилевія“! — стократно восклицалъ владыка, называя Могилевъ по латинскому произношенію. Устроенныя тогда, священныя облаченія оставались самыми высокоторжественными и по выбытіи преосвященнаго Смарагда не одно десятилѣтіе. При этомъ не слышно было ни единаго слова о какихъ-либо поборахъ, или даже сборахъ.

Охаялъ Р. С. и священнослужебные пріемы преосвященнаго Смарагда въ священнослуженіи. Не знаемъ, каковы были эти пріемы въ позднѣйшій періодъ его жизни. Но въ Могилевѣ онъ и въ священнослуженіи былъ болѣе или менѣе безукоризненъ. Вообще, пріемы его были рѣзки, нѣсколько угловаты и быстры. Конечно и въ богослу-

женіи не могъ онъ избавиться отъ этого обличія, проистекавшаго изъ прирожденной этому человѣку структуры и нѣкотораго недостатка породистой элегантности. Напримѣръ, кидалось въ глаза, что входя въ церковь къ совершенію литургіи или всенощной, онъ очень быстро ходилъ, отчего свита впереди его чуть не бѣгала. Но вообще поспѣшности въ его священнодѣйствіи рѣшительно не было; а чтобъ онъ тяготился длиннотою богослуженія, этого не замѣчалъ никто. Напротивъ и по этой части въ Могилевѣ онъ былъ такой же ревнитель чина, стройности и благолѣпія, какъ и по всѣмъ прочимъ отраслямъ своей дѣятельности. Пѣвческій хоръ былъ при немъ небольшой, но весьма благоустроенный, подъ управленіемъ одного изъ даровитѣйшихъ регентовъ, какихъ гдѣ-либо въ жизни мы встрѣчали. Не мало огорчало его то, что по взятіи Могилевскаго протодіакона сначала въ Кіевъ, а потомъ къ Императорскому Двору, трудно было отыскать ему преемника добропорядочно-голосистаго. И только отъ единственнаго человѣка мы слышали о преосвященномъ Смарагдѣ отзывъ непохвальный, — это именно отъ временнаго протодіакона, который по слабости голоса своего не могъ угодить владыкѣ, а этотъ, по природной пылкости и непосредственности нерѣдко давалъ ему это чувствовать и при богослуженіи: но помнится намъ сцена, что и при этомъ всѣ защищали память преосвященнаго Смарагда: „благодѣтель, милостивый“! — „Пусть“! — возражалъ протодіаконъ, — „но не хорошо, что къ каждой службѣ Божіей, бывало, приступаешь съ дрожью во всѣхъ членахъ“.

Тутъ слово о пылкости этого архипастыря. Р. С. говоритъ, что онъ давалъ волю своимъ рукамъ, даже будто-бы при богослуженіи. Да, онъ оставилъ печальныя дѣйствительно по этой части воспоминанія во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія. Но чтобы оцѣнить эту слабость замѣчательнаго во многомъ характера по достоинству, нужно представить ее въ истинномъ свѣтѣ дѣйствительности, въ обстановкѣ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ ей обстоятельствъ. Вотъ владыка архіепископъ Платонъ разсказываетъ случай, бывшій съ нимъ самимъ, когда онъ былъ еще инспекторъ С.-Петербургской духовной Академіи: „Благодѣтель мой былъ преосвященнѣйшій Смарагдъ. Но вышелъ между нами такой случай. И когда же? Въ первый день Пасхи. Въ Лаврѣ пасхальную утреню служилъ владыка митрополитъ Серафимъ; съ нимъ сослужилъ и преосвященный Смарагдъ, тогда викарій епископъ и я, какъ одинъ изъ архимандритовъ. Только что похристосовались со владыкою митрополитомъ и тотъ пошелъ читать огласительное поученіе,

въ это время я подошелъ похристосоваться и къ преосвященному викарію Смарагду; да какъ-то тутъ въ разговорѣ и коснулся извѣстныхъ ученыхъ споровъ о происхожденіи огласительнаго поученія. Вдругъ преосвященный Смарагдъ какъ вспыхнетъ: „вотъ они новые-то ученые“!... Я крайне встревожился, да и думаю: „ну, да какъ онъ тѣ-же рѣчи обратитъ ко владыкѣ митрополиту“!... этого однакоже не случилось; а случилоось нѣчто противоположное. Тогда былъ обычай ѣздить съ визитами всѣмъ духовнымъ вмѣстѣ, такъ что вмѣстѣ ѣздили лаврскіе, академическіе и семинарскіе. Вотъ, когда вслѣдъ за преосвященнымъ Смарагдомъ мы сдѣлали обычные визиты и при разставаньи прощались съ нимъ, тутъ онъ, отпуская прочихъ, обращается ко мнѣ: „Отецъ архимандритъ Платонъ“!... Когда мы остались съ нимъ одни, онъ кидается мнѣ на шею: „простите Господа ради, ради свѣтлаго праздника“... Я оправдываюсь касательно смутившаго насъ предмета, но онъ и говорить мнѣ не даетъ: „знаю, знаю, все знаю... Все читалъ, и самъ переводилъ... Но просто, не понимаю, что и какъ смутило меня... Простите, Господа ради“. — Таковъ онъ былъ и вездѣ. Отъ бытности его въ Полоцкѣ разсказывали намъ случай, что онъ у себя въ кабинетѣ кинулъ въ чиновника, помнится — въ секретаря, связкою бумагъ и, когда тотъ смущенный пошелъ къ выходу, владыка кинулся за нимъ вслѣдъ, прося о прощеніи. Отъ пребыванія же его въ Могилевѣ намъ извѣстны и хорошо памятны только двѣ случайности, въ которыхъ этотъ пылкій человѣкъ не поостерегся, — дернулъ за волоса публично, при всѣхъ насъ, въ своей залѣ діакона, котораго пріучалъ, но по неловкости послѣдняго не могъ пріучить къ исполненію обязанности иподіакона; а въ другой разъ — также поступилъ съ дьячкомъ пѣвчимъ. Но тому и другому онъ отплатилъ за это существеннымъ благодѣяніемъ: перваго скоро поставилъ въ священника; а второму тутъ же, при всѣхъ насъ, когда сердце отошло, шепнулъ идти къ крестовому духовнику готовиться къ хиротоніи во діакона завтра же, такъ какъ на завтра приходился день Ангела владыки и храмовой въ архіерейскомъ домѣ праздникъ сорока мучениковъ. Такого рода выходки этого пылкаго на мимолетный гнѣвъ, но всегда глубоко-благожелательнаго сердца, не возмущали насъ, очевидцевъ противъ него, но совершенно наоборотъ — умиляли... Вызвать его на огорченіе было страшно, но, можно сказать, выгодно для огорченнаго, потому что огорчившій усиливался послѣ этого заплатить добромъ десятерицею. Ручаемся нашимъ словомъ, что такая память осталась объ этой чертѣ его харак-

тера въ Витебской и Могилевской епархіяхъ. Впрочемъ, мы имѣемъ основанія думать, что таковъ онъ былъ и въ самые послѣдніе годы своей жизни. Въ одномъ изъ заграничныхъ изданій разсказанъ случай его пылкости, поражающій злостною, унижающею жестокостью; для человѣка, изучавшаго этотъ характеръ, такой случай не можетъ не казаться или недоразумѣніемъ, или клеветою. Но вотъ чему мы личные свидѣтели и въ чемъ ручаемся честью. Въ концѣ 50-хъ, или въ первыхъ 60-хъ годахъ въ Саратовѣ, въ домѣ именитѣйшаго купца-негоціанта совершенно случайно пришлось намъ встрѣтиться съ образованнымъ Рязанцемъ (купецъ онъ, или помѣщикъ Рязанскій, того не помнимъ), и рѣчь коснулась архіепископа Рязанскаго Смарагда; при этомъ Рязанецъ, свѣтскій человѣкъ, знавшій очень хорошо всѣ нареканія противъ своего архипастыря, отзывался о немъ не только съ полнымъ, подобающимъ его сану, уваженіемъ, но и съ сочувствіемъ, въ частности съ сочувствіемъ именно къ его — патріархально-русской манерѣ судить, рядить и учить сутягъ — священниковъ; причемъ разсказалъ случай, будто владыка у себя въ кельяхъ, при одномъ случаѣ взялъ одного изъ сутягъ за волоса одною рукою, а другаго другою, да, стукнувъ лбами, и прочиталъ имъ урокъ житейской опытности: „живите смирно, не ссорьтесь, не судитесь, затягаетесь, пропадете оба“... Неровность характера признать безупречностью невозможно. Тѣмъ не менѣе, мы положительно утверждаемъ, что злословіе во-первыхъ преувеличило численность фактовъ, въ которыхъ обнаружилась неровность этого характера; во-вторыхъ, извратило смыслъ ихъ; а въ третьихъ, по какой-то необъяснимой случайности избрало своею жертвою именно преосвященнаго Смарагда. Между тѣмъ мы знали другихъ людей, людей не менѣе высокопоставленныхъ, высокообразованныхъ, достолюбезныхъ, глубокоуважаемыхъ, оставившихъ по себѣ репутацію незазорную, репутацію именно любезнѣйшихъ, кроткихъ, мягкихъ людей и которые между тѣмъ по особенной нервозности натуры, гораздо больше и гораздо рѣзче впадали, разумѣется къ глубокому своему сожалѣнію, въ опасную случайность ручной расправы, въ опасное искушеніе потрепать за волосы и т. п. Однако же знали и толковали объ этомъ только пострадавшіе, да близкіе люди, прикрывъ эти неровности христіанскимъ прощеніемъ. Къ удивленію и жалости, преосвященнаго Смарагда, всѣхъ и все прощавшаго, злословіе не прощаетъ...

Между тѣмъ, однако же, трудно исчерпать богатство этой рѣдкой натуры, богатство благости этого сердца. Мы замѣтили уже, какъ

преосвященный Смарагдъ мирилъ склонныхъ къ взаимному сутяжничеству священниковъ. Скорлупа его примирительнаго пріема жестка. Но какая прекрасная идея! Сутяжничество одна изъ язвъ нашего званія. Довольно потолкавшись по бѣлу свѣту, мы хорошо знаемъ, что метода архіереевъ съ трудомъ можетъ тушить эту страсть, но развить ее можетъ до пагубныхъ размѣровъ. И счастье епархіи, которой Богъ пошлетъ архіерея правдолюбиваго, дѣловаго и благожелательнаго, который не развиваетъ, а по возможности сокращаетъ и прекращаетъ бумажное дѣлопроизводство. Преосвященный Смарагдъ въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, былъ истинный отецъ своихъ подчиненныхъ. Всякое судное, всякое спорное дѣло онъ направлялъ къ ближайшему благу своихъ подчиненныхъ, чтобы избавить ихъ отъ суда и осужденія. Оттого въ высшемъ іерархическомъ мірѣ возникла мысль и довольно стойко держалась посылать къ преосвященному Смарагду подъ управленіе и на исправленіе опальныхъ, особенно же ученыхъ монаховъ, которые въ иныхъ мѣстахъ въ чемъ-либо пошатнулись и затруднили свое житейское положеніе; такъ поступали потому, что были увѣрены, что преосвященный Смарагдъ, какъ человѣкъ строгій, быть можетъ и исправитъ, но уже навѣрное — никакъ не погубитъ, это можно было считать несомнѣннымъ, что если иного немощнаго брата и преосвященный Смарагдъ найдетъ неисправимымъ, то значитъ уже—человѣкъ рѣшительно непоправимъ... Мы со своей стороны могли бы насчитать не одинъ примѣръ того, что при немъ люди держались, какъ люди, а послѣ него скоро совсѣмъ и невозвратно пали и пропали. Разсыпалъ этотъ человѣкъ на своемъ вѣку кучу добра; но не знаемъ, погубилъ-ли онъ хоть кого-либо, хоть одного человѣка; а это въ высокопоставленномъ начальникѣ рѣдкая черта, исключительная случайность, которая говоритъ о рѣдкостномъ благодушіи и огромномъ благоразуміи. Извѣстная всѣмъ и каждому его природная пылкость мгновенно обжигала человѣка. Не мягко стлалъ этотъ угловатый характеръ, но всѣмъ подлежащимъ его вліянію покойно было спать. Это не та величавая сдержанность, которая однимъ холоднымъ поворотомъ головы, однимъ презрительнымъ взглядомъ, даже одною улыбкою сожалѣнія роняетъ, унижаетъ, губитъ нравственно, или даже буквально физически убиваетъ, чему есть сотни примѣровъ. Нѣтъ, гнѣвъ Смарагда приводилъ въ содроганіе на минуту; за то немногіе, какъ онъ, умѣли окрылить человѣка ласковымъ словомъ, осчастливить на всю жизнь дѣломъ милосердія, привязать къ себѣ

облагодѣтельствованнаго чувствомъ умилительной признательности навсегда. Онъ свѣтился насквозь жалостью къ придавленному приземистому человѣчеству и когда это свѣтозарное электричество благости пробивалось изъ его сердца къ сердцу взывающему о жалости, то не задумываясь разило даже встрѣчный авторитетъ, каковъ бы онъ ни былъ. Такъ въ 1853 г., когда онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, однажды докладывалась жалоба какого-то дьячка на епархіальнаго архіерея. Вдругъ одинъ изъ именитѣйшихъ іерарховъ, одинъ изъ тѣхъ незыблемыхъ столповъ церкви своего времени, которые именно отличались величавою сдержанностію, останавливаетъ докладъ выраженіемъ недовольнаго изумленія: „го! вотъ! дьячекъ! смѣетъ жаловаться на архіерея!“ Не взялъ святитель въ свое высокое вниманіе того, что рядомъ съ нимъ засѣдаетъ новый оригинальный членъ,—не ждалъ съ непривычки, что архіепископъ Орловскій засыплетъ его авторитетное замѣчаніе пылкою скороговоркою возраженій: „да какъ? да почему не жаловаться? да къ кому же прибѣгнуть? да развѣ вы и я, и всякій другой изъ насъ не можетъ ошибаться? да только ли ошибаться?“.. и т. д. Однимъ словомъ, неожиданно состоялось положеніе, неловкое для высокаго мѣста и сановныхъ присутствовавшихъ тамъ лицъ. Однимъ этотъ порывъ понравился, какъ простодушное нелицепріятное выраженіе правдивости и благородства, другимъ же показался, какъ мало размѣренная поспѣшность, а всѣ почувствовали въ немъ недостатокъ тонкости, для высоко-сановной обстановки непривычный. Многолѣтнюю заслугу преосвященнаго Смарагда поспѣшили украсить Александровскою звѣздою и отправить его при первой благовидности доживать свой вѣкъ въ провинцію, въ Орелъ.

Теперь приходится коснуться самой щекотливой стороны въ характерѣ этого лица, его честности и безкорыстія. Р. С. раздѣляетъ будто бы „общее убѣжденіе о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго никакъ нельзя было назвать безсребреникомъ“. Р. С. не нашелъ въ себѣ благородной сдержанности и самоуваженія настолько, чтобы пройти пренебрежительнымъ молчаніемъ издѣліе Орловскаго бурсачества, извѣстный кощунственный акаѳистъ. Р. С. счелъ и денежные капиталы, оставшіеся по смерти этого человѣка, и куски матеріи; сообразилъ и то, сколько капиталовъ еще прибрано къ рукамъ добрыми людьми; не только въ погребъ спустился и въ кладовую припасовъ, оставшихся по его смерти, но заглянулъ и въ сердце его и въ совѣсть, рѣшивъ

прежде и замѣсто суда Божія, будто бы „онъ даже не очень считалъ себя монахомъ и не находилъ нужнымъ бесѣдовать съ своимъ духовникомъ“, такъ что „и умеръ, не успѣвъ исповѣдаться“, хотя ему даже медики нашли нужнымъ напомнить объ этомъ христіанскомъ долгѣ.— Многое подобное мы слышали прежде и изъ молвы, не все можемъ опровергнуть фактически, тѣмъ не менѣе многое рѣшительно отрицаемъ, на что имѣемъ вѣрныя данныя. Самъ Р. С. свидѣтельствуетъ, что „когда Крыжановскій ректорствовалъ въ С.-Петербургской духовной Академіи, его *не только обвинить, но и заподозрить въ корыстолюбіи не было возможности*. Казенными деньгами распоряжался онъ честнымъ и безкорыстнымъ образомъ. Очень хорошо улучшилъ студенческую пищу“ и т. д. За время бытности преосвященнаго Смарагда въ Полоцкѣ и Могилевѣ мы ручаемся нашею честью, что онъ не только самъ не получалъ ни откуда никакихъ приношеній, но искоренилъ злоупотребленія этого рода и въ другихъ; между тѣмъ относительно Могилева намъ хорошо извѣстно, о чемъ мы и говорили уже, что онъ существенно улучшилъ содержаніе пѣвческаго хора и прочихъ жильцовъ архіерейскаго дома, на что средства шли изъ суммъ архіерейскаго дома, которыми владыка удобно и безгрѣшно могъ распорядиться на удовлетвореніе своихъ личныхъ нуждъ и даже прихотей. Уже говорили мы, что особой роскоши, сравнительно съ предмѣстниками и преемниками своими, не позволялъ онъ никакой; а даже ограничилъ свои издержки на пріемы гостей, чѣмъ сберегъ значительныя средства на улучшеніе быта ближайшей своей свиты. Объ отступленіяхъ отъ монашескаго устава въ Могилевѣ мы не слышали ровно ничего. Гардеробъ у него былъ богатый, но вывезенъ весь изъ Полоцка, изъ Петербурга, и въ Могилевѣ, помнится, вовсе не увеличивался. Не скупъ онъ былъ ни для ближайшихъ своихъ подчиненныхъ, ни для родныхъ. При немъ, при архіерейскомъ домѣ проживалъ нѣкоторое время родной его братъ, учитель гимназіи, человѣкъ одинокій; а также проживала вдова другаго роднаго брата его съ двумя сыновьями, которые воспитывались въ Могилевской семинаріи и маленькою дѣвочкою — дочерью, которая воспитывалась въ дѣвичьемъ институтѣ. Конечно, эта юность воспитывалась въ счетъ дяди. И всѣ эти лица проживали около своего благодѣтельнаго родича такъ тихо, скромно и незамѣтно, что никому и на мысли не приходило зазирать ихъ положеніе. Не отсюда-ли проистекли позднѣйшія нареканія? Всякаго, имѣвшаго случай жить на разныхъ окраинахъ Россіи, опытъ выучитъ, что къ юго-востоку и языкъ

жестче, лицемѣрнѣе, фарисейственнѣе, и воображеніе развратнѣе, чѣмъ въ западныхъ нашихъ окраинахъ. Тамъ вѣетъ уже духомъ Европейскаго уваженія къ свободѣ лица въ его личныхъ дѣлахъ; тогда какъ къ юго-востоку всякій непрошенный глазъ нахально заглянетъ къ тебѣ не только въ кухню, но и въ сердце и въ тайные помыслы, и въ сокровенныя склонности. Въ 1863 и 1864 году мы были въ Астрахани и разсуждали о преосвященномъ Смарагдѣ съ самыми компетентными людьми: ничего не слышали мы тамъ о немъ, кромѣ добраго. Но тамъ искони уже существовалъ обычай, что архіереямъ за службы въ храмовые праздники въ церквахъ и монастыряхъ дѣлаются посильныя приношенія, равно какъ и сослужащей архіерейской свитѣ, начиная съ архимандритовъ. Этотъ обычай благодарить за трудъ архіереевъ и сослужащихъ имъ имѣетъ утвердившееся искони существованіе въ столицахъ и нѣкоторыхъ другихъ, весьма однако-же немногихъ, старорусскихъ городахъ. Въ большинствѣ же другихъ городовъ Россіи малѣйшій намекъ на склонности архіереевъ къ чему-либо подобному ведетъ къ соблазну и громкому говору о корыстолюбіи. Мы видѣли тому препечальные факты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, чтобы громко не закричали о взяточничествѣ архіерея, ему нужно отвѣчать абсолютными отказами, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагаются въ даръ какія-либо мелочи, въ родѣ шитья женскихъ монастырей. Иначе первые закричатъ объ этомъ сами же наши священники,—низшая братія, которые въ этомъ случаѣ, кажется, ревниво стерегутъ свое собственное право жить отъ мірскихъ подаяній. Повторяемъ, что этому видѣли мы препечальные факты, не высоко говорящіе о человѣческой породѣ. Когда преосвященный Смарагдъ въ 1853 г. находился въ С.-Петербургѣ, на чредѣ присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ, мы имѣли случай бесѣдовать о немъ съ приближеннѣйшими ему людьми, которые уѣхали съ нимъ еще изъ Могилева, допытываясь отъ нихъ, отчего это такъ громко раздаются эти нареканія; и въ задушевной бесѣдѣ получили объясненіе, что, по неволѣ поѣздивъ по бѣлу свѣту уже довольно, преосвященный Смарагдъ желалъ бы, наконецъ, сложить свои кости именно въ Орлѣ, въ которомъ въ ту пору былъ онъ архипастыремъ; желалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ построить въ Орлѣ соборъ, для котораго дѣлаетъ сборы и блюдетъ и свои собственныя средства, просилъ онъ объ этомъ и Святѣйшій Синодъ, чтобъ изъ Орла его уже не тревожили и дозволили довершить святое дѣло-созданія соборнаго храма. Волѣ Божіей, однако же, благоугодно было перекинуть его изъ Орла еще разъ, именно въ Рязань,

гдѣ его заботливый практическій духъ нашелъ себѣ новую практическую заботу—въ поддержаніи древняго историческаго зданія архіерейскаго дома, бывшаго дворца еще удѣльныхъ Рязанскихъ князей, но въ XIX вѣкѣ, конечно, весьма склоннаго уже превратиться просто въ историческую развалину... Отсюда-то и молвы, именно изъ практическихъ задачъ создать способы изъ скудости. А тамъ злоязычіе поймаетъ какую-либо совершенно невинную быль, въ родѣ Мальцовскаго сервиза, сдѣлаетъ изъ нея всероссійскій анекдотъ, тогда какъ въ этой исторіи самъ виновникъ, конечно, всего менѣе могъ подозрѣвать свою виновность. Пусть вотъ посудитъ объ этомъ всякій безпристрастный человѣкъ: въ благодарность, кажется, если не обманываютъ насъ память или народная молва, за освященіе церкви на заводѣ, радушный хозяинъ или его управитель предлагаютъ освящавшему архипастырю великолѣпнѣйшій хрустальный сервизъ; тотъ, искренно изумляясь такому великолѣпію, простодушно и выражаетъ свое изумленіе: „куда намъ — монахамъ такая роскошь“! вовсе однако-же не думая отвергнуть приношеніе; а приносящіе переводятъ эти слова на свои торговыя понятія, полагая, что сервизъ не угоденъ, а желательно другое, болѣе математическое вознагражденіе, которое и предлагается въ видѣ запечатаннаго пакетика, какъ въ столицахъ дѣлается постоянно; пріемлющій простодушно благодаритъ широкую щедрость хозяевъ и, садясь въ экипажъ, ничего о закулисномъ экономическомъ разсчетѣ хозяевъ не подозрѣвая, простодушно освѣдомляется у своей прислуги, куда-же поставили поднесенный сервизъ; этотъ совершенно невинный вопросъ производитъ переполохъ, такъ какъ, по экономическому разсчету хозяевъ, за сервизъ уже долженъ былъ отвѣтить пакетикъ... И вышелъ всероссійскій анекдотъ, въ которомъ оказалось виновно совершенно невиновное простодушіе съ одной стороны, виновнѣе угодливый, но въ то-же время и экономный разсчетъ съ другой стороны, а еще виновнѣе странное стеченіе случайностей, въ сущности же виновно одно легкомысленное злоязычіе зубоскаловъ, наконецъ, не только виновна, но и преступна злонамѣренность грязныхъ бумагомарателей. Что сказать однако-же объ оставшихся по смерти капиталахъ? Что они свидѣтельствуютъ!? Свидѣтельствуютъ о практическомъ смыслѣ этого человѣка, но никакъ не о злоупотребленіяхъ. Съ первыхъ лѣтъ святительства преосвященнаго Смарагда комнатнымъ человѣкомъ былъ при немъ нѣкто о. Іероѳей, который въ Могилевѣ былъ при немъ казначеемъ, затѣмъ переѣхалъ за нимъ въ Харьковъ и Астрахань до Орла; а здѣсь произведенъ въ

санъ архимандрита—настоятеля, кажется, Сѣвскаго монастыря. Этотъ о. архимандритъ Іероѳей, не разъ появлявшійся въ печати въ духовныхъ журналахъ, вскорѣ послѣ смерти преосвященнаго Смарагда прислалъ было для печати въ Петербургъ нѣчто въ родѣ апологіи его памяти, гдѣ, между прочимъ, математически расчислилъ, что преосвященный Смарагдъ нажилъ оставленный имъ капиталъ чисто изъ законныхъ своихъ средствъ, не прибѣгая ни къ какимъ злоупотребленіямъ. Тогда эта апологія не была пропущена цензурою по тому соображенію, что нареканія на память преосвященнаго Смарагда вносились въ Россію только изъ заграничной печати. Но теперь, когда эти нареканія раздались и во внутренней русской печати, теперь, намъ думается, апологія, написанная о. Іероѳеемъ, составленная изъ точныхъ цифръ не была бы ни излишнею, ни вредною. Въ то время мы ее читали въ рукописи и сколько помнимъ, она была основана на слѣдующемъ разсчетѣ. Съ молоду преосвященный Смарагдъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранниковъ, которыхъ судьба только и знаетъ, что осыпаетъ цвѣтами счастья. Тогда какъ двѣ трети нашей учено-иночествующей братіи съ первыхъ же годовъ службы затираются въ безвѣстности, преосвященный Смарагдъ сразу-же сталъ въ высокое и прочное положеніе. Скоро по окончаніи курса въ Петербургской Академіи, онъ сталъ ректоромъ Кіевской семинаріи, затѣмъ переведенъ въ ректора Академіи С.-Петербургской, при чемъ, кажется, былъ и настоятелемъ Сергіевой Пустыни; затѣмъ возведенъ въ санъ епископа-викарія С.-Петербургскаго, скоро переведенъ въ епископа Полоцкаго; а затѣмъ скоро-же оказался и архіепископомъ Могилевскимъ. На всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ получалъ значительные оклады. Напримѣръ, въ Могилевѣ при архіерейскомъ домѣ было и имѣнье съ крестьянами. Вездѣ почти судьба ставила его такъ, что оклады свои онъ могъ почти цѣликомъ отлагать въ сбереженіе и жить имѣлъ полную возможность и законное право въ счетъ завѣдуемыхъ имъ учрежденій, каковы были сначала монастыри, а затѣмъ архіерейскіе дома. Въ Могилевѣ была молва, которая однакоже никого не соблазняла, что онъ и тогда уже повезъ съ собою тысячъ съ сорокъ капитала. Съ 1840 г. по день смерти этотъ капиталъ, положенный въ кредитныя учрежденія, могъ утроиться. А извѣстно, что и Харьковская и Астраханская каѳедры не были скудны способами содержанія. Скуднѣе были Орловская и Рязанская; но къ этой порѣ личное достояніе преосвященнаго Смарагда было уже значительно упрочено. Этою скудостью послѣднихъ двухъ каѳедръ,

а вовсе не воровствомъ добрыхъ людей, т. е. близкихъ людей должно быть объясняемо то, что принадлежавшіе преосвященному Смарагду денежные знаки означены были годами отъ 1840 и до 1856 г. До 1840 г., до перевода изъ Могилева въ Харьковъ онъ не клалъ своихъ денегъ въ сохранныя учрежденія, хотя конечно и сберегъ кое-что изъ своихъ всегда значительныхъ окладовъ; а затѣмъ съ 1856 г., съ перевода въ Рязань, ему уже нечего было и откладывать. Жалованья на этихъ каѳедрахъ онъ получалъ 2000 руб. ассигнаціями. А вѣроятно, онъ и раздалъ кое-что своимъ близкимъ. Собралъ же онъ такую значительную сумму потому, что, какъ человѣкъ наиболѣе практическій и дѣловой изъ людей, какихъ мы на своемъ вѣку встрѣчали, онъ зналъ цѣну деньгамъ, которыя съ трудомъ наживаются и могутъ быть употреблены на существенно-полезныя дѣла; а берегъ эту сумму, конечно, и на черный день, чтобы подъ старость не быть зависимымъ нищимъ въ тягость другимъ; главное же и у него, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была своя и забота, какъ лучше употребить богодарованныя средства, и мечта — положить ихъ на храмъ Божій въ Орлѣ, чтобы тамъ сложить и кости свои. Но Богъ не судилъ этой мечтѣ осуществиться, воззвалъ его въ Рязань, а въ Рязани воззвалъ его въ обители премірныя, вслѣдствіе чего старецъ-святитель, разочаровавшись въ одной мечтѣ, не успѣлъ выработать другую для употребленія своихъ средствъ, достойнаго своей памяти... Слѣдовательно, тутъ и позволительно сказать только: Увы! разсчеты человѣческіе!... Конечно, прискорбно, что старецъ не успѣлъ предъ смертью даже исповѣдаться, о чемъ намъ тогда-же скоро по смерти его почти очевидцы этой кончины шепнули на ухо. Но вѣдь это-же дерзкая претензія проникнуть въ человѣческую, въ архіерейскую совѣсть и тамъ прочитать, что архіерей, по своему невѣрію, упорнымъ отказомъ отъ исповѣди, отважился произвести всеобщій соблазнъ въ своей паствѣ и предстать на страшный судъ къ Небесному Пастыреначальнику съ совѣстью неочищенною! Нѣтъ, это бѣдствіе случилось проще. Намъ разсказывали, что онъ не ждалъ такъ скоро роковой развязки: онъ такъ вѣрилъ въ свои силы, въ крѣпость своего атлетическаго организма, что незадолго до смерти, омрачаемый грозною мыслью о близости этой грозной неизбѣжности, онъ, разсказываютъ, всегда вѣрный своимъ пластически — простоватымъ пріемамъ, однажды, поникнувъ въ сумрачномъ раздумьи головою, вдругъ ударилъ себя обѣими ладонями по ногамъ выше колѣнъ съ слѣдующимъ, чисто въ его

характерѣ, грустнымъ восклицаніемъ: „эхъ! тѣлеса-то, тѣлеса какія“!... Видно, еще не желалось смерти, а потому и не вѣрилось, что она не у изголовья, а за спиною. Извѣстно, что онъ и умеръ на ногахъ.... А тутъ медики взялись, дѣйствительно, не за свое дѣло—архіерею, который мнитъ себя еще достаточно крѣпкимъ, еще и дѣлъ управленія не выпускаетъ изъ своихъ рукъ, медики! архіерею! напоминаютъ о долгѣ предсмертнаго напутствія! При такой странной коллизіи, отъ этого всегда пылкаго характера ничего иного нельзя было и ожидать, какъ грозной вспышки, которая, кажется, и ускорила его смерть. Вотъ истинное горе подобныхъ положеній, что грозный начальникъ такъ себя держалъ въ отношеніи даже къ своимъ приснымъ, что никто не посмѣлъ, никто не съумѣлъ осторожно навести его собственную мысль на близость грозы и неотложность предсмертнаго приготовленія. Многолѣтняя опора другихъ, самоувѣренный, растревоженный старецъ сталъ утолять свою болѣзненную жажду, захлебнулся и исчезъ изъ списка живыхъ. Тѣлеса его, въ атлетической крѣпости которыхъ онъ нѣсколько къ несчастью, только не вполнѣ усумнился, ему измѣнили и разсчеты оказались опять обманчивыми. Только всего тутъ мы и видимъ Божіе попущеніе, но никакъ же не невѣріе. Намъ извѣстны подобныя же обстоятельства кончины одного изъ высшихъ іерарховъ, человѣка строжайшаго по жизни, благочестія и вѣры несумнительныхъ: къ явно—изнемогающему старцу, по откровенію врачей, вотъ уже вошли викарій и старшая братія принять его послѣднее благословеніе и предсмертный вздохъ; а старецъ, взволнованный непонравившеюся ему проповѣдью череднаго проповѣдника, озабоченъ вопросами о проповѣди къ наступившему празднику; тогда викарій и братія говорятъ: „да, владыка, успокойтесь, лучше вотъ помолимся Господу, чтобы Онъ подалъ Вамъ здравіе душевное и тѣлесное“, и не имѣя времени медлить въ ожиданіи, тутъ же облачились въ священныя ризы, да и начали чинъ маслособорованія, послѣ чего ослабѣвшій старецъ тутъ-же и преставился...

Путешествуя по Могилевской губерніи въ 1854 г., мы слышали отъ духовенства такія восклицанія: „О! Смарагдъ, Смарагдъ! *Милостивый Смарагдъ*“! Этому мы не изумлялись, но изумились, когда въ 1863—4 годахъ въ Астрахани услышали буквально тѣ-же восклицанія: „О! Смарагдъ! *Милостивый Смарагдъ*“! Вѣримъ слову многомилостиваго Спасителя нашего: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*

Отрывокъ изъ автобіографіи.

Я долженъ начать отъ Адама, чтобы дать понять себя,—начать именно съ того, что я не желалъ быть ректоромъ Казанской духовной Академіи и дважды оффиціально отказывался отъ этой чести. Потому-то я и долженъ начать отъ Адама, чтобы дать понять мотивы подобныхъ моихъ склонностей и дальнѣйшей дѣятельности.

Я воспитался въ духѣ самаго строгаго православія. Въ несомнѣнности нашего богословія былъ убѣжденъ твердо. Еще въ С.-Петербургской семинаріи и дальше въ С.-Петербургской Академіи студентомъ мечталъ современемъ написать *Сводъ религіозно-философскихъ идей*, думая согласить философію съ православной религіей. Но не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Мнѣ пришлось работать въ жизни не по личному моему усмотрѣнію, а по волѣ обстоятельствъ.

Преосвященный ректоръ Академіи, епископъ Макарій предполагалъ совершенно устранить себя отъ профессорской каѳедры и велѣлъ мнѣ, еще студенту, іеродіакону Никанору, приготовить пробную лекцію по догматикѣ. Я выбралъ тему — *о воскресеніи мертвыхъ* и сказалъ лекцію наизустъ, блистательно. Преосвященный Макарій былъ болѣе, чѣмъ удовлетворенъ. Товарищи студенты меня поздравляли, не смотря на студенческое соперничество. Еще студента, преосвященный Макарій отрекомендовалъ меня съ отличной стороны посѣтившему Академію графу Протасову. По странной случайности, когда ректоръ превозносилъ меня, увы! меня не оказалось въ классѣ, хотя я и крайне мало манкировалъ. Былъ классъ какого-то языка, чуть-ли не греческаго. Это произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Дѣло было лѣтомъ, передъ

самымъ окончаніемъ нами академическаго курса, въ 1851 году. Кажется, и митрополитъ Никаноръ не согласился, чтобы преосвященный Макарій совсѣмъ отказался отъ каѳедры. По окончаніи курса, меня посадили на каѳедру не догматики, какъ предполагалось, а обличительнаго богословія.

Чтобы я готовился, мнѣ объявлено объ этомъ предположеніи еще въ началѣ лѣтней вакаціи. За вакацію я успѣлъ многое пересмотрѣть. Надо замѣтить, что по обличительному богословію въ русской литературѣ тогда не было ровно ничего. Мой предмѣстникъ и наставникъ, священникъ Евграфъ Аѳанасьевичъ Бенескриптовъ читалъ съ каѳедры студенческія сочиненія, да свое печатное разсужденіе „*О преданіи*“. Лекціи посѣщалъ неисправно. Велѣно было мнѣ представить программу. Я таковую сработалъ, представилъ и получилъ полное одобреніе. Надо было идти быстро и на—проломъ. Кромѣ введенія я быстро составлялъ, читалъ и сдавалъ лекціи о современномъ несторіанствѣ, монофизитствѣ, армянствѣ, католичествѣ и расколѣ. Работалъ,—какъ работалъ и въ Казанской Академіи,—неотступно до одурѣнія, до біенія сердца, до круженія головы. Болѣе обстоятельно о томъ, что и какъ я за эту пору писалъ, можно прочитать въ моей лекціи, сказанной въ Казани, въ обзорѣ моей ученой дѣятельности. Работалъ я такъ много, что мои лекціи „о несторіанствѣ и монофизитствѣ“ нашелъ нужнымъ сократить еще преосвященный Макарій: „старыя-де заблужденія не стоятъ опроверженія“. Мои лекціи, по широкой программѣ, о римскомъ католичествѣ сокращали мои преемники по каѳедрѣ. Но даже у Н. Я. Бѣляева нѣтъ обзора разностей о Соборахъ, которую я выставилъ и широко тогда еще разсматривалъ.

Мой тогдашній методъ изложенія лекцій. Я готовилъ довольно обстоятельный конспектъ. Предъ лекціей тщательно проглядывалъ его. Приносилъ въ классъ беремя нужныхъ книгъ-источниковъ и говорилъ наизустъ, стоя около каѳедры, рѣдко ходя по аудиторіи, еще рѣже садясь на каѳедру. Показывалъ студентамъ тутъ же всѣ источники. Часто обращался къ студентамъ съ вопросами. Вообще, велъ себя въ классѣ, подражая отчасти только методѣ Дмитрія Ивановича Ростиславова, который безпрерывно совопросничалъ со студентами. При тогдашней моей самоувѣренности, я былъ господинъ и предмета и вниманія студентовъ. Начиная со второй моей лекціи, мнѣ приходилось говорить такъ, что студенты бывали въ восторгѣ подъ моимъ впечатлѣніемъ. Съ тѣхъ поръ сталъ моимъ почитателемъ, другомъ и всегдашнимъ въ жизни благодѣтелемъ мой ученикъ Павелъ,—Экзархъ Грузіи.

Зачѣмъ я держался такого метода? По личнымъ студенческимъ воспоминаніямъ, которыя были такъ свѣжи тогда. Въ низшемъ нашемъ отдѣленіи важнѣйшіе профессоры: 1) исторіи философіи—*Василій Николаевичъ Карповъ* говорилъ только съ самаго начала, до Платона, и мы его понимали. Съ Платона сталъ только читать, и мы его перестали не только понимать, но и слушать. 2) Профессоръ философіи *Адамъ Андреевичъ Фишеръ* не иначе говорилъ, какъ сидя на каѳедрѣ, никогда не обращаясь къ студентамъ, трещалъ какъ заученное. Я сперва силился записывать. Но никакъ услѣдить нельзя было. Скоро и я пересталъ его слушать, какъ и всѣ. 3) Профессоръ изящной словесности *Кириллъ Ивановичъ Лучицкій* читалъ не иначе, какъ по тетради. Мы скоро перестали слѣдить за нимъ. Слушали только, когда онъ читалъ и разбиралъ примѣры, очень остро и ѣдко. 4) Слушали, да и нельзя было не слушать, одного только профессора математики и физики *Д. И. Ростиславова*, которыйн а каѳедрѣ никогда не сидѣлъ, лекцій въ классъ не приносилъ, ничего продолжительно не читалъ, а постоянно обращался къ сознанію студентовъ. Спрашивая студентовъ, никогда никакой очереди не держалъ, такъ что о немъ студенты говорили: „онъ безсовѣстный; на его совѣсть положиться нельзя; разсчитать никакъ нельзя, онъ и сегодня спроситъ, и завтра спроситъ, и послѣ-завтра спроситъ". Это было настоящее плодотворное преподаваніе. У него и неучащихся студентовъ не было, хотя нѣкоторые прибыли въ Академію, не имѣя никакихъ познаній въ математикѣ. Учились волею-неволею. Поставитъ, бывало, нéуча у доски, да и допытывается... Ни у кого недоставало храбрости отвѣчать полнымъ невѣжествомъ. *Во второмъ, высшемъ и послѣднемъ отдѣленіи главными профессорами были:* 1) преосвященный Ректоръ *Макарій* — догматики и своего введенія, т. е. недоношеннаго основнаго богословія; 2) инспекторъ архимандритъ *Іоаннъ* — каноники, докторъ богословія; 3) нравственнаго и пастырскаго богословія, тогда еще іеромонахъ, о. *Кириллъ*, будущій докторъ богословія; 4) гомилетики — *Дмитрій Ѳеодоровичъ Вознесенскій* и 5) церковной археологіи—*Василій Ивановичъ Долоцкій*. Первый,—*Макарій* никогда на каѳедру не садился, а говорилъ, ходя по классу, только о томъ, что имъ написано и напечатано, короче ихуже чѣмъ въ печати, но ясно и просто. Мы его понимали. Иногда давалъ студентамъ вопросы и возраженія, правда, рѣдко. Оживлялся только, когда полемизировалъ, напримѣръ, разбирая ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Вообще, вялый былъ преподаватель. Второй,—

Іоаннъ почти всегда сидѣлъ на каѳедрѣ, читалъ по тетрадкѣ, изложеніе напряженно отвлеченное и туманное; изрѣдка ходилъ по классу, когда спрашивалъ студентовъ. Ясно было, что толкъ острый; въ возраженіяхъ студентамъ бывалъ рѣзокъ и мѣтокъ. Но вообще слѣдить за нимъ было трудно и особеннаго вліянія на студентовъ въ мою пору онъ не имѣлъ. Впослѣдствіи онъ переработалъ свою систему, давъ ей вмѣсто теоретической историческую постановку. И наши преемники студенты были отъ него въ восторгѣ. Третій, — о. *Кириллъ*, задачею жизни имѣлъ подражать во всемъ, конечно, въ мелочахъ, Макарію; всегда по классу ходилъ, скороговоркою сыпалъ слова, какъ горохъ; любилъ схоластическія раздѣленія и дробленія: во-первыхъ, во-вторыхъ... Слушали его мы напряженно, онъ былъ вліятеленъ по близости къ Макарію. По некрупности, впрочемъ довольно свѣтлаго смысла, мало имѣлъ вліянія на студентовъ. Четвертый, *Д. Ѳ. Вознесенскій* всегда сидѣлъ на каѳедрѣ, всегда говорилъ наизустъ, тутъ же и обдумывая что и какъ сказать, всегда плохо приготовившись къ лекціи, говорилъ языкомъ крайне туманнымъ. Лекцій его мы и не слушали. А образцы читалъ и разбиралъ превосходно. Наконецъ, *В. И. Долоцкій* читалъ свою литургику всегда по тетрадкѣ, всегда изъ курса въ курсъ одно и тоже, читалъ раздѣльно по слову, ясно, просто и логично, и съ знаніемъ дѣла. Этого просто было и слушать, и понимать. Работящій и умный былъ баккалавръ Свящ. Писанія *Моисей Александровичъ Голубевъ*. Но гнусилъ, не ясно выговаривая слова, всегда ходя по классу, всегда держа передъ носомъ тетрадку. Слѣдить за нимъ было тяжело. Вотъ мотивы, почему я избралъ свой методъ изложенія моихъ лекцій въ аудиторіи. Бывало, муха пролетитъ, такъ слышно. Я юнъ былъ, но авторитетомъ пользовался въ аудиторіи безспорнымъ. Такъ дѣло шло *одинъ годъ*. Да, моимъ идеаломъ наставника всегда былъ инспекторъ С.-Петербургской семинаріи Александръ Ивановичъ Мишинъ, впослѣдствіи и профессоръ каноники въ Академіи. Въ семинаріи онъ читалъ намъ логику и психологію, вообще философію. Читалъ мальчикамъ самые тяжелые предметы и, слѣдуя моему полу-сократическому методу, достигалъ недостижимаго для другихъ вліянія на слушателей. Онъ имѣлъ наибольшее вліяніе на развитіе моего смысла.

Отчего одинъ только годъ я велъ дѣло такимъ образомъ? А вотъ отчего. Преосвященный Макарій осуществилъ таки свое намѣреніе отказаться отъ каѳедры, хотя и наполовину. Онъ слишкомъ много писалъ и что у него написано и напечатано, о томъ онъ не любилъ

говорить въ классѣ. Въ эту пору онъ работалъ надъ Догматикой. Догматику онъ за собой и оставилъ, одинъ классъ, т. е. одинъ часъ въ недѣлю, хотя тогда классы и были полутора-часовые. Введеніе же въ богословіе велѣлъ читать мнѣ. Повелѣніе состоялось только, кажется, по словесному соглашенію съ митрополитомъ Никаноромъ. Приказаніе мнѣ послѣдовало просто: „вотъ что, о. Никаноръ, вы будете читать въ обоихъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ и Введеніе въ богословіе. Мнѣ некогда. Слишкомъ занятъ... Въ моей книгѣ вы найдете все, что нужно сказать съ положительной стороны; возраженія же вы найдете у Либермана, у Перронѣ и другихъ". Такимъ образомъ очутился я баккалавромъ не только, тяжко разработываемаго мною, Обличительнаго богословія, но и Введенія въ православное богословіе, съ тремя лекціями въ недѣлю. Труда прибыло почти вдвое, а опасности втрое, вчетверо, вдесятеро. По Введенію я готовилъ лекціи такъ: набрасывалъ конспектъ положительной стороны лекціи по Макарію, впрочемъ справляясь и у другихъ латинскихъ богослововъ, Либермана, Перроне, Клея; главнымъ же образомъ собиралъ разныя возраженія, т. е. концентрируя отрицательную сторону лекціи. Съ тѣмъ и являлся въ классъ, слѣдуя прежнему методу говоренія наизустъ и постоянныхъ обращеній къ студентамъ. Лекціи проходили оживленно. Но возрастали съ пшеницею и плевелы для меня, колкіе, острые плевелы. Поднялся говоръ не только въ Академіи, но и въ Петербургѣ. Болѣло у меня сердце предчувствіемъ, и не даромъ.

Въ концѣ втораго года моей академической службы, преосвященный Макарій, еще благосклонный ко мнѣ, призвавъ меня, говоритъ категорически: „Послушайте о. Никаноръ! Говоръ о васъ ходитъ въ городѣ. Вы тамъ, на лекціяхъ, касаетесь щекотливыхъ вопросовъ. Это толкуютъ не только студенты между собой, но выносятъ и въ городъ. Я былъ вотъ въ городѣ и тамъ одинъ почтенный протоіерей говоритъ, что если Вы имъ дорожите, то или предостерегите его, или же переведите на другую каѳедру. Я теперь васъ предостерегаю. Но если толки не прекратятся, я переведу васъ,—да и"... (говоря про себя) „теперь не перевести-ли на Греческій языкъ?... Будьте осторожны, о. Никаноръ, будьте осторожны"...

Въ чемъ заключалась моя неосторожность, можно судить по слѣдующему примѣру. Тогда все было переполнено толками о Штраусѣ,

его книгою: *Жизнь Іисуса Христа.* Конечно, преосвященный Макарій намъ, его слушателямъ—студентамъ, не сказалъ о Штраусѣ ни слова, и никто изъ профессоровъ ни слова. Таковъ былъ тогда духъ академическаго преподаванія,—замалчивать подобные щекотливые вопросы. Еще примѣръ—семидневное міротвореніе. Кому изъ насъ было неизвѣстно, что естественная наука его отвергаетъ? Преосвященный Макарій удовольствовался передъ нами, его слушателями, замѣчаніемъ, легкимъ, пятиминутнымъ, предъ выходомъ изъ класса, замѣчаніемъ, что-молъ—нѣкоторые толкуютъ, будто подъ днями міротворенія нужно разумѣть цѣлые періоды. Но это-де пустое. Въ Священномъ-де Писаніи всегда и вездѣ еврейское „іом“ понимается, какъ день. И только!... Вообще надо имѣть въ виду, что умъ преосвященнаго Макарія былъ необыкновенно работящій, легко схватывающій, ясный и точный, но совсѣмъ же поверхностный, крайне неглубокій и въ довершеніе всего надменный, отъ легкости и необъятности достигнутыхъ не столько успѣховъ, сколько похвалъ. Вѣдь его усердные чтители въ свѣтской печати провозглашали геніемъ, не менѣе,—тогда какъ наши духовные, особенно же Кіевскіе академики, зло, хотя и тайно, порицали. А по сосѣдству, десятью годами позже, въ Петербургской семинаріи, ректоръ архимандритъ Леонтій, нынѣ архіепископъ Варшавскій, коснувшись въ богословскомъ классѣ того же семидневнаго творенія, высказался весьма типично въ замѣчаніи, что: „молъ тамъ геологи роются въ землѣ, какъ жуки“... братъ мой увѣрялъ, что фраза была типически закончена,—„какъ жуки въ г—нѣ“. Ну, и довольно! Вотъ въ эту-то эпоху азъ смиренный, добывъ книжонку какого-то нѣмецкаго богослова,—тогда я зналъ нѣмецкій языкъ достаточно,—книжонку съ краткимъ разборомъ Штрауса и приготовивъ по ней лекцію, отправился въ классъ, гдѣ и занималъ этимъ предметомъ г.г. студентовъ около получаса времени. А подъ конецъ, по обычаю собесѣдованія и спрашиваю именно о. Викторина, впослѣдствіи епископа викарія Казанскаго, умершаго епископомъ Каменецъ-Подольскимъ,—зная его за весьма консервативнаго студента и ожидая отъ него вопроса, который и получилъ,—спрашиваю: „Полезно-ли заниматься подобными вопросами“?—Отвѣтъ былъ категорическій: „не полезно“.—Я хотѣлъ дебатировать. Но ударилъ звонокъ къ выходу изъ класса. Возобновить этотъ вопросъ на слѣдующую лекцію я не посмѣлъ. Это было въ концѣ курсоваго двухлѣтія.

Послѣ лѣтней вакаціи собрался новый курсъ студентовъ. Вышло

преобразованіе. Въ прежній курсъ „Введеніе въ православное богословіе“ читалось обоимъ отдѣленіямъ вмѣстѣ, высшему и низшему. Теперь же совершенно раціонально перенесено преподаваніе *Введенія*, т. е. *Основнаго богословія*, въ низшее отдѣленіе. Во Введеніи преосвященнаго Макарія, весьма естественно, впереди всей системы стоятъ доказательства *бытія Божія и безсмертія души*. Вещь школярно слабая. Я въ семинаріи, въ среднемъ отдѣленіи, писалъ на эту тему гораздо сильнѣе и художественнѣе. Въ Академіи же мы все таки слушали философію Адама Андреевича Фишера, который, какъ нѣмецъ, хотя и крайне осмотрительный, усиливался познакомить насъ съ критикою Канта доказательствъ бытія Божія. Обдумавъ этотъ предметъ по своему, я пошелъ въ аудиторію съ критикою этихъ доказательствъ бытія Божія и съ новою ихъ постановкою, согласно взглядамъ Фишера, а главное моимъ собственнымъ. Никакого злаго умысла, конечно, не было. Я думалъ разсматривать этотъ предметъ по возможности обстоятельно, а дальше идти ощупью, слѣдуя по возможности книгѣ Макарія. Думалъ дать одну, двѣ, три лекціи о бытіи Божіемъ и безсмертіи человѣческаго духа. Правда, что я и тутъ уже стѣснялся и студенты новички держали себя какъ-то стѣснительно, не привыкши къ довольно отважному анализу мысли, какъ-бы предчувствуя бѣду. Изложеніе этихъ лекцій, какъ-то естественно, затянулось по широтѣ предмета. Я оборвалъ и занялся слѣдующимъ по системѣ предметомъ. Между тѣмъ тайна, не скажу беззаконіе, дѣялась. Надо знать, что тогда былъ обычай, который я попытался было ввести и въ Казанской Академіи, чтобы чередные студенты на другое послѣ лекціи утро являлись къ ректору съ журналами, въ которыхъ записывались порядокъ лекцій и содержаніе ихъ и съ словеснымъ отчетомъ по послѣднему пункту, по содержанію лекцій. Дежурнымъ по первой моей лекціи о бытіи Божіемъ оказался студентъ грузинъ. Грузины имѣли за собой въ Академіи привиллегію глупости. Когда ректоръ спросилъ, о чемъ была лекція, студентъ и отвѣтилъ: „Занималысь опроверженіемъ доказателствъ бытыя Божыя“.—„Что такое? Чѣмъ занимались?“ „Занималысь опроверженыемъ доказателствъ бытыя Божыя“.— Преосвященный Макарій не сталъ съ нимъ разсуждать болѣе. А позвалъ къ себѣ инспектора архимандрита Іоанна: „допросить студентовъ, чѣмъ такимъ я занимаюсь со студентами“. Надобно знать что о. Іоаннъ инстинктивно не любилъ меня,—должно быть чуялъ во мнѣ другаго медвѣдя въ одной съ нимъ берлогѣ; не выносилъ возни-

кающее дарованіе. Въ Петербургѣ, да и въ Казани онъ не пропускалъ случая сдѣлать мнѣ какую-либо... пакость, сказать много, а всегда непріятность, дававшую мнѣ понять, что онъ не принадлежитъ къ числу благопріятствующихъ мнѣ людей. Что̀ онъ такое вызналъ отъ студентовъ, тайно отъ меня, что онъ такое доложилъ преосвященному Ректору Макарію, — только преосвященный Ректоръ требуетъ меня къ себѣ въ одинъ воскресный день, помню, послѣ обѣдни. Сказать, что онъ съ грязью смѣшалъ меня, это мало. Онъ не растеръ меня въ порошокъ потому, что это сдѣлать нельзя было; но готовъ былъ отбросить меня съ отвращеніемъ, какъ мерзкаго червя. — „Что вы тамъ такое?... Опроверженіемъ доказательствъ бытія Божія занимаетесь“?!.. Вставить тутъ слово въ свою защиту, въ свое оправданіе не представлялось ни малѣйшей возможности. Онъ былъ необычайно вспыльчивъ, блѣдный всегда, тутъ блѣднѣлъ, какъ мертвецъ; а тутъ же задѣто было и самолюбіе, т. е. онъ вообразилъ, что задѣто. — „Критика Кантова“?! О таковой критикѣ онъ зналъ только по наслышкѣ. — „И вы осмѣлились поднять хульный языкъ,—на кого?! На наставника, на своего ректора! Прямо мнѣ въ глаза! Да вы знаете ли?! Это безпримѣрно и не безпримѣрно. Вотъ о. Іоаннъ, только что посаженный баккалавромъ, пришелъ въ классъ, принесъ записки ректора о. Евсевія, по которымъ самъ учился, раскритиковалъ ихъ и началъ свои собственныя лекціи. Такъ и вы туда же. Кротость преосвященнаго Евсевія снесла это. Что-же вы такое критикуете?!... Мое сочиненіе, которое признано всѣми, какъ образцовое, до котораго вамъ не дорости никогда. Вѣдь это знаете, что выходитъ? Моська лаетъ на слона! Тьфу“!... Навѣсился было плюнуть въ меня, но отвернулся и плюнулъ черезъ столъ на полъ. — „Что-же вы такое сдѣлали и со студентами?! Они только что изъ провинціи прибыли, только что понюхали Академіи. А вы разбили всѣ убѣжденія, вынесенныя ими изъ дѣтства, изъ прежней школы и, не давъ имъ ничего твердаго, основательнаго, бросили дѣло... Да знаете, заикнись я теперь хоть одно слово въ высшихъ сферахъ, я навсегда уничтожилъ бы всю вашу карьеру. Не знаю, не знаю, что мнѣ съ вами сдѣлать?! Послать васъ куда-либо въ семинарію“?... Я одно знаю, кланяюсь въ ноги. — „Нѣтъ, нѣтъ, о. Никаноръ, ошибся я въ васъ, ошибся, ошибся“!... Я вышелъ отъ него, не скажу, что не помня ничего. Нѣтъ, никогда не терялъ я сознанія, но вышелъ страшно пораженный. Это было первое и, скажу-тяжкое испытаніе въ моей жизни.

Вотъ не могу сообразить. Должно быть, какъ разъ къ этому времени, т. е. къ 1853-му году вышло образованіе въ нашей Академіи такъ называемаго *противо-раскольническаго отдѣленія*. Или оно было въ проэктѣ... Такъ, это было тогда животрепещущимъ вопросомъ. Образованіе этого отдѣленія направлялось такъ, что преосвященный Макарій взялъ на себя самого исторію раскола; мнѣ поручалось опроверженіе всѣхъ раскольническихъ заблужденій съ раскольническою библіографіею, а инспекторъ архимандритъ Кириллъ, наперсникъ Макарія, взялъ на себя преподаваніе практическихъ наставленій противораскольническимъ миссіонерамъ. Ректорамъ всѣхъ семинарій предписано было прислать программы противораскольническаго ученія. Изъ Синода ассигнованы были значительныя суммы на пріобрѣтеніе раскольническихъ книгъ. Вызваны были изъ разныхъ епархій человѣкъ 20 священниковъ миссіонеровъ, которые собственно слушали противораскольническіе уроки у Казанскаго архіепископа Григорія, тогда члена Святѣйшаго Синода; а на уроки исторіи ходили къ преосвященному Макарію. Теперь только соображаю, не это ли обстоятельство спасло меня? Я былъ даровитъ, съ расколомъ за первые два года академической службы уже ознакомился, я былъ нуженъ, какъ преподаватель. Несомнѣнно то, что преосвященный Макарій въ эту пору занимался спеціально изученіемъ исторіи раскола, которую и печаталъ. А я,—да, припоминаю,—долженъ былъ преподавать не только въ миссіонерскомъ отдѣленіи, но и всѣмъ студентамъ о расколѣ, по обыкновенной каѳедрѣ Обличительнаго богословія. Тамъ курсъ о расколѣ былъ широкій, здѣсь узкій; тамъ исторію раскола долженъ былъ читать преосвященный Макарій, сидя на одномъ предметѣ, а всѣмъ студентамъ я, обремененный массою задачъ по предметамъ, которые разработывалъ вновь. Вотъ, послѣ вышеописанной сцены я пришелъ въ классъ на лекцію. Приходилось излагать, именно, исторію раскола всѣмъ студентамъ. Вдругъ шасть на дверь—преосвященный Ректоръ. Сѣли.—„Продолжайте“. —Говорю, путаясь, стѣсненный положеніемъ испытуемаго. Возраженіе: „А какія церковныя книги изданы при такомъ-то патріархѣ“?—А я и не знаю, и отвѣтить не могу.—„А какія въ нихъ внесены погрѣшности“? Не знаю и отвѣтить не могу.—„Продолжайте“.—Скажу нѣсколько словъ; опять возраженіе:—„А при такомъ-то патріархѣ какія книги напечатаны“?—Молчаніе, или неловкій отвѣтъ.—„А какія въ нихъ погрѣшности были внесены, именно, при такомъ-то патріархѣ“?—Съ моей стороны опять молчаніе, или неловкій

отвѣтъ. Не помню, сколько разъ онъ предложилъ мнѣ именно эти вопросы: „а при такомъ-то патріархѣ какія книги печатались и какія въ нихъ внесены погрѣшности“? Этими вопросами онъ занимался какъ разъ въ эти дни, потребовавъ къ себѣ всѣ старопечатныя книги, которыхъ у насъ и подъ руками не было, изъ Публичной Библіотеки. И вотъ теперь этими вопросами онъ подсаживаетъ меня, желая показать, что я не болѣе, какъ моська передъ слономъ, передъ гигантомъ.— „Продолжайте“...—У меня и въ горлѣ колъ сталъ, и въ памяти не осталось, о чемъ такомъ это говорилъ я свою лекцію. Между тѣмъ я соображаю, что если я смолчу въ эту минуту, онъ сочтетъ это за ослушаніе. Я нравственно рванулся съ мѣста, чтобы сказать хоть что-либо: сказалъ какую-то безсмыслицу. Онъ блѣдный, глядя въ полъ, презрительно улыбнулся и вышелъ изъ класса. Эта пытка продолжалась съ полчаса. До звонка было уже не далеко, однакоже его еще не давали. Сидя на каѳедрѣ, я потянулся и говорю студентамъ:— „Однакоже, какъ можно устать!... Читайте, господа, молитву“.— Перекрестился и вышелъ до звонка. Пришелъ въ квартиру и легъ на постель пластомъ, лицомъ къ стѣнѣ. Вѣроятно, говоръ по Академіи распространился. Входятъ ко мнѣ мои друзья баккалавры, Иларіонъ Алексѣевичъ Чистовичъ и Иванъ Алексѣевичъ Вознесенскій. Видятъ, что я лежу мертвецомъ.—„Ну, что вы“?! слышу голосъ Иларіона Алексѣевича,—„ну, встаньте. Ну, что вы?! Ну развѣ васъ вѣшаютъ?! Поднимитесь, вотъ обѣдъ принесли, нѣтъ-ли вина? Выпейте сами и насъ угостите“. Вино дома оказалось. Я не вдругъ поднялся. Выпилъ рюмку хересу, угостилъ пріятелей, и такъ у меня на душѣ просвѣтлѣло.

Это были, конечно, самыя тяжкія минуты моей жизни, собственно по состоянію моего духа, но по ходу дѣлъ это было только начало болѣзней. Лично мнѣ преосвященный Макарій сказалъ, что если бы онъ хоть однимъ словомъ заикнулся предъ властями о моемъ вольномысліи, то онъ уничтожилъ-бы всю мою карьеру. Тѣмъ не менѣе, подумавши, онъ сказалъ митрополиту Никанору ни болѣе, ни менѣе, какъ что *о. Никаноръ не православенъ*. Грозному гонителю всякаго неправославія онъ сказалъ тоже, что о. Никаноръ не православенъ. Къ удивленію отъ графа Протасова не послѣдовало никакого даже признака, что ему это доложено. Это я узналъ отъ одного студента слѣдующаго за нами курса, который готовился ѣхать за границу священникомъ въ какое-то посольство. Въ пріемной графа Протасова сошелся онъ съ директоромъ духовно-учебнаго Управленія Александ-

ромъ Ивановичемъ Карасевскимъ, который и вступилъ съ нимъ въ разговоръ обо мнѣ.—„Что это тамъ у васъ, о. Никаноръ! Неправославенъ, Боже мой! Жаль, жаль! Вѣдь я знаю о. Никанора вотъ съ какихъ поръ"..., указывая рукою на аршинъ отъ пола. Онъ дѣйствительно зналъ меня по Петербургской семинаріи, которую часто посѣщалъ, съ 16-лѣтняго моего возраста, когда я былъ маленькимъ мальчикомъ. Я кидался всѣмъ въ глаза, какъ красивый и бойкій мальчуганъ, и первое благопріятное впечатлѣніе я всегда поддерживалъ, какъ отлично даровитый ученикъ, отлично успѣвающій и безупречно-нравственный. Особенно же я кинулся въ глаза нашимъ свѣтскимъ синодаламъ въ 1845 году 26-го сентября, когда въ храмовой день С.-Петербургской семинаріи говорилъ первую проповѣдь, сказанную съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Она и писана была по особому поручению того-же А. И. Карасевскаго, писана на одинъ день мною и даровитѣйшимъ изъ моихъ товарищей Черницкимъ. Оба же мы ходили на домъ къ А. И. Карасевскому, по его приказанію, учиться произношенію, которому самъ онъ насъ училъ и училъ презабавно, произнося славянскія реченія противъ обычныхъ удареній. Тутъ посыпались на меня благословенія и поздравленія со всѣхъ сторонъ, начиная съ священнодѣйствовавшаго преосвященнаго викарія Наѳанаила, который, благословляя меня по произнесеніи проповѣди, сказалъ мнѣ съ выраженіемъ чувства: – „Да благословитъ Богъ въ тебѣ тотъ даръ, который мы сегодня въ тебѣ съ наслажденіемъ слышали". – Лучшіе, чувствительнѣйшіе изъ учениковъ мнѣ на шею вѣшались съ радостными поздравленіями: „отъ роду мы ничего подобнаго не слыхали". Помню одного мальчика Юхновскаго, Варшавскаго полу-полячка, сына военнаго священника. За обѣдомъ въ столовой я, какъ старшій, сидѣлъ на концѣ стола,—подошли ко мнѣ всѣ три, присутствовавшіе превосходительства, синодскіе если не Юпитеры, то Аполлоны того времени,— Познякъ, К. С. Сербиновичъ и А. И. Карасевскій. Всѣ трое удостоили меня милостивѣйшихъ рѣчей по поводу моей проповѣди. И только одинъ изъ нихъ, Познякъ, скоро для меня исчезъ въ туманѣ, а другіе два, и Карасевскій и Сербиновичъ, имѣли существенное вліяніе на мою жизнь. Конференцій я имѣлъ съ ними немало. Такъ въ этотъ разъ А. И. Карасевскій и говоритъ о мнѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ:— „Боже мой, неправославенъ! Жаль, жаль! Вѣдь я его знаю вотъ съ какихъ поръ",—чуть не съ дѣтства. Судите, легко-ли мнѣ было это выслушать. О томъ-же, что и митрополиту Никанору сдѣлано такое-

же донесеніе, объявилъ мнѣ самъ преосвященный Макарій.—„Я сказалъ Владыкѣ прямо, что вы не православны. Владыка и говоритъ: такъ удалить его, или послать въ Новгородскую семинарію въ инспекторы. А я сказалъ, что онъ даровитъ, и я беру на свои руки. Владыка согласился. Смотрите же, о. Никаноръ, помните, что я взялъ васъ на свои руки". Я, конечно, поклонился въ ноги. Впослѣдствіи времени мы часто смѣялись надъ этою сценою, подшучивая надъ ея характерностью. Надо знать, что митрополитъ Никаноръ былъ мягкаго характера, почти до безхарактерности и въ то же время соблюдалъ свой авторитетъ. По Академіи онъ дѣлалъ только то, что подскажетъ, или напишетъ Ректоръ Макарій. Напримѣръ, Ректоръ Макарій почтительнѣйше докладываетъ, что, молъ, Ваше Высокопреосвященство, нужно сдѣлать то-то и то-то, тамъ-то и тамъ-то. Митрополитъ выслушаетъ и потомъ, поднимая повелительно палецъ, повелительно говоритъ:—„такъ сдѣлайте вотъ то-то и вотъ такъ-то",—повторяя дальше самому Макарію слово въ слово то же, что и какъ сію вотъ минуту докладывалъ самъ же Макарій. Такъ мы и подшучиваемъ бывало: Макарій: „Ваше Высокопреосвященство! О. Никаноръ, къ сожалѣнію, неправославенъ". — Митрополитъ: „а-а? Неправославенъ? Такъ прогнать его".—Макарій: „Но онъ, Ваше Высокопреосвященство, даровитъ и я беру его на свои руки".—Митрополитъ: „А-а! Такъ оставить его"...

Разъ какъ-то приказываетъ: —„принесите мнѣ записки, по которымъ это вы читали о бытіи Божіемъ". Я принесъ свои конспекты, очень обстоятельные. Онъ оставилъ у себя для просмотра. Затѣмъ снова призываетъ меня къ себѣ и говоритъ уже сравнительно мягко: — „совѣтую вамъ сжечь это въ печи, чтобы и памяти не осталось".— Я послушался и сжегъ. А теперь думаю, что преосвященный Макарій, разглядѣвъ и содержаніе, и направленіе моихъ лекцій, по прошествіи горячки, самъ устыдился того шума, который надѣлалъ, чуть не погубивъ невиннаго человѣка; почему и велѣлъ сжечь, чтобы и памяти объ этомъ прискорбномъ даже для него инцидентѣ не осталось. Съ каѳедры Основнаго богословія меня смѣстили, посадивъ на нее уже моего ученика, только что кончившаго курсъ баккалавра Ивана Алексѣевича Вознесенскаго, который впослѣдствіи былъ протоіереемъ въ Копенгагенѣ, гдѣ имѣлъ счастіе быть учителемъ по русскому языку нынѣшней Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны-Дагмары. Характерна рѣчь, которую держалъ преосвященный Ректоръ Макарій къ

студентамъ, когда впервые ввелъ въ аудиторію новаго баккалавра:— „Прежній преподаватель о. Никаноръ давалъ много воли языку, поднимая отрицательные вопросы, которые и рѣшить трудно. А надо не такъ. Надо разсматривать вопросы религіи положительно и съ положительной стороны". Въ начальственныхъ сферахъ это дѣло продолжалось тѣмъ, что ревизовавшій Академію передъ вакаціею митрополитъ Никаноръ, между прочимъ выразившійся еще на экзаменѣ по моему предмету: „вы много воли даете своему уму, о. Никаноръ", тѣмъ не менѣе представилъ было меня и моихъ сверстниковъ баккалавровъ къ благословенію Святѣйшаго Синода. Но не знаю почему, должно быть, вслѣдствіе моей исторіи, Святѣйшій Синодъ не соизволилъ почтить насъ своимъ благословеніемъ. Однако-же, сраствоpяя строгость съ милостію, поручилъ первенствующему своему члену, митрополиту Никанору, по своему усмотрѣнію, благословить меня набедренникомъ, каковой къ празднику Рождества Христова я и получилъ. Между тѣмъ преосвященный ректоръ Макарій уже не оборачивался ко мнѣ сердцемъ. Напротивъ, у него рѣшено было при первомъ удобномъ случаѣ удалить меня изъ Академіи. Чтобы однакоже корень ученаго монашества въ академической корпораціи не прекращался, преосвященный Макарій выписалъ было изъ Казанской Академіи перваго студента Александра Соколова, который въ Казани далъ было формальное обѣщаніе ректору Парѳенію пойти въ монахи, но въ Петербургѣ отъ монашества отказался и погибъ послѣ мучительнѣйшихъ обстоятельствъ жизни. По неудачѣ съ симъ Соколовымъ, преосвященный Макарій и Кириллъ убѣдили принять монашество Василія Орлова, впослѣдствіи іеромонаха Валеріана, который снялъ санъ и умеръ пьяницей подъ заборомъ въ Полтавѣ. А меня Богъ поддержалъ. Несомнѣнно, что преосвященный Макарій прочилъ меня куда-либо въ ректоры семинаріи и въ частности прочилъ въ Орелъ, снесясь по этому предмету съ преосвященнымъ архіепископомъ Смарагдомъ, который самъ мнѣ сказывалъ объ этомъ, который далъ преосвященному Макарію совѣтъ поберечь меня для академической службы. Гнѣвный въ отношеніи ко мнѣ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ послѣднихъ лѣтъ моей академической службы, преосвященный Макарій сказалъ мнѣ, наконецъ, крупное ласковое слово въ послѣдній пятый годъ. Работалъ я по всѣмъ частямъ, какъ волъ. Помощникъ инспектора былъ наиисправнѣйшій. По преподавательству неутомимѣйшій. Въ первые два года я сдалъ студентамъ лекціи по несторіанству, монофизитству, римскому католичеству, армянству, рус-

скому расколу. За второй курсъ совершенно переработалъ и широко раздвинулъ записки по римскому католичеству, по расколу. Сдалъ записки по исторіи и о символическихъ книгахъ протестантовъ. Въ то же время занимался переводами для „Христіанскаго чтенія“; занимался корректурой изданій преосвященнаго Макарія. Представлялъ статью за статьей въ „Христіанское чтеніе“ по расколу; мало печаталось только потому, что всѣ листы журнала заполнялъ своими сочиненіями самъ преосвященный Макарій. Написалъ и представилъ преосвященному Макарію для печати въ „Христіанскомъ чтеніи“ большой трактатъ по расколу объ „Антихристѣ“. Не напечатанъ по многообъемности. Представилъ въ цензуру академическую и синодальную большую монографію о перстосложеніи; цензурою и членомъ Святѣйшаго Синода Евгеніемъ, архіепископомъ Псковскимъ, одобрена къ печати; но задержана К. С. Сербиновичемъ. Самъ преосвященный Макарій поручилъ мнѣ писать сочиненіе *о главенствѣ папы*. Вслѣдствіе энциклики Пія IX и отвѣта ему восточныхъ патріарховъ, Святѣйшій Синодъ поручалъ писать о главенствѣ папы самому Макарію; а онъ поручилъ мнѣ. Это большое сочиненіе я написалъ также въ Петербургской Академіи. Оно впослѣдствіи доставило мнѣ и степень доктора. Думаю, что не даромъ, такъ какъ для этого сочиненія я перерылъ, не скажу—перечиталъ, а перерылъ и проштудировалъ всю литературу древней церкви за три первые съ четвертью вѣка. Всякій цитатъ, каковыхъ тамъ сотни, провѣренъ моими собственными глазами десятки и сотни разъ. Все это за пять лѣтъ безъ малаго академической службы. Этого мало. Черезъ меня пріобрѣтена громадная библіотека раскольническихъ сочиненій. Когда основано было противо-раскольническое миссіонерское Отдѣленіе, Святѣйшій Синодъ отпустилъ 3000 рублей на пріобрѣтеніе раскольническихъ рукописей для Академіи и семинарій. А гдѣ пріобрѣтать ихъ никто не зналъ, потому что раскольники держатъ ихъ въ великой сокровенности. Но въ ту пору около насъ, ученыхъ монаховъ, вертѣлся ловкій рабъ Божій, купецъ, или прикащикъ Иванъ Антоновичъ Москалевъ. Я обратился къ нему, а онъ обратился къ знакомому милліонеру—раскольнику Круглому или Круглову. Сей наслѣдовалъ огромную библіотеку отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. А два сына его были уже развратившіеся новыми модами шелопаи. Отецъ и спустилъ свою библіотеку рабу Божію Ивану Антоновичу Москалеву, чтобы только она не досталась распутнымъ сынкамъ. Впрочемъ, онъ воображалъ самого Ивана Антоновича благочестивымъ старовѣромъ. А Иванъ

Антоновичъ спустилъ эту библіотеку черезъ мои руки намъ. Куплено такимъ образомъ раскольническихъ рукописей тысячъ на пять. Самъ преосвященный Макарій на свои собственныя деньги взялъ на 1500 руб. Для меня, конечно, это трудъ былъ не большой, но по мѣрѣ накопленія раскольническихъ рукописей выростала забота разсмотрѣть ихъ съ ученой точки зрѣнія. Раскольническая библіографія входила въ программу миссіонерскаго Отдѣленія и поручена была именно мнѣ. Въ началѣ же пятаго года моей академической службы преосвященный Макарій приказалъ мнѣ теперь и заняться описаніемъ раскольническихъ рукописей. Въ этотъ пятый годъ я носилъ преосвященному Ректору тетрадь за тетрадью моихъ лекцій по раскольнической библіографіи. Когда около великаго поста, я принесъ ему, не знаю, какую по счету, тетрадь, преосвященный ректоръ пришелъ, наконецъ, въ умиленіе и дѣйствительно глубоко обрадовалъ меня словами: „ну о. Никаноръ, это... это... если взять даже просто одинъ механическій трудъ, то и тутъ слѣдуетъ подивиться“... Какое именно слово сказано —„*подивиться*“-ли, не помню. Но помню ясно, что онъ былъ удивленъ и растроганъ. Тетрадь была сдана за его подписью къ литографированію, какъ и прежнія. Изъ нихъ составилось большое сочиненіе: *Описаніе раскольническихъ рукописей Александра Б.*, которое было одобрено къ печати имъ же, преосвященнымъ Харьковскимъ Макаріемъ, Святѣйшимъ Синодомъ, Духовно-Цензурнымъ Комитетомъ, Свѣтскимъ Цензурнымъ Комитетомъ и Высшимъ Цензурнымъ Комитетомъ 1848 года, и которое надѣлало мнѣ тяжкихъ бѣдъ, тяжкихъ душевныхъ страданій. Чтобы кончить о преосвященномъ Макаріи,—въ Ригу на ректорство семинаріи онъ отпустилъ меня многомилостиво съ кроткими и обнадеживающими словами:—„ну, о. Никаноръ, служите и тамъ, и тамъ можно выслужиться. Уже за ваше „главенство“ слѣдовало-бы сдѣлать васъ докторомъ; но докторство отъ васъ не уйдетъ“.—Въ назначеніи меня ректоромъ семинаріи въ Ригу въ 1856 году, въ концѣ пятаго года моей академической службы преосвященный Макарій не повиненъ. Это на значеніе состоялось повдохновенію, по совѣщанію вечеромъ въ четвергъ и. д. Оберъ-Прокурора А. И. Карасевскаго съ митрополитомъ Никаноромъ. Архіепископъ Рижскій Платонъ вытѣснилъ изъ Риги своего ректора, архимандрита Павла (нынѣ епископа Петрозаводскаго) и просилъ предоставить это мѣсто Рижскому инспектору іеромонаху Іосифу, моему товарищу по Академіи, магистру (скончавшемуся епископомъ Смоленскимъ). Первен-

ствующіе на это:—А. И. Карасевскій спрашиваетъ: „кого бы туда назначить? Нѣтъ ли способнаго у Вашего Высокопреосвященства?— Да вотъ кого“,—догадались оба,—назначимъ о. Никанора. Нѣмцы бо, если могутъ кого-либо изъ нашихъ уважать, то только *ученыхъ*“. И меня назначили въ Ригу, какъ *ученаго*. Въ пятницу въ Синодѣ рѣшили. Въ тотъ же день митрополиту прислали указъ. Вечеромъ же сей указъ сданъ былъ въ Академію, а въ воскресенье, въ недѣлю женъ Мироносицъ, митрополитъ Никаноръ (тогда больной) и рукоположилъ меня въ архимандрита въ Крестовой церкви. Самъ литургію не служилъ; а только облачался въ мантію и омофоръ на амвонѣ, осѣнилъ трикиріемъ и дикиріемъ и вошелъ въ алтарь. А литургію послѣ малаго входа совершилъ я съ двумя сослужащими іеромонахами. Въ Саратовъ—же изъ Риги послали меня не только, какъ способнаго, но и какъ *свѣтскаго*. Саратовскій епископъ Іоанникій (бывшій архіепископомъ Варшавскимъ, скончавшійся въ Одессѣ—Херсонскимъ) просилъ перемѣнить своего ректора Сергія на болѣе ловкаго и свѣтскаго; такъ какъ въ эту пору въ Саратовѣ засѣли католики съ своимъ епископомъ Фердинандомъ Каномъ, совсѣмъ свѣтскимъ и ректоромъ семинаріи Іосифомъ Жельвовичемъ, умнымъ, ловкимъ и тоже совсѣмъ свѣтскимъ человѣкомъ. Они-то съ своею братіею и заполонили вниманіе всего Саратовскаго общества, не только католическаго, но и православнаго. Съ ними то на турниръ и послали меня, какъ *свѣтскаго*. Какъ на таковаго указалъ на меня протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ. И миссію „свѣтскаго“ мы исполнили не-неудачно, не говоря большаго,—блистательно, заткнувъ за поясъ о. Жельвовича. Тутъ-то на переѣздѣ изъ Риги въ Саратовъ, только не по желѣзной дорогѣ, каковой не было и въ помышленіи, въ 1858 году, я нарочно направился на Тамбовъ, чтобы представиться преосвященному Макарію, тогда епископу Тамбовскому, своему воспитателю. Принялъ онъ меня очень любезно и радушно. Тутъ-то я и видѣлъ его послѣдній разъ въ жизни. Иниціатива и докторства моего принадлежитъ ему же, преосвященному Макарію. Когда я, уже изъ Казани, послалъ ему новое изданіе моего *разбора Римскаго главенства* съ добавленіемъ разбора по твореніямъ Аѳанасія Великаго, преосвященный Макарій отвѣтилъ мнѣ благожелательнѣйшимъ письмомъ со словами: „это ваше неотъемлемое право на степень доктора Богословія“. Письмо это о. архимандритъ Владиміръ, тогда инспекторъ Академіи, нынѣ епископъ Калужскій, показалъ архіепископу Казанскому владыкѣ Антонію, а сей

благостнѣйшій благодѣтель мой приказалъ представить меня къ докторству, каковаго и удостоила меня *Конференція* Академіи, а затѣмъ, по старому уставу удостоили два старѣйшихъ доктора, оберъ-священникъ В. Б. Бажановъ и Михаилъ Измайловичъ Богословскій. Послѣднія сношенія имѣлъ я съ преосвященнымъ Макаріемъ уже изъ Уфы посредствомъ письма и Уфимскаго соборнаго ключаря, уже предъ неожиданною смертью Макарія. По словамъ о. ключаря, онъ говорилъ обо мнѣ съ величайшею любовью, почти со слезами на глазахъ. Вспомнилось старое, родное... Спаси Христосъ всѣхъ моихъ благотворителей. Подъ вліяніемъ этихъ-то обстоятельствъ и чувствъ я сказалъ свое надгробное, по смерти Макарія митрополита Московскаго, похвальное, и скажу—прочувствованное слово. До встрѣчи за гробомъ!

Но въ тѣ поры описанная академическая исторія гнѣва на меня преосвященнаго Макарія имѣла для меня пагубное, подавляющее, разлагающее вліяніе. Меня оффиціально провозгласили *неправославнымъ*. А скажу по совѣсти, въ эту пору я былъ ригористически православенъ. Я вѣрилъ въ безусловную непогрѣшимость не только всей системы православія, но и каждой самомалѣйшей ея части и надѣялся посвятить всю жизнь мою ея защитѣ и оправданію. Тутъ, ба... „неправославенъ“! Что же это за система, которой даже своимъ, ея адептамъ, запрещаютъ касаться, не только критически, даже апологетически! Пошли въ нашемъ поколѣніи баккалавровъ бесѣды на эту тему. Стали мы разсматривать ее съ разныхъ сторонъ, каждый съ точки зрѣнія преподаваемаго имъ предмета. „Введеніе“ преосвященнаго Макарія мы тогда уже признали состоящимъ изъ логическихъ круговъ, которые не представляютъ солидному критическому уму никакого солиднаго основанія. Вообще у насъ закипѣлъ духъ критицизма... Въ этомъ направленіи душа моя болѣла до 60-хъ годовъ, до ректорства въ Казани. Трудно описать тѣ духовныя страданія, которыя вынесъ я въ этой душевной болѣзни. Никто да не подумаетъ, что въ эту пору я былъ невѣрующій. Нѣтъ, я былъ, хотѣлъ до болѣзненности оставаться вѣрующимъ; но въ этомъ направленіи я изучалъ все критически-отрицательное и видѣлъ, что въ нашей системѣ и то, и другое и третье, съ точки зрѣнія, такъ называемой, науки представляется далеко не столь прочно, какъ представлялось до сей поры съ точки зрѣнія ригористическаго православія. А всѣ эти открытія тяжко поражали душу. И эти открытія шли по всей системѣ вѣроученія отъ раскола до первыхъ основъ религіи, отъ двуперстія и треперстія и до

доказательствъ матеріальности и духовности міровой основы, черезъ екзегетику, исторію догматовъ, патристику, исторію вообще. Эта плачевная исторія имѣла гибельное вліяніе и на мою физику. Съ тѣхъ поръ я сталъ по временамъ заговариваться, говорить съ самимъ собою при людяхъ. Сталъ вздрагивать, что у меня проявляется то сильнѣе, то слабѣе и до послѣднихъ дней. Вообще, сильно натянулись нервы, такъ сильно, что едва не лопнули.

Вслѣдствіе этой же плачевной исторіи я перемѣнилъ и *методъ академическаго преподаванія*. Боясь, чтобы ко мнѣ опять не придрались, я пересталъ говорить въ академической аудиторіи, а началъ только читать писанныя лекціи по тетрадкѣ. Эта трусость доходила иногда до забавнаго. Иногда, желая дать возраженіе отвѣчающему студенту, я останавливался на полусловѣ. Къ чему? Еще проговоришься? Скажешь что-либо лишнее. По той же мысли не развился я и въ устнаго оратора. Я читаю проповѣди по тетрадкѣ. Но было съ моей стороны нѣсколько попытокъ говорить поученія не экспромтомъ, а наизустъ по основательномъ приготовленіи. Не выходило однако-же ничего дѣльнаго. При произнесеніи, обдумывая каждое реченіе, я тутъ-же и думаю, и озабоченно думаю, какъ бы не проговориться. Отъ этого языкъ заикался, фразы путались, рѣчь выходила всегда негладкая, а иногда даже не складная. Я начиналъ и бросалъ. Такъ и не пріобрѣлъ навыка къ изустному проповѣданію. Перемѣна академической службы съ исключительнымъ занятіемъ наукой на семинарскую съ ея мелочами, разнообразными хлопотами и дрязгами, произвела во мнѣ мрачное разочарованіе и подавляющее сознаніе того, что меня, отъ природы недюжинное и хорошо подготовленное для научной работы дарованіе, *размѣняли на мелочь*.

Обстоятельствами жизни размѣнянный на мелочь, я въ дальнѣйшей своей жизни и вынужденъ былъ заниматься мелочами, безъ логическаго единства, безъ единой какой-либо опредѣленной задачи. Такъ, посланный въ 1856 г. ректоромъ Рижской семинаріи, въ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ своей рижской жизни, я, кромѣ прямыхъ занятій по должности, которыя исполнялъ съ безпримѣрной (сколько мнѣ извѣстно) ревностью, я занимался по непремѣнному требованію рижскаго архіепископа Платона, впослѣдствіи моего благодѣтеля, дѣлами консисторіи, присутствуя въ оной чуть не ежедневно; разсмотрѣлъ вопросъ о „главенствѣ“ по твореніямъ св. Аѳанасія александрій-

скаго; описалъ нѣкоторыя раскольническія рукописи, найденныя въ библіотекѣ владыки архіепископа Рижскаго Платона; по его же требованію сталъ было писать педагогическія правила для учениковъ семинарій по широкой программѣ, но оборвалъ и бросилъ вслѣдствіе неожиданнаго моего перевода въ Саратовъ. Что̀ я былъ безпримѣрный ректоръ, объ этомъ можно судить отчасти по образу моей дѣятельности въ Казани. Но ректоръ Академіи я былъ слабымъ отраженіемъ себя, какъ ректора семинаріи. Представьте ректора, наприм., Рижской семинаріи, который ежедневно и неопустительно бывалъ на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ съ учениками, на ужинѣ въ столовой съ учениками ежедневно, на обѣдѣ чуть не ежедневно; въ больницѣ бывалъ ежедневно; въ случаѣ тяжелой чьей-либо болѣзни — нѣсколько разъ днемъ и ночью (до 16 разъ, — разъ сосчитано); тяжкимъ, даже заразнымъ больнымъ самъ служилъ (до цѣлодневнаго собственноручнаго оттиранія холерныхъ, до сажанія ихъ на рундукъ); всякій ученикъ померъ на моихъ глазахъ; всякій мною, при мнѣ обмытъ, положенъ на столъ, во гробъ, чуть не всякій при мнѣ же исповѣданъ, всякій мною отпѣтъ, провоженъ и опущенъ въ могилу. Въ Ригѣ въ 1857 году, вслѣдствіе тѣсноты наемнаго помѣщенія, холерою и холериною поражена была вся семинарія; больныхъ заразныхъ имѣли по нѣскольку десятковъ. Холерою больныхъ заразъ имѣли человѣкъ 10. Умеръ одинъ, первый заболѣвшій, который самъ запустилъ поносъ, не сказывая; прочихъ мы отстояли. Я чуть не жилъ въ больницѣ. Въ Витебскѣ одинъ (Щитовичъ) прибылъ съ вакаціи, пораженный холериною; въ 2 часа дня открылась злѣйшая холера; я провозился съ нимъ до 4—5 часовъ утра. Совсѣмъ умиралъ. Врачи сказали: послѣднее средство — обернуть нѣсколько разъ въ простыни, намоченныя во льду. Какъ продѣлали эту штуку нѣсколько разъ, уже по утру на другой день, и уложили въ сухую постель, — смотримъ, у него и дыханіе прекратилось, и глаза вывернулись. Горячій самоваръ! Грѣть! Хоть жечь, все равно умираетъ. Какъ пустили мы ему горячую струю пара изъ трубы въ желудокъ, — чу! проговорилъ: — „ноги“! Грѣть ноги. И отогрѣли. По утру, — а утро такое прелестное! — ученики говорятъ: „у васъ лицо темнѣетъ! Отдохните!“ — Я пошелъ, съ часъ времени заснулъ, и ничего не случилось. У нашего холернаго долго была горячка. Исцѣлѣлъ. Для сравненія: ново-прибывшій епископъ С—а, посѣщая въ первый разъ семинарію, подошелъ къ камерѣ, гдѣ лежалъ этотъ больной. Мы докладываемъ: „холерный“. Преосвященный С—а,

не переступая порога камеры, благословилъ черезъ дверь вдаль. Всѣ закоулки, помѣщенія учениковъ проникаемы были мною ежедневно днемъ и ночью, до ретирада. И въ Казанской Академіи знаютъ, какъ я хлопоталъ о перестройкѣ ретирада. По моимъ указаніямъ, подъ непосредственнымъ моимъ надзоромъ, ретирады перестроены въ семинаріяхъ Рижской и Витебской и въ Уфимскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ; да и въ Уфимской семинаріи передѣланы при мнѣ, по моему настоянію. Уфимское училище при мнѣ построено цѣлостью. Ретирады я посѣщалъ всюду, до Одессы. Здѣсь посѣтилъ только новоустроенные при мнѣ, въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Самъ училъ сторожей, какъ чистить эти нужныя мѣста. Самъ училъ учениковъ, какъ садиться, вообще какъ соблюдать чистоту. А въ Ригѣ сперва мнѣ самому капало на голову въ нижнемъ этажѣ изъ верхняго ученическаго. Всюду я посѣщалъ и сараи до свинарокъ, гдѣ уничтожалъ мерзость запустѣнія. Особенно таковою я пораженъ былъ въ Ригѣ; свинарка заражала вонью весь дворъ; семинарскіе поросята, никогда не выпускаемыя изъ загороди, потонувъ въ лужахъ жидкой грязи, росли съ облѣзшею шерстью и въ струпьяхъ. Я велѣлъ вывезти эту грязь, высоко настлать соломы, выпускать поросятъ на дворъ; сердобольный кучеръ Отто собственными руками мылъ и скребъ ихъ струпья; поросенокъ кричитъ на весь дворъ, а Отто его скребетъ и моетъ мыломъ. И достигъ чего?! Удивительнаго; этотъ сердобольный, жалостливый человѣкъ. Самый худшій изъ этихъ поросятъ, съ котораго онъ соскребъ струпья собственными пальцами, сдѣлавшись отлично благовоспитаннымъ сивымъ подсвинкомъ, ходилъ за нимъ, какъ собака неотступно. Этотъ сердобольный человѣкъ вотъ что: взбѣсился конь, визжалъ, крошилъ, лягался, кусался и все такое. Но слышу, въ конюшнѣ что-то тихо. Подхожу, крадучись, гляжу и вижу дивное, поэтическое чудесное зрѣлище... Вспоминаю это чудесное зрѣлище, я теперь вотъ рыдаю... Вижу слѣдующее: стоитъ бѣшеный конь неподвижно, глубоко понуривъ свою голову до колѣнъ; а кучеръ Отто стоитъ съ нимъ въ стойлѣ, чешетъ у него за ухомъ и неутѣшно рыдаетъ... Прощаются... Подумайте, вѣдь есть сочувствіе природъ, разумной и такъ называемой неразумной. Я не прервалъ это поразительное изліяніе взаимнаго сочувствія, но, наглядѣвшись и надивившись, вышелъ также тихо, какъ и вошелъ... Чрезъ нѣсколько часовъ конь издохъ; а бился сутокъ трое.—Безъ шутокъ, въ Ригѣ свою благовоспитанную свинарку я посѣщалъ ежедневно. Да оно и просто,—дворикъ такой маленькій;

а при ежедневной прогулкѣ только и приходилось бродить, что по этому дворику, упираясь съ одной стороны въ общій ретирадъ, а съ другой въ свинарку. Домъ былъ нѣмецкій, наемный. Собственно семинарія занимала три дома и двора. Я всю семинарію переставилъ здѣсь въ первомъ помѣщеніи. Въ 1857 году наняли другое болѣе просторное. То все я перестроилъ подъ семинарію. И такъ послѣ меня семинарія оставалась тутъ лѣтъ 20, пока не построили свое новое зданіе; впрочемъ я и теперь твердо не знаю, построено-ли новое зданіе. Знаю, что я самъ составлялъ его планъ. Въ Саратовѣ также я перестроилъ всю семинарію и духовное училище, всюду гонясь за просторомъ, чистотою и порядкомъ,—здѣсь безъ всякихъ средствъ. Просилъ я крѣпко, не давали; а выпросилъ 10000 руб. уже, когда выбылъ изъ Саратова на череду въ Петербургъ. Въ Витебскѣ я наиотличнѣйшимъ образомъ обновилъ, украсилъ и обогатилъ церковь; вынесъ изъ зданія ретирады, чѣмъ отвратилъ царившее въ немъ зловоніе; составлялъ проэкты перестройки семинаріи. Устроилъ гимнастику, какой подобной не видалъ нигдѣ. Развелъ цѣлый садъ. Хлопоталъ о насажденіи деревьевъ въ Саратовѣ, но безплодно. Въ Казани я проэктировалъ устройство библіотеки, канцеляріи, залы, ректорской квартиры, церкви, на что исходатайствовалъ до 70000 руб. Самъ же и заложилъ эти зданія. Построить не пришлось. Въ Саратовскомъ монастырѣ передѣлалъ всѣ три церкви; устроилъ и открылъ большое кладбище (чѣмъ далъ хорошій источникъ доходовъ); построилъ двѣ часовни, одну каменную затѣйливую надъ кладязями. Всего не перечтешь. Въ Уфѣ мужское духовное училище построилъ, женское перестроилъ, тутъ-же передѣлалъ и освятилъ церковь; отлично благоустроилъ крестовую церковь въ архіерейскомъ домѣ; благоукрасилъ росписью большой Уфимскій соборъ (по-моему, съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ Казанскій соборъ); при чемъ самъ чуть не ежедневно лазилъ по подмосткамъ подъ самые своды, а въ духовномъ училищѣ на верхъ большаго зданія.— Еще въ чемъ моя безпримѣрность? Я первый ввелъ общее пѣніе всею семинаріею,—пѣли не часть службы, а всю службу, какъ обѣдню, такъ и всенощную, такъ и великопостную службу. Я дѣлалъ самолично общія спѣвки и на недѣлѣ и предъ каждыми всенощною и обѣднею. Самъ училъ пѣть и читать, самъ-же нерѣдко объяснялъ и дневныя чтенія изъ апостола и евангелія. Въ Саратовѣ-ли, вездѣ-ли (т. е. въ Ригѣ и Витебскѣ) за утренней молитвой прочитывалась глава изъ библіи, которую я же и объяснялъ. Въ Витебскѣ, послѣ

вечерней молитвы тутъ-же въ столовой открыты были общія чтенія, которыми я же и руководилъ, противъ чего возражала инспекція, какъ въ Казани возражала противъ ежедневнаго хожденія моего на утреннія и вечернія молитвы. („Вы-де налагаете на инспекцію необязательный трудъ",—это говорилось въ Витебскѣ; „вы унижаете инспекцію",—говорилось въ Казани; прямо требовали, чтобы я пересталъ ходить на молитвы, но я не послушался). Я—horribile dictu,—въ Ригѣ и Витебскѣ самъ училъ всю семинарію гимнастикѣ; самъ же и ломался вмѣстѣ съ учениками,—это ежедневно. Въ Саратовѣ началъ было; но противъ этого высказался Оберъ-Прокуроръ, благочестивый графъ Александръ Петровичъ Толстой. Да, въ Ригѣ, Витебскѣ и Саратовѣ я становился въ церкви самолично съ воспитанниками, когда не служилъ, и управлялъ общимъ пѣніемъ; въ монастырѣ въ Саратовѣ и Казани становился на клиросѣ и дирижировалъ пѣвчими, какъ регентъ. Я ходилъ въ классы за больныхъ наставниковъ въ семинаріяхъ вездѣ и всегда; а въ Саратовѣ преподавалъ за другаго математику чуть не годъ, и держалъ съ учениками по математикѣ экзаменъ при Іоанникіи (Варшавско-Херсонскомъ). Въ Саратовѣ я ѣзжалъ и по квартирамъ. Вездѣ въ семинаріяхъ и всегда ученики входили въ церковь и выходили на моихъ глазахъ. Въ Саратовѣ предъ богослуженіемъ на моихъ-же глазахъ происходили всякій разъ переклички учениковъ; а тамъ учениковъ бывало больше 400 человѣкъ. Въ Казани (мнѣ не пришлось быть при смерти) въ ту же минуту по смерти при мнѣ обмыты, одѣты и на смертный одръ возложены Яковъ... Яковъ... (забылъ отчество и фамилію,—баккалавръ) и академическій діаконъ (сей послѣдній ночью); я съ студентомъ Метаніевымъ приняли послѣдній прощальный взглядъ студента Дмитревскаго, который при мнѣ же и причащался. Я отнесъ въ могилу и Осипа Петровича Самохвалова, которому сказалъ и похвальное слово, за каковое чуть и не погибъ: митрополитъ Исидоръ назвалъ его въ Синодѣ кощунствомъ; не хотѣли и архіереемъ дѣлать, о чемъ велось въ эту пору дѣло. Да, въ Ригѣ лѣтомъ я же самолично выводилъ учениковъ за городъ на прогулку, тоже ежедневно. Въ Витебскѣ мы съ учениками самолично спасли квартиру одного протоіерея отъ пожара, очистивъ ее до нитки въ какую-либо четверть часа; а пожаръ былъ во дворѣ на разстояніи полуторы сажени. Разъ также выступили было на спасеніе архіерейскаго дома и собора отъ сосѣдняго пожара (ночью); но услуга наша не понадобилась. Собора потому и не выбирали, что стояла масса учени-

ковъ, которые, въ случаѣ крайней опасности, могли вычистить его въ полчаса.

Пусть я не буду безуменъ, не хваляся, а излагая мои подвиги...

Да, и въ Саратовѣ лѣтомъ я же самолично выводилъ учениковъ въ горы на прогулку. Я же неотступно былъ съ учениками во время тогдашнихъ маевокъ, или рекреацій, заботясь крѣпко, чтобы ученики были сыты, и имѣли даже нѣкоторые излишки угощенія. Самъ же и возвращался съ учениками пѣшкомъ по ночамъ чуть-чуть не къ утру. Оттого я и любилъ учениковъ семинарій, что дѣлалъ для нихъ безпримѣрно много. Студентовъ я уже почти не любилъ оттого, что они бывали грубы и дерзки; не выносили присутствія начальства; не разъ меня безмолвно, но грубо обижали. Я увидѣлъ, что они чуждаются меня, какъ ректора, и я сталъ держаться отъ нихъ подальше. Сами-де возрастъ имутъ, и очень горды.

Въ Ригѣ изъ сторонних, кромѣ лучшихъ изъ духовенства, я ни съ кѣмъ не знался. Въ Ригѣ я пробылъ съ 16-го мая 1856 г. по февраль 1858 года. Къ 16-му февраля, по желѣзной дорогѣ только отъ Петербурга до Москвы, я прискакалъ (ѣдучи днемъ и ночью) въ Саратовъ, гдѣ и прожилъ по 4-е сентября 1864-го года. На Саратовъ пала самая кипучая пора моей жизнедѣятельности. Туда я прибылъ 30-лѣтнимъ архимандритомъ. Я поразилъ очи и воображеніе, и сердца сколько своимъ—увы!—даже видомъ, столько-же да—и разнообразіемъ способностей. Первую проповѣдь на вечернѣ въ первый день пасхи я произнесъ такъ, что... не скажу, нужно хвалить себя. На меня накинулось свѣтское вниманіе, и барынь во-первыхъ. Я многихъ отталкивалъ, какъ и въ Казани оттолкнулъ свѣтскія знакомства. Въ Саратовѣ я однакоже сблизился съ одною дамою, умнѣе и ученѣе которой я нигдѣ не встрѣчалъ ни одной изъ женщинъ, начальницею института Лидіею Карловною Ернстъ, съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ,—многосвѣдущее его я также не встрѣчалъ людей, и Николаемъ Александровичемъ Мордвиновымъ, управляющимъ Удѣльною Конторою. Первая знала три литературы, какъ родныя, русскую, французскую и нѣмецкую; мыслила на трехъ языкахъ, какъ родныхъ; знала Библію чуть не наизустъ; смолоду была подъ вліяніемъ крѣпкаго мыслителя, императорскаго врача Мандта; въ мою пору читала только естественно-научныя экзегетическія отрицательныя и философскія книги; вѣры была надломленной. Костомаровъ,—не говорю, что онъ зналъ исторію и литературу безпримѣрно широко; онъ отлично, чуть не на-

изустъ, зналъ Библію, и перечиталъ многое, если не все по части Библейской критики. Вѣры былъ разрушенной, но глубоко-сердечной. Ходилъ въ церковь чуть не ежедневно, далеко не во все вѣруя. Мордвиновъ былъ величайшій, какого я зналъ, музыкантъ, крѣпкій мыслитель-гегельянецъ, образецъ изящества и свѣтскаго лоску, необычайно многосвѣдущій, учился въ Университетѣ и въ Медицинской Академіи, привлекательнѣйшій баричъ и баринъ; въ личнаго Бога и безсмертіе не вѣрилъ. Въ семинаріи были юные наставники, проводившіе невѣріе, каковы: Соколовъ и Морошкинъ (Казанскіе); такими были и Гурьевъ и Леопольдовъ... Да, Яковъ Васильевичъ Леопольдовъ,—умершій—то баккалавръ, вспомнилъ!—А нашъ Саратовскій—Александръ Яковлевичъ Леопольдовъ, острая голова, лучшій стилистъ какого я зналъ на своемъ вѣку;—такъ Гурьевъ впослѣдствіи бывшій тамъ-же ректоромъ и умершій отъ горя, борясь со зломъ, которое сѣяли,—Леопольдовъ и о. Аѳанасій (Турчаневичъ изъ Кіевскихъ, умершій въ Самарѣ на водахъ, отъ чахотки, минскимъ ректоромъ). Ригористическимъ, не всегда умѣреннымъ консерваторомъ у насъ былъ тогда инспекторъ архимандритъ Александръ (увы! теперь потерявшій положеніе! Не вывезло!). Я вращался между Сциллой и Харибдой. Время было необычайно, небывало возбужденное, время Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова и tutti quanti..., время Бюхнера, Ренана, Дарвина, Бокля, время пропаганды Бѣлинскаго, Штрауса, всякихъ естественно-научныхъ изданій и чего-чего тамъ еще... Все это я перечиталъ; о всемъ этомъ перетолковано съ друзьями. Дарвина я проглядѣлъ въ первомъ выпускѣ на англійскомъ языкѣ. Бокля читалъ и имѣю въ первомъ изданіи. Первые труды Костомарова имѣю отъ него самого. Особенно много я перечиталъ геологій,—должно быть всѣ, какія были на русскомъ языкѣ. Бюхнера, Ренана читалъ въ литографіяхъ. Герцена—всего. Ренанъ—романъ; но Штраусъ,—читалъ на французскомъ, и Гфрёреръ,—проглядывалъ на нѣмецкомъ,—гораздо капитальнѣе. Нѣмецкій языкъ въ семинаріи и сперва я зналъ по школьному хорошо, въ аттестатѣ имѣлъ *отлично;* въ Ригѣ изучилъ чрезъ домашняго лектора, а впослѣдствіи кинулъ и почти забылъ. Французскій мнѣ дался легче и помнится даже и теперь крѣпче,—ближе къ латинскому, наиболѣе знакомому. Писалъ-ли я что-либо въ Саратовѣ? Писалъ постоянно. Но писалъ странную вещь подъ названіемъ: *Патерикъ Саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.*—Это были мои личныя записки, въ которыхъ я собралъ было много, конечно, и трагедій, но еще

больше черноты, подмѣченной мною въ разныхъ концахъ Россіи, гдѣ Богъ привелъ мнѣ проживать. Читавшіе говорили, что это сочиненіе замѣчательное. И я, по моему чувству, говорю тоже: оно произвело-бы огромную сенсацію, но сенсацію вредную. Изъ этихъ записокъ уже составилось было четыре большихъ, отлично переписанныхъ и переплетенныхъ тома. Матерія не была еще исчерпана. Матеріаловъ въ головѣ и даже въ бумагахъ было у меня масса, но я сжегъ это сочиненіе 17-го апрѣля 1866 года послѣ Каракозовщины. Такъ Богу угодно. Ему неугодно было, чтобы я на памяти церкви выступилъ совсѣмъ-же темнымъ пятномъ. Подъ конецъ моего пребыванія въ Саратовѣ я сталъ изучать мѣстный расколъ по особымъ обстоятельствамъ, т. е. налегъ крѣпко на это изученіе, хотя такъ любительски я изучалъ его и постоянно.

Въ 1863 г. проѣхалъ чрезъ Саратовъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Алексѣй Петровичъ Ахматовъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ Саратову, онъ сошелся на пароходѣ съ однимъ молодымъ купчикомъ изъ раскольниковъ и разговорился о расколѣ, конечно. Купчикъ показался ему послѣ бесѣды очень податливымъ, хоть-бы даже на присоединеніе. Ему, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, и вообразилось, что съ расколомъ сладить совсѣмъ легко, да не умѣютъ взяться. Онъ-то мнѣ и поручилъ составить записку, какъ бы это хорошенько взяться за расколъ. При обширномъ знакомствѣ, которое я имѣлъ съ расколомъ вообще, я взялся за расколъ собственно мѣстный, какъ онъ раскрылся, главнымъ образомъ, въ дѣлахъ Саратовской консисторіи. А быть можетъ, нѣтъ на свѣтѣ консисторіи, въ которой архивъ раскольническихъ дѣлъ былъ бы такъ богатъ, какъ въ Саратовѣ. Этимъ изученіемъ я убѣдился и своимъ сочиненіемъ хотѣлъ убѣдить, до какой степени безплодно до сихъ поръ мы толкли воду въ лужѣ и какъ безсильно, да и непослѣдовательно было правительство въ своихъ воздѣйствіяхъ на расколъ. Часть этого писанія я представилъ было Оберъ-Прокурору Ахматову въ С.-Петербургѣ, когда былъ на чередѣ въ 1865 году, но не удостоился ни малѣйшаго вниманія. Плодомъ этого изученія остались у меня два большихъ переплетенныхъ тома.

Незадолго передъ тѣмъ вышло въ свѣтъ мое *описаніе раскольническихъ сочиненій Александра Б.*, и надѣлало мнѣ тяжкихъ бѣдъ. Исторія ихъ выхода такова. Это сочиненіе состояло изъ моихъ лекцій по раскольнической библіографіи, читанныхъ въ С.-Петербургской Академіи, скрѣпленныхъ рукою преосвященнаго Макарія и литографиро-

ванныхъ для студентовъ. Я и писалъ его въ видахъ современемъ напечатать. Но меня оторвали отъ академическаго дѣла и послали сперва въ Ригу, потомъ въ Саратовъ. Изъ Саратова я сносился относительно напечатанія этихъ записокъ чрезъ Иларіона Алексѣевича Чистовича съ ректорами Академіи Ѳеофаномъ и Нектаріемъ. Дали отзывъ, что нужно повременить, такъ какъ тогдашній митрополитъ Григорій, считая себя исключительнымъ знатокомъ раскола, крайне своенравно относился ко всему, что писали по расколу другіе. Григорій скончался, его мѣсто заступилъ митрополитъ Исидоръ. Четыре большія тетради этихъ записокъ лежали у меня безъ цѣли на кабинетномъ моемъ столѣ и тутъ ихъ случайно увидѣлъ Н. И. Костомаровъ и попросилъ къ себѣ на домъ проглядѣть. А прочитавши, пришелъ въ восторгъ: „это прелесть! это совершенно новый міръ“! Отбывъ изъ Саратова, мѣста ссылки и уничиженія, въ Петербургъ, мѣсто славы и величія, Костомаровъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе отъ имени книгопродавца Кожанчикова издать мои записки. Условія предложены мнѣ, какія я захочу предложить. Я предложилъ: мнѣ половину чистаго дохода. Кожанчиковъ попросилъ издать 3000 экземпляровъ, а издалъ 6000. Но изданію предшествовала томительная цензурная процедура. Сочиненіе отдано было въ свѣтскій цензурный комитетъ. Сей не нашелъ возможнымъ разрѣшить къ печатанію это богословское сочиненіе и переслалъ въ духовный цензурный комитетъ. Сей не рѣшался разрѣшить это сочиненіе по важности его содержанія и переслалъ въ Святѣйшій Синодъ. Сей препроводилъ на разсмотрѣніе преосвященнаго Харьковскаго Макарія. Сей къ печати одобрилъ. Но въ Синодѣ дѣло опять затянулось. Кожанчиковъ ходилъ кругомъ да около Оберъ-Прокурора графа Александра Петровича Толстаго; не помогало. Тогда обратился къ митрополиту Исидору, а этотъ: „Боже васъ благослови. Трудитесь во славу Божію и въ пользу св. Церкви. Я вотъ поѣду въ Синодъ и скажу“. Поѣхалъ въ Синодъ и сказалъ, и Синодъ разрѣшилъ. Духовно-цензурный комитетъ разрѣшилъ. Высшій цензурный 1848 г. комитетъ разрѣшилъ. Свѣтскій цензурный комитетъ разрѣшилъ. И все-таки это сочиненіе причинило года 2—3 тяжкихъ страданій. Кожанчиковъ шумѣлъ въ газетахъ, прежде чѣмъ сочиненіе вышло. Корректуру сочиненія по расколу, съ крайне своеобразною рѣчью и правописаніемъ, отдалъ поэту, помнится, Щербинѣ. Мнѣ сулилъ горы, которыя самъ современемъ и загребъ. Но издано сочиненіе. Смотрю: корректоръ не только не доглядѣлъ, а нарочно искажалъ,

чтобы поддѣлать сочиненіе подъ современный видъ и складъ. Кожанчиковъ препровожденные мною ему ерраты не напечаталъ. Добролюбовъ напечаталъ злѣйшую критику: „съ какимъ восторгомъ мы ждали этого сочиненія, съ такимъ негодованіемъ и омерзеніемъ кинули его изъ рукъ, когда получили: это схоластическая червоточина, которою съѣдено живое, полное духа, жизни, тѣло“ и т. д. Кожанчиковъ пересталъ ко мнѣ писать. Изъ Петербурга, изъ нашего міра, вѣсти крайне неблагопріятныя. Получаю безыменное предостереженіе, что Кожанчикова обыскали. Это время было временемъ обысковъ и повсюдной тревоги. Въ безотчетномъ страхѣ я пожегъ всю свою корреспонденцію; а ни съ кѣмъ въ антиполитической перепискѣ я не состоялъ никогда. Митрополитъ Московскій Филаретъ написалъ митрополиту Исидору: „кто это у Васъ тамъ пропустилъ это грубое и вредное сочиненіе“? Исидоръ обратилъ этотъ упрекъ къ Саратовскому епископу Евѳимію: „какъ это онъ не смотритъ за своимъ ректоромъ? Какъ это онъ позволилъ ему напечатать это глупое и вредное сочиненіе“? Тогда какъ оно отправлено въ Петербургъ прежде прибытія преосвященнаго Евѳимія въ Саратовъ. Аскоченскій въ своей „Домашней Бесѣдѣ“, въ отдѣлѣ Изгари помѣстилъ злѣйшую статейку,—съ разговорами двухъ раскольниковъ:—„не читалъ, братъ, сочиненіе *въ пользу раскола* Александра Букина? Купи братецъ, и безпремѣнно прочти. Разлюбезная книга! Тамъ всѣ наши св. отцы собраны—Аввакумъ, Никита“... Вдругъ вѣсть изъ книжнаго магазина, что моего сочиненія *въ пользу раскола*,—такъ окрестили его раскольники,—въ продажѣ нѣтъ. Эта вѣсть, скажу, меня даже обрадовала. Чего я ждалъ отъ сочиненія, что его раскупятъ, то сбывалось. Погоди, думаю себѣ. Вдругъ вѣсти съ разныхъ сторонъ—заднимъ числомъ, что жандармерія донесла съ разныхъ концовъ Россіи, равно какъ и преосвященные архіереи, что сочиненіе *въ пользу раскола Александра Втораго* (Б приняли за В; а славянское В значитъ 2), или *Александра Благословеннаго* сильно раскупается раскольниками. Очень быстро оно изъ продажи совершенно исчезло, хотя, какъ мнѣ сказывали, Кожанчиковъ и издалъ его въ числѣ 6000 экземпляровъ, и пустилъ его сперва по 3 р., а далѣе бралъ деньги, какія хотѣлъ. Мнѣ онъ съ трудомъ уплатилъ 1200 рублей, тогда какъ самъ выбралъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Тогда говорили, что онъ, наказанный за роскошное изданіе Буслаева большими убытками, вознаградилъ себя на моемъ сочиненіи. Иванъ Ѳедоровичъ Нильскій, по приказанію рек-

тора Академіи напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи обидную для меня статью,—мой ученикъ, слушавшій эти самыя лекціи по раскольнической библіографіи въ С.-Петербургской Академіи. Наконецъ, самъ Святѣйшій Синодъ издалъ циркулярный указъ, которымъ приглашалъ всю Церковь молиться—отъ навожденія нечистой силы, проявившейся въ изданіи въ свѣтъ такихъ пагубныхъ сочиненій, каковы мое „Описаніе", „исторія Выговской пустыни" и т. д., и чтобы впредь подобныя сочиненія, безъ совмѣстной православной критики, не издавались. Дѣло въ томъ, что Кожанчиковъ и К° сразу-же, познакомившись чрезъ меня съ раскольнической литературою, стали издавать книгу за книгой—раскольническія сочиненія. Этимъ синодальнымъ указомъ такая пропаганда сильно, если только не совсѣмъ, ограничена. Тѣмъ не менѣе мнѣ не легче стало отъ этой мѣры, такъ какъ и я, архимандритъ Никаноръ, очутился въ числѣ чуть-ли не расколоучителей.

Въ эту-то пору возникъ вопросъ о назначеніи меня ректоромъ Казанской духовной Академіи. Въ эту пору о. ректоръ архимандритъ Іоаннъ прославился своимъ сочиненіемъ: *„о монашествѣ епископовъ"*. Самъ митрополитъ Филаретъ выразилъ свое удовольствіе. Оберъ-Прокуроръ Ахматовъ былъ въ восторгѣ. Рѣшено было взять Іоанна въ Петербургъ. А въ Казань въ Академію искали достойнаго, а главное—способнаго кандидата. Всегдашній мой благодѣтель, присутствовавшій тогда въ Святѣйшемъ Синодѣ, архіепископъ Рижскій Платонъ указалъ на меня, о чемъ и писалъ мнѣ не одно письмо. Я же, измученный душою на учебной службѣ, рвался изъ нея вонъ, чтобы отдохнуть. Я оффиціально просилъ Оберъ-Прокурора назначить меня въ миссію въ Римъ. Къ домогательству моему въ Петербургѣ не отнеслись благосклонно; напротивъ, чуть-ли не заподозрили меня въ намѣреніи учинить бѣгство. Въ эту-же пору Европа и Россія наполнены были молвою о бѣгствѣ Кирилла Мелитопольскаго-Іерусалимскаго къ раскольникамъ. Молву пустилъ, кажется, Герценъ. Я же скажу по совѣсти, что въ ту пору чувствовалъ себя безсильнымъ воевать съ наплывомъ антирелигіозныхъ, особенно естественно-научныхъ идей. Считалъ и нечестнымъ браться за дѣло, которое считалъ себя неспособнымъ вести съ достоинствомъ. Душа моя въ эту пору была раздражена такъ, какъ никогда. Я не далекъ былъ отъ тяжкихъ рѣшеній. Въ эту же пору происходила трагическая исторія отца, или точнѣе, г-на Бухарева. Между тѣмъ Оберъ-Прокуроръ А. П. Ахматовъ, въ принятомъ направленіи, предпринялъ путешествіе по Волгѣ, съ цѣлью между прочимъ

и лично познакомиться со мною. Лишь только онъ присталъ къ берегу на Волгѣ въ Саратовѣ, первымъ его словомъ было: „дома-ли о. ректоръ архимандритъ Никаноръ“? Случилось такъ, что какъ разъ въ эти дни (въ послѣднихъ числахъ августа) я отбылъ въ Астрахань по приглашенію преосвященнаго архіепископа Астраханскаго Аѳанасія. Теперь вотъ думаю, что въ этомъ случаѣ судьба наказала меня. Преосвященный Аѳанасій, жаловавшій меня, когда самъ былъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи, а я отличнымъ,—что онъ замѣтилъ, бывая у насъ на экзаменахъ,—воспитанникомъ С.-Петербургской семинаріи, звалъ меня къ себѣ въ Астрахань не разъ, должно быть, еще и въ 1862 году. Но преосвященный Евѳимій Саратовскій тогда не отпустилъ меня, почему, Богъ его знаетъ. Въ 1863 г., во время вакаціи преосвященный Аѳанасій снова зоветъ меня, я снова прошусь, преосвященный Евѳимій снова не отпускаетъ. Смотритъ въ землю и повторяетъ одно и тоже самъ съ собою: „къ чему? чего ради?... Ну, къ чему? ну, чего ради“?— На этотъ разъ я возразилъ уже рѣзко: „преосвященный архіепископъ Аѳанасій не ребенокъ, онъ знаетъ-же зачѣмъ зоветъ меня; да и я не мальчикъ“.—„А“, возразилъ преосвященный Евѳимій,—„ну, поѣзжайте“. Я поѣхалъ въ Астрахань на недѣлю, не болѣе; преосвященный Евѳимій отбылъ въ объѣздъ по епархіи; а въ эту пору неожиданно для насъ прибылъ Оберъ-Прокуроръ А. П. Ахматовъ. „Напишите, напишите о. ректору Никанору, чтобы онъ поспѣшилъ возвратиться“,— приказалъ Оберъ-Прокуроръ, а самъ спустился внизъ по матушкѣ по Волгѣ. Я воротился изъ Астрахани самъ собою потому, что пришло время. А преосвященный Евѳимій поскакалъ изъ епархіи домой на свиданіе съ Оберъ-Прокуроромъ, на скаку провалился съ экипажемъ на какомъ-то мостикѣ, получилъ гибельное сотрясеніе и чуть тамъ-же не истекъ кровью; прибывъ изнеможенный въ Саратовъ, съ Оберъ-Прокуроромъ-то увидѣлся, но чрезъ $1^1/_2$ мѣсяца предалъ духъ въ руцѣ Божіи. А я, когда Оберъ-Прокуроръ возвратился въ Саратовъ, имѣлъ честь не только принимать его въ семинаріи, гдѣ онъ остался вполнѣ доволенъ нами, но и провесть у него сряду пять вечеровъ отъ 7 до 10—11 часовъ, а одинъ разъ даже до 1 часа ночи въ безпрерывныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ.

Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ*).

Отъ Риги до Петербурга.

Послѣ многихъ слезъ и прощаній я сѣлъ наконецъ въ почтовую карету. Послѣднимъ на почтовомъ дворѣ простился со мною мой слуга Юзефъ, затворившій за мною дверцу кареты;— тотъ самый человѣкъ, который,—что не лишено нѣкотораго значенія,—первый отворилъ мнѣ дверь въ Ригѣ, въ семинарію.

Первымъ дѣломъ моимъ было познакомиться съ каретнымъ спутникомъ, съ виду вполнѣ благоприличнымъ человѣкомъ. Онъ самъ помогъ нашему сближенію тотчасъ-же, какъ только я сѣлъ въ карету, гдѣ онъ уже сидѣлъ, ломанымъ языкомъ и самымъ обязательнымъ тономъ спросивъ меня: „не безпокою-ли васъ“, указывая на сигару, которую онъ курилъ. Я попросилъ его не безпокоиться, увѣривъ его, что сигарный дымъ вовсе меня не безпокоитъ, хотя тотчасъ же сталъ отъ него кашлять своимъ давно простуженымъ горломъ. Я пересталъ дивиться такой предупредительной деликатности моего сосѣда тогда только, когда узналъ, что онъ—мосье Вараго, французъ, купецъ, богатый и отлично образованный человѣкъ. Этому тону почтительной предупредительности онъ не измѣнялъ во всю дорогу до Петербурга.

Его же—моего сосѣда я распросилъ о кондукторѣ, о прочихъ спутникахъ. Оказалось, что прочими спутниками моими были мосье Кронъ, извѣстный пивоваръ, ѣхавшій изъ Парижа,—два полу-француза полу-нѣмца—купцы, ѣхавшіе изъ Германіи,—купецъ—обрусѣлый нѣмецъ—членъ какой-то торговой компаніи, житель Архангельска, и Рижскій купецъ Александровскій. Итого семь пассажировъ, хотя мѣстъ въ дилижансѣ было только шесть; внутреннія мѣста кареты всѣ заняты были еще въ Таурогенѣ.

*) Напечатано въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ за 1897 г. кн. 1—2.

Спутникъ же мой объяснилъ мнѣ загадку, какимъ образомъ, при такихъ обстоятельствахъ, я могъ получить мѣсто внутри кареты. Этимъ я обязанъ Викентію Захарьичу, которому много благодаренъ. Когда я покупалъ себѣ мѣсто въ дилижансѣ, мнѣ назначили вакантное мѣсто впереди кареты; я просилъ Викентія Захарьича походатайствовать предъ г. помощникомъ почтмейстера Эрбе о мѣстѣ для меня внутри кареты; по ходатайству Викентія Захарьича, г. Эрбе былъ столько добръ—далъ знать въ Таурогенъ, чтобы одно мѣсто внутри кареты было свободное; изъ Таурогена до Риги оно было занято г. Крономъ, а въ Ригѣ очищено для меня: деликатность со стороны нѣмца г. Эрбе въ отношеніи ко мнѣ довольно замѣчательная.

Когда карета наша наконецъ тронулась, мои ощущенія были довольно смутны. Потерявъ изъ виду близкихъ мнѣ людей и послѣднимъ нашего кучера Отто, я сталъ прощаться глазами со всякимъ мелькавшимъ въ окнѣ кареты знэкомымъ мѣстомъ. Вотъ мы стали сворачивать уже съ московскаго форштадта влѣво въ аллеи: вдругъ кто-то вскакиваетъ на подножку кареты, всовываетъ свою голову въ окно и говоритъ: „прощайте Ваше Высокопреподобіе“. Кто же это? Нѣкогда нелюбимый мною воспитанникъ Декснисъ; я благословилъ его и далъ ему поцѣловать свою руку. Мой французъ при этомъ замѣтилъ: „видно они крѣпко любили васъ; имъ жаль съ вами разстаться“.

Скоро я потерялъ изъ виду знакомыя мѣста: насъ везли не большою петербургскою улицею, по недостатку снѣга на дорогѣ, а какою-то боковою, и на петербургское шоссе мы выѣхали уже у большой помпы. Я глядѣлъ во всѣ глаза, когда проѣзжали мы тотъ поворотъ съ петербургскаго шоссе влѣво, по которому такъ часто приходилось ѣздить,—поворотъ на мызу Его Высокопреосвященства *), и при отблескѣ вечерней зари увидѣлъ снѣгъ, знакомыя сосны, холмики и вьющуюся въ гору дорожку. „Прощай Рига“—тутъ я сказалъ.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ моей Рижско-Петербургской дорогѣ были мои спутники, сидѣвшіе со мною вмѣстѣ въ каретѣ, Вараго и Кронъ, оба французы по происхожденію, ѣхавшіе прямо изъ Парижа. Они условились между собою поочередно, по нѣскольку часовъ занимать одно мѣсто внутри кареты, гдѣ я сидѣлъ; другой въ это время ѣхалъ на кондукторскомъ мѣстѣ. Истинно-французская, кровная, ни на одинъ волосъ неизысканная, совершенно естественная

*) Платона, Архіепископа Рижскаго.
(*Прим. редактора*).

вѣжливость, предупредительность, любезность! Говорить могутъ обо всемъ, съ чувствомъ, съ тактомъ. И какая милая шутливость тона среди разныхъ очень частыхъ въ дорогѣ непріятныхъ положеній: они оживляли всѣхъ насъ. Ни въ русскихъ, ни, само собою разумѣется, въ нѣмцахъ я не встрѣчалъ во всю дорогу столько почтительнаго вниманія ко мнѣ, сколько оказывали моему сану эти два человѣка, одинъ католикъ, другой протестантъ. Между прочимъ одинъ изъ нихъ, Вараго, разсказывалъ мнѣ, что въ самый день покушенія на жизнь императора французовъ, онъ—Вараго подъѣзжалъ къ тому же самому театру, гдѣ совершилось покушеніе; вдругъ услышалъ взрывы и остановила его бѣгущая отъ театра толпа народа съ криками: „гдѣ шумъ, тамъ намъ не мѣсто“. Другой—Кронъ между прочимъ разсуждалъ, что императоръ французовъ не проченъ на своемъ мѣстѣ, что благоразумные французы дорожатъ имъ, но въ народѣ, привыкшемъ къ свободѣ, много противъ него неудовольствія.

Вторымъ памятнымъ для меня явленіемъ было то, что я во всю дорогу ничего почти не могъ найти себѣ поѣсть и не ѣлъ, и вовсе почти не спалъ; третьимъ то, что во всю дорогу снѣга было на проѣздѣ мало, и нашу карету часто приходилось сдвигать съ мѣста помощью людей, а намъ часто изъ кареты выходить,—наконецъ, станціи двѣ передъ Дерптомъ (Юрьевымъ) и три или четыре послѣ Дерпта (Юрьева) снѣга на дорогѣ не было вовсе, намъ впрягали въ карету по десяти самыхъ сильныхъ лошадей и переплывали мы это безснѣжное море съ великимъ трудомъ. Когда подъѣхали мы къ Нарвѣ,—вдругъ на насъ повѣяло сырымъ петербургскимъ климатомъ: это всѣ мы почувствовали. По утру въ понедѣльникъ первой недѣли поста очутились мы въ Ямбургѣ. На водку ямщикамъ давали мы много, гривенъ по 6 и 7, а на безснѣжныхъ станціяхъ рубля по два, и везли насъ возможно добропорядочно. Около полуночи въѣхали мы въ Нарвскую Петербургскую заставу.

Въѣздъ въ Петербургъ.

Я поблагодарилъ Господа Бога за счастье еще разъ въ жизни увидѣть Петербургъ. Онъ въ этотъ разъ произвелъ на меня первое самое отрадное впечатлѣніе. Какой просторъ, какіе размѣры, сколько свѣту!

На почтовой станціи собственною особою получилъ я фактическое доказательство, какъ русскій человѣкъ уважаетъ свое священство.

Принималъ насъ здѣсь какой-то мелкій чиновникъ, по виду изъ выслужившихся солдатъ. Мы стали всѣ около его бюро; я на самомъ видномъ мѣстѣ; подъ властною его десницею лежатъ наши билеты. Съ пошло-солдатскимъ раболѣпствомъ и суетливостью обращается онъ къ одному моему спутнику: „вашъ который билетъ“? Тотъ указываетъ. Чиновникъ суетливо подсовываетъ ему списокъ пріѣхавшихъ: „потрудитесь расписаться... вотъ здѣсь, вотъ здѣсь“. Такъ перебралъ онъ человѣкъ трехъ моихъ спутниковъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Но далѣе по порядку, какъ лежали у него подъ рукою наши билеты, теперь на очереди лежалъ мой билетъ. Что же? Мой чиновникъ хладнокровно положилъ его подъ низъ всѣхъ билетовъ и раболѣпно спрашиваетъ хозяина слѣдующему за моимъ билетомъ. Тотъ расписывается, получаетъ свои вещи, уѣзжаетъ, и такъ до послѣдняго — до Александровскаго, который менѣе всѣхъ былъ представителенъ. Остаюсь я. „Это вашъ билетъ“, перемѣнивъ тонъ съ раболѣпно-услужливаго на холодный канцелярскій, спрашиваетъ меня мой чиновникъ. „Мой“, отвѣчаю я.—„Священника-то вы послѣднимъ и замѣтили“... „Гдѣ же вы тутъ записаны“? продолжаетъ спрашивать меня этотъ джентльменъ. Я указываю,—какъ разъ на первомъ мѣстѣ списка значится: „Архимандритъ Никаноръ“. „Вы священникъ“, продолжаетъ онъ, не торопясь, спрашивать меня. „Архимандритъ“, отвѣчаю я. „Распишитесь“, говоритъ онъ хладнокровно. И послѣ въ этомъ родѣ я сдѣлалъ не одно наблюденіе.

На станціи встрѣтилъ меня мой двоюродный братъ, студентъ Медицинской Академіи; онъ сказалъ мнѣ, что на станціи цѣлый день ждали меня мои друзья, товарищи—священники и поѣхали въ духовную Академію, чтобы встрѣтить меня тамъ. Когда ѣхалъ я по Невскому,—здѣсь до того все было мнѣ знакомо и памятно, что не смотрѣлъ бы,—будто я не прожилъ двухъ лѣтъ въ Ригѣ, будто только вчера выѣхалъ изъ Петербурга. Вхожу въ Академію,—все также памятно и знакомо.

Перемѣнилось что? Духъ и люди. Только что вступилъ я въ коридоры,—идетъ съ шумомъ и гамомъ ватага людей, не смотря на чистый понедѣльникъ, тогда какъ въ нашу пору мы и въ первый день Пасхи ходили по этимъ коридорамъ чуть-чуть не на цыпочкахъ. И кто-же это? Знакомые голоса, слишкомъ знакомыя лица, мои друзья — три священника и одинъ профессоръ идутъ опять въ городъ, уже заполночь, чтобы тамъ меня встрѣчать. Неожиданно встрѣтивъ меня въ

академическомъ корридорѣ, они шумно бросаются мнѣ на шею: „здравствуй, здравствуй“ и т. д.—Я: „Господа, господа... Великій постъ... не узнаю Академію... Мнѣ такъ и грезится, что вотъ-вотъ выйдетъ преосвященный Макарій“.—„Какой теперь Макарій?! Теперь Ѳеофанъ тамъ себѣ сидитъ гдѣ-нибудь и намъ до него, какъ и ему до насъ, никакого дѣла нѣтъ“. Входимъ въ квартиру товарища профессора. Что же тутъ? Накрытый столъ, закуска, шампанское, одинъ знакомый мнѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, довольно нагруженный, встрѣчающій меня со свѣчами въ рукахъ въ видѣ дикирія и трикирія и криками: „исполла эти деспота“.—Я: „господа, господа!... что вы“?! Не тутъ-то было. Долго тутъ мы толковали, и всѣ вмѣстѣ, и потомъ, когда прочіе разъѣхались, наединѣ съ И. А. Чистовичемъ. Тутъ я отчасти усовременился съ петербургскими новостями.

Петербургскіе духовные аристократы.

Ректоръ Академіи Ѳеофанъ не цѣнимъ никѣмъ. Митрополитъ къ нему холоденъ. Свѣтское начальство больше, чѣмъ холодно. Митрополитъ недавно сказалъ о немъ въ Синодѣ, что егопора въ архіереи,—на это Василій Борисычъ возразилъ: „за что? за какія заслуги? за то, что отказался отъ профессорской каѳедры“? Профессоры въ классахъ и на экзаменахъ поднимаютъ его на смѣхъ.

Инспекторъ Академіи архимандритъ Викторинъ входитъ въ ласку сильныхъ и ведетъ свои дѣла умно и осторожно.

Митрополитъ дѣлами управленія вовсе почти не занимается, весь погруженный въ свои сочиненія, надъ которыми въ Петербургѣ подшучиваютъ. Дѣлами епархіи управляетъ Стефанъ Григорьичъ Навроцкій,—дѣлами Синода Богъ знаетъ кто.

Преосвященный викарій Агаѳангелъ значитъ не много, хотя любимъ и уважаемъ.

Ума и воли въ *Оберъ-Прокурорѣ* никто не видитъ. Не вѣрятъ въ его долговѣчность. Съ Василіемъ Борисычемъ онъ въ открытой холодности съ первыхъ дней своего оберъ-прокурорства.

Константинъ Стефановичъ, холодный съ графомъ и нужный для дѣлопроизводства, говорятъ, переживаетъ свое вліяніе. Я самъ, однакожъ, этого не замѣтилъ. Графъ не иначе называетъ его, какъ Сербиновичъ.

По духовно-учебному вѣдомству всѣмъ и по прочимъ синодскимъ дѣламъ многимъ управляетъ *Иванъ Семеновичъ Гаевскій*, человѣкъ молодой, современно-образованный, дальнозоркій и незадумывающійся надъ средствами къ достиженію своей цѣли. Вотъ два доказательства его силы: архимандриты и ректоры Антоній Рязанскій и Сергій Саратовскій. Святѣйшій Синодъ звалъ Антонія въ Петербургъ въ лестныхъ для него видахъ; но Иванъ Семеновичъ прочиталъ повѣсть — *Баритонъ*, написанную про Рязанскую семинарію, нашелъ какую-то запутанность и отсталость въ дѣлахъ этой семинаріи и этого Антонія, заслуженнаго ректора, украшеннаго Владиміромъ, упечаталъ при общемъ сожалѣніи въ Орелъ. Сергія Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ въ ректора Калужской семинаріи; Ивану Семеновичу шепнули, что Сергій не годенъ къ ректорскому дѣлу и полмѣсяца спустя синодальное опредѣленіе было передѣлано: о. Сергія назначили въ цензоры.

23-го апрѣля. Тутъ въ эту пору случились для меня событія. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь продолжимъ.

Члены Синода, кромѣ Василія Борисыча, значатъ не много.

Не долго, конечно, и безпокойно пришлось мнѣ спать въ эту ночь. По утру я отправился къ утрени въ академическую церковь. Тутъ оказалось все по старому; служба только какъ будто немножечко степеннѣе, мальчиковъ — пискуновъ нѣтъ; тутъ я имѣлъ удовольствіе услышать родной голосъ своего Невдачина, несущаго клиросное послушаніе. Дисциплина опущена до того, что за утреней не было даже одного монаха-бакалавра. А въ нашу-то пору! Мы трепетали, какъ мальчишки.

Отецъ Ѳеофанъ, — это меня изумило, — въ церкви облобызался со мною весьма величественно; въ квартирѣ, когда я сдѣлалъ ему тотчасъ послѣ утрени посѣщеніе, велъ себя въ томъ-же духѣ — сухо, чопорно. Инспекторъ, этотъ уже слишкомъ знакомый мнѣ человѣкъ, тоже куда какъ прямо голову держитъ предъ нашимъ братомъ. Эге, — думаю себѣ, — тутъ Макарьевскаго осталось только выпрямливанье спинъ предъ лицами, которыхъ считаютъ ниже себя по положенію. Мудрецы! Общій недостатокъ преемниковъ замѣчательныхъ людей: безъ ихъ достоинствъ преемникамъ остаются въ наслѣдство только ихъ недостатки.

Обошедши, кого было можно изъ академическихъ (свѣтскіе приняли меня весьма радушно), я отправился въ *семинарію*. Тамъ прежняя чистота и щеголеватость. *О. Нектарій*, котораго я прежде зналъ, какъ ловкаго человѣка, принялъ меня съ тактомъ человѣка, привыкшаго радушно и ловко принимать. Вотъ тутъ-то и ведена была рѣчь

о томъ, не знаю-ль я монаха способнаго занять должность ректора въ Александро-Невскомъ училищѣ. Это училище теперь въ новомъ вкусѣ отстроено; Иванъ Семеновичъ принимаетъ въ немъ особенное участіе; ищутъ человѣка достойнаго—хорошаго современнаго педагога. Я сталъ перебирать знакомыхъ мнѣ монаховъ по воспитанію и петербургской службѣ. Не остановившись ни на комъ, о. Нектарій своротилъ рѣчь на Рижскихъ: на о. Серапіона, потомъ на о. инспектора. О первомъ я сказалъ, что онъ былъ уже ректоромъ двухъ училищъ и самъ перепросился въ семинарію. Объ о. Веніаминѣ, еще не ясно разумѣя дѣло, замѣтилъ слегка, что ему нѣтъ ни выгоды, ни особенной чести перейти съ своего настоящаго на новое—на ректорство въ училищѣ, что ему пора быть ректоромъ семинаріи. Такъ мы ничѣмъ не покончили. Увидѣвшись въ семинаріи со всѣми, между прочимъ съ Николаемъ Г. Георгіевскимъ и съ о. Іосифомъ, бывшимъ Псковскимъ профессоромъ, я отправился въ лавру ко владыкѣ—митрополиту—послѣ часовъ велико-постнаго вторника.

Мое представленіе митрополиту Григорію.

Вхожу, доложили. Не лишне припомнить, что меня, по приказанію Оберъ-Прокурора, Иванъ Семеновичъ нарочно требовалъ въ Петербургъ для полученія наставленій отъ владыки митрополита. Выходитъ владыка блѣдный, изнеможенный.

„Откуда?“

„Изъ Риги, Ректоръ Саратовской семинаріи архимандритъ Никаноръ, Ваше Высокопреосвященство“.

„Ну, ступайте къ намѣстнику; тамъ вамъ скажутъ, что нужно“.

Озадаченный такимъ приказаніемъ и видя, что владыка уже поворачивается, чтобы уйти, я иду однакожъ прямо къ цѣли. „Удостойте меня, Ваше Высокопреосвященство, чести и счастья получить таинство Тѣла и Крови Господнихъ отъ рукъ Вашего Высокопреосвященства“.

Владыка остановился полу-бокомъ ко мнѣ, задумавшись надъ этою, напередъ обдуманною фразою, потомъ говоритъ: „ну, пожалуй“ и, махнувъ характеристически, по своему, рукой, возможно для него быстрыми шагами поспѣшилъ въ кабинетъ.

„Вотъ“, думаю себѣ, „и получилъ наставленіе. Что же такое скажетъ мнѣ намѣстникъ? Ужели ему поручено передать мнѣ наставленія Его Высокопреосвященства“?!

Василій Борисовичъ.

Иду къ намѣстнику,—спитъ. Ѣду къ Ивану Семеновичу, къ графу,—„нѣту дома, пожалуйте въ 6 часовъ... Константинъ Степановичъ не пріѣзжалъ". Ѣду къ Василію Борисычу. „Дома, пожалуйте"... Первый разъ я имѣлъ удовольствіе представиться этому сановнику и вынесъ отъ свиданія съ нимъ самое пріятное впечатлѣніе. Сѣвши съ нимъ рядомъ на диванѣ, я въ одну секунду почувствовалъ себя, какъ дома. „Ну, что тамъ, какъ у васъ"? И потекла у насъ рѣчь потокомъ. Тутъ о состояніи Лифляндско-Курляндской Православной Церкви я высказалъ все, что зналъ отъ его высокопреосвященства, архіепископа Рижскаго, отъ священниковъ, изъ собственныхъ наблюденій. Когда я, между прочимъ, ударяя на каждомъ словѣ, говорилъ: „вѣдь владыка архіепископъ—человѣкъ *современный, гибкій, дальнозоркій*", Василій Борисычъ, съ своею манерою, разъ двадцать плюснулъ глазами и махнулъ подбородкомъ въ знакъ полнѣйшаго и совершеннѣйшаго согласія

„Князь Александръ Аркадьичъ—то-то"; говорю я...

„Да", прибавляетъ Василій Борисычъ, „и недалекій человѣкъ. Что ваши дѣти Латыши, Эстонцы"?

„Славныя, милыя дѣти, ваше высокопреподобіе", отвѣчаю я, и разсыпался въ похвалахъ своимъ рижскимъ питомцамъ.

Мнѣ показалось, что высокопреосвященному Рижскому сочувствуютъ Василій Борисычъ, Иванъ Семенычъ и Константинъ Степанычъ; прочіе едва-ли. Да, еще преосвященный Аѳанасій Казанскій. Мнѣ показалось, что ему, высокопреосвященному Рижскому существенно-полезнѣе было-бы перенести свое вниманіе съ владыки митрополита, живущаго въ какомъ-то иномъ мірѣ, только не въ церковно-правительственномъ, на Василія Борисыча, человѣка еще не стараго, вліяніемъ нестарѣющагося и главное—кажется—высоко-цѣнящаго его особу. Говоря о причинахъ движенія въ пользу православія въ Остзейскомъ краѣ, когда латыши и эсты шли толпами къ миропомазанію, я выразился: „нѣмцы стараются уронить насъ въ глазахъ правительства и Европы, приписывая это движеніе происканъ православнаго духовенства. Они дѣлаютъ намъ честь предположеніемъ, что мы могли сдѣлать и сдѣлали что-либо подобное. Къ стыду нашему это неправда".

„Да, да, да, справедливо", замѣтилъ на мое замѣчаніе Василій Борисычъ.

„Вотъ вамъ открывается новое поприще дѣятельности“, говоритъ онъ между прочимъ.

„Благоволите“, прошу я, между прочимъ, „объяснить мнѣ, что я тамъ долженъ буду дѣлать“.

И выводомъ всѣхъ его наставленій на эту тему было: „опредѣляйте вашъ образъ дѣйствій по мѣстнымъ обстоятельствамъ, дѣйствуйте съ совѣта мѣстнаго преосвященнаго архипастыря“, а опредѣленнаго не сказано ничего.

Разстались мы, мнѣ показалось, самымъ дружелюбнымъ образомъ. Василій Борисычъ провожалъ меня до прихожей и тутъ, когда я былъ уже въ прихожей, онъ оперся на притолку дверей между пріемной и прихожей и проговорилъ со мной еще нѣсколько секундъ, а быть можетъ и минутъ.

Сербиновичъ.

Отъ Василія Борисыча я отправился къ Константину Степановичу. „Дома, пожалуйте“. Вхожу. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній, при встрѣчѣ съ Константиномъ Степановичемъ, было, что онъ помолодѣлъ, сдѣлался живѣе и пересталъ заикаться.

„Ну, что... что тамъ у васъ... Какъ преосвященный архіепископъ“? было первымъ его вопросомъ.

Я затруднился отвѣтомъ и потомъ подумавши, да не совсѣмъ обдумавши, проговорилъ нерѣшительно, сквозь зубы: „тамъ борьба“.

„Да, да, да... какъ въ семинаріи“?

И пошла рѣчь собственно о воспитаніи, о семинаріяхъ Рижской и Саратовской. „Протестанты всѣ погружаются въ раціонализмъ... Раціонализмъ не христіанство, и протестантство не Церковь... Оно выпарится; и тамъ, гдѣ теперь они, останемся мы... А вотъ соперники— католики: у нихъ и вѣра и іерархія и энергія. Они умѣютъ дѣйствовать, воспитывать дѣятелей, воспитывать *въ духѣ духовности*. Ихъ духовный воспитанникъ, произнося обѣтъ дѣвства, отрекается въ пользу Церкви отъ лучшихъ благъ жизни, и уже послѣ всѣми своими стремленіями принадлежитъ Церкви. И какъ его воспитываютъ! Католическіе духовные воспитанники ежедневно слушаютъ литургію, ежедневно имѣютъ examen consistentiae..., каждый мѣсяцъ исповѣдуются и пріобщаются... Сколько тутъ благотворнаго вліянія!... Намъ нельзя желать, чтобы у насъ духовенство было все безбрачное. Но судите... Духовный воспитанникъ нашъ... къ чему онъ годится? Вотъ онъ оканчиваетъ

курсъ,—о чемъ его первая забота? О невѣстѣ. Вотъ онъ женился, о чемъ всѣ его заботы? О женѣ, о дѣтяхъ, о средствахъ... *Духовности, духовности нѣтъ*... Вотъ объ этомъ позаботьтесь, чтобъ этотъ духъ духовности вселить въ вашихъ питомцевъ".

„Позвольте, ваше высокопревосходительство, спросить" (я уже зналъ, что Саратовская семинарія есть семинарія бурсацкая), будутъ-ли увеличены средства содержанія Саратовской семинаріи?" Спросилъ я невпопадъ.

„Средства"!... возразилъ Константинъ Степановичъ. „Вотъ это и есть болѣзнь наша—средства... средства!... Душу воспитывайте такъ, чтобы она могла пріобрѣтать души для Бога, для неба, для Церкви... Тогда и средства придутъ... Господь и начальство озабочиваются и Саратовскою семинаріей"...

Съ тѣмъ я и отправился, получивъ порученіе предъ отъѣздомъ зайти еще разъ.

Митрополитъ Григорій въ службѣ Божіей.

Отправляюсь въ Лавру къ вечернѣ; вхожу въ соборъ. Знаю, что къ вечернѣ давно отзвонили. Народъ стоитъ и крестится. Но что за странность? Ничего, ни одного звука не слышно. Стою, прислушиваюсь:—ничего. Иду дальше—ничего. Подхожу къ лѣвому клиросу: тутъ начинаю различать, что съ солеи слабо раздается какой-то тупой полуговоръ—полушепотъ. Но словъ нельзя разобрать ни одного. Вижу, что на солеѣ стоитъ митрополитъ и что-то такое читаетъ. Но что, не могъ я понять, даже догадаться. Вхожу въ алтарь: тамъ тоже ничего не слышно. Спрашиваю: „что такое читается?" Говорятъ: „митрополитъ читаетъ великое повечеріе".—„Гмъ", замѣтилъ я, „однакожъ такое богослуженіе назидательно только своею идеей".

Намѣстникъ Лавры. Преосвященный Агаѳангелъ.

Послѣ повечерія прихожу я къ намѣстнику; докладываю ему, что молъ, такъ-то и такъ, мнѣ, молъ „приказано было явиться въ Петербургъ для полученія наставленій отъ его высокопреосвященства; я былъ у владыки, и владыка мнѣ сказалъ: „ступайте къ намѣстнику, онъ вамъ скажетъ, что нужно". Я имѣю услышать волю владыки отъ вашего высокопреподобія", заключаю я свою рѣчь, обращенную къ о. намѣстнику. Намѣстникъ преширoко раскрылъ свои глаза... Послѣ нѣкотораго молчанія,—„нѣтъ"—говоритъ онъ „владыка мнѣ ничего не по-

ручалъ... Старикъ смѣшалъ... Онъ такъ занятъ своими литературными писаніями, что иногда выйдетъ, и никакъ нельзя ему растолковать, въ чемъ дѣло, да и слушать не хочетъ... Смѣшалъ, смѣшалъ... Да вотъ и разгадка: вы сказали, что вы саратовскій ректоръ; а теперь къ намъ пріѣзжаютъ архимандриты, то на чреду, то въ цензоры, и владыка посылаетъ ихъ ко мнѣ, чтобы я давалъ имъ квартиры. Саратовскій ректоръ къ тому же долженъ пріѣхать въ цензоры".

Затѣмъ я былъ у преосвященнаго Агаѳангела. Онъ бесѣдовалъ со мной участливо, но о предметахъ, не стоющихъ особеннаго вниманія.

Графъ Толстой.

Къ шести часамъ я отправился къ графу Оберъ-Прокурору. Человѣкъ вялый, благочестивый. Спрашивалъ меня, нѣтъ-ли между рижскими семинаристами желающихъ въ монашество. Разговоръ шелъ о духовномъ воспитаніи. Это у нихъ теперь ходячій вопросъ. Даже Иннокентій Алеутскій — и тотъ подалъ Святѣйшему Синоду проэктъ воспитанія духовнаго юношества. О воспитаніи графъ, однакоже, разсуждалъ многосторонне и разумно. Вотъ его главныя положенія: 1) духовные воспитанники чрезвычайно неловки, грязны; 2) не обращается въ нашихъ заведеніяхъ никакого вниманія на развитіе и укрѣпленіе тѣла, на гимнастику; дѣти сидятъ въ заперти, въ гниломъ воздухѣ; отъ этого у нихъ лица вялыя, безцвѣтныя, соки испорченные; 3) есть въ заведеніяхъ тайные пороки, онанизмъ; 4) завалены ученики перепискою записокъ, часто нелѣпыхъ; 5) завалены множествомъ наукъ, сельскихъ хозяйствъ, патрологій и т. д.; 6) никакого вниманія не обращается на воспитаніе дѣтей въ духѣ духовности: не умѣютъ пѣть въ церкви, читать. „Мнѣ", выражался графъ, „отвратительно и больно бываетъ слушать въ церквахъ наше нынѣшнее чтеніе и пѣніе". Спрашивалъ меня графъ и о личностяхъ Рижской семинаріи монашескихъ; я, разумѣется, хвалилъ. О Рижскихъ епархіальныхъ дѣлахъ, о его высокопреосвященствѣ не было произнесено ни слова. Сказавъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ, графъ пожелалъ еще разъ видѣться со мной при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга.

Гаевскій.

Отъ графа я перешелъ къ Ивану Семеновичу. Этотъ съ перваго раза поразилъ меня живостью пріемовъ, бойкостью и свѣтлостью своихъ взглядовъ. По словамъ его, онъ много уважаетъ особу Рижскаго

высокопреосвященнаго. „Все, все, что только будетъ угодно его высокопреосвященству, все будетъ исполнено. Такъ и напишите". Я былъ у него три раза. Во всѣ три раза мы толковали почти исключительно о воспитаніи духовнаго юношества, въ частности о Петербургской Академіи, объ Александро-Невскомъ училищѣ, которымъ Иванъ Семеновичъ чрезвычайно занятъ, о семинаріяхъ Саратовской и особенно Рижской. Въ воспитаніи онъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю сторону. „Неловки, грубы духовные воспитанники, грязны, больны. Вотъ я иду академическимъ садомъ. Встрѣчаю студента. Останавливаюсь съ вопросомъ: куда пройти въ Академію? Онъ, стоя ко мнѣ полубокомъ, отвѣчаетъ нехотя: „мы въ Академіи"—Да въ зданіе Академіи какъ пройти? Онъ нехотя махаетъ рукою по направленію дорожки, ведущей къ зданію и, закутываясь въ свою шинель, хочетъ идти. Да послушайте, отчего вы такъ невѣжливы? Тогда смотрю, мой студентъ оторопѣлъ, смѣшался, поднимаетъ, какъ мужикъ, руку къ шапкѣ, не знаетъ—снять или не снять. Мнѣ жаль стало, что такое велико-ученое образованіе досталось на долю такому неотесѣ... Прихожу я въ Невское училище. Боже мой! что я тамъ увидѣлъ! Толпа дикарей, покрытыхъ вшами и чесоткою. И никому не было дѣла до этихъ жалкихъ дѣтей. Я самъ сталъ къ нимъ ѣздить, учить, лѣчить ихъ. И посмотрѣли бы вы, сколько милашекъ есть!... И теперь, когда я пріѣзжаю къ нимъ, они сами толпою ходятъ за мной. Особенно тамъ есть одинъ" и т. д... О семинаріи Саратовской онъ сказалъ мнѣ опредѣленнаго только то, что „поѣзжайте, осмотрите, пишите, у насъ идетъ разсужденіе объ увеличеніи окладовъ и семинаріи и самого преосвященнаго". Во всѣ три раза моего свиданія съ Иваномъ Семеновичемъ разговоръ посвященъ былъ, главнымъ образомъ, семинаріи Рижской. Онъ объяснилъ мнѣ поводъ къ выбору о. Ефрема: архіепископъ Варшавскій отозвался, что семинарія Волынская доведена о. Ефремомъ до блистательнаго состоянія. О проэктѣ зданія Рижской семинаріи онъ отозвался: „вы раскритикуйте его порядкомъ; министерство публичныхъ работъ мѣшается въ дѣла, которыхъ не понимаетъ". Проэктъ открытія причетническаго класса мы разсматривали втроемъ—Иванъ Семеновичъ, Карлъ Ѳеодоровичъ Томковитъ и я; хода подробностей не помню; но рѣшено, что виды его высокопреосвященства на этотъ предметъ послѣдніе измѣнились сравнительно съ первыми, и потому Иванъ Семеновичъ положилъ просить его высокопреосвященство о сообщеніи своихъ мыслей касательно этого предмета примѣнительно къ современ-

нымъ обстоятельствамъ Рижской семинаріи. Предположеніе его высокопреосвященства касательно освобожденія воспитанниковъ изъ латышей и эстовъ отъ податей сопоставлено съ предположеніемъ о сокращеніи набора воспитанниковъ латышей и эстовъ: Иванъ Семеновичъ не хочетъ пускать въ ходъ ни того, ни другаго, полагая, что невыполненіемъ послѣдняго выполнится первое. Изъ жалости къ своимъ второ- и перво-классничкамъ латышамъ и эстамъ, я ходатайствовалъ за нихъ, чтобы ихъ освободили отъ податей; выставлялъ на видъ, что изъ семинаріи со временемъ нѣмцы, чего добраго, возьмутъ, да и постараются взять кого-нибудь въ солдаты: тогда сколько сраму для семинаріи! Иванъ Семеновичъ отвѣчалъ: „пусть возьмутъ. Для чего же мы воспитываемъ? Для распространенія просвѣщенія. Что-жъ, это худо развѣ? Въ солдатахъ образованный человѣкъ. Заводятъ же ваши Саратовскіе ксендзы народныя школы". А въ дипломатическихъ видахъ этого умнаго и тонкаго человѣка близкія моему сердцу личности Рижскихъ перво-и второ-классничковъ латышей и эстовъ не могли имѣть много значенія. Такъ это дѣло и рушилось. Нѣсколько разъ Иванъ Семеновичъ заговаривалъ и объ о. Веніаминѣ и объ о. Серапіонѣ, только ясно не обозначая своихъ видовъ на нихъ. Одинъ разъ однакоже спросилъ: „а что, если бы мы взяли кого-нибудь отъ васъ, архіепископу было-бъ это пріятно, или нѣтъ"? Я выразилъ ему мысли на этотъ счетъ, какія его высокопреосвященству угодно было не разъ высказывать. Простился онъ со мною весьма благосклонно и просилъ писать обо всемъ. О Саратовскомъ католичествѣ такимъ образомъ и тутъ ничего не было сказано опредѣленнаго, указывающаго на цѣль моего перевода.

Митрополитъ Григорій въ службѣ Божіей.

Въ среду я имѣлъ честь участвовать въ служеніи литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, совершенной владыкою митрополитомъ. Я потому и просился, что захотѣлось поближе видѣть въ священнослуженіи владыку митрополита, о которомъ я такъ много наслышался. Отсюда я вынесъ два памятныхъ впечатлѣнія, одно отъ о. Павла, моего предмѣстника, другое отъ владыки митрополита или вообще отъ этой литургіи. О. Павла я узналъ при первомъ взглядѣ на него по чертамъ портрета, который видѣлъ я въ Ригѣ. Онъ показался мнѣ дѣйствительно довольно ловкимъ человѣкомъ, какимъ понимали его въ Ригѣ, не безъ

претензій однакоже. Послѣ обѣдни я посѣтилъ его келью и пробылъ у него часа два: онъ мнѣ показался человѣкомъ съ убѣжденіями, какія не всегда можно разглядѣть, и особенными взглядами, которые во что бы то ни стало онъ усиливается отстаивать. Съ владыкою митрополитомъ служили четыре архимандрита, намѣстникъ о. Павелъ, Никандръ Тульскій, другой чередной и я: довольно странное обстоятельство, что мнѣ въ единственное служеніе въ Петербургѣ пришлось служить съ о. Павломъ.

26-го апрѣля. А со мной все случаются здѣсь событія. Но къ порядку.

Вотъ пошли мы встрѣчать владыку,—тутъ изумило меня многое. Ходитъ владыка странно, осѣняетъ руками не сановито, полиціи вовсе нѣтъ, владыка самъ проталкивался сквозь напирающую толпу. Мнѣ наступили на оконечность мантіи такъ, что я сталъ—ни взадъ, ни впередъ; одѣли владыку чрезвычайно быстро; меня, не привыкшаго къ такой быстротѣ, діаконы и послушники затолкали и смяли совсѣмъ: „скорѣй, скорѣй“, и все таки другіе сослужащіе побѣжали на средину церкви, не дождавшись меня. И это, я думалъ, первосвятительское служеніе въ Россіи, въ Петербургѣ! Служили тоже очень быстро. Владыка въ службѣ хорошъ только естественною простотою, какъ старецъ; но мало въ немъ разсчитаннаго, сдержаннаго, сановитаго, все размашисто. Говорилъ онъ по обычаю и проповѣдь, по обычаю—ни для кого не слышную. У него какой-то гробово-тихій голосъ. NB.) Забылъ я разсказать: наканунѣ во вторникъ, когда я послѣ повечерія выходилъ изъ Лаврскаго собора, народъ, выходя, шутилъ и смѣялся надъ служеніемъ митрополита,—одни другихъ со смѣхомъ спрашивали: „а что, слышали что-либо“?... Вотъ впечатлѣніе отъ подобнаго чтенія и проповѣданія на народъ.

Чувствительная сцена.

Въ среду же по утру, въ первый разъ я успѣлъ повидаться съ своими студентами—Невдачинымъ и Тоцемъ. Тутъ вышла такого рода забавно-идиллическая сцена. Я спросилъ къ себѣ сперва Невдачина (а жилъ я въ Академіи у И. А. Чистовича). Невдачинъ поцѣловался со мной и заплакалъ, я по закону симпатіи разревѣлся, мы повисли другъ другу на шею и давай проливать потоки слезъ. Тутъ въ минуту слезливаго раздраженія моихъ нервовъ, неожиданно вхо-

дитъ ко мнѣ непрошенный незваный студентъ изъ воспитанниковъ Полоцкой семинаріи; видитъ эту идиллическую сцену и не знаетъ, что дѣлать, взадъ идти, или оставаться. Его приходъ и замѣшательство поставили и меня въ затрудненіе. Онъ извиняется—хочетъ уйти,—я останавливаю: „ужъ ежели пришли на эту сцену, не уходите, подождите минуту,—это нервное раздраженіе отъ безсонницы, отъ безпокойствъ дороги,—оно сейчасъ пройдетъ“, и вынужденъ я былъ выплакаться при этомъ постороннемъ и совершенно лишнемъ свидѣтелѣ. Невдачинъ, его слезы напомнили мнѣ все Рижское, и расшевелили во мнѣ еще слишкомъ живую ранку такъ недавно разорванныхъ привязанностей... Имѣю причины думать, что все Рижское будетъ для меня самымъ отраднымъ, самымъ гуманнымъ воспоминаніемъ моей жизни... Пріятно было мнѣ замѣтить, что Невдачинъ и даже Тооцъ поздоровѣли, пополнѣли и покраснѣли. Дорого мнѣ было видѣть ихъ слезы при прощаньи со мной въ субботу первой недѣли.

Присутствующіе въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Но прощанье было еще впереди. Въ четвергъ отправился я къ членамъ Синода. Бросилось мнѣ въ глаза, что высокопреосвященный Аѳанасій Казанскій, съ которымъ я видѣлся прежде всѣхъ, облобызался со мною особеннымъ отечески радушнымъ пріемомъ, чего я не замѣтилъ въ привѣтствіи его высокопреосвященства представившемуся также въ первый разъ и при мнѣ, только двумя—тремя минутами послѣ меня, цензору архимандриту Фотію. Я имѣю причины полагать, что владыка архіепископъ Казанскій имѣетъ обо мнѣ доброе разумѣніе: это я оставляю не безъ цѣли. Разговоръ былъ ученый; о моемъ назначеніи ничего не было сказано; не мало было говорено объ особѣ высокопреосвященнаго Платона и замѣчательно вотъ что. Между прочимъ я сказалъ, что его высокопреосвященство изволилъ нерѣдко вспоминать владыку Аѳанасія. Вдругъ онъ спрашиваетъ: „какъ же вспоминаетъ“?... Я затруднился отвѣтомъ, не понявши цѣли вопроса. „Вспоминаетъ, чтобы осуждать, или что-либо другое“? продолжаетъ спрашивать владыка. „Нѣтъ, нѣтъ“ поспѣшилъ я увѣрить, „вспоминаетъ съ особеннымъ чувствомъ привязанности“. Владыкѣ это, видимо, было пріятно.

Преосвященный Нилъ показался мнѣ многословнымъ. Василій Ивановичъ Кутневичъ по болѣзни меня не принялъ; преосвященнаго Филоѳея не засталъ дома. Иванъ Андреевичъ Осѣченскій заставилъ меня у себя обѣдать.

Митрополитъ Жилинскій.

Въ этотъ же день я хотѣлъ представиться митрополиту Жилинскому, но пріѣхалъ во время обѣда. Успѣлъ, можно сказать, вторгнуться къ нему уже въ пятницу. Это было такъ. Пріѣзжаю въ пятницу; говорятъ, „вотъ только что вышелъ въ коллегію". А швейцаръ-то у него попался виленскій, полякъ, знающій и Рижскаго высокопреосвященнаго, и о. Павла ректора. Какъ тутъ быть? Нельзя ли доложить?... Доложили. Приносятъ отвѣтъ: „просятъ минуточку обождать". И дѣйствительно, черезъ минуту, не болѣе, вошелъ въ свои кельи митрополитъ. Поклону высокопреосвященнаго Платона онъ былъ очень радъ; радъ, по его словамъ, случаю познакомиться со мной, кланялся преосвященному епископу Кану, особенно же, что повторилъ нѣсколько разъ, поручалъ моей доброй знакомосци своего любезнаго ксэндца-Жельвовича — ректора Саратовскаго. Онъ показался мнѣ человѣкомъ ласковымъ, нѣсколько скромно застѣнчивымъ, тихонею.

Напутственное слово преосвященнаго митрополита.

Пятница же у меня назначена была на послѣднее посѣщеніе владыки митрополита, отъ котораго въ первый разъ я не получилъ ожиданныхъ наставленій; въ пятницу же назначено было мнѣ еще разъ явиться къ архіепископу Казанскому, Константину Степановичу, графу Оберъ-Прокурору и Ивану Семеновичу.

У владыки митрополита былъ я предъ вечерней. „Нижайше прошу благословенія вашего высокопреосвященства на путь". — „Съ Богомъ", торопливо говоритъ владыка, и спѣшитъ уйти. „Ваше высокопреосвященство! Мнѣ приказано было явиться въ Петербургъ для полученія наставленій отъ вашего высокопреосвященства" — „А", проговорилъ владыка, остановился и задумался... „Вы ѣдете въ Саратовъ. Тамъ католики. Вотъ они тамъ имѣютъ вліяніе. Школы заводятъ. За этимъ васъ посылаютъ. Берегите воспитанниковъ отъ поступковъ дурныхъ, — отъ пьянства. Вѣдь эти все за нами замѣчаютъ; пишутъ туда своей братіи, а тамъ печатаютъ въ газетахъ, и расходится по всему свѣту. Замѣтите за ними что-либо худое, пишите немедленно: тотчасъ получите отвѣтъ. Сами сдѣлаете что-либо худое, — пишите немедленно: хуже будетъ, когда другіе напишутъ съ разными перетолкованіями и преувеличеніями. Отъ близости съ ними не отрекайтесь: удаляться

вамъ отъ знакомства съ ними можно только подъ крайне благовиднымъ и основательнымъ предлогомъ. Въ споры съ ними не входите. Но нужно вамъ знать основательно предметы этихъ споровъ,—особенно тѣ, которыми они стараются занимать общество".—Все. Отсюда я понялъ, по крайней мѣрѣ, что опредѣленной цѣли въ моемъ назначеніи не было никакой.

Тоже графа Толстаго и другихъ тузовъ.

Преосвященнаго архіепископа Казанскаго въ этотъ разъ я не засталъ дома. Графъ—Оберъ-Прокуроръ въ этотъ разъ велъ прежнія рѣчи; приказалъ мнѣ зайти къ „Сербиновичу" за какимъ-то дѣломъ, опять глухо спрашивалъ меня объ инспекторѣ Рижской семинаріи,—кто онъ такой, и есть ли тамъ человѣкъ, которымъ можно было бы его замѣнить; приказалъ мнѣ въ Москвѣ явиться ко владыкѣ митрополиту; рекомендовалъ въ Москвѣ пробыть съ недѣльку, поклониться всей Московской и Троицко-Сергіевской святынѣ; рекомендовалъ познакомиться съ его женою, проживающею въ Москвѣ; наконецъ, поручилъ воздать отъ него доземное поклоненіе высокопреосвященному митрополиту Московскому и, выразивъ еще разъ свое удовольствіе, что познакомился со мной, отпустилъ меня въ путь—дорогу. Съ Иваномъ Семеновичемъ замѣчательныхъ рѣчей на этотъ разъ не было. Константинъ Семеновичъ, когда я вошелъ къ нему, писалъ письмо, между прочимъ обо мнѣ, а можетъ быть и все обо мнѣ, ко владыкѣ митрополиту Московскому; пожелалъ мнѣ счастливаго пути, сказалъ еще нѣсколько словъ въ назиданіе, поручилъ засвидѣтельствовать глубокое почитаніе владыкѣ митрополиту Московскому; сказалъ, что завтра предъ отъѣздомъ мнѣ вручены будутъ два пакета, которые долженъ я самолично представить владыкѣ Московскому и прислать изъ Москвы письменное увѣдомленіе объ исполненіи порученія. Изъ этого я понялъ, что я повезу какія-то важныя бумаги, повезу свою собственную личность для полученія наставленій и на смотръ къ владыкѣ Московскому.

Вечеромъ въ пятницу, часовъ уже около 10, я зашелъ къ Николаю Григорьичу Георгіевскому проститься съ нимъ: тутъ уже къ изумленію я узналъ, что о. Веніамина хотятъ перевести въ ректора Александро-Невскаго училища и что Иванъ Семеновичъ взялся за это дѣло горячо; тутъ только я понялъ намеки объ этомъ дѣлѣ, какіе прежде слышалъ отъ властей.

Немногіе, оставшіеся мнѣ отъ дѣла часы моей Петербургской жизни, посвящены были брату и самымъ избраннымъ моимъ знакомымъ; съ другими не пришлось даже увидѣться.

Памятный еще фактъ. Пять мальчиковъ—моихъ рижскихъ пріятелей: Николай Ашевскій, Александръ Протопоповъ, Викторъ Мутовозовъ, Гавріилъ Ширяевъ и Александръ Безцѣнный, при выѣздѣ моемъ изъ Риги, купили на свои деньги и подарили мнѣ на память четки изъ розоваго дерева съ перламутровыми украшеніями, четки, какъ имъ сказали въ магазинѣ, парижскаго издѣлія. Въ Ригѣ заплачено за четки 5 рублей. Въ Петербургѣ ювелиръ оцѣнилъ ихъ въ 30 рублей.

Итогъ Петербургскихъ впечатлѣній.

Какія-жъ впечатлѣнія вывезъ я изъ Петербурга?

Много-мятежный городъ. Такъ живо напомнилъ онъ мнѣ прежнія мои душевныя страданія своею суетою, своими рѣзкими приговорами о смертныхъ людяхъ, своими рѣшеніями касательно ихъ судьбы.

Много въ высшихъ нашихъ сферахъ бродитъ непереварившихся идей о преобразованіи нашего духовнаго воспитанія.

Свѣтскіе негодуютъ на то, что наши духовные воспитатели такъ далеко держатъ себя отъ воспитанниковъ.

Мои товарищи—друзья, да нѣкоторые и не товарищи ждутъ отъ моей службы чего-то. Но извѣстно, надежды человѣческія обманчивы, обстоятельства нашей жизни большею частію случайны.

Въ Петербургѣ я не безъ гордости встрѣтилъ блистательное подтвержденіе своимъ идеямъ о воспитаніи, которыя въ Ригѣ подъ покровомъ его высокопреосвященства я такъ рѣшительно приводилъ въ дѣло и за которыя, въ минуты невзгоды, такъ трепеталъ.

Въ субботу на первой недѣлѣ поста по утру я двинулся въ Москву по желѣзной дорогѣ.

Москва и Русь святая.

Итакъ, ѣдемъ въ Москву. Что же теперь? Простился я съ Петербургомъ въ чувствѣ достаточнаго равнодушія. Паровозъ дѣлалъ свое дѣло исправно. Ѣхалъ я во второмъ классѣ. Впечатлѣнія въ этой дорогѣ между Петербургомъ и Москвою получилъ я только отъ двухъ обстоятельствъ: отъ того, во первыхъ, что, по утру напившись чаю

еще въ Петербургѣ, я во весь день ничего не ѣлъ, часовъ около 10 вечера напился опять только чаю на какой-то станціи и своимъ постничествомъ изумилъ своихъ сосѣдей—спутниковъ, которые то-и-дѣло что закусывали и запивали и меня къ тому же побуждали;—во вторыхъ,—отъ своихъ сосѣдей—спутниковъ,—одного молодаго купчика—Лихачева, поставлявшаго ризницу на Исакіевскій соборъ, съ виду совершеннаго князька-барина, изъѣздившаго всю Европу, человѣка съ виду отлично-образованнаго,—отъ директора старо-русскихъ минеральныхъ водъ и чиновника Министерства Государственныхъ Имуществъ, ѣхавшаго въ Москву на какую-то ревизію,—людей степенныхъ, образованныхъ, расположенныхъ къ Церкви и духовенству. И съ какою грустію, даже горечью говорятъ они о недостаткахъ нашего духовенства, его недѣятельности, невѣжествѣ, пьянствѣ и грубости, корыстолюбіи, его униженіи, пренебреженіи къ нему нашего барства, холодности и даже ненависти къ нему народа. „Какая помога была-бы государству“, говорилъ между прочимъ чиновникъ: „если бы при всѣхъ теперешнихъ попыткахъ къ образованію, къ облагороженію русскаго народа, за это прямо свое собственное дѣло и призваніе умѣло и хотѣло взяться и взялось духовенство! Въ 10—20 лѣтъ это великое дѣло значительно подвинулось-бы тогда впередъ. А теперь правительство, при своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, почти безъ рукъ, безъ рычага... Народъ нашъ“,—разсуждалъ онъ между прочимъ объ обрядѣ православія, „называетъ этотъ обрядъ не православіемъ, а проклятіемъ: пойдемъ, говоритъ онъ, на проклятіе“. И въ самомъ дѣлѣ, этому обряду дана такая мрачная обстановка, что онъ слишкомъ выдается впередъ своею грозною стороною, „проклятіемъ“, и вовсе не виденъ своею трогательною, назидательною, утѣшительною стороною—величаніемъ памяти всѣхъ подвижниковъ благочестія, поборниковъ Церкви... Возьмите вы одного протодіакона: что это такое?! Выбираются въ протодіаконы люди исполинскаго росту, самыхъ развитыхъ мускуловъ, съ громадною глоткою, изъ которой вылетаетъ грозное, громовое: „анаѳема“... И это служитель милосердаго Бога, любвеобильной Церкви“?!... Памятенъ мнѣ еще одинъ офицеръ, который, хотя, при двадцати-градусномъ морозѣ одѣтъ былъ только въ, чистую (только) впрочемъ, шинель на ватѣ и тщательно, впрочемъ, вычищенные сапоги безъ галошъ, однакоже днемъ держалъ себя гордо и благородно и рисовался, что онъ такъ себѣ привыкъ къ холоду, но ночью, когда и я, тщательно закутанный, значительно промерзалъ, онъ подвигъ мое

сердце на жалость: *) онъ усиливался заснуть и въ просонкахъ отъ холода стоналъ... Гордая бѣдность, подумалъ я себѣ, а былъ въ Севастополѣ. Памятенъ мнѣ, наконецъ, старичекъ докторъ, имѣющій честь лѣчить знаменитаго богатствомъ графа Шереметева; умный старикъ. Между прочимъ онъ разсказалъ одинъ замѣчательный случай въ доказательство необыкновенной свѣжести и твердости умственныхъ способностей Московскаго владыки Филарета. „Въ послѣдніе годы", повѣствовалъ онъ, „по обстоятельствамъ я нашелъ нужнымъ представиться митрополиту Московскому самъ и представить моихъ дѣтей. Митрополитъ благословилъ насъ, сказалъ нѣсколько словъ, съ тѣмъ, какъ водится, и отпустилъ. Только годъ спустя, мой старшій сынъ, въ тотъ же разъ и одинъ только разъ представлявшійся митрополиту вмѣстѣ со мной, однажды подходитъ къ нему въ церкви подъ благословеніе. Что же?! Митрополитъ, благословивъ его, говоритъ: „здоровъ вашъ батюшка?... Скажите ему, пусть поклонится отъ меня графу".

Филаретъ въ службѣ Божіей.

Въ девять часовъ утра въ недѣлю Православія мы очутились въ Москвѣ. Я наскоро переодѣлся, помылся и на возможно борзомъ конѣ поскакалъ въ Кремль, чтобы застать митрополичье служеніе. Мнѣ хотѣлось въ службѣ Божіей видѣть владыку Московскаго, какъ и Петербургскаго... Да, здѣсь я увидѣлъ совсѣмъ не то, что въ Петербургѣ. Служба совершалась въ Чудовомъ монастырѣ. Это святитель, это святительское достоподражаемое служеніе! Бороды у всѣхъ сослужащихъ такія большія, молодежи въ алтарѣ нѣтъ; движенія у всѣхъ, даже у протодіакона, такія плавныя, патріаршія; суетни, бѣготни нини; даже безгласныя алтарныя молитвы и возгласы, даже діаконами, произносятся съ возможною степенностью; пѣвчіе поютъ плавно, тихо; самъ митрополитъ-святитель-аристократъ, по моему смыслу, въ полномъ смыслѣ этого слова. Долго смотрѣлъ я, какъ онъ, по окончаніи литургіи, благословлялъ народъ: митрополитъ сталъ на одномъ мѣстѣ и ни шагу впередъ, оттого и народъ у него не толпится, каждаго митрополитъ осѣняетъ не большимъ, но полнымъ, крестомъ: надъ созерцаніемъ этого достоподражаемаго зрѣлища я стоялъ, стоялъ, да и конца не дождался—ушелъ. Хотѣлъ дождаться выхода митрополичьяго

*) И теперь въ исходѣ 1861 г. я не могу безъ боли сердца вспомнить этого бѣднаго, хоть и гордо державшаго свою голову человѣка.

на площади: хотѣлось послушать кремлевскій звонъ, но и тутъ не дождался и, соскучившись ждать, уѣхалъ въ митрополичій домъ.

Филаретъ у себя дома.

Жалѣю, что тогда же не записалъ я всѣхъ впечатлѣній этого достопамятнаго въ моей жизни дня,—этого приснопамятнаго для меня свиданія съ великимъ, по моему собственному убѣжденію, человѣкомъ.

Дворъ митрополичьяго московскаго дома не великолѣпенъ, бросается въ глаза неправильностью расположенія и чѣмъ-то въ родѣ конюшенъ или службъ; самый подъѣздъ къ митрополичьему дому приставленъ съ боку, съ угла не особенно красиво. Подъѣздная лѣстница не крашенная, помнится. Прихожая поражаетъ своею простотою. Когда я пришелъ, никого еще не было; но нѣсколько минутъ спустя пришли какія-то богомолки и привели съ собою кликушу въ ожиданіи, конечно, чуда; одна изъ этихъ богомолокъ видѣла меня когда-то въ Ригѣ. Изъ прихожей послушникъ-старецъ, манеръ нѣсколько грубоватыхъ, авторитетныхъ, привыкшій видѣть въ своей прихожей авторитеты повыше моего, ввелъ меня въ пріемную, вѣроятно, просительскую: тутъ со всѣхъ стѣнъ глянули на меня лики святыхъ, отъ времени и по вкусу живописи мрачные, изъ разныхъ большею частію поблекшихъ золоченныхъ рамъ; тутъ полы были некрашеные, мебель старая, почернѣвшая. Думаю себѣ: „вотъ оно что, вотъ святительская апостольская простота, вотъ урокъ нашему джентлеменству, вотъ тонъ, задаваемый человѣкомъ, котораго Русь привыкла считать своимъ первосвятителемъ, хорошъ ли же онъ?... Это вопросъ времени, мѣста, обстоятельства“... Такъ я размышлялъ самъ съ собою. Но гляжу дальше въ слѣдующую палату сквозь отворенную дверь: нѣтъ, тамъ не то,—полы паркетные, обои, расписанные потолки, мебель аристократическая, стѣны въ картинахъ, картины въ блестящихъ раззолоченныхъ рамахъ. Думаю себѣ: „а! разсчетъ... сюда, гдѣ я, всякаго принимаютъ, а туда высшихъ избранныхъ, понимающихъ дѣло: тамъ не хотятъ оскорблять вкусъ, утонченный развитымъ бытомъ, здѣсь не хотятъ соблазнять суровую, невѣжественную, одну смиренно, а другую спѣсиво благочестивую простоту“. Дожидаться пришлось мнѣ долго. Старецъ-послушникъ степенно удостоилъ меня разспросами; кто я и что я, и за чѣмъ я. Не знаю, какъ подѣйствовали на него мои не смиренные отвѣты. Онъ все приглашалъ меня садиться; а я усталый отъ дороги, избитый, изло-

манный, съ раздраженными отъ безсонницы нервами, съ раскраснѣвшимся лицемъ, съ больною головою, сѣсть отказался столько же разъ, сколько разъ меня къ тому приглашали. Наконецъ, какіе-то признаки опытному слуху келейниковъ сказали, что пріѣздъ владыки приближается. Меня опять вывели въ прихожую, и, указавъ мѣсто около самой двери, сказали: „стойте здѣсь“—конечно въ духѣ апостольской патріархальной простоты.

Вотъ раздаются вопли и стоны кликуши: это владыка проходитъ мимо нея по лѣстницѣ. Отворяются двери, входятъ бѣлый клобукъ, черная ряса, Андреевская лента. Я, какъ Моисей на горѣ Синаѣ, припалъ своимъ краснымъ лицемъ къ землѣ; слышу тихій спокойно-властный голосъ: „пожалуйте“, поднимая на ноги свое смиреніе, вижу задняя славы замѣчательнаго человѣка, удаляющагося отъ меня тихими, не немощными стопами; я пошелъ въ слѣдъ въ покои, въ которыхъ прежде я не былъ. Въ первомъ же покоѣ послѣ прихожей меня поразилъ святительскій аристократизмъ его: картины, особенно двѣ, прямо противъ входа, невиданнаго мною стиля, своимъ глубокимъ сіяніемъ, чуднымъ смѣшеніемъ свѣта и мглы, поражающія зрѣніе,—окраска стѣнъ, помнится, голубая,—аристократическій безпорядокъ въ расположеніи мебели. Митрополитъ проходитъ одинъ покой, вступаетъ въ другой, мнѣ показалось, гостинную; я за нимъ. Тутъ онъ останавливается. Я приникъ къ его стопамъ, взялъ благословеніе, передалъ доземное поклоненіе сіятельнаго Оберъ-Прокурора и глубокое почитаніе превосходительнаго Константина Степановича и вручилъ два пакета довѣренныхъ мнѣ бумагъ. Митрополитъ сѣлъ.

„Садитесь“.

Я поклонился и сѣлъ. Молчаніе. Митрополитъ вскрылъ одинъ пакетъ, письмо...

„Ну, что же? Я теперь не могу съ вами заняться... Гдѣ вы остановились“?.

„Въ гостинницѣ, ваше высокопреосвященство“.

„Будто это необходимо“?

„Я здѣсь никого не знаю и не смѣю никого утруждать своею личностію“.

„Вы бы остановились въ семинаріи... у о. ректора“.

Я молчу.

„Когда вы намѣрены уѣхать“?

„Когда прикажете, ваше высокопреосвященство“.

„Гмъ, прикажете... Какъ располагаетесь вы сами“?

„Поклонюсь святымъ Угодникамъ и въ возможной скорости уѣду“.

„Гмъ... Здѣсь въ Москвѣ такъ много нашей святыни, древностей... Вотъ что сдѣлайте: побывайте у меня сегодня въ шесть часовъ... Вы рѣшительно не намѣрены оставить гостинницу?“

„Я нижайшій послушникъ вашего высокопреосвященства“.

„Вы обратились-бы къ о. ректору семинаріи, или даже можете поселиться въ моихъ покояхъ въ Чудовомъ монастырѣ“.

Я молчу.

„Не согласны“?

„Воля вашего высокопреосвященства будетъ исполнена“.

„Теперь съ Богомъ“.

Я доземно поклонился и уѣхалъ въ семинарію.

Прихожу въ квартиру ректора, — нѣтъ дома. При руководствѣ помощника инспектора брожу по семинаріи: нѣтъ, не особенно хороша, хуже держится, чѣмъ семинарія Петербургская. Иду къ инспектору, — нѣтъ дома, или спитъ, или что-то въ этомъ родѣ. Что тутъ дѣлать, — какъ же перемѣнить послѣ этого квартиру въ гостинницѣ на пребываніе въ семинаріи? Думаю себѣ: „вотъ эти старинныя правила, какъ они стѣснительны! Изволь навязываться на гостепріимство къ людямъ солиднымъ, которые меня не знаютъ и знать, безъ сомнѣнія, не желаютъ“. Иду къ одному профессору-священнику, моему товарищу по академическому воспитанію. У него прождалъ прибытія ректора до 6 часовъ и, не дождавшись, поѣхалъ въ 6 час. ко владыкѣ митрополиту.

Вхожу. Доложили. „Пожалуйте“. Владыка выходитъ въ полуряскѣ, въ кругленькой скуфьѣ съ крестикомъ. Я доземно поклонился и взялъ благословеніе.

„Садитесь“.

Меня приглашали ко владыкѣ, конечно, для наставленій. Но владыка пошелъ стороною. Началъ вопросами о Ригѣ, о Церкви, о семинаріи. Я началъ повѣствовать. Что и какъ я говорилъ, буквально повторить не могу. Но говорилъ, что сотни разъ слышалъ отъ Рижскаго высокопреосвященнаго, отъ рижскихъ старожиловъ, что видѣлъ собственными глазами... На такіе же мои очерки личности его высокопреосвященства, какіе имѣлъ я счастье дѣлать предъ Василіемъ Борисычемъ, владыка митрополитъ отвѣчалъ молчаніемъ. Въ продолженіи трехчасовой бесѣды у владыки митрополита нашлись для глубокочтимой мною особы архіепископа Платона только слѣдующія шесть словъ:

„значитъ вашему преосвященному тамъ весьма трудно“... Я заключилъ, что онъ не переполненъ сочувствіемъ *къ его высокопреосвященству*... Впрочемъ, коснувшись примѣрно-двадцати человѣкъ, онъ удостоилъ сказать доброе слово только *о губернаторѣ Саратовскомъ—Игнатьевѣ*: „хорошій человѣкъ“ *). *О преосвященномъ архіепископѣ Филаретѣ* выразился, что онъ велъ дѣла въ Ригѣ неосторожно и откровенно разсказалъ случай, какъ преосвященный Филаретъ по какому-то неудовольствію на князя Суворова написалъ письмо къ графу Протасову, въ письмѣ употребилъ выраженія не взвѣшенныя, напримѣръ: „это мнѣ не къ лицу“,—выраженіе болѣе приличное дамѣ.. Письмо, положимъ. Но вѣдь оно отправлено было къ Оберъ-Прокурору. Графъ этимъ воспользовался и представилъ письмо покойному Государю. Государь и говоритъ графу: „отправьте письмо къ митрополиту Московскому, пусть сдѣлаетъ ему внушеніе“.

Духовной Бесѣдѣ досталось. Владыка все добивался отъ меня отвѣта, раза три возвращался къ вопросамъ, какъ я думаю о статьяхъ Духовной Бесѣды, въ родѣ разговора священника съ портнымъ. Во всѣ три раза я уклонился отъ отвѣта, давъ понять въ третій разъ, что статьи эти принадлежатъ митрополиту Григорію. Тогда митрополитъ высказался самъ: „да... я не думаю, чтобы онѣ были полезны... я думаю, что надъ ними больше будутъ смѣяться... Было время, когда люди кланялись идоламъ—истуканамъ... Послѣ монархи часто были идолами... Теперь мы начинаемъ кланяться послѣднему идолу—народу, популярности... То, что сказано въ Апокалипсисѣ—Ангелу седьмой Церкви, ясно падаетъ на наше время... Не доставало того, чтобы мы—духовные стали поддѣлываться къ народу и заговорили площаднымъ его языкомъ“. Я вижу по газетамъ, что на эту тему недавно владыка Московскій сказалъ глубокомысленную проповѣдь.

„Замѣчательныя извѣстія“... Что за замѣчательныя извѣстія!... И пишутъ цѣлую страницу о томъ, что одного ректора перевели на мѣсто другаго, о чемъ нужно было-бы сказать въ двухъ словахъ... Преосвященный Григорій основалъ этотъ журналъ будто бы для того, чтобы печатать въ немъ свои проповѣди“...

Досталось и *запискамъ о Римской Церкви Авдія Востокова*. „Вы читали эти записки“?

„Только видѣлъ, ваше высокопреосвященство, а прочитать не успѣлъ“.

---

*) 1861 г., сентября 30-го. И совершенно ошибся.

(*Прим. автора*).

„Какъ ихъ понимаютъ въ Петербургѣ?“

„Я слышалъ, будто бы нѣсколько страницъ велѣно перепечатать“.

„Этого и слѣдовало ожидать“.

Я слышалъ, говорю я, будто католическій митрополитъ Жилинскій пріѣзжалъ ко владыкѣ митрополиту Григорію жаловаться на эти записки, что „молъ мы противъ васъ ничего не пишемъ и не можемъ писать, зачѣмъ же вы оскорбляете насъ?“ Владыка Григорій однакоже отвѣчалъ на жалобу отказомъ, хотя и велѣно было перепечатать нѣсколько страницъ.

„Да“, продолжаетъ владыка, „мнѣ прислалъ эти записки издатель... Читаю... Между прочимъ тамъ описывается избраніе папы... Описывается такъ, что изъ этого описанія слѣдуетъ одно, что всѣ папы были мошенники, что ихъ избраніе всегда производилось мошеннически и теперь всѣ мѣры приспособлены къ тому, чтобы кардиналы не могли смошенничать... Это пусть“... Замѣтно было по тону, что владыка такихъ разоблаченій хоть бы себѣ и на счетъ другой церкви не одобряетъ, но слово неодобренія не сорвалось съ его языка.—Далѣе: „но дальше описывается избраніе православныхъ епископовъ... И говорится, вотъ церковь избираетъ трехъ кандидатовъ, выборъ одного изъ нихъ предоставляетъ государю; церковь вѣруетъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, слѣдовательно православныхъ епископовъ избираетъ въ лицѣ государя самъ Богъ... Но вотъ оборотная сторона: церковь восточная константинопольская, положимъ синодъ, — избираетъ кандидатовъ, представляетъ выборъ изъ нихъ одного султану, — церковь вѣруетъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, слѣдовательно выборъ султанскій есть избраніе Божественное... Тогда какъ наше православное, особенно русское избраніе епископовъ защитить весьма легко... Первый примѣръ такого избранія мы видимъ въ книгѣ Дѣяній... Апостолы избираютъ двухъ кандидатовъ... У насъ точно такъ и было: два кандидата избирались... Это графъ Протасовъ, насъ не спросившись, измѣнилъ этотъ порядокъ... Молятся Богу и Ему Самому предоставляютъ выборъ одного изъ двухъ.. Бросаютъ жребій: жребій указываетъ избранника Божія... Кандидатовъ мы представляемъ государю... Государь указываетъ жребій избранника... А покойный Александръ Павловичъ дѣйствительно бросалъ большею частію жребій... И узнаютъ тамъ, на Западѣ, хоть бы напримѣръ тотъ же ксендзъ Гагаринъ, кто этотъ Авдій Востоковъ, и скажутъ, вотъ какъ сознается русскій архіепископъ, вотъ какъ вѣритъ русская церковь... Какъ это нашимъ не

понять до сихъ поръ, что съ этими въ богословской полемикѣ бойцами, болѣе насъ опытными, мы должны бороться съ осторожностью"!. По всему видно было, что владыка жалѣетъ о выходѣ въ свѣтъ этой книги. О моемъ разборѣ римскаго ученія о главенствѣ замѣчено было только: „Вы писали также противъ римской церкви"?

„Я имѣлъ честь представить вашему высокопреосвященству экземпляръ".

„Помню".

Досталось бѣднымъ *Карпову и протоіерею Райковскому*... „Этому Райковскому слѣдовало бы употребить всѣ усилія, чтобы всѣ забыли объ его университетской службѣ. А онъ объ этомъ напоминаетъ самъ и напоминаетъ такъ несчастно... изданіемъ въ свѣтъ своей логики... Карповъ — самоучка въ философіи... Онъ въ ней никогда ничего ясно не понималъ... Каковъ онъ какъ профессоръ"?

— „Мы его не понимали; студенты давно перестали ему сочувствовать; было время, когда студенты его цѣнили, но теперь онъ устарѣлъ".

„Какъ это до сихъ поръ не удалятъ"?

— „Старикъ, ветеранъ, авторитетъ; жалость, уваженіе къ многолѣтней службѣ".

„Его можно было бы устроить иначе... Обезпечить... Жалѣютъ одного, а не думаютъ о пользѣ многихъ... Какъ понималъ его преосвященный Макарій"?

— „Кажется, не особенно цѣнилъ, даже тяготился имъ".

„Отчего не уволилъ его,—силы не имѣлъ"?

— „Нѣтъ, имя преосвященнаго Макарія было громко и рука крѣпка".

„Какъ вы находите нынѣшняго ректора петербургской академіи".

Я сказалъ, какъ находятъ его другіе.

„Да... Онъ у меня былъ проѣздомъ... Я разспрашивалъ его.. Востокъ онъ знаетъ... Но когда я спросилъ его касательно его видовъ какъ ректора Академіи, онъ не сказалъ мнѣ ничего"...

Новаго инспектора Академіи владыка митрополитъ коснулся слегка, мимоходомъ, какъ человѣка мало замѣтнаго...

„Что жъ вамъ сказали, когда сюда отправляли"?!

— „Владыка митрополитъ Григорій говорилъ: берегите воспитанниковъ, чтобы они не замѣчались въ грубыхъ шалостяхъ, въ пьянствѣ... Католики все подмѣчаютъ и пишутъ своей братіи на западъ, а тамъ печатаютъ въ газетахъ, и расходится это по всему свѣту".

„Да", замѣчаетъ на это владыка митрополитъ Московскій, „мо-

имъ мнѣніемъ всегда было лучше однимъ, двумя воспитанниками вдругъ-же пожертвовать, чѣмъ заражать общій духъ и безславить имя заведенія... Еще"?

— „Сказали, чтобы я не чуждался общенія съ католиками, чтобы безъ самаго основательнаго повода не уклонялся отъ близости съ ними".

„Да... но"..., замѣчательная, по филаретовски выраженная мысль,— „чѣмъ больше вы будете сближаться съ ними, тѣмъ больше будете чувствовать, что между вами есть преграда".

—„Въ Петербургѣ, замѣчаю я, наши безпокоятся тѣмъ, что католическая епископская каѳедра допущена внутрь Россіи".

„Да... это дѣло новаго конкордата. Когда покойный государь Николай I-й былъ въ Римѣ, онъ сдѣлалъ обѣщанія. Послѣ того туда отправленъ былъ Димитрій Николаевичъ Блудовъ. Онъ поусердствовалъ въ пользу папы: превзошелъ въ уступкахъ и обѣщанія государя, и преступилъ даже свою инструкцію. Я узналъ объ этомъ случайно и писалъ въ Петербургъ. При покойномъ государѣ дѣло ежегодно оттягивалось, и въ министерскомъ отчетѣ значилось не конченнымъ. Но нынѣ-царствующій государь остановился на мысли, что „дано честное слово, надо его исполнить". Потому-то, между прочимъ, и открыта въ Саратовѣ католическая епископская каѳедра".

Зашла какъ-то рѣчь о покойномъ католическомъ митрополитѣ Головинскомъ; владыка митрополитъ сказалъ: „Головинскій былъ созданіе нашего правительства. Думали, онъ въ католическомъ мірѣ произведетъ нѣчто подобное тому, что произошло въ мірѣ уніатскомъ... И онъ самъ отвѣчалъ такимъ видамъ..., пока былъ малъ, ласкался около насъ; и въ Москвѣ тутъ былъ, осматривалъ нашу святыню, церковныя древности... А послѣ, какъ сдѣлался митрополитомъ, тутъ-то наши и увидѣли... И только Господь не далъ ему пожить, а то что бы вышло, Богъ знаетъ".

Я высказалъ мысль, что не безполезно было бы завести при нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ или при монастыряхъ нѣчто въ родѣ открытыхъ классовъ и публичныхъ лекцій по Богословію, по священному писанію, что и желаніе есть и слушатели нашлись бы.

„Не думаю", замѣтилъ на это владыка, „чтобъ это всѣ похвалили... Лучше чаще говорить поученія въ церкви".

Во время трехъ-часоваго сидѣнья одинъ разъ, когда рѣчь было нѣсколько замялась, я поспѣшилъ подняться вопросительно, что молъ не пора ли мнѣ убраться.

„Нѣтъ,—посидите, посидите“, сказалъ владыка, „куда вы спѣшите“?

Я удостоился чести пить съ владыкою чай: онъ выпилъ двѣ чашки; я—одну, показывая, что цѣню эту честь,— понимаю смыслъ этой церемоніи. Мнѣ показалось, что владыка былъ ко мнѣ, ласково или не ласково,—не знаю, но очень внимателенъ, все вывѣдывалъ мои мысли: „какъ вы объ этомъ думаете, какъ вы это понимаете“.

Въ девять часовъ онъ поднялся, я опустился къ его ногамъ, взялъ благословеніе, получилъ напутственное благожеланіе и поклонъ своему саратовскому владыкѣ. Такъ кончилось это замѣчательное для меня въ моей жизни свиданіе.

Я давалъ себѣ въ душѣ обѣтъ, что если владыка митрополитъ станетъ меня посылать въ Сергіеву лавру, поѣду, хоть это и было не совсѣмъ согласно съ обстоятельствами и моими видами. Холодъ страшный; зима. Дилижансъ теперь туда не ходилъ. Надо нанимать вольныхъ лошадей. Хлопоты, издержки. Туда пріѣдешь, тамъ гдѣ приклонить голову? Но владыка на этотъ счетъ не сдѣлалъ ни намека. Я рѣшилъ на завтра же удариться изъ Москвы, поклонившись только св. Угодникамъ московскимъ и не сдѣлавъ больше ни одного визита нашимъ духовнымъ московскимъ боярамъ.

Отъѣздъ изъ Москвы.

Забылъ я записать, что по порученію графа А. П. Толстаго я въ этотъ же день часовъ около трехъ или двухъ заѣзжалъ къ супругѣ графа, не засталъ дома, отдалъ человѣку врученный мнѣ для врученія графинѣ пакетъ, росписался на лоскуткѣ бумаги, на предложеніе лакея: „пожалуйте въ другое время“, отвѣтилъ: „если судитъ Богъ“, и больше къ графинѣ не заѣзжалъ.

Отъ владыки митрополита поѣхалъ я опять къ своему товарищу священнику; съ нимъ же вмѣстѣ отправился въ свою гостинницу почивать. Вотъ тутъ то я опытно и убѣдился, что нашему брату дѣйствительно не красиво останавливаться въ гостинницахъ: днемъ все благовидно, благочинно; а ночью мы съ товарищемъ почувствовали, что по корридорамъ начали попархивать бабочки, и не далѣе, какъ въ сосѣднемъ съ нами номерѣ, гдѣ стояли офицеръ и два юнкера, имѣли съ ними какія-то безсловесныя или малословесныя конференціи.

По утру я осмотрѣлъ предложенный мнѣ закрытый со всѣхъ сторонъ дорожный экипажъ на желѣзныхъ полозьяхъ, и безъ торгу купилъ его за 10 р. сер., вмѣстѣ съ товарищемъ священникомъ, кото-

рый и почивалъ со мною въ гостинницѣ, съѣздилъ въ Кремль поклониться св. Угодникамъ и Иверской Пречистой Дѣвѣ; купилъ себѣ тулупъ, овчинное одѣяло для ногъ и рукавицы; на пути отъ Кремля въ семинарію чуть не отморозилъ себѣ ноги; перекусивши у товарища-священника въ семинаріи, вмѣстѣ съ нимъ отправился на почтовый дворъ за лошадьми и затѣмъ въ гостинницу; расплатился здѣсь со всѣми и за все по барски и сопровождаемый низкими поклонами и усерднѣйшими, купленными моею щедростью и ласками, благожеланіями гостинничной прислуги тронулся изъ Москвы въ Рязань въ два часа по-полудни въ понедѣльникъ второй недѣли поста. Священникъ-товарищъ провожалъ меня за заставу.

Святая Русь.

Тутъ-то я очутился лицомъ къ лицу съ русскою природою: съ низкопоклонною дерзостью ямщиковъ, съ прескверными станціями, съ крайне-разбитою дорогою такъ, что меня безпрерывно перебрасывало съ боку на бокъ; съ пустынными, за Рязанью — даже съ степными видами, съ безлѣсною печально-однообразною гладью, съ безтрубными обложенными навозомъ избенками, съ сильными холодами такъ, что я, закутанный въ нѣсколько шубъ, промерзалъ до внутренностей и въ добавокъ, съ великимъ постомъ. Я два раза въ сутки останавливался, разъ для удовлетворенія голода, другой для сна: въ полчаса я старался проглотить два-три стакана чаю и съѣсть ломоть запасенной изъ Москвы булки съ икрою, которую долженъ былъ ѣсть тайкомъ, чтобы не соблазнить русскихъ велико-постниковъ, потомъ спѣшилъ въ свою будку и скакалъ, по мѣрѣ лѣности ямщиковъ и ихъ лошадей, впередъ, при чемъ отъ постояннаго трясенья мой желудокъ въ видѣ отрыжки или легкой рвоты выбрасывалъ вонъ все съѣденное или выпитое; другой разъ обыкновенно въ глубокую ночь часа на два-три, не болѣе, останавливался я, чтобъ соснуть, или лучше — изъ опасенія ввѣрить себя ночью честности русскаго люда. Подъ конецъ дороги я пришелъ къ убѣжденію, что если-бы судьбѣ угодно было бросить меня примѣрно въ Иркутскъ, я не доѣхалъ бы, — умеръ бы на дорогѣ отъ голода и безсонницы. У меня была въ головѣ одна мысль, одно желаніе — ѣхать, ѣхать и ѣхать; во всемъ организмѣ — господствующее ощущеніе, что я промерзалъ насквозь отъ холода внѣшняго, отъ недостатка внутренней, животной теплоты.

Рязань. Деликатность Рязанскаго семинариста.

Пріѣзжаю въ Рязань. Наскоро, сколько это возможно было, въ грязной гостинницѣ безъ надлежащей прислуги, умываюсь, одѣваюсь и ѣду къ преосвященному архіепископу. Это было около часа по-полудни. „Спитъ... Пожалуйте въ шесть часовъ“. Ѣду въ семинарію. „Вотъ“, говоритъ мнѣ мой нанятой возница, „маленькая семинарія“, т. е. училище.

„Вези меня въ маленькую семинарію“.

Зданіе хорошее; но бѣдность, но нищета, замерзшая моча, калъ рисуются въ корридорахъ. Ѣду въ семинарію. Отличное великолѣпное зданіе; зала, какой въ нашихъ заведеніяхъ лучше я не видалъ. Но тутъ эпизодъ. Прошу позволенія воротиться нѣсколько назадъ. Въ Петербургѣ, съ Иваномъ Семеновичемъ Гаевскимъ разсуждали мы о невѣжливости нашихъ духовныхъ воспитанниковъ. Въ Петербургѣ, въ Академіи я самъ имѣлъ опытъ такой невѣжливости: прихожу я въ академическую баню въ такую пору, когда тамъ было много студентовъ, прошу студентовъ не стѣсняться моимъ присутствіемъ; а чтобъ они, дѣйствительно, не стѣснялись, начинаю разговоръ; конечно они меня поддерживали изъ застѣнчивости мало; но я былъ въ ударѣ и безъ умолку проболталъ часовъ около двухъ, студенты меня слушали и хохотали; выходя изъ бани, въ тонѣ шутки, котораго держался я во всемъ разговорѣ, я на прощанье говорю: итакъ, г.г., выходитъ, я полтора часа васъ занималъ“. Что же мои студенты?

„Ничего, ничего“, кричатъ мнѣ въ слѣдъ, т. е., я объяснилъ себѣ ихъ фразу,—мы великодушно васъ слушали, прощаемъ, не бойтесь.

Еще: поднимаясь одинъ разъ въ средній этажъ Петербургской семинаріи, я остановился около одной группы воспитанниковъ, чтобы посмотрѣть на нихъ поближе. Что же они? Зафыркали и побѣжали отъ меня на верхъ. Такимъ-то образомъ, въ такихъ мысляхъ о деликатности нашихъ воспитанниковъ, вхожу въ зданіе Рязанской семинаріи. Швейцара нѣтъ, и никого въ длинномъ корридорѣ нѣтъ. Вижу невдалекѣ отъ меня черезъ корридоръ мелькаетъ изъ одной двери въ другую противоположную какая-то фигура,—мнѣ показалось, въ чемъ я и не ошибся, фигура воспитанника. Я вопію въ слѣдъ ему: „скажите, пожалуйста, куда пройти къ о. ректору“? Вопль мой былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Иду въ дверь, въ которую скрылся воспитанникъ: большая комната, наполненная пестро-одѣтыми бурсаками.

Я былъ въ очкахъ. Отъ быстраго перехода съ холода къ теплу они отпотѣли; надо было ихъ вытереть. Пока я дѣлалъ это дѣло, изъ дальней комнаты величественно подходитъ ко мнѣ особа въ распахнутомъ халатѣ, въ прочемъ исподнемъ костюмѣ, —съ претензіями, съ бѣлокурыми, недурными, величественно взбитыми волосами, становится передъ моимъ носомъ никакъ не далѣе аршина — ближе, становится полубокомъ, торжественно отставивъ одну ногу впередъ, и величественно перекинувъ свой взоръ черезъ свое плечо, смотритъ мнѣ прямо въ глаза и улыбается. И я смотрю на него и улыбаюсь. Молчаніе. „Ну, послушайте“, говорю я наконецъ, „вы видите предъ собою монаха, священника и принимаете въ отношеніи ко мнѣ такую позу,—прилично-ль это?“ Мой кавалеръ изволилъ прогнѣваться. Надувшись, проговорилъ онъ скороговоркою: „я не знаю кто вы; вы не знаете кто я; все равно“ и, махнувъ рукою на разстояніи пол-аршина отъ моего носа, удалился. Отсюда воспитанники,—были столько добры,—указали мнѣ дорогу къ ректорской квартирѣ. Въ продолженіи четырехъ-пяти часоваго ожиданія, пока проснется владыка архіепископъ, я имѣлъ достаточно времени и осмотрѣть семинарію, и сдѣлать визитъ о. инспектору, который въ то же время есть и каѳедральный протоіерей, и наскучить скороговоркою, болтовнею новаго Рязанскаго ректора, архимандрита Макарія, извѣстнаго сочинителя многихъ сочиненій по части церковныхъ русскихъ древностей. Въ шесть часовъ пріѣзжаемъ мы къ архіепископу *): „спитъ“. Что тутъ дѣлать? И пришлось намъ ждать въ его пріемной его пробужденія около часа времени, такъ что я отсюда уже хотѣлъ уѣхать, не дождавшись выхода его высокопреосвященства. Удержалъ меня ректоръ. За то, когда владыка, наконецъ, вышелъ, я просидѣлъ не болѣе четверти часа, извинившись тѣмъ, что я спѣшу, что я ждалъ въ Рязани пять часовъ единственно въ надеждѣ получить благословеніе его высокопреосвященства, что я и поѣхалъ не по прямому тракту—не на Владиміръ, а на Рязань единственно за тѣмъ, чтобы имѣть на пути счастье увидѣть его высокопреосвященство, (онъ ласкалъ и отца моего и меня въ моемъ дѣтствѣ, будучи архіепископомъ Могилевскимъ, а я былъ тогда архіерейскимъ пѣвчимъ) и преосвященнаго Макарія Тамбовскаго, что наконецъ я вошелъ въ обязательство съ своимъ извозчикомъ, который въ гостинницѣ давно ждетъ моего возвращенія. Но это послѣднее обстоятельство составляетъ любопытную исторію.

*) Смарагдъ бывшій Могилевскій.
(Прим. автора).

Теперь прошу позволенія *повести рѣчь о Русской честности вообще и Рязанской въ частности.*

На послѣдней станціи предъ Рязанью, когда я садился въ свой экипажецъ, стоявшій здѣсь староста и толпа ямщиковъ докладываютъ мнѣ, что „молъ мы вамъ запрягали вольныхъ", что „ты молъ," обращаясь къ моему ямщику, „сослужи батюшкѣ и на водочку себѣ и намъ заслужи" и т. д., русскія прибаутки въ этомъ родѣ. Мой ямщикъ нижайше мнѣ кланяется. Я говорю: „вольныя, такъ вольныя, мнѣ все равно, лишь бы везли хорошо". Ѣдетъ мой ямщикъ хорошо. Отъѣхавъ версты двѣ, останавливается, слѣзаетъ съ облучка, снимаетъ шапку и съ униженнымъ ласкающимъ видомъ начинаетъ мнѣ докладывать, что „онъ—молъ за 33 версты живетъ далѣе за Рязанью", что „сюда на станцію привезъ кого-то такъ же, какъ везетъ теперь мою милость", что „молъ сдѣлай я ему Божескую милость—найми его до мѣста его жительства—за 33 версты за Рязань".

Я отвѣчаю, что „я въ немъ не имѣю нужды, имѣю казенную подорожную, могу и долженъ ѣхать по почтовому тракту, торговаться съ нимъ не хочу, не имѣя интереса въ сбереженіи какихъ-либо копѣекъ, его лошади устанутъ,—я долженъ на нѣсколько часовъ остановиться въ Рязани, онъ ждать не захочетъ" и т. д.

Онъ раболѣпно умоляетъ меня, что „это ему на руку, въ Рязани онъ покормитъ лошадей, да и дѣлишки кое-какія обдѣлаетъ, что извозъ ихъ промыселъ, что у нихъ цѣлыя волости этимъ промышляютъ, что они возятъ лучше почтовыхъ, что господа все съ ними ѣздятъ, что онъ меня упокоитъ, повезетъ по ухарски" и т. д.

На эту тему онъ болталъ всю дорогу. Наконецъ версты за двѣ передъ Рязанью опять слѣзаетъ съ облучка и опять начинаетъ пѣть предо мною Лазаря.

„Да чего тебѣ хочется?!

„Возьмите меня до туда-то.

„Да, я посмотрю въ Рязани".

„Нѣтъ въ Рязани другіе набѣгутъ и будутъ сбивать васъ.

„Ну, ладно, вотъ что: я въ Рязани пробуду часа два—три. Ты покормишь лошадей и повезешь меня изъ Рязани до первой почтовой станціи. Тамъ я посмотрю—устанутъ твои лошади, я тебя брошу и поѣду на почтовыхъ; не устанутъ, пожалуй, поѣду съ тобой до твоего села".

Онъ меня держалъ въ заблужденіи, что въ его селѣ есть почтовая станція, вторая отъ Рязани. На этомъ мы съ нимъ и покончили.

Онъ былъ радъ и униженно ухмылялся. А молодой человѣкъ, не болѣе 18—20 лѣтъ.

Потому-то, между прочимъ, спѣшилъ я изъ Рязани. Выѣзжали мы изъ Рязани, уже была ночь. Ѣдемъ. Везетъ добропорядочно. Когда я впервые освѣдомился, гдѣ мы ѣдемъ и сколько проѣхали: оказалось, что первую почтовую станцію мы проѣхали. Это ужъ не по условію; дурной знакъ, но я промолчалъ. Ѣхали, ѣхали; наконецъ, мой возница говоритъ, что пріѣхали.

„Хорошо, куда же мы пріѣхали“?

— „Домой“.

„Лошадей“!

— „Сейчасъ, сію минуту“.

Рѣчь держится на тему, что еще везти меня на вольныхъ 29 верстъ до какой-то станціи.

„Запрягайте, да поскорѣе“.

Сижу я въ своей будкѣ. Что-то нѣтъ лошадей.

„Да что же“? Я начинаю терять терпѣніе.

„Войдите, войдите“, говорятъ мнѣ. „Лошади въ разгонѣ“.

„Лошади въ разгонѣ! Да куда войти“?

— „Въ хату“.

Иду.

Далѣе *рѣчь* пойдетъ *о Русской чистотѣ*.

Отворяю первую дверь. Боже! Темнота совершенная. Подъ ногами стадо юненькихъ поросятъ. И запахъ — теплый, запахъ хлѣва и отхожаго мѣста. Ведутъ меня дальше. Отворяю другую дверь. Тутъ, при дымномъ свѣтѣ лучины разсмотрѣлъ я слѣдующую картину: изба сажени въ полторы квадратныхъ, со множествомъ лавокъ, прилавковъ, полатей; все это черно и усѣяно тараканами; на полу отъ стѣны до стѣны спятъ въ раскидную 18 человѣкъ—извозчиковъ; по лавкамъ, прилавкамъ и полатямъ многолюдная семья; въ углу, надъ каганцемъ привязанъ теленокъ; по людямъ бродятъ три овцы съ ягнятами; одна изъ нихъ при мнѣ сдѣлала мокрую операцію на голову спавшаго извозчика, тотъ, проснувшись, помянулъ ее словцомъ по русски: „ахъ, ты такая, сякая; никакъ она то-то сдѣлала“, какое тутъ — никакъ! дѣйствительно такъ. Запахъ надъ всѣмъ этимъ людско скотскимъ міромъ царилъ должный; или лучше запаху здѣсь не было никакого, чувство обонянія было подавлено тяжестью ощущеній. Вѣдь вся эта куча животныхъ существъ всѣми своими отверстіями дышала въ распояску, не стѣсняясь чувствами другихъ. Хорошо!

Сѣлъ я у самой двери, гдѣ, къ моему изумленію, помѣщены были и столъ и святые образа. „Объясните же мнѣ, Бога ради, въ чемъ дѣло". Я начиналъ понимать, что дѣло плохо, что я отдалъ себя во власть плутовъ, или лучше довѣрилъ себя православной русской вообще и Рязанской въ частности честности. Изъ объясненія, неохотно и отрывчато мнѣ предложеннаго, я къ изумленію своему понялъ, что я не на большой дорогѣ, что почтовой станціи тутъ нѣтъ, одна изъ нихъ осталась въ 9 верстахъ назади, а другая находится въ 11-ти верстахъ впереди; что въ семействѣ моего возницы лошадей нѣтъ, что на прежнихъ лошадяхъ, которыя были уже отпряжены и снова запрягались, меня хотятъ везти еще двѣ версты впередъ до какого-то ближайшаго села, что тамъ сдадутъ меня другому негодяю, а тотъ повезетъ меня такимъ же способомъ, уклоняя меня отъ большой дороги далѣе, и такъ насильственно передавая меня изъ рукъ на руки, хотятъ везти меня „до самаго Тамбова" и что въ заключеніе всего безпокоиться я не долженъ, что все это дѣлается и сдѣлается прекрасно, къ полному моему удовольствію. Когда хлопотавшіе члены семейства на минуту убрались изъ хаты, я случайно спросилъ одного изъ лежавшихъ на полу проснувшагося извозчика—того самаго, котораго своею неучтивостью побезпокоила овца: „сколько верстъ отсюда до Рязани", онъ мнѣ отвѣтилъ: 28; а мой возница сказалъ 33 версты и хочетъ брать съ меня прогоны за 33 версты; итакъ, думаю себѣ, они хотятъ обдирать меня во всю дорогу. Нѣтъ, думаю себѣ, во что бы то ни стало, надо вырваться изъ рукъ ихъ и выбраться на большую дорогу. Я обратился уже не къ возницѣ своему, а къ отцу его—старику съ слѣдующею жалобною рѣчью: „какъ—молъ не стыдно, онъ меня такъ упрашивалъ, условились мы съ нимъ такъ-то и такъ-то, а теперь куда онъ меня завезъ, пусть бы везъ меня далѣе безостановочно, а то вѣдь, наконецъ, у васъ лошадей нѣтъ; я человѣкъ казенный, я спѣшу; я Христомъ Богомъ прошу тебя, старикъ, какъ священникъ, какъ честнаго человѣка и христіанина, вели своему сыну отвезти меня на первую почтовую станцію", и далѣе въ этомъ родѣ, повторяя свою мольбу десятки разъ. Наконецъ, отнявши у меня времени около часу, пригласили меня садиться въ сани и повезли. Привезли; куда же? Въ то село, въ которое собирались и сдаютъ меня на руки другому мужику. Но вѣдь полночь, морозъ; все это дѣлается такъ мѣшкотно. Возница мой стучится въ избу; тамъ просыпаются неохотно; идутъ между ними совѣщанія; поятъ новыхъ лошадей, одѣваютъ ихъ въ сбрую; хотятъ

запрягать и везти меня дальше—насильно. Я достаточно имѣлъ времени передумать кой о чемъ и перечувствовать кой-что. На мои обращенія возница холоднымъ тономъ возражаетъ мнѣ: „чего вы, батюшка, шумите“?

„Послушай-же“, говорю я ему, „есть тутъ сотскій, или кто-либо“?

Я допытался, гдѣ изба старосты.

„Вези меня къ нему и знай, что ни съ тобою, ни съ твоимъ пріятелемъ изъ села я не поѣду... Не повезешь, благо мы въ селѣ: я буду кричать караулъ“.

Извозчикъ мой ухомъ не ведетъ и только поторапливаетъ своего пріятеля. Я разъ двадцать повторилъ ему свою угрозу и наконецъ привелъ ее въ исполненіе—сталъ кричать: караулъ. Тогда наконецъ (а кстати сегодня у насъ, когда я пишу эти строки еще начерно, 26-го мая, съ вечера завчерашняго дня я переваривaю глубокое огорченіе, но объ этомъ послѣ) мой возница нѣсколько смирился. „Чего вы шумите? Ну, пойдемъ къ старостѣ“.

Пошли, повозку нашу подтянули, достучались, вошли въ хижину. Тутъ я увидѣлъ ту-же русскую чистоту, хотя конечно по обстоятельствамъ не въ такихъ размѣрахъ подробностей какъ прежде, ту-же или еще большую черствость чувствъ. Только звономъ кошелька я размягчилъ не безъ труда эту черствость: убѣдилъ старосту за тройную плату довезти меня до почтовой станціи, щедро расплатившись и съ негодяемъ—прежнимъ моимъ извозчикомъ, убивъ на эти унизительные переговоры до трехъ часовъ времени, натерпѣвшись на открытомъ воздухѣ холода, въ избахъ нанюхавшись зловонія, перечувствовавъ тысячи опасеній... Сколько гадкаго въ русскомъ человѣкѣ!

Въ этомъ же родѣ другой *опытъ русской честности только болѣе комическій, чѣмъ трагическій имѣлъ я въ Тамбовской губерніи.*

Ямщику, везшему меня изъ Тамбова, я обѣщалъ полтинникъ на водку, если будетъ ѣхать хорошо. Къ моему изумленію ямщикъ, вѣроятно разсчитавъ, что я сплю, а выѣхалъ я изъ Тамбова къ ночи, ѣхалъ очень плохо. На слѣдующей станціи однакоже не приминулъ напомнить мнѣ о полтинникѣ. Вручаю ему двугривенный вмѣсто полтинника и замѣчаю: „ты очень плохо ѣхалъ“.

На это, къ моему огорченію, онъ возразилъ, что мои оглобли, особенно одна, совсѣмъ перетерлись, и съ минуты на минуту нужно ждать, онѣ лопнутъ.

Выяснивши себѣ обстоятельство, въ какомъ положеніи очутился бы я среди дороги между двумя станціями, особенно ночью, еслибъ у меня оглобля лопнула, я пришелъ въ крайнее безпокойство и, начиная съ этой станціи, на каждой сталъ освѣдомляться, не могутъ-ли мнѣ вставить новыя оглобли, предлагая щедрую плату. Но, о! или русская безпечность, или русская черствость! На нѣсколькихъ станціяхъ мнѣ отвѣчали: нѣтъ лишнихъ оглоблей! А я на русское авось — все подвигался впередъ. Даже въ городѣ Кирсановѣ, довольно большомъ и богатомъ, и тамъ даже оглоблей для меня не нашли, а сказали, что на слѣдующей станціи вставятъ. Ѣду. Такъ ѣхалъ я съ опасностью свернуть себѣ шею, засѣсть въ снѣгу на неопредѣленное время и поставить себя въ крайнее затрудненіе, цѣлую ночь и полдня, сдѣлавъ верстъ сто на подломленныхъ оглобляхъ. Пріѣзжаю на станцію, гдѣ я уже разсчиталъ найти для себя оглобли и первый вопросъ: „не могутъ-ли мнѣ здѣсь вставить оглобли? Я щедро заплачу“.

Мнѣ говорятъ: „отчего нельзя? Можно“.

„Вставляйте“.

Самъ я сталъ пить здѣсь чай, что составляло мой и обѣдъ и ужинъ и все въ этомъ родѣ.

Говорятъ мнѣ: „оглобли вставлены“.

„Хорошо, зовите мастера“.

Входитъ мастеръ—старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ.

„Вставилъ“?

— „Вставилъ“.

„Обѣ“?

— „Обѣ“.

„Что онѣ тебѣ стоятъ?“

„Да што?“ Мой старикъ задумался. Надо было видѣть его лицо, какъ это онъ пошлымъ образомъ закрылъ глаза, сталъ сосать свой языкъ, чавкать ртомъ и морщить лицо: очевидно, въ немъ въ нѣсколько минутъ совершилась великая борьба остатковъ честности съ сильной ратью корыстолюбія. „Да што? Сорокъ копѣекъ“, проговорилъ онъ съ усиліемъ, воображая конечно, что запросилъ съ меня баснословную цѣну.

„Серебромъ“? я спрашиваю.

— „Серебромъ“, отвѣчаетъ онъ.

„Хорошо, получишь“.

Онъ запросилъ, какъ я зналъ, освѣдомляясь о цѣнѣ оглоблей на многихъ станціяхъ, болѣе чѣмъ въ два-дорога. Разсчитываясь со старо-

стой за лошадей, я поручилъ ему отдать сорокъ копѣекъ мастеру, который вставилъ оглобли. Но этотъ черезъ нѣсколько минутъ входитъ и проситъ, чтобъ я ему собственноручно отдалъ деньги, что „де-староста ему не отдастъ“.

„Хорошо, есть ли у тебя сдача съ рубля“?

—„Есть“.

„Давай“.

Вытягиваетъ онъ мѣдныя деньги изъ кармана и отсчитываетъ сдачу. Я, протягивая ему, но не отдавая, рубль—ассигнацію, другою рукою пересчитываю сдачу. Онъ рубль изъ моихъ рукъ тащитъ, а въ сдачу однакожъ 10 коп. не додалъ.

„Нѣтъ, нѣтъ“, говорю я, „постой, давай еще 10 копѣекъ“.

Неохотно мой старикъ опять лѣзетъ въ карманъ и опять долго считаетъ добавку къ сдачѣ и наконецъ кладетъ ее на столъ.

„Ну на, ступай себѣ съ Богомъ“.

Ушелъ мой старикъ. Черезъ минуту опять входитъ: „прикажите-молъ отдать мнѣ старыя оглобли; ихъ взяли“.

„Возьми, возьми себѣ съ Богомъ“.

Старикъ, ушелъ. Что же? Считаю сдачу: всетаки злодѣй обсчиталъ на 5 копѣекъ. Сажусь въ экипажъ, не посмотрѣлъ, что тамъ такое сдѣлано съ моими оглоблями. Ѣду. Проѣхалъ станціи двѣ-три. Смерклось. Морозъ сильный. Совершенно пустынная степь; небо задергивается черносѣрыми тучами; поднимается пороша, предвѣстница мятели, вещи весьма опасной въ этихъ полосахъ. Отъ станціи отъѣхали мы три версты; впереди ихъ 25,—станція большая. Лошади запряжены были гужемъ, одна въ корень и двѣ впереди. Вдругъ мой извощикъ, сбившись съ дороги, хватилъ круто влѣво; моего слуха и сердца коснулось что-то непріятное; въ одно мгновеніе ямщикъ слетѣлъ съ облучка, схватилъ переднихъ лошадей за узды: „ну, ну, ну“, вывелъ на дорогу и сталъ, издавъ междометіе: „ахъ ты“...

„Что, братъ?“ вопію я въ предчувствіи бѣды.

—„Да, што? Оглобля лопнула“.

„Оглобля... Что-жъ мы станемъ дѣлать?“.

—„Да, што? Я и самъ не знаю“.

„Нельзя-ли перевязать?“

—„А нѣтъ-ли у васъ веревочки?“ спрашиваетъ онъ у меня.

„Какія у меня веревки“, отвѣчаю я, „нѣтъ ли у тебя? возжей лишнихъ что-ли? Я заплачу“.

—„Да, ничего нѣтъ“.

„Какъ же быть?“

—„Да, я и самъ не знаю“.

Пошаривши, однакожъ, около себя, онъ отвязалъ отъ чего-то какую-то веревочку и сталъ ею скрѣплять оглоблю. Я долженъ былъ вылѣзть изъ экипажа, чтобы держать лошадей. Смотрю на причину своего несчастія—на изломавшуюся оглоблю. Ахъ злодѣй! Ахъ безбожникъ! Вѣдь это моя московская оглобля! Одну перемѣнилъ пошлый старикъ, а другую такъ оставилъ; а я ему перемѣнить обѣ велѣлъ, и онъ говорилъ, что перемѣнилъ двѣ, и деньги взялъ за двѣ, и деньги относительно большія, и я отдалъ-бы ему втрое болѣе, только чтобы онъ не ставилъ меня въ бѣду, въ какую теперь поставилъ. Вязалъ, вязалъ мой ямщикъ, перезнобилъ руки, морозъ свирѣпый, сибирскій; а толку не выходитъ. Я сѣлъ въ кибитку; а ямщикъ сталъ похаживать около коней, да похлопывать рукавицами, точь-въ-точь въ „капитанской дочкѣ“ Пушкина... Но надежда! видитъ мой ямщикъ, кто-то подъѣзжаетъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ.

„Здорово, землякъ“!

—„Здорово“.

„Бѣда приключилась“.

—„Какая?“

„Оглобля сломалась. Нѣтъ-ли у тебя лишнихъ возжей?“

—„Нѣтъ“.

Это былъ татаринъ, солдатъ билетный, довольно чисто говорившій по русски, ѣхавшій верхомъ съ тройкою лошадей.

„Поищи, сдѣлай милость, помоги бѣдѣ, я щедро заплачу“, прошу я.

Отвязалъ онъ тамъ что-то около себя и давай вдвоемъ съ ямщикомъ завязывать мою оглоблю. Трудъ продолжительный и напрасный; трудники только руки переморозили.

„Съѣзди, сдѣлай милость, въ деревню, привези оглоблю“.

Долго мялся мой татаринъ—солдатъ; наконецъ далъ обѣщаніе, что привезетъ оглоблю. Мы съ ямщикомъ намекали ему, чтобъ онъ оставилъ съ нами двухъ своихъ лошадей, а на одной съѣздилъ въ деревню, надѣялись мы имѣть ихъ залогомъ. Не тутъ-то было. Ускакалъ татаринъ со всѣми лошадьми. А мы стоимъ. Только лошади пофыркиваютъ, да ямщикъ покрякиваетъ, да вѣтеръ завываетъ, да сухая пороша по снѣжной землѣ шипитъ. Ямщикъ сквозь полу-мракъ ночи,—съ неба задернутаго темно-сѣрою пеленою тучъ, проглядывалъ про-

свѣтъ полнолунія, при которомъ можно было кое-что различать,—просмотрѣлъ свои очи. Мое нетерпѣніе во многія минуты томительнаго ожиданія, изъ которыхъ каждая минута казалась часомъ, при нашей обстановкѣ, при неувѣренности, что татаринъ сдержитъ свое обѣщаніе, можно вообразить всякому. Такъ промучился я не менѣе часа времени.

„Что-то такое чернѣетъ по дорогѣ“, наконецъ объявляетъ ямщикъ... „Должно быть ѣдетъ... что-то шевелится... Ѣдетъ“.

Сдержалъ татаринъ слово; привезъ оглоблю славную, дубовую, привязали. Я напоилъ обоихъ имѣвшеюся у меня наливкою и татарину далъ рубль серебра съ вопросомъ: „довольно“?

— „Довольно“, отвѣчалъ онъ.

„Да сохранитъ тебя Аллахъ“.

Тутъ мнѣ невольно приходило въ голову, что этотъ магометанинъ поступилъ со мною, какъ въ притчѣ Спасителя милосердый самарянинъ, великодушнѣе православнаго русскаго человѣка.

....Въ дорогѣ я усталъ между прочимъ отъ одиночества и тоски. За нѣсколько станцій передъ Тамбовомъ, на одной изъ нихъ мнѣ предлагаютъ взять съ собою попутчика. „Попросите его пожаловать ко мнѣ“. Входитъ юненькій, лѣтъ 23—25, прекрасный, молодой человѣкъ. Оказалось, что это чиновникъ, два года служившій въ Петербургѣ въ Сенатѣ, воспитывавшійся въ училищѣ правовѣдѣнія, полякъ, сынъ виленскаго отставнаго профессора Университета, ѣхавшій теперь на службу въ Астрахань, образованный человѣкъ, съ деликатнымъ вкусомъ и сердцемъ. Совершенная находка для дороги въ моихъ обстоятельствахъ. Я говорю ему: „я хочу быть въ дорогѣ свободенъ. Если вы будете приплачивать за одну лошадь, это не составитъ для меня уважительнаго интереса, я денегъ имѣю достаточно. Но я соскучился. Если мы полюбимся другъ другу, я попрошу васъ ѣхать со мной всю дорогу, сколько можно. Не полюбимся,—на первой слѣдующей станціи разойдемся“. На этихъ милыхъ условіяхъ мы съ нимъ и поѣхали; оказалось у насъ много общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, много предметовъ для разговора, я пріободрился душою отъ пріятнаго общества и такъ доѣхали мы до Тамбова. Пріѣхали около трехъ часовъ утра. Тутъ же на станціи, въ гостинницѣ указали намъ номеръ съ постелями. Чтобъ заснуть хоть часа два—три, вызвать въ своей натурѣ способность спать, я выпилъ водки. . . . . .

. . . . . .

Часамъ къ 11-ти утра я явился къ *преосвященному Макарію*. Онъ принялъ меня прерадушно, распрашивалъ о петербургскихъ новостяхъ, угостилъ обѣдомъ, сдѣлалъ чрезъ меня преосвященному Іоанникію предложеніе завести для трехъ епархій Тамбовской, Саратовской и Воронежской провинціальный духовный журналъ,—предложеніе, которое преосвященный Іоанникій принялъ безъ вниманія и съ недовѣрчивостью къ цѣли изданія. Я однако-жъ едва могъ сидѣть у преосвященнаго Макарія: въ гостинницѣ я страшно угорѣлъ. За обѣдомъ ничего не ѣлъ: меня тошнило. Домъ у преосвященнаго Макарія имъ самимъ отдѣланъ со вкусомъ и удобствомъ. Преосвященный Макарій говоритъ, что онъ благоденствуетъ; дворяне его любятъ, въ великій постъ кушаетъ рыбу; въ здѣшнемъ краю—свобода. Часа въ два я съ своимъ бывшимъ наставникомъ и начальникомъ простился, казалось мнѣ, будто въ добрыхъ чувствахъ.

Тамбовская семинарія держится въ отличномъ видѣ. Ректоръ и инспекторъ архимандриты, люди по лѣтамъ и брадамъ почтенные. Далѣе, затащили меня къ себѣ профессоры семинаріи, одинъ товарищъ по Академіи, другой землякъ по Могилеву. Такъ я и пробылъ въ Тамбовѣ цѣлый день, съ ранняго утра, выѣхавъ изъ этого города только къ вечеру. Городовъ ни Рязани, ни Тамбова не описываю: богаче нашей Риги просторомъ и гораздо бѣднѣе зданіями. Семинаріи Рязанская и Тамбовская, особенно послѣдняя, держатся такъ удовлетворительно, что я не безъ тайной печали опасался имѣть мало дѣла въ Саратовѣ. Хорошо.

Послѣдній переѣздъ отъ Пензы до Саратова.

Подъѣзжая къ Пензѣ я уже горѣлъ отъ нетерпѣнія поскорѣе добраться до Саратова. Я былъ почти, да какое-почти! дѣйствительно былъ боленъ отъ перетряски, отъ холода, безсонницы и голода. Никакіе покровы меня не согрѣвали. Я уже начиналъ бредить наяву отъ безсонницы. Ѣдемъ. На послѣдней станціи предъ Пензою мнѣ открылась возможность сократить путь на одну станцію, если не заѣзжать въ Пензу; конечно я объѣхалъ Пензу. Былъ полдень субботы на второй недѣлѣ поста. Объѣхавъ Пензу, я на первой станціи напился чаю, кое-что перекусилъ, и всѣ свои запасы, чай, сахаръ, икру, бутылку наливки подарилъ смотрителю станціи, рѣшившись до Саратова не останавливаться. — „Эй! ямщикъ, 25 копѣекъ на водку, если будешь ѣхать хорошо“, сказалъ я, садясь здѣсь въ свои сани. „Слушаю-съ“.

И покатили. Дорога прескверная, изрытая выбоями. Буквально, безъ преувеличенія: лошади скачутъ, на выбоѣ насъ броситъ на бокъ, возокъ держится на одномъ полозѣ и крылѣ, а мы скачемъ. „Эй, староста 15 копѣекъ на водку, лошадей сію минуту! Эй, ямщикъ, поскорѣе, 30 копѣекъ на водку“, кричу я на слѣдующей станціи. Такъ прибавлялъ я на каждой станціи по пяти копѣекъ до самаго Саратова. И ѣхалъ сколько было возможно быстро. На одномъ перегонѣ у несчастной моей оглобли порвалась перевязь: перевязали кое-какъ и поскакали впередъ. На послѣдней станціи, а станціи такія большія, 25—28 верстъ, пришлось мнѣ кричать: „эй, 60 к. на водку“. И на этомъ послѣднемъ перегонѣ, надо сказать, что отъ Рязани до двухъ послѣднихъ станцій предъ Саратовомъ дорога идетъ ровная безъ горъ, а предъ Саратовомъ дѣлается очень гористою, скакали съ одной горы, обернулись по обычаю, ямщикъ слетѣлъ съ облучка и нѣсколько саженей проѣхалъ на собственной своей спинѣ, потомъ, не останавливая лошадей, кое-какъ успѣлъ взобраться на облучекъ и поскакалъ далѣе. Я весь былъ болѣзненное нетерпѣніе.

Въѣздъ въ Саратовъ.

Былъ уже разсвѣтъ воскресенья второй недѣли поста. Утро сѣренькое. Вотъ, наконецъ, ямщикъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „нѣтъ-ли у васъ, батюшка, чего хмѣльного“?

— „Нѣтъ, а что“?

„Будутъ сейчасъ осматривать“.

Проѣзжаетъ еще нѣсколько саженей. Останавливаютъ. Подходитъ къ моей будкѣ солдатъ-досмотрщикъ.

„У васъ священниковъ осматриваютъ?“

— „Да-съ“!

„И архимандритовъ осматриваютъ?“

— „Да-съ“!

„Осматривай“.

Ѣдемъ. Еще на послѣдней станціи разспросивъ и узнавъ, что мой монастырь будетъ лежать около дороги, я приказалъ ямщику остановиться у монастыря. Вотъ ямщикъ останавливается и спрашиваетъ: „не угодно-ли взглянуть на монастырь?“ Вылѣзаю изъ своей будки: мы ѣдемъ въ лощинѣ, слѣва полоса горъ, справа полоса горъ, здѣсь справа на срединѣ взгорья монастырь, мѣстность живописная; соборъ великолѣпный, зданія монастырскія выстроены въ видѣ крыльевъ отъ собора, по плану не случайному, въ новомъ вкусѣ; впереди въ лощинѣ между двумя грядами горъ раскрывается уступами по хол-

мамъ обширный Саратовъ; усталость не позволяла мнѣ вглядѣться въ его видъ. Я перекрестился на свой монастырь; о чемъ-то молился тогда Богу, о чемъ не помню; сѣлъ и поѣхалъ въ Саратовъ. Было часовъ около 6 утра.

Семинарія.

Забылъ сказать. На первой станціи Саратовской губерніи я спросилъ, не проѣзжалъ-ли здѣсь изъ Саратова въ Петербургъ архимандритъ Сергій. Оказалось, что не проѣзжалъ. Тотъ же отвѣтъ давали мнѣ и на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ до послѣдней. Уже-ли же, думаю себѣ, онъ еще въ Саратовѣ? Вотъ будетъ затруднительно и его и особенно мое положеніе!

Въѣздъ въ Саратовъ не великолѣпенъ. Застава очень скромна. Но далѣе начали открываться зданія достойныя вниманія, особенно церкви, которыя замѣтно высились надъ всѣми украшеніями города. Мы перерѣзали по главной Саратовской улицѣ весь городъ. Семинарія стоитъ на противоположномъ концѣ отъ въѣзда, на берегу Волги, въ который главная улица упирается подъ прямымъ угломъ. Вотъ слѣва и моя церковь въ старинномъ русскомъ стилѣ, глубже влѣво великолѣпное зданіе съ колоннами, обширная площадь, рынокъ. Ямщикъ говоритъ: „здѣсь должна быть семинарія“.

„Спроси у кого-нибудь, куда ѣхать?“

Подзываетъ онъ какого-то здороваго дѣтину.

„Гдѣ семинарія?“, спрашиваю я.

„А вотъ поѣзжайте туда-то“, отвѣчаетъ тотъ; а куда — я не понялъ.

„Да ты кто такой?“

„Семинарскій служитель“.

„Садись на облучекъ и вези меня въ семинарію“.

Она тутъ и была, вправо отъ меня; но я, сидя въ будкѣ, которая открывалась слѣва, не могъ ее видѣть. Въѣзжаю боковыми воротами.

„Подъѣзжай къ квартирѣ эконома!“

Подъѣхали. Вылѣзаю. Смотрю. Какая-то неправильная громада зданій. Иду въ квартиру эконома. Прихожая; обширная комната вправо, убранная. Комната влѣво. Иду влѣво. Меня останавливаетъ какой-то мальчишка словами: „здѣсь гостинная. Ступайте сюда“, указывая на комнату вправо — залу. „Просторно живутъ,“ думаю себѣ.

„Экономъ семинаріи здѣсь?“

— „Они спятъ“.

„Потрудитесь ихъ разбудить. Только чтобъ меня“...

(утеряна рукопись).

Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго.

Теченіе этого вѣтра антихристіанскаго имѣло слѣдующія у насъ фазы.

Напрасно стали бы мы искать развитія идей невѣрія у насъ на Руси до Петра Великаго. До этого времени историческая жизнь Руси была собираніемъ Руси, собираніемъ, котораго внутреннею стягивающею силою была православная вѣра, а внѣшнею силою—едино и самодержавіе.

Со временъ *Петра I* началось другое — не распущеніе собраннаго, но... организація, усвоеніе полезнаго, выдѣленіе, изверженіе... Самъ Петръ смолоду воспитался въ стремленіяхъ противныхъ церковной и народной старинѣ, подъ преобладающимъ вліяніемъ людей sans foi, sans loi, sans patrie... Потомъ многіе годы путешествовалъ за границею, увлекаясь обнаруженіями заграничной, болѣе развитой, цивилизованной жизни... Не могло быть, чтобы всѣ эти вліянія не произвели нѣкотораго въ душѣ индифферентизма и къ отечественной вѣрѣ,— тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ бороться противъ религіозныхъ предубѣжденій русской старины... противъ мятежнаго духа старо-россійской вѣры... Идеи вѣры христіанской тогда еще были довольно тверды во всей Европѣ, — это были времена Людовика XIV (смерть Людовика XIV по современнымъ описаніямъ); Петръ Великій былъ слишкомъ политикъ, чтобъ увлечься въ попраніе отеческой вѣры. Но не спасся однакоже отъ обнаруженій своего индифферентизма, а въ веселой компаніи — и отъ насмѣшки надъ вѣрою... или, по крайней мѣрѣ, надъ ея обнаруженіями и представителями [1]). Взять во вниманіе его смѣлыя мѣры относительно уничтоженія патріаршества (дву-

[1]) „Вотъ вашъ патріархъ"; рѣзкія выраженія Регламента.

Примѣчаніе автора.

державія), — нарушенія постовъ, — введенія смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ инославными, — довольно распущенную жизнь, — всенародное посмѣяніе церковныхъ обычаевъ и обрядовъ, о чемъ по прежнимъ историческимъ руководствамъ (напримѣръ, Устрялова) мы имѣли только смутное представленіе. Но Семевскій открыто обнаружилъ это въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Петръ Великій, какъ юмористъ*“, — помѣщенной въ *Свѣточѣ* (1861 г. кн. IX). Разумѣется, что *при Петрѣ Великомъ* это невѣріе, не смѣвшее формулироваться въ теоріи отрицанія, обнаруживаясь въ видѣ не строго нравственной жизни и грубаго скрытнаго игрища, обнимало только весьма тѣсный придворный кругъ, мало спускаясь въ низшія сферы; а когда обнаруживалось и предъ очами народа, — то возбуждало въ массахъ скорѣе реакцію, чѣмъ сочувствіе: именно ужасъ, омерзѣніе, недоумѣніе и увѣренность въ пришествіи Антихриста. Развитіе этой идеи можно увидѣть *у Щапова.*

Петръ Великій умеръ христіаниномъ. „Господи! прости меня хоть ради добра, которое я сдѣлалъ Россіи“ *). Но супруга его продолжала жить, какъ жила всю жизнь. Семейство Монсовъ... Петръ II былъ метеоръ, ясно не обозначившійся особымъ государственнымъ характеромъ. Дворъ полонъ былъ самыхъ безбожныхъ интригъ; — паденіе тестя—Меньшикова. При Аннѣ Іоанновнѣ удерживалось тоже направленіе равнодушія къ отечественной вѣрѣ подъ вліяніемъ Бирона и нѣмецкой партіи, — равно какъ и при Аннѣ Леопольдовнѣ. Но съ воцареніемъ Елисаветы воцарилась горячая любовь къ родной вѣрѣ и Церкви, что продолжалось во все время ея 20-лѣтняго царствованія, хотя дворскіе нравы и не были особенно чисты. Но можно сказать, что царствованіе Елисаветы было въ религіозномъ смыслѣ реакціею направленія, даннаго ея славнымъ родителемъ въ послѣдніе годы его жизни и поддержаннаго первыми неславными его преемниками.

Съ воцареніемъ *Петра III* воцарилась опять нѣметчина, равнодушіе къ отечественной церкви, преклоненіе предъ нѣмецкими формами и религіознаго культа до того, что онъ помышлялъ ввести въ Россіи протестантство, что и было одною изъ причинъ его паденія. Съ воцареніемъ же *Екатерины* это направленіе усилилось въ томъ смыслѣ, что *Екатерина II*, — этотъ величайшій, мудрѣйшій, благодушнѣйшій, симпатичнѣйшій Государь, воспитанная подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ, усиленнымъ горькими обстоятельствами первыхъ

*) Судъ Божій: исполинъ атлетъ погибъ отъ случайной простуды и невоздержной жизни и отъ недостатка въ Россіи лекарства, стоившаго въ Европѣ нѣсколько грошей.
Примѣчаніе автора.

годовъ ея пребыванія въ Россіи, была довольно открыто мыслителемъ въ отношеніи къ религіи — къ христіанству либеральнымъ. Записки Екатерины... Государственными мѣрами, какъ величайшій достоподражаемый для своихъ вѣнценосныхъ потомковъ политикъ, она поддерживала вѣру и православіе, церковь и народность; ея мѣры и въ этомъ смыслѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, геніальны и достоподражаемы; чтила православныхъ пастырей, какъ никто со временъ Петра I, чтила святыни, храмы, церемоніи; жертвовала драгоцѣнности въ Лавры и т. п. Но отнятіе имѣній, графы Орловы, графиня Анна... При дворѣ, въ кругу ближайшихъ людей не скрывала своего свободомыслія до довольно поздняго періода своей жизни, до того, что вотъ недавно прочиталъ я въ Архивѣ — описаніе одного послѣдняго потемкинскаго праздника, — въ одной изъ комнатъ, на виду всего двора, повѣшены были всего только три картины—двѣ сладострастныя миѳологическія и Рождество Христово... *Потемкинъ* послѣ этого выѣхалъ изъ Петербурга и скоропостижно скончался и кости его потревожены изъ гроба. А *Екатерина* имѣла несчастіе дожить и пережить первые самые ужасные ужасы французской революціи, и принимать въ Россіи самыя крутыя мѣры противъ свободы мысли, которой до сихъ поръ была первою открытою проповѣдницею и покровительницею... Это—величайшее изъ несчастій видѣть подъ конецъ жизни дѣло рукъ своихъ разсыпавшимся; и еще большее —свой принципъ, которому кланяешься всю жизнь, пошатнувшимся.. Скончалась скоропостижно и непочтенно...

Сынъ ея Павелъ I былъ энергическимъ продолжателемъ этой реакціи. Но... увы! Уже слишкомъ энергическимъ... А примѣръ Людовика XVI былъ слишкомъ свѣжъ въ памяти... Окружали его престолъ питомцы его Матушки, питомцы французской философіи...

Въ первые годы царствованія Александра I господствовали при Дворѣ идеи философовъ XVIII вѣка, и Наполеона Бонапарте. Читайте „Война и Миръ“ *Толстаго*... Тутъ уже кругъ невѣрующихъ, расширяясь въ каждое царствованіе, сдѣлался, при помощи особенно французскихъ эмигрантовъ, которые прибрали къ рукамъ воспитаніе юношества, довольно широкъ, охватывалъ почти все дворянство. Бригадиръ *Фонъ-Визина*... Пожаръ Московскій освѣтилъ всѣмъ, и *Александру Благословенному* и всей Россіи, ошибочность этого направленія... „*О ихже ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣхомъ враговъ бѣгихъ и звѣронравныхъ*“ (Молитва на молебствіи въ Рождество Христово)... Въ *Александрѣ* и во всемъ, что его окружало, произошелъ

нравственный переломъ. Императоръ сталъ мистикомъ; а управленіе довѣрено *Аракчееву* — солдату. Александръ умеръ глубоко-вѣрующимъ и кающимся христіаниномъ и визіонеромъ... Біографія Блудова...

Но въ то же время войска наши долго были за границею. Офицерство напитывалось заграничными идеями, французскимъ вольномысліемъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ пробудилась русская мысль, зацвѣла литература, подъ вліяніемъ философскихъ и литературныхъ авторитетовъ Запада — тѣхъ же французскихъ энциклопедистовъ, *Лессинга, Канта, Байрона*. Германія, Италія покрыты были сѣтью тайныхъ обществъ. Затѣялись такія же общества и у насъ, которыя втянули въ себя нѣкоторыхъ изъ литераторовъ, *Рылѣева* напримѣръ, а главнымъ образомъ почти всю мыслящую военную молодежь, т. е. по тогдашнему—всю русскую лучшую молодежь. Заговоръ простирался до уничтоженія религіи, - изданія новаго раціональнаго катихизиса и до истребленія царскаго рода,—введенія республики. Отсюда тотчасъ по смерти Александра I, (при жизни его готовилась, но не успѣла разразиться катастрофа), 14-ое декабря 1825 года. Отсюда строгая реакція всего царствованія *Императора Николая I*, слегка только возмущенная пустымъ, ничтожнымъ по числу людей и дарованій заговоромъ *Петрашевскаго* 1848 1849 годовъ. Отсюда давленіе на литературу Пушкина, Полежаева, Бестужева,—на университеты: - реализмъ, казарменность... Далеко не то по объему, по размѣрамъ, по содержанію видѣли мы въ настоящее славное царствованіе, на рубежѣ одного кончившагося тысячелѣтія исторической нашей жизни и другого начавшагося.

Съ чего-бы начать? Начну дѣло съ своихъ личныхъ воспоминаній.

Въ 1855 году скончался Императоръ Николай I. Смерть эта была образцомъ смертей христіанина, Государя, человѣка, покаянія, распорядительности, яснаго сознанія, невозмутимѣйшаго мужества. А можетъ быть—была и жертва... Вся Россія навзрыдъ плакала, но за предѣлами Россіи одинъ русскій сказалъ: „Николай померъ! Подъ вліяніемъ этой благодатной вѣсти, мы поставили свой первый заграничный русскій станокъ и зазвонили въ свой колоколъ, будя Русскую землю отъ вѣкового усыпленія“.

Сей—*Герценъ* былъ побочный сынъ русскаго барина, московскаго сенатора... забылъ фамилію... и морганатической супруги его, германской нѣмки—Герценъ... Не знаю,—зналъ, да забылъ,—вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, онъ и Огаревъ литераторъ—поэтъ убѣжали изъ

Россіи, („Кто виноватъ“, „Докторъ Круповъ“, „Письма объ изученіи природы“), равно какъ и князь *Долгорукій*.—*Герценъ* и Огаревъ основали тамъ журналъ—*Колоколъ*; кромѣ того—„*Голоса изъ Россіи*“; кромѣ того—*Полярную Звѣзду*, *Былое и Думы*.

Надо знать обстоятельства. Слава непобѣдимости Россіи и наша самоувѣренность со временъ Екатерины и Александра I... Въ царствованіе *Николая I*—войны Персидская и Турецкая 1827—9 годовъ, Польская 1830—1 и Венгерская 1849—50 годовъ были только разгромомъ враговъ Россіи. Эти майскіе парады, богатырь—Русскій царь, скачущій на лошади предъ сотнями тысячъ войска и зрителей,—восторгъ народный *)! Замѣчаніе *Николая I* французскому Двору по поводу трагедіи Павелъ I: „я пожалую смотрѣть эту трагедію съ 200,000 зрителей“,—передавалось изъ устъ въ уста. Эти разъѣзды Императора, Императрицы по военному, эти фронтостоянія военщины, кадетъ, всякихъ мундироносцевъ. Вдругъ 1853 годъ! Я слишкомъ живо помню это время, общій одушевлявшій всѣхъ духъ... Правда, войны не хотѣлось никому. Чувствовалась тупость времени... Но ужъ если война..., то Константинополь—городъ.

Roma—nova...

Стихи *о. Валеріана*... тогда, помнится, еще студента. Стиховъ подобныхъ множество. На театрахъ въ стихахъ осмѣивали *Наполеона III* и *Пальмерстона* на тему, что „второго Наполеона вамъ—французамъ не видать, и съ третьимъ далеко не уйти“,—что Пальмерстонъ-де тычетъ пальцемъ въ карту Россіи и разводитъ черты, какъ ее раздѣлить, кому что взять... Этотъ восторгъ—не восторгъ, а самоувѣренность при вѣсти о пальто и хлыстѣ *князя Меньшикова*, съ которыми онъ дѣлалъ визиты въ Константинополѣ... Синопскій разгромъ, и иллюминація, хоть и невинная,—начинается-де рядъ обычныхъ побѣдъ. Письмо *Наполеона III къ Николаю I*: „votre frere“; письмо Николая I отвѣтное: „надѣюсь, что русскіе въ 1854 г. будутъ такими же, какими были въ 1812 году... Votre ami“... Выраженіе Николая I за границею: „мы—законные государи—братья,—дѣти одной матери—de la Legitimite“... Затѣмъ томительное ожиданіе сраженій и побѣдъ. Ретирада изъ-за Дуная, изъ-подъ Силистріи объясненная вѣроломствомъ Австріи, и отставка Паскевича... старъ, дряхлъ, упалъ съ лошади... ссора съ Горчаковымъ... Битва и пораженіе при Альмѣ объясненныя

*) Отзывъ комиссара академическаго при видѣ портрета: „то—царь былъ; умѣлъ пощрить солдата, умѣлъ и поругать,—зналъ свое дѣло“.

Примѣчаніе автора.

незначительностью нашихъ войскъ на этомъ пунктѣ и выставленныя скорѣе, какъ стратегическій подвигъ *князя Меньшикова*, отъ котораго не ждали воинскихъ, особенно сухопутныхъ воинскихъ дарованій и знаній. Обложеніе непріятелями Севастополя... Ожиданіе побѣдъ было такъ напряженно и увѣренность въ нихъ такъ велика, что вдругъ... вѣсть: „французы и англичане скинуты въ море“... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была даже иллюминація. *Татьяна Борисовна Потемкина* прискакала къ митрополиту *Никанору*: „я сейчасъ только отъ Государыни Императрицы съ вѣстью объ этой побѣдѣ“,—оказалось, что солгала... Меншикову Ерофеичъ для подкрѣпленія. Потомъ битва подъ Инкерманомъ подъ предводительствомъ Данненберга... Великіе князья Николай и Михаилъ съѣздили подъ Севастополь, получили по Георгію, и по настоянію матери воротились. А тысячи матерей въ томъ числѣ и моя въ это время оплакивали въ Россіи рановременную смерть своихъ сыновей, убитыхъ въ этой кровавой войнѣ, охватившей всѣ закраины Россіи. На всѣхъ пунктахъ мы оказались почти беззащитны. Общія тягости, общій упадокъ духа, страшные поборы людьми, почти поголовное возстаніе народа въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вслѣдствіе воззванія Святѣйшаго Синода, писаннаго покойнымъ *преосвященнымъ Кирилломъ*... Битва при Черной рѣчкѣ... Коалиція Европы; совершенный застой торговли; казнокрадство; недостатокъ въ оружіи, въ порохѣ, въ людяхъ не только даровитыхъ, но даже просто честныхъ... Вотъ наша слава, вотъ наша самоувѣренность!

Всѣ, самые неполитическіе умы остановились предъ вопросомъ: „къ чему это? Къ чему это все ведетъ? Отчего это? Отчего все это произошло?“—Помню тогдашнее современное рѣшеніе вопроса: „къ чему это ведетъ“... Извѣстно первоначальное рѣшеніе этого вопроса въ 1853 году: „это ведетъ насъ въ Константинополь“. А вотъ рѣшеніе того же вопроса въ началѣ 1855 года: „судьбы народовъ—это воинская трагедія—теперь зданіе строющееся, обставленное лѣсами; строило Провидѣніе, но за лѣсами не видно, что такое строитъ“. Изрѣченіе, повторявшееся тогда всѣми, какого-то государственнаго человѣка. За то на вопросы: „къ чему эта война? Отчего все это произошло?“—отвѣты сформировались болѣе рѣшительные: „отъ деспотизма, отъ подавленія всякой свободы, самодѣятельности, умственнаго развитія. Отъ рабства, рабскаго невѣжества, рабской низости... Нѣтъ,—не оказалось къ концу царствованія ни умныхъ людей, ни даже честныхъ людей! И въ такой отрасли государственной жизни, на которую потрачены были всѣ го-

сударственныя усилія,—съ угнетеніемъ прочихъ отраслей,—именно въ военной части! Не оказалось наконецъ пороху, не только что людей способныхъ выдумать порохъ"... Тогда эту фразу я и подслушалъ.

Императоръ Николай въ крайнемъ упадкѣ духа, — въ Рождество за молебномъ во дворцѣ онъ всенародно рыдалъ, — умеръ отъ изнеможенія, отъ небереженія себя... Былъ, говорятъ, жертвою для отечества...

И въ пору для себя. Потому что его горестно оплакали горькими и искренними слезами; а чрезъ полгода—годъ стали обличать безпощадно... подъ вліяніемъ сначала подпольной литературы: *Валуевскаго*— „я боленъ Севастополемъ" и другихъ подобныхъ, а потомъ *Колокола*.

Помню день паденія Севастополя - 29-е августа въ Петербургѣ! Входитъ въ мою квартиру баккалавръ *Иванъ Алексѣевичъ Вознесенскій*, послѣ учившій русскому языку Дагмару, будущую императрицу русскую Марію Ѳеодоровну... Какъ много воды уплыло съ тѣхъ поръ!.., входитъ и еще изъ двери кричитъ: „регрессъ, регрессъ!.. Пятимся назадъ!.. Россія сдѣлала шагъ назадъ!.. Севастополь взятъ"... И телеграфа толковаго еще не было. О паденіи Севастополя 26 августа узнали въ Петербургѣ 29-го! 30-го августа въ Лаврѣ я старался увидѣть и ясно видѣлъ лицо императора, тогда еще молодого человѣка: грустное, задумчивое лицо—натурально, но оно показалось мнѣ и постарѣвшимъ. Скоро затѣмъ послѣдовалъ и миръ: „пороху-бо не стало". Австрія прислала ультиматумъ; Пруссія—совѣтъ мириться; Швеція поднималась...

Эти-то годы и были страшнымъ толчкомъ для Россіи, но не къ регрессу, а къ вихролетному прогрессу. До этихъ дней даже мы, съ 1851 года баккалавры, не читали даже газетъ. Тутъ впервые выписали съ Иларіономъ Алексѣевичемъ Чистовичемъ на свой счетъ газету. Въ Академіи ректоромъ на казенный счетъ все получалось, но намъ не давали: —время общаго заматорѣлаго гнета-деспотизма. Газеты появились теперь въ гостинномъ ряду у сидѣльцевъ и подъ воротами у дворниковъ.

Появилась письменная и литографированная подпольная литература. Въ Петербургѣ, не помню, чтобъ я читалъ что-либо въ этомъ родѣ. Ясно помню, что въ Ригѣ, въ 1856 г. впервые я прочелъ *Валуевскую* статью—литографированную: „я боленъ Севастополемъ! Вмѣстѣ со всею Россіею боленъ Севастополемъ". Основанъ былъ le Nord. Валуевъ и прочіе русскіе приглашены К. Н. защищать Россію...

Слышалъ я что-то и о *Колоколѣ*. Но не видѣлъ *Колокола*. И какъ теперь помню одинъ вечеръ на мызѣ *у архіепископа рижскаго Платона*, гуляли мы по лѣсу вдвоемъ; вдругъ пріѣзжаетъ и является третье лицо—*вице-губернаторъ рижскій, послѣ губернаторъ Митавскій, потомъ сенаторъ Б—нъ;* прибылъ онъ только-что изъ Петербурга; разсказываетъ: „Колоколъ въ Петербургѣ у всѣхъ, во всякой гостинной, начиная съ царскихъ, на столѣ; какая смѣлость и въ русскихъ журналахъ! Русскій вѣстникъ выражается: *„некомпетентное* вмѣшательство правительства"!... Въ первый разъ я услышалъ это слово... Оказалось, что *архіепископъ Платонъ* секретно получалъ уже „Колоколъ" отъ *князя Суворова*. Однажды онъ началъ мнѣ читать кое-какія вещи; между прочимъ *письмо Бѣлинскаго къ Гоголю*, напечатанное *въ „Голосахъ изъ Россіи"*. Тогда все проникнуто было сознаніемъ своихъ недостатковъ и самообличеніемъ. Я помню, много говорилъ рижскимъ ученикамъ о недостаткахъ русскаго духовенства и русскаго въ дѣлахъ благочестія народа. Тутъ, когда я услышалъ идеи, совершенно сходныя съ моими, я не удержался отъ восклицанія: „ахъ, вѣдь это правда"! Архіепископъ холодно закрылъ книгу: „Вы—молодой человѣкъ, еще увлечетесь"... Скоро я переведенъ былъ въ Саратовъ.

Въ Саратовѣ, оказалось, все наводнено заграничною литературою, т. е. безъ всякаго труда можно было ее добывать—до записокъ Екатерины II. Я зналъ лично лицъ, которыя изъ-за границы вывозили книги, — всякій возвращавшійся оттуда вывозилъ. *Купецъ Тимоѳей Ефимовичъ Жогинъ* употреблялъ, какъ средство привлеченія въ свой магазинъ почтеннѣйшей публики.

Я зналъ лично людей, которые ѣздили изъ Саратова заграницу, видѣлись съ *Герценомъ*, отвозили туда саратовскія новости, вывозили отъ него книги, его карточки и проч.

Читали заграничныя изданія, даже пріобрѣтали, всѣ отъ архіереевъ—до семинаристовъ. (У семинаристовъ впрочемъ, какъ у низшей сферы, поздно).

Появились, кромѣ „Колокола", и другія изданія на русскомъ и французскомъ языкахъ.—Долгоруковъ, Кельсіевъ и другіе...

Отрицать-ли громадное вліяніе этихъ изданій на всѣхъ читающихъ, мыслящихъ, вліятельныхъ, даже государственныхъ людей? Говорятъ, что Императоръ сначала читалъ *Герцена* постоянно, и такъ какъ Герценъ многихъ компрометировалъ,—то для Государя стали въ Петер-

бургѣ поддѣлывать Колоколъ. Отрицать ли даже полезность вліянія? Вопросы о тѣлесномъ наказаніи, о свободѣ совѣсти, объ открытыхъ судахъ, о крестьянствѣ—расшатаны были въ общемъ сознаніи Герценомъ.

Но крайности атеизма, матерьялизма, коммунизма! Наконецъ неистовые вопли: Vixerunt! Вопли о рѣзнѣ! О поджогахъ! „Чѣмъ скорѣе все это отжившее будетъ истреблено, тѣмъ лучше“... „Съ того берега... сыну Сашѣ“... Плачъ дочери въ церкви въ Парижѣ... Бѣгство жены съ нѣмцемъ... Этотъ духъ повліялъ и на правительственныя сферы. Извѣстенъ кружокъ В. К. К. Н—ча. Онъ первый обругалъ въ печати прежнее царствованіе. Въ Петербургѣ въ правительственныхъ сферахъ стало порокомъ быть старымъ человѣкомъ, орломъ изъ Николаевскаго гнѣзда. „Незабвенный“ Николай сталъ неудобо-забываемымъ. Памятникъ ему ставили подъ охраною многочисленныхъ войскъ. Министры народнаго просвѣщенія летѣли... *Ковалевскій*, *Путятинъ*. Наконецъ, *Головнинъ*, котораго одного изъ русскихъ государственныхъ людей *Герценъ* находилъ умнымъ и хорошимъ человѣкомъ.

Этотъ духъ, особенно подъ вліяніемъ *Головнина*, воцарился въ нашей литературѣ. Самообличеніе, низведеніе авторитетовъ съ пьедестала, отрицаніе, безбожіе, матерьялизмъ, эгоизмъ, эмансипація женская... Перечту, насколько помню, важнѣйшія въ этомъ направленіи, явленія литературы: 1) Стенька Разинъ—Костомарова, набатное сочиненіе; 2) его-же—въ календарѣ Академическомъ—Дмитрій Донской; 3) его-же изслѣдованія о Сусанинѣ; 4) Устрялова—о Петрѣ I; 5) Семевскаго — рядъ статей въ журналахъ, — „Семейство Монсовъ“, „Петръ I юмористъ“, „Записки Корба“; 6) Щапова—исторія раскола; 7) Павлова статья въ академическомъ календарѣ — „на тысячелѣтіе Россіи“; 8) Помяловскаго—„Молотовъ“ (особенно тамъ одинъ характеръ) и „Бурса“; 9) Благовѣщенскаго—„Аѳонъ“; 10) Антоновича — разныя философскія статьи, атеистическаго направленія; 11) Лаврова—то же и философскій словарь; 12) Чернышевскаго—полемическія красоты, критика на Юркевича, „Что дѣлать“; 13) Добролюбова — критическія статьи антирелигіознаго и антигосударственнаго свойства; 14) Піотровскаго - критика на нагорную бесѣду Спасителя; 15) Некрасова—разныя стихотворенія; 16) Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“; 17) *Бѣлюстина*—духовенство и *Д. И. Ростиславова*. 18) И въ нашихъ духовныхъ журналахъ проскользнули начала статей — „Христіанская философія“ — Рублевскаго; „О книгѣ премудрости Соломона“; „О книгахъ Сивиллъ“; „Жизнь св. Златоуста“. 19) Усиленное

распространеніе въ продажѣ Бокля, Шлейдена, Дарвина, Ляйелля, Гекели и другихъ съ отрицательнымъ естественно-научнымъ направленіемъ. 20) Литографированіе Штрауса, Бюхнера, Фейербаха. 21) Распространеніе печатныхъ воззваній молодой Россіи. 22) Авдѣева — „Подводный камень". 23) „Отцы и дѣти" — Тургенева. 24) „Взбаламученное море" — Писемскаго. 25) Возстаніе Каткова противъ Герцена. 26) „Преступленіе и наказаніе" — Достоевскаго.

Поворотъ и конецъ этого направленія.

Чѣмъ въ жизни выразилось это направленіе?

По преимуществу въ молодомъ поколѣніи... Сквернодѣяніями многоразличными...

Не станемъ повторять вышесказанное. Кинемъ общіе штрихи, чтобы обнять однимъ синтетическимъ взглядомъ все потрясеніе старины, особенно-же въ головахъ, до послѣднихъ основаній.

Скажемъ, что это броженіе умовъ совпало съ огромными государственными реформами, которые всегда, во всѣ эпохи, сопровождались колебаніями общественнаго духа. Такова была реформа крестьянская и другія.

Вздрогнули, всколебались всѣ сословія государства, одни больше, другія меньше.

Очеркъ нашъ долженъ быть бѣглый и,—быть можетъ,— при бѣглости будетъ нѣсколько и ошибоченъ въ выводахъ, если не въ фактахъ.

Наименѣе, припоминается, пошевелилось въ своихъ идеяхъ нравахъ и стремленіяхъ купеческое сословіе. Должны мы, однакоже, обратить вниманіе на два направленія: къ либерализму и къ религіозной свободѣ. Въ купеческой молодежи появилось было стремленіе *и къ либерализму*: сюда относятся два факта: 1) рядъ писемъ *Ключарева протоіерея* съ увѣщаніями къ купечеству быть вѣрными святоотеческимъ преданіямъ. Письма были помѣщены въ „Душеполезномъ чтеніи". 2) Заявленіе московскими купцами желанія основать свое собственное учебное заведеніе подъ вѣдѣніемъ духовенства, чтобы по возможности изъять своихъ дѣтей отъ вліянія заведеній министерства народнаго просвѣщенія,—вліянія, которое представлялось тогда идущимъ въ разрѣзъ съ испоконными преданіями русской христіански-церковной жизни.

Стремленіе въ купеческомъ сословіи *къ религіозной свободѣ* совпало съ такимъ-же стремленіемъ и крестьянства и мѣщанства. Тутъ фактовъ множество: 1) Австрійская лжеіерархія въ эту пору

распространилась по всей Россіи. Лже-архіереи стали исполнять обряды богослуженія и прочія принятыя ими на себя обязанности священства почти открыто. Раскольническіе соборы. Оглашеніе ихъ дѣяній въ литературѣ, что на нашей еще памяти было, считалось—велѣно было считать,—глубочайшимъ секретомъ. 2) Отпаденія небоязненныя и большими массами отъ православія. 3) Общее движеніе въ народѣ къ увѣренности, что царь всѣмъ свободу далъ молиться, кто какъ хочетъ. Книга Александра Б. *Александра Благословеннаго или второго* подведенная подъ эту идею. Отсюда печатаніе раскольнической литературы, скоро остановленное. 4) Отпаденіе многихъ въ молоканство изъ отвращенія къ церковной уставности и обрядности и законоположеніямъ, напримѣръ, постамъ. 5) Нѣсколько разъ, по крайней мѣрѣ—два раза, обращенныя къ правительству церковному и гражданскому просьбы о а) признаніи австрійской лжеіерархіи; б) о дарованіи единовѣрію особаго архіерейства, независимаго отъ святѣйшаго Синода, (вопросъ обсуждался въ Синодѣ и митрополитомъ Филаретомъ); в) о снятіи проклятія положеннаго большимъ московскимъ соборомъ, (вопросъ обсуждался въ Синодѣ и митрополитомъ Филаретомъ); г) о признаніи раскольническихъ браковъ и законнорожденности происходящихъ отъ нихъ дѣтей (оберъ-прокуроръ *Алексѣй Петровичъ Ахматовъ*); д) о дарованіи коронныхъ правъ службы и пр... и проч. Правительствомъ уступлено многое до закона 14-го ноября 1864 или 1863 г.,— не помню, — которымъ даже воспрещено отвлекать уклоняющихся въ расколъ или молоканство отъ ихъ домовъ и занятій, для увѣщанія къ духовнымъ православнымъ лицамъ. Въ дворянскомъ сословіи много, начиная съ высшихъ государственныхъ дѣятелей (Валуевъ, Суворовъ) и до столбовыхъ склонилось въ пользу предоставленія уклоняющимся отъ церкви полнѣйшей свободы. Отсюда въ народѣ большое колебаніе умовъ въ отношеніи къ религіи и церкви, до отрицанія не только практическаго, но и теоретическаго всякой церковности, нужды церкви, вѣры, христіанства, Бога. Я знаю въ этомъ смыслѣ много фактовъ. Замѣчанія миссіонера *Полянскаго;* сочиненіе безпоповца, кажется, *Бондарева.*

Въ *крестьянскомъ сословіи* обнаружилось въ эту пору стремленіе къ свободѣ во многихъ отношеніяхъ: отъ всякаго обязательнаго въ отношеніи къ помѣщикамъ труда, отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи къ попу, отъ обязательности супружескаго цѣломудрія (повально—въ цѣлыхъ массахъ) и проч. и проч...

Въ *дворянствѣ* возрастномъ религіозный индифферентизмъ сдѣлалъ громадные успѣхи. Генералъ-лейтенантъ Т—въ сдѣлалъ публичное заявленіе, что въ Петербургѣ при Дворѣ всѣ молятся и никто не вѣруетъ. При наблюденіи въ 1864—1865 г. въ Петербургѣ,—Александръ II по цѣлымъ часамъ сиживалъ у гроба Отца... О свободѣ нравовъ не говорю, - она всегда была велика. Анти-церковныхъ заявленій сдѣлано было достаточно, даже въ комитетахъ по крестьянскому вопросу и засѣданіяхъ земскихъ. Антиполитическія заявленія о желаніи польской конституціи сдѣланы были дворянствомъ Каменецъ-Подольскимъ. У насъ въ Велико-Россіи заявленія относительно конституціи сдѣланы были въ Твери и въ Москвѣ. Эти послѣднія сами по себѣ, съ точки зрѣнія религіи не преступны; но совокупность и одновременность этихъ фактовъ съ другими анти-религіознаго и анти-соціальнаго свойства показываютъ нѣкоторую солидарность, которая въ умахъ, конечно, и была самая тѣсная. Въ войскахъ, въ офицерскихъ сферахъ—извѣстенъ фактъ, что Государь на какомъ-то смотру гвардіи читалъ суровую ноту офицерамъ гвардіи: „и между вами есть и...“?... Въ „Инвалидѣ“ съ явнымъ намѣреніемъ помѣщались статьи чисто анти-религіознаго характера, и префантастическія, подъ именемъ: *Научная хроника* (впрочемъ и 1868 г. № 268)... Симбирское пожарище, и заявленія о виновникахъ онаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ — о какомъ-то подполковникѣ; да и современная молва (зашумѣла послѣ) приписывала дѣло солдатамъ... Да, сочувствіе Польской независимости!... О литераторахъ и литературѣ уже говорено. Замѣчательно направленіе бичевать все старое и курить молодежи, молодымъ умамъ, молодымъ страстямъ, юношескимъ чистымъ благороднымъ порывамъ, противъ чего въ свою пору—голосомъ въ пустынѣ—вопіялъ *о. Іоаннъ, ректоръ Казанской Академіи въ „Собесѣдникѣ“*, и энергически наконецъ заговорилъ нынѣшній *попечитель Казанскаго Округа* въ циркулярахъ—языкомъ проповѣдей.

Въ заведеніяхъ свѣтскихъ, въ Университетахъ—борьба изъ-за формы, изъ-за права судить наставниковъ и начальствующихъ, изъ-за платы за право ученья, изъ-за матрикулъ. Фактовъ множество; нѣкоторые хорошо мнѣ извѣстные мною перечислены. *Въ Москвѣ*, безспорно, студенты отбивались отъ напора народа палками. Университеты сначала были закрыты; а потомъ студенты успокоились. Многіе отданы подъ надзоръ полиціи. Въ Петербургѣ вся крѣпость была наполнена студентами, и остряки острили: „вывѣска на крѣпости: Импе-

раторскій Россійскій Университетъ". Студенты Университета завели станки, въ Петербургѣ несомнѣнно (*Баллотъ*, воспитанникъ Рижской семинаріи); тамъ печатались прокламаціи молодой Россіи... Наконецъ не безъ основанія студентамъ приписаны были пожары (28 мая) С.-Петербургскіе,— громадныя пожарища въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Саратовской, съ разсчетомъ произвести возстаніе, приписаны антирелигіозная и соціальная пропаганда въ народѣ; наконецъ Каракозовщина. А зачатки этого заговора можно было подмѣчать еще въ 1864—3 годахъ. Въ Саратовѣ была тихая молва о какомъ-то тайномъ обществѣ, о тайныхъ поборахъ и квитанціяхъ на какое-то общее дѣло.

Въ гимназіяхъ—довольно открытое возстаніе противъ религіи. Молва: въ Петербургѣ гимназисты сидѣли на престолѣ, пили изъ потира. Я слышалъ это отъ многихъ; одинъ Саратовскій купецъ: „растерзать ихъ, на мѣстѣ положить надо, и куски мяса разметать, и прахъ развѣять". Въ одномъ изъ дѣвичьихъ институтовъ двѣ дѣвочки вошли въ алтарь черезъ царскія двери, дѣлали книксены, благословляли изъза престола. Овація преподавателямъ—либераламъ; битье начальствующихъ — консерваторовъ.

Въ Академіяхъ крупныя исторіи: 1) въ С.-Петербургской изъ-за студенческаго самосуда и саморасправы съ наставниками; 2) въ Кіевской—исторіи съ *Израилемъ* и *Валеріаномъ*, опечатали въ „Колоколѣ"; 3) въ Московской—исторія съ чаемъ и опечатаніе оной въ свѣтскихъ журналахъ; 4) въ Казанской — Безднинская панихида и многое другое.

Въ *семинаріяхъ* какія явленія были, я уже пересчитывалъ.

Замѣтьте, что упадокъ религіи и дисциплины въ учебныхъ заведеніяхъ сопровождался въ цѣлой Россіи упадкомъ нравственности до крайнихъ низостей и умственнаго уровня. Возьмите извѣстные дебоши, пьянство, ночное пребываніе въ неприличныхъ домахъ, болѣзни, чтеніе студентами только журналовъ и запустѣніе аудиторій. Возьмите Каракозовщину, студента *Данилова*, Тамбовскаго *Горскаго* гимназиста, *Раскольникова* въ преступленіи и наказаніи. Возьмите *Помяловскаго*, Щапова... Одинъ сгнилъ, другой сгнивалъ. Студенты-же нигилисты и нигилистки поняли, что дошли до абсурда,—я видѣлъ экземпляры подобныхъ Магдалинъ мужскаго и женскаго рода; да ихъ и разогнали. *Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ* распорядился выдачею дѣвочкамъ, жившимъ въ гражданскомъ бракѣ, желтыхъ билетовъ,— мѣра грубая и не во вкусѣ будущаго времени, но въ прошломъ—

остроумная, оказавшаяся временно и благотворною. Нигилизмъ и эмансипація стали забавны въ обществѣ и потому не практичны. Люди—молодежь стали по старинному блудить, не прикрываясь идеализаціею—фразами о гражданскомъ бракѣ, правахъ женщины, эмансипаціи...

Мы говорили, что этимъ духомъ больше или меньше увлечены были всѣ, отъ низшихъ и до высшихъ правительственныхъ сферъ. Поворотъ начался съ чего?

Съ мало-замѣтной, повидимому, вещи.

Есть въ Россіи Москва — сердце Россіи. Около Москвы Сергіева Лавра, раза два на пространствѣ Русской исторіи спасавшая бытіе Россіи. Въ Москвѣ и Лаврѣ проживала малая тѣломъ и великая духомъ, парившая умомъ надъ вѣками, судьбами народовъ и особенно Русскаго, надъ всѣми проявленіями современной жизни—личность, *Филаретъ митрополитъ Московскій и Коломенскій*. Никогда во вторую половину своей жизни не дѣйствовалъ онъ необдуманно. Тутъ надумался и рѣшилъ у себя, около себя сдѣлать невеликую вещь—незначительное временное прибавленіе, совершенно церковнаго свойства, къ ежедневно возглашаемой сугубой эктеніи въ Лаврѣ, Москвѣ и Московской епархіи. Кое кѣмъ эта странность была замѣчена и доведена до свѣдѣнія Петербурга. Оттуда послѣдовалъ запросъ. И вотъ отвѣтъ Московскаго святителя - іерарха...

Выписка изъ письма Московскаго священнослужителя въ Петербургъ.

„Декабря 17-го дня 1861 года.

По вопросу о дополнительномъ молитвенномъ прошеніи въ Московскихъ церквахъ“.

(*Напечатано въ Душеполезномъ Чтеніи за 1862 г., Генваръ, стр. 3—9).*

„Отъ васъ, уже не отъ перваго, слышу вопросъ: справедливъ-ли слухъ, что въ церквахъ Московскихъ читается недавно составленная молитва необыкновеннаго содержанія, подобно молитвамъ, употребляемымъ во времена общественныхъ бѣдствій?

Не читается у насъ никакой новосоставленной молитвы такого необыкновеннаго содержанія.

Во время общественныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ, во время войны, на литургіи колѣнопреклонно произносится священникомъ особая молитва, примѣненная къ обстоятельствамъ времени. Ничего такого

нѣтъ въ настоящее время въ Московскихъ церквахъ.

Вѣроятно, слухъ произошелъ отъ перетолкованія дѣйствія церковнаго, не соединеннаго ни съ какимъ указаніемъ на политическія обстоятельства Россіи.

На всякой вечернѣ, воскресной и праздничной, на литіи (если сія не опускается для сокращенія богослуженія) между прочимъ читается слѣдующее молитвенное прошеніе: „*еще молимся — о еже милостиву и благоувѣтливу быти благому и человѣколюбивому Богу нашему, отвратити всякій гнѣвъ на ны движимый и избавити ны отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловати ны*“. Сіе прошеніе, съ присоединеніемъ немногихъ выраженій, не заключающихъ въ себѣ особаго прошенія, а только возбуждающихъ къ сердечной молитвѣ, съ нѣкотораго времени, читается во многихъ церквахъ діакономъ между прочими прошеніями такъ называемой сугубой эктеніи, на вечернѣ, утрени и литургіи.

Всѣ, обыкшіе слышать вышеозначенное прошеніе на вечернѣ воскресной и праздничной, знаютъ, что оно составлено въ древности въ Греціи, и слѣдовательно не указываетъ ни на какія необыкновенныя обстоятельства Россіи, и, будучи произносимо въ радостной праздничной службѣ, не есть выраженіе какихъ-либо особенно скорбныхъ обстоятельствъ, а есть просто смиренное и покаянное молитвенное прошеніе. Только люди, которые не ходятъ къ праздничной вечернѣ, и мало знакомы съ церковною службою, могли принять оное за новость и дать оному произвольное догадочное толкованіе.

Побужденіе къ употребленію сего прошенія чаще обыкновеннаго, *въ началѣ записки о семъ, находящейся въ рукахъ священнослужителей, полученной отъ начальства не въ видѣ предписанія*, выражено въ слѣдующихъ словахъ: „*понеже умножились грѣхи наши, и наипаче требуется покаянная и умиленная молитва*“.

Если бы на сіе потребовалось объясненіе, по справедливости можно сказать, что съ нѣкотораго времени мысли и ученія противохристіанскія, противонравственныя и противоправительственныя обнаруживаются въ литературѣ и распространяются въ обществѣ, особенно въ молодомъ поколѣніи, и проникаютъ до низшихъ слоевъ общества. За умноженіемъ грѣховъ мысленныхъ слѣдуетъ умноженіе и грѣховъ дѣятельныхъ, частію не застѣнчиво обнаруживающее себя въ прискорбныхъ зрѣлищахъ предъ глазами общества, частію примѣчаемое въ признакахъ скрытой заразы.

Не думаю, чтобы это нужно было доказывать. Сдѣлаю однако для удовлетворенія вопросу немногія указанія на то, что близко вижу, или легко могу вспомнить, не охотно рѣшаясь оскорбить вашъ взоръ или слухъ чужими, слишкомъ непріятно звучащими словами.

1) Въ *Современникѣ* была напечатана статья, въ которой излагался и доказывался матеріализмъ — ученіе конечно недружное съ религіею и нравственностію. Баккалаврь Кіевской Академіи написалъ на сію статью опроверженіе, которому отдали справедливость основательные ученые. Проповѣдникъ матеріализма не показалъ, что онъ въ силахъ защищать свое ученіе, но не уступалъ, и отвѣчалъ насмѣшками и оскорбленіями... Матеріалистъ одинокій не былъ бы такъ смѣлъ. Такъ поступить могъ только надѣющійся встрѣтить сочувствующихъ, и распространить сочувствіе на другихъ.

2) Въ *Свѣточѣ* (1861, кн. IX), въ статьѣ подъ заглавіемъ „*Петръ Великій, какъ юмористъ*“, говорится о „*всепьянственнѣйшемъ соборѣ*“, о „*сумазброднѣйшемъ соборѣ*“.—Бутурлинъ является „*Петербургскимъ Владыкою*“, а Петръ Великій „*протодіакономъ*“. Описывается избраніе и поставленіе князя папы, и кощунственно предаются осмѣянію и поруганію не только избраніе и посвященіе папы, но также и православныя церковныя дѣйствія, и избраніе и посвященіе православныхъ архіереевъ...

Во всемъ этомъ явно парадируется чинъ православной архіерейской присяги и посвященія, и выраженія изъ него взяты и изуродованы.

То, что сіе основано на современныхъ письменныхъ документахъ, не служитъ къ оправданію. Нечистоты существуютъ; но ихъ выносить на улицу и показывать народу можетъ рѣшиться только нездравомыслящій или потерявшій чувство приличія.

3) Въ „*Сѣверной Пчелѣ*“ (1861 г., № 256), по случаю критики на одну христоматію, выписаны слова Христа Спасителя (Матѳ. 5 гл., ст. 13 и 14). Слова Христовы по мѣстамъ съ особенною цѣлію напечатаны курсивомъ, съ знаками вопроса, удивленія, и съ критическими замѣчаніями въ скобкахъ. Привожу ихъ такъ, какъ они напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ: „*Вы соль земли (?!)* Если-же соль потеряетъ *силу* (?), то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже *ни къ чему* не годна (?!), *какъ развѣ выбросить ее вонъ* (вотъ что значитъ не знать наукъ!) *на попраніе* (?!) людямъ. *Вы свѣтъ міра*. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы (отъ чего укрыться?)“ и т. д.—Вслѣдъ за словами Спасителя сочинитель говоритъ:

„мы можемъ только сказать, что это издается для народа, которому, по мнѣнію Г. Невскаго, логичность въ мысли совершенно излишня". Т. е. критикъ полагаетъ, что въ точныхъ словахъ Христа Спасителя нѣтъ логичности мысли, и что они подлежатъ тѣмъ порицательнымъ знакамъ недоумѣнія и удивленія, которые онъ разставилъ между словами евангельскаго текста.

Такъ судящій Христа, видно, не имѣетъ притязанія быть и почитаться вѣрующимъ во Христа. А провозглашая свой судъ въ народѣ, онъ, видно, надѣется заслужить рукоплесканія за свое свободное сужденіе, и желаетъ распространить свой образъ мыслей.

Между тѣмъ какъ государственная мудрость изыскиваетъ средства законами и правительственными мѣрами преградить разрушительное вліяніе противорелигіозныхъ и противонравственныхъ мудрованій и направленій, и охранить духъ религіозный и нравственный, который есть истинная душа и сила жизни общественной: не есть-ли долгъ церкви и ея служителей, при видѣ усилій ослабить сей духъ, и распространяющагося ослабленія, не тревожнымъ, но тихимъ дѣйствованіемъ возбуждать въ народѣ сознаніе своей грѣховности и расположеніе къ смиренной и покаянной молитвѣ, для избѣжанія гнѣва и прещенія Божія, и для привлеченія вышней помощи дѣлу самоисправленія и общественнаго исправленія? Не благо-ли было бы, если бы такими чувствованіями дѣйствительно одушевлялись чада Московской Церкви,— и не одной Московской?"...

До-здѣ великій Московскій святитель.

Я живо помню то время. Читалъ я почти все, что выходило изъ подъ пера Герцена, Чернышевскаго, Семевскаго... Изумляла меня смѣлость обнаженій, отрицанія, циническихъ признаній... Но когда прочиталъ я этотъ ничтожный фельетонъ въ газетѣ, эту выходку какого-то ничтожества Піотровскаго, воровски напечатанную въ переносѣ послѣдняго столбца 3-й страницы газеты на четвертую, противъ нагорной бесѣды Спасителя, это обличеніе Спасителя въ нелогичности мыслей и незнаніи естественныхъ наукъ,—то изумленіе мое достигло предѣла. Помню, что я тогда возился съ этимъ листкомъ, показывая его всѣмъ: „смотрите, смотрите, до чего мы дожили, о Россіяне!.. И мы молчимъ"!

Въ 1848 — 1850 годахъ въ національномъ собраніи въ Парижѣ кто-то выразился: „конечно, мы не христіане". Тогда національное собраніе за-тыкало и зашикало, показывая неумѣстность такой выходки. А у насъ на Руси — „такъ судившій Христа, не имѣвшій —

видно—притязанія быть и почитаться вѣрующимъ во Христа, а провозглашеніемъ своего суда въ народѣ, видно, надѣявшійся заслужить рукоплесканія за свое свободное сужденіе“,—сіе ничтожество *Піотровскій*, очень скоро послѣ того, какъ раздалось сіе слово московскаго святителя,—скоро было объявлено въ газетахъ,—застрѣлился.

О покойномъ московскомъ святителѣ замѣчаютъ, что на своемъ вѣку онъ не одного человѣка убилъ..., начиная съ одного студента Московской Академіи (сколько мнѣ извѣстно), котораго митрополитъ, въ ранніе годы своего митрополичьяго служенія, оборвалъ на публичномъ экзаменѣ, и который повѣсился въ одной изъ лаврскихъ башень,—и оканчивая казначеемъ или экономомъ митрополичьяго дома въ Москвѣ—іеромонахомъ, который что-то такое сплутовалъ, а митрополитъ (это было, должно быть—въ 1866 г.) выразился: „я выкинулъ его изъ моего сердца“, а тотъ тутъ-же въ митрополичьемъ домѣ, въ амбразурѣ окна, взялъ да и повѣсился. У кого совѣсть была нечиста, тѣ всегда боялись показаться на глаза Филарету,—люди совершенно отъ него независимые.

Послѣ этого *письма Московскаго священнослужителя* къ нему отправили за благословеніемъ и наставленіемъ бывшаго либерала *Валуева*, который только что былъ поставленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. *Валуевъ* послѣ этого и началъ разсылать замѣтнѣйшихъ въ разныхъ центрахъ прогрессистовъ въ разные углы Россіи. Въ Саратовѣ, я лично помню, дѣло началось съ госпожи *Барановской* польки—губернаторши и ея круга, *доктора Минкевича*-поляка, *доктора Стефани-нѣмца*; они грѣшны были только свободомысліемъ, хотя безспорно никакихъ анти-государственныхъ замысловъ у нихъ не было. *Барановскаго—губернатора*, человѣка впрочемъ весьма дѣльнаго, довели до отставки. *Минкевича* безъ повода административнымъ распоряженіемъ сослали въ *Варнавинъ*,—перевели полицейскимъ врачемъ; а *Стефани* причислили къ министерству. Это фраппировало весь Саратовъ. А то же было и въ цѣлой Россіи. Имя Валуева пронеслось, яко зло...

Катковъ обругалъ Герцена кривлякою, новымъ папою, который, самъ посиживая въ Лондонѣ, посылаетъ русскую молодежь на преступленія и убой, а потомъ и канонизуетъ ихъ во святые. Имя Каткова въ „Искрѣ“ и въ другихъ журналахъ пронесено было также, яко зло... Бѣгство жены Герцена съ нѣмцемъ... Плачъ дѣвочки—дочки въ Парижской церкви...

К. Н--чъ уронилъ себя либерализмомъ, чуть не былъ застрѣленъ въ Варшавѣ, вынужденъ былъ выѣхать за границу...

Взрывъ польскаго бунта... Безмозглые поляки умѣли оскорбить и тѣхъ изъ русскихъ, которые желали имъ добра, начиная съ Государя, К—а Н---ча и т. д. Это отшатнуло отъ нихъ и дѣла ихъ, и принциповъ всѣхъ русскихъ. Къ нимъ послали Муравьева, который расправился съ ними на основаніи старыхъ русскихъ принциповъ и историческихъ преданій.

Въ 1862 г. къ празднику тысячелѣтія Россіи, въ Новѣгородѣ приготовлялся подкопъ; во всей Россіи рѣзня. Замѣчательно, что никто объ этомъ нигдѣ не печаталъ, мнѣ никто не говорилъ. Но я въ Саратовѣ говорилъ на ухо секретарю консисторіи Михаилу Васильевичу Окнову, своему изстари пріятелю: „признаюсь, я не хотѣлъ бы быть 26-го августа (предполагавшійся день празднованія тысячелѣтія) въ соборѣ на молебнѣ: такъ и думается, что у насъ за спинами будутъ стоять люди съ стилетами подъ платьемъ". А секретарь черезъ день, черезъ два мнѣ говоритъ: „вотъ диво! Точь въ точь тѣ же —ваши слова говоритъ Митрофаньевскій попъ Константинъ"... Это именно былъ попъ, уже подъ 60, вдовецъ..., никакая современная идея не могла заползти въ эту голову. И вдругъ онъ тоже толкуетъ,—значитъ, въ воздухѣ пахло кровью. Замѣчательно, что около той же поры, по поводу сочиненія—помнится—ректора Добронравова (умеръ), я говорилъ публично ученикамъ-риторамъ въ классѣ: „господа, отъ такихъ вещей, рѣчей, идей пахнетъ топорами". Они мнѣ въ отвѣтъ на это массою съ улыбками: „да, пахнетъ"!.. И послѣ узнано подъ рукой, что въ Новгородѣ подъ памятникъ веденъ былъ подкопъ — мина... Недозрѣвшая Каракозовщина...

Замѣтьте, что „*Отцы и дѣти*" Тургенева, „*Взбаламученное море*" Писемскаго были уже не идеализаціею нигилизма, но реакціею—бичеваніемъ. Это направленіе разрѣшилось—„*Преступленіемъ и наказаніемъ*" Достоевскаго, — превосходная поучительная вещь. Не удивляйтесь идеѣ — защищенія, посредствомъ строгихъ логическихъ выводовъ, убійства. Прежде этого я знакомъ былъ лично съ человѣкомъ, который доказывалъ мнѣ то-же, равно какъ и то, что дѣти не обязаны благодарностью родителямъ, — равно какъ и то, что благодарность —вовсе не добродѣтель и неблагодарность вовсе не есть порокъ низкій и вредный. Равно какъ я былъ лично знакомъ съ Семевскимъ и множествомъ другихъ подобныхъ...

Коноводы матерьялизма подверглись катастрофамъ,—разумѣю литераторовъ. Прежде всего отъ нихъ, отъ ихъ крайностей отшатнулись ихъ друзья—литераторы же, напримѣръ, *Костомаровъ отъ Чернышевскаго* съ братіею. Партія Чернышевскаго закидала Костомарова гнилыми яблоками; а тотъ сказалъ имъ публичное внушеніе, что съ интересами науки никакъ не должно смѣшивать идеи площади, арены, трибуны, борьбы, вызововъ,—что наука, работая въ кругѣ своихъ чистыхъ интересовъ, очищаетъ, умягчаетъ, просвѣщаетъ, благоустрояетъ общество.—Первый палъ жертвою внутреннихъ томленій *Добролюбовъ*, умеръ отъ чахотки, съ завѣщаніемъ на умирающихъ устахъ: „сказано все, остается дѣйствовать—выходить на площадь съ оружіемъ въ рукахъ".—*Щаповъ* сгнивалъ отъ пьянства и проституціи,—не успѣлъ сгнить потому только, что сосланъ на прохладу Сибирскую.—*Помяловскій*, не смотря на ухаживанья за нимъ высшаго Петербургскаго общества, литераторовъ, авторитетовъ медицины, сгнилъ отъ пьянства и венеры, и умеръ съ проклятіемъ на устахъ.—*Чернышевскій* съ братіею, низвергнутый съ пьедестала моментальной силы (мнѣ разсказывалъ очевидецъ, хорошо знакомый и ему и мнѣ человѣкъ: „идетъ по Невскому въ шляпѣ съ широкими полями, съ толстою палкою, къ министру Головнину объяснять ему, что-де „такая-то мѣра не хороша, не понравится молодежи - студентамъ и проч., будетъ неспокойно"; и прибавляетъ: „Чернышевскій теперь сила") въ крѣпость... Тамъ—это я слышалъ отъ *Василія Петровича Полисадова*, общаго ихъ духовника: „ничего, бесѣдуетъ охотно, радъ живому человѣку. Но одинъ изъ всѣхъ отказался причаститься Св. Таинъ: „что-де скажутъ о Чернышевскомъ, когда узнаютъ, что Чернышевскій причастился"... Далѣе—это я слышалъ отъ *Василія Борисовича Бажанова*: „*Чернышевскій*—ничтожество... Вообразите, въ Сенатѣ плачетъ: „господа Сенаторы! Пощадите жизнь мою"... Вѣрно, это я слышалъ отъ очевидцевъ.... А отношенія къ женѣ: „Господа!"—къ пріятелямъ,—„не угодно ли кому? это ея добрая воля. Я не въ претензіи—не въ правѣ претендовать... Ничтожество"!—На конной площади, съ эшафота онъ имѣлъ удовольствіе слышать ревъ толпы, злой ревъ, когда какая-то почитательница его: „Что дѣлать?"—одна или нѣсколько ихъ кинули ему на эшафотъ, одинъ или нѣсколько букетовъ цвѣтовъ. Въ Сибири, мнѣ думается, онъ за молитвы своего родителя, добраго Божія служителя, Саратовскаго каѳедральнаго протоіерея, обратится къ христіанству, по примѣру *Достоевскаго* и другихъ, по идеѣ *Раскольникова*.—Замѣчательно,

что покойный преосвященный Евѳимій въ рѣчи надъ гробомъ Гавріила Ивановича Чернышевскаго представлялъ его достоподражаемымъ образцомъ Божіихъ служителей стараго добраго времени, поколѣніе каковыхъ къ жалости сокращается, если только не прекращается, — какъ разъ въ то время, когда его сына сажали въ крѣпость за покушеніе ниспровергнуть весь государственный и церковный строй.—*Соловьевъ* сосланъ въ Сибирь, и тамъ едва-ли не померъ.—Знаменитый эмансипаторъ женской половины человѣчества *Михайловъ* сосланъ въ Сибирь, и померъ на пути.—*Герценъ*, подущавшій поляковъ и русскихъ противъ государственнаго порядка, оплеванъ поляками и оставленъ всѣми русскими.—Въ его заграничномъ лагерѣ вышелъ скандальный расколъ: *Кельсіевъ* обратился съ покаяніемъ и откровеніями на собственный счетъ въ Россію. — *Некрасовъ*, никогда не отличавшійся честностью, запѣлъ на общій ладъ по поводу 4-го апрѣля. *Студенты Московскаго Университета* пѣли молебенъ у Иверской и ходили подъ окна Каткова фетировать его по поводу того же 4-го апрѣля.—*4-е апрѣля убило само себя.* Мнѣ написалъ одинъ весьма либеральный прежде господинъ: „я бѣжалъ въ соборъ на молебенъ, съ крикомъ въ душѣ: „пожаръ, пожаръ! Гнусность! Нужно спасать и спасаться отъ общаго бѣдствія!“—Послѣ 4-го апрѣля всѣ съ отвращеніемъ отвергнулись отъ гнусностей этого направленія, царившаго лѣтъ 6—7 надъ Россіею. — *Головнинъ* стерся; ему уже за годъ предъ симъ Государь сказалъ: *le Monstre...*, и онъ вышелъ изъ кабинета царскаго со слезами на глазахъ.—Полетѣли *Суворовъ* и другіе. *Пыпинъ* съ братіею исчезли. *Антоновичъ*, *Семевскій* занялись какими-то невинными вещами.—Въ *Русскомъ Словѣ*, превратившемся въ *Дѣло*, уже былъ помѣщенъ романъ на тему, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается — въ упоръ роману *Что дѣлать?* Тѣмъ не менѣе *Дѣло и Современникъ* Высочайше запрещены. Въ диссонансъ съ общимъ настроеніемъ продолжалъ тянуть старую матерьялистическую соціалистическую пѣсню юный, отважный и даровитый *Писаревъ*. Я задавалъ себѣ вопросъ, что-то съ нимъ будетъ, какая судьба ждетъ его? Его судилъ судъ за какое-то сочиненіе и оправдалъ; но не оправдалъ судъ Божій. Въ этомъ году телеграмма во всѣхъ газетахъ: „утонулъ въ Ригѣ, въ Дуббельнѣ, купаясь, гдѣ купаются тысячи, гдѣ если бы хотѣть утонуть, то нельзя, потому что берегъ на цѣлыя версты въ глубь моря не глубже полу-роста человѣческаго“. А утонулъ, — или утопился, рѣшили.... Погребли его въ Петербургѣ, провели по Невскому съ вели-

кимъ сочувствіемъ: послѣдній раскатъ грома изъ уходящей тучи... Послѣдній голосъ пташки изъ большого хора... Послѣдній лучъ догорѣвшаго дня.... Послѣдняя искра потухающаго, потушеннаго пожара... Что угодно и какъ угодно... Послѣднее... Послѣдній слѣдъ прожитаго великаго, тревожнаго, ужаснаго для однихъ, восторгавшаго другихъ времени... Грустно!...

„*Миръ имъ, и благочестивое преклоненіе предъ былымъ*“!...

Русь, утвердившись опять на историческихъ своихъ основахъ, вступила въ новую, болѣе широкую фазу дѣла, изученія своего давно—и недавно—прошедшаго прошлаго, и развитія для грядущаго будущаго.

Вспомнимъ при этомъ древнее греческое изрѣченіе: γνῶθι σεαυτόν.

.... Вамъ уже чуждо это недавнее прошлое. Вы уже слишкомъ юное поколѣніе. А для меня — во мнѣ встаетъ громада моихъ собственныхъ личныхъ при этомъ воспоминаній, идей, рѣчей, увлеченій, увлеченій внутреннихъ и выражавшихся, страданій, чуть не сумашествія, гоненій, двукратнаго кровотеченія изъ здоровой совсѣмъ груди послѣ 4-го апрѣля, всесожженія многолѣтнихъ писаній, полжизни, пол-самого себя.... А я знаю, что будто по электрическому однородному импульсу то-же сдѣлали въ Россіи многіе, начиная съ В. К. К. Н.... Сколько значитъ памятниковъ великой, величайшей исторической эпохи истреблено?!....

И осталась, въ замѣнъ этихъ всѣхъ истребленныхъ памятниковъ, вѣковѣчнымъ въ ученіе и намъ, и потомству нашему памятникомъ мраморная часовня въ Лѣтнемъ Саду, на гранитномъ берегу Невы, съ своими иконою Александра Невскаго, лампадою и крестомъ на верху въ Петербургскомъ небѣ. И я теперь, ѣдучи въ Казань, въ сумракѣ Петербургскаго вечера перекрестился подъ сводомъ этой часовни: „прости намъ, Господи, грѣхи прошлыхъ мысли, слова и дѣла, и избави отъ бѣдъ и искушеній, и напастей грядущихъ“.

Кончина Преосвященнаго Евѳимія, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго.*)

Въ 5 часовъ 20 минутъ по-полудни 17-го Октября 1863 года на пятидесятомъ году отъ рожденія скончался въ Саратовѣ преосвященный Евѳимій, епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Кончина его была истинно-замѣчательная:

Тяжко разболѣлся онъ во время послѣдней поѣздки своей по епархіи. Поѣздка эта продолжалась отъ 31 Августа по 9 Сентября. Съ раннихъ лѣтъ молодости, именно съ послѣднихъ годовъ воспитанія въ Курской семинаріи, покойный Архипастырь нажилъ себѣ недугъ, который сопутствуетъ въ жизни почти всѣмъ людямъ, прокладывающимъ себѣ жизненную дорогу работою головы, обыкновенно сопровождаемою сидячимъ образомъ жизни, который сопутствуетъ особенно монахамъ, обреченнымъ на жизнь келейную, вполнѣ уединенную, чуждую всякихъ, даже безразличныхъ въ нравственномъ смыслѣ, общечеловѣческихъ развлеченій. Недугъ этотъ съ особенною силою раскрылся у покойнаго Архипастыря въ послѣдней его поѣздкѣ по епархіи, въ городѣ Сердобскѣ, 4-го Сентября. Причиною раскрытія недуга были изнуреніе отъ дороги, нужда отступить почти отъ всѣхъ установившихся привычекъ въ образѣ жизни, особенно напряженные труды и неизбѣжныя огорченія при непосредственной встрѣчѣ съ такимъ количествомъ подвѣдомыхъ людей и ихъ недостатковъ, какое неизбѣжно встрѣчаетъ Архипастырь въ короткій промежутокъ объѣзда своей епархіи. Сопро-

*) Статья напечатана въ „Странникѣ“ за 1864 годъ.

вождавшему нашего Архипастыря въ его поѣздкѣ члену Консисторіи, ключарю священнику В. А. Θеофарову, почувствовавъ припадокъ недуга, Владыка сказалъ: „вотъ вмѣсто того, чтобы ѣхать далѣе, мы должны лечиться“, и пригласилъ къ себѣ врача. Употреблены были какія-то энергическія средства, чтобъ хотя на время остановить крайнее обнаруженіе болѣзни. Измѣнить хоть и по нуждѣ своему долгу, отступить отъ маршрута, когда пріѣзда Владыки въ назначенные часы въ назначенныхъ мѣстахъ, конечно, ждали многіе, покойному Архипастырю пока и на мысль не приходило. Немощный отправился онъ въ дальнѣйшій путь, отнявъ для себя — для своей болѣзни у назначеннаго по маршруту времени только два часа, выѣхавъ далѣе вмѣсто назначенныхъ 7-ми въ 9 часовъ утра. Въ большомъ селеніи Бековѣ 5-го Сентября болѣзнь усилилась. А предположенный путь былъ только въ половинѣ. Всегда и во всемъ вѣрный себѣ, разъ заданному намѣренію, Владыка, не смотря на крайнее изнуреніе, выдержалъ предположенный путь до конца. Какъ было предположено, къ 9-му числу Сентября Владыка поспѣшилъ въ Саратовъ, и поспѣшалъ тѣмъ болѣе, что нужно было принимать въ Саратовѣ господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, который къ 9-му же числу Сентября обѣщалъ быть въ Саратовѣ изъ Астрахани. Но тутъ на пути встрѣтила нашего Архипастыря одна изъ дорожныхъ непріятностей, которыя иногда имѣютъ даже для жизни людей роковое значеніе, — сломалось колесо у экипажа: эта непріятность и физически потрясла и нравственно огорчила физически немощнаго путника. Онъ долженъ былъ ѣхать далѣе въ чужомъ, неприспособленномъ къ его недугу экипажѣ, и разбитый, изнеможенный къ ночи 9-го Сентября прибылъ въ Саратовъ. Неизбѣжнымъ дѣломъ тутъ было прежде всего посовѣтоваться съ врачемъ; домашнимъ врачемъ покойнаго Владыки былъ Ив. В. Ельчинскій. Увидѣвъ его послѣ дороги, докторъ не могъ не воскликнуть: „ахъ, Боже мой!... Ваше Преосвященство“!

„Какъ я дурно себя чувствую, докторъ“, — ему на это отвѣчалъ Владыка, что и сталъ повторять приближеннымъ къ нему людямъ.

Увидѣвъ его по возвращеніи въ Саратовъ, мы не могли не придти въ смущеніе: всегда блѣдный, безъ кровинки подъ кожею, слегка темноватый, болѣзненный колоритъ его лица въ ту пору измѣнился въ прозрачно-блѣдный съ тонкимъ, однако-же довольно бросавшимся въ глаза оттѣнкомъ желтизны; движенія всегда степенно-медленныя тутъ замѣтно стали вялыми; голосъ не громкій, не звучный никогда, тутъ

ослабѣлъ замѣтно; жалобы на нездоровье стали рѣшительнѣе. И, дѣйствительно ходъ болѣзни сталъ довольно зловѣщъ: больной истекалъ кровью; въ чахломъ всегда и чахнущемъ организмѣ стала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляться совершенно ненормальная въ такихъ обстоятельствахъ полнота. И онъ самъ, жалуясь на свои недуги, затруднялся, и мы не хотѣли себѣ назвать его недугъ собственнымъ именемъ — начинающейся, вслѣдствіе истеченія кровью, водянки.

Не смотря на это ни ложиться въ постель, ни объявлять себя оффиціально больнымъ, ни даже оставлять дѣла Владыка не думалъ. Да тутъ кстати и неудобно было. Съ 9-го же и по 13-е Сентября присутствовалъ въ Саратовѣ г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода: нужно было принимать его, давать ему объясненія по текущимъ дѣламъ мѣста и назрѣвающимъ вопросамъ времени, излагать главныя нужды края по нашему духовному вѣдомству. Ни тѣни тутъ, конечно, какой-либо крайней предупредительности не было: долгъ подобающей внимательности нашъ Архипастырь исполнялъ тутъ, какъ и все, что считалъ своимъ долгомъ. Посѣщеніемъ г. Оберъ-Прокурора, по всему замѣтно было, остался онъ очень доволенъ.

По отбытіи г. Оберъ-Прокурора, владыка съ особою энергіею занялся текущими дѣлами и особенно по вопросу о преобразованіи быта духовенства. Подходило 1 октября—послѣдній срокъ, къ которому должно было представить въ С.-Петербургъ въ Высочайше учрежденное Присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства соображенія, какъ по I и IV отдѣламъ вопросовъ программы, по которымъ голосъ свой подавало все мѣстное духовенство, такъ и по II—III отдѣламъ вопросовъ, по которымъ свое мнѣніе должны были представить отъ себя только архіереи. Нашъ архипастырь этимъ дѣломъ былъ крайне озабоченъ: оно въ послѣднее время не давало ему отдыха днемъ и покоя ночью. И обязанный, и съ своей стороны находя нужнымъ совѣщаться по этому дѣлу съ опытнѣйшими изъ подчиненныхъ ему лицъ, онъ, смертельно больной, по возвращеніи изъ поѣздки по епархіи, три или четыре раза приглашалъ насъ—членовъ и секретаря консисторіи къ себѣ на особыя засѣданія. Засѣданія эти представляли зрѣлище, вѣроятно, небывалое, въ другихъ мѣстахъ невиданное. Изжелта прозрачно блѣдный, едва передвигая ноги съ кипою бумагъ въ рукахъ, бывало, выходитъ нашъ владыка изъ своего кабинета въ гостинную, въ наше собраніе. „Садитесь, отцы и братья! И посмотрите кстати, какъ архіереи стоятъ на колѣняхъ“. Съ этими словами придвигаетъ

къ столу подножную подушку и съ выраженіемъ боли на лицѣ опускается на подушку на колѣна. Такъ простаивалъ онъ въ нашемъ собраніи на колѣнахъ часа по четыре; совѣщанія эти продолжались часовъ по пяти. Когда уставалъ стоять на колѣнахъ, тогда на нѣсколько минутъ онъ поднимался на диванъ, но не садился, а прилегалъ въ полусидячемъ положеніи, и потомъ, снова опустившись на колѣна, продолжалъ работать. Эти изнурительныя для него совѣщанія кончились, наконецъ, тѣмъ, что въ одно изъ послѣднихъ чиселъ сентября онъ назначилъ было еще подобное собраніе, но отмѣнилъ потому, что ноги, наконецъ, перестали носить его и заставили слечь въ постель, съ которой сошелъ онъ въ гробъ и могилу. До этой поры кромѣ того, что держалъ эти совѣщанія по вопросу о преобразованіи быта духовенства, текущими дѣлами своими занимался онъ съ обычнымъ своимъ постоянствомъ, обыкновеннымъ порядкомъ: принималъ просьбы, просителей, посѣтителей, ректора и инспектора семинаріи, секретарей консисторіи и семинарскаго правленія, каѳедральнаго протоіерея, вмѣстѣ съ которымъ въ эти дни особенно хлопоталъ объ окончаніи работъ по возобновленію нижней церкви Каѳедральнаго собора, постоянно принималъ своего домашняго письмоводителя и всѣхъ имѣвшихъ къ нему какое-либо дѣло. Писалъ онъ все, что отъ него требовалось по текущимъ дѣламъ, не иначе, какъ лежа у себя въ кабинетѣ.

Болѣзнь между тѣмъ шла своимъ роковымъ ускореннымъ ходомъ. Съ 14 сентября больной совсѣмъ почти пересталъ принимать пищу. 28-го сентября созванъ былъ первый консиліумъ врачей для остановки кровотеченія. Въ эту сторону направленныя усилія врачей имѣли успѣхъ; но 2 октября открылось въ больномъ другое зловѣщее разстройство (диссинтерія). Кромѣ того рѣшительными признаками обнаружилась водянка. Кромѣ того появились зловѣщія опухоль и изъязвленія на языкѣ (молочница). Двое изъ врачей, бывшихъ на первомъ консиліумѣ, сказали кое-кому по секрету, что у больнаго, кромѣ всего прочаго, изнурительная лихорадка, что онъ проживетъ еще недѣли двѣ, но неизбѣжно сляжетъ въ гробъ. Пошла по городу молва, что архіерей безнадеженъ. Съ 3-го октября онъ отказался принимать не только пищу, но и чай, и питался только самымъ небольшимъ количествомъ бульона, который принимать его принуждали. Дѣлами однакоже заниматься не переставалъ, теперь однакоже не иначе, какъ при помощи письмоводителя: письмоводитель отбиралъ у просителей прошенія, прочитывалъ владыкѣ бумаги и со словъ его писалъ резолюціи, которыя архіерей

подписывалъ своеручно. Октября 4-го, какъ осмѣлился письмоводитель доложить, что нѣкоторыя дѣла можно было-бы отправить на разсмотрѣніе въ консисторію, чтобъ ему, больному, меньше безпокоиться и утомляться, архіерей не безъ огорченія замѣтилъ: „я самъ скажу, когда не въ силахъ буду заниматься". Въ тотъ-же день, когда отъ имени ректора семинаріи владыкѣ доложено было, не соблаговолитъ-ли онъ, по тяжкой своей болѣзни, предоставить правленію семинаріи прямо отъ себя представить одно дѣло на утвержденіе высшаго начальства, владыка не только потребовалъ дѣло къ себѣ, но даже, по обычной своей изумительной аккуратности, выискалъ въ весьма сложной выкладкѣ цифръ; дѣло шло о выдачѣ значительной суммы подрядчику, перестроившему духовное училище, даже выискалъ недоразумѣніе, на которое потребовалъ себѣ формальное объясненіе. На завтра ректоръ получилъ отъ него записку содержанія: „потрудитесь соображенія" такія-то „писать" такъ-то. „Объяснимся послѣ. Бумаги пока всѣ доставляйте мнѣ чрезъ письмоводителя моего, если когда не могу принять кого-либо изъ васъ". 5-го октября, видно, еще владыка не думалъ умирать.

Въ тотъ-же день въ Консисторіи предложено было сдѣлать распоряженіе объ открытіи моленій въ церквахъ о здравіи тяжко больного архипастыря. Тутъ было замѣчено: „поможетъ-ли"?

„Н-н-ну, поможетъ-ли"...

„Т. е. представьте, что болѣзнь имѣетъ ходъ роковой. Для насъ тогда наши молитвы будутъ имѣть умиляющее вліяніе добраго нравственнаго дѣйствія. А узнаетъ больной, — какъ подѣйствуетъ это на него? Какъ бы не растревожить его".

„Мы доложимъ".

„Это дѣло".

Доложили. „Прошу", говоритъ, — „мои отцы въ крестовой уже молятся за меня. Помолитесь и вы".

Съ 6-го октября по всѣмъ церквамъ Саратова, начиная съ каѳедральнаго собора, начались особыя моленія о здравіи и спасеніи болящаго архипастыря. Здѣсь, въ каѳедральномъ соборѣ, когда на сугубой эктеніи пришлось возносить прошенія о здравіи болящаго, голосъ у дьякона порвался, это имѣло для присутствующихъ значеніе электрической искры, потекли у нѣкоторыхъ слезы, послышались вздохи и стоны... Предъ литургіей былъ у больного второй консиліумъ врачей. Послѣ литургіи онъ потребовалъ къ себѣ каѳедральнаго протоіерея, а

ректоръ семинаріи прибылъ самъ въ архіерейскій домъ, чтобы справиться о здоровьи. Приглашены были въ спальню къ больному архипастырю оба. „Миръ вамъ“. Тѣ поклонились и поцѣловали благословляющую руку. Сѣли. Больной съ постели не поднимался, лицо истощенное, глаза полузакрытые, говоръ слабый, неясный. Рѣчь, начавшись состояніемъ здоровья архипастыря, перешла на каѳедральный соборъ, на нижнюю соборную церковь. За этимъ собственно,—о ней потолковать владыка и пригласилъ каѳедральнаго.

Здѣсь кстати сказать, что покойный преосвященный епископъ Евѳимій въ короткій трехлѣтній періодъ пребыванія своего въ Саратовѣ сдѣлалъ для благоукрашенія церкви каѳедральнаго собора очень много, и это тогда, какъ въ каѳедральномъ соборѣ не было почти никакихъ денежныхъ средствъ, а нуждъ было много. Именно, послѣ многолѣтнихъ хлопотъ, безплодно положенныхъ на дѣло тремя сряду слѣдовавшими преосвященными архіереями, Іаковомъ, Аѳанасіемъ и Іоанникіемъ, преосвященный Евѳимій достигъ, наконецъ, что верхняя церковь каѳедральнаго собора стала зимою натапливаться въ надлежащую мѣру; а прежде, бывало, сколько дровъ ни сожгли бы въ печахъ, соборъ все холоденъ, такъ что зимою въ немъ службу Божію можно было совершать съ трудомъ, и полунатопленный, полусырой, полухолодный съ необыкновенными теченіями воздуха внутри, онъ производилъ превредное вліяніе на здоровье; это неудобство значительно отклонено, цѣль нагрѣвать соборъ въ достаточную мѣру достигнута осуществленіемъ простой мысли преосвященнаго Евѳимія: перекладкою печей, устройствомъ фонаря у главной входной двери, а главное очищеніемъ отъ накопившагося въ полвѣка и загнившагося мусора и обмазкою верхнихъ, устроенныхъ изъ дерева, сводовъ. Дѣло стоило средствъ, а средства нужно было изыскать; содѣйствовалъ владыкѣ въ этомъ дѣлѣ каѳедральный староста И. Т. Полеводинъ. Далѣе, при дѣятельномъ пособіи каѳедральнаго протоіерея М. С. Воронцова покойный архипастырь изыскалъ средства и сдѣлалъ слѣдующія пріобрѣтенія и перестройки въ соборѣ: устроилъ великолѣпную святительскую мантію, двое богатѣйшихъ сулковъ, новую роскошную митру, огромныхъ размѣровъ (въ нѣсколько саженей длины и ширины) завѣсу для царскихъ дверей, покровы для священныхъ сосудовъ, траурное облаченіе на жертвенникъ и престолъ; перезолотилъ священные сосуды, устроилъ тяжеловѣсный сребропозлащенный осмиконечный осѣняльный крестъ, сребропозлащенный съ драгоцѣнными камнями святительскій посохъ,

таковые-же дикирій и трикирій, кованое сребропозлащенное небольшихъ размѣровъ напрестольное евангеліе; устроилъ хоругви съ сребропозлащенными навершниками, икону распятія Господня съ позолоченною рамою и стойкою за жертвенникъ, два изящные въ алтарь дубовые шкафа, передѣлалъ старое лучшее облаченіе, хлопоталъ объ устройствѣ новаго и безъ сомнѣнія устроилъ бы скоро, еслибы жилъ. Многое изъ этихъ предметовъ сдѣлано на средства ему одному — усопшему архипастырю извѣстныя, многое на пожертвованія добрыхъ людей, а нѣкоторыя вещи, напр. осѣняльный крестъ и евангеліе на собственныя средства его преосвященства. Капитальная же, произведенная имъ въ каѳедральномъ соборѣ, передѣлка — это возобновленіе нижней соборной церкви. По первоначальному плану собора нижняя часть его та, что теперь нижняя церковь, была только подваломъ. Не достигнувъ того, чтобъ верхнюю соборную церковь зимою можно было довольно натапливать, покойный преосвященный епископъ Іаковъ вынужденъ былъ подвальную часть собора превратить и на пожертвованія добрыхъ людей превратилъ въ церковь о трехъ престолахъ. Но пожертвованія были небогаты, соборныя средства скудны, подвалъ представлялъ для благолѣпнаго превращенія мало удобствъ и много препятствій, и церковь изъ него первоначально вышла не особенно благолѣпная: сходы внизъ своею крутизною, тѣснотою, сыростью напоминали больше подвалъ, чѣмъ церковь и еще соборную каѳедральную; свѣта въ церкви оказалось мало и тотъ только по угламъ; иконостасы миньятюрные, скудные. Нужно было изыскать, и покойный преосвященный Евѳимій изыскалъ средства для капитальной передѣлки этой церкви. Главнымъ жертвователемъ на эту церковь оказался наслѣдникъ умершаго въ Москвѣ саратовскаго виннаго откупщика, племянникъ его, который на поминъ души своего дяди пожертвовалъ въ Саратовскій каѳедральный соборъ 4000 р. На эти и нѣкоторыя другія средства устроены великолѣпные, просторные, чистые, свѣтлые сходы въ нижнюю соборную церковь; расширены въ ней окна; во всю ширину церкви устроены изящные, сверху до низу вызолоченные иконостасы и кіоты для горнихъ мѣстъ; иконы въ строгомъ византійскомъ иконописномъ стилѣ написаны для иконостасовъ, для горнихъ мѣстъ новыя, для чего выписанъ въ Саратовъ искусный иконописецъ; потолокъ въ алтаряхъ росписанъ. Главный алтарь покойный архипастырь посвятилъ памяти славнаго и свѣтлаго Воскресенія Господа нашего въ ясно сознаваемой имъ, — покойнымъ архипастыремъ и за долго до смерти,

нѣсколько разъ высказанной, мысли, что соборъ этотъ долженъ быть усыпальницею саратовскихъ святителей и что, быть можетъ, ему самому—обновителю церкви придется на вѣки сложить въ немъ свои кости. Торопились покончить съ работами къ началу зимы. Въ октябрѣ 1863 года онѣ приближались къ концу. О нихъ-то потолковать и собрался теперь владыка съ отцомъ каѳедральнымъ. „Ну, что соборъ нашъ"?

— „Поспѣваетъ, владыко святый".

„Скоро освящать... Облаченія на престолы, завѣсы нужны... Первый вотъ архіерей приноситъ свою посильную жертву. Василій!" Подошелъ келейникъ, служившій при покойномъ владыкѣ, болѣе 15-ти лѣтъ, послушникъ о. Василій. „Подай матерію ту, дамà..... Возьмите вотъ. Выйдетъ облаченіе на престолъ... Освящать..."

„Да, надо-бы къ зимѣ... Хотѣлось бы намъ",—замѣчаетъ каѳедральный,—„къ зимѣ перейти съ верху внизъ".

„Что-жъ, приготовляйтесь. Торопите освященіе... Не я, такъ другой освятитъ... Преемникъ мой освятитъ".

Это была первая высказавшаяся мысль покойнаго архипастыря о близкой смерти.

Это было около полудня. Къ вечеру того-же дня онъ растосковался. Зоветъ къ себѣ эконома архіерейскаго дома священника Ив. Г. Альбицкаго. Это человѣкъ въ отношеніи къ покойному владыкѣ замѣчательный. Уроженецъ владимірской епархіи и воспитанникъ владимірской семинаріи, онъ жилъ съ дѣтства и выросъ при покойникѣ, когда тотъ состоялъ на духовно-училищной службѣ во Владимірѣ; по окончаніи курса сдѣлался священникомъ тамъ-же, во владимірской епархіи, а, по переводѣ преосвященнаго Евѳимія на каѳедру саратовскую, перемѣщенъ имъ въ Саратовъ, сдѣланъ настоятелемъ одной изъ городскихъ церквей и экономомъ архіерейскаго дома, и въ этомъ положеніи былъ ближайшимъ келейнымъ человѣкомъ покойнаго владыки. Такъ, въ вечеръ 6-го октября зоветъ къ себѣ владыка отца эконома и: „скажи",—говоритъ,—„что говорятъ вамъ обо мнѣ врачи"?

„Говорятъ"—отвѣчалъ тотъ довольно прямодушно,—„что болѣзнь вашего преосвященства серьезна и сомнительна, но надежда еще не потеряна!"

.... „Они обманываютъ",—заговорилъ, подумавъ, больной, „и себя и меня. Я лучше всѣхъ ихъ знаю, что мнѣ уже не встать.... Я не дорожу жизнью. И никогда не дорожилъ ею. Доселѣ я видѣлъ одни

только труды и болѣзни. И въ будущемъ не предвижу ничего лучшаго, кромѣ трудовъ и болѣзней, а потому чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше расчитаться съ жизнью... Самое худое тутъ-то, что нѣтъ у меня духовнаго завѣщанія, не составлено описи ни имуществу, ни книгамъ. Ради Бога, займись ты у меня этимъ дѣломъ безъ отлагательства".

Пріѣхалъ тутъ докторъ навѣстить. Владыка ему говоритъ: „я буду подчиняться всѣмъ вашимъ требованіямъ. Но вы мнѣ ужъ не мѣшайте употребить свои средства—духовныя: завтра я намѣренъ исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ", и тутъ-же сдѣлалъ распоряженія относительно времени и чина совершенія св. таинствъ.

На завтра, 7-го Октября, въ раннее утро владыка исповѣдался у отца своего духовнаго, крестоваго іеромонаха Антонія. Въ седьмомъ-восьмомъ часу утра тѣмъ-же о. духовникомъ совершена въ крестовой церкви литургія. А въ кельяхъ иподіаконъ о. Василій Николаевскій читалъ болящему владыкѣ правило предъ причащеніемъ Св. Таинъ. Когда по чину литургіи, совершаемой въ крестовой, приближалось время причастія, владыка, кромѣ полнаго домашняго костюма, облачился въ святительскую мантію и полуомофоръ и въ сопровожденіи домашнихъ, никѣмъ, по его волѣ, не поддерживаемый, пошелъ на встрѣчу своему Спасителю и Господу, грядущему къ нему въ Святыхъ Тайнахъ. Никѣмъ не поддерживаемый, прошелъ три комнаты до гостинной; но тамъ отъ свѣжести воздуха была опасность простудиться, и больной воротился въ спальную комнату. Сюда, во время причастна служащимъ духовникомъ въ сопровожденіи иподіаконовъ съ дикиріемъ и трикиріемъ изнесены были Св. Дары. Немощный архипастырь самъ, никѣмъ не поддерживаемый, припалъ предъ лицомъ Св. Даровъ челомъ своимъ къ самой землѣ. Самъ затѣмъ, стоя никѣмъ не поддерживаемый, прочиталъ молитвы и причастился Св. Таинъ по чину священническому сначала видомъ освященнаго животворящаго хлѣба, а потомъ вина. Потомъ говоритъ: „ступайте". И когда тѣ двинулись всѣ, онъ никѣмъ не поддерживаемый, въ изнуреніи силъ, сталъ опускаться въ кресло и отъ безсилія упалъ... Тѣмъ не менѣе принятіе Св. Таинъ ободрило его и подкрѣпило. Сами врачи, которые въ тотъ-же день въ 2 часа по-полудни держали у него третій консиліумъ, нашли и увѣряли его, что ему лучше на томъ основаніи, что опухоли во внутренностяхъ и въ одной изъ ногъ опали. Не то думалъ самъ больной. Не туда уже клонилась мысль его, не къ жизни, а къ смерти. Не тотъ это былъ характеръ, чтобы разъ сказать, что умретъ и не умереть.

Вечеромъ принятъ былъ имъ ректоръ семинаріи, прибывшій узнать объ его состояніи.

„Миръ вамъ, миръ вамъ"! — слабый говоръ и слабое даже не крестообразное движеніе благословляющей руки болящаго. Больной лежалъ на постели на полу, и это продолжалось до предпослѣднихъ дней жизни: такъ ему со дня перваго причастія Св. Таинъ понравилось; келейникъ вошелъ въ спальню и къ изумленію увидѣлъ, что владыка лежитъ на полу, на коврѣ.

„Что вы, ваше преосвященство!"

„Оставьте меня. Мнѣ такъ лучше".

Такъ его и оставилъ, только подослалъ подъ него кое-что. И это сочтено было худымъ предзнаменованіемъ: замѣчаютъ, будто больные, чувствующіе приближеніе своей смерти, чувствуютъ въ то-же время притяженіе къ землѣ — любятъ на землѣ лежать. Вошедшій ректоръ припалъ къ землѣ поцѣловать архипастырскую руку. — „Сядьте". Тотъ сѣлъ. Молчаніе.... „Здоровье вашего преосвященства?"

....„Что мое здоровье.... хочется имъ... врачамъ.... особенно одному изъ нихъ" (домашнему врачу), „чтобъ я былъ живъ.... Ну и увѣряютъ, что надежда еще не потеряна.... Находятъ благопріятные признаки... А я, признаюсь.... мало вижу этихъ признаковъ... И не раздѣляю чужихъ на мой счетъ надеждъ.... Смерть.... Смерть меня никогда не страшила".... И затѣмъ буквально повторено было то-же, что вчера сказано о. эконому: „я никогда не дорожилъ жизнью. Тѣмъ менѣе дорожу ею теперь. Сзади у себя я вижу только труды и болѣзни, а впереди тѣ-же труды и еще болѣе болѣзней.... И признаюсь, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше".... Усталъ, задумался, замолчалъ. Молчаніе продолжительное.

Ректоръ подумалъ: „дай отвлеку его мысль отъ смерти, по старому разскажу ему что-либо по части политики и тому подобное". Но лишь только заикнулся о газетныхъ новостяхъ, — больной опять заговорилъ.... „и тѣмъ менѣе хочется жить въ виду грядущихъ бѣдъ.... и на отечество.... и на Церковь.... и на духовенство".... Молчаніе довольно продолжительное... „И на самую вѣру"... Молчаніе продолжительное... „Съ Богомъ". Тотъ поднялся, припавъ къ землѣ, поцѣловалъ руку и вышелъ.

Октября 8-го секретарь Саратовской Консисторіи нашелъ нужнымъ телеграммою въ Петербургъ просить г. Сѵнодальнаго Оберъ-Прокурора, за тяжкою болѣзнью преосвященнаго Евѳимія, епископа

Саратовскаго, разрѣшить приводить въ исполненіе протоколы Консисторіи безъ архіерейскаго утвержденія, или поручить утвержденіе ихъ Пензенскому преосвященному. А рапортомъ отъ 9-го Октября, въ дополненіе къ телеграммѣ, секретарь донесъ г. Оберъ-Прокурору, что болѣзнь преосвященнаго Евѳимія приняла такіе размѣры, что одни изъ докторовъ признали ее неизлечимою, а другіе, хотя и не отказываются отъ возстановленія здоровья преосвященнаго, но объясняютъ, что это возстановленіе послѣдуетъ не скоро. Того-же 9-го Октября получена изъ Петербурга телеграмма отвѣтная, съ предписаніемъ обращаться съ дѣлами Саратовской Консисторіи къ Ѳеофилу, епископу Самарскому. Въ дѣятельности-же болящаго Саратовскаго архипастыря всѣ болѣе или менѣе мелкія, болѣе или менѣе крупныя житейскія попеченія въ эти дни, начиная съ 6-го Октября, слились въ единое величественное русло энергически-рѣшительнаго, спокойно-величественнаго приготовленія къ смерти, къ окончательному выходу въ океанъ вѣчности.

7, 8 и 9 Октября занимался владыка составленіемъ духовнаго завѣщанія и описей имуществу и книгамъ. Нѣсколько странно было войти въ эти дни въ его кельи. Подлѣ самой спальни, гдѣ болящій готовился къ смерти, въ большой библіотечной комнатѣ, тихо-сдержанно, чтобъ не тревожить больного, но тѣмъ не менѣе быстро шла работа,— перевѣрка по старой описи довольно значительной его библіотеки и составленіе описи новой. Въ тѣ же дни, нѣсколько разъ приглашали къ больному каѳедральнаго протоіерея для составленія духовнаго завѣщанія. Первоначально завѣщаніе свое больной архипастырь написалъ собственною рукою. Писалъ онъ теперь, какъ часто и прежде, обыкновенно лежа: клали ему на постель, какъ онъ называлъ, подложку, на подложку бумагу и карандашъ. Рука его, привыкшая не выпускать перо или карандашъ, служила ему совершенно исправно до 16-го Октября, до предпослѣдняго дня его жизни. Послужила-бы, конечно, и 17-го Октября, въ день смерти, да въ этотъ день ему незаблаго-разсудилось уже писать: ровно въ полночь съ 16 на 17 была прочитана ему уже отходная; мысль его послѣ того уже вполнѣ посвящена была предстоящей смерти. А голова его съ полною ясностью служила ему до послѣднихъ предсмертныхъ часовъ. Такъ первоначально свое завѣщаніе владыка написалъ собственноручно, хотя писать пришлось и не мало. Каѳедральному протоіерею затѣмъ поручилъ переписать его и округлить по надлежащей формѣ. Переписывалось и исправлялось завѣщаніе три раза. Наконецъ владыка и въ мысляхъ своихъ

установился окончательно и формою изложенія остался вполнѣ доволенъ. Работа по составленію духовнаго завѣщанія кипѣла по преимуществу 9-го Октября. 10-го самъ собственноручно подписалъ свое завѣщаніе, завѣщаніе касающееся пока болѣе родныхъ покойнаго, присныхъ и близкихъ; послѣ написалъ онъ и другое завѣщаніе — общее своей паствѣ.

Вотъ оно — первое его завѣщаніе у насъ подъ глазами, въ двухъ черновыхъ экземплярахъ, въ одномъ писанномъ рукою каѳедральнаго о. протоіерея, и въ другомъ, который былъ уже по всей формѣ скрѣпленъ подписями какъ завѣщателя, такъ и свидѣтелей, но залитъ еще при жизни покойнаго владыки чернилами, и потому владыка велѣлъ переписать его. Въ первомъ видимъ поправки, сдѣланныя собственною рукою владыки, собственноручныя его помѣтки, гдѣ должны быть подписи свидѣтелей и въ какой формѣ должна быть скрѣпа: „если завѣщаніе будетъ на нѣсколькихъ листахъ, то скрѣпа завѣщателя должна быть по листамъ“: и тутъ сказался законникъ, отличный знатокъ всѣхъ подходящихъ нашему званію узаконеній Россійской Имперіи. Вотъ оно — первое завѣщаніе предъ нами въ скрѣпленномъ завѣщателемъ экземплярѣ.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

„Азъ рабъ Божій, смиренный Евѳимій епископъ, приближаясь къ концу дней моихъ и отходя къ Господу Богу, но будучи совершенно въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти, прошу всѣхъ, кого я въ жизни моей оскорбилъ словомъ, дѣломъ, или помышленіемъ простить меня чистосердечно; если-же кто мнитъ, что онъ меня оскорбилъ чѣмъ, то прошу принять отъ меня удостовѣреніе, что и я простилъ ему все полно и искренно. Прошу всѣхъ не забывать меня грѣшнаго въ своихъ молитвахъ ко Господу. Миръ и благословеніе Божіе всей паствѣ моей.

„О погребеніи моемъ и относительно распредѣленія остающагося послѣ меня имущества оставляю слѣдующее завѣщаніе: 1) похоронить меня прошу въ Воскресенскомъ придѣлѣ каѳедральнаго собора, сзади столба, у праваго клироса; надъ могилою поставить образъ Распятія Господня, въ приличномъ видѣ, съ предстоящими при немъ, и сверхъ того внизу съ стоящими въ молитвенномъ видѣ святыми: Петромъ митрополитомъ Московскимъ и Евѳиміемъ Великимъ. На устроеніе самаго образа и сребропозлащенной для него ризы употребить остающееся послѣ меня серебро, значущееся по описи переданной мною при жизни еще душеприкащикамъ моимъ; 2) на погребеніе меня, равно какъ и

на сорокоусты во всѣхъ здѣшнихъ городскихъ церквахъ и монастыряхъ употребить тысячу руб. серебромъ изъ остающихся послѣ меня наличныхъ денегъ; 3) въ саратовскій каѳедральный соборъ на вѣчное поминовеніе меня съ родителями передать тысячу руб. въ 5% банковыхъ билетахъ". Далѣе, въ отдѣлѣ 4-мъ распоряженіе касательно находившагося при покойномъ владыкѣ родного племянника его, мальчика лѣтъ 16-ти, ученика духовнаго училища: приказывая тысячу рублей въ билетахъ отослать въ Курское семинарское правленіе на содержаніе племянника изъ процентовъ, преосвященный Евѳимій завѣщаваетъ выдать ему и самый капиталъ подъ условіемъ, „если онъ, по окончаніи курса, поступитъ въ священнослужители; въ противномъ случаѣ изъ сего капитала — пятьсотъ рублей выдать на Курское попечительство на бѣдныхъ духовнаго званія, и пятьсотъ рублей на священнослужителей и церковь пополамъ Корочанскаго уѣзда въ село Лучоки, съ тѣмъ, чтобы они пользовались отъ сего одними процентами; 5) „на священно-церковнослужителей и церковь за вѣчное поминовеніе меня", продолжаетъ завѣщатель, „и моихъ родителей Корочанскаго уѣзда въ слободу Радьковку отослать тысячу рублей, съ тѣмъ, чтобы духовенство и церковь пользовались пополамъ съ сего капитала одними процентами; 6) изъ имѣющихъ затѣмъ остаться денегъ триста рублей отдать въ здѣшнюю крестовую церковь въ пользу братіи за вѣчное поминовеніе меня съ родителями; триста рублей отдать послушнику моему В. Благовѣщенскому, 15 лѣтъ прослужившему мнѣ съ отличною вѣрностью и усердіемъ; сто рублей передать въ здѣшнее попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія; сто рублей на здѣшнее-же училище для дѣвицъ духовнаго званія и пятьдесятъ рублей на здѣшній дѣтскій пріютъ. Затѣмъ остальныя... отослать въ Курскую духовную консисторію съ тѣмъ, чтобы половина ихъ теперь-же отдана была матери моей, Корочанскаго уѣзда, слободы Радьковки, вдовой дьячихѣ Н. А. Поповой для передачи семейству сестры моей А. И. Демченковой, а отнюдь не для раздѣла съ кѣмъ-либо изъ родныхъ, за что семейство это должно покоить и въ свое время честно погребсти мать мою и совершать въ день смерти моей ежегодныя по насъ поминовенія, а изъ другой"... распоряженія касательно брата—діакона и зятя священника... 7) „изъ книгъ моихъ, по пересмотру душеприкащиковъ съ здѣшнимъ ректоромъ семинаріи, какихъ нѣтъ въ здѣшнихъ семинарской или ученическихъ библіотекахъ, или какихъ мало, тѣ передать въ семинарскія библіотеки; для ученическихъ библіотекъ, какія изъ моихъ книгъ окажутся

для сего годными, половину отдать въ здѣшнюю, а другую отослать въ Владимірскую ученическую библіотеку"... Затѣмъ распоряженіе касательно ризницы, составлявшей собственность покойнаго архипастыря: большую часть завѣщалъ Саратовскому каѳедральному собору, часть крестовой церкви Саратовскаго архіерейскаго дома и часть въ Хутынскій монастырь Новгородской епархіи, въ которомъ былъ настоятелемъ, будучи викаріемъ Новгородской митрополіи; 10) „архіерейскую мою грамоту, напечатанную на бѣломъ атласѣ, передать въ соборную ризницу"...; 12) „Приведеніе сего моего завѣщанія въ исполненіе поручаю моимъ душеприкащикамъ—каѳедральнаго собора протоіерею Михаилу Воронцову и здѣшней Срѣтенской церкви священнику Іоанну Альбицкому, которыхъ прошу послѣднюю мою волю исполнить свято и въ точности"...

Затѣмъ собственноручная подпись и скрѣпа по листамъ преосвященнаго завѣщателя: „что сіе завѣщаніе писано со словъ моихъ" тѣмъто, „въ томъ удостовѣряю собственноручнымъ моимъ подписомъ Евѳимій епископъ Саратовскій и Царицынскій". Затѣмъ подписи свидѣтелей: „статскаго совѣтника Гавріила Степанова Воскресенскаго, статскаго совѣтника Василія Степанова Колерова,—вице-предсѣдателя уголовной палаты, и титулярнаго совѣтника Михаила Васильевича Окнова секретаря консисторіи". Гавріилъ Степановичъ Воскресенскій и Василій Степановичъ Колеровъ — люди пожилые, почтенные, оба духовнаго происхожденія и духовнаго академическаго образованія, оба изъ Саратовскихъ гражданскихъ чиновъ чуть не единственные при жизни домашніе собесѣдники покойнаго архипастыря. Замѣчательно, что принявъ разъ въ эти дни Г. С. Воскресенскаго, владыка, должно-быть на прощаньи - это хорошо не знаемъ,—„поцѣлуйте меня", — говоритъ ему. Тотъ исполнилъ волю умирающаго и смутился: „что вы, владыка"?...

„Прощаюсь съ вами... Жаль мнѣ съ вами разставаться".

„Ну полноте... Мы будемъ съ вами еще по прежнему по вечерамъ чаи распивать"...

„Нѣтъ, Гавріилъ Степановичъ, мнѣ ужъ не встать". Тутъ сказалась любовь, если не къ жизни, то къ человѣку, котораго любили при жизни; сказалось естественное стремленіе жизни умирающей приласкаться при прощаньи къ живому, съ которымъ на вѣки разлучаешься, къ живому—близкому—дорогому, какое только могло быть въ жизни и стоять вблизи одра смертнаго у монаха...

Прочихъ посѣтителей навѣщавшихъ архіерейскій домъ, чтобы освѣдомиться о здоровьи архіерея, въ эти дни онъ не принималъ. Госпо-

дину губернатору, князю Владиміру Алексѣевичу Щербатову велѣлъ сказать: „благодарю. И прошу князя простить меня во всемъ, чѣмъ, быть можетъ, огорчилъ его". А начальницѣ института благородныхъ дѣвицъ тоже пріѣзжавшей, если можно, навѣстить больнаго, или по крайней мѣрѣ выразить ему свое участіе освѣдомленіемъ объ его здоровьѣ, велѣлъ передать: „благодарю за участіе. И душевно жалѣю, что не буду въ состояніи поблагодарить ее лично". Ей одной изъ Саратовскихъ дамъ, по особенному вниманію сколько къ исключительному ея положенію въ обществѣ, столько-жъ и еще болѣе къ ея признанному высокому уму и характеру, покойный архипастырь удѣлялъ нерѣдко цѣлые часы домашней бесѣды.

9-го числа Октября, вчернѣ, собственною рукою написалъ владыка письмо къ С. епископу К—му. О преосвященномъ С. покойный преосвященный Евѳимій всегда отзывался съ особеннымъ сочувствіемъ, какъ о человѣкѣ мягкаго сердца, „миломъ, симпатичномъ". Въ тотъ-же день собственноручно написалъ и переписанное подписалъ собственною-же рукою наставленіе своимъ „душеприкащикамъ протоіерею Воронцову и священнику Альбицкому". Въ наставленіи завѣщаетъ: „1) похоронить прилично, въ чемъ долженъ дѣятельно помогать о. ключарь; 2) на могилѣ скласть склепъ, противъ котораго внизу, на кіотѣ прибить мѣдную вызолоченную доску съ надписью: „здѣсь покоится тѣло Евѳимія епископа Саратовскаго и Царицынскаго, скончавшагося 1863 года. (Такъ! Годъ именно 1863-й означенъ) мѣсяца въ день на 50-мъ (Такъ!) году отъ рожденія".

„Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ".

„На погребеніе мое вызвать епископа Самарскаго" и т. д. разныя распоряженія, изъ которыхъ болѣе замѣчательно завѣщаніе, пріобрѣтенныя покойнымъ архипастыремъ для сельско-приходскихъ школъ нѣкоторыя „книги, какъ и имѣющіяся, полученныя изъ синодальной типографіи разослать чрезъ Консисторію безмездно для училищъ, остающіяся таблицы Золотова" — покойный архипастырь весьма уважалъ ихъ, хотя и зналъ, что народъ особенно въ раскольническихъ и полураскольническихъ селеніяхъ противъ таблицъ этихъ предубѣжденъ, — „тоже разослать чрезъ Консисторію, гдѣ онѣ съ большею пользою могутъ быть употреблены". На смертномъ одрѣ, значитъ, благословилъ дѣло народнаго обученія, которому столько трудовъ и заботъ посвятилъ при жизни.

Въ тѣ-же два дня, 9 и 10 Октября владыка собственноручно написалъ двѣ, одну 9-го и другую 10-го Октября, резолюціи съ предоставленіемъ священническихъ мѣстъ въ Саратовской епархіи двумъ студентамъ перепросившимся въ нашъ край изъ другихъ епархій. Эти молодые люди, получивъ распоряженіе о принятіи ихъ въ Саратовскую епархію, прибыли сюда уже женатые, когда владыка уже лежалъ на смертномъ одрѣ. Что было-бы съ ними въ чужомъ краѣ, если-бъ умирающій архипастырь не озаботился окончательнымъ устроеніемъ ихъ судьбы, предоставленіемъ имъ священническихъ мѣстъ? Эти два трогательно-добрыя распоряженія были послѣдними резолюціями преосвященнаго Евѳимія, епископа Саратовскаго. Надо думать, оба новопоставленные священника до могилы своей собственной не забудутъ его въ своихъ молитвахъ... А впрочемъ, можетъ статься и забудутъ: память человѣческая довольно безсильна въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ противиться напору впечатлѣній свѣжихъ времени наступающаго и отстаивать противъ нихъ нужное для нихъ мѣсто, занятое впечатлѣніями старыми, временъ давноминувшихъ.

Въ этотъ-же день 10-го Октября владыка написалъ и переписанное подписалъ собственною рукою завѣщаніе къ своей паствѣ Саратовской. Это завѣщаніе:

„Возлюбленніи отцы, братія и сестры Богоспасаемыя паствы Саратовскія"!

„Мало времени пришельствовалъ я среди васъ, и вотъ по волѣ Вышней, иду уже къ пастыреначальнику Господу Іисусу, чтобы отдать отчетъ, между прочимъ, и о пастырствѣ моемъ между вами. Страшусь отвѣта сего... Но вы прощеніемъ своимъ во всѣхъ вольныхъ и невольныхъ моихъ опущеніяхъ, чѣмъ кому я долженъ былъ, а паче усердною домашнею и церковною молитвою споспѣшествуйте мнѣ въ тяжкомъ предстоящемъ мнѣ отвѣтѣ за васъ и за себя; болѣе-же всего образомъ мыслей въ духѣ древняго христіанства, жизнію по ученію Церкви Православной и образомъ дѣйствій искреннимъ, добросовѣстнымъ, вседушно преданнымъ нераздѣльной землѣ Русской и ея великодушному Монарху, устрояйте дѣла такъ, чтобы и другіе пастыри ваши, на служеніе вамъ посылаеміи, съ радостію сіе творили, а не воздыхающе. Что-же до меня, то я съ своей стороны съ любовію всѣхъ васъ прощаю и разрѣшаю, кромѣ связанныхъ по суду власти духовной, и аще обрѣту благодать предъ Богомъ, усердно буду молиться о благопоспѣшеніи вамъ

въ жизни здѣшней духовной, семейной и гражданской, а паче всего о наслѣдованіи жизни вѣчной, блаженной. Аминь."

Въ заключеніе собственноручная подпись: „Смиренный Евѳимій, Епископъ Саратовскій и Царицынскій. 10-го Октября 1863 г." И тутъ же собственноручная приписка карандашемъ: „это протодіакономъ должно быть прочитано по окончаніи погребенія, у гроба моего, обратясь къ народу".

Сдѣлано было послѣднее дѣло, и съ вечера того-же дня 10-го Октября началъ владыка очищать свой кабинетъ отъ всѣхъ бумагъ. О. экономъ и письмоводитель разбирали и подавали ему бумаги; онъ самъ карандашомъ дѣлалъ на нихъ надписи, съ какою бумагою какъ поступить, распорядившись, однѣ уничтожить, другія передать въ Консисторію, третьи оставить его преемнику по епископской каѳедрѣ. Такая очистка кабинета съ перерывами продолжалась до 15-го числа.

На слѣдующій день, Октября 11-го исписалъ онъ карандашомъ почти полъ-листа распоряженіями касательно подробностей своего собственнаго погребенія: „Одѣть меня, кромѣ бѣлья, въ подрясникъ, въ которомъ пріобщался, подпоясать поясомъ" такимъ-то, „а за тѣмъ архіерейское облаченіе соборное темное, но приличное, въ замѣнъ многаго моего, поступающаго въ соборъ. Панагію мою маленькую, крестъ мой красненькій, если нѣтъ подешевле соборнаго, затѣмъ митру соборную не неприличную, воздухъ, крестъ въ руки мой мѣдный, келейный, вычистивши его прежде, Евангеліе соборное, хотя бы то, взамѣнъ котораго я сдѣлалъ новое. Затѣмъ поверхъ гроба мантія, раскинутая во всю ширину (при погребеніи она снимется) и покровъ, если гдѣ въ церкви найдется готовый, приличный. Гробъ обить темно-фіолетовымъ полубархатомъ съ позументами и кистями мишурными. Тѣло по облаченіи и до положенія еще во гробъ выставить въ залѣ, а по положеніи вынести въ соборъ, отправляя ежедневно по двѣ панихиды общихъ въ 11 часовъ утра, и въ 5 или 6 вечера, не препятствуя служить и частныя панихиды. По погребеніи, тѣло должно быть обнесено вокругъ Собора. Въ 3-й день общая панихида, въ полугодовой и годовой тоже". Кромѣ того, въ этотъ-же день собственноручно, перомъ, не карандашомъ дѣлалъ владыка на описи собственнаго имущества отмѣтки, кому что оставляетъ на память и въ благословеніе: всѣмъ изъ близкихъ своихъ оставилъ по какому-либо памятнику; сюда пошли его кресты, четки, иконы и т. п.

12-е число Октября было для болящаго архипастыря днемъ тяжкимъ. Утромъ онъ чувствовалъ себя еще такъ себѣ, самъ умывался, посидѣлъ въ креслахъ. Но съ полудня растосковался. Къ вечеру сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во время всенощнаго бдѣнія,—была суббота, пришли къ нему шесть пѣвцовъ и тихо (trio) пропѣли ему особенно любимыя имъ, теперь имъ самимъ предварительно назначенныя пьесы: 1) „Реку Богу: почто мя забылъ еси?“... 2) „Предстательство христіанъ непостыдное“... 3) „Пріидите ублажимъ Іосифа“... 4) „Се женихъ грядетъ въ полунощи“... и 5) „Чертогъ Твой“... Умилительное пѣніе этихъ наиболѣе трогательныхъ церковныхъ пѣсней успокоило его нѣсколько и облегчило по крайней мѣрѣ душу, если не изможденное тѣло. Пѣвчихъ велѣлъ онъ напоить чаемъ и поблагодарить. Въ 9 часовъ, вечеромъ, когда прибылъ докторъ навѣстить, владыка попросилъ избавить его отъ лекарствъ: прежде онъ совершенно отказался было отъ всякаго рода порошковъ, отъ всякаго рода микстуръ, и могъ принимать лекарства только въ видѣ пилюль; а теперь отказался и отъ тѣхъ. Велѣлъ послать за каѳедральнымъ протоіереемъ и, когда тотъ прибылъ, велѣлъ распорядиться относительно совершенія надъ нимъ на завтра таинства Елеосвященія. Сначала принять таинство Елеосвященія предполагалъ онъ 9-го Октября, но отложилъ отчасти за житейскими попеченіями, а отчасти безъ сомнѣнія потому, что ясно чувствовалъ, что пока „не у пріиде часъ его“. А тутъ, въ вечеръ 13-го Октября онъ говоритъ каѳедральному протоіерею: „теперь я все сдѣлалъ. Остается сдѣлать еще два дѣла — причаститься Св. Таинъ и принять Елеосвященіе... А тамъ и смерти ждать,.. которой жду безъ особаго страха... Мнѣ еже жити Христосъ... еже умрети тожъ — Христосъ — пріобрѣтеніе“..... „Распорядитесь на завтра“... Распорядился было такъ, чтобъ ректоръ семинаріи съ двумя крестовыми іеромонахами на завтра, поутру въ 6 — 7 часовъ въ крестовой церкви совершилъ литургію, изнесъ потомъ Св. Дары для причащенія владыки и послѣ литургіи совершилъ надъ нимъ съ тѣми же іеромонахами св. таинство Елеосвященія. Ясно было, что болящій архипастырь затруднялся затруднить собою большее количество священнослужащихъ, полное седмеричное число священниковъ, требуемое церковнымъ уставомъ для совершенія таинства Елеосвященія,—затруднялся тѣмъ болѣе, что на завтра былъ день воскресный, когда всѣ священнослужащіе должны быть заняты службою Божіею.

Въ 11-ть часовъ вечера о. экономъ архіерейскаго дома лично повѣстилъ обо всемъ этомъ ректора: „плохъ, больно плохъ... Не знаю,

какъ бы онъ пережилъ сегодняшнюю ночь... Потрудитесь завтра въ крестовой церкви совершить литургію. Въ шесть часовъ потрудитесь, съ двумя іеромонахами. За литургіей владыка причастится, а потомъ и особоруется. Вы же втроемъ и особоруете. Такъ самъ распорядился"...

„Но хорошо"! возразилъ ректоръ. „Втроемъ соборовать архіерея! Мы должны имѣть въ виду, что будемъ дѣлать это въ виду всего Саратова, всего края,—можно сказать даже, всей Россіи. Скажутъ, въ Саратовѣ не оказалось семи священниковъ, чтобъ особоровать архіерея по чину, по уставу".

„Гдѣ-жъ ихъ теперь собирать? Теперь ночь. Самъ такъ распорядился".

„Доложить ему можно".

Рѣшено было, что сейчасъ семь человѣкъ священниковъ соберутся въ архіерейскій домъ,—что повѣстить ихъ ректоръ возметъ на себя,—что таинство Елеосвященія, если нужда окажется, совершатъ они ночью же,—что если нужда окажется, проведутъ въ кельяхъ владыки хоть цѣлую ночь. Часамъ къ 12 ночи явились въ архіерейскій домъ всѣ повѣщенные: ректоръ семинаріи архимандритъ Никаноръ, инспекторъ архимандритъ Александръ, каѳедральный протоіерей М. С. Воронцовъ, протоіерей І. В. Любомудровъ, ключарь священникъ В. А. Ѳеофаровъ; кромѣ ихъ, тутъ же въ архіерейскомъ домѣ были два крестовыхъ іеромонаха -- духовникъ о. Антоній и о. Никаноръ. Въ ожиданіи и совѣщаніяхъ провели они здѣсь два часа: во всемъ условились относительно завтрашняго или лучше сказать уже наступившаго дня и, какъ нужды совершить св. таинство безотлагательно и не оказалось, и не предвидѣлось, разъѣхались въ 2 часа ночи по домамъ. Владыкѣ доложено было, что таинство Елеосвященія совершить предполагаютъ по церковному чину семь священниковъ; владыка принялъ это предложеніе благосклонно.

Въ назначенные шесть часовъ утра, 13 Октября, въ воскресенье въ крестовой церкви архимандритомъ Никаноромъ соборнѣ, съ двумя крестовыми іеромонахами начата божественная литургія. Въ это время въ спальной комнатѣ владыка самъ умылся, сидя въ креслахъ, и приказалъ себя облачить, кромѣ полнаго домашняго костюма, въ святительскую мантію и епитрахиль. Въ крестовой церкви и парадныхъ комнатахъ архіерейскаго дома, не смотря на ранній, необычный часъ совершенія литургіи, народу собралось довольно: это были большею частію, кромѣ

наставниковъ, воспитанники семинаріи, которыхъ успѣли повѣстить, что надъ владыкою будетъ совершаться соборованіе. Во время причастна торжественнымъ чиномъ, между стѣнъ народа сюду и сюду, одесную и ошуюю, понесли мы Св. Дары во внутреннія кельи нашего архипастыря, до самой спальни. Онъ срѣтилъ грядущаго Господа, стоя и поклонился низко землекасательно, хоть челомъ и не до земли, — не могъ уже. И стоять самъ уже не могъ; его поддерживали, а онъ часто повторялъ: „на вѣсу, на вѣсу; на вѣсу, на вѣсу", т. е. держите на вѣсу. Видъ умирающаго человѣка не такъ страненъ, страшенъ или трогателенъ, когда человѣкъ лежитъ въ постели, какъ тогда, когда онъ стоитъ, что очень рѣдко бываетъ. На умиленномъ, молящемся, изможденномъ лицѣ архипастыря мы ясно прочитали смерть. Ноги не держатъ, руки трясутся, голова держится не твердо, вся фигура опустилась, повисла; не яснымъ говоромъ утонченно-сиплымъ, гробовымъ голосомъ уста произносятъ молитву: „Вѣрую Господи и исповѣдую"... Равнодушно смотрѣть, даже смотрѣть на эту картину было невозможно... Причащался владыка самъ, подъ обоими раздѣльными видами Пречистаго Тѣла и Крови Господнихъ. Причастившись, низко поклонился и воскликнулъ: „Слава Тебѣ Боже"! Мы ушли обратно въ церковь тѣмъ же торжественнымъ ходомъ, какъ и вошли.

По окончаніи литургіи, вышепоименованные семь священниковъ въ сопровожденіи діаконовъ, шести человѣкъ пѣвцовъ и значительнаго стеченія народа, изошли въ священныхъ облаченіяхъ туда-же, во внутреннія кельи, до спальни. Священнослужащіе расположились около особо уготованнаго стола съ священными приборами для предлежащаго таинства; народъ расположился въ сосѣдней библіотечной комнатѣ и далѣе, къ парадным комнатамъ; болящій архипастырь въ рясѣ, съ панагіею на персяхъ, со свѣчою въ рукахъ, поданною ему предстоявшимъ въ священнодѣйствіи архимандритомъ, лежалъ въ углубленіи спальни на своемъ одрѣ; въ головахъ у него стоялъ келейникъ о. Василій, въ ногахъ экономъ о. Іоаннъ Альбицкій. Таинство Елеосвященія совершено торжественно и строго — чинно; пѣніе, особенно священнослужащихъ было стройно-величественно и умилительно-трогательно, особенно пѣніе припѣвовъ канона: „многомилостиве Господи, услыши насъ, грѣшныхъ, молящихся тебѣ". Во все время совершенія св. таинства, болящій архипастырь лежалъ совершенно спокойно. Когда надо было читать надъ нимъ послѣднюю молитву, его подняли, — самъ онъ не могъ уже не только подниматься, но и переворачиваться съ боку на

бокъ, — его подняли въ сидячее положеніе. Когда произнесенъ былъ отпустъ священнодѣйствію, владыка, лежа спокойно, слабо, съ большими разстановками произнесъ: „простите меня, отцы и братія, и помолитесь о мнѣ грѣшномъ“... Все, что тутъ было живаго, стоящаго, упало на землю... „Простите мя, отцы и братія... Простите не оффиціально, а на самомъ дѣлѣ... Въ жизни неизбѣжны разныя встрѣчи и столкновенія... При встрѣчахъ и столкновеніяхъ взаимныя огорченія... Особенно въ моемъ положеніи... Еще разъ простите... Живите, не чуждаясь живаго... Но помните и часъ смертный..., который застаетъ насъ... видите какъ“!... Болящій немощно развелъ руками, указывая на самого себя... „и дѣлаетъ изъ человѣка-царя... видите что“... опять развелъ руками, указывая на себя... „Богъ вѣсть что“... Замолчалъ. Мы по одиночкѣ стали подходить кланяться до земли и принимать благословеніе. Наставникамъ семинаріи каждому отдѣльно, благословляя, онъ говорилъ: „благодарю васъ за службу“. Ивану Тимоѳеевичу Полеводину, старостѣ каѳедральнаго собора, благословляя сказалъ: „благодарю васъ за усердіе ваше ко мнѣ. Соборъ, соборъ, соборъ“!— т. е. спѣшите отдѣлывать соборъ. Одну благочестивую даму тоже благодарилъ и просилъ помолиться за него. Прочихъ всѣхъ, а всѣхъ было много, благословлялъ молча. Благословеніе длилось не коротко. Особенно много было воспитанниковъ семинаріи. Подходили къ благословенію всѣ, кто тутъ былъ — и женщины и дѣти. Кончилось. Всѣ и за ними священнодѣйствовавшіе послѣдними ушли. По выходѣ всѣхъ изъ спальни, владыка приказалъ эконому и келейнику себя раздѣть и положить въ постель. Когда его уложили, перекрестился и произнесъ: „Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ! Теперь я все сдѣлалъ и совершенно предамъ себя волѣ Божіей“.

Въ понедѣльникъ 14-го Октября и наступившій вторникъ 15-го, владыка занимался разборкою бумагъ своего кабинета, дѣлая по прежнему на нихъ отмѣтки карандашомъ, какую куда передать, какую уничтожить. Бумаги, назначаемыя къ уничтоженію, тутъ-же сжигались. Въ который-то изъ этихъ-же дней собственноручно написалъ письмо и къ будущему преемнику своему, какъ это принято дѣлать у архіереевъ, когда они перемѣщаются съ одной каѳедры на другую. Справедливо въ одной изъ надгробныхъ рѣчей послѣ было замѣчено, что усопшій архипастырь собирался не умирать, а какъ будто въ путь-дорогу, только перемѣститься съ одного мѣста на другое.

Тутъ же 15-го Октября во вторникъ, сдѣлана была близкими къ

умирающему архипастырю людьми послѣдняя энергическая попытка возможными, какія были подъ руками, медицинскими способами остановить угасаніе этой гаснущей жизни. Члены консисторіи протоіерей І. В. Любомудровъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ г. Хвалынскѣ, по сосѣдству съ Вольскомъ, и священникъ ключарь В. А. Ѳеофаровъ, много лѣтъ прожившій въ г. Вольскѣ, телеграфировали въ Вольскъ, чтобы тамошніе извѣстнѣйшіе врачи прибыли въ Саратовъ посмотрѣть больного архипастыря. Осмотръ произведенъ ими по утру 15 Октября въ присутствіи домашняго врача и почти всѣхъ членовъ и секретаря консисторіи (и прочіе консиліумы, исключая первый, происходили въ присутствіи тѣхъ-же секретаря и нѣкоторыхъ членовъ консисторіи): леченье признано правильнымъ, болѣзнь уступающею принятымъ средствамъ, но тѣмъ не менѣе опасною потому, что больной находился въ крайне обезсиленномъ состояніи и отъ потери крови, и отъ недостатка питанія; мало было надежды, что у него достанетъ силъ выдержать продолжительный, хотя и правильный ходъ болѣзни. Самъ больной не питалъ никакой надежды на свое выздоровленіе до того, что когда ему доложили о прибытіи этихъ новыхъ врачей, онъ выразился: „не возитесь вы съ докторами“, и едва согласился ихъ принять.

Въ среду, 16-го Октября умирающій архипастырь ясно, сознательно и спокойно подвелъ итогъ всѣмъ своимъ земнымъ отношеніямъ къ земному міру. Вотъ предъ очами нашими три лоскутка бумаги, исписанные въ этотъ день 16-го Октября, собственною рукою умирающаго. На одномъ листкѣ карандашомъ,—пера въ этотъ день уже не бралъ въ руки,—написано: „завѣщаніе, опись“ (имѣнію) „и реестръ“ (книгамъ) „теперь же запечатать. Печать большую (Архіерейскую) по миновaніи надобности терпугомъ испортить. Малыя печати отослать домой“ (роднымъ)... „Дѣла, неразобранныя ещэ, разобрать и разсортировать по прежнему моему примѣру и наставленію“. На второмъ лоскутѣ умирающій архипастырь сталъ было писать, да не кончилъ нѣчто въ родѣ собственнаго некролога („а то люди тамъ копаться будутъ, да лгать“. Легковѣріемъ въ великія достоинства людей усопшій архипастырь не отличался) или по крайней мѣрѣ—послѣднее распоряженіе касательно собственнаго некролога или посмертнаго жизнеописанія. „За неимѣніемъ способныхъ родственниковъ“—пишетъ умирающій архипастырь,—„тебѣ, Иванъ Гавриловичъ“ (Альбицкій, экономъ архіерейскаго дома) „передаю мою переписку, мои сочиненія и т. п. съ тѣмъ, чтобы ты, завѣдывая, такъ сказать, моими фамильными доку-

ментами, способствовалъ самъ, или чрезъ кого другого написанію напр. моего некролога, или и жизни, если-бъ то когда потребовалось. Въ дополненіе къ документамъ могу передать, что я родился 1813 г. 20-го декабря отъ причетника Курской губерніи"... Владыка часто съ чувствомъ благоговѣйнаго къ Промыслу умиленія вспоминалъ, что онъ сынъ причетника. Особенно сказалось это въ проѣздъ чрезъ Саратовъ Его Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича: „вѣдь сынъ причетника—я",—говорилъ владыка въ ту пору, тому же приближенному своему Ив. Г. Альбицкому,—„вѣдь сынъ причетника—я, а дожилъ, сподобилъ Богъ, цѣлые часы рядомъ сижу съ Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола, цѣлые часы Наслѣдникъ занимается со мною!" Такъ: „родился я",—продолжаетъ умирающій въ автонекрологѣ,—„отъ причетника Курской губерніи, Корочанскаго уѣзда, слободы Радьковки, Вознесенской церкви Ивана Григорьева сына Бѣликова и законной жены его и нынѣ тамъ-же здравствующей, Надежды Андреевой Поповой (по второму мужу). Учился я въ приходскомъ училищѣ въ г. Корочѣ, потомъ въ уѣздномъ, въ г. Бѣлгородѣ, далѣе въ тамошней семинаріи, въ Кіевской Академіи. Прочая служба моя извѣстна. Жизнь моя въ домѣ отчима и въ бурсѣ лишена была всего радостнаго и свѣтлаго. Впрочемъ, спасибо добрымъ людямъ и за то"... Этимъ и оканчивается автонекрологъ. Вотъ оно, наконецъ, предъ нашими глазами и послѣднее писанье покойнаго владыки—это нѣсколько строкъ и словъ, обращенныхъ къ тому-же его приближенному Ивану Гавриловичу Альбицкому, съ указаніемъ видовъ покойнаго архипастыря касательно будущей судьбы этого ближайшаго къ нему человѣка. Въ заключеніи писанья довольно бодрою рукою умирающій поставилъ слово: „Аминь"! И означилъ годъ, мѣсяцъ и число: „16-го октября 1863 года"; кажется, съ яснымъ сознаніемъ, что это послѣдній день его жизни: съ этого дня и часа онъ не бралъ уже въ руки ни бумаги, ни карандаша. Тутъ, съ разсказовъ покойнаго архипастыря, прибавимъ нѣсколько словъ о первыхъ годахъ его молодой малоизвѣстной другимъ жизни, предоставляя написаніе полной и особенно служебной его біографіи другому времени и другимъ лицамъ.

Изъ автонекролога его мы знаемъ, что родился онъ 20 декабря 1813 года въ Курской губерніи, Корочанскомъ уѣздѣ, слободѣ Радьковкѣ, отъ причетника тамошней Вознесенской церкви Ивана Григорьева Бѣликова и жены его Надежды Андреевой. Имя его, данное во св. Крещеніи, было Петръ. Осиротѣлъ онъ, отца лишился на третьемъ

году жизни; послѣ отца осталось ихъ сиротъ двое: кромѣ матери, старшая сестра, да онъ младшій и единственный сынъ. Его мать, для прокормленія всей семьи, выдана была замужъ за другого, съ предоставленіемъ отчиму отцовскаго причетническаго мѣста. По словамъ его автонекролога, жизнь его въ домѣ отчима лишена была всего радостнаго и свѣтлаго. По его разсказамъ устнымъ, отчимъ его былъ человѣкъ грубый, суровый и скупой; семью свою изнурялъ работою по дому, такъ что будущій архіерей и пахалъ, и косилъ, и молотилъ, не говоря о разныхъ другихъ подѣлкахъ по дому, и отлично изучилъ эти великія искусства наиболѣе близкаго къ грубой натурѣ быта: работами, суровымъ обращеніемъ, всегдашними придирками, скудостью-скупостью содержанія, отчимъ утомлялъ его, уже школьника и семинариста въ каникулярное время до того, что онъ рѣдко имѣлъ терпѣніе доживать каникулы дома и, недоживши, уходилъ въ бурсу, какъ ни мало свѣтло-радостнаго представляла жизнь бурсацкая, и особенно въ каникулярное время. Конечно, вышедши въ люди, онъ всѣ старыя невзгоды простилъ и посильно благотворилъ всему своему семейству. Родную и по отцу сестру его, еще въ ту пору, когда онъ мало могъ имѣть вліянія на семью, выдали замужъ просто за хохла: эта сестра осталась для него наиболѣе любимою до гроба; и вблизи гроба на смертномъ одрѣ онъ вспоминалъ ее съ большею теплотою, чѣмъ прочихъ своихъ родныхъ за исключеніемъ матери; ей—этой сестрѣ завѣщалъ онъ покоить въ средѣ своей семьи до смерти общую мать ихъ, по смерти честно похоронить ее и въ день смерти его собственной чинить по немъ съ родителями годичныя поминовенія. О простодушіи этой сестры своей любилъ онъ разсказывать одну былину: будучи уже на должности, послалъ онъ ей новенькую 50-рублевую ассигнацію стараго хода, когда рубли считались на ассигнаціи. Затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, уже въ санѣ архимандрита, поѣхавъ на родину лично, даетъ сестрѣ опять довольно значительную для нея сумму.

„Зачѣмъ, братику“? та возражаетъ. „У меня еще тѣ цѣлы“.

„Ахъ ты, сестра! Да теперь тѣ деньги изъ курса вышли! Ассигнаціи эти ужъ не ходятъ! 50 рублей пропали! Давай ихъ сюда“.

Взамѣнъ ихъ о. архимандритъ Евѳимій далъ сестрѣ своей другія деньги; а 50-рублевую ассигнацію прежняго курса, совершенно новенькую, нимало не потертую, сохранилъ у себя до смерти.

Отъ отчима имѣлъ онъ себѣ одного брата и двухъ сестеръ. Эти

выросли и въ люди вышли уже подъ вліяніемъ его благотворительности. Старшую сестру удалось ему пристроить за діакона: отъ этого-то брака родился вышеупомянутый въ завѣщаніи покойнаго архипастыря племянникъ. А младшую успѣлъ устроить даже за священника. Съ отчимомъ же, при всѣхъ усиліяхъ благотворить ему, покойный оставался не въ ладахъ до самой смерти отчима: владыка разсказывалъ, что когда, будучи уже ректоромъ владимірской семинаріи, прибылъ онъ на родину въ домъ отчима, то къ изумленію своему увидѣлъ, что отчимъ не носитъ платья, которое пасынокъ—архимандритъ посылалъ ему и которое въ домѣ было цѣло; насталъ какой-то праздникъ, пасынокъ-архимандритъ убѣждаетъ отчима пріодѣться въ церковь, тотъ одѣлся, но не въ суконный чистый подрясникъ—даръ пасынка, а въ какой-то деревенскій балахонъ длиною по колѣна, и такъ отправился въ церковь: „куда-де и зачѣмъ намъ“? Тутъ сказалась уже и не скупость, а какое-то другое болѣе плохое чувство.

Въ бурсѣ также, по словамъ его автонекролога, жизнь его лишена была всего радостнаго и свѣтлаго. Какъ человѣкъ школы старой, а не юной школы „хульниковъ, родителямъ противниковъ, неблагородныхъ, непримирительныхъ“ (1 Тим. 3, 1—7), юныхъ лѣтами и опытностью, порицателей всего старшаго ихъ, плюющихъ въ свою собственную колыбель и въ попеченія объ ихъ собственной грязи ихъ матерей, отцовъ, воспитателей,—какъ человѣкъ школы старой, онъ нашелъ и нужнымъ и справедливымъ сказать свое предсмертное „спасибо добрымъ людямъ и за то“. По его разсказамъ, въ бурсѣ терпѣли они холодъ и голодъ; изъ-за скуднѣйшей подачки, изъ-за какой нибудь пѣнки каши, изъ-за корки хлѣба кололи для сторожей, которые тутъ оказывались ужъ ихъ патронами, дубовыя дрова, въ угоду тѣмъ же патронамъ по найму, за корку хлѣба таскали ушатами воду, которую должны были таскать тѣ-же ихъ патроны. Дѣйствительно, въ недавно прошедшемъ времени мы не можемъ понять, зачѣмъ это при тогдашней дешевизнѣ жизненныхъ потребностей и при тѣхъ-же средствахъ, какія имѣются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ настоящее время,—зачѣмъ это не давали въ нашихъ школахъ нашимъ отцамъ и братьямъ наѣдаться въ волю хоть-бы одного хлѣба, а выдавали его скудными порціями, такъ что мальчики изъ-за одного хлѣба должны были почти каждый день подниматься на разныя художества, чтобъ добыть его лишнюю корку? Скудость свою перенесъ онъ съ собою и въ семинарію. Онъ разсказывалъ, что, будучи въ низшемъ отдѣленіи

семинаріи, спалъ онъ на голыхъ доскахъ кровати; войлокъ былъ, да украли; пріѣхалъ ревизоръ и въ сопровожденіи начальства идетъ по комнатамъ; велѣно всякому стоять у своей койки; чѣмъ койку прикрыть? За неимѣніемъ простыни или одѣяла, подушки или тюфяка, онъ растянулъ на кровати единственный свой тулупишко; прошелъ ревизоръ, улыбнулся и говоритъ, указывая на его постель: „institutionibus monasticis“. Успѣхи его, наконецъ, сдѣлали его въ семинаріи замѣтнымъ; начальство обратило на него вниманіе; ректоръ семинаріи архимандритъ Елпидифоръ, о которомъ покойный архипастырь поэтому вспоминалъ всегда съ теплымъ чувствомъ, сталъ помогать ему въ его нуждѣ; много также помогалъ ему, сталъ дѣлить съ нимъ каждый кусокъ хлѣба, каждую копѣйку довольно достаточный по средствамъ товарищъ его по семинаріи и другъ какъ въ семинаріи, такъ и послѣ навсегда нѣкто Аркадій Ивановичъ Дагаевъ, подъ конецъ своей недолговѣчной жизни бывшій совѣтникомъ въ Каменецъ-Подольской палатѣ государственныхъ имуществъ; въ богословскомъ классѣ онъ трудолюбивый, хорошо успѣвающій, отличенный начальствомъ, уважаемый товарищами, могъ уже добывать копѣйку и собственными трудами по просьбѣ и въ пользу товарищей; онъ ясно помнилъ и не разъ вспоминалъ время, какъ въ первый разъ на собственную трудовую копѣйку онъ сшилъ себѣ и въ первый разъ въ жизни надѣлъ на себя халатъ, чуть-чуть не шинель Акакія Акакіевича... Усиленные труды однако-же для себя и для другихъ въ послѣдніе годы воспитанія его въ Бѣлгородской семинаріи накликали на него, несмотря на раннія лѣта, тотъ недугъ (геморой), который провожалъ его весь вѣкъ и сложилъ въ гробъ. Подъ конецъ пребыванія своего въ семинаріи, по совѣту лѣчившаго его врача, который замѣтилъ въ немъ основательное знаніе латинскаго языка, онъ готовился къ поступленію на медицинскій факультетъ въ Университетъ. Но начальство семинарское, именно ректоръ архимандритъ Елпидифоръ распорядился противъ его воли послать его, какъ лучшаго ученика семинаріи, въ Кіевскую духовную Академію. Нельзя сказать, чтобы покойный архипастырь послѣ отзывался объ этомъ распоряженіи, какъ дѣлѣ справедливомъ и для него во всѣхъ отношеніяхъ благотворномъ. Въ Академіи, по цѣлымъ полугодіямъ не выходилъ онъ изъ больницы. Крайнее трудолюбіе его въ Академіи увѣнчалось степенью Магистра, при блистательномъ аттестатѣ: въ аттестатѣ у него поставлена одна отмѣтка по всѣмъ предметамъ: отлично хорошо.

Подробностей дальнѣйшей служебной дѣятельности его касаться не станемъ. По послужному его списку въ монашество постриженъ онъ въ Кіевѣ въ 1839 г. Мая 2; рукоположенъ въ іеродіакона тамъ-же и въ томъ-же году, Августа 1-го; во іеромонаха Августа 16-го; опредѣленъ учителемъ богословскихъ наукъ во Владимірскую семинарію въ томъ-же году, Сентября 27; тамъ-же, во владимірской семинаріи опредѣленъ инспекторомъ 1841 года, Іюня 23-го; за отлично-усердное, исправное и полезное прохожденіе возложенныхъ на него должностей возведенъ въ санъ архимандрита 1846 г., Іюня 8; опредѣленъ ректоромъ Владимірской семинаріи 1847 г., Марта 14; въ 1852 г. вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія; вызванъ былъ между прочимъ, какъ образцовый ректоръ семинаріи, въ видахъ получить назначеніе въ ректора Казанской академіи, но не получилъ однако-же, потому что покойный синодальный Оберъ-Прокуроръ графъ Протасовъ, услышавъ отъ него лично, что всю службу свою прошелъ онъ въ одной только Владимірской семинаріи, тутъ-же сказалъ ему: „а, вы не можете быть ректоромъ Академіи, потому что не можете сравнивать, мало видѣли". Вмѣсто того назначенъ ректоромъ въ Новгородскую семинарію въ 1852 г. Іюля 7-го; въ 1856 г., Декабря 2-го въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ хиротонисанъ въ санъ епископа старорусскаго, викарія Новгородской епархіи; а въ 1860 г. Августа 29-го по докладу Святѣйшаго Синода Всемилостивѣйше повелѣно ему быть епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ.

Его внимательность къ его обязанностямъ, его заботливость о порученныхъ ему интересахъ, его трудолюбіе на всѣхъ поприщахъ его жизни были необычайны. Знавъ его лично съ 1852 г., въ С.-Петербургѣ, и встрѣтивъ въ Саратовѣ въ 1860 г., мы его не узнали: это былъ не прежній человѣкъ; крайніе труды и плодъ ихъ—болѣзни въ 46 л. его жизни дали ему видъ старца. На служеніи своемъ въ Саратовѣ удовлетворенію необходимой потребности сна могъ онъ удѣлять только 4—5 часовъ въ сутки; а прогулкѣ на свѣжемъ воздухѣ не могъ удѣлять ни одного часа. Отъ этого, кромѣ геморроя, страдалъ онъ завалами печени, разливами желчи постоянными, ревматизмомъ ногъ, чувствительностію зрѣнія до раздраженія; къ простудѣ чутокъ былъ до того, что простуживался, переходя изъ одной комнаты своего дома въ другую, что въ комнатахъ, иногда даже лѣтомъ, не скидалъ теплое платье, а на ногахъ, кромѣ довольно теплой обуви, носилъ даже въ комнатахъ галоши. Вотъ они-тѣ труды и болѣзни, которые видѣлъ

онъ у себя сзади и которыхъ еще больше видѣлъ впереди, и безъ всякихъ радостей жизни, кромѣ ощущенія исполненнаго долга, но и того не безъ значительной примѣси ощущеній горькихъ отъ сознанія тяжести этого долга, величія обязанностей, высоты сана, бремени отвѣтственности, грознаго характера обстоятельствъ, несоотвѣтствія успѣховъ съ понесенными для достоянія ихъ трудами, съ энергіею желанія, съ обширностью надеждъ и предначертаній. Оттого и умиралъ человѣкъ, при покорности Промыслу Божію, изрѣкшему ему приговоръ перехода въ вѣчность, съ такимъ равнодушіемъ къ оставляемой сзади жизни временной: „сзади у себя я вижу только труды и болѣзни, впереди вижу еще больше трудовъ и болѣзней.... И тѣмъ меньше хочется жить въ виду грядущихъ бѣдъ и на отечество, и на церковь, и на духовенство.... и на самую вѣру".

Въ тотъ-же день, въ среду 16-го Октября владыка приказываетъ: „принесите мнѣ иконы, всѣ иконы, вновь написанныя для нижняго собора".

Сдѣлано распоряженіе. Принесены иконы. Доложено.

„Подносите, показывайте одну за другою.... Икону воскресенія покажите сначала". Поднесли. „Освѣтите мнѣ ее, какъ можно лучше". Раздвинули ширмы, закрывавшія постель, какъ можно шире, поставили икону къ свѣту и къ глазамъ умирающаго, какъ можно удобнѣе. Смотрѣлъ, смотрѣлъ долго, смотрѣлъ пристально. „Хорошо",—говоритъ.

По поводу написанія этихъ иконъ двѣ не незамѣчательныя были.

Въ нижней церкви каѳедральнаго собора, при первоначальномъ ея устроеніи, при преосвященномъ епископѣ Саратовскомъ Іаковѣ, изъ трехъ алтарей этой церкви одинъ — главный устроенъ былъ во имя Великомученицы Варвары, другой — Великомученицы Екатерины, третій — Святителя Митрофана; устроены на жертвы доброхотныхъ жертвователей и посвящены поименованнымъ святымъ по желанію жертвователей-же. Теперь, при перестройкѣ нижне-соборной церкви, преосвященный Евѳимій говоритъ: „главный алтарь посвятить памяти Воскресенія Христова". Ему почтительно возражаютъ: „Владыко святый! Удобно-ль это? Престолъ посвященъ былъ изначала Великомученицѣ Варварѣ. А теперь посвятить его во имя Воскресенія Христова"?

„Нѣтъ такого закона",—разсуждаетъ архіерей,—„который запрещалъ бы престолъ, однажды посвященный во имя Святого, или праздника, пересвятить при перестройкѣ церкви въ честь другого Святого, или праздника".

Ему еще одинъ доводъ почтительно представляютъ: „Владыко святый! Еще живы потомки и родные тѣхъ, кто первоначально жертвовалъ на устройство этой церкви, по желанію которыхъ этотъ престолъ посвященъ Великомученицѣ Варварѣ“.

„Нѣтъ ужъ, Воскресенію Господню, Воскресенію Господню“.

„Хорошо, пусть будетъ Воскресенію“.

Далѣе еще одна быль.

Говоритъ владыка своему главному помощнику по этому дѣлу— по перестройкѣ нижняго собора, каѳедральному протоіерею: „мы сдѣлаемъ въ иконостасѣ нижняго собора, — иконъ благо много, — своего рода поллидіумъ — соборъ святыхъ, лицевыя святцы, святыхъ, имена которыхъ наичаще налагаются людямъ. Всякій вотъ, приходя въ церковь, найдетъ здѣсь ликъ святого, имя коего носитъ. Такъ потрудитесь написать списокъ употребительнѣйшихъ въ житейскомъ быту именъ святыхъ, Іоанновъ, Петровъ, Николаевъ, Екатеринъ, Варваръ, Марій, Евдокій и т. д., и составьте самое расположеніе, на какой иконѣ какихъ святыхъ изобразить“.

Каѳедральный протоіерей, выслушавъ приказаніе, чрезъ нѣсколько времени приноситъ владыкѣ списокъ святыхъ, которыхъ лики предполагалъ онъ—каѳедральный изобразить на иконахъ, и роспись, на какой иконѣ какихъ святыхъ изобразить. Въ числѣ прочихъ каѳедральный записалъ преподобнаго Андрея Критскаго. По неизвѣстной, непостижимой и необъясненной причинѣ владыка замялся: „ммн... не нужно“, говоритъ.

Каѳедральный докладываетъ: „имя Андреевъ такъ часто встрѣчается и налагается нерѣдко имя именно преподобнаго Андрея Критскаго. Народъ чтитъ его особенно, какъ составителя всякому православному извѣстнаго, читаемаго въ великій постъ, великаго канона“.

„Хорошо“,—говоритъ,—„пусть“; согласился.

Сдѣланы всѣ распоряженія касательно писанія иконъ. Роспись ликовъ святыхъ утверждена. Подряженъ мастеръ иконописецъ. Напечатано особое объявленіе, въ которомъ изложено было утвержденное предположеніе написать такія-то вотъ иконы для нижней соборной церкви и на иконахъ изобразить такіе-то вотъ праздники и лики святыхъ Божіихъ; объявленіе это распространено по городу въ видахъ подать поводъ благочестивымъ душамъ сдѣлать благовременныя и благопотребныя даянія на церковь Божію. Послѣ всего этого съ полгода тому назадъ владыка призываетъ къ себѣ каѳедральнаго опять и

по причинамъ непостижимымъ, оставшимся необъясненными, говоритъ: „а, принесите мнѣ роспись святыхъ, лики которыхъ мы предположили изобразить на иконахъ. Я порѣшилъ кое-какія тамъ перемѣны". Каѳедральный приноситъ роспись. Получаетъ обратно: имя упомянутаго преподобнаго исключено; больше никакихъ перемѣнъ не сдѣлано. Во всѣ три года своего пребыванія въ Саратовѣ преосвященный Евѳимій въ великій постъ самъ въ крестовой церкви читалъ великій канонъ. Въ святцахъ, подъ 17 днемъ мѣсяца Октоврія значится: „святаго пророка Осіи. И святаго преподобномученика Андрея, иже въ Критѣ". А въ нашихъ святцахъ тутъ-же приписано: „и преставленіе отца нашего Евѳимія, епископа Саратовскаго и Царицынскаго". Теперь рѣшено написать и поставить въ нижне-соборной церкви образъ преподобнаго Андрея Критскаго особый. За вѣрность факта ручаемся.

По возможному разумному толкованію, въ обоихъ этихъ фактахъ прежде всего сказалось предощущеніе духа почившаго, въ ту пору недумавшаго такъ скоро умереть, архипастыря, что ему предлежитъ въ этотъ день „17 октября" быть изглаженнымъ изъ списка живыхъ на землѣ и костямъ его въ этомъ храмѣ воскресенія чаять воскресенія и жизни будущей на небѣ... Какъ и ясно высказался онъ опять за нѣсколько дней до смерти, когда надежда на его жизнь никѣмъ еще не была потеряна: „моимъ собственнымъ костямъ нужно лечь въ основаніе собора".

Пересмотрѣвъ принесенныя и подносимыя иконы, владыка всѣ похвалилъ: „хорошо, очень хорошо".

Насталъ вечеръ 16-го Октября. Восемь часовъ. Владыка подзываетъ къ себѣ о. эконома: „со мною смертная тоска. Сядь здѣсь и почитай"... Прежде по временамъ заставлялъ онъ о. эконома читать тутъ при немъ разныя вещи, въ томъ числѣ и газеты. Но теперь: „почитай мнѣ", говоритъ, — „послѣднюю бесѣду Іисуса Христа съ учениками". Тотъ сталъ читать. Прослушавъ всю 14-ю главу Евангелія отъ Іоанна, владыка „довольно" сказалъ. Прибылъ въ эту пору въ архіерейскій домъ каѳедральный протоіерей, пріѣхалъ докторъ, подошелъ ключарь, входитъ ректоръ.

„Что, докторъ, какъ владыка"?

„Мм... не знаю", — отвѣчалъ докторъ, — „не мастеръ я узнавать часы и минуты смерти. А едва-ли переживетъ нынѣшнюю ночь. Пульсъ слабъ: 130, и не сосчитаешь сколько разъ въ секунду. Дыханіе нехорошо. Ммм... незнаю, нѣтъ-ли тутъ начинающагося паралича легкихъ".

„А по какимъ признакамъ можно будетъ судить о приближеніи смерти?“

„Онъ умретъ съ полнымъ сознаніемъ до послѣднихъ минутъ. И умретъ спокойно, безъ большихъ страданій, безъ агоніи. Легкія откажутся служить. Будетъ короткое дыханіе въ этомъ родѣ“... Докторъ сдѣлалъ образчикъ короткаго отрывчатаго дыханія, вдыхая ртомъ, выдыхая носомъ. „И потомъ въ одну недобрую минуту вы услышите, что это короткое дыханіе прекратилось“.

Сколько насъ тутъ было и докторъ въ томъ числѣ, мы рѣшились здѣсь посидѣть, подождать. Посланы были подъ рукою повѣстки протодіакону, соборнымъ діаконамъ, иподіаконамъ собраться немедленно въ архіерейскій домъ, духовнику, пѣвчимъ быть наготовѣ.

Въ эти слишкомъ серьезныя минуты житейская довольно неудобнаго свойства странность. Въ кабинетъ, гдѣ мы сидѣли, не ранѣе 9 часовъ, изъ спальни отъ одра умирающаго, при которомъ сидѣлъ безотходно, торопливо, тревожно входитъ о. экономъ Иванъ Гавриловичъ: „странность какая! меня требуютъ въ полицію, въ часть“.

Мы говоримъ: „должно-быть исторія какая-либо экстренная. Изъ вашихъ попался кто-либо въ часть, или что-либо въ этомъ родѣ. Сходите, надо сходить“!

Сходилъ или съѣздилъ, возвращается и еще болѣе растревоженный говоритъ: „вообразите, какая странность! Помощникъ частнаго пристава. Говоритъ: „вы не смотрите за владыкою, совсѣмъ его забросили, всѣ оставили“... „Господи Боже мой! Ужъ которую недѣлю ночей не спимъ, безотходно тутъ сидимъ, каждый вздохъ его слѣдимъ. А тутъ—„всѣ оставили, кинули его совсѣмъ“—говоритъ! Говоритъ: „въ городѣ, въ народѣ распространилась молва, что владыка совсѣмъ брошенъ“... Господи Боже мой!“...

„Да, позвольте, позвольте“—заговорили мы въ одинъ голосъ и докторъ въ томъ числѣ, докторъ, принятый въ лучшихъ домахъ Саратова.—„Помощнику-то частнаго пристава какое дѣло?! Участіе хорошая вещь. Но... требовать васъ, священника, эконома архіерейскаго дома, отъ одра умирающаго архіерея, гдѣ которому каждую минуту вы нужны, звать въ глухую ночь, куда же? Въ полицію, въ часть! И кто же? Какой-то тамъ помощникъ частнаго пристава“!!.

„Видите“, – объясняетъ о. экономъ, —„помощникъ частнаго пристава объясняетъ: г. вице-губернаторъ“,—управлявшій въ эту пору

за отлучкою губернатора губерніею, — „господинъ вице-губернаторъ былъ тутъ“....

„Да гдѣ тутъ?“

„У насъ въ домѣ“.

„Ну?...“

„Ну и пришелъ въ прихожую,—нѣтъ человѣка. А гдѣ намъ тутъ теперь встрѣчать всякаго приходящаго? Келейниковъ у насъ всего двое“.

„Ну, и пришелъ въ прихожую“?...

„Ну, и пришелъ въ прихожую, нѣтъ человѣка. Идетъ далѣе въ залу, никого нѣтъ. Походилъ, походилъ и ушелъ. Никто его не встрѣтилъ и не проводилъ. Ну и говоритъ: въ городѣ молва, что архіерей всѣми брошенъ“....

„Отсюда“, — замѣтили мы единогласно, — „скорѣе можно было-бы сдѣлать заключеніе обратное: нѣтъ никого въ прихожей, значитъ, люди заняты при больномъ, значитъ—онъ не брошенъ“...

„Господинъ вице-губернаторъ и говоритъ: брошенъ всѣми архіерей. И говоритъ полиціймейстеру: разузнайте, кто у нихъ тамъ? И что у нихъ тамъ? Г. полиціймейстеръ призываетъ частнаго и говоритъ: велѣно разузнать, молва въ народѣ—видите, что архіерей всѣми своими брошенъ; разузнайте, говоритъ, кто у нихъ тамъ, что у нихъ тамъ около архіерея? Частный зоветъ помощника частнаго и говоритъ“...

„А помощникъ частнаго“,—заговорили мы разными голосами на одну тему,—„нашелъ наиболѣе сообразнымъ съ собственнымъ достоинствомъ ночью потребовать васъ въ часть,... чтобъ на завтра имѣть что доложить г. частному, чтобъ г. частный имѣлъ что отрапортовать г. полиціймейстеру, чтобъ г. полиціймейстеръ умѣлъ отвѣтъ держать предъ г. вице-губернаторомъ“...

„Бога ради, Иванъ Васильевичъ“, — докторъ, „я прошу васъ“,—проситъ растревоженный, измученный безсонницею, усталостью, тоскою и разнообразными тревогами этихъ дней и ночей о. экономъ, — „я прошу васъ, вы бываете въ городѣ, все тутъ видите и знаете,... скажите, что“....

„Да постойте, постойте, нужно-ли говорить“, — заговорили мы. „Когда наконецъ эти помощники частныхъ приставовъ забудутъ, что они общее всѣхъ смертныхъ начальство? Этакъ, пожалуй, они любого изъ насъ, по приказанію какого-либо частнаго, въ одну прекрасную ночь тоже потребуютъ въ часть“....

Тутъ слово чести, что дозоръ за болящимъ архипастыремъ былъ самый неукоснительный и неотступный. На первыхъ дняхъ, когда владыка слегъ въ постель, онъ не любилъ, чтобы при немъ кто-либо изъ домашнихъ днемъ-ли, ночью-ли былъ безотлучно; когда нуженъ ему бывалъ кто-либо, онъ звонилъ посредствомъ снурка въ колокольчикъ. Стороннихъ, начиная съ ближайшихъ къ нему при жизни людей, въ эту пору въ своей спальнѣ принимать онъ затруднялся. Сталъ охотнѣе принимать уже тогда, когда рѣшилъ, что теперь онъ больше человѣкъ, чѣмъ архіерей, что съ постели неотложно перейдетъ во гробъ. Но и въ эту пору, до послѣдняго дня жизни ни раза не выразилъ желаніе, чтобы изъ сторонних людей кто-либо оставался у его постели. А домашніе его, т. е. только два человѣка--келейникъ о. Василій и о. экономъ въ эти послѣдніе дни стали сидѣть у постели больного и днемъ и ночью неотходно. Сами они въ эту пору отъ многихъ безсонныхъ ночей, отъ постояннаго напряженія вниманія, отъ естественнаго въ ихъ положеніи горя, были полубольные. Въ послѣдніе пять-шесть дней болящій и переворачиваться съ боку на бокъ самъ уже не могъ, и лежать на одномъ боку отъ тяжести дыханія, отъ внутреннихъ страданій, отъ пролежней тоже не могъ. При видѣ этихъ двухъ человѣкъ, какъ одинъ изъ нихъ съ вечера до утра сидѣлъ у постели умирающаго на табуреткѣ, подперши лицо ладонью, а локоть руки колѣномъ, а другой только къ утру вздремнулъ, пріютившись кое-какъ на кушеткѣ, тутъ подумалось: „порицаютъ архіереевъ за этихъ бѣдныхъ мнимыхъ быти любимцевъ; иногда даже приказываютъ архіереямъ удалять ихъ отъ себя, удалять эти блѣдныя копіи лучшихъ человѣческихъ привязанностей, копіи, къ которымъ однако-же иной старецъ архіерей привязывался въ продолженіи не одного десятка лѣтъ; этихъ бѣдныхъ, часто рѣдкихъ достоинствъ, рѣдкаго привязчиваго, благодарнаго сердца людей преслѣдуютъ общимъ мнѣніемъ, общимъ злословіемъ, обще-условленными обидами при жизни ихъ благодѣтелей, и еще больше по смерти. А что было-бы примѣрно съ этимъ вполнѣ теперь немощнымъ тѣлесно и, конечно, тяжко томящимся душевно человѣкомъ, еслибъ не было при немъ этихъ съ ранней молодости, при немъ выросшихъ, двухъ человѣкъ, которые знаютъ всякую его привычку, ловятъ и понимаютъ всякій его взглядъ и вздохъ и жестъ, служатъ ему въ эти дни уже безъ сомнѣнія безкорыстно, по многолѣтнему навыку привязанности, по чувству долга благодарности? Бывали-же случаи, что у умирающихъ архіереевъ, пока они не смежили еще очей ни

тѣлесныхъ, ни умственныхъ, черствая прислуга на глазахъ ихъ дѣлила уже между собою ихъ достояніе".

Тутъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи саратовскаго общества къ предсмертной болѣзни усопшаго архипастыря,—словъ не особенно утѣшительныхъ. Выше мы уже замѣтили, что нѣсколько человѣкъ изъ саратовскаго общества, высшихъ по общественному положенію, образованію, знанію и соблюденію общественнаго благоприличія, въ послѣдніе дни жизни покойнаго архипастыря являлись къ нему на домъ выразить ему свое участіе освѣдомленіемъ объ его здоровьи. Нѣсколько благочестивыхъ душъ изъ мірянъ въ день св. Елеосвященія, какъ видѣли мы выше, и потомъ въ день самой смерти, какъ увидимъ ниже, являлись къ нему принести ему послѣднее свое поклоненіе и принять послѣднее его благословеніе. Но затѣмъ остальные... затѣмъ и вся масса жителей Саратова, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, нельзя сказать, чтобъ не интересовалась весьма замѣтнымъ событіемъ, безнадежно-болѣзненнымъ состояніемъ весьма замѣтной въ краѣ личности—саратовскаго архіерея. Но интересовались, должно сказать къ сожалѣнію, безъ соблюденія даже приличія, не говоря о другихъ высшихъ достоинствахъ, какихъ естественно было ожидать въ проявленіи этого участія. Вотъ изъ множества однородныхъ фактовъ одинъ: человѣка, проживавшаго въ архіерейскомъ домѣ, совершенно незнакомый хорошо одѣтый человѣкъ останавливаетъ на улицѣ вопросомъ: „скажите, какъ здоровье архіерея?"

„Сегодня лучше",—тотъ отвѣчаетъ.

„Жаль, очень жаль",—тотъ говоритъ на это и уходитъ.

Со всѣхъ сторонъ шли слухи о неутѣшительномъ фактѣ, что городъ наполненъ говоромъ о предстоящей смерти архіерея съ не церемонными выраженіями нетерпѣливости: „скоро-ли, скоро-ли? Церемонію похоронъ увидѣть бы... Ни одинъ архіерей въ Саратовѣ не умиралъ. Хоть бы одного похоронить"... Безъ горечи заносимъ въ наше печальное сказаніе этотъ грустный фактъ человѣческаго легкомыслія, какъ доказательство не высокаго и религіознаго и умственнаго и общественнаго развитія мѣстной среды.

Съ наступленіемъ ночи съ 16 на 17 Октября, съ середы на четвергъ, владыка сталъ тревоженъ, часто подзывалъ къ себѣ людей, часто требовалъ, чтобъ его переворачивали. Мы между тѣмъ, сторонніе въ домѣ, забрались въ комнату подальше—въ канцелярію, чтобъ какими-либо признаками, шумомъ шаговъ, шопотомъ, кашлемъ не обна-

ружить умирающему свое тутъ недобровѣщее присутствіе, и занялись натуральнымъ въ нашихъ обстоятельствахъ дѣломъ—соображеніями, что мы станемъ дѣлать въ первыя минуты, какъ если владыка скончается. Докторъ, уѣхалъ, попросивъ, чтобъ мы тотчасъ за нимъ послали, если окажется какая нужда. Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ о. экономъ: „ахъ, Боже мой! Отходную требуетъ!“

„Зовите духовника... Пойдемъ и мы“.

У входа въ спальню, у двери ширма, у противоположной стороны ширма, въ углубленіи спальни за ширмами, противъ незакрытаго ими пространства, постель умирающаго; на простѣнкѣ противъ его глазъ, увѣшанномъ св. иконами, лампадка тускло теплится предъ образомъ Спасителя, тутъ-же ярко горитъ восковая свѣча предъ стоящимъ на столикѣ крестомъ и распятіемъ—тѣмъ самымъ, что умирающій архипастырь завѣщалъ дать ему въ руки по смерти. Духовникъ облачился въ ризы и возгласилъ: „Благословенъ Богъ нашъ... Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“! Какъ разъ въ эту минуту по всѣмъ комнатамъ дома отъ ближайшихъ до дальнѣйшихъ часы загудѣли полночь. „Вотъ оно“,—подумалось тутъ,—буквально: „се женихъ грядетъ въ полунощи“. Когда духовникъ дочиталъ до канона на исходъ души, мы четверо, ректоръ, каѳедральный, ключарь и протодіаконъ, невидимые умирающему изъ-за ширмы, хриплыми отъ ночи, но довольно стройными опытными голосами запѣли ирмосы: „Яко по суху пѣшествова Израиль“... и т. далѣе. Нигдѣ, ни въ какую минуту, ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ не могъ быть болѣе умѣстно, чѣмъ въ эту минуту здѣсь, пропѣтъ этотъ глубочайшаго христіанскаго смысла ирмосъ: „Житейское море“... Въ началѣ чтенія отходной владыка говоритъ о. эконому: „возьми мою правую руку и крести меня“. Раздались въ нашихъ ушахъ вопли: то застоналъ этотъ человѣкъ, о. экономъ. Владыка говоритъ: „ты плачешь, пусть Василій возьметъ и креститъ меня“.

Тотъ: „я самъ могу“.

Вотъ и канонъ пропѣтъ и послѣдняя молитва на исходъ души прочитана. Духовникъ поднесъ умирающему облобызать св. крестъ, тотъ облобызалъ, молча. Экономъ и келейникъ Василій, стоя у одра на колѣняхъ, стонали,—владыка благословилъ ихъ, молча. Стали подходить мы, кланяясь умирающему доземно,—владыка переблагословилъ каждаго изъ насъ молча. Видимъ, келейникъ Василій снимаетъ со стѣны одну изъ иконъ и даетъ ее въ руку владыкѣ, а самъ стано-

вится на колѣна—владыка благословилъ его св. иконою, молча. Видимъ келейникъ Василій снимаетъ со стѣны другую икону. „Это зачѣмъ“?—шопотъ. „Племянника благословлять“,—отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ общаго молчанія вводятъ въ спальню племянника,—мальчикъ лѣтъ 15—16, заспанное, взъерошенное, небрежно-одѣтое и неизумленное и непораженное и не растроганное, равнодушное, не родное и не породистое дитя; входитъ, подходитъ и останавливается у кровати. Съ иконою въ рукахъ умирающій лежитъ. Молчаніе пока. „Становись на колѣна“,—не ясный сипло-утонченный, гробовой, но рѣшительный говоръ умирающаго. Тотъ сталъ на колѣна и хочетъ поцѣловать руку. „Погоди“,—останавливаетъ его умирающій. „Ты спалъ“?

„Спалъ“.

Молчаніе довольно продолжительное.—„Слушай“—опять говоръ умирающаго, отрывчатый, съ роздыхами говоръ. „Я вотъ умираю. Я отказываю тебѣ довольно денегъ. Учись. Будешь учиться,—будешь счастливъ. Не станешь учиться,—вини себя... Тебя отправятъ на родину, въ Курскъ. Кланяйся моимъ роднымъ и особенно матушкѣ. Скажи, что я хотѣлъ имъ послужить, какъ и служилъ довольно, но Богъ не судилъ... Пока ты будешь здѣсь, вотъ“,—указывая на о. эконома,—„тебѣ отецъ и наставникъ и руководитель, слушайся его, а вотъ“,—указывая на келейника Василія,—„тебѣ братъ и совѣтникъ въ жизни“.. Тутъ еще нѣсколько еще болѣе личныхъ словъ мальчику и затѣмъ благословеніе св. иконою. Затѣмъ владыка потребовалъ, чтобъ его переворотили на другой бокъ, лицомъ къ стѣнѣ. Сдѣлано.—„Форточки“,—говоритъ онъ,—„отворить форточки!“

„Отворены, ваше преосвященство“.

„Всѣ отворить, всѣ до одной“.

Келейникъ о. Василій побѣжалъ по всему дому отворять форточки. Мы потихоньку выбрались изъ-за ширмъ, въ другую комнату. Послали за докторомъ. Докторъ подошелъ къ спальнѣ, издали послушалъ дыханіе: „плохо“,—говоритъ, но больного безпокоить обслѣдованіемъ не нашелъ приличнымъ. Такъ просидѣли мы тутъ—кто до ранняго, а кто и до поздняго утра. Такъ прошла для преосвященнаго епископа Евѳимія послѣдняя ночь и насталъ послѣдній день—17-е Октября.

Все утро этого послѣдняго дня умирающій провелъ въ тоскѣ; ни одного впрочемъ слова жалобы, ни одного выраженія слабости духа; часто приказывалъ поворачивать себя съ боку на бокъ. Въ двѣнадцатомъ часу дня приказалъ о. эконому предъ св. иконами читать ака-

ѳистъ Іисусу сладчайшему; во время чтенія крестился. Послѣ этого велѣлъ одѣть себя одѣялами такъ, чтобы воздухъ нигдѣ не проникалъ; почувствовалъ уже холодъ смертный. Въ два часа по-полудни говоритъ о. экономy: „сядь тутъ около постели, сядь надолго, будешь подавать мнѣ полосканье и все, что прикажу. Да почитай мнѣ что-нибудь".

„Что прикажете"?

„Наизустъ что-нибудь почитай".

„Что прикажете, ваше преосвященство"?

„Читай: Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному. Читай долго, сряду минуты четыре".

Тотъ сталъ читать молитву, а владыка успокоился, будто заснулъ. Потомъ вдругъ спрашиваетъ: „всѣ ли вы дома? Будьте всѣ дома, не уходите отсюда. Можетъ быть скор...." послѣднее слово, конечно, скоро, трудно было разслышать. Въ 3 часа велѣлъ переложить себя на правый бокъ, лицомъ къ комнатѣ, три раза перекрестился и спросилъ: „кто здѣсь? Пусть всѣ войдутъ сюда". Тотчасъ-же дана была повѣстка по духовенству, что кто желаетъ, можетъ идти принимать послѣднее благословеніе владыки. Тотчасъ-же собралось много духовныхъ и не духовныхъ лицъ мужеска пола и женска. Когда всѣ собрались, умирающему архипастырю было доложено. „Пусть войдутъ,—говоритъ,— „поклонятся и уходятъ". Стали подходить священники впереди,—„я всѣхъ узнаю",—говоритъ умирающій архипастырь, благословляя:—„это Иванъ Ивановичъ Поздневъ" (священникъ)—„молите Бога о мнѣ. А это Пальмовъ" (священникъ). А священнику И. С. Архангельскому говоритъ: „вы у меня тюрьмою, тюрьмою занимайтесь",—смѣшалъ: священникъ Архангельскій священствовалъ въ тюремномъ замкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Крестилъ всѣхъ и каждаго большимъ крестомъ. Благословивъ всѣхъ, владыка опять будто заснулъ. Въ эту пору потихоньку вошли и пріютились по угламъ спальни, кромѣ безотходно остававшихся тутъ о. экономa и келейника о. Василія ректоръ семинаріи, членъ консисторіи протоіерей І. В. Любомудровъ и секретарь консисторіи. Всѣ хранили полнѣйшее молчаніе, сдерживаясамое дыханіе. Входитъ сюда-же инспекторъ семинаріи, останавливается противъ постели владыки и вдругъ видимъ—кланяется и цѣлуетъ руку владыки; владыка, замѣтивъ, какъ онъ вошелъ въ спальню, благословилъ его издали по воздуху. За инспекторомъ подошелъ ректоръ и, поклонившись до-земно, принялъ благословеніе. Это было дѣломъ мгновеній. Прочіе не догадались сначала, въ чемъ дѣло, и не тронулись съ мѣста. Опять всѣ пріютились по угламъ, притаивъ дыха-

ніе. Владыка явно не спалъ, гладилъ рукою бороду, разводилъ по постели. Вдругъ опять спрашиваетъ: „кто здѣсь“?

Подбѣгаетъ о. экономъ и громко говоритъ: „Иванъ Тимоѳеевичъ Полеводинъ и нѣкоторые другіе здѣсь желаютъ принять благословеніе вашего преосвященства“.

Передъ этимъ, по уходѣ перваго собранія принимавшихъ благословеніе, въ сосѣдней съ спальнею библіотечной комнатѣ набралось было еще немало людей, желавшихъ принять послѣднее благословеніе; нѣкоторые долго поджидали, но видя потомъ, что владыкѣ о нихъ не докладываютъ, поразошлись и остались только староста каѳедральнаго собора Иванъ Тимоѳеевичъ Полеводинъ, человѣкъ владыкѣ слишкомъ хорошо извѣстный, и еще священникъ Казанской церкви о. Ѳедоровскій. На докладъ о нихъ владыкѣ онъ промолчалъ.

О. экономъ опять громко говоритъ: „Иванъ Тимоѳеевичъ Полеводинъ и нѣкоторые другіе желаютъ принять благословеніе вашего преосвященства“.

Въ отвѣтъ опять молчаніе. Тотъ отошелъ, подумавъ, что владыка или неразслышалъ или не понялъ, что онъ уже забывается. Вдругъ владыка говоритъ: „пусть войдутъ и поклонятся, и уходятъ“.

Это были его послѣднія слова.

Тѣ вошли. Владыка благословилъ ихъ, молча. Тѣ ушли. Мы остались, притаивъ дыханіе. Вотъ будто-бы заснулъ. Вотъ легкій едва замѣтный для уха въ дыханіи хрипъ. „Агонія“! Хрипъ послѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ минутъ своего продолженія прекратился. Вмѣсто его слышится дыханіе съ едва слышными стонами. И стоны послѣ двухъ-трехъ минутъ своего продолженія прекратились: Вотъ короткое дыханіе, отрывчатое, едва слышное вдыханіе воздуха ртомъ и выдыханіе носомъ, точь въ точь то короткое дыханіе, о которомъ говорилъ докторъ. Вотъ еще одинъ вздохъ—легкій, едва слышный, и... ничего неслышно. Нѣтъ, еще одинъ такой-же... И ничего не слышно... Свое дыханіе мы проглотили... Ждали долго... Ничего не слышно... Разомъ въ одно мгновеніе мы всѣ поднялись и тронулись къ постели. Пульсъ... Пульсъ долго держится въ рукѣ: нѣтъ его... Старѣйшій по чину произнесъ отпустъ: „Достойно есть яко во истину блажити тя Богородицу“... „Слава тебѣ, Христе Боже, упованіе наше“... „Живыми и мертвыми обладаяй, воскресый изъ мертвыхъ Христосъ истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Своея Матере, святыхъ славныхъ и все-

хвальныхъ Апостолъ, преподобныхъ и богоносныхъ Отецъ нашихъ и всѣхъ святыхъ, душу отъ насъ преставльшагося раба Своего преосвященнаго епископа Евѳимія въ селеніяхъ праведныхъ учинитъ"... И: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи, усопшему рабу Твоему преосвященному епископу Евѳимію и сотвори ему вѣчную память". Нѣкоторые продолжали еще молиться, полагая земные поклоны, другіе стали плакать. Обратились всѣ къ усопшему: неподвижно лежитъ, какъ и лежалъ спокойно, на правомъ боку; ротъ полуоткрытъ; правая рука подъ правою щекою; лѣвый глазъ совсѣмъ закрытъ, а правый, прижатый лежащею подъ нимъ рукою, чуть-чуть открытъ: нужно было совсѣмъ закрыть его. Но лишь только ректоръ прикоснулся къ глазному вѣку, вдругъ по мертвому или умирающему лицу молнія судороги. Тотъ дѣлаетъ энергическій жестъ, чтобъ всѣ молчали... ждутъ опять прикосновенія пальцевъ къ глазному вѣку, и опять таже молнія... И едва слышный, но уже рѣшительно послѣдній вздохъ... Не безъ основанія тутъ подумалось, что въ почившемъ сознаніе едва-ли не было еще живо; онъ понялъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ, когда чужая рука прикоснулась къ чувствительнѣйшимъ нервамъ глаза, и содрогнулся, дважды въ послѣдній разъ содрогнулся...

Посмотрѣли мы на часы: была половина шестого. Единогласно по соображеніямъ мы рѣшили, что преосвященный епископъ Саратовскій и Царицынскій Евѳимій скончался въ 5 часовъ и 20 минутъ.

Въ ту-же минуту послали за докторомъ, который тотчасъ-же и пріѣхалъ. Осмотрѣлъ и говоритъ: „ни малѣйшаго, никакого нѣтъ сомнѣнія"...

„Умеръ?"

„Умеръ!"

Въ этотъ вечеръ, въ одномъ почтенномъ семействѣ жена и мать семейства, женщина благочестивая и нервная, вышла изъ освѣщеннаго кабинета въ неосвѣщенную залу, вышла и въ ту-же минуту возвращается назадъ, съ тѣнью тревоги на лицѣ. Мужъ: „что съ тобой?"

Жена: „должно-быть архіерей, наконецъ, умеръ. Я вышла въ залу, а онъ и стоитъ тутъ. Не добрый знакъ".

О смерти владыки семейство это узнало только на другой день по утру.

Въ ту-же минуту по смерти покойнаго преосвященнаго Евѳимія, спальня его наполнилась народомъ, большею частью лицами духовнаго званія. Давъ имъ взглянуть на покойнаго архипастыря въ томъ-же по-

ложеніи, какъ онъ скончался, мы пригласили всѣхъ выйти и заперли самыя двери архіерейскаго дома, чтобы, собравшись преждевременно, народъ не помѣшалъ исполненію всѣхъ нужныхъ приготовленій къ выносу покойнаго архипастыря, а сами, т.-е. шесть лицъ, бывшихъ очевидцами кончины, да еще каѳедральный протоіерей и ключарь, занялись по обычаю и уставу церковному опрятаніемъ честныхъ останковъ усопшаго архипастыря. Въ 6-ть съ небольшимъ часовъ вечера протяжные, раздѣльные удары большого колокола на соборной колокольнѣ возвѣстили Саратову, что архіерей скончался. Въ ту-же минуту всѣ обще-доступныя отдѣленія архіерейскаго дома наполнились народомъ. Приготовивъ въ залѣ приличное ложе, священныя архіерейскія облаченія и прочее, и облачившись сами въ священныя ризы, изнесли мы, іереи, честное тѣло усопшаго архипастыря въ залу. Облаченіе почившаго въ полное архіерейское облаченіе совершено по чину архіерейскаго служебника. Тотчасъ-же по облаченіи и возложеніи почившаго архипастыря на уготованное ложе, при многочисленномъ стеченіи народа, совершена соборная панихида. Сдѣлано распоряженіе о чередномъ, градскими священниками непрестанномъ, чтеніи надъ почившимъ св. Евангелія. Секретарь Консисторіи тотчасъ-же отправилъ телеграммы съ донесеніемъ о смерти преосвященнаго епископа Евѳимія г. Синодальному Оберъ-Прокурору и преосвященному Ѳеофилу, епископу Самарскому, управляющему Саратовскою епархіею, отъ котораго на завтра же, въ раннее утро получена телеграмма отвѣтная, что онъ немедленно выѣзжаетъ изъ Самары въ Саратовъ для погребенія усопшаго собрата. Въ слѣдующіе дни до погребенія полнымъ соборомъ духовенства панихиды совершались дважды въ день: по утру послѣ литургіи, и вечеромъ около 6-ти часовъ.

Выносъ почившаго преосвященнаго епископа Евѳимія совершился послѣ поздней литургіи въ Воскресенье 20-го Октября, по слѣдующему чину: въ каѳедральномъ соборѣ и прочихъ градскихъ церквахъ Божественная литургія въ этотъ день совершена въ обычное время; въ каѳедральномъ соборѣ начатъ похоронный перезвонъ тотчасъ послѣ звона задостойнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ начался перезвонъ во всѣхъ градскихъ церквахъ; когда вслѣдъ за каѳедральнымъ соборомъ начался похоронный перезвонъ во всѣхъ градскихъ церквахъ, по окончаніи поздней литургіи, открылись крестные ходы изъ дальнѣйшихъ градскихъ церквей по направленію къ двумъ болѣе центральнымъ пунктамъ: къ церкви Вознесенской Митрофаньевской съ одной стороны города,

а съ другой—сначала къ церкви Троицкой старо-Соборной, потомъ къ церкви Срѣтенской; главный крестный ходъ направлялся по главной въ Саратовѣ, Московской улицѣ подъ предстоятельствомъ двухъ архимандритовъ, ректора и инспектора семинаріи, потомъ и третьяго о. архимандрита Гавріила; стеченіе народа было необозримое и неисчислимое; единовременно три крестные хода отъ церкви Воскресенской Митрофаньевской, отъ Срѣтенской и отъ каѳедральнаго собора приблизились къ архіерейскому дому; крестные ходы сопровождались пѣніемъ Богородичныхъ и воскресныхъ ирмосовъ 6-го гласа: „Яко посуху пѣшествова Израиль“.....; въ главномъ крестномъ ходѣ по Московской улицѣ церковныя пѣсни эти пѣлись всею массою 600 воспитанниковъ семинаріи и духовнаго училища; изъ всѣхъ градскихъ церквей при этомъ изнесены были всѣ святыни, износимыя въ обычныхъ крестныхъ ходахъ, какъ-то: выносные кресты, хоругви и т. д.; все духовенство при этомъ, священство, діаконство и стихарные причетники были въ облаченіяхъ глубокаго траура. Когда духовенство вошло въ залу архіерейскаго дома, прибывшій изъ Самары, преосвященный епископъ Ѳеофилъ, въ полномъ святительскомъ облаченіи, благословилъ начало литіи. По окончаніи литіи, предъ поднятіемъ гроба почившаго архипастыря, законоучитель саратовскаго института протоіерей П. Н. Смирновъ произнесъ прощальную рѣчь.

По окончаніи рѣчи, возглашенъ отпустъ литіи и послѣ отпуста: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой“... и: „вѣчная память“. Затѣмъ архимандриты, протоіереи и старѣйшее священство съ діаконами на лентіяхъ подняли гробъ почившаго архипастыря. Съ поднятіемъ гроба, въ каѳедральномъ соборѣ и во всѣхъ градскихъ церквахъ начался трезвонъ; хоръ пѣвчихъ и воспитанники семинаріи возгласили: „Святый Боже“...

Погребеніе въ Бозѣ почившаго преосвященнаго епископа Евѳимія совершилось въ понедѣльникъ 21-го Октября, по слѣдующему чину: по удару колокола въ каѳедральномъ соборѣ, въ половинѣ девятаго часа утра, во всѣхъ градскихъ церквахъ начался обычный къ литургіи благовѣстъ большими колоколами и совершена литургія, а затѣмъ все духовенство собралось въ каѳедральномъ соборѣ; здѣсь, въ каѳедральномъ соборѣ, благовѣстъ къ литургіи начался въ 9 часовъ. Литургію совершалъ преосвященный Ѳеофилъ, епископъ Самарскій и Ставропольскій въ сослуженіи 12 лицъ: двухъ архимандритовъ—Гавріила и Александра, пяти протоіереевъ,—каѳедральнаго М. С. Воронцова, А. Т.

Петровскаго, І. В. Любомудрова, А. Соколова, В. И. Жукова, священника Д. І. Крылова, двухъ іеромонаховъ, духовника Антонія и казначея Спасо-Преображенскаго монастыря Стефана, священниковъ ключаря В. А. Ѳеофарова и М. А. Надеждина; за литургіею, въ обычное время ректоръ архимандритъ Никаноръ произнесъ слово *).

Послѣ задостойнаго звона въ каѳедральномъ соборѣ, а вслѣдъ за нимъ и во всѣхъ градскихъ церквахъ, начатъ похоронный перезвонъ, который продолжался до поднятія гроба почившаго архипастыря. Послѣ литургіи, тотчасъ-же совершенъ чинъ погребенія. По прочтеніи пятого похороннаго Евангелія, протодіакономъ провозглашено завѣщаніе въ Бозѣ почившаго архипастыря, преосвященнаго епископа Евѳимія къ оставленной имъ паствѣ. Предъ послѣднимъ цѣлованіемъ, священнодѣйствовавшій преосвященный епископъ Самарскій произнесъ прощальную рѣчь къ почившему архипастырю.

По поклоненіи честнымъ останкамъ почившаго архипастыря всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, при умилительномъ пѣніи великопостныхъ ирмосовъ: „Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе“..., при громѣ всѣхъ церковныхъ колоколовъ Саратова, въ сопровожденіи всего собора священнослужащихъ, при громадномъ стеченіи народа, гробъ почившаго архипастыря поднятъ архимандритами, протоіереями и почетнѣйшимъ священствомъ, обнесенъ вокругъ собора и внесенъ въ нижнюю соборную обновляемую церковь. Тамъ, у приготовленной могилы совершилась литія, послѣ которой гробъ опущенъ архимандритами, протоіереями и почетнѣйшимъ священствомъ въ могилу.

Въ заключеніе всего провозглашено послѣднее здѣсь: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой и вѣчная память“.

По совершеніи всего священнодѣйствія, здѣсь-же въ нижне-соборной обновленной покойнымъ архипастыремъ церкви, сопоставляя его новую могилу съ благолѣпно-сіявшими новоустроенными иконостасами и всѣмъ новосозданнымъ благоукрашеніемъ церкви, одинъ изъ почетнѣйшихъ, разумнѣйшихъ и благочестивѣйшихъ гражданъ города, купецъ И. П. Буркинъ, весьма удачно и знаменательно тутъ-же при всѣхъ выразился: „теперь преосвященный Евѳимій останется съ нами здѣсь навсегда“.

По совершеніи всѣхъ священнодѣйствій, во всѣхъ отдѣленіяхъ архіерейскаго дома, въ нижнемъ и верхнемъ этажахъ, предложенъ

*) Напечатано въ полномъ собраніи бесѣдъ, поученій и рѣчей высокопреосвященнаго Архіепископа Никанора т. IV, 499—507.

былъ для всего градского духовенства и почетнѣйшихъ чиновъ и гражданъ города поминальный столъ. Для поминальнаго стола и разныхъ нуждъ благолѣпнаго погребенія почившаго архипастыря значительнѣйшія жертвы принесли градское общество, купецъ Н. С. Парусиновъ, потомственная почетная гражданка Д. Х. Тюльпина, особенно староста собора каѳедральнаго И. Т. Полеводинъ, пожертвовавшій на гробъ усопшаго архипастыря драгоцѣнный покровъ, и блюститель семинаріи П. И. Кокуевъ, пожертвовавшій кромѣ значительной суммы денегъ благолѣпную мраморную доску, которая положена на могилѣ покойнаго архипастыря. А идею всего этого печальнаго торжества прекрасно выразилъ преосвященный епископъ Самарскій Ѳеофилъ. Когда, по совершеніи надъ почившимъ отпѣванія, въ залѣ архіерейскаго дома ректоръ семинаріи представилъ его преосвященству наставниковъ семинаріи, преосвященный обратился къ нимъ съ вопросомъ: „какая самая главная наука“?

Кто-то отвѣтилъ: „Богословская — конечно“.

„Наука умирать — самая главная наука“, — сказалъ владыка.

И эту науку глубоко-назидательно преподалъ намъ усопшій архипастырь нашъ, въ Бозѣ почившій преосвященный Евѳимій, епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ.*)

Моя статья, какъ сейчасъ будетъ видно, основана на многихъ опытахъ и наблюденіяхъ. Я перечиталъ все, что написано по этому вопросу, и всѣхъ высказанныхъ разными лицами соображеній не коснусь. Коснусь только темы, что свѣтское русское общество не выноситъ настоящаго внѣшняго вида православныхъ русскихъ священниковъ; поэтому онъ долженъ быть измѣненъ. Я ставлю такую тему: общество не выноситъ внѣшняго вида русскаго духовенства; поэтому онъ не долженъ быть измѣненъ.

Да, свѣтское общество не выноситъ въ своей средѣ внѣшняго-ли вида священниковъ, или самихъ священниковъ, — это рѣшите сами. Если коснуться фактовъ, то это предметъ не-исчерпаемый, стоющій заботливаго вниманія. Какъ эти факты постоянны и поразительны, мы позволимъ себѣ коснуться въ самыхъ краткихъ чертахъ приключеній одного, хорошо извѣстнаго намъ духовнаго лица, которое изъѣздило Россію

„Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды“,

отъ Ботническаго и Рижскаго заливовъ, до Азовскаго и Каспійскаго морей, до Камы и Урала, — лица, которое живало на сѣверѣ и югѣ, на крайнемъ западѣ и востокѣ Европейской Россіи. Отъ многихъ своихъ тысячеверстныхъ путешествій въ разные концы Россіи онъ вынесъ убѣжденіе, что въ путешествіи священнику невозможно уберечься отъ возмутительныхъ, ничѣмъ не вызываемыхъ оскорбленій. Въ под-

*) Статья напечатана въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ за 1879 г.

робностяхъ разсказать все это неудобно. А надо сказать, что въ подробностяхъ оказалось-бы много и печальнаго, и комическаго. Надо сказать, что это лицо начало разъѣзжать уже въ санѣ архимандрита, ѣздило на пароходахъ только въ первомъ классѣ, а на желѣзныхъ дорогахъ въ первомъ и во второмъ, никогда въ третьемъ; всюду платило хорошія деньги за все; было прилично одѣто, всегда въ черномъ, но всегда въ священнической шляпѣ, съ клобукомъ въ картонѣ, всегда безъ регалій, всегда тщательно скрывая свое сановное монашество и всегда выступая скромнымъ путешествующимъ духовнымъ лицомъ. — „Вы видите предъ собою священника и первокласснаго пассажира“, — не разъ приходилось ему говорить въ защиту своего попраннаго права, въ отклоненіе дурного съ собою обращенія. И тѣмъ не менѣе его скромный, уклончивый священническій видъ вызывалъ дурное обращеніе, пока болѣе благовоспитанные спутники не разберутъ бывало, что невѣжественная грубость оскорбляла сановнаго и благовоспитаннаго человѣка. Впрочемъ, иногда и сановность не спасала отъ ударовъ ослинаго копыта. Такъ, ѣхалъ онъ изъ Астрахани на пароходѣ. Народа набралось очень много. Въ каютѣ невозможно было оставаться, даже дышать, потому что спутники много пили, шумѣли и шумно играли въ карты, не стѣсняясь даже ночью. Онъ вышелъ на палубу въ намѣреніи тутъ переночевать; тутъ разсчитывалъ хоть дышать чистымъ воздухомъ. Но на палубѣ тѣснота была непроходимая. Тутъ не было пункта, гдѣ-бы кто не сидѣлъ, не толкался, не стоялъ, не лежалъ, растянувшись или скорчившись. Онъ стоялъ очень долго, прислонившись къ борту, цѣлые часы, такъ что ноги рѣшительно отяжелѣли. У первоклассной рубки, конечно, на самомъ удобномъ мѣстѣ палубы, расположилась группа одной семьи и знакомыхъ; тутъ была дама и нѣсколько мужчинъ. Сидятъ они также цѣлые часы. Мужъ то посидитъ, то уйдетъ. А былъ онъ мелкій уѣздный чиновникъ, хотя держалъ себя генераломъ. Сидѣли они на выносныхъ складныхъ стульяхъ, которыми завладѣли безъ остатка. Въ одинъ изъ случаевъ, когда мужъ ушелъ и замѣшкался, нашъ путешественникъ подошелъ, и, отодвинувшись, сколько позволяла непроходимая тѣснота, сѣлъ на оставленномъ стулѣ. Въ эту минуту выходитъ мужъ и поднимаетъ положительный гвалтъ на всю палубу, на которой были въ полусонномъ состояніи цѣлыя сотни людей. Всѣ проснулись, всѣ встревожились среди глубокой ночи; подходитъ капитанъ разобрать: что такое? Возбужденный раздраженіемъ и отчасти спиртомъ, человѣкъ кричитъ съ самыми не

двусмысленными намеками.... Стулъ былъ тотчасъ-же ему уступленъ. Нашъ путникъ отошелъ къ своему борту, и тамъ просидѣлъ до утра на какихъ-то снастяхъ пароходныхъ, глядя въ пространство на звѣзды, на темные силуэты горнаго берега, на блестѣвшую то звѣздами неба, то огнями парохода, то, наконецъ, утреннею зарею Волгу. Къ утру ему совѣстно было обернуться на эту толпу равнодушныхъ къ обидѣ священника людей, на этого капитана, который не подумалъ ни единымъ словомъ вступиться за публично оскорбленную личность. А на пароходѣ знали, что онъ архимандритъ и ректоръ С.-Петербургской семинаріи, такъ какъ тутъ былъ одинъ знакомый протоіерей... Этого-то о. протоіерея обидчикъ и прислалъ по утру посредникомъ примиренія. Конечно, оставалось только извинить даже для того, чтобы потушить возмутительную исторію.

Ѣхалъ онъ изъ Самары въ Нижній на пароходѣ въ первомъ классѣ, изъ Нижняго въ Москву по желѣзной дорогѣ во второклассномъ вагонѣ. На пароходѣ первоклассные спутники скоро разсбрали, кто онъ, и обращались съ нимъ прилично, даже почтительно. Въ Нижегородскомъ вокзалѣ желѣзной дороги провозглашено было: „III классъ садиться“, — II и I классамъ ждать второго звонка. Нашъ путникъ по добросовѣстности и уваженію къ звонку остался на вокзалѣ ждать второго звонка. Но когда вышелъ садиться по второму звонку, увидѣлъ, что всѣ уже и I и II классные пассажиры разсѣлись по мѣстамъ и на платформѣ нѣтъ никого, кромѣ кондукторовъ и прислуги. Тотъ пошелъ по платформѣ, чтобы сѣсть въ свой II классъ. Но куда ни подходитъ, пассажиры передъ его носомъ затворяютъ дверь, — такъ какъ вагоны раздѣлены были на отдѣльныя купе съ особыми дверцами въ каждомъ. Ходитъ онъ на виду всей публики, и никто его не пускаетъ. А начальство и кондукторы или повидимому не обращаютъ на него никакого вниманія, или-же за спиною скалозубятъ. Да, и куда втискаешь такого непріятнаго пассажира? (Оставалось почти что остаться въ Нижнемъ съ билетомъ въ карманѣ). Особенно прискорбно было то, что даже тѣ первоклассные пассажиры, съ которыми онъ ѣхалъ въ Нижній на пароходѣ, и тѣ предъ его носомъ безцеремонно затворяли дверцу своего купе. Только уже, когда онъ, не пускаемый никѣмъ, проходилъ не въ первый разъ по длинному ряду вагоновъ, вдругъ раздается сочувственный зовъ сжалившихся людей: „батюшка, батюшка! пожалуйте сюда“! Сюда онъ, наконецъ, и сѣлъ. Оказалось здѣсь, въ отдѣльномъ купе II класса, сидѣли лакей и горничная бар-

скаго семейства, ѣхавшаго въ I классѣ, хорошо знакомаго нашему путнику, по С—ву, гдѣ онъ не мало лѣтъ былъ архимандритомъ и ректоромъ. Очевидно, знавшіе его по С—ву лакей и горничная сжалились, наконецъ, надъ нимъ и согласились пустить его въ свою компанію.— Истинное спасибо добрымъ людямъ. А то оставалось остаться въ Нижнемъ, съ билетомъ въ карманѣ на проѣздъ въ Москву.

Въ Петербургѣ, изъ Сергіевой пустыни взялъ онъ первый классъ по желѣзной дорогѣ и по указанію кондуктора спокойно сѣлъ въ первоклассное купе съ молодымъ, совершенно приличнымъ спутникомъ. На этотъ разъ его безъ затрудненія пустили, потому что первоклассныхъ пассажировъ, повидимому, не было, вагонъ великъ, отдѣльныхъ купе не одно. Но вотъ поѣздъ пока не отходитъ еще, дверца купе не закрыта, подходитъ какой-то вахтеръ, старый унтеръ-шевронистъ, видитъ въ первоклассномъ купе священника, и тутъ-же на платформѣ у самой дверцы начинаетъ распекать кондуктора въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ, самымъ азартнымъ крикомъ: „какъ ты смѣлъ, да какъ ты смѣлъ пустить ихъ сюда!... Здѣсь поѣдетъ генералъ“... Нашъ путникъ, конечно, промолчалъ, жалѣя кондуктора и себя, что на него смотрятъ, какъ на парію, опасаясь, что вотъ-вотъ выведутъ изъ вагона на потѣху многочисленной публики. „Залѣзла-де ворона въ высокія хоромы“! Къ счастью этого не случилось,—не вывели. Генералъ сжалился,—не сѣлъ въ это купе,—такая компанія, безъ сомнѣнія, была для него неудобна,—видно, сѣлъ въ другое первоклассное купе.

По желѣзному пути отъ Варшавы до Петербурга, при выѣздѣ одинъ близкій человѣкъ поручилъ отеческому вниманію нашего путника сиротъ, которыя ѣхали безъ провожатаго,—двухъ подростковъ институтокъ и родную сестру ихъ, дѣвочку-пепеньерку одного изъ петербургскихъ институтовъ. Въ дорогѣ дѣвочки, зная въ путникѣ довольно сановное духовное лицо, обращались съ нимъ сочувственно. Но лишь только ступили на помостъ петербургскаго вокзала, надо было видѣть и перечувствовать, съ какою заботливостью, торопливостью и даже брезгливостью свѣтскихъ барышень, онѣ сейчасъ стали усиливаться показать всѣмъ, что ничего общаго у нихъ съ этою духовною особою не имѣется, что онѣ съ нимъ вовсе не знакомы; даже проститься не удостоили. Неравно какой-либо петербургскій знакомый подмѣтитъ, что онѣ ѣхали въ такомъ непріятномъ обществѣ. Въ виду такой страшной опасности не важно, если сдѣлаютъ плоскую грубость лицу, которое, если что-нибудь отъ нихъ заслужило, то уже никакъ не грубость.

Ѣхалъ онъ изъ лавры преподобнаго Сергія въ Москву. Въ лаврѣ представлялся по начальству, былъ въ клобукѣ и крестахъ. Чуточку опоздалъ къ поѣзду, и какъ только вошелъ въ вокзалъ желѣзной дороги, ему говорятъ: „садитесь скорѣе, поѣздъ отходитъ". Онъ прямо побѣжалъ въ вагоны, некогда было и билета взять. Все это сдѣлалось на глазахъ кондуктора и начальства, которое и вошло за нимъ въ вагонъ, да и говоритъ: „Вы штрафъ заплатите". — „Не важно", — тотъ отвѣчаетъ, — „видите, некогда билетъ брать". Поѣздъ тронулся. На слѣдующей станціи то-же начальство и тотъ-же кондукторъ принесли билетъ и взяли штрафъ. Ну это еще не бѣда, не обидно. Быть можетъ, также и съ свѣтскимъ лицомъ поступили бы.

Ѣхалъ онъ изъ Москвы въ Нижній. Поѣздъ отходилъ позднимъ вечеромъ на ночь осеннюю и дождливую. На станціяхъ поѣздъ останавливался на нѣсколько секундъ. Кондукторы ничего пассажирамъ не скажутъ. Почти никто изъ пассажировъ и не выходитъ. Поѣздъ остановится у станціи на минуту и сейчасъ-же начинаетъ тихо двигаться впередъ, пока не раскатится черезъ нѣсколько взмаховъ колеса. Въ глубокую ночь нашему путешественнику понадобилось выйти (хоть жажду утолить) на минутку. При выходѣ, при поспѣшности ему не вдомекъ было замѣтить вагонъ, изъ котораго выходитъ. Черезъ минуту возвращается назадъ, вагоны всѣ похожи одинъ на другой, ночное освѣщеніе фальшивитъ, платформа полустанціи не крытая, сверху льетъ дождь, не видитъ путникъ, въ какой вагонъ ему попасть нужно, изъ какого онъ вышелъ, на платформѣ ни души. Стоитъ кондукторъ. — „Скажите, Бога ради", — обращается къ нему тотъ, — „не замѣтили-ли вы, гдѣ вагонъ второго класса, изъ котораго я только-что вышелъ?" Кондукторъ не издаетъ ни звука, и только мефистофелевски улыбается. Тотъ думаетъ: „попадешь въ чужой вагонъ, штрафъ возьмутъ, сцену сдѣлаютъ. А не попадешь ни въ какой, останешься тутъ на платформѣ, а поѣздъ сію минуту уйдетъ". Куда ни шло, тотъ ступаетъ на площадку неизвѣстнаго ему вагона, въ это-же мгновеніе поѣздъ двигается, и совершенно случайно попался тотъ самый вагонъ, изъ котораго путникъ вышелъ. А говорятъ, — люди погибаютъ на желѣзныхъ дорогахъ отъ неосторожности, тому ногу оттиснетъ, тому голову раздавитъ. Да, погибаютъ и при подобныхъ обстоятельствахъ. Вотъ нашъ путникъ видѣлъ собственными очами, какъ одному проѣзжему при подобныхъ обстоятельствахъ едва не пришлось поплатиться жизнью. Подъѣхалъ поѣздъ къ какой-то полустанціи, но пододвинулся такъ, что между

полустанціею и вагонами лежали рельсы главнаго пути. Кондукторы ничего не говорятъ, пассажиры не выходятъ на платформу. Но одному господину понадобилось выйти; онъ спустился со ступенекъ на земь, да и глядитъ въ недоумѣніи. Вдругъ крикъ жандарма и десятка голосовъ съ платформы: „баринъ, баринъ, берегитесь“. Тотъ въ одуреніи кинулся не назадъ къ вагону, а къ платформѣ. Нашъ путникъ видѣлъ съ ужасомъ и отвращеніемъ собственными глазами, какъ наскакивающій по главному пути между первымъ поѣздомъ и платформою тяжелый поѣздъ уже зацѣпилъ и замахнулъ машиной капюшонъ и шинель несчастнаго. Зрителями изъ вагоновъ пережито ощущеніе, что человѣкъ раздавленъ. Но когда продвинулись десятки вагоновъ товарнаго поѣзда, — всѣ видятъ, что несчастный въ перепугѣ оправляется на платформѣ. Его изъ-за тендера уже успѣли выхватить жандармъ и другіе. Но въ другомъ мѣстѣ, совершенно при тожественныхъ обстоятельствахъ, задавили монахиню. Барина здѣсь кинулись спасать всѣ, монахиню никто. И до нея-ли было, когда на задавившемъ поѣздѣ отъѣзжалъ отъ станціи самъ... очень важный въ краѣ сановникъ? При такихъ обстоятельствахъ до жизни-ли тутъ какой-либо монашки? Знай, не таскайся! Услышали только крикъ и проѣхали, а послѣ прислуга станціи подобрала истерзанный трупъ. Былъ человѣкъ, никому ненужный, да и нѣтъ его!

Другой разъ подымался онъ вверхъ по Волгѣ изъ К. на пароходѣ. Только что отвалили отъ пристани, видитъ въ первомъ классѣ двухъ спутниковъ. Одинъ лично знакомый ему первостатейный купецъ изъ того-же города, а другой какой-то упитанный молодой человѣкъ, съ пошибомъ барина русской удали. Между двумя спутниками сейчасъ-же начинается рѣчь. О чемъ? О чемъ-же другомъ, какъ не о монахахъ, архимандритахъ и выше, при тутъ-же смиренно сидящемъ въ углу архимандритѣ и ректорѣ? Ораторствуетъ юноша, — оказалось 22-хъ лѣтній, сынъ первостатейнаго Московскаго купца, учился въ Московскомъ Университетѣ Мелочи его ораторствованія больше или меньше забылись. Но вотъ что рѣзко памятно, сіи слова, обрисовывающія манеру и характеръ рѣчи: „Н -ій?! Хапунъ. Всѣ они хапуны“. — „Ну какъ такъ хапунъ“, — возражаетъ конфузливо К -ій купецъ. — „Какъ?!“ возражаетъ юноша запальчиво, — „а вотъ изволите видѣть. Объявлено, что ѣдетъ обозрѣвать... Ну всѣ, знаете, приготовились, ждутъ, трепещутъ. А онъ, что-же?! Доѣхалъ до такого-то монастыря, хапнулъ тысченки три, и былъ таковъ, тѣмъ и обозрѣніе кончилось. Воротился и сейчасъ-же укатилъ въ Петербургъ“. И все это у него въ рѣчи трещитъ: „хапунъ,

хапаютъ, хапнулъ, всѣ они хапуны". Разсчитывалось, кажется, задѣть нашего путника, котораго старшій собесѣдникъ зналъ лично. Помимо этого оказывался и моральный мотивъ вмѣшательства въ задирательный разговоръ, такъ какъ въ публичномъ мѣстѣ позорилось одно изъ благороднѣйшихъ и любезнѣйшихъ именъ. — Путникъ назвалъ себя этому юношѣ и обратился къ обоимъ собесѣдникамъ съ просьбою: „позвольте мнѣ вмѣшаться въ вашъ разговоръ". Онъ подсѣлъ къ столу къ компаніи, — „вы утверждаете, что такой-то хапунъ. Но позвольте-же возразить, что такой-то — человѣкъ высоко-благородный, ничего подобнаго мы о немъ никогда не слыхали, а вѣдь мы свою братію знаемъ болѣе или менѣе основательно." Юноша не унимается: — „да", — говоритъ, — „хапунъ." — „Вы говорите", — продолжаетъ путникъ, — „что онъ прибылъ въ такой-то монастырь, хапнулъ тысченки три." — „Да, именно три тысячи," — настаиваетъ юноша. — „Позвольте возразить, что это крайне неудобно, даже просто невозможно — прибыть въ монастырь, хапнуть 3000. Допустимъ, что по существующимъ кое-гдѣ обычаямъ можно получить за служеніе въ монастырѣ 100 р., ну положимъ 200, ну допустимъ 300 р., Но хапнуть именно 3000 р. — это неслыханно. Да и кто дастъ 3000? Вѣдь тамъ-же, въ монастырѣ должны быть настоятель, казначей; вѣдь они-же отвѣтственны за монастырское добро предъ начальствомъ, предъ братіею. Вѣдь имѣются-же у нихъ приходорасходныя книги, въ которыя они обязаны вписать каждую монастырскую копѣйку. Вѣдь по монастырямъ рѣдко-рѣдко не бываетъ сутяжничества и сутяжниковъ, которые все могутъ вывести на чистую воду. Повѣрьте, это невѣроятно." — „Да, я же вамъ разсказываю фактъ," — стоитъ юноша на своемъ. — „Позвольте," — соображаетъ путникъ, — „не такъ-ли дѣло было, что лицо, о которомъ вы говорите, было само-же и настоятелемъ монастыря; такъ настоятелю по обычаю слѣдуетъ изъ извѣстныхъ монастырскихъ суммъ третья часть? Быть можетъ, онъ взялъ именно свою законную часть?" — „Ужъ этого я не знаю. А то всѣ знаютъ, что объявлена была ревизія, всѣ ждали, а онъ пріѣхалъ только въ этотъ монастырь, хапнулъ и покатилъ въ Петербургъ. Да, вотъ и доказательство на лицо, — тутъ съ нами ѣдетъ исправникъ, который его провожалъ." — Входитъ, дѣйствительно, и исправникъ. Всѣ къ нему съ вопросами: — „Позвольте, вы знали такого-то?" — „Какъ-же, конечно." — „Скажите, Бога ради, такой-то монастырь вамъ извѣстенъ?" — „Кто-же тамъ настоятель?" — „Да самъ-же". — „Вы тогда-то провожали его именно въ этотъ монастырь?" — „Какъ-же, въ моемъ уѣздѣ." — „Ну вотъ,

изволите видѣть, почему онъ имѣлъ полнѣйшее законное право взять въ этомъ монастырѣ,—быть можетъ,—и 3000 р.,—какъ вы изволили утверждать.“ Обузданный въ своей фантазіи и рѣзкости рѣчи молодой человѣкъ оказался на всю путину милѣйшимъ собесѣдникомъ; только уже разсказывалъ анекдоты о другихъ вѣдомствахъ, начиная съ университета, который ему, дѣйствительно, былъ хорошо извѣстенъ. И тутъ уже трудно было отдѣлить, что въ его разсказахъ принадлежитъ дѣйствительности и что юной фантазіи. Для слушателя это была болѣе или менѣе terra incognita; а такъ, въ плавной рѣчи все представлялось вѣроподобнымъ.

Ѣхалъ онъ изъ Кіева внизъ по Днѣпру на пароходѣ-же, въ первомъ-же классѣ. Увы! тутъ пароходная монополія, и удобства пассажировъ пренебрежены; не то, что на Волгѣ. Тамъ, въ первомъ классѣ для каждаго пассажира особый диванъ. А здѣсь, на самомъ лучшемъ пароходѣ, который возитъ и царствующихъ особъ, вдоль длинной каюты у стѣнъ идутъ лавки, обитыя трипомъ, и выставленные надъ сидѣньями №№ показываютъ только, что вы купили себѣ право только сидѣть, а не лежать; иначе, если вы ляжете, то, растянувшись, займете не менѣе трехъ перенумерованныхъ мѣстъ. А пассажировъ изъ Кіева было множество, такъ что они, дѣйствительно, могли только сидѣть; прилечь-же могли только привиллегированные и отважные. Такъ, нашему путнику и пришлось просидѣть въ каютѣ или же на палубѣ съ ранняго утра, часовъ съ четырехъ,—времени отбытія изъ Кіева, и до ночи. Къ ночи пассажиры повыбрались. Оставшіеся по мѣрѣ удобства и болѣе или менѣе смѣлаго захвата растянулись на ночь. Но именно нашему путнику, какъ болѣе другихъ безправному, мѣста-то и не досталось. Такъ, въ стоячемъ, или сидячемъ положеніи и проведена вся ночь. Къ утру, около пункта, на которомъ онъ сидѣлъ въ самомъ углубленіи каюты, опросталось мѣста настолько, что и онъ позволилъ себѣ прилечь. Но, конечно, глазъ сомкнуть не успѣлъ. Входитъ — видно —новый пассажиръ и, идя по рядамъ лежащихъ, озирается, гдѣ-бъ ему присѣсть. Такъ доходитъ и до углубленія каюты. Тутъ, въ самомъ уголку видитъ—а, священникъ. Не долго думая, протягиваетъ руку и сбрасываетъ ноги нашего путника долой, а самъ кладетъ вещи и садится на храбро завоеванное мѣсто. Нашему путнику нужно было высадиться на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Полтавской губерніи. Въ Кіевѣ, когда онъ бралъ билетъ, ему объяснено, что онъ долженъ взять билетъ до города Канева.— „И вещи до Канева?“—„И вещи до Ка-

нева“.—Онъ въ недоумѣніи, ему нужно не въ Каневъ, но съ нимъ больше объясняться не стали. Онъ думаетъ: на дорогѣ разрѣшу свое недоумѣніе. На другіе сутки пути, по распросамъ у пассажировъ, оказывается, что Каневъ уже близко, Каневъ въ Кіевской губерніи и на правомъ берегу Днѣпра. А ему нужно на лѣвый берегъ Днѣпра и въ Полтавскую губернію. Эти мѣста онъ посѣщалъ первый разъ, и топографія была ему вовсе не извѣстна. Чего-же лучше? Идти къ капитану распросить. Идетъ. Въ пріемѣ отказываютъ, капитанъ кушать изволитъ. Идетъ къ помощнику капитана. И тутъ отказъ: „Они изволили откушать и теперь почиваютъ“. — Черезъ полчаса идетъ опять къ капитанской каютѣ надъ колесомъ. Опять отказъ: „откушали и почиваютъ“. Чрезъ нѣсколько времени подъѣхали къ какой-то пристани; тамъ гдѣ-то за горою, какія-то бѣдныя хатки, которыя виднѣются съ парохода издали, а у пристани совсѣмъ спрятались. Нашему путнику даже не въ домекъ, что это Каневъ. Гдѣ-же та пристань, которая ему нужна? Да вотъ верстъ 20 ниже, на пустынномъ берегу Днѣпра; тамъ ни кола, ни двора, ни даже пристани, а только пустынный песчаный берегъ, да кусты. А гдѣ-же получать вещи?—Да вещи куда, на какое мѣсто сданы?—Да на Каневъ.—Ну такъ онѣ и остались сзади въ Каневѣ. — Какъ въ Каневѣ? — Да вотъ, что сейчасъ отвалили, тутъ ихъ и свалили. Ахъ ты Господи! Онъ идетъ къ капитану, который на этотъ разъ расхаживалъ уже на трапѣ. Нужно имѣть отвагу—подняться такъ высоко—на трапъ! Отважился. Нужно осмѣлиться приступить къ такому лицу, какъ капитанъ лучшаго изъ Днѣпровскихъ пароходовъ. Осмѣлился только потому, что бывалый человѣкъ. А то куда бы. — „Господинъ капитанъ! позвольте попросить васъ вывести меня изъ затрудненія. Я ѣду туда-то“. — „Сейчасъ вотъ васъ ссадятъ“. — „Хорошо ссадятъ, да вещи — говорятъ— оставлены въ Каневѣ“. — „Что же вы смотрѣли“? — „Да я еще въ Кіевѣ говорилъ точно, что мнѣ нужно туда-то, а мнѣ сказали, берите билетъ на Каневъ и вещи сдавайте туда-же“. — „Знали-же вы, куда ѣдете“? — „Зналъ, но я не зналъ-же, куда меня ссадятъ“. — „Зачѣмъ же вы не сказали? Сами виноваты“. — „Именно не виноватъ: предъ Каневомъ я шелъ къ вамъ спросить, не допустили, сказали — кушаютъ; потомъ къ вашему помощнику, сказали—спятъ; потомъ опять къ вамъ, сказали —покушали, почиваютъ“.— „Наконецъ это ваше дѣло, и дѣло не имѣющее ни малѣйшей важности“,—категорически изрекаютъ съ высоты,—„вы можете воротиться

н взять ваши вещи, на пристани онѣ цѣлы будутъ". — Однимъ словомъ, небрежность полнѣйшая, рѣзкость тона, не допускающая возраженій. — „Послушайте, наконецъ, г. капитанъ", — перемѣнилъ тонъ и нашъ путникъ, — „позвольте вамъ себя назвать. Такой-то. Я ѣду сюда изъ-за тридевяти земель. Какъ у васъ тутъ, на новой пристани ссаживаютъ, ничего не знаю. У васъ приказано взять билеты туда-то. Я исполнилъ приказъ. При спускѣ у васъ не принято предварять пассажировъ. Вещи мои вы распорядились свалить сзади. А теперь категорически объявляете мнѣ, что я могу воротиться. Не говорю о безпокойствѣ, объ издержкахъ. Но я человѣкъ должностной, мнѣ каждый день дорогъ. Наконецъ, я опечатаю такіе порядки въ газетахъ. Я по свѣту ѣздилъ не мало. На Волгѣ ничего подобнаго нѣтъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, капитаны пароходовъ обращаются съ пассажирами вѣжливо и внимательно. А вы говорите о моемъ затрудненіи, въ которое меня поставили, какъ о дѣлѣ, васъ не касающемся". — „Ну, успокойтесь, успокойтесь," — заговорилъ капитанъ уже нѣсколько смущеннымъ тономъ, — „вещи будутъ цѣлы, я вамъ дамъ письмо, вы пошлете и получите".—Оставалось удовольствоваться хотя болѣе скромнымъ тономъ, все-же не смысломъ капитанской рѣчи. Черезъ нѣсколько минутъ вручено капитанское письмо, съ которымъ путникъ и высаженъ на пустынный берегъ Днѣпра. Пришлось искать подводу и посылать на ней келейника за 20 верстъ назадъ къ Каневу и за 60 верстъ до мѣста, куда путникъ спѣшилъ. Конечно, подобное приключеніе могло быть и со свѣтскимъ лицомъ. Но эта недоступность не только капитана, но и его помощника, эти холодные отказы пароходной прислуги въ доступѣ къ такимъ великимъ чинамъ, этотъ обидно-холодный, почти насмѣшливый тонъ самого капитана сперва, пока пассажиръ въ рясѣ не назвалъ себя и не погрозилъ оглашеніемъ въ газетахъ, должны быть отнесены не къ чему иному, какъ только къ смиренной, впрочемъ, совершенно приличной дорожной рясѣ священника, безъ вывѣски регалій.

Возвращаясь назадъ чрезъ Кіевъ въ Москву, задержанный нѣсколько въ Кіево-Печерской лаврѣ и затѣмъ въ семинаріи и вслѣдствіе этого опоздавъ на поѣздъ, онъ вошелъ въ вагонъ второго класса, когда пассажиры уже усѣлись. Тутъ въ миньятюрѣ повторилась Нижегородская сцена. Обыкновенно пассажиры стараются усѣсться такъ, чтобы каждому досталась отдѣльная скамейка. То же было и здѣсь. Онъ идетъ по вагону, а каждый пассажиръ придвигается къ краю

скамьи, показывая, что для него тутъ мѣста нѣтъ. Совершенно-же свободной скамьи ни одной. Только уже въ самомъ углу у выхода, обыкновенно, въ наиболѣе неудобномъ сосѣдствѣ нѣкотораго вагоннаго помѣщенія, сидѣлъ простой солдатъ съ аммуниціею. Только этотъ уже сжалился надъ вошедшимъ. „Садитесь, батюшка, вотъ здѣсь“,—солдатъ указалъ мѣсто рядомъ съ собою, самъ потѣснившись къ стѣнѣ. За-то этотъ сосѣдъ скоро заснулъ мертвымъ сномъ (поѣздъ выходилъ на ночь) и съ великою безцеремонностью клалъ свои тяжелыя ноги съ большущими и вонючими сапогами на колѣна нашего путника. Тотъ съ безмолвною христіанскою терпѣливостью такъ и отдежурилъ, сидя почти цѣлую ночь, имѣя удовольствіе держать на своихъ колѣняхъ ноги солдата, который вдобавокъ еще безпокойно ворочался и раскидывался.

Во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ, изъ Москвы въ Нижній взялъ онъ первый классъ. Тутъ новое неудобство уже отъ первоклассниковъ. Объявляютъ по первому звонку: „пассажиры III класса, садиться“. Наученный горькимъ опытомъ, что подобныхъ провозглашеній слушаться не слѣдуетъ, такъ какъ другіе не слушаются, и затѣмъ опоздавшаго священника не пускаютъ въ свое сосѣдство, онъ побрелъ на платформу вслѣдъ за другими и остановился предъ первымъ классомъ, отдѣленнымъ отъ пассажировъ балюстрадой. Спереди не пускаютъ одни пассажиры, сзади тѣснятъ другіе. Онъ старается стоять по возможности смирно, чтобы не дѣлать безпокойства другимъ, видя въ каждомъ сосѣдѣ, если не князя, если не вельможу, то по крайней мѣрѣ человѣка, зная по собственному опыту, по своей спинѣ, какъ не пріятно получать грубые толчки отъ другихъ. Вдругъ второй звонокъ. Балюстраду раздвинули въ весьма узкій проходъ. Пассажиры бросились въ вагонъ. За передними двинулся и онъ солидно, не торопясь. Въ эту минуту раздается самый злобный, самый презрительный крикъ какой-то, съ виду самой вельможной изъ всей публики, барыни у него сзади, конечно, на французскомъ діалектѣ. И французская трескотня по примѣру Цицероновскаго приступа: quousque tandem, Catilina, начинается слѣдующею французскою плоскостью (въ русскомъ переводѣ): „зачѣмъ, наконецъ, этотъ попъ“ (буквально—pope) „лезетъ туда-же“?! и т. д. Этотъ попъ смиренно вошелъ въ вагонъ и занялъ мѣсто у самаго входа, которое, обыкновенно, не занимаетъ никто по причинѣ неудобнаго сосѣдства, съ христіанскою уступчивостью предоставляя удобнѣйшія мѣста другимъ пассажирамъ, изъ-за которыхъ прочіе, обыкно-

венно, рвутся, не щадя другъ для друга по крайней мѣрѣ толчковъ, если не грубостей, приберегая свои грубости для смиреннаго „поповства“. Чрезъ моментъ мимо него проплыла и ругавшаяся сановная барыня и заняла одно изъ лучшихъ мѣстъ въ срединѣ вагона. Но казалось, однакоже, что ей стало совѣстно за свою французскую выходку, которую, очевидно, понялъ этотъ „попъ“ не изъ рядовыхъ, хотя онъ и молчалъ, а только смѣло и пристально разглядывалъ именно ее, эту смѣлую особу. Такъ, до Нижняго и продвинулся онъ, не сказавъ ни съ кѣмъ изъ пассажировъ ни слова. Изъ вокзала желѣзной дороги онъ двинулся прямо на Волгу, на первый попавшійся пароходъ, который спускался внизъ по Волгѣ. Но нельзя-же безъ приключенія. Лишь только пароходъ зашевелился, между пассажирами въ каютѣ перваго класса поднялся разговоръ. А ихъ кромѣ нашего путника и было только двое. Одинъ знавшій его генералъ и еще одинъ съ виду русскій баринъ, говорилъ по русски чисто, но съ акцентомъ иностранца, кажется,—нашъ „братъ—славянинъ“, Галиційскій русачокъ. Именно, этотъ нашелъ умѣстнымъ поднять разговоръ съ генераломъ на тему именно, что „русское духовенство безнравственно“, что „оно пьетъ“, что „для него все равно, чѣмъ-бы оно ни наливалось, водкою—ли шампанскимъ—ли“, что „онъ проѣхалъ всю Россію отъ Перми до Варшавы и всюду одно и то-же явленіе“. И такъ это усердно повторялъ онъ свою излюбленную тему: „безнравственно, безнравственно“. Нашъ путникъ навѣсился, было, вступиться за честь духовенства, генералъ имѣлъ деликатность поддерживать его, но куда тебѣ! „безнравственно, безнравственно русское духовенство“,—твердитъ „братъ—славянинъ“, какъ было о немъ шепнуто. Разговоръ скоро оборвался, потому что не могъ же продолжаться на подобную тему, которая имѣла своего пламеннаго и непреклоннаго рыцаря—защитника.

Чрезъ годъ пришлось ему возвращаться по той-же дорогѣ до Петербурга, по начальственному вызову. На этотъ разъ до Нижняго, до Москвы доѣхалъ онъ благополучно. Въ Москвѣ тотчасъ переѣхалъ съ Нижегородскаго на Николаевскій вокзалъ желѣзной дороги, такъ какъ вынужденъ былъ спѣшить. Въ вокзалѣ ему сказываютъ, что пассажирскій поѣздъ сейчасъ только ушелъ въ Петербургъ, черезъ часъ туда-же отправляется другой дополнительный съ двумя классами вторымъ и третьимъ безъ перваго; а то не угодно-ли подождать до вечера,—уходитъ курьерскій поѣздъ. Чтобы быть поскорѣе у своего дѣла и мѣста, онъ рѣшился сѣсть на ближайшій дополнительный по-

ѣздъ, который скоро и отбылъ. Ночь прошла благополучно. По утру поѣздъ приближается къ станціи Любань. Тутъ, сказываютъ, поѣздъ будетъ стоять около часу, здѣсь обгонитъ его курьерскій поѣздъ. Подъѣхали, стали. Станція огромная, платформа широчайшая, идетъ вокругъ всего зданія вокзала, монументально устроена и покрыта. Нашъ путникъ вышелъ размять кости, усталыя отъ многодневнаго сидѣнья; забрался по платформѣ на противоположную сторону отъ подъѣзда, чтобы быть внѣ толпы, чтобы никому не мѣшать, и принялся ходить взадъ и впередъ. Нѣтъ, злая судьба и тутъ по пятамъ. У стѣнъ вокзала тутъ всегда стояли просторные чугунные диванчики. У одного изъ нихъ остановилась группа баръ, отлично одѣтыхъ, пожилыхъ, очевидно, — чиновныхъ, очевидно—само желѣзно-дорожное начальство. Казалось-бы, у кого искать пассажирамъ покровительства, защиты, благосклоннаго обращенія, какъ не у этихъ господъ—начальства. Нѣтъ! Ведутъ шумный разговоръ, —а молчаливый путникъ дѣлаетъ свое дѣло, ходитъ мимо группы взадъ и впередъ, платформа слишкомъ широка,—кричатъ, энергично размахиваютъ руками. О чемъ же рѣчь? Разсказываютъ другъ другу самые возмутительные, самые циничные анекдоты о монахахъ и монахиняхъ... Пронюхали какъ-то, что этотъ путникъ въ черной рясѣ и шляпѣ — монахъ; откуда-то узнали объ этомъ кондукторы, хотя бывалому келейнику строго на строго запрещено называть своего хозяина. Одинъ, энергически сжимая кулаки, энергически кричитъ: „да, если бы мнѣ власть, да я бы имъ! Коли ты монахъ, сиди въ монастырѣ, и ни шагу за монастырскую стѣну“. Эта назидательная бесѣда упорно велась по меньшей мѣрѣ полчаса. Путникъ, съ обычною ему настойчивостью, продолжалъ и остался ходить взадъ и впередъ, когда даже эти господа ушли, наконецъ. Прибылъ ожидаемый курьерскій поѣздъ. А вскорѣ затѣмъ звонокъ пригласилъ пассажировъ и остановленнаго дополнительнаго поѣзда занимать свои мѣста. Нашъ путникъ занялъ свое, по обычаю, у самой двери, у неудобнаго сосѣдства. Только видитъ предъ собою на слѣдующихъ скамьяхъ сидитъ какое-то семейство изъ здѣшнихъ; рядомъ съ первою семьею сидитъ и преспокойно ведетъ бесѣду одинъ изъ тѣхъ господъ, ругавшихся надъ монашествомъ; около нихъ у окна на платформѣ стоитъ другая семья, прощающаяся съ первой, и съ ними другой господинъ изъ тѣхъ ругателей, и тоже преспокойно ведетъ бесѣду. Когда поѣздъ двинулся, первый господинъ, посидѣвъ немного, поднялся и ушелъ по вагонамъ. Тогда нашъ путникъ обратился съ просьбою къ

главѣ близь сидѣвшаго семейства. Кажется, это былъ сосѣдній земле владѣлецъ помѣщикъ, съ вида порядочный господинъ. — „Извините, Бога ради. Покорнѣйше прошу васъ,—кто этотъ господинъ, который сидѣлъ сію минуту рядомъ съ вами“? — „Да это контролеръ здѣшній“.— „Ба, желѣзнодорожное начальство? А кто же онъ самъ по себѣ“?— „Да, энглишменъ“.— „А что такое энглишменъ“?— „Да человѣкъ, родившійся въ Россіи, совершенно обрусѣвшій, а въ душѣ все тотъ-же иностранецъ, всегда всему русскому чуждый.“ —„То-то. Вотъ обстоятельство“... — Путникъ разсказалъ исторію: „почему-то сообразили, что я монахъ. Принялись разсказывать въ моемъ присутствіи самыя возмутительныя вещи о монахахъ. Кричатъ: коли ты монахъ, ни шагу за монастырскіе ворота! А почему они знаютъ, что я ѣду не по требованію начальства. Не слыхали-ль они, что тутъ у васъ по сосѣдству, въ Новѣ-городѣ случилась аналогичная исторія, о которой писали въ газетахъ? Сидѣли въ общественномъ саду офицеры. Мимо нихъ принялась ходить группа штатскихъ и разсказывать о военныхъ пошлыя вещи. Одинъ изъ офицеровъ всталъ и далъ пощочину проходившему штатскому разскащику. Тотъ пожаловался суду; офицеръ защищался тѣмъ, что онъ вступился за честь мундира, не могъ вынести его поруганія, и судъ оправдалъ. Я не изъ тѣхъ, которые могутъ дать пощочину; санъ запрещаетъ. Но скажите, прошу васъ, если можно, господину контролеру, что онъ желѣзнодорожное начальство, что путь открытъ для всѣхъ званій и другихъ путей для насъ въ государствѣ не устроено, что въ немъ, какъ въ начальникѣ пути, всякій пассажиръ, кто-бъ онъ ни былъ, хотя-бы жидъ, хотя-бы цыганъ, хотя-бы, наконецъ, русскій священникъ, или даже монахъ,—всякій имѣетъ право на его защиту и покровительство, что законъ разрѣшаетъ возить по желѣзнымъ дорогамъ даже собакъ, и если для собаки куплено въ вагонѣ мѣсто, то и собака купила себѣ право на законную отъ него защиту и покровительство; что я, напримѣръ, знаю, что иностранцы англичане эксплоатируютъ, даже грабятъ Россію, какъ о нихъ пишутъ и говорятъ, но я не сталъ-бы говорить этого въ присутствіи господина контролера, потому что счелъ бы это неприличнымъ для себя и обиднымъ для него, такъ какъ онъ энглишменъ, какъ вы изволили говорить“. — Рѣчь эта повидимому была сейчасъ-же передана господину контролеру, но энглишменъ чрезъ нѣсколько минутъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ путнику съ казенною фразою „вашъ билетъ“,— который тотъ ему молча и подалъ.

Въ Петербургѣ нашъ путникъ, уже въ высшемъ санѣ, поѣхалъ разъ по желѣзной дорогѣ въ Сергіеву пустынь. День былъ воскресный, или праздничный. Народу—масса. Имѣя билетъ I-го класса, онъ посаженъ былъ въ особое купе изъ двухъ vis-a-vis скамей во всю ширину вагона. Сидитъ онъ одинъ. Данъ уже послѣдній звонокъ. Поѣздъ не отходитъ потому, что прицѣпляли лишній вагонъ для излишка пассажировъ. Въ это время кондукторъ подводитъ къ первому классу, гдѣ сидѣлъ нашъ путникъ, двухъ дамъ. Изъ нихъ одна уже ногу занесла садиться. Но, о ужасъ! Видитъ въ купе прижавшагося къ уголку священника въ черной рясѣ, со шляпою въ рукѣ. Она сейчасъ прочь, и пошла по рядамъ искать другого мѣста. Ходятъ по платформѣ взадъ и впередъ мимо упомянутаго открытаго купе. Держась за открытую дверцу, кондукторъ умоляетъ ихъ: „пожалуйте, сдѣлайте милость, садитесь, садитесь сюда, больше нигдѣ мѣста нѣтъ, все занято; не ходите туда, тамъ курительный вагонъ... Сдѣлайте милость, пожалуйте сюда, здѣсь совершенно свободно. Покорно васъ прошу, поѣзду необходимо отходить, вы останетесь на платформѣ, сейчасъ закрою дверь, прошу васъ“. Идутъ, наконецъ, глаза опустивъ долу, садятся въ зачумленный присутствіемъ священника вагонъ. Одна элегантная вельможная старушка, другая, очевидно, компаньонка. Обременены огромною заботою, чтобы глаза ихъ не попали случайно на ужасный предметъ. Въ этихъ видахъ сѣли рядомъ, а не vis-a-vis. Сидя противъ, трудно было, чтобы ненавистный vis-a-vis не мелькалъ передъ упрямо въ другой уголъ уставленнымъ взоромъ. Старушка садится въ уголъ скамейки, къ которому и прижимается крѣпко, а для большей безопасности загораживается отъ священника крупно-дебелою компаньонкою. А эта въ свою очередь держитъ сосѣднее къ непріятному сосѣдству плечо, въ позѣ, явно выражающей нервно-рефлективное отвращеніе отъ опасности, какъ бы не вскочила на плечо какая-либо омерзительная гадина. Установилось утомительное молчаніе, къ удовольствію для нихъ и даже для священника; къ смягченію становившейся удушливою моральной атмосферы, входитъ въ вагонъ сановный высокій старецъ съ юною дѣвою—дочерью.—„Ah, mon prince“!—„Ah, princesse“! - потомъ разговоръ, конечно, по французски, настолько оживленный между этими барами, насколько позволяло ему развязаться непрошенное присутствіе плебейскихъ ушей священника. Ѣхали сіи—старецъ prince съ дочерью и старушка princesse съ компаньонкою à la messe au saint Sèrge“. Боже! думалось нашему путнику: и это еще лучшіе религіознѣйшіе

люди изъ петербургскихъ баръ. Вотъ они ѣдутъ еще къ обѣднѣ, къ Сергію. Но эти рѣшительно не выносятъ вблизи себя самаго присутствія духовнаго лица. Чтобы они его хоть снисходительно терпѣли, для этого у него на лбу долженъ-бы быть штемпель хотя бы то монаха Сергіевой пустыни, куда вавилонская мода позволяетъ ѣздить этимъ барамъ для удовлетворенія скуднаго у нихъ остатка религіознаго чувства. Когда старецъ съ дочерью вошли въ купе, то всѣмъ пяти пассажирамъ уже не удобно было сѣсть на одной задней скамьѣ. Дочери-дѣвѣ пришлось сѣсть на передней, компаньонкѣ понадобилось пересѣсть туда-же, старушкѣ princesse подвинуться къ срединѣ задней скамьи, а prince усѣлся съ нею рядомъ. Опять вышла цѣлая игра. Священникъ глядя прямо и упрямо внутрь купе, такъ какъ онъ имѣлъ нервное отвращеніе отъ мелканія предметовъ при быстрой желѣзнодорожной скачкѣ, — онъ не уловилъ ни одного момента, чтобы prince поднялъ на него свои вельможныя очи. Но то ясно было видно, что princesse старушка сидѣла съ поджатымъ брезгливо плечомъ, оставляя между собою и священникомъ столько пустого пространства, сколько позволяло приличіе, чтобы не стѣснить собою князя, чтобы не прикасаться къ нему колѣнами. Но особенно тягостно было видѣть игру нравственнаго напряженія на лицахъ сидящихъ противъ компаньонки и дочери-княжны. Эти лица представляли контрастъ. Одно лицо крупно-грубой топорной брюнетки за 40 лѣтъ. А другое почти строго правильное и типично-красивое, блѣдно-розовое лицо петербургской блондинки лѣтъ 20-ти, или нѣсколько больше. Но на обоихъ лицахъ сколько усилія, чтобы глаза не обратились въ противный уголъ! Сколько дрожанія мускуловъ, сколько выраженія брезгливости и возбужденной ненависти на то, что этотъ противный человѣкъ смѣетъ смотрѣть прямо предъ собою, уткнувшись въ свой уголъ и неподвижно устремляя свои глаза по діагонали купе. Право же, у княжны даже углы губъ дрожали. Такъ нашъ путникъ и промучилъ ихъ volens — nolens до самого Saint Sèrge. Вылѣзши, наконецъ, изъ вагона у Сергія, они, конечно, облегчили свои души и ругнули-же, конечно, по французски или по русски, — а при немъ — спасибо — воздержались, — дерзкаго „попа“, который смѣетъ садиться въ первый классъ.

Понадобилось, далѣе, перевалиться съ Волги на Донъ. Желѣзной дороги тогда отъ Москвы чрезъ Воронежъ на Ростовъ еще не было. Изъ К. болѣе удобнымъ путемъ казался пароходный путь по Волгѣ до Царицына, оттуда желѣзно-дорожный до Калача, а оттуда пароходный

же по Дону, почти до устьевъ. Но это ожидаемое удобство пути на дѣлѣ чутъ-чуть не оказалось путемъ тернистымъ. Сѣли на пароходъ съ вечера. Ночью пароходъ не шелъ по мелководью въ этой верхней судоходной части Дона. Съ разсвѣтомъ, сквозь полубредъ тревожнаго сна, нашъ путникъ разобралъ, что пароходъ то по немногу двигается, то стоитъ на мелководьѣ. Спихнутъ, и онъ пойдетъ далѣе. Такъ проползли ровно 20 верстъ отъ пристани, отъ Калача. Ровно въ 6 часовъ усмотрѣно, что пароходъ стоитъ бокъ-о-бокъ съ другимъ пароходомъ, одинъ носомъ внизъ по Дону, а другой носомъ вверхъ. Путникъ вышелъ на палубу. Оказалось, что все и всѣ спятъ. На обоихъ пароходахъ никакого движенія, никакой заботы. Оказалось, что съ этимъ пароходомъ встрѣтился другой той-же единственной на Дону пароходной компаніи, который тащилъ за собою къ Калачу на Нижегородскую ярмарку три огромныя, тяжело нагруженныя барки. Пришлось ему переваливать вслѣдствіе мелководья отъ одного берега къ другому. Самъ пароходъ перетянулся чрезъ мелководную середину рѣки, одну баржу осилилъ перетянуть, а другая сѣла поперекъ рѣки, въ единственномъ удобномъ для парохода мѣстѣ, третья же стоитъ еще у другого противоположнаго берега, и ее нужно еще перетягивать чрезъ ту же мель, иначе пройти нельзя. Говорили, что чѣмъ дольше эта барка стоитъ, тѣмъ крѣпче ее заноситъ пескомъ, такъ что не останется никакой надежды снять ее съ мели, пока не подымется вода; да если бы ее и удалось стянуть, то путь будетъ такъ засоренъ, что пароходу не останется никакой возможности перевалиться къ противоположному берегу. Забота же о снятіи баржи съ мели въ томъ только и заключается, что два матроса побродили около нее съ полчаса по поясъ въ водѣ и затѣмъ цѣлые часы не предпринималось ровно ничего. Оба парохода погасили свои печи, прекратили пары и стояли бокъ-о-бокъ, преспокойно. А капитаны и прислуга спали. Часовъ около 10-ти утра, не ранѣе всѣ первоклассные пассажиры поднялись и собрались сидѣть на рубкѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ нашъ путникъ познакомился еще въ вагонѣ желѣзной дороги. Въ эту пору, наглядѣвшись на зрѣлище полнѣйшей безпечности относительно продолженія пути, онъ входитъ съ палубы на рубку и совершенно спокойно говоритъ знакомымъ господамъ: „господа, мы должны сдѣлать заявленіе капитану, чтобы принимали же какія-либо мѣры къ очищенію пути, а то вотъ сколько часовъ мы уже простояли и ничего не дѣлается“. — Вдругъ вскакиваетъ господинъ въ бѣломъ военномъ костюмѣ, въ

военной фуражкѣ на головѣ и накидывается на него, буквально накидывается въ сильномъ волненіи.—„Какъ, вы говорите то-то"? — „Да". – „ А не угодно-ли вамъ снять ваши вещи и слѣзть съ парохода"! — „Снять вещи, слезть съ парохода!?" — „Да, вѣдь и распорядиться этимъ могутъ. Вотъ ступайте на берегъ, поѣзжайте, какъ хотите". — „Это не резонъ", – тотъ говоритъ спокойно, — „берегъ пустынный, дороги нѣтъ, лошадей взять негдѣ. Да я и ѣду сюда Богъ знаетъ откуда. По вашимъ объявленіямъ и приглашеніямъ я поѣхалъ сюда, а могъ поѣхать и другимъ путемъ. Напрасно-же вы вводите публику въ заблужденіе. Вы-бы пропечатали, что у васъ тутъ не все благополучно, что проѣзда, собственно, нѣтъ, тогда-бы мы и знали, и отправлялись-бы другими путями". — „Да какъ-же вы говорите мнѣ то-то"?!—возражаетъ военный. — „Я говорилъ это вотъ имъ, а вовсе не вамъ. А кто вы такой, я не имѣю чести знать". — „Да, я капитанъ". — „А, въ такомъ случаѣ позвольте назвать вамъ и себя. Я такой-то. И полагаю, что со мною нужно обращаться вѣжливо и почтительно". — Съ этими словами путникъ спустился внизъ въ каюту. Черезъ нѣсколько минутъ капитанъ спустился туда-же съ извиненіями. Но отъ его извиненій однако-же дѣло не выиграло ни на волосъ. Многочисленная публика пассажировъ, особенно-же третьеклассныхъ, томилась на пароходѣ подъ палящимъ зноемъ уже южнаго солнца. Для большаго ихъ удобства капитанъ, по необъяснимымъ причинамъ, распорядился именно къ полдню снять со всего парохода полотняный брезентъ. У палубниковъ отъ зноя страдали головы. Особенно трогала всѣхъ группа, человѣкъ въ 30, туркестанскихъ хаджи-пилигримовъ, которые ѣхали на поклоненіе въ Мекку. По восточному, разославъ свои войлоки, они сидѣли кучкою на палубѣ въ своихъ чалмахъ, совершая въ положенные часы свои продолжительныя молитвы съ многочисленными земными и поясными поклонами. Они просили первоклассныхъ пассажировъ походатайствовать за нихъ передъ капитаномъ, жалобно указывая на свои палимыя солнцемъ головы, чтобы повѣсили брезентъ. Первоклассники ходатайствовали, но капитанъ остался неумолимъ. Къ полудню пришелъ третій пароходъ снизу, конечно, той-же компаніи и такъ-же сталъ. Тотъ распорядился умнѣе, хотя въ томъ отношеніи, что спустилъ своихъ пассажировъ погулять на берегъ. Пассажиры перваго думали, что ихъ пересадятъ на этотъ пароходъ. Ничего не бывало. Такъ въ полнѣйшей безвѣстности относительно своей судьбы пассажиры и просидѣли на пароходѣ почти до солнечнаго заката, въ томительномъ

нетерпѣніи. Вдругъ часовъ около 6 капитанъ скомандовалъ всѣмъ пассажирамъ лѣзть въ воду и переходить со своими пожитками на третій пароходъ. Нужно было видѣть это зрѣлище. Представьте женщинъ, даже порядочныхъ, представьте стариковъ, офицеровъ, представьте массу разнородныхъ людей, которые вынуждены были спускаться съ парохода прямо въ воду въ полныхъ костюмахъ и брести въ водѣ, по мѣстамъ, далеко выше пояса, чрезъ всю ширину большой рѣки, которая именно въ этомъ мѣстѣ была нарочито широка, почему здѣсь то и образовывалась особенно широкая мель. Нѣкоторые изъ пассажировъ переѣзжали, конечно, за особую плату, на спинахъ матросовъ. Эта церемонія, особенно-же перетаскиванье матросами тяжелой клади, продолжалась не коротко, не менѣе часа времени. Не только третьеклассные, но и второклассные пассажиры перешли Донъ, яко по-суху. Изъ первоклассныхъ-же никто не тронулся, но отъ начальства имъ не говорится ни слова, перевезутъ-ли ихъ, или нѣтъ. Кажется, собственно испытывали, не поспѣшатъ-ли и они перебраться собственною изобрѣтательностью, хотя-бы комическимъ способомъ на спинахъ матросовъ. Кто-то шутя или пробуя, подходитъ къ нашему путнику съ коварною рѣчью: „что-жъ, и ваше—ство пѣшечкомъ"?—На это путникъ отвѣтилъ:—„что-же? я изумлю Россію, надѣну клобукъ и всѣ свои регаліи и перейду по Дону. Это красивѣе и приличнѣе, чѣмъ ѣхать на человѣческой спинѣ". Кажется, именно эта перспектива скандала и, быть можетъ, даже отвѣтственность смутили пароходное начальство, и оно поспѣшило подать первоклассным пассажирамъ лодки, на которыхъ матросы и перетащили ихъ руками безъ веселъ. Солнце сѣло за берегомъ, когда третій пароходъ двинулся внизъ по рѣкѣ. Такимъ образомъ, пассажиры просидѣли на мѣстѣ болѣе 12 часовъ. А почему ихъ сряду не пересадили на новоприбывшій пароходъ, это осталось для насъ неяснымъ и до сегодня. Чуть-ли не въ видахъ кухонной эксплоатаціи. А деньги за продовольствіе брали двойныя, сравнительно даже съ пароходными Волжскими цѣнами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III — VI.

Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста . . . . . 7—103.

Правда противъ хулы. (По поводу посмертной клеветы на почившаго въ Бозѣ митрополита Антонія, бывшаго Новгородскаго и Санктпетербургскаго) . . . . . 105—120.

Памятная записка. Прежде смерти умершій іеромонахъ Валеріанъ 121—192.

Архіепископы Іоаннъ Доброзраковъ и Смарагдъ Крыжановскій . 193—252.

Отрывокъ изъ автобіографіи . . . . . 253—281.

Переѣздъ изъ Риги въ Саратовъ. . . . . 283—324.

Распространеніе идей невѣрія въ Россіи со времени Петра Великаго . . . . . 325—346.

Кончина Преосвященнаго Евѳимія, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго . . . . . 347—389.

Объ одеждѣ и волосахъ, вообще о внѣшнемъ видѣ священниковъ . 391—409.

